

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

- Джон Рональд Роуэл Толкиен
 - Предисловие переводчика
 - HTML версия
 - Введение
 - I
 - «О Туоре и его приходе в Гондолин»
 - «Сказание о Детях Хúрина»
 - - Детство Тúрина
 - Речи Хúрина и Моргота
 - Уход Тúрина
 - Тúрин в Дориате
 - Тúрин среди разбойников
 - Про гнома Mûма

- [Возвращение
Тúрина в Дор-
Лóмин](#)
- [Приход Тúрина в
Бретиль](#)
- [Путешествие
Морвен и Ниэнор
в Нарготронд](#)
- [Ниэнор в Бретиле](#)
- [Приход Глаурунга](#)
- [Гибель Глаурунга](#)
- [Смерть Тúрина](#)
- [Приложение](#)

○ [II](#)

- [«Описание Острова
Нúменор»](#)
- [«Алдарион и Эрендис»](#)
- [«Ветвь Элроса: Короли](#)

Нүменора»

- История Галадриэли и Келеборна, а также Амрота Короля Лóриэнского
- Амрот и Нимродэль

○ III

- «Несчастье на Ирисных Низинах»
- «Кирион и Эорл и дружба Гондора и Рохана»
 - (i) Северяне и кибитники
 - (ii) Поход Эорла
 - (iii) Кирион и Эорл
 - (iv) Завет

Исилдура

- «Эреборский Поход»
- «Охота за Кольцом»
- «Битва на Изенских Бродах»
 - (i)
 - (ii)
- «Карта Средиземья»
- «Дру́эдайн»
- «Истари»
- «Палантúри»

○ Индекс

-
- А
- Б
- В
- Г
- Д

- Ж
- З
- И
- Й
- К
- Л
- М
- Н
- О
- П
- Р
- С
- Т
- У
- Ф
- Х
- Ч
- Ш

- Э
- Ю
- Я

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [33](#)

- [34](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [44](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [49](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [60](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [68](#)
- [68](#)

- [69](#)
- [71](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)

- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [101](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)

- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [118](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [122](#)
- [122](#)

- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [137](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)

- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [147](#)
- [149](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)

- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)

- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)

- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)

- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)

- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [244](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [249](#)

- [249](#)
- [251](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [259](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [262](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [266](#)
- [266](#)

- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [284](#)
- [284](#)

- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [290](#)
- [290](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [293](#)
- [295](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)

- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [307](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)

- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [326](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [334](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)

- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [346](#)
- [346](#)
- [348](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)

- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [368](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [372](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)

- [375](#)
 - [376](#)
 - [377](#)
 - [378](#)
 - [379](#)
 - [380](#)
-

**Джон Рональд Роуэл
Толкиен
Неоконченные
сказания**

Предисловие переводчика

Обычно я стараюсь не браться за дело, которое кто-либо другой может сделать эффективнее, лучше и быстрее меня. За эту работу я взялся, сознавая, что, скорее всего, не буду первым; однако, взялся — исключительно потому, что решил, что смогу не только сделать ее отличной от всех других, которые могут появиться раньше и позже, но также и придать ей особую целесообразность и, так сказать, конкурентоспособность.

Для этого я решил не

оперировать отвлеченными и субъективными, не поддающимися конкретному определению понятиями красоты перевода и не гнаться вовсе за его чрезвычайной литературной красотью, верностью каким-либо идеям или, скажем, повышением количества, масштаба и проницательности проводимых в нем переводчиками (они же, по сложившейся традиции, и комментаторы) параллелей с какими-либо другими произведениями каких-либо авторов, что, возможно, повысило бы литературоведческую ценность труда. Вместо всего этого я избрал себе одну, но вполне достижимую

цель — предельную точность и корректность в обращении с текстом.

Отчасти такой подход был определен и самим характером материала.

«Неоконченные Сказания» представляют собой, как о том говорит в предисловии Кристофер Р. Толкиен (которого, как я считаю, следовало бы называть если не автором этой книги, то по меньшей мере соавтором, столько его труда вложено в нее), не цельное произведение, как «эпопея» «Властелин Колец», и даже не собрание сказаний, увязанных в произведение эпического жанра единой исторической сюжетной линией, пусть даже и не заданной

самим автором, — как «Сильмариллион», — а лишь фрагменты и фрагменты фрагментов сказаний, объединенные только общим предметом, обильно перемежающиеся комментариями и воспринимаемые явно извне, как предмет самоценный и самоцельный. Таким образом, «Неоконченные Сказания» Джона Роналда Руэла и Кристофера Руэла Толкиенов — произведение текстуальное, принадлежащее скорее науке, нежели художественной литературе. Потому и перевод его мне представляется не столько в стиле издательства «Азбука», сколько в стиле серии Литературных

Памятников АН СССР. Такой, повторяюсь, мне видится идея этой книги у Кристофера Р. Толкиена.

В этом ключе я и выполнил перевод. Я старался как можно ближе следовать оригиналу, его духу — насколько мне хватило моего понимания — и букве, форме, синтаксису — насколько мне хватило моих познаний в этой области. Возможно, порой это делалось в ущерб качеству русского текста, искажая живое течение рассказа, его внутренний ритм, логику и стилистический строй; впрочем, я старался избегать этого. Возможно, местами кальки оригинала — те, которые прошли через суровую

корректуру, коей я всецело обязан
Тикки А. Шельен — отбрасывают
нежелательные тени на конструкции
перевода. Однако, мне кажется, что
итоговый текст все же вполне
читается; некоторые
предварительные испытания
подтвердили это.

Зато, читая этот перевод, вы
можете быть уверенными, что
читаете Толкиена, без примесей и
искажений: переводчик не опустил
ничего и ничего не прибавил от себя,
особенно в местах, которые могут
повлиять на восприятие и
понимание ключевых или
идеологически важных моментов;
что переводчик не произвел неявным

для читателя образом никаких интерпретаций фактов в связи с концепциями, которых придерживается сам (конечно, это могло произойти образом, неявным и для меня самого, но я думаю, что от этого не застрахован никто, и живой переводчик не может, да и навряд ли должен быть абсолютно объективным); что переводы имен собственных сделаны самым аккуратным образом и для совместимости с вашим любимым переводом приводятся вместе с оригиналами (в фигурных скобках каждый раз при первом упоминании в разделе), и вам не придется гадать, кто такой был «Всеславур» или

«Старый Крол» и где находились «Засумки» или «Щель Сияния»; а также что переводчик не приписал автору никаких своих представлений о нем — хотя они есть и достаточно подробно изложены в других моих трудах, см., например, мои доклады на Семинарах СПб Толкиновского общества, «Начальный курс квенья для русскоговорящих», уложениях и документах Херена Элендилион и др. Мне кажется, что по детерминированности и степени влияния на читателя мои представления о возможном онтогенезе у Дж. Р.Р.Толкиена тех или иных фактов и терминов не превышают детерминированности и

степени влияния на читателя представлений об этом Кристофера Толкиена, которому я безоговорочно и охотно отдаю пальму первенства во всем, что касается знания и понимания мотивов и природы мысли его отца. Мое мнение повсюду *ad libitum*, и оно не вписано между строк перевода, а вынесено, там, где изложить его я счел необходимым, в примечания переводчика в конце каждого раздела.

Язык перевода выбирался мною интуитивно по ощущению, которое задавал оригинал; и придерживался я его в меру своих способностей. По моему мнению, в зависимости от времени создания

(библиографического,
филогенетического времени) и от
места различных «неоконченных
сказаний» в средиземской истории
(хронологического,
онтогенетического времени) язык их
постепенно движется от архаичного
ко вполне современному, нигде не
теряя в то же время ясности,
внутренней полноты и красоты
слога. Я попытался передать это
доступными мне средствами. В
книге *«Теория перевода»*
А.Д.Швейцер пишет: «Сохраняя
художественное своеобразие и
историческую достоверность
подлинника, переводчик, по словам
И.А.Кашкина, не может отказаться от

своего права «в просвещении стать с веком наравне». «Реалистический перевод, — пишет он, — предполагает троякую, но единую по существу верность: верность подлиннику, верность действительности, верность читателю (И.А.Кашкин, «Для читателя-современника: статьи, исследования»). Попытка передать исторический колорит подлинника», — продолжает А.Швейцер, — «иногда приводит к привнесению чуждых исходной культуре ассоциаций. Когда переводчик переводит классическое произведение намеренно архаизированным языком, архаичный

язык становится элементом художественной формы, приобретая содержательность, чуждую авторскому замыслу». Надо ли дополнительно говорить о том, как опасны такие экзерциции с текстом, имеющим столь драматическую важность для ряда его юных читателей?

Еще об именах собственных, подлежащих переводу. Этот вопрос, как известно, является узким местом всех переводов, поскольку требует от переводчика знания, глубокого и тонкого чутья не только английского языка, но и своего родного, а также языковой среды, окружающей эти языки и обогащающей его

взаимопроникновениями. Сам я похвастать таким чутьем не могу, как мне кажется, а потому был вынужден в этом вопросе навязывать читателю определенное субъективное мнение, поскольку обойти его совсем, как я обошел вопрос о художественной и идеологической ценности перевода, я все же не мог. Здесь мне пришлось пойти на некоторый ненаучный волюнтаризм, но обходного пути не было. Там, где без перевода имени собственного обойтись было нельзя, я воспользовался Сводной Таблицей переводов имен собственных, позаимствованной мной у г-жи Н.Г.Семеновой, откуда выбрал варианты, показавшиеся мне

наиболее удачными (или наименее неудачными). Личное мнение мое, нашедшее, может быть, до определенной незначительной степени отражение в переводе, заключается в том, что Кистямуровский вариант в плане вышесказанного является наилучшим, хотя в плане корректности и мало приемлем. Как я уже говорил, мне гораздо важнее создать возможно более корректный и удобочитаемый текст, «живой и полный сил», нежели проявить свою индивидуальность в создании собственных, «альтернативных» вариантов.

Далее следуют примечания,

призванные помочь читателю
ориентироваться в издании.

HTML версия

В тексте в фигурные скобки заключены и выделены {фрагменты оригинала и имена собственные в авторском написании}. В двойные угловые кавычки заключены <<цитаты из Дж. Р.Р.Толкиена>> в тексте К.Толкиена. В прямые скобки заключены [комментарии К.Толкиена] в тексте Дж. Р.Р.Толкиена.

Примечания К.Толкиена в основном тексте главы выполнены им в виде сносок в конце главы. В приложениях к главам примечания сделаны в виде постраничных

сносок; в данной версии они вынесены в отдельный фрейм. В тексте ссылки на эти примечания отмечены арабскими цифрами.

Желаю вам приятно и полезно провести время, читая мой перевод. Я посвящаю свой труд обеим фратриям Маленького, Но Очень Гордого Племени, из которого сам я родом. Заслугу, созданную текстом, посвящаю благу всех живых существ.

Степан М. Печкин

Лето 1996 — Лето-осень 2000

Санкт-Петербург — Иерусалим

Введение

Проблемы, встающие перед тем, кто несет ответственность за работы покойного автора, разрешить нелегко. Иные в таком положении могут предпочесть не публиковать никаких материалов за исключением лишь тех работ, которые на момент смерти автора были полностью завершены. В случае с неопубликованными сочинениями Дж. Р.Р.Толкиена эта политика может на первый взгляд показаться верной; поскольку сам он, в высшей степени критичный и пунктуальный в своих работах, не допускал и мысли о том,

чтобы выпустить в свет даже много более завершённые повествования без значительной обработки.

С другой стороны, природа и масштаб фантазии этого автора, как мне кажется, ставят даже отброшенные им повести в особое положение. Для меня не стояло вопроса, оставлять ли в неизвестности *«Сильмариллион»*, несмотря на его беспорядочное состояние и известные, хотя и не исполненные, намерения отца переделать его; однако, в данном случае после долгих размышлений я решил представить это произведение не в форме исторического труда — собрания разнородных текстов,

перемежающихся комментариями — а как законченное целое. В этой же книге повествования основываются на совершенно другом принципе: вместе взятые, они не представляют собой целого, и книга эта — не более, чем собрание работ о Нүменóre и Средиземье, различных по форме, цели, законченности и дате написания, а равно и по моему обращению с ними. Но доводы в пользу публикации этих работ по своей природе не столь отличны — хотя, может быть, и менее убедительны — от тех, которыми я оправдываю публикацию «Сильмариллиона». Тот, кто не прошел мимо образов Мелькора и

Унголианты, глядящих с вершины Хьярментира на <<луга и поля Яванны, золотящиеся высокими хлебами богов>>; теней воинства Финголфина, отброшенных на Запад первым восходом Луны; Берена, в волчьем обличе рыскающего под троном Моргота; или света Сильмарилла, явившегося внезапно во тьме Нелдоретского Леса — тот, я уверен, найдет, что все несовершенства формы этих сказаний с избытком перевешивает голос Гэндальфа — слышимый теперь в последний раз — который дразнит величавого Сарумана на собрании Белого Совета в году 2851-ом или рассказывает по окончании

Войны Кольца в Минасе Тирит о том, как вышло, что Гэндалф отправил гномов на пирушку в Торбуна-Круче; восстающий из моря у Виньямара Ульмо Владыка Вод; Маблунг Дориатский, притаившийся, <<словно полевая мышь>>, в руинах Нарготрондского моста; и гибель Исилдура, выбравшегося на илистый берег Андуина.

Многие фрагменты этого собрания — это развитие линий и тем, описанных или упомянутых кратко в других местах; и надо сразу сказать, что многое в этой книге будет сочтено не заслуживающим внимания теми из читателей

«Властелина Колец», которые, считая историческое сложение Средиземья элементом сопутствующим, а не самоценным, обстоятельством действия, а не его целью, не испытывают большого желания исследовать его далее ради него самого, которые не стремятся узнать, как были организованы Всадники Роханской Марки, и охотно оставят Диких Людей Дрúаданского леса там же, где встретили их. Отец наверняка не счел бы их неправыми. В письме, написанном в марте 1955 года, перед публикацией третьего тома «Властелина Колец», он писал:

<<Я уже жалею, что

пообещал эти приложения!
Ибо мне кажется, что их
появление в усеченном и
сжатом виде не
удовлетворит никого — во
всяком случае, не меня; и
уж точно — не авторов
(того невероятного
количества) писем,
которые я получаю; не
людей, которым это
нравится — а таких
поразительно много; тогда
как те, кому книга эта
нравится лишь как
«героический роман», и те,
кто считает «туманные
дали» лишь эффектным

литературным приемом,
пренебрегут этими
приложениями, и очень
правильно сделают.

Сейчас я не вполне
уверен, что тенденция
относиться ко всему этому
как к огромной игре, так
уж хороша — уж точно не
для меня, ибо я считаю, что
все это слишком фатально.
То, что такое множество
людей ищет чистой
«информации» или
«знания», как я полагаю,
вызвано действием,
которое оказывает история,
когда она основывается на

тщательно проработанных
и подробных трудах в
области географии,
хронологии и языка.>>

В письме, написанном годом
позже, отец пишет:

<<...в то время, как
многие, подобно вам,
требуют карты, другие
желают вместо названий
геологические данные;
многие хотят получить
эльфийские грамматики,
фонологии и уточнения;
иные спрашивают о
стихотворных размерах и

просодиях... Музыканты
хотят мелодий и
музыкальных обозначений;
археологи ищут керамику и
металлургию; ботаники
требуют более точных
описаний *маллорна*,
эланора, *нифредиля*
{*niphredil*}, *альфирина*,
маллоса и *симбельмине*
{*symbeltunë*}; историки
дознаются о подробностях
общественного и
политического устройства
Гондора; просто
любопытные хотят
сведений о кибитниках, о
Хараде, о происхождении

гномов, о Мертвом Народe,
о Беорнингах и о двух
недостающих волшебниках
из пяти.>>

Но, как бы мы ни смотрели на
эту проблему, для многих, и в том
числе для меня, значение много
большее, чем простое узнавание
любопытных подробностей,
заключается в том, что нуменорец
Веантур привел свой корабль
«Энтулессе», «Возвращение», в
Серые Гавани по весенним ветрам
года шестисотого Второй Эпохи, что
могилу Элендила Высокого устроил
его сын Исилдур на вершине горы-
маяка Халифириэн, что Черный

Всадник, которого хоббиты видели на том берегу у Зайгородского Парома, звался Хамûлом и был начальником дол-гулдурских Призраков Кольца — и даже в том, что бездетность Тараннона, двенадцатого Короля Гондора, отмеченная в Приложении к «Властелину Колец», связана с доселе совершенно неизвестными кошками Королевы Берúтиэли.

Составление этой книги было трудным, и вышла она сложной. Все повествования в ней «неоконченные», в большей или меньшей степени и в разных смыслах слова, и все они требуют разного обращения с собой; кое-что я скажу в

свое время чуть ниже о каждом из них, а здесь обращаю внимание читателя только на некоторые общие особенности.

Самым важным вопросом является вопрос «внутренней связности», наилучшим образом иллюстрируемый разделом, который озаглавлен «История Галадриэли и Келеборна». Это — «Неоконченное Сказание» в широком смысле слова: не внезапно обрывающийся рассказ, как в «О Туоре и его приходе в Гондолин», и не набор отрывков, как в «Кирионе и Эорле», но целая ветвь истории Средиземья, которая так и не была до конца решена, не говоря уже об окончательной письменной

форме. Поэтому включение неопубликованных повествований и набросков повествований, касающихся этого предмета, требует воспринимать историю не как фиксированную и независимо существующую реальность, о которой «сообщает» автор, будучи переводчиком или редактором, но как замысел, который растет и развивается в его представлении. Если автор сам не смог опубликовать свой труд, подвергнув его предварительно своему авторскому детальному рассмотрению и согласованию, то сведения о Средиземье, найденные в его неопубликованных работах, часто

будут противоречить тому, что уже «известно»; и новые элементы, помещаемые в это издание, будут относиться не столько к истории самого открытого мира, сколько к истории его открытия. В этой книге я с самого начала принял это за основу; и, за исключением незначительных деталей, таких, как перемены в именах, где сохранение того, что написано в рукописи, привело бы к искажениям или лакунам, я не правил текст с целью соответствия с опубликованными работами, а лишь обращал внимание читателей на эти противоречия и изменения. В этом отношении «Неоконченные Сказания»

существенно отличаются от «Сильмариллиона», где важнейшей, хотя и не единственной, задачей редактирования было достичь целостности, как внутренней, так и внешней; и, за исключением нескольких особо оговоренных случаев, я действительно отношусь к «Сильмариллиону», как к законченному источнику сведений, таким же образом, как и к сочинениям, опубликованным отцом собственноручно, не принимая во внимания бесчисленные «неавторизованные» выборы между вариантами и противоречивыми версиями, сделанные в процессе его создания.

По содержанию эта книга полностью повествовательна или описательна: я не включил в нее все сочинения о Средиземье и Амане более философского или спекулятивного плана, а там, где такого рода вопросы время от времени все же поднимаются, я не вдавался в них. Я избрал простое строение, разделив тексты на Части, соответствующие первым Трем Эпохам Мира, и здесь таится неизбежная неточность, как например в случае легенды об Амроте и ее разбора в «Истории Галадриэли и Келеборна». Четвертая Часть — это дополнения, включение которых в книгу, названную

«Неоконченные Сказания», может потребовать некоторого пояснения, поскольку вещи, содержащиеся в ней, являются отвлеченными очерками лекционного плана с небольшим содержанием или вовсе без элемента «сюжетности». Рассказ о Дрúэдаине на деле обязан своим включением в книгу сказке «Верный Камень», являющейся небольшой его частью; этот раздел также привел меня к мысли о том, чтобы представить такие же рассказы об Истарах и Палантúрах, поскольку всем этим, особенно последним, интересовались очень многие.

Примечания местами могут показаться излишне частыми и

подробными, но понятно, что там, где они встречаются наиболее часто, виной тому не столько редактор, сколько автор, который в своих поздних работах был склонен сочинять именно так, сводя несколько предметов в одно посредством соединяющих их примечаний. На всем протяжении книги я старался сохранять ясность в том, что относится к редактуре, а что нет. Ввиду изобилия оригинального материала в примечаниях и приложениях, я счел за лучшее не ограничивать в Индексе ссылки самими текстами, но покрыть ими всю книгу, за исключением Введения.

На всем протяжении книги я предполагаю у читателя хорошее знание опубликованных работ отца, в особенности — «Властелина Колец», поскольку иначе это значительно увеличило бы количество редакторской работы, которой чересчур много и без того. В то же время я включил в Индекс краткие определения почти всех основных терминов, надеясь избавить читателя от постоянных сверок с другими книгами. Если в своих пояснениях я оказался неадекватен или ненамеренно туманен, «Полный Путеводитель по Средиземью» мистера Роберта Фостера, как я обнаружил в ходе частого

употребления — превосходный источник для сверки.

//Ссылки на «Сильмариллион» даются по изданию «Гиль Эстель» М., 1992; на «Властелин Колец» — по названию тома, номеру книги и номеру главы. — Прим. Перев.//

Каждый раздел предваряют заметки в основном библиографического характера.

I

«О Туоре и его приходе в Гондолин»

Отец не раз говорил, что «Падение Гондолина» было первым из сочиненных им сказаний о Первой Эпохе, и нет никаких оснований отрицать это. В письме, датированном 1964 г., он сообщал, что записывал его <<прямо из головы» во время пребывания в госпитале в армии в 1917 г.>>, а порою датировал его написание 1916 и 1916-17 гг. В письме ко мне, написанном в 1944 г., он говорил: <<«Я начал писать его»>> («Сильмариллион») <<в блиндажах,

полных людей, где вовсю гремели граммофоны»>>; и действительно, стихотворение, в котором впервые появляются Семь Имен Гондолина, записано на обороте документа, перечисляющего «субординацию ответственности в батальоне». Самая первая рукопись, занимающая две маленьких школьных тетрадки, существует и поныне; она написана карандашом, беглым почерком, а затем в большей части своей переписана поверх текста чернилами и значительно исправлена. На основе этого текста моя мать где-то около 1917 г. сделала чистовую копию; но и та впоследствии была существенно отредактирована — я не могу точно

определить, в какое время, но, вероятно, в 1919-20 гг., когда отец работал в Оксфорде в составе группы, заканчивавшей Словарь. Весной 1920 г. он был приглашен на чтение в Эссе-Клуб своего колледжа (Эксетер); и там он зачитал «Падение Гондолина». Существуют заметки, которые он делал, представляя свое «эссе». В них он извинялся за то, что не смог представить критический очерк, и продолжал: <<Посему я вынужден зачитать произведение, написанное заранее, и в отчаянии остановил свой выбор на этом Сказании. Оно, разумеется, доныне не публиковалось... В моем воображении в последнее время

вырос — скорее, выстроился — целый цикл придуманных мною событий в Эльфинессэ. Некоторые эпизоды уже записаны... Это сказание — не лучший из них, но наиболее завершённый и обработанный, и его, несмотря на незначительность и недостаточность этой обработки, я осмелюсь зачитать вслух.>>

«Сказание о Туоре и Изгнанниках Гондолина», как называется «Падение Гондолина» в ранних рукописях, оставалось долгие годы нетронутым, хотя на каком-то этапе, вероятнее всего, между 1926 и 1930 гг., отец записал краткую, сжатую версию этой истории,

которая стала частью «*Сильмариллиона*» (название, кстати, впервые появляющееся в письме в «Обозреватель» от 29/II.38); и эта версия была существенно изменена для корреляции с изменившимися концепциями в других частях книги. Много позже отец начал работу над совершенно новой версией, озаглавленной «О Туоре и Падении Гондолина». Весьма похоже, что она была написана в 1951 г., когда «*Властелин Колец*» был уже закончен, но публикация его еще оставалась под вопросом. Глубоко измененное в стиле и деталях, но сохраняющее большинство из существенных моментов истории,

написанной в молодости, сказание «О Туоре и Падении Гондолина» впервые в ясных подробностях представляет всю легенду, которая вкратце изложена в гл. 23 опубликованного «Сильмариллиона»; но, к великому сожалению, отец не пошел дальше описания прихода Туора и Воронвэ к последним вратам и вида Гондолина и долины Тумладен, открывшегося Туору. О причинах этого обрыва мне не известно ничего.

Этот текст и приводится здесь. Во избежание путаницы я переименовал его «О Туоре и его Приходе в Гондолин», поскольку о гибели города в нем не говорится

ничего. Как и во всех работах моего отца, здесь существуют разночтения, и в одном небольшом отрывке — несколько противоречивых вариантов; посему определенная редактура была необходима.

Таким образом, важно отметить, что единственным полным произведением отца об истории прихода Туора в Гондолин, его союза с Идрилью Келебриндаль, рождении Эарендила, предательстве Маэглина, гибели города и бегстве уцелевших его жителей — истории, занимающей основное место в его представлении о Первой Эпохе — было сказание, сочиненное им в молодости. Однако это, самое

замечательное, сказание, безусловно, не годится для включения в эту книгу. Оно написано в манере в высшей степени архаичной, какой пользовался тогда отец, и в ней неизбежно содержится масса неувязок с миром «Властелина Колец» и «Сильмариллиона» в его опубликованном виде. Оно принадлежит к самым ранним стадиям работы над мифологией, «Книге Утерянных Сказаний», которая является весьма состоятельной работой, представляющей огромную ценность для всех, кто интересуется происхождением Средиземья, но не может быть опубликована иначе, чем

в сочетании с серьезным и комплексным сопроводительным материалом.

О Туоре и его приходе в Гондолин

Рúан, жена Хуора, жила в народе Дома Хадора; когда же в Дор-Лóмин {Dor-lómin} пришли вести с Нирнаэ́та {Nirnaeth} Арноэ́диад, а о своем муже она не узнала ничего, она обезумела от горя и стала бродить одиноко в глуши. Там бы она и пропала, но Серые эльфы пришли ей на помощь. Ибо в горах к западу от озера Митрим {Mithrim} было поселение этого народа; и туда они привели ее, и там до скончания Года Скорби она разрешилась сыном.

И сказала Ру́ан эльфам:

— Пусть будет имя его Туор, ибо это имя выбрал его отец до того, как война разлучила нас. Прошу вас вырастить его и сохранить меж вами; ибо предвижу, что много добра произойдет от него эльфам и людям. Я же должна отправиться на поиски Хуора, господина моего.

И эльфы утешали ее, но некто Аннаэль, единственный, кто вернулся домой из всех, ушедших в том народе на войну, сказал ей:

— Увы, госпожа, известно, что Хуор пал подле Ху́рина, брата своего; и лежит он, думается мне, в великой горе тел, что орки сложили на поле битвы.

Тогда Ру́ан пошла и покинула жилища эльфов, и прошла через землю Митрим и пришла, наконец, к Хауду-эн-Нденгин {Haudh-en-Ndengin} в пустоши Анфауглима {Anfauglith}, и там легла и умерла. О сыне же Хуора позаботились эльфы, и Туор вырос меж них; и был он прекрасен лицом и золотоволос, по роду отца его, и стал силен, и высок, и могуч, а будучи возвращен эльфами, знаниями и умениями был он не беднее королевичей Эдайна, пока не пал еще Север.

Но с течением лет жизнь былых жителей Хитлума {Hithlum}, эльфов и людей, становилась все труднее и

опаснее. Ибо, как сказано, Моргот {Morgoth} порушил свои обещания истерлингам, служившим ему, и отказал им в богатых землях Белерианда, на которые те зарились, а привел этот злой народ в Хитлум и там повелел им селиться. И, хотя истерлинги не почитали более Моргота, они продолжали служить ему из страха перед ним и ненавидели всех эльфов, а оставшихся людей Дома Хадора, большей частью женщин и детей, презирали, и угнетали их, и брали женщин их за себя силою, и отнимали их земли и добро, а детей их сделали своими рабами. Орки ходили по той стране свободно,

преследуя уцелевших эльфов и загоняя их в горы, и многих, взяв в плен, уводили в копи Ангбанда рабами Моргота.

Потому Аннаэль увел свой немногочисленный народ в пещеры Андрота {Androth}, и там жили они укромной и трудной жизнью, пока Туору не исполнилось шестнадцать лет, и не стал он силен и не овладел оружием — топором и луком Серых эльфов; и сердце его разожглось от тягот его народа, и захотел он идти мстить оркам и истерлингам. Но Аннаэль запретил ему.

— Видится мне, что далек еще твой час, Туор сын Хуора, — сказал он. — А земля эта не будет свободна

от тени Моргота, покуда не будет перевернут сам Тангородрим {Thangorodrim}. Потому решили мы оставить ее и уйти на Юг; и ты отправишься с нами.

— Но как же мы ускользнем из сетей, что расставили наши враги? — спросил Туор. — Ведь такое большое шествие непременно будет замечено.

— Мы не будем идти по земле открыто, — ответил Аннаэль, — а, если удача выпадет нам, выйдем на тайный путь, что зовется меж нас Аннон-ин-Гэлид {Annon-in-Gelydh}, Врата Нолдора; ибо созданы они были искусностью этого народа давным-давно во дни Тургона.

При этом имени Туор

встрепенулся, хотя и не знал, почему, и стал расспрашивать Аннаэля о Тургоне.

— Он — сын Фингольфина, — отвечал Аннаэль, — и признан Верховным Королем Нолдора со времени гибели Фингона. Ибо он живет ныне, его больше всех боятся Морготовы слуги, и он ушел невредимым с битвы Нирнаэта, когда Хúрин Дор-Лóминский и твой отец Хуор прикрыли за ним броды Сириона.

— Так я пойду искать Тургона, — сказал Туор, — ибо он наверняка поможет мне во имя отца моего.

— Не можешь ты идти искать

его, — возразил Аннаэль, — ибо твердыня его сокрыта от глаз эльфов и людей, и мы не знаем, где стоит она. Из нолдоров кто-нибудь, быть может, знает путь к ней, но они не скажут его никому. Но если ты хочешь переговорить с ними, то отправляйся со мной, как сказано тебе; ибо в дальних гаванях Юга ты встретишь путников из Сокрытого Королевства.

Так и случилось, что эльфы оставили пещеры Андрота, и Туор пошел с ними. Но враги следили за их поселением и вскоре прознали про их бегство; и не успели эльфы спуститься с гор в долину, как великое полчище орков и

истерлингов напало на них, и они были разметены и старались скрыться в наступавшей ночи. Сердце же Туора зажглось огнем битвы, и он не бежал, а, хоть и был молод, взял топор, как его отец до него, и долго сражался, и многих, напавших на него, уложил; но под конец был он побежден и взят в плен, и приведен к истерлингу Лоргану. Этот Лорган был главою всех истерлингов и правил всем Дор-Лóмином как вассал Моргота; и Туора взял он себе в рабы. Горька и тяжела стала жизнь Туора; ибо Лоргану нравилось терзать Туора тем злее, что был Туор из рода прежних владык, и силился Лорган, как мог,

сломить гордость Дома Хадора. Но Туор был мудр, и всю боль и насмешки сносил терпеливо; так что со временем участь его облегчилась, и по крайности он не умер с голоду, как многие несчастные рабы Лоргана. Ибо Туор был силен и умел, а Лорган кормил свой рабочий скот, пока рабы были молоды и могли работать.

Спустя три года рабства Туору представилась возможность бежать. Он уже почти вырос и был выше и проворнее любого истерлинга; и, будучи однажды послан с другими рабами на работы в лес, он внезапно набросился на стражу, перебил ее топором и бежал в горы. Истерлинги

охотились на него с собаками, но тщетно; ибо все почти собаки Лоргана были в дружбе с Туором и, набегая на него, ластились к нему и бежали назад по его приказу. Так Туор вернулся в пещеры Андрота и зажил там один. И четыре года был он беззаконным бродягой в стране своих отцов, угрюмый и одинокий; и имя его наводило страх, ибо часто он выходил и убивал столько истерлингов, сколько мог. Тогда они назначили высокую цену за голову его; но никто не осмеливался приблизиться к его убежищу даже большой силой, ибо истерлинги боялись эльфов и сторонились пещер, в которых те обитали. Но

говорят, что в походы Туор пускался не из мести; всюду искал он Врата Нолдора, о которых говорил Аннаэль. Но не нашел Туор Врат, потому что не знал, где искать их, а те немногие эльфы, что оставались еще в горах, не слыхали о них.

И узнал Туор, хоть удача и благоволила ему, что неверна жизнь беззаконного бродяги, коротка и безнадежна. Не желал он всю жизнь прожить дикарем в глуши, в бесприютных горах, и сердце звало его к великим делам. Говорится, что в этом проявилась воля Ульмо. Ибо Ульмо собирал вести обо всем, что творилось в Белерианде, и каждый поток, протекавший через

Средиземье в Великое Море, был его вестником и посланцем; и пребывал он в старинной дружбе с Кúрданом {Círdan} и Корабельщиками в Устьях Сириона^[1]. А в то время больше всего заботила Ульмо судьба Дома Хадора, ибо в замыслах его они многое должны были сделать в помощь Изгнанникам, как хотел того Ульмо; и хорошо знал он о желании Туора, ибо Аннаэль и многие из его народа выбрались все же из Дор-Лóмина и пришли к Кúрдану на дальний Юг.

Так случилось, что в один из дней начала года (двадцать третьего после Нирнаэта) Туор сидел у

родника, что бил возле самой пещеры, в которой он жил, и глядел на запад, где солнце садилось в облака. И в сердце его вспало, что не может он ждать более, а желает встать и отправиться в путь.

— Покину я, наконец, унылую страну моего народа, которого нет больше, — воскликнул Туор, — и отправлюсь искать свою судьбу. Но куда же повернуть мне? Долго искал я Врата, и не нашел их.

Тогда Туор взял арфу, что всегда была при нем и на которой он хорошо играл, и, не боясь того, что в глуши далеко будет слышен его чистый голос, запел песню Северных эльфов, поднимавшую дух. И когда

он допел ее, родник у его ног вдруг вскипел, переполнившись водою, вышел из берегов и ручьем хлынул вниз по скалистому склону. Туор решил, что это знак ему, и, поднявшись на ноги, пошел за ручьем. Так он спустился с высоких гор Митрима и вышел на равнину Дор-Лóмина к северу от них; а ручей все полнился, и Туор шел по его берегу на запад, пока вдали не показались длинные серые гряды Эреда Лóмин, тянувшиеся там с севера на юг, огораживая дальние прибрежья Западных Берегов. Ни в одном из своих походов не заходил Туор в эти горы. Здесь, вблизи гор, местность снова стала каменистой и

изломанной, и вскоре земля начала подниматься под ногами Туора, а ручей побежал в каменном ложе. Но едва мглистые сумерки легли в третий день его путешествия, как перед Туором встала каменная стена, в которой было отверстие наподобие огромного свода; и ручей скользнул в нее и пропал. В унынии и отчаянии Туор воскликнул:

— Так надежда моя обманула меня! Знак в горах привел меня лишь к этой черной дыре посреди страны моих врагов.

И с омраченным сердцем сел Туор посреди камней на высоком берегу ручья, глядя в холодную беспросветную ночь; ибо стоял еще

месяц сүлимэ {Súlimë}, и весна не добралась до этих северных земель; а с востока дул пронизывающий ветер.

Но чуть только восходящее солнце засветилось бледно в туманах далекого Митрима, как Туор услышал голоса, а взглянув вниз, увидел он с удивлением двух эльфов, переходивших ручей; и когда они поднялись по ступеням, выбитым в скальном берегу, Туор поднялся и окликнул их. Они мгновенно обнажили сверкающие мечи и бросились к нему. И Туор увидел, что под серыми плащами их были латы; и изумился он, ибо они были статнее и красивее всех эльфов, каких он знал

до того, потому что дивный свет струился из глаз их. Он стоял во весь рост и ждал их; и когда эльфы увидели, что в руках его нет оружия, а он поприветствовал их по-эльфийски, они вложили мечи в ножны и чинно заговорили с ним. И сказал один:

— Гельмир и Арминас наши имена; мы из народа Финарфина. А ты не из тех ли аданов былых времен, что жили в этой земле до Нирнаэта? И уж воистину, вижу я, из рода Хадора и Хурина ты; об этом говорит золото волос.

И Туор отвечал:

— Да, я Туор сын Хуора, сына Галдора, сына Хадора; но сейчас хочу

я покинуть эту страну, в которой я — безродный бродяга.

— Тогда, если ты хочешь уйти и найти гавани Юга, — сказал Гельмир, — то ты на верном пути.

— Так и я думал, — сказал Туор. — Ибо я следовал за струей воды, внезапно вырвавшейся из горы, пока она не слилась с этим неверным потоком. Теперь же я не знаю, куда идти мне, ибо он уходит во тьму.

— Через тьму можно выйти к свету, — сказал Гельмир.

— Лучше все же, покуда можешь, ходить под солнцем, — ответил Туор. — Но раз вы из того народа, скажите мне, если можете, где стоят Врата Нолдора? Ибо я долго

искал их, с тех пор, как приемный отец мой Аннаэль из Серых эльфов рассказал мне о них.

Тут эльфы рассмеялись и сказали ему:

— Окончен твой поиск; ибо мы сами только что прошли через те Врата. Вот они, перед тобою! — и они указали на свод, под который втекал поток. — Идем же! Через тьму ты выйдешь к свету. Мы выведем тебя на путь, но далеко проводить не сможем; ибо наш путь лежит обратно в земли, которые мы покинули по важному делу.

— Но не бойся, — сказал Гельмир. — Великая судьба отпечатана на твоём челе, и она

уведет тебя далеко от этих мест, и далеко от самого Средиземья, как видится мне.

Тогда Туор вслед за нолдорами сошел по ступеням и вброд перешел холодные воды, а затем они прошли в тень под каменным сводом. Тут Гельмир достал один из тех светильников, которыми славился Нолдор; ибо сделаны они были в старину в Валинóре, и ни ветер, ни вода не могли загасить их, а, открытые, они светили пламенем чистого голубого света, заключенным в белом кристалле^[2] Гельмир поднял светильник высоко над головой, и при свете его Туор увидел, что река убегает вниз по узкому каменному

ложу, но по берегу ее тянутся ступени, уводящие вперед и вниз в темноту, не освещаемую светильником.

Спустившись к самому подножию этой лестницы, они оказались под огромной скалой, и здесь река обрушивалась вниз с шумом, разносимым эхом по пещере, а затем уходила под скалы в другой проем. У водопада нолдоры остановились и пожелали Туору доброго пути.

— Теперь мы должны вернуться и поспешить своим путем, — сказал Гельмир, — ибо грозные дела творятся нынче в Белерианде.

— Не настал ли уж час

выступать Тургону? — спросил Туор.

Тут эльфы посмотрели на него с удивлением:

— Это дело более Нолдора, чем сынов людей, — сказал Арминас. — Что ты знаешь о Тургоне?

— Немного, — отвечал Туор, — сверх того, что отец мой помог ему уйти с Нирнаэ́та, и что в его тайной твердыне живет надежда Нолдора. Но, не знаю, отчего, имя его все время волнует мое сердце и лежит на устах моих. И, будь моя воля, я отправился бы искать его, чем идти по этому пути, темному и страшному. Если только это не тайная дорога к его жилищу?

— Кто знает? — отвечал

эльф. — Ибо как жилище Тургона тайно, так тайны и все пути к нему. Мне они неведомы, хоть я и искал их долго. Но если бы я и знал их, то не открыл бы ни тебе, никому среди людей.

Гельмир же сказал:

— Однако, слышал я, что Дом твой в почете у Владыки Вод. А если промысел его ведет тебя к Тургону, то ты придешь к нему, куда бы ты ни шел. Ступай же теперь дорогой, к которой вода привела тебя с гор, и не бойся. Не долго будешь ты идти во тьме. Прощай! И не думай, что встреча наша была случайной; ибо Живущему в Глубинах многое еще подвластно на этой земле. *Анар*

калува тизэльянна!

С этим нолдоры повернулись и ушли вверх по длинным лестницам; Туор же все стоял, пока свет их светильника не скрылся, а он не остался один во мраке чернее ночи и в шуме водопада. Тогда, собравшись с духом, он коснулся левой рукой каменной стены и на ощупь двинулся вперед, сперва медленно, потом быстрее, когда глаза его привыкли к темноте, и он не обнаружил никаких препятствий. Спустя долгое, как показалось ему, время, Туор устал уже, но не хотел отдыхать в мрачной пещере, а вдалеке перед собою он увидел вдруг свет; заторопившись к нему, вышел в узкое и глубокое

ущелье и, вдоль шумного потока, бежавшего по дну того ущелья, наружу в золотой вечер. Ибо был он в глубокой низине, выходявшей прямо на запад; и перед ним в ясном небе садилось солнце, освещая низину и блистая на стенах ее золотым огнем, а воды реки сверкали золотом и пенились, искрясь, о камни.

По этому ущелью двинулся Туор теперь в великом восхищении и надежде, найдя под южной стеной тропу, шедшую по узкой полоске земли. И когда спустилась ночь, и река стала невидимой, и только свет высоких звезд отражался в темных омутах ее, он остановился там и лег спать; ибо возле этой реки, в водах

которой струилась сила Ульмо, он не испытывал страха.

С рассветом Туор вновь пустился в путь без спешки. Солнце встало за его спиной и поднялось над головой его, и там, где вода бурлила в камнях или падала с небольших порогов, по утрам и вечерам сплетались над потоком радуги. Потому он назвал это ущелье *Кири́т Нинниах* {*Cirith Ninniach*}.

Так Туор шел неспешно три дня, и пил лишь холодную воду, но не чувствовал голода, хотя в реке множество рыб мерцали золотом и серебром или сверкали цветами радуг, висевших в брызгах над водой. А на четвертый день русло реки

расширилось, и стены ущелья стали ниже и более пологи; но река сделалась еще глубже и мощнее, ибо высокие горы окружили ее, и новые воды текли с них в Кирит Нинниях сверкающими водопадами. Там долго сидел Туор, и смотрел на водовороты, и слушал нескончаемую песнь реки, пока не спустилась снова ночь, и холодные белые звезды не зажглись на черной полосе неба над ним. Тогда возвысил Туор голос и настроил струны своей арфы, и шум реки, пение его и сладостный звон арфы множились, отражаясь от скал, и разносились в ночных горах, и вся пустошь наполнилась музыкой под звездами. Ибо, сам не зная, Туор

пришел в Ламмот {Lammoth}, горы Отзвуков, близ Фиорда Дренгиста {Firth of Drengist}. Здесь когда-то давным-давно высадился на берег Феанор {Fëanor}, и голоса его воинства слились в один могучий клич по берегам Севера перед восходом Луны^[4]

Тогда Туор преисполнился удивления и прекратил песню, и постепенно музыка стихла в горах и воцарилась тишина. И в этой тишине слышал Туор над собой в воздухе странный клич; и не знал он, что за существо издало его.

— Это морок, — сказал он себе тогда. — Нет, это какой-то зверь стонет в пустоши. — И, услышав

клич снова, сказал Туор. — Верно, это крик какой-нибудь ночной птицы, каких я не знаю.

И показался ему этот клич печальным, но он хотел услышать его еще раз и идти за ним, ибо клич этот звал его, хоть он и не знал, куда.

На следующее утро он услышал тот же клич над головой и, подняв глаза, увидел трех больших птиц, вылетающих из ущелья навстречу западному ветру, и сильные крылья их сияли в восходящем солнце; и, пролетев над ним, они громко прокричали. Так впервые увидел Туор больших чаек, любимиц Тэлери. Тогда Туор встал, чтобы идти за ними, а чтобы лучше разглядеть, куда

они летят, поднялся он по склону ущелья с левой руки от него, и ощутил великий ветер с запада на своем лице; и ветер развеял волосы его. И Туор глубоко вдохнул этот новый ветер и сказал:

— Это радует сердце, как холодное вино!

И не знал он, что свежий ветер этот прилетел из Великого Моря.

И дальше двинулся Туор в путь над рекой, ища чайк; и на пути его стены ущелья под ним сошлись, и он встал над узкой пещерой, которая полна была великим шумом воды. И, заглянув вниз, увидел Туор великое чудо, как показалось ему: ибо

мощный поток вошел в пещеру и боролся с рекой, которая все рвалась вперед; и волна поднялась почти по самые стены ущелья, а ветер взбил на ней пенные зубцы. И река была отброшена вспять, и поток помчался по ущелью вверх, и грохот камней, которые тащил он, был подобен грому. Так клики чаек спасли Туора от гибели в приливе; и большой удачей это было в это время года и при сильном ветре с моря.

Туор же тогда испугался ярости непонятных вод, и повернул и пошел на юг, и потому пришел не к долгим берегам Фиорда Дренгиста, но несколько дней блуждал в безлесном камнеломе, продуваемом ветрами с

моря; и все, что росло там, кустарники и травы,гнулось к восходу из-за западного ветра, что все время дул в тех краях. Так Туор пересек границы Нэвраста, где жил некогда Тургон; и, наконец, неожиданно, ибо утесы на западе были выше гор на востоке, Туор вышел на черный порог Средиземья и увидел Великое Море, Белегаэр Безбрежный. И в этот час мощный пламень солнца опускался за грань мира; и Туор стоял одиноко на утесе, и великое волнение наполнило его сердце. Говорится, что он первым из людей увидел Великое Море, и что никто, кроме эльдаров, не ощутил так сильно зов его.

Много дней провел Туор в Нэврасте, и было ему хорошо там, ибо эта земля, укрытая горами с севера и с востока и нисходящая к морю с запада, была много мягче и добрее, чем равнины Хитлума. Давно уже Туор привык к одинокой жизни охотника в глуши, и недостатка в еде у него не было; ибо в Нэврасте хлопотала весна, и воздух полон был пением птиц, тех, что в несметном множестве селились на берегах, и тех, что гнездились в болотах Линаэвена посреди той земли; но голоса эльфа или человека не слышно было в те дни по всей земле той.

На берег большого озера приходил Туор, но вод его не мог одолеть из-за болотистых заводей и непроходимых тростников, которыми они поросли; и он ушел от него и вернулся на побережье, ибо Море влекло его, и не хотел он жить там, где не было слышно его волн. И на побережье Туор нашел впервые следы нолдоров былых времен. Ибо меж высоких источенных морем утесов южного берега Дренгиста немало было бухт и укромных гаваней, где белый песок сверкал между черных скал, и часто находил Туор в скалах витые лестницы, спускавшиеся к таким местам; а у воды стояли вырубленные из

цельного камня разрушенные причалы, к которым приставали некогда эльфийские корабли. В таких местах Туор надолго останавливался, глядя на бесконечно переменчивое море; меж тем весна прошла, и лето понемногу проходило, и ночь удлинялась в Белерианде, и близилась осень рока Нарготронда {Nargothrond}.

Быть может, птицы издалека видели тяжкую зиму, что надвигалась на землю^[5]; ибо те из них, что улетали на юг, рано начали собираться в стаи, а другие, что селились на Севере, от своих гнездовий перебрались в Нэвраст. И однажды, сидя на берегу, Туор

услышал свист и шум огромных крыльев и, взглянув наверх, увидел семь белых лебедей, летевших скорым клином на юг. Пролетев же над Туором, лебеди дали круг и сели на воду, подняв множество брызг.

Туор любил лебедей, которых встречал он по темным озерам Митрима; и кроме того, лебедь был знаком Аннаэля и его народа, взрастившего Туора. Потому Туор поднялся поприветствовать птиц и окликнул их, с восхищением видя, что они больше и горделивее всех из их породы, виденных им до того; они же забили крыльями и закричали, как будто сердились на него и хотели увести его с берега. Затем с великим

шумом и плеском они снова поднялись на крыло и пролетели над головой его так, что ветер от их крыльев овеял Туора; и, кружась, поднялись они высоко в небо и полетели на юг.

И воскликнул Туор:

— Вот еще один знак мне, что слишком долго я медлил!

И тотчас же он поднялся на утес, и увидел с него, что лебеди все кружат в вышине; но едва он повернул на юг и отправился за ними, они быстро улетели.

Теперь Туор шел на юг вдоль берега моря семь полных дней, и каждое утро будил его свист крыльев

в небе на рассвете, и каждый день лебеди летели перед ним, а он шел за ними. И по ходу его высокие утесы становились ниже, и на вершинах их появлялись трава и цветы; а к востоку начались желтеющие уже по исходу лета леса. Но перед Туором, все приближаясь, виднелась гряда огромных гор, закрывавших горизонт, уходящая на запад к высочайшей горе: темная и окутанная облаками вершина ее довлела над всем широким зеленым мысом, выдающимся в море.

Эти серые горы были западными отрогами Эред Вэтрин {Wethrin}, северной стены Белерианда, а высокая гора была горой Тарас,

самой западной вершиной этой земли, и ее первую видели моряки задолго до того, как из моря показывались берега смертных. На широких склонах ее в былые дни жил Тургон в чертогах Виньямара, древнейших из всех, построенных нолдорами в землях их изгнания. Там стояли те чертоги до сей поры на просторных площадках, выходивших к морю, опустевшие, но не обветшавшие. Годы не повредили им, а слуги Моргота обходили их стороной; но ветер, воды и морозы не щадили их, и промежду плит их стен и промежду черепиц кровли буйно пробились серые и зеленые травы и кустарники, живущие соленым

ветром и растущие в трещинах на голых камнях.

И вышел Туор на останки старой дороги, и шел ею меж зеленых холмов и камней, и так на закате дня пришел в старинные чертоги и высокие, ветром пронизанные дворцы. Ни тени зла и страха не таилось здесь, но трепет охватил Туора, когда подумал он о тех, что жили здесь и ушли, никому неизвестно, куда — гордый народ, бессмертный и обреченный, пришедший из великого Моря. И встал Туор и посмотрел, как и они часто смотрели, поверх беспокойных вод насколько хватало глаз. Затем

обернулся он и увидел, что лебеди подлетели к самой верхней площадке и сели у западных дверей чертога; и били крыльями, и показалось Туору, что они зовут его войти туда. Тогда Туор поднялся по широкой лестнице, уже почти скрытой лишайниками и мхами, прошел в мощные двери и вошел под сень чертога Тургона; и в чертоге том прошел в зал с высокими колоннами. Величественным казался зал снаружи, и просторным и прекрасным оказался он изнутри, и благоговейно старался Туор не пробуждать звуков и отзвуков в пустоте его. Ничего не мог он разглядеть в полумраке, кроме высокого трона на возвышении у

восточной стены против дверей, и направился к нему, тихо, как мог; но звук шагов его по каменному полу разносился в тишине, как поступь рока, и эхо их бежало меж колоннами впереди него.

И, встав перед троном во мраке, увидел Туор, что трон был вырублен из цельного камня и украшен незнакомыми письменами. Тут солнце заглянуло в слуховое окошко под западным фронтоном зала, и луч осветил стену за троном и засверкал по залу, словно отразившись от блестящего металла. Туор глянул туда и увидел с удивлением, что на стене за троном висят щит с большой кольчугой, и шлем, и длинный меч в

ножнах. Кольчуга сверкала, словно выкованная из нетускнеющего серебра, и солнечный луч покрыл ее золотыми искрами. Щит же был незнакомого Туору вида, длинный и суженный книзу; и поле его было голубым, а посреди него — лебединое крыло. И сказал Туор, и голос его прозвучал в пустом чертоге, словно воинский вызов:

— По этому знаку возьму я это оружие и доспехи себе, какую бы судьбу они мне ни принесли. [\[6\]](#)

И Туор снял со стены щит, и нашел, что он легок и удобен сверх ожидания; ибо был он сделан из неведомого Туору дерева, и искусные эльфы-кузнецы оковали его

пластинами металла, прочными, но тонкими, как лист, сохранившими его от червя и непогоды.

Затем Туор примерил на себя кольчугу, надел шлем и опоясался мечом; черны были пояс и ножны меча, украшенные серебряными бляхами. Так облачившись и вооружившись, вышел Туор из чертога Тургона и встал на высокой площадке горы Тарас в багровых лучах закатного солнца. Никто не видел, как обозревал он запад, сверкая серебром и золотом, и не знал он, что стал похож на одного из Великих Запада, достойный стать отцом короля Королей Людей из-за Моря, что и было предназначено ему

судьбой^[7]; взяв себе доспехи и то оружие, переменялся и сам Туор, и возвысился дух его. И когда вышел он из дверей, лебеди склонились приветственно перед ним и, вынув по большому перу из крыльев своих, подали их ему, вытянув длинные шеи на камне у ног его; и он принял семь перьев и укрепил их на своем шлеме, и тотчас же лебеди взлетели и скрылись в лучах заката на север, и Туор не видел их более.

Теперь ощутил Туор, что ноги влекут его к морю, и спустился по долгим лестницам на берег под северным склоном Тараса; и там увидел он, как солнце опустилось в огромную черную тучу, выплывшую

из-за края почерневшего моря; и стало холоднее в воздухе, и слышался ропот и шум надвигающейся бури. И Туор стоял на берегу, а солнце походило на дымный пламень; и виделось ему, как великая волна поднялась вдалеке в море и помчалась к земле, но он остался стоять неподвижно и смотрел. И волна подошла к берегу и поднялась, и поверх ее лежал покров тумана. Накатив же на берег, волна завилась и обрушилась, и на берег поползли длинные языки пены; но там, где обрушилась она, стоял, темнее близящейся бури, некто высокий и величественный.

И Туор поклонился, ибо

показалось ему, что перед ним могучий король. Высокая серебряная корона была на стоявшем, и из-под нее вились длинные волосы, мерцающая в сумерках, словно пена; а когда откинул он серую мантию, окутывавшую его, словно туман, оказался он в сверкающих латах, схожих с чешуей огромной рыбы, а под ними — в темно-зеленом, переливавшемся и поблескивавшем, точно море по ночам в жарких странах, когда он ступал медлительно по дну. Так Живущий в Глубинах, которого нолдоры именуют Ульмо, Владыкой Вод, явил себя под Виньямаром Туору сыну Хуора из Дома Хадора.

Он не вышел на берег, но говорил с Туором, стоя по колено в воде; и взор его и звучание голоса его, такого глубокого, словно исходил он из оснований мира, навели на Туора страх, и тот распростерся на песке.

— Встань, Туор сын Хуора! — сказал Ульмо. — Не бойся моего гнева, хоть и долго пришлось мне звать тебя безответно; и, даже пустившись в путь, много мешкал ты, пока шел сюда. Весною должен был ты стоять здесь; а теперь скоро уж тяжкая зима придет из страны Врага. Должен ты научиться спешить, и легкую дорогу, что была назначена тебе, придется изменить. Ибо советы

мои отвергнуты^[8], и великое зло крадется по долине Сириона, и враги уже стоят между тобой и целью твоей.

— Что же цель моя, Владыка? — спросил Туор.

— То, чего всегда искало твое сердце, — ответил Ульмо, — найти Тургона и прийти в сокрытый город. Ибо тебе суждено стать моим вестником, в тех самых доспехах, что я давно предназначил для тебя. Теперь же должен ты под завесой тени миновать опасности. Укройся потому этим плащом, и не снимай его, пока не дойдешь до конца пути твоего.

И виделось Туору, что Ульмо

оторвал часть от своей серой мантии и дал ему, и, упав рядом с ним, она превратилась в большой плащ, которым Туор мог укрыться с головы до пят.

— Так будешь ты идти под сенью моей, — сказал Ульмо. — Но не мешкай больше; ибо во владениях Анара и в Мелькоровом огне этот плащ тебе не поможет. Берешься ли ты исполнить мое поручение?

— Берусь, Владыка, — ответил Туор.

— Тогда слушай слова, которые скажешь ты Тургону, — сказал Ульмо. — Но прежде я научу тебя; и услышишь ты много такого, чего ни один человек еще не слышал, ни

даже величайшие из эльдаров.

И Ульмо рассказал Туору о Валинóре и его затмении, и об Изгнании Нолдора, и о Роке Мандоса, и о сокрытии Благословенного Края.

— Но знай! — сказал он. — В доспехе Рока, как называют его Дети Земли, всегда найдется щель, и в стенах Судьбы — бреши, и так будет до Претворения, что вы зовете Концом. Так всегда будет, пока буду я, тайный голос противоречия и проблеск света там, где правит тьма. Потому, хотя и кажется в дни мрака, что я противостою братии моей, Владыкам Запада — таково мое бытие меж них, к которому я был

назначен еще до сотворения Мира. Но Рок властен, и тень Врага все растет; и силы мои убыли до того, что я стал лишь тайным шепотом. Воды, что текут на запад, пересыхают, истоки их отравляются, и власть моя уходит из вод земли; ибо эльфы и люди властью Мелькора становятся слепы и глухи ко мне. А теперь Рок Мандоса спешит свершиться, и все, сделанное Нолдором, падет, и все надежды их рухнут. Осталась одна лишь последняя надежда, надежда, которой не знали они и не растили. И надежда эта — в тебе; ибо так я решил.

— Значит, Тургон не выстоит

против Моргота, как надеются еще все эльдары? — спросил Туор. — И что тебе, Владыка, с того, что приду я сейчас к Тургону? Ибо хотя я и хочу, как отец мой, встать за этого короля в его трудный час, немного толку будет от меня, одного смертного, меж стольких героев Высокого Народа Запада.

— Если уж выбрал я тебя, Туор сын Хуора, то не думай, что меч твой того не стоит, — ответил Ульмо. — Ибо доблесть Аданов эльфы будут помнить до скончания времен, дивясь тому, как те не щадили своей жизни, и без того столь краткой на земле. Но не из одной храбрости твоей послан ты мной, а чтобы

принести в мир надежду, еще не
виденную тобой, и свет, который
пронзит тьму.

И при этих словах Ульмо рокот
бури вырос в мощный гул, и задул
сильный ветер, и небо почернело
совсем, а мантия Владыки Вод
заструилась, подобно летящей туче.

— Теперь иди, — сказал
Ульмо, — не то Море поглотит тебе.
Ибо Оссэ {Ossé} подвластен воле
Мандоса, он полон ярости, и он
также — орудие Рока.

— Как ты прикажешь, —
отвечал Туор. — Но если Рок минует
меня, что за слова сказать мне
Тургону?

— Как придешь ты к нему, —

сказал Ульмо, — слова сами сойдут с уст твоих, и ты скажешь так, как я бы сказал. Говори и не бойся! А затем делай то, что повелит тебе твое сердце и честь твоя. Храни мой плащ, ибо он сохранит тебя. Я же пришлю одного из рук Оссэ, и он поведет тебя; истинно, последнего моряка последнего корабля, что отправился на Запад перед восхождением Звезды. Теперь возвращайся на землю!

Тут раздался удар грома, и молния сверкнула над морем; и в свете ее Туор оглядел Ульмо, высившегося над волнами, как серебряная гора, сверкая искрами огня; и крикнул Туор против ветра:

— Я иду, Владыка! Но сердце мое больше влечет к Морю!

Тогда Ульмо поднял могучий рог и подул в него единым звуком, и рев бури был в сравнении со звуком рога, точно дуновение ветерка над озером. И услышал Туор этот рог, и наполнился звуком его, и звук понес его, и привиделось Туору, будто исчезли берега Средиземья, и он озираал все воды мира одним взглядом: от мельчайших жилок земли до устьев рек и от заливов и отмелей до глубочайших глубин и впадин. Великое Море видел он насквозь, и беспокойные толщи его полны были неведомых существ до самых беспросветных глубин, где в

вечном мраке звучали голоса, жуткие
слуху смертных. Видел Туор скорым
оком Валы безмерные морские
равнины, лежащие, тихо зыбясь в
безветрии, под взором Анара,
мерцающие под двурогой луной или
дыбющиеся горами, яростно
обрушиваясь на Сумрачные
Острова^[9]; пока вдали, на краю
окоема, за бессчетными лигами не
различил Туор гору, что на
недоступной уму высоте становилась
светящимся облаком, а у подножия ее
— сверкание прибоя. И когда стало
казаться Туору, что слышит он плеск
тех далеких волн, и устремился он
туда всем существом, чтобы лучше
разглядеть тот далекий свет, звук

рога смолк вдруг, и вновь вокруг
Туора была буря, и многоветвистая
молния расколола небо над морем.
Ульмо исчез, море ярилось, и
яростные волны Оссэ мчались на
стены Нэвраста.

Тогда Туор бежал от буйного
моря и с трудом вернулся на верхние
площадки; ибо ветер срывал его с
утеса, а когда Туор вышел на
вершину, ему пришлось встать на
колени, чтобы удержаться. Поэтому
Туор вернулся в темный пустой
чертог, чтобы укрыться там, и всю
ночь просидел на каменном троне
Тургона. Самые колонны чертога
содрогались от злости бури,
бушевавшей снаружи, и казалось

Туору, что ветер несет плач и дикие крики. Но Туор устал, и временами засыпал он, и сон его тревожили многие грезы, из которых он ничего не вспомнил по пробуждении, кроме одного: привиделся ему остров с высокой крутой горой посреди, и за нее заходило солнце, и тени покрывали небо; а над островом сверкала яркая одинокая звезда.

После этого видения Туор погрузился в глубокий сон без грез, ибо еще затемно буря улеглась, и черные тучи унеслись на восток мира. Туор проснулся совсем в утреннем полумраке, встал, сошел с трона и, пройдя по сумрачному чертогу, увидел, что он полон

морских птиц, захваченных бурей; а когда Туор вышел из чертога, последние звезды гасли на западе перед восходом солнца. И увидел Туор, что огромные волны бушевали ночью на побережье и перехлестывали через прибрежные утесы, и водоросли были даже на площадке перед дверями чертога. Туор глянул вниз с нижней площадки и увидел под ней меж камней и сора эльфа в сером плаще, пропитанном морской водою насквозь. Молча сидел он, глядя поверх разоренных берегов и долгих рядов волн. И было тихо, и ничего не было слышно, кроме прибоя.

Туор стоял и смотрел на

молчаливого эльфа в сером, и вспомнил слова Ульмо, и имя вдруг пришло на ум к нему, и он громко позвал:

— Привет тебе, Воронвэ {Voronwë}! Я жду тебя. [\[10\]](#)

И эльф обернулся и глянул наверх, и Туор встретил ясный взгляд его глаз цвета серых волн морских, и понял, что тот — из высокого народа Нолдора. Удивление и страх были в глазах эльфа, когда увидел он над собой высоко на стене Туора в сером плаще, похожем на тень, а под плащом мерцала на груди эльфийская кольчуга.

Так стояли они долго, глядя друг на друга, и эльф встал и низко

поклонился Туору.

— Кто ты, господин? — спросил он. — Долго трудился я в беспокойном море. Скажи же мне: что произошло с тех пор, как покинул я землю? Сброшена ли тень? Выступил ли Сокрытый Народ?

— Нет, — ответил Туор. — Тень растет, и Сокрытые сокрыты.

И Воронвэ оглядел его долгим взглядом:

— Но кто же ты? — спросил он снова. — Ибо много лет назад мой народ ушел из этой земли, и с тех пор никто не жил здесь. Но хотя их доспехи на тебе, вижу я, что ты не из них, а из рода человеческого.

— Так это, — сказал Туор. — А

ты не последний ли моряк
последнего корабля, что отплыл на
Запад из гаваней Кúрдана?

— Так это, — ответил эльф. —
Воронвэ я, сын Аранвэ {Aranwë}. Но
не могу я понять, как узнал ты имя
мое и судьбу мою.

— Узнал, ибо Владыка Вод
говорил со мной вчера на закате, —
сказал Туор. — И он сказал мне, что
спасет тебя из власти Оссэ и
пришлет тебя сюда, чтобы ты вел
меня.

И в страхе и изумлении
воскликнул Воронвэ:

— Ты говорил с Ульмо
Могучим?! Велик же жребий твой и
доля твоя! Куда я должен вести тебя,

повелитель? Ибо, верно, ты король над людьми, и многое вершится по твоему слову.

— Нет. Беглый раб я, — ответил Туор, — и бродяга в стране безлюдной. Но есть у меня дело к Тургону, Сокрытому Королю. Не знаешь ли, какой дорогой идти к нему?

— Много бродяг и рабов в эти злые дни, что не были такими рождены, — отвечал Воронэ. — Видится мне, что ты — господин над людьми по праву. Но если бы и был ты величайшим в твоём народе, не было бы у тебя права искать Тургона, и напрасно бы ты отправился. Ибо даже приведи я тебя к воротам его, не

вошел бы ты в них.

— Не нужно тебе вести меня дальше тех врат, — сказал Туор. — Там Дело Ульмо встретит Рок. И если не примет меня Тургон, мое поручение будет исполнено, и Рок возобладает. А что до моего права искать Тургона, так я — Туор, сын Хуора и родич Хúрина, чьих имен не забудет Тургон. И ищу я его по велению Ульмо. Забудет ли Тургон то, что Ульмо говорил ему некогда: *«Помни, что последняя надежда Нолдора придет от Моря»?*^[11]) Я и есть тот, кто должен придти, и потому одел я эти доспехи, что были приготовлены мне.

Туор и сам подивился своим

словам, ибо не знал он до того, что сказал Ульмо Тургону, когда тот покидал Нэвраст, и не знал этого никто, кроме Сокрытого Народа. Темного более был поражен Воронвэ, но отвернулся он, посмотрел на море, и вздохнул:

— Увы мне! Не хочу я возвращаться домой. Часто клялся я себе в глубинах моря, что если ступлю на землю вновь, то стану жить беспечально вдали от Тени Севера в Гаванях Кúрдана, или, может быть, в чистых лугах Нан-Татрена {Nan-tathren}, где весна слаще желаний сердца. Но если выросло зло, пока я странствовал, и опасность надвинулась, то я должен

идти к моему народу, — И снова повернулся Воронвэ к Туору. — Я отведу тебя к сокрытым вратам, — сказал он, — ибо мудрый не станет противиться советам Ульмо.

— Тогда пойдем мы вместе, как суждено нам, — сказал Туор. — Но не печалься, Воронвэ! Ибо сердце мое говорит мне, что далеко от Тени уведет тебя твоя долгая дорога, и надежда твоя вернется в Море^[12].

— И твоя также, — сказал Воронвэ. — Но сейчас нам надо уйти от него, и спешить.

— Воистину, — согласился Туор. — Но куда поведешь ты меня, и долог ли путь? Не подумать ли нам сперва, как мы будем жить в глуши

или, если путь так долог, как пережить нам бесприютную зиму?

Но Ворон^{вэ} ничего не сказал о дороге открыто.

— Ты знаешь силу человека, — сказал он. — Что до меня, то я — из нолдоров, и долго должен длиться голод и холодной должна выдаться зима, чтобы одолеть того, чьи родичи перешли через Взыбленный Лед. Как, думаешь ты, трудимся мы несчетные дни в соленых просторах моря? А разве ты не слышал о дорожных хлебах эльфов? А у меня есть то, что каждый моряк хранит до последнего. — И показал он под своим плащом запечатанную котомку, висевшую на поясе. — Ни

вода, ни непогода не вредят им, пока котомка запечатана. Но мы будем хранить их до самой великой нужды; а бродяга и охотник уж найдет себе пропитание, пока дни еще погожи.

— Быть может, — сказал Туор. — Но не во всех землях можно охотиться без опаски, да и промысел этот не всегда обилен. И охотящиеся мешкают в пути.

Теперь Туор и Воронвэ готовы были отправиться в путь. Туор взял с собой малый лук и стрелы, что были у него, помимо оружия и доспехов, что нашел он на стене в чертоге; но копье свое, на котором рунами эльфов Севера было написано его

имя, он укрепил на той стене в знак того, что он был там. Воронвэ же не взял себе другого оружия, кроме короткого меча.

Не успел разгореться день, как они покинули древнее жилище Тургона, и Воронвэ повел Туора к востоку кругом крутых склонов Тараса и по широкому мысу. Там проходила некогда дорога из Нэвраста в Бритомбар {Brithombar}, ныне же лишь зеленый след ее виднелся меж старых осыпавшихся придорожных канав. Так пришли они в Белерианд и на север Фаласа; и, свернув на восток, укрылись в тених Эреда *Вэтрин*, и там легли и отдыхали, пока не смерклось. Ибо,

хотя Бритомбар и Эгларест, древние поселения Фалатрима {Falathrim}, были еще далеки от них, теперь орки обитали там, и вся земля была полна лазутчиками Моргота: тот боялся кораблей Кúрдана, которые временами приплывали с войсками к этим берегам и соединялись с отрядами, что выходили из Нарготронда.

Тут, сидя в плащах своих, словно тени, под скалами, Туор и Воронвэ много беседовали друг с другом. И Туор спрашивал Воронвэ о Тургоне, но Воронвэ не много говорил об этом, а рассказывал больше о поселениях на острове Балар и о Лисгарде {Lisgardh}, тростниковой

стране в Устьях Сириона.

— Там множится сейчас Эльдар, — говорил он, — ибо все больше эльдаров всех родов и кровей бегут туда от страха перед Морготом, устав воевать. Но я покинул свой народ не по своей воле. Ибо после Браголлага {Bragollach} и прорыва Осады Ангбанда запала в сердце Тургона мысль, что Моргот может оказаться слишком силен. В тот год выслал он первых из народа своего, что вышли из врат его наружу: немногих, с тайным заданием. Они ушли по Сириону вниз к берегам Устьев, и там строили корабли. Но не смогли они ничего, кроме того, что приплыли на

большой остров Балар и поселились там укромно вдали от Тени Моргота. Ибо нет у Нолдора умения строить такие корабли, что долго могли бы плавать в волнах Белегаэра Великого [\[13\]](#).

Но когда услышал Тургон о разграблении Фаласа и о взятии древних Гаваней Корабельщиков, что лежат сейчас там перед нами, и заговорили, что Кúрдан спас оставшихся из его народа и уплыл с ними к югу в залив Балар, то послал он снова своих гонцов. Недавно было это, но мне кажется, что большая часть моей жизни прошла с тех пор. Ибо был я одним из тех, кого послал Тургон, потому что был я молод

среди эльдаров. Я родился здесь, в Средиземье, в земле Нэвраста. Мать моя была из Серых эльфов Фаласа, и приходилась роднею самому Кúрдану — немало смешались народы здесь в Нэврасте в начальные дни правления Тургона — и мне досталось морское сердце народа матери моей. Потому я был среди избранных, ибо наш путь лежал к Кúрдану, просить у него помощи в кораблестроении, чтобы наша мольба о помощи могла дойти до Владык Запада, пока еще не все потеряно. Но я замешкался в дороге. Ибо мало видел я до того земли Средиземья, а мы пришли в Нан-Татрен весною года. Чарует сердце та земля, Туор, как и сам ты увидишь,

если пойдешь по дорогам на юг
вдоль Сириона. Там и от тоски по
морю исцеляются все, кроме лишь
тех, кого не отпускает Рок. Там сам
Ульмо служит Яванне, и земля
порождает живые сокровища, какие
и не грезились сердцам живущих в
холодных горах Севера. В той земле
Нарог сливается с Сирионом, и они
не спешат больше, а текут широко и
спокойно через цветущие луга; и
возле самых сверкающих вод
раскинулись заросли лотосов, трава
же повсюду пестрит цветами,
похожими на драгоценные камни,
колокольчики, червонные искры или
же множество многоцветных звезд на
изумрудном небосводе. Но чудеснее

всего — ивы Нан-Татрена, светло-зеленые, на ветру серебряные, и шелест бессчетных листьев их полон чарами музыки: дни и ночи пролетали без вести и без счета, а я все стоял по колено в траве и слушал их. Там я был очарован, и сердце мое забыло Море. Там бродил я, давая имена цветам, или грезил наяву, лежа и слушая щебет птиц и жужжание пчел; там бы я и жил, забыв родичей моих, и корабли Тэлери, и мечи Нолдора, но жребий мне выпал другой. А может быть, так решил сам Ульмо; ибо он силен и властен в той земле.

Ибо пришло мне в голову связать плот из ивовых стволов и пускаться

по лону светлого Сириона; так я и сделал, и так я был унесен оттуда. Однажды, когда был я посреди реки, налетел ветер и подхватил меня, и повлек прочь из Ивовой Страны вниз по реке к Морю. Так я последним из посланных явился к Кúрдану; и из семи кораблей, что выстроил он по просьбе Тургона, лишь один был еще неполон. Один за другим отплыли те корабли на Запад, и ни один пока не вернулся, и никаких известий не было о них.

Но соленый морской ветер пробудил в сердце моем кровь рода матери моей, и я был счастлив посреди волн, постигая науку корабельщиков, словно уже знал ее

раньше, и лишь вспоминал ее. И когда последний и самый большой корабль был снаряжен к отплытию, я рад был уплыть, и говорил себе: «Если истинны слова нолдоров, то на Западе есть луга, что не сравнятся в красоте своей с Ивовою Страной. На Западе нет увядания, и весна там бесконечна. И может статься, что и я, Воронвэ, попаду туда. И уж, наконец, лучше скитание по водам, чем Тень Севера». И я не боялся, ибо корабли Тэлери не тонут ни при какой волне.

Но ужасно Великое Море, Туор сын Хуора; и ненавидит оно Нолдор, ибо служит Року Валаров. Есть в нем более страшное, чем кораблекрушение — это злоба его,

одинокчество в нем и безумие; страшны волны его и ветер, и страшно безмолвие его и тьма, в которой теряются все надежды, и все живое бежит прочь. И многие чужие и злые берега омывает оно, и многими опасными и страшными островами полно оно. Не стану смущать тебя, сына Средиземья, рассказом о семи годах моего труда в Великом Море, от дальнего севера до самого дальнего юга, но никогда — на Западе. Ибо Запад закрыт от нас.

Наконец, в черном отчаянии, устав от всего мира, мы повернули и бежали от судьбы, которая миловала нас, но только затем, чтобы сильнее ударить потом. Ибо едва разглядели

мы издалека горы, и вскричал я: «Смотрите! Вон Тарас и родная земля моя!», как поднялся ветер и с Запада налетели свинцовые тучи. Потом волны стали охотиться за нами, как живые, а молнии разили нас; и когда корабль наш превратился в беспомощную скорлупку, море в ярости обрушилось на нас. Но я, как видишь, был спасен, ибо, показалось мне, что самая большая, но и самая спокойная, волна поднялась, схватила меня, смыв с палубы, понесла на своей спине и, подкатив к берегу, выбросила меня на землю и отошла, обрушившись с утесов водопадом. Там всего час сидел я, не в силах опомниться после бури, пока

ты не нашел меня. И до сих пор страх стоит в сердце моем, и горько мне вспоминать всех друзей моих, с которыми так долго плавали мы так далеко от земель смертных.

Вздохнул Воронвэ и добавил тихо, как бы про себя:

— Но как ярки были звезды на краю мира, когда порою раскрывалась на западе завеса туч! А видели ли мы лишь верхние облака или сияли нам, как иные думали, горы Пелóри над родиной нашей, утерянной давно, я не знаю. Далеко, далеко стоят они, и, должно быть, никто не вернется туда из смертных земель.

Затем Воронвэ умолк; ибо

насталa нoчь, и зaжглись звeзды, бeлые и хoлoдные.

Спустя нeмнoгo врeмeни Туор и Воронвэ пoднялись и спиной пoвернулись к мoрю, и нaчaли дoлгий свoй путь вo мpaкe; мнoгoгo жe o нeм нe рaсскaзaть, ибo тeнь Ульмo пoкрывaлa Туoрa, и никтo нe видeл их, ни в дeрeвьях, ни в скaлax, ни в пoлe, ни в бoлoтe, oт зaxoдa и дo вoсxoдa coлнцa. Нo шли они oстoрoжнo, oпaсаясь зoрких вo мpaкe oхoтнoкoв Мoргoтa, и oбxoдили стoрoнoю тoрные пути эльфoв и лyoдeй. Воронвэ выбиpал дoрoгу, a Туор шeл зa ним. Он нe зaдaвaл нaпpaсных вoпpocoв, нo пpимeчaл,

что шли они все время на восток вдоль горного хребта и не сворачивали на юг; и удивлялся этому Туор, ибо думал он, как и все почти эльфы и люди, что Тургон живет вдали от сражений Севера.

Небыстро шли они в сумерках или ночью по бездорожной глуши, и тяжкая зима надвинулась от страны Моргота. Несмотря на прикрытие гор, ветры были холодны и остры, и вскоре глубокий снег выпал на взгорьях и завалил тропы, и засыпал леса Нýата {Núath} раньше, чем они успели сбросить увядшую листву^[14]. Так, хотя вышли они в начале месяца нарквелиэ {Narquelië}, уж хúсимэ {Hísimë} настал, пока подошли они к

истокам Нарога.

Там после ночного перехода, усталые, остановились они на рассвете, и Воронѣ встревожился и, глянув на реку, исполнился тоскою и страхом. Там, где когда-то в великой каменной чаше, выдолбленной за века в лесистой низине падающей водой, лежали воды прекрасного озера Иврин, сейчас все было осквернено и порушено. Деревья были сожжены и вырваны с корнем, а каменные края озера разбиты, и воды Иврина, выйдя из них, заболотили всю низину. Мерзлая топь была теперь на месте его, и пахло там гнилью и гарью.

— Увы! Неужели и сюда

добралось зло?! — воскликнул Воронвэ. — Далеко было когда-то это место от ангбандской напасти; но все дальше тянутся когти Моргота.

— Так и Ульмо сказал мне, — сказал Туор. — *«Истоки отравляются, и власть моя уходит из вод земли».*

— Но здесь, — сказал Воронвэ, — побывало зло посильнее орков. Страх поселился здесь. — И он поискал на краю топи, и вдруг выпрямился и воскликнул вновь. — Воистину, великое зло!

И Воронвэ подозревал Туора, и, подойдя, Туор увидел огромную борозду, уходившую на юг, а по

сторонам ее вмерзшие в грязь отчетливые отпечатки лап со страшными когтями.

— Смотри! — сказал Воронвэ, и был он бледен от страха и ненависти. — Здесь прошел недавно Великий Змей Ангбандский, самое мерзкое из творений Врага! Запаздывает наше дело к Тургону. Надо спешить.

И не успел он сказать это, как в лесу послышался крик, и Туор с Воронвэ замерли, точно серые камни, вслушиваясь. Но голос был чистым и полным горя, и показалось им, что все звал он кого-то, словно искал пропавшего. И вскоре увидели

они, как из-за деревьев вышел высокий человек, в оружии и черных доспехах, с длинным мечом наголо; и подивились они, что клинок меча тоже был черен, а лезвия его горели холодным огнем. Скорбь была на лице пришельца, и оглядев разрушение Иврина, горестно воскликнул он:

— Иврин! Фаэливрин! Гвиндор {Gwindor} и Белег! Здесь был я исцелен однажды. Но не испытать мне больше чаши мира!

И ушел он на север, быстро, словно гнались за ним, или дело его было спешно, и лишь голос его, взывавший «Фаэливрин! Финдуилас!

[\[15\]](#)», все слышался им пока не смолк

в лесах. И не знали они, что пал Нарготронд, и что был это Түрин сын Хүрина, Черный Меч. Так лишь на мгновение и однажды пересеклись пути двух родичей, Түрина и Туора.

Когда скрылся Черный Меч, Туор и Воронвэ некоторое время продолжали путь, хотя и настал уже день; ибо скорбь Черного Меча тяжело легла на сердце им, и не могли они смотреть на поруганный Иврин. Но вскоре они нашли себе укровище и остановились в нем, ибо вся земля наполнилась близостью зла. Спали они немного и беспокойно, а к вечеру пошел обильный снег, и к ночи ударил сильный мороз. С того дня не

таяли больше снег и лед, и пять месяцев Гиблая Зима, надолго запомнившаяся Средиземью, держала Север в оковах. Холод мучил Туора и Воронвэ, и они боялись, что по снегу их выследят вражеские охотники, и опасались попасть в ловушку, укрытую предательским снегом. Девять дней шли они, день ото дня медленнее и со все большим трудом, и Воронвэ чуть свернул на север, пока не пересекли они три истока Тэйглина; а потом Воронвэ повел снова на восток, и они ушли из гор, и брели устало, пока не перешли Глитуи {Glithui} и вышли на берег Малдуина, покрытого темным льдом^[16]).

Тогда молвил Туор Воронвэ:

— Тяжел холод этот, и смерть подбирается ко мне, если не к тебе тоже.

Ибо попали они в беду: давно уже не было у них в глуши никакой еды, и таял запас эльфийских дорожных хлебов; и путники замерзли и устали.

— Беда попавшему между Роком Валаров и Злодейством Врага, — отвечал Воронвэ. — Для того ли спасся я из чрева моря, чтобы пропасть в этом снегу?

Туор же спросил:

— Далеко ли идти нам? Пора уже тебе, Воронвэ, поделиться со мной своей тайной. Прямым ли

путем ведешь ты меня, и куда? Ибо должен я знать, будет ли прок от того, что потрачу я свои последние силы.

— Вел я тебя так прямо, как только можно было, — отвечал Воронвэ. — Знай, что Тургон все еще живет на севере земель Эльдара, хоть и немногие верят в это. И близки мы уже к нему. Но немало лиг еще лежит перед нами, даже птичьим летом; а нам надо еще одолеть Сирион, и великое зло, быть может, поджидает нас на пути. Ибо скоро должны будем мы выйти на Тракт, что издавна идет от Минаса Короля Финрода в Нарготронд^[17]. А там бродят слуги Врага и следят за Трактом.

— Думал я, что крепчайший из людей я, — сказал Туор, — и много зим перемог я в горах, но тогда была у меня пещера и огонь в ней, а сейчас не знаю, хватит ли мне сил столько пройти по голоду и непогоде. Но будем идти, пока не угаснет надежда.

— Нет у нас другого выбора, — отозвался Воронвэ, — разве что лечь прямо здесь и заснуть в снегу навек.

И так шли они весь тот трудный день, опасаясь больше врагов, чем зимы; но по ходу их снег становился тоньше, ибо шли они теперь снова к югу в долину Сириона, и горы Дор-Лóмина остались далеко позади. В сумерках вышли они на высокий лесистый обрыв над Трактом. И тут

они слышали голоса, и, выглянув устало из деревьев, увидели внизу красные огни. Отряд орков стоял посреди дороги лагерем, сгрудившись вокруг огромного костра.

— Гурт ан Гламхот {Gurth an Glamhoth}!^[18] — прошептал Туор. — Сейчас-то выйдет мой меч из-под плаща. За этот огонь рискну я жизнью, и даже орчати́на будет нам сейчас наградой.

— Нет! — запретил Воронвэ. — В нашем походе лишь плащ нам поможет. Забудь об этом огне, или забудь о Тургоне. Эти орки не одни в этой глуши: или не видно глазом смертного дальних огней других

застав к северу и к югу от этой? Тревога навлечет на нас огромную орду. Выслушай меня, Туор! Закон Сокрытого Королевства запрещает приближаться к его воротам с врагами за спиной; и этот закон я не нарушу ни по велению Ульмо, ни под страхом смерти. Растревожь орков, и я брошу тебя.

— Раз так, пусть живут, — сказал Туор. — Но да увижу я день, когда не нужно мне будет прятаться от горстки орков, словно трусливой собаке!

— Идем! — позвал Воронвэ. — Не будем спорить дольше, не то они учуют нас. Иди за мной!

Он заскользил на ветер между

деревьев к югу, пока они не оказались посередине между тем оркским костром и следующей их заставой на дороге. Там Воронэ остановился и долго прислушивался.

— Я никого не слышу на дороге, — сказал он, наконец, — но мы не знаем, что может таиться в сумерках. — Воронэ всмотрелся в сумрак и пожал плечами. — В воздухе пахнет злом, — промолвил он. — Увы! Там лежит земля надежды нашей и цель нашего пути, но смерть бродит между нами и ею.

— Смерть повсюду вокруг нас, — сказал Туор. — Но сил у меня осталось лишь на кратчайшую дорогу. Здесь я должен перейти, или

пропаду. Я доверюсь мантии Ульмо, и тебя она укроет. Теперь я поведу!

С этими словами подобрался Туор к обочине дороги и, прижав Воронвэ к себе, завернул себя и его полами серого плаща Владыки Вод, и так они шагнули вперед.

Все было тихо. Холодный ветердохнул, прокатившись по древней дороге. Вдруг и он стих. В тишине Туор почувствовал перемену в воздухе, словно ветер из страны Моргота улегся, и далеким воспоминанием о Море дунул ветер с запада. И серым туманом на ветру Туор и Воронвэ пересекли мощеную дорогу и скрылись в кустах на

восточной стороне ее.

И тотчас же совсем рядом раздался дикий крик, и многие голоса вдоль дороги ответили ему. Завыл хриплый рог и послышался топот бегущих воинов. Но Туор пошел вперед. В годы своего плена он выучился языку орков настолько, чтобы понять из этих криков: дозорные учуяли их и услышали, но не видели. Началась охота. В отчаянии, спотыкаясь, Туор и Воронвэ бросились вверх по длинному склону, поросшему можжевельником, ягодами, кустами рябины и низкими березками. На вершине склона они остановились, слушая крики и треск ветвей,

которые обшаривали орки.

Неподалеку нашли они валун, выдававшийся из поросли и колючек, и под ним берлогу, такую, в какой загнанный зверь прячется от охоты, надеясь переждать ее или пропустить мимо, или, на худой конец, встав спиною к камню, недешево отдать свою жизнь. В черную тень Туор затащил Воронвэ, и, укрывшись серым плащом, они легли бок о бок в берлоге и затаились, словно затравленные лисы. Они не обменялись ни словом: оба превратились в слух.

Шум погони начал стихать; ибо орки никогда не отходили далеко в сторону от дороги. Не боялись Туор и

Воронвэ бродячих орков, а боялись соглядатаев и дозорных большого войска; ибо Моргот выставил стражу на тракте не затем, чтобы перехватить Туора и Воронвэ, о которых он еще ничего не знал, и не против идущих с запада, но для того, чтобы выследить Черного Меча, не дать ему догнать и выручить пленных из Нарготронда и не пустить его за помощью в Дориат {Doriath}.

Ночь легла на пустоши, и глубокая тишина воцарилась в них. Усталый и обессиленный, Туор заснул, укрывшись плащом Ульмо; но Воронвэ выбрался из логовища и стоял неподвижно, словно каменный, проницая тьму своим эльфийским

взором. На рассвете он разбудил Туора, и тот, поднявшись, увидел, что непогода чуть стихла, и ветер отнес черные тучи в сторону. Рассвет был багрян, и Туор увидел вдалеке перед собой вершины незнакомых гор, отгораживающих восходящее солнце.

И промолвил Воронѣз тихо:

— Алаэ {*Alaë*}! Эред эн Эхориат {*Echoriath*}, эред э-мбар нún!

Ибо знал он, что глядят они на Окружные горы, стены обители Тургона. Под ними с запада в глубокой и тенистой долине лежал Сирион прекрасный, воспетый в песне; и от него земля поднималась к древним холмам у подножья гор, окутанным дымкой.

— Там лежит Димбар, — сказал Воронвэ. — Быть бы нам там! Редко осмеливаются наши враги бродить в нем. Или же так было раньше, пока сила Ульмо была в водах Сириона. Все могло перемениться^[20], только не опасная река: она сейчас глубока и быстра, и даже эльдару опасно переходить ее. Но я верно вел тебя; ибо вон там сверкает Бритиахский {Brithiach} Брод, чуть южнее, там, где Восточный Тракт, шедший в старину с Запада от Тараса, пересекает эту реку. Сейчас никто не пользуется им, ни эльф, ни человек, ни орк, разве что по крайней нужде, потому что дорога та ведет в Дунгортеб {Dungortheb}, в полные

жути земли между Горгоротом {Gorgoroth} и Завесой Мелиан; и давно уже заглохла она, потерялась в глуши или превратилась в тропу, заросшую травами и подорожными колючками. [\[21\]](#))

И Туор взглянул туда, куда указывал Воронѳэ, и вдали увидел сверкание, похожее на сверкание открытой воды в проблеске рассвета; но за ним лежал мрак, в котором великий Бретильский {Brethil} лес поднимался на юг в дальние горы. И устало отправились они вниз по склону долины, пока не вышли, наконец, на древнюю дорогу, спускавшуюся от опушки Бретиля, где пересекал ее Тракт, шедший из

Нарготронда. И увидел Туор тогда, что они приблизились к Сириону. Берега глубокого русла его были в том месте низки, и воды, полные великим множеством камней^[22], разливались просторно во много струй, грозно клокотавших. Затем чуть ниже река снова собиралась вместе и новым руслом текла по лесу, исчезая в далекой дымке, которую не пронзить было глазом; ибо там, хоть и не знал об этом Туор, лежал северный выступ страны Дориата, укрытый Завесой Мелиан.

Заторопился было Туор к броду, но Воронвэ удержал его, сказав:

— Не можем мы идти через Бритиах открыто днем, пока не

уверимся, что не преследуют нас.

— Что же нам, сесть и истлеть здесь? — спросил Туор. — Ведь не будем мы уверены в этом, пока стоит страна Моргота. Идем! Под тенью плаща Ульмо надо нам идти вперед.

Воронвэ же не решался и оглядывался на запад; дорога за ними была пуста, и все было тихо, кроме журчания вод. Взглянул Воронвэ вверх, и небо было серо и пустынно, и ни одной птицы не было в нем. Но внезапно просветлело лицо его от радости, и воскликнул он в голос:

— Прекрасно! Бритиах еще охраняется врагами Врага. Орки не последуют здесь за нами; и под плащом пройдем мы теперь, не боясь

ничего.

— Что это нового увидел ты? — спросил Туор.

— Близоруки же Смертные! — сказал Воронѣэ. — Вижу я Орлов Криссаэгрима, и они летят сюда. Посмотри!

И Туор всмотрелся; и вскоре высоко в небе увидел он трех птиц на могучих крыльях, летевших с далеких горных вершин, вновь закутавшихся туманом. Они медленно снизились огромными кругами, и нацелились вдруг прямо на путников; но не успел Воронѣэ воззвать к ним, как они отвернули со свистом и ветром и полетели над рекою к северу.

— Теперь идем, — сказал

Воронвэ. — Если и окажется поблизости какой-нибудь орк, так будет лежать, уткнувшись носом в землю, пока орлы не улетят далеко.

Быстро спустились они по длинному склону и перешли через Бритиах, то посуху, ступая по каменным валунам, то по колено в воде. Вода была чистой и очень холодной, и в тихих заводях, где бродячие струи заблудились между камнями, лежал уже лед; но никогда, даже в Гиблую Зиму Падения Нарготронда, не могло смертоносное дыхание Севера заморозить быстрину Сириона^[23].

На том берегу брода нашли они глубокий овраг, словно бы старое

русло реки, в котором не было более воды; но когда-то, казалось, могучий поток проделал его, сорвавшись с северных гор Эхориата и снеся все камни Бритиаха в Сирион.

— Наконец-то, не надеясь уже, мы нашли его! — воскликнул Воронвэ. — Смотри! Это — устье Сухой Реки, и это — дорога, по которой идти нам^[24].

И они вошли в теснину, а она повернула к северу, и края ее круто ушли вверх по обе руки, и Туор стал спотыкаться в слабом свете о камни, которыми усыпано было дно теснины.

— Если это дорога, — сказал он, — то это плохая дорога для

усталого.

— Но это дорога к Тургону, — ответил Воронвэ.

— Тем более странно мне, — сказал Туор, — что начало ее открыто и не охраняется. Ждал я увидеть большие ворота и сильную стражу.

— Все это ты еще увидишь, — отвечал Воронвэ. — Это лишь подступ. Дорогой я назвал его; но никто не ходил по ней более трех сотен лет, кроме вестников, немногих и тайных, и всей искусностью Нолдора скрывалась она с тех пор, как Сокрытый Народ прошел ею. Разве открыто начало ее? Нашел бы ты его, не будь у тебя

проводящего из Сокрытого
Королевства? Разве не принял бы ты
его всего лишь за работу непогоды и
воды в глухомани? И разве не видел
ты Орлов? Они из племени
Торондора {Thorondor}, что жило
некогда на самом Тангородрине,
пока Моргот не стал так силен, и
племя это гнездится в горах Тургона
со времени гибели Финголфина^[25].
Кроме Нолдора, они одни знают
Сокрытое Королевство и охраняют
небо над ним, хотя до сих пор ни
один из прислужников Врага не
осмеливался появляться в небе; и
они приносят Королю вести обо
всем, что происходит в других
землях. Будь мы орками, наверняка

были бы мы уже схвачены и сброшены с огромной высоты на беспощадные скалы.

— В этом не сомневаюсь я, — сказал Туор. — Но пришло мне в голову: не дойдут ли до Тургона вести о нашем подходе быстрее, чем мы сами? А к добру ли это будет, или к худу, лишь ты один можешь сказать.

— Ни к добру, ни к худу, — отвечал Воронвэ. — Ибо не пройти нам через Врата Стражи незамеченными, будут ли ожидать нас или нет; а когда придем мы туда, Стражам не нужно будет донесения, чтобы увидеть, что мы не орки. Но одного этого нам будет мало, чтобы пройти. Ведь не знаешь ты, Туор,

перед какой опасностью встанем мы тогда. Не вини же тогда меня, что я не предупреждал о том, что тебя постигнет; да будет тогда и впрямь явлена воля Владыки Вод! Ибо лишь на это в надежде согласился я вести тебя, а если не случится этого, то погибнем мы много вернее, чем от тягот глуши и зимы.

Туор же сказал:

— Не пророчь более. Гибель в глуши верна; гибель же у Врат пока неведома мне, что бы ни говорил ты. Веди меня дальше!

Многие мили пробирались они по камням Сухой Реки, пока не могли больше идти вперед, и ввечеру совсем стемнело в глубоком ущелье;

они выбрались тогда на восточный его край и вышли в бездорожные предгорья у подножия Окружных гор. И, взглянув вверх, увидел Туор, что высились эти горы не так, как те, что видел он до сих пор; ибо склоны их, отвесные, словно стены, подступали и подпирали друг друга, как стены крепости с многоярусными укреплениями. Но день угас, вся земля была темна и туманна, и Долина Сириона укрылась тенями. Тогда Воронѣз привел Туора в узкую пещеру в горе, выходявшую на унылые склоны Димбара, и они забрались внутрь и там укрылись; и доели они последние крохи пищи, и замерзли и устали, но заснуть долго

не могли. Так, на закате
восемнадцатого дня х́исимэ,
тридцать седьмого дня их
путешествия, Туор и Воронвэ пришли
к стенам и башням Эхориата и к
порогу Тургона, и волею Ульмо
спаслись и от Рока, и от Злодейства.

Едва лишь первый проблеск дня
разбавил сумрак туманов Димбара,
путники вновь спустились в Сухую
Реку, и вскоре русло ее свернуло на
восток, подойдя к самым стенам гор;
и дорогу им перегородил обрыв,
крутой и поросший колючими
кустами. Под этот обрыв уходило
каменное русло, и было там темно,
как ночью; и они остановились, ибо
заросло все русло, и ветви

кустарников сомкнулись над дном его так, что часто приходилось Туору и Воронѣ ползти под ними по земле, словно зверь, крадущийся в свое логово.

И, наконец, с большим трудом добравшись до самого подножия утеса, перегородившего русло, нашли они в нем отверстие, походившее на устье пещеры, пробитой в твердой скале водами, текущими из сердца горы. Они вошли в пещеру, и внутри было темно, но Воронѣ уверенно шел вперед, а Туор шел за ним, положив руку на плечо его, чуть пригнувшись, ибо потолок был низок. Так шли они вслепую некоторое время, шаг за шагом, пока

не почувствовали, что пол под ногами стал ровнее, и перестали попадаться на нем камни. Там они остановились и перевели дух, стоя и вслушиваясь. Воздух казался свежим и чистым, и поняли они, что стоят в просторном и высоком зале; но все было тихо, и даже падения капель не было слышно. Показалось Туору, что Воронвэ полон тревоги и сомнения, и он спросил его шепотом:

— Где же тогда Врата Стражи? Или мы и впрямь уже прошли их?

— Нет, — ответил Воронвэ. — Но странно мне, что любой пришелец мог бы пробраться беспрепятственно так далеко. Я опасаясь удара в темноте.

И шепот их разбудил спавшее эхо, и слова их усилились и умножились, отражаясь от потолка и невидимых стен, шепча и нашептывая сотней голосов. И едва отзвуки улеглись в камнях, как услышал Туор из самой сердцевины тьмы голос, заговоривший по-эльфийски: сперва на Высоком Наречии Нолдора, которого Туор не знал, а потом на языке Белерианда, только выговор был непривычен уху Туора, словно бы говорящие давно уже были разделены с сородичами своими^[26].

— Стойте! — велел голос. — Не шевелитесь, не то умрете, будь вы враги или друзья!

— Мы — друзья. — сказал Воронвэ.

— Тогда делайте, что велено, — приказал голос.

Эхо голосов укатилось в тишину. Воронвэ и Туор стояли неподвижно, и казалось Туору, что так прошло немало времени, и в его сердце был страх, какого не было за всю их дорогу. Затем послышались шаги, приблизившиеся и зазвучавшие громко, словно топот троллей. Вдруг раскрылся эльфийский светильник, и яркий луч его упал на Воронвэ, но Туор ничего не увидел, кроме ослепительной звезды во мраке; и знал он, что пока свет этот падает на него, не сможет он ни двинуться, ни

бежать ни вперед, ни назад.

На миг высветил их светильник, а потом голос раздался вновь, приказав:

— Откройте лица!

Воронвэ откинул свой капюшон; и лицо его в лучах светильника было чистым и спокойным, словно вырезанным из камня; и Туор поразился его красоте. И Воронвэ заговорил гордо, сказав:

— Не узнаете вы, кого видите? Я — Воронвэ сын Аранвэ из Дома Финголфина. Или за эти немногие годы меня забыли уже в моей стране? Далеко от помыслов Средиземья странствовал я, но я помню твой голос, Элеммакил!

— Тогда должен Воронѣ также помнить законы своей страны, — отвечал голос. — Посланный по приказу, он имеет право вернуться. Но не приводить сюда чужестранцев! За это он лишается права и должен быть задержан и под стражей доставлен на суд Короля. А что до чужестранца, то он должен быть казнен или захвачен в плен по решению Стражи. Подведи его ко мне, чтобы я рассудил, что делать с ним.

И Воронѣ вывел Туора к свету, и многие воины в латах и оружии вышли из мрака и окружили их с мечами наголо. А Элеммакил, начальник Стражи, державший

светильник, пристально взгляделся в путников.

— Не узнаю я тебя, Воронвэ, — сказал он. — Долго были мы друзьями. Зачем же так жестоко заставляешь ты меня выбирать между законом и дружбой? Если бы ты привел сюда без дозволения кого-либо из других домов Нолдора, то и это было бы слишком. Ты же провел тайным Путем смертного человека — ибо по глазам его я узнаю его род. Не может он отныне уйти по своей воле, зная нашу тайну; а как чужака, осмелившегося проникнуть к нам, должен я убить его — хоть он и друг твой, и дорог тебе.

— В просторных землях вокруг

нас, Элеммакил, многое может случиться со странником, и могут выпасть ему жребии, каких он не искал, — ответил Воронвэ. — И посланный не вернется так же, как был послан. То, что сделал я, сделано по воле, которая сильнее уставов Стражи. Лишь Король должен судить меня и того, что идет со мной.

И заговорил Туор, и не было в нем больше страха:

— Пришел я с Воронвэ сыном Аранвэ, ибо он был указан мне в провожатые Владыкой Вод. Для этого он был спасен из власти Моря и Рока Валаров. Ибо дело у меня от Ульмо к сыну Финголфина, и лишь с ним самим я буду говорить об этом.

Тут Элеммакил посмотрел на Туора с удивлением:

— Кто ты? — спросил он. — И откуда идешь ты?

— Я — Туор, сын Хуора из Дома Хадора и родич Хурина, чьи имена, как говорили мне, не безвестны в Сокрытом Королевстве. Из Нэвраста, многое преодолев, пришел я в поисках его.

— Из Нэвраста? — переспросил Элеммакил. — Говорят, что никто не живет там с тех пор, как ушел оттуда наш народ.

— Правду это говорят, — ответил Туор. — Пусты и холодны стоят чертоги Виньямара. Но я пришел оттуда. Отведите же меня к

тому, кто выстроил те дворцы.

— В таких больших делах не мне принадлежит суд, — сказал тогда Элеммакил. — Потому я выведу тебя на свет, где многое может открыться, и доставлю тебя к Хранителю Великих Врат.

Затем он отдал приказ, и рослые стражи окружили Туора и Воронвэ, двое спереди и трое сзади; и начальник повел их из пещеры Внешней Стражи, и долго, как казалось им, шли они по прямому коридору и по ровному полу, пока вдали не забрезжил слабый свет. Так вышли они вскоре под широкий свод с высокими колоннами, вырубленными прямо из скалы, по

обе руки, и проход меж теми колоннами-скалами был перегорожен подъемной решеткой из бревен, украшенных превосходной резьбой и скрепленных стальными гвоздями.

Элеммакил коснулся решетки, и она беззвучно поднялась, и они прошли под ней; и увидел Туор, что они — в конце глубокого ущелья, которому подобных не видел он до того, и не воображал даже, хоть и долго бродил он в диких горах Севера; ибо против Орфалха Эхор {Orfalch Echor} Кирит Нинних был просто расселиной в скале. Здесь руки самих Валаров в древних войнах на заре мира свели великие горы

вместе, и склоны ущелья были круты, словно прорублены топором, и высились они до высот, недоступных уму. Там, в вышине, светилась полоска неба, и темную синеву ее закрывали черные пики и зубчатые стены, далекие, но крепкие и грозные, словно копья. Слишком высоки были эти мощные стены, чтобы зимнее солнце заглянуло меж них, и хотя утро уже было в разгаре, бледные звездочки мерцали над вершинами гор, а внизу сумрак рассеивался лишь слабым светом светильников, установленных вдоль поднимающейся дороги. Ибо ущелье круто уходило вверх к востоку, и по левую руку от Туора была широкая

дорога вдоль русла Сухой Реки, убитая и вымощенная камнем, и дорога та поднималась вверх и исчезала в дымке.

— Вы миновали Первые Врата, Деревянные, — сказал Элеммакил. — Вот наша дорога. Надо нам поспешать.

Не мог Туор знать, далеко ли протянулась эта дорога, а когда глядел он вперед, великая усталость нисходила на него, словно туча. Холодный ветер свистел над скалами и поддувал плащ Туора.

— Холоден же ветер, что дует из Сокрытого Королевства! — сказал Туор.

— Воистину, — согласился

Воронѣзъ, — может чужестранцу показаться, что гордыня сделала слуг Тургона бессердечными. Долгими и тяжелыми покажутся лиги Семи Врат голодному и утомленному дорогой.

— Будь закон наш не столь строг, давно бы уже вероломство и ненависть пробрались сюда и погубили нас. Это ты хорошо знаешь, — отвечал Элеммакил. — Но мы не бессердечны. Здесь пищи нет, а чужестранцу нельзя пройти обратно через врата, в которые он вошел. Потерпите немного, и у Вторых Врат будет вам отдых.

— Это хорошо, — сказал Туор и зашагал вперед, куда вели их.

Спустя немного обернулся он и увидел, что лишь Элеммакил и Воронвэ идут за ним.

— Здесь не нужны более стражи, — сказал Элеммакил, прочитав его мысль. — Из Орфалха не уйти ни эльфу, ни человеку, и не вернуться назад.

Так шли они тенистым ущельем, поднимаясь вверх то по долгим лестницам, то по извилистой дороге, пока в полулиге от Деревянных Врат не увидал Туор, что путь перегорожен высокой стеной, выстроенной поперек ущелья от края до края его, и стройные башни стоят на той стене по обе руки. Против дороги сделан был в ней проход, но, казалось,

каменщики перегородили его единым мощным камнем. Когда подошли они ближе, черный гладкий камень заблестел в свете белого светильника, что висел над ним посреди свода.

— Вот и Вторые Врата, Каменные, — сказал Элеммакил; и, подойдя к камню, легко толкнул он его. Камень повернулся на невидимых шкворнях и открыл дорогу по обе стороны себя; и они прошли во двор, где стояло множество вооруженных стражей в сером. Не было сказано ни слова, но Элеммакил провел порученных ему в комнату под северной башней; и им дали еды и вина, и позволили

немного отдохнуть.

— Скучной может показаться тебе эта трапеза, — сказал Элеммакил Туору. — Но если дело твое — верное, то тем более будешь ты вознагражден за труды и лишения.

— Достаточно мне и этого, — ответил Туор. — Слабо то сердце, которому требуется большее исцеление.

И впрямь, такие силы дало ему питье и пища нолдоров, что вскоре захотелось ему идти дальше.

Спустя немного подошли они к стене еще выше и крепче предыдущей, и в ней были Третьи, Бронзовые Врата: огромные створы

их были увешаны бронзовыми щитами и листами, на которых вычеканены были картины и незнакомые знаки. На стене над перемышкою ворот высились три прямоугольные башни, одетые и крытые медью, которую искусные кузнецы заставили гореть и сверкать, как пламя, в свете красных светильников, расставленных в ряд по стене. Снова молча прошли они в ворота и увидели во дворе за ними еще большее число стражей в доспехах, отсвечивавших огнем; и лезвия их топоров были красны. Из синдаров Нэвраста по большей части были те, кто защищал эти врата.

Теперь вышли они на самую

трудную дорогу, ибо посреди Орфалха уклон был самым крутым, и, поднимаясь, оглядывал Туор мощнейшие стены, нависшие над ним. Так, наконец, подошли они к Четвертым Вратам, Чугунным. Высока и черна была стена, и светильников не было на ней. На стене стояло четыре железных башни, и между двух средних башен был выкован из железа огромный орел, схожий с самим Королем Торондором, слетающим на горный пик с высоких небес. А когда стоял Туор перед Вратами, показалось ему, будто смотрит он сквозь ветви и стволы могучих деревьев на полную луну. Ибо через ажурные решетки

ворот проходил свет, а решетки были выкованы наподобие деревьев с переплетенными корнями и перевитыми ветвями, несущими листья и цветы. И, пройдя во Врата, увидел Туор, как это может быть: Врата были глубоки, и не одна решетка была в них, а множество, так прилаженных, что для того, кто подходил по середине дороги, все решетки были одной картиной; а свет за воротами был светом дня.

Ибо поднялись они теперь на самую высоту над низиной, откуда начали они свой путь, и за Чугунными Вратами шла дорога почти полого. Более того, миновали они венец и сердце Эхориата, и

горные башни расходились теперь впереди них по внутренней стороне гор, ущелье раскрывалось все шире, и свет небесный, отраженный снегом, ложился сквозь светлый туман, наполнявший воздух, словно лунный свет.

Теперь прошли они сквозь ряды Чугунной Стражи, стоявшие за Вратами; черными были их плащи, доспехи и длинные щиты, а лица их были закрыты забралами, и на каждом забрале был орлиный клюв. Затем Элеммакил пошел впереди путников, а они пошли за ним в дымку; и Туор увидел вдоль дороги полоску травы, а на ней, точно звезды, цвели белые цветы *уйлоса*,

Вечной Памяти, что не знают времен года и не увядают никогда^[27]; и, воодушевившись, в радостном удивлении, подошел Туор к Серебряным Вратам.

Стена Пярых Врат была выстроена из белого мрамора, и была низкой и широкой, а наверху ее была серебряная решетка меж пяти огромных мраморных шаров; и на ней стояло множество лучников в белом. Ворота же были в виде трех дуг, и отделаны серебром и жемчугами Нэвраста в подобие луны; а над воротами на среднем мраморном шаре стоял образ Белого Древа Телпериона из мрамора и малахита, цветы же его были из

крупных баларских^[28] жемчужин. И за Вратами в широком дворе, мощеном мрамором, стояли лучники в серебряных доспехах и шлемах с белыми украшениями, по сотне с каждой стороны. Элеммакил провел Туора и Воронвэ через их молчаливые ряды, и путники вступили на длинную белую дорогу, что шла прямо к Шестым Вратам; и как шли они, полосы травы по краям дороги становилось шире, а меж белых звезд уйлоса попадалось теперь множество небольших цветочков, похожих на золотые глазки.

Так подошли они к Золотым Вратам, последним из древних Врат

Тургона, что выстроены были до Нирнаэ́та; и были они похожи на Серебряные Врата, только стена была из желтого мрамора, а шары и наверху — из червонного золота; и было на стене шесть шаров, а посредине на золотой пирамиде поставлен был образ Лаурелина, Древа Солнца, с длинными плетями топазовых цветов на золотых цепях. И сами Врата были украшены золотыми многолучевыми кругами в подобие солнца, окруженными украшениями из граната, топаза и золотистых алмазов. Во дворе за Вратами стояли три сотни лучников с длинными луками, и доспехи их были позолочены, и высокие золотые

украшения были на шлемах их; и большие круглые щиты их горели, как огонь.

И дальше дорога была освещена солнцем, ибо стены ущелья по обе стороны стали низкими и покрытыми зеленью, и лишь на самых вершинах лежал снег; и Элеммакил заторопился вперед, ибо недолог был уже путь до Седьмых Врат, названных Великими, Врат Стальных, что выковал Маэглин поперек широкого выхода из Орфалха Эхор по возвращении с Нирнаэта.

Не было у них стены, но по обе стороны стояли две круглые башни огромной высоты, в семь ярусов, со множеством окон, сужавшиеся

кверху в небольшие острые башенки блестящей стали, а меж башнями протянута была мощная стальная изгородь, которая не ржавела и сверкала бело и холодно. Изгородь держали семь больших столпов, высотой и крепостью похожие на сильные молодые деревья, но заканчивавшиеся пикой, которая заострялась до остроты иглы; и между столпов стояло семь стальных перекрестий, и в каждом пролете семижды семь стальных кольев с навершиями наподобие широких наконечников копий. Посреди же Врат над средним и самым большим столпом высился образ королевского шлема Тургона, Корона Сокрытого

Королевства, украшенная алмазами.

Ни калитки, ни прохода не увидел Туор в этой могучей стальной изгороди, и когда подошел он, острый блеск вырвался из изгороди, как показалось ему, и Туор закрыл глаза и так стоял в страхе и изумлении. Элеммакил вышел вперед, и ворота не открылись на его прикосновение; но он ударил по перекрестью, и изгородь зазвенела, словно многострунная арфа, чистыми звонами, пробежавшими от башни к башне.

Тотчас же из башен выехали всадники, но прежде всех из северной башни выехал всадник на белом коне; он спешился и

направился к путникам. И как ни высок и благороден был Элеммакил, выше и властительнее его был Эктелион {Ecthelion}, Господин Источников, в то время страж Великих Врат^[29]. Был он весь в серебре, а на сверкающем шлеме его была стальная игла, а на ней алмаз; и когда оруженосец его принял его щит, щит мерцал словно бы от росы или капель дождя, а были это сотни хрусталиков.

Элеммакил приветствовал его и сказал:

— Вот я доставил к тебе Воронвэ Аранвиона, вернувшегося с Балара; и вот чужестранец, которого привел он сюда, и чужестранец

требует увидеться с Королем.

И *Эктелион* повернулся к Туору, но тот обернул вокруг себя свой плащ и стоял молча, глядя на него; и Воронвэ показалось, что туман окутал Туора, и тот вырос так, что капюшон его поднялся над шлемом эльфийского военачальника, словно свинцовая морская волна, мчащаяся к берегу. *Эктелион* же глянул на Туора сверху вниз и заговорил холодно, сказав^[30]:

— Пришел ты к Последним Вратам. Знай, что ни один чужестранец, прошедший их, никогда не выйдет наружу иначе, чем через врата смерти.

— Не пророчь дурного! Если

посланец Владыки Вод пройдет в эти врата, то все живущие здесь, последуют за ним. Господин Источников, не задерживай посланца Владыки Вод!

Тут Воронѣз и все, что стояли вокруг, снова глянули с удивлением на Туора, поражаясь словам его и голосу его. И показалось Воронѣз, что он слышал могучий голос, но говоривший словно бы из далекой дали. Туору же показалось, что он услышал свой голос так, будто бы другой говорил его устами.

Некоторое время Эктелион стоял молча, глядя на Туора, и священный трепет появлялся на лице его, как будто в серой тени плаща

Туора увидел он далекие видения. Затем он поклонился, подошел к изгороди и положил руки на нее, и по обе стороны столпа с Коронай открылись проходы. И Туор прошел в них и вышел на травянистый обрыв, выходивший на долину под ним, и узрел видение Гондолина среди белых снегов. И так зачарован был он, что долго не мог отвести глаз; ибо увидел он, наконец, воочию мечту свою, к которой шел так долго.

Так стоял он и не произносил ни слова. Молча стояло по обе руки войско Гондолина; и все роды войск всех Семи Врат были здесь; начальники же и полководцы их были верхом на конях, белых и серых.

И пока они смотрели на Туора, плащ спал с плеч его, и он предстал перед ними в мощных доспехах из Нэвраста. И среди смотревших на Туора немало было тех, кто сами укрепляли доспехи эти на стене за Высоким Троном в Виньямаре.

И сказал тогда Эктелион:

— Более не нужно никаких доказательств; и даже имя, которым назвался он как сын Хуора, меньше значит, чем это ясное свидетельство того, что пришел он от самого Ульмо

[\[31\]](#).

«Сказание о Детях Хурина»

Легенда о Түрине Турамбаре — во многих отношениях самое проработанное и законченное из повествований об истории Первой Эпохи. Как и сказание о Туоре и Падении Гондолина, оно восходит к самым ранним и существует в раннем прозаическом варианте — одного из «Утерянных Сказаний» — а также в виде длинной неоконченной поэмы, написанной аллитерационным стихом. Но если окончательная «большая» версия «Туора» не зашла достаточно далеко,

то окончательная «большая» версия «Тúрина» гораздо более близка к завершённости. Она называется «Нарн и Хûн Хúрин»; и именно эта повесть приводится в этой книге.

Однако большой «Нарн» весьма неровен в плане окончательности и завершённости. Заключительная часть (от «Возвращения Тúрина в Дор-Лóмин» и до «Смерти Тúрина») прошла через небольшие редакторские правки; тогда как первая часть (до «Тúрина в Дориате») потребовала весьма значительного пересмотра и отбора, а в некоторых местах — определённого усечения, поскольку оригинальные тексты оказались

неразборчивыми и разрозненными. Центральная же часть повести (Тúрин с разбойниками, Мûм-гном-карлик, страна Дор-Кúартол, смерть Белега от руки Тúрина и жизнь Тúрина в Нарготронде) представила для редактора весьма нелегкую задачу. Здесь «Нарн» менее всего закончен и во многих местах переходит в наметки возможных дальнейших поворотов сюжета. Отец еще разрабатывал эту часть, когда прекратил работу над этим сказанием; и более краткая версия для «Сильмариллиона» должна была дожидаться окончания развития «Нарна». При подготовке текста «Сильмариллиона» к публикации я

встал перед необходимостью исходить во многих местах этой части сказания о Тۇрине из приведенных здесь материалов, которые необычайно запутанны в своих вариациях и перекрестных ссылках.

В первой части этой центральной секции, вплоть до начала жизни Тۇрина в жилище Мîма на Амоне Рûд, я старался вести связное повествование на уровне, соразмерном с другими частями «Нарна», основываясь на имеющихся материалах (с одним провалом, см. стр. 96 и прим. 12); но с этого места и далее (см. стр. 104) до прихода Тۇрина к Иврину после падения

Нарготронда, я обнаружил, что пытаться продолжать действовать так невыгодно. Провалы в этом месте «Нарна» слишком велики, и заполнить их можно только вставками из опубликованного текста «Сильмариллиона»; в Приложении же (см. стр. 150 и далее) я привел отдельные изолированные фрагменты из этой части повести, которая планировалась быть более объемной.

В третьей части «Нарна» (начинающейся с возвращения Түрина в Дор-Лóмин) сравнение с «Сильмариллионом» (стр. 236–250) выявит множество близких сходств и прямых совпадений; также и в

первой части есть два больших фрагмента, которые я исключил из данного текста (см. стр. 58 и прим. 1, а также здесь и прим. 2), поскольку они являются близким изложением фрагментов, имеющихся в других местах и включенных в опубликованный «Сильмариллион». Это сходство и параллель между одной работой и другой может быть объяснено по-разному с разных точек зрения. Отцу нравилось пересказывать истории, варьируя их; но некоторые части не потребовали более углубленной проработки для большой версии, и их не пришлось перефразировать для включения в нее. Кроме того, когда все было еще

непрочно и не устоялось и окончательная организация отдельных рассказов была еще далеко впереди, одинаковые фрагменты могли попасть в разные места случайно. Но объяснение может быть найдено и на другом уровне. Таким легендам, как легенда о Тўрине Турамбаре, издавна придавалась поэтическая форма — в данном случае, это «Нарн и Хўн Хўрин» работы поэта Дўрхавеля — и фразы или даже целые фрагменты из нее, особенно места особой поэтической выразительности, такие, как обращение Тўрина к своему мечу перед смертью, могли быть сохранены без изменений теми,

кто впоследствии делал выборки из истории Былых Дней, каковой историей и был задуман «Сильмариллион».

Сказание о детях Хúрина Нарн и Хûн Хúрин

Детство Тúрина

Хадор Золотоволосый был вождем аданов, и эльдары любили его. До конца своих дней он был вассалом Финголфина, который даровал ему просторные земли в той части Хитлума {Hithlum}, что называлась Дор-Лóмин {Dor-lómin}. Дочь его Глórэдэль {Glóredhel} вышла за Халдира сына Халмира, вождя людей Бретиля {Brethil}; и на том же свадебном пиру сын его Галдор Рослый женился на Харет

{Hareth} дочери Халмира.

У Галдора и Харет было два сына, Ху́рин и Хуор. Ху́рин был на три года старше Хуора, но ростом ниже своих сородичей; в этом пошел он в род матери своей, во всем же остальном он был точь-в-точь Хадор, дед его: красив лицом, золотоволос, силен телом и горяч нравом. Но огонь в нем горел ровно, и был он терпелив и вынослив. Из всех Людей Севера он больше всех был сведущ в делах Нолдора. Хуор, брат его, был высок, выше всех аданов, кроме лишь впоследствии сына своего Туора, и скор в беге; но если бег был долгим и трудным, то Ху́рин прибегал домой первым, ибо в конце пути бежал он с

той же скоростью и силой, что и в начале. Братья очень любили друг друга и в юности редко разлучались.

Ху́рин женился на Морвен {Morwen}, дочери Барагунда сына Бреголаса из Дома Беора {Vëor}; и была она близка к роду Берена Однорукого. Морвен была черноволоса и высока, и за свет ее глаз и красоту лица люди прозвали ее Эледвен {Eledhwen}, эльфийской красавицей; но нравом была она строга и горда. Горести Дома Беора омрачили сердце ее; ибо беженкой пришла она в Дор-Лóмин из Дортóниона {Dorthónion} после поражения в битве Браголлах {Bragollach}.

Ту́рин было имя старшего сына Ху́рина и Морвен, и родился он в тот год, когда Берен пришел в Дориат {Doriath} и встретил Лучиэнь {Lúthien} [\[34\]](#)и Тину́виэль, дочь Тингола {Thingol}. Морвен также родила Ху́рину дочь, и ее называли Урвен {Urwen}, но все, кто знал ее в ее короткой жизни, звали ее Лалайт {Lalaith}, что значит Смех.

Хуор женился на Ру́ан, двоюродной сестре Морвен; она была дочерью Белегунда сына Бреголаса. По жестокой судьбе родилась она в те дни, ибо была она нежна сердцем и не любила ни войны, ни охоты. Любила же она деревья и полевые цветы, и складывать и петь песни.

Всего лишь два месяца прожила она вместе с Хуором прежде, чем он ушел он со своим братом на Нирнаэт {Nirnaeth} Арноэдиад, и более уже не видела его^[34].

В годы, последовавшие за Дагором Браголлах и гибелью Фингольфина, тень страха перед Морготом {Morgoth} росла. Но в год четыреста шестьдесят девятый по возвращении Нолдора в Средиземье надежда воссияла эльфам и людям; ибо меж них прошел слух о деяниях Берена и Лучиэни и о том, как они посрамили Моргота на самом его троне в Ангбанде; и иные говорили, что Берен и Лучиэнь еще живы или же что они вернулись из мертвых. В

тот год также приблизились к завершению великие труды Маэдроса {Maedhros}, и новой силой Эльдара и Эдайна наступление Моргота было остановлено, а орки изгнаны из Белерианда. Многие стали тогда говорить о грядущих победах и об отмщении за Битву Браголлаха, когда Маэдрос поведет свое объединенное войско, загонит Моргота под землю и запечатает Врата Ангбанда.

Но более мудрые не тешили себя этими мыслями, опасаясь, что Маэдрос явит свою растущую силу слишком рано, и что у Моргота будет достаточно времени предпринять козни против него. «Всегда в Ангбанде выпестуют какое-нибудь

новое зло, о каком и не догадываются ни эльфы, ни люди», говорили они. И осенью того года в подтверждение их словам дурной ветер поднялся с Севера под свинцовое небо. Дыханьем Зла назвали его, ибо была в нем зараза; и многие заболели и умерли в конце того года в северных землях, граничивших с Анфауглитом {Anfauglith}, и были это большей частью дети и молодежь в домах Людей.

В тот год Түрин сын Хүрина был всего пяти лет отроду, а Урвен, сестре его, три исполнилось в начале весны. Головка ее, когда она бегала в лугах, была похожа на золотую лилию в

траве, и смех ее походил на журчание веселого ручья, сбегавшего с холма возле дома ее отца. Нен Лалайт называли тот ручей, и все в доме стали звать дитя Лалайт по его имени, и сердца их радовались, когда она была с ними.

Тúрина же любили не так, как ее. Был он черноволос, как его мать, и по всему было видно, что и нравом он вырастет в нее; ибо он был не игрив, и молчалив, хотя рано начал говорить, и всегда казался старше своих лет. Памятлив был Тúрин на несправедливость или злую насмешку; но и огонь отца его также горел в нем, и бывал он порою резок и гневен. Хотя скор был он и на

жалость, и боль и печаль живого существа могли повергнуть его в слезы; в этом он также пошел в отца, ибо Морвен была строга к другим, как к себе. Түрин любил мать, ибо речи ее к нему были всегда прямы и искренни; отца же он видел меньше, ибо Хүрин часто уходил из дома к войску Фингона, что охраняло восточные рубежи Хитлума, а когда возвращался, то скорая речь его, полная незнакомых слов, шуток и загадок, тревожила и беспокоила Түрина. В то время все тепло своего сердца Түрин отдавал сестре своей Лалайт; но играл он с нею редко, а больше любил охранять ее незримо и смотреть, как она ходит по травам

или же играет под деревом и напевает песенки, которые дети аданов складывали давным-давно, когда язык эльфов еще был на слуху у них.

— Прекрасна Лалайт, словно эльфийское дитя, — говорил Хúрин Морвен, — но, увы, век ее короче. Но тем прекраснее, верно, или тем дороже!

И Тúрин, слыша эти слова, долго раздумывал над ними, но не мог понять их. Ибо он эльфийских детей не видел; никто из эльдаров в то время не жил в землях его отца, и лишь однажды Тúрин видел их, когда Король Фингон со множеством своих придворных пересекали Дор-Лóмин

и проехали по мосту через Нен Лалайт, сверкая светлым серебром.

Но не прошло и года, как подтвердилась истина отцовских слов; ибо Дыханье Зла пришло в Дор-Лóмин, и Тўрин заболел и долго лежал в лихорадке и черном забытии. Когда же исцелился он, ибо так было суждено ему и такова была сила жизни в нем, он спросил о Лалайт. И нянька ответила ему:

— Не говори больше о Лалайт, сын Хўрина; а о сестре своей Урвен спроси у своей матери.

И когда Морвен пришла к нему, Тўрин сказал ей:

— Я не болен больше, и хочу увидеть Урвен; и почему мне нельзя

больше называть ее Лалайт?

— Потому, что Урвен умерла, и смех умолк в этом доме, — ответила Морвен. — Но жив Враг, принесший нам это горе, и жив ты, сын Морвен.

Морвен утешала сына не более, чем саму себя; ибо горе встретила она в молчании и с холодным сердцем. Хúрин же горевал, не таясь; и взял свою арфу, и хотел было сложить плач, но не смог; разбил свою арфу и, выйдя из дома, воздел руки к северу и воскликнул:

— Казнитель Средиземья! Хотел бы я встретиться с тобой лицом к лицу и казнить тебя, как господин мой Фингон казнил!

Тúрин проплакал всю ночь, но

при Морвен более не называл имени своей сестры. Лишь одному другу открывался он в то время и говорил с ним о своей печали и о том, как пусто стало в доме. Имя этого друга было Садор, и служил он на подворье у Хурина; был он хром и небольшого чина. Некогда был он дровосеком и по несчастью или по неловкости отсек себе правую стопу, и нога усохла; Түрин звал его Лабадал, что значит «Хромоног», но имя это не обижало Садора, ибо дано было из сочувствия, а не в насмешку. Садор делал и чинил мелкие вещи, недорогие, но нужные в хозяйстве, ибо был немало искусен в плотницком деле и других работах по

дереву; а Тўрин подносил ему
нужное, помогая хромоту, и часто
прихватывал для него какой-нибудь
инструмент или кусок дерева, если
думал, что это может пригодиться его
другу. На это Садор улыбался, но
просил вернуть подаренное на место;
«Дари щедро, но дари свое!» —
говорил он. Доброту мальчика Садор
ценил, как умел, и вырезал для него
из дерева человечков и зверушек; но
больше всего любил Тўрин рассказы
Садора, ибо в дни Браголлаха Садор
был молод и рад был теперь
вспоминать те недолгие годы, когда
был он здоров и не покалечен.

— Великая то была битва, сын
Хўрина, и все говорят так. В тот год

меня призывали от моих трудов в лесу; но на самом Браголлахе я не был, а не то, быть может, получил бы свое увечье с большей честью. Ибо мы подошли слишком поздно и успели лишь унести похоронные дроги прежнего господина Хадора, что пал, защищая Короля Финголфина. После того я ушел в солдаты и служил в *Эйтеле* {Eithel} Сирион, славной крепости эльфийских королей, много лет; или же так кажется мне сейчас потому, что пустые годы, пролетевшие после того, были мало чем отмечены. В *Эйтеле* Сирион я был, когда Черный Король напал на него, и королевским военачальником был там в то время Галдор, отец

твоего отца. В том нападении он был убит; и я видел, как твой отец принял его власть и начальство, хоть сам едва возмужал тогда. Но в нем горел такой огонь, что меч его раскалялся добела — так говорят. С ним мы загнали орков в пески; и с того дня они не смели появляться в виду нашей крепости. Но, увы! я утолил свою любовь к сражениям, ибо вдосталь пролил крови и вдосталь получил ран; и я вернулся в леса, по которым тосковал. А там ждало меня мое увечье; ибо тот, кто бежит от страха своего, увидит, что лишь выбрал короткий путь к нему.

Так Садор разговаривал с Түрином, пока тот рос; и начал

Тúрин задавать множество вопросов, на которые трудно было Садору ответить; и Садор стал думать, что уже другим, более близким, пора бы поучать Тúрина. Однажды Тúрин спросил его:

— Была ли и вправду Лалайт словно эльфийское дитя, как говорил мой отец? И что он хотел сказать, когда сказал, что век ее короче?

— Очень была похожа, — отвечал Садор, — ибо в первые годы дети людей и эльфов весьма схожи. Но дети людей растут быстрее, и скорее проходит их юность; такова наша судьба.

И Тúрин спросил его:

— Что такое судьба?

— Что до судьбы людской, — отвечал Садор, — то спроси об этом кого-нибудь помудрее Лабадала. Но всякий видит, что мы со временем старимся и умираем; а многие по несчастью находят смерть еще раньше. Эльфы же не старятся и не умирают, разве что от великих мук. От ран и горестей, которые погубили бы человека, эльф может оправиться; и даже если тело его погибло, говорят, что он может вернуться снова. Но не так с нами.

— Так Лалайт не вернется? — спросил Түрин. — Куда же она ушла?

— Не вернется, — ответил Садор. — А куда она ушла, ни один человек не знает; не знаю и я.

— Всегда ли было так? Или эта напасть пришла от Проклятого Короля, как Дыханье Зла?

— Не знаю. Тьма лежит за нами, и немногие сказания выходят из нее. Праотцы праотцов наших, может быть, могли рассказать, но не рассказали. Имена их, и те позабыты. Между нами и их жизнью стоят Горы, которые перешли они, спасаясь невесть от чего.

— Они боялись чего-то? — спросил Түрин.

— Может быть, — ответил Садор. — Может быть, мы бежали от страха Тьмы — и только затем, чтобы встретить ее здесь перед собой, и некуда бежать нам дальше, кроме

Моря.

— Но больше мы не боимся, — возразил Тўрин, — никто не боится. Отец мой не боится, и я не буду; по крайности, как моя мать, если буду я бояться, то не выкажу этого.

Показалось Садору, что глаза Тўрина стали не похожи на глаза ребенка, и подумал он: «Горе — оселок сильному духу». Вслух же он сказал:

— Сын Хўрина и Морвен, не может знать Лабадал, что станется с твоим сердцем; но немногим выкажешь ты, что на сердце у тебя.

И Тўрин сказал:

— Лучше, наверно, не говорить о том, чего хочешь, если не можешь

достичь этого. Но хотел бы я, Лабадал, быть эльдаром. Тогда Лалайт могла бы вернуться, а я дождался бы ее, даже если бы ее долго не было. Я пошел бы, как только смог, в солдаты к эльфийскому Королю, как ты, Лабадал.

— У них можно многому научиться, — сказал Садор и вздохнул. — Дивный они народ и чудесный, и дана им власть над сердцами людей. Но порою думаю я, что лучше было бы, если бы мы не встречали их вовек, а шли бы тихо своим путем. Ибо они — народ уже древний в знании; народ гордый и стойкий. В их свете мы затмеваемся

или сгораем слишком быстро, и рок наш тяжелее ложится на наши плечи.

— Но отец мой любит их, — возразил Түрин, — и печалится без них. Он говорит, что почти все, что знаем, мы знаем от них, и что мы сделались благороднее; и говорит он, что те люди, что позже перешли через Горы, немногим лучше орков.

— Это правда, — ответил ему Садор, — правда, по крайности, для многих из нас. Но трудно подниматься, а поднявшись, легко упасть.

В это время Түрину уже почти минуло восемь лет, в месяц гваэрон {Gwaeron} по счету Эдайна, в год,

который не забудется. Давно уже среди старших ходили слухи о том, что собирается и снаряжается войско, но Түрин ничего не слышал о том; Хүрин же, зная храбрость Морвен и ее неболтливый язык, часто говорил с ней о делах эльфийских Королей и о том, что может случиться, если выпадет в них удача или неудача. Сердце его билось надеждой, и он мало опасался исхода битвы; ибо не знал он в Средиземье силы, что могла бы одолеть мощь и величие Эльдара. «Они видели на Западе свет», — говорил он, — «и тьма в конце концов побежит от них». Морвен не спорила с ним; ибо рядом с Хүрином ей всегда верилось

в лучшее. Но в ее роду тоже жило эльфийское знание, и она сказала себе: «Разве они не ушли от Света, и разве он не закрыт теперь для них? Может быть, Владыки Запада выбросили их из мыслей своих; да и как могут Старшие Дети одолеть одну из Сил?»

Ни тени этих сомнений, казалось, не лежало на сердце Хурина Талиона {Thalion}; но однажды весенним утром он проснулся, словно от дурного сна, и темная туча лежала на нем весь тот день; а вечером он вдруг сказал:

— Когда призовут меня, Морвен Эледвен, я оставлю наследника Дома Хадора на тебя. Жизнь человека

коротка, и много в ней опасностей, даже в мирное время.

— Всегда так было, — отвечала она. — Что стоит за твоими словами?

— Осмотрительность, и только, — сказал Хúрин; но казалось, он был чем-то весьма озабочен. — Тот, кто заглядывает вперед, должен предвидеть, что все может стать не таким, каким было. Велика будет битва, и одной стороне придется пасть ниже, чем стоит она сейчас. Если выйдет так, что эльфийские Короли падут, то беда будет Эдайну; а мы живем ближе всех к Врагу. Если же случится беда, я не скажу тебе «не бойся!». Ибо ты

боишься лишь того, чего следует бояться, и не более; и страх не лишает тебя сил. Я скажу тебе: «Не жди!» Я вернусь к тебе, как только смогу, но не жди! Беги на юг быстро, как только сможешь; а я последую за тобой и найду тебя, хотя бы мне пришлось обыскать весь Белерианд.

— Белерианд просторен и бездомен для беглецов, — отвечала Морвен. — Куда же бежать мне, со многими или с немногими?

И Хúрин помолчал и задумался.

— Родичи моей матери живут в Бретиле, — сказал он. — Это в тридцати лигах лета орла отсюда.

— Если такое зло и впрямь придет к нам, какая польза будет

тогда от людей? — спросила она. — Дом Беора пал. Если падет великий Дом Хадора, в какие же норы укроется малый Народ Халет {Haleth}?

— Они малочисленны и неучены, но не принижай их достоинства, — возразил Хúрин. — На кого же еще надеяться?

— Ты не говоришь о Гондолине, — сказала Морвен.

— Не говорю, ибо это имя еще никогда не сходило с уст моих, — сказал Хúрин. — Истинно то, что слышала ты: я был там. Только скажу тебе правду, которой я не открывал другим: я не знаю, где стоит он.

— Но ты догадываешься, и

догадки твои, думается мне, близки к истине, — настаивала Морвен.

— Может быть и так, — сказал Хурин. — Но пока сам Тургон не освободит меня от моей клятвы, я не могу рассказать о своих догадках даже тебе; и потому поиски твои будут напрасны. А если бы я и проговорился, на свой позор, то пришла бы ты, самое большее, к закрытым воротам; ибо если только Тургон не выйдет на войну, о чем не было слышно ни слова и на что нет надежды, то никто не войдет в его город.

— Тогда, раз на родню твою надеяться нельзя, а твои друзья отвергают тебя, — сказала

Морвен, — мне придется подумать самой; а мне приходит мысль о Дориате. Последним из всех заслонов падет Завеса Мелиан, думаю я; и не в опале Дом Беора в Дориате. Разве я не родня королю? Ведь Берен сын Барахира был внуком Брегору, как и мой отец.

— Не лежит мое сердце к Тинголу, — сказал Хúрин. — Не будет от него помощи Королю Фингону; и, не знаю, почему, но тень ложится мне на душу всякий раз, как упоминается Дориат.

— При упоминании Бретиля на мою душу тень ложится, — ответила Морвен.

Тут вдруг рассмеялся Хúрин и

сказал:

— Вот мы сидим и спорим о том, чего не можем знать, и о тенях снов. Может, и не станет так уж плохо; но если станет, то все положится на твою храбрость и твое разумение. Поступай тогда, как сердце повелит тебе; но не медли. А если на нашей стороне будет победа, то решили уже эльфийские Короли вручить все вотчины дома Беора его наследникам; и высокое наследство перейдет нашему сыну.

В ту ночь видел Түрин в полусне, как отец и мать встали у ложа его и смотрели на него в свете свечей, которые держали; но лиц их он не видел.

Утром в день рождения Тўрина Хўрин подарил сыну подарок — эльфийской работы нож и пояс с ножнами, черненые и серебряные; и сказал он:

— Наследник Дома Хадора, вот тебе дар в твой день. Но будь осторожен! Клинок остер, а сталь служит лишь тому, кто умеет владеть ею. Он порежет твою руку так же охотно, как и что угодно другое, — И, поставив Тўрина на стол, Хўрин расцеловал сына и добавил. — Чуть ли не выше меня ты стал, сын Морвен; скоро будешь ты так же высок и на своих ногах. В те дни многие станут бояться твоего клинка.

И Тўрин выбежал из дома и гулял один, и в сердце его было тепло, подобное теплу солнца в холодный день, пробуждающему все живое к росту. Он повторял про себя отцовские слова «наследник Дома Хадора», но другие слова тоже пришли ему на ум: «Дари щедро, но дари свое». И пошел Тўрин к Садору, и воскликнул:

— Лабадал! Сегодня мой день рождения, день рождения наследника Дома Хадора! Я принес тебе подарок, чтобы отметить этот день. Вот нож, как раз такой, какой был нужен тебе; он будет резать все, что понадобится, так же легко, как волосинку.

И Садор задумался, ибо знал, что Түрин сам сегодня получил в подарок этот нож; но у людей дурным считалось отказываться от любого дара. И ответил Садор Түрину спокойно:

— Из рода щедрых ты, Түрин сын Хүрина. Я ничем не заслужил твой дар, и не надеюсь заслужить в те дни, что еще отпущены мне; но я сделаю, что смогу. — И, вынув нож из ножен, сказал Садор. — Воистину, драгоценный это подарок — клинок эльфийской стали. Давно не хватало мне такого.

Хүрин скоро заметил, что Түрин не носит подаренный нож, и спросил, не напугало ли его

предупреждение? На это Тўрин ответил:

— Нет; я подарил нож Садору-плотнику.

— Так тебе не по нраву отцовский дар? — спросила Морвен, и ответил Тўрин:

— По нраву; но я люблю Садора и мне жаль его.

И сказал Хўрин:

— Все эти три вещи ты был волен подарить: любовь, жалость и, в последнюю голову — нож.

— Но не думаю я, что Садор заслуживает их, — возразила Морвен. — Покалечил он себя по собственной неловкости, и работает неспешно, тратя время на ненужные

мелочи.

— И все же пожалей его, — сказал Хúрин. — Верная рука и честное сердце могут промахнуться; а сносить увечье бывает тяжелее, чем раны, нанесенные врагом.

— Но другого клинка тебе придется ждать долго, — сказала Морвен Тúрину. — Только так дар будет истинным даром, и ты будешь его достоин.

Однако, Тúрин увидел, что с Садором стали обращаться много лучше, и поручили ему изготовить трон, на котором будет сидеть господин в своем доме.

И настало солнечное утро

месяца лотрон {Lothron}, когда Түрин проснулся от звука труб; и, подбежав к дверям, увидел он множество людей, конных и пеших, и все были снаряжены на битву. С ними был также Хүрин, и он говорил с людьми и отдавал приказания; и Түрин узнал, что сегодня же все они выступают в Барад Эйтель. Здесь была и дружина Хүрина, и все его домашние; все мужи его земли были призваны. Многие ушли уже с Хуором, братом отца Түрина; и многие должны были еще присоединиться к Господину Дор-Лóмина по пути и под его знаменами вступить в великое войско Короля.

Морвен простилась с Хүрином

без слез; и сказала она:

— Я сохраню то, что ты вверил мне; и то, что есть, и то, что будет.

И Хúрин ответил ей:

— Прощай, Госпожа Дор-Лóмина; ныне уезжаем мы с большей надеждой, чем когда-либо раньше. Будем же верить, что посреди этой зимы пир наш будет веселей, чем во все былые годы, а за ним придет весна без страха! — Затем Хúрин поднял Тúрина себе на плечо и воззвал к своим воинам: — Пусть Наследник Дома Хадора увидит блеск ваших мечей!

И солнце засверкало на пятидесяти клинках, взметнувшихся вверх, и двор загремел боевым

кличем аданов Севера:

— *Лахо Калад {Lacho Calad}!*
Дрего морн! Вспыхни, Свет!
Скройся, Тьма!

И, наконец, вскочил Хúрин в седло, и развернулось золотое знамя его, и снова запели трубы; и так Хúрин *Талион* ушел на *Нирнаэт Арноэдиад*.

Морвен же и Тúрин стояли в дверях, пока ветер не донес далекий зов одинокого рога: Хúрин проехал вершину холма, из-за которой не виден уже был его дом.

Речи Хúрина и Моргота

Много спето эльфами песен и

много рассказано сказаний о Нирнаэте Арноэдиад, Битве Бессчетных Слез, в которой погиб Фингон и пал цвет Эльдара. Если все их пересказывать, то не хватит жизни человеческой^[35]; здесь же будет сказано лишь о том, что выпало Хúрину сыну Галдора, Господину Дор-Лóмина, когда посреди реки Ривиль был он по приказу Моргота захвачен живым и уведен в Ангбанд.

Хúрин был приведен пред Моргота, ибо Моргот знал через свои хитрости и через своих лазутчиков, что Хúрин в дружбе с Королем Гондолина; и хотел Моргот устрашить его видом своим. Но

Хурина нельзя было утешить, и он не поддался ему. Тогда Моргот заковал его в цепи и подверг медленным мучениям; и время от времени приходил к нему и предлагал отпустить его на все четыре стороны или дать ему власть и чин величайшего из своих начальников, если только он выдаст, где стоит твердыня Тургона, и расскажет все, что известно ему о делах Короля. Хурин же Стойкий смеялся над ним, говоря:

— Слепец ты, Моргот Бауглир, и слепцом будешь вечно, видя лишь мрак. Не знаешь ты, что правит сердцами людей, а если бы и знал, то не владеешь этим. Но глупец тот, кто

принимает предлагаемое Морготом. Сперва возьмешь ты цену, а потом не исполнишь обещанного; и если выдам я тебе то, что ты просишь, то получу лишь смерть.

Тогда рассмеялся Моргот и сказал:

— Смерти еще, может быть, станешь ты просить у меня, как дара!

И взял он Хúрина к Хауду-эн-Нирнаэт {Haudh-en-Nirnaeth}, а был он тогда только что навален, и смертный смрад стоял над ним; и Моргот поставил Хúрина на вершине его и повернул его на запад в сторону Хитлума, и сказал:

— Вспомни жену свою, сына своего и весь род свой! Они теперь в

моей земле живут, и по моей милости.

— Нету у тебя милости, — ответил Хúрин. — Но они не приведут тебя к Тургону: они его тайн не знают.

Тогда взъярился Моргот и сказал:

— Так доберусь же я до тебя и всего твоего проклятого дома, и будете вы сломлены волей моей, будь вы из стали сделаны!

И поднял он длинный меч, что лежал там, и сломал его перед глазами Хúрина, и осколок поранил Хúрину лицо, но тот не дрогнул. Тогда Моргот протянул свою длинную руку к Дор-Лóмину и

проклял Хурина, и Морвен, и весь род их, сказав:

— Смотри же! Тень моей думы будет лежать на них, куда бы ни шли они, и ненависть моя будет преследовать их до краев мира.

Но Хурин сказал:

— Впустую говоришь ты. Ведь ты не видишь их и не имеешь власти над ними издали, раз уж ты в этом облике и хочешь быть Королем, зримым на земле.

Повернулся Моргот к Хурину и сказал:

— Глупец, мельчайший из людей, мельчайших среди всего, что говорит! Видел ли ты Валаров и измерил ли мощь Манвэ {Manwë} и

Варды? Знаешь ли пределы их думам? Или думаешь ты, быть может, что мысли их о тебе, и что они издалека за тебя заступятся?

— Не знаю я, — ответил Хúрин. — Но может быть и так, если пожелают они. Ибо Старший Король не будет свергнут с трона, пока стоит Арда.

— Ты сам сказал! — воскликнул Моргот. — Я — Старший Король: Мелькор, первый и сильнейший из всех Валаров; я был раньше мира и создал его. След моих замыслов лежит на Арде, и все, что есть в ней, преклоняется медленно, но верно, пред моею волей. А на всех, кого ты любишь, дума моя бременем ляжет

тяжко, как туча Рока, и склонит их во мрак и отчаянье. Куда ни пойдут они, там будет подниматься зло. Что ни скажут они, слово их будет дурным советом. Что ни станут делать они, обернется против них. Умрут они без надежды, проклиная и жизнь, и смерть.

Но Ху́рин возразил:

— Забыл ли ты, с кем говоришь?

Давным-давно уже говорил ты это нашим праотцам; но мы ушли из-под твоей тени. А теперь мы знаем тебя, ибо мы смотрели в глаза тем, кто видел Свет, и слышали голоса тех, кто разговаривал с Манвэ. Был ты до начала Арды, но были и другие; и не ты создал ее. И не сильнейший ты;

ибо силу свою ты растратил на себя, и в своей тщете погубил ее. Ты ныне не больше, чем беглый раб валаров, и цепи их ждут тебя.

— Хорошо же вызубрил ты уроки своих учителей, — сказал Моргот. — Но эта детская наука тебе не поможет — ведь учителя твои разбежались.

— Так вот что напоследок скажу я тебе, раб Моргот, — сказал Хúрин, — и это не из учений Эльдара, а сейчас в сердце моем родилось. Ты не Владыка Людей, и не будешь им, хотя бы вся Арда и Менель подпали под твою власть. За Кругами Мира ты не станешь преследовать тех, кто отринул тебя.

— За Кругами Мира не буду я преследовать их, — отвечал Моргот, — ибо за Кругами Мира — Ничто. Но в Кругах не избегнут они меня, пока не уйдут в Ничто.

— Ты лжешь, — возразил Хúрин.

— Увидишь ты и убедишься, что я не лгу, — сказал Моргот.

И, вернув Хúрина в Ангбанд, он усадил его на каменный трон высоко в Тангородрime {Thangorodrim}, откуда видны были ему земли Хитлума на западе и земли Белерианда на юге. Там был он прикован силой Моргота; и, встав за его спиной, Моргот снова проклял его и навел на него свою власть так,

что Ху́рин не мог ни уйти оттуда, ни умереть, пока Моргот не отпустит его.

— Сиди теперь здесь, — сказал Моргот, — и смотри на земли, в которых зло и отчаяние падут на тех, кого ты предал мне. Ибо ты посмел смеяться надо мной и оспаривать власть Мелькора, Хозяина судеб Арды. Потому моими глазами будешь ты видеть, и моими ушами слышать, и ничто не скроется от тебя.

Уход Ту́рина

Лишь трое вернулись в Бретиль дорогой через Таур-ну-Фуин, полной бедствий; и когда Глорэдэль,

Хадорова дочь, узнала о гибели Халдира, она умерла от горя.

В Дор-Лóмин же не пришли вести. Рúан, жена Хуора, помешавшись от тоски, бежала в глушь; но ее спасли Серые эльфы Митримских {Mithrim} гор, и когда родился сын ее Туор, они приняли его. Она же ушла к Хауду-эн-Нирнаэт, легла там и умерла.

Морвен Эледвен осталась в Хитлуме, горюя молчаливо. Сыну ее Тóуру шел всего девятый год, и снова носила она под сердцем дитя. Горьки были ее дни. Истерлинги во множестве пришли в ту землю и жестоко обошлись с народом Хадора, лишив всего, что те имели, и

поработив их. Всех жителей дома Хурина, кто мог служить или работать, они увели, даже детей, а стариков перебили или заморили голодом. Но поднять руку на Госпожу Дор-Лóмина или выгнать ее из дома они не осмелились; ибо меж них ходили толки, что она опасна, что она ведьма и знается с белыми демонами — так они называли эльфов, которых ненавидели, но больше боялись [\[36\]](#). По этой же причине они избегали гор, куда бежали многие эльдары, больше всего — на юге страны; и, разграбив и опустошив Дор-Лóмин, истерлинги ушли к северу. Дом же Хурина стоял на юго-востоке Дор-Лóмина, и горы

были близко; сам Нен Лалайт
проистекал из источника под сенью
Амона Дартир {Darthir}, через отрог
которого вела крутая тропа. Этой
тропою выносливый путник мог
пересечь Эред Вэтрин {Wethrin} и
спуститься по истокам Глимуи в
Белерианд. Но этого не знали
истерлинги, и даже сам Моргот; ибо
вся страна, в которой стоял Дом
Финголфина, была сокрыта от него, и
никто из его слуг никогда не попадал
туда. Моргот думал, что Эред
Вэтрин — непреодолимая преграда
и для бегущих с севера, и для
нападающих с юга; и действительно,
не было в нем другого прохода для
бескрылых от Сереха {Serech} на

востоке и к западу до тех мест, где Дор-Лóмин переходил в Нэвраст.

Так и вышло, что после первых грабежей Морвен оставили в покое, хотя воины ходили по окрестным лесам, и опасно было далеко уходить от дома. Под защитой Морвен остались Садор-плотник с еще несколькими стариками и старухами и Тóрин, которого она не выпускала со двора. Но вскоре усадьба Хóрина пришла в упадок, и хотя Морвен много трудилась, она обеднела и голодала бы, если бы не помощь, которую посылала ей тайно Аэрин, родственница Хóрина, которую Бродда, один из истерлингов, силою взял себе в жены. Морвен горько

было подаяние; но она принимала эту помощь ради Түрина и нерожденного еще ребенка, а также потому, как говорила она, что была эта помощь из ее собственного добра. Ибо этот-то самый Бродда и захватил людей, добро и скот поместий Хүрина, и забрал все это в свое жилище. Был он не трусливым человеком, но невысокого звания среди своих соплеменников до того, как пришли они в *Хитлум*; и в жажде богатства он готов был взять те места, на которые остальные такие, как он, не позарились. Морвен он повстречал однажды, когда заезжал в их дом с набегом; но великий страх охватил его при виде

ее. Показалось ему, что глядит он в гибельные глаза белого демона, и смертный ужас охватил его и боязнь, как бы чего дурного не случилось с ним; и он не стал грабить ее дом, и не нашел Түрина, а не то недолгой была бы жизнь наследника истинного властителя.

Бродда сделал Соломенных Голов, как называл он народ Хадора, рабами и заставил их строить себе деревянный дворец к северу от дома Хүрина; рабов своих он держал в загоне, словно скотину, но охранял их плохо, и еще были среди них те, кто не был запуган и готов был помочь в трудную годину Госпоже Дор-Лóмина, даже с угрозой для

собственной жизни; и от них приходили к Морвен известия о том, что делается на земле, хоть и мало было надежды в этих известиях. Аэрин же Бродда взял себе женой, а не рабыней, ибо в его племени было мало женщин, и ни одна из них не могла сравниться с дочерьми Эдайна; и надеялся он сам стать господином в той стране и заполучить наследника, который перенял бы ее от него.

О том, что случилось, и о том, что могло случиться в будущие дни, Морвен не много рассказывала Түрину; он же не решался вопросами нарушать ее молчание. Когда истерлинги впервые вторглись в Дор-

Лóмин, он спросил у матери:

— Когда же вернется отец и прогонит этих мерзких разбойников? Почему он не идет?

Морвен отвечала:

— Не знаю я. Может статься, что он погиб или уведен в плен; или, опять же, может статься, что он зашел далеко и не может пока вернуться через земли, что заняты врагом, окружившим нас.

— Тогда я буду думать, что он погиб, — сказал Тóрин, не обронив перед матерью слезы. — Ведь никто не мог бы помешать ему придти и помочь нам, если бы он был жив.

— Думается мне, что и то, и другое — неправда, — сказала

Морвен.

Шло время, и сердце Морвен омрачал страх за сына своего Тўрина, наследника Дор-Лóмина и Ладроса; ибо она не видела ему участи большей, чем стать рабом истерлингов с юных лет. И она вспомнила свой разговор с Хўрином, и мысль ее вновь обратилась к Дориату; решилась она, наконец, тайно отослать туда Тўрина, если удастся, и молить Короля Тингола принять его. Села она и стала думать, как сделать это, и вдруг услышала голос Хўрина, говорящий: «Уходи скорей! Не жди меня!» Но близилось рождение ее ребенка, а дорога была

тяжела и опасна; и чем дальше по этой дороге, тем меньше надежды на спасение. Сердце же все обманывало ее невольной надеждой; в глубине души предчувствовала она, что Ху́рин жив, и в бессонные ночные часы все прислушивалась, не раздадутся ли его шаги, а порою во дворе слышалось ей ржание Арроха {Arroch}, коня Ху́рина. Кроме того, хотя и желала она, чтобы сын ее был возвращен в чужих чертогах, как было то в обычае того времени, не настолько еще смирила она свою гордость, чтобы просить кого-то о милости, даже короля. Потому она отвергла совет голоса Ху́рина или же памяти его голоса, и так была

сплетена первая прядь судьбы
Тúрина.

Близи́лась осень Го́да Скорби, когда Морвен реши́лась, и она спешила уже с решением; ибо времени для путешествия оставалось немного, но она боя́лась, что Тúрина заберут, если она будет пережидать зиму. Истерлинги рыскали вокруг усадьбы и следили за домом. И однажды она сказала Тúрину:

— Твой отец все не приходит. Потому ты должен уходить, и уходить скоро. Такова была бы и его воля.

— Уходить? — воскликнул Тúрин. — Куда же мы пойдём? Через Горы?

— Да, — отвечала Морвен, — через Горы на юг. На юг — ибо на этом пути может еще быть какая-то надежда. Но я не сказала «мы», сын мой. Ты должен уйти, а я должна остаться.

— Не могу я уйти один! — сказал Түрин. — Я не оставлю тебя. Почему не можем мы идти вместе?

— Я не могу идти, — отвечала Морвен. — Но ты не пойдешь один. С тобой я отправлю Гетрона {Gethron}, и Гритнира {Grithnir}, быть может, также.

— А Лабадала не отправишь? — спросил Түрин.

— Нет, ибо Садор хром, — ответила Морвен, — а дорога может

оказаться тяжкой. Ты — мой сын, и дни мрачны, потому я скажу прямо: ты можешь погибнуть на этом пути. Год подходит к концу. Но если ты останешься, худшая участь ждет тебя — стать рабом. Если ты хочешь стать мужчиной, когда вырастешь, ты смело поступишь так, как я говорю.

— Но мне придется тебя оставить лишь с Садором, слепым Рагниром и старухами, — сказал Түрин. — Не говорил ли отец, что я — наследник Хадора? Наследник должен оставаться в доме Хадора, чтобы защищать его. Жалею сейчас, что не со мной мой нож!

— Должен наследник оставаться, да не может, — ответила

Морвен. — Но он может однажды вернуться. Соберись с духом! Я пойду за тобой, если будет хуже — если смогу.

— Как же ты найдешь меня в глуши? — спросил Түрин; и тут сила духа покинула его, и он разрыдался открыто.

— Если будешь реветь, и прочие напасти найдут тебя легко. — сказала Морвен. — Я знаю, куда ты идешь, и если ты придешь туда и будешь там, там найду тебя, если смогу. Ибо я посылаю тебя к Королю Тинголу в Дориат. Не больше ли тебе по душе быть королевским гостем, чем рабом?

— Не знаю я, — отвечал

Тúрин. — Я не знаю, что такое раб.

— Затем-то я и отсылаю тебя, чтобы ты не узнал, что это такое, — ответила ему Морвен.

И усадила она Тúрина перед собой и посмотрела в глаза ему, словно ища в них ответа на вопрос.

— Тяжко это, Тúрин, сын мой, — сказала она, наконец. — Не тебе одному тяжело. Трудно мне в эти злые дни рассудить, что лучше. Но я делаю то, что считаю верным — ибо как же иначе могла бы расстаться с самым дорогим, что мне осталось?

Больше они об этом не говорили, и Тúрин горевал и был растерян. Поутру он пошел к Садору, что рубил хворост, ибо хвороста у

них было мало, потому что они не осмеливались уходить далеко в лес; и Садор стоял, опершись о костыль, и смотрел на большой трон Хурина, стоявший недоделанным в углу.

— Надо сжечь его, — сказал он, — ибо лишь самое необходимое уместно в эти дни.

— Все равно не ломай его, — попросил Түрин. — Может быть, отец вернется домой, и тогда он будет рад увидеть, что ты сделал для него, пока его не было.

— Лживые надежды хуже страхов, — сказал Садор, — и не согреют они нас этой зимой. — Садор провел пальцем по резьбе трона и вздохнул. — Напрасно

потратил я время, хотя и в радость мне были те часы. Но жизнь всех таких вещей недолга; и лишь в радости, пока делаешь их, вся их польза, думается мне. Теперь же я мог бы вернуть тебе твой дар.

Тúрин протянул руку, но тут же отдернул ее.

— Не принимают подарки обратно, — сказал он.

— Но раз он теперь мой, разве я не могу подарить его, кому захочу?

— Можешь, — отвечал Тúрин, — но только не мне. Но почему ты хочешь отдать его?

— Не чаю я делать им достойное дело, — ответил Садор. — Не будет в будущие дни для Лабадала

другой работы, кроме работы раба.

— Что такое раб? — спросил Тўрин.

— Тот, кто был человеком, но стал скотиной, — ответил Садор. — Его кормят лишь для того, чтобы не умер он с голоду, живет он лишь для того, чтобы трудиться, а трудится лишь под страхом смерти и мучений. А эти разбойники станут мучить и убивать и просто ради своей забавы. Слышал я, что они собирают хромоногих и травят их гончими псами. Быстрее учились они у орков, чем мы у Дивного Народа.

— Теперь я понял больше, — сказал Тўрин.

— Позор нам, что тебе

приходится понимать такие вещи так рано, — сказал Садор. И увидев незнакомое в глазах Тўрина, спросил его. — Что же ты понял?

— Понял я, зачем мать отсылает меня, — ответил Тўрин, и слезы наполнили его глаза.

— Увы! — сказал Садор, и пробормотал тихо. — Но зачем же было ждать так долго? — И обратившись к Тўрину, сказал. — Не думаю я, что новость эта стоит слез. Только не говори о делах твоей матери вслух, ни с Лабадалом, ни с кем другим. У стен и изгородей в эти дни есть уши, и не на честных головах те уши растут.

— Должен же я поговорить хоть

с кем-нибудь?! — ответил Тўрин. — Я всегда все рассказывал тебе. Не хочу я покидать тебя, Лабадал. И не хочу покидать этот дом и мать.

— Хочешь или нет, — отвечал Садор, — а скоро придет конец Дому Хадора вовеки, и теперь ты должен это понимать. Лабадал тоже не хочет, чтобы ты уходил; но Садор, слуга Хўрина, будет счастливее, когда сын Хўрина уйдет за пределы истерлингов. Ну-ну, ничего не поделаешь: должно нам проститься. Не возьмешь ли ты теперь мой нож в прощальный дар?

— Нет! — ответил Тўрин. — Я уйду к эльфам, к Королю Дориата, как сказала моя мать. Там у меня еще

будут такие. Тебе же я не смогу слать подарков, Лабадал. Буду я далеко, и буду один.

И Түрин заплакал, но Садор сказал ему:

— Эй! Где же сын Хурина? Ведь я слышал, как он говорил однажды: «Хотел бы я пойти в солдаты к эльфийскому Королю, как только смогу!»

И Түрин перестал плакать, и сказал:

— Хорошо же; раз так говорил сын Хурина, он должен сдержать свое слово и идти. Но когда говоришь, что сделаешь то и сделаешь это, по-другому становится все, когда приходит пора. Сейчас во

мне нет того желания. Надо будет следить, чтобы не говорить больше таких слов.

— Воистину, это было бы лучше всего, — согласился Садор. — Этому многие учат, но немногие научаются. Да будет грядущее сокрыто. Дня сегодняшнего более чем достаточно.

И снарядился Түрин в путь, и простился с матерью своею, и ушел тайно с двумя спутниками. Когда же велели они Түрину обернуться и взглянуть на дом отца своего, боль расставания поразила его, словно мечом, и воскликнул он:

— Морвен, Морвен, когда же я увижу тебя?!

И Морвен, стоя на пороге дома, слышала отзвук его голоса в лесистых холмах, и так стиснула пальцами косяк двери, что изранила себе пальцы в кровь. Такова была первая из горестей Түрина.

В начале года после ухода Түрина Морвен родила дитя и назвала ее Ниэнор, что значит Скорбь; а Түрин был уже далеко, когда она родилась. Долгой и недоброй была дорога его, ибо власть Моргота широко разошлась по земле; но с ним были провожатые Гетрон и Гритнир, которые были молоды во дни Хадора, но и сейчас еще были доблестными воинами, хоть и

старыми, и они знали земли, ибо часто ходили в былые времена по Белерианду. Так, волею судьбы и смелостью своей, перешли они через Тенистые Горы и, спустившись в Долину Сириона, прошли через Бретильский лес; и, наконец, усталые и изможденные, достигли пределов Дориата. Но там они попали под чары и заблудились в марах Королевы, и бесцельно блуждали по бездорожному лесу, пока у них не вышла вся пища. И были они близки к гибели, ибо холодная зима пришла с Севера; но не столь легка была судьба Түрина. Едва легли они наземь в отчаянии, как вблизи протрубил рог. Белег

Сильный Лук охотился в тех местах, ибо он всегда жил на границах Дориата, и был величайшим охотником в те времена. Он услышал их зов и пришел к ним, и дал им воды и пищи, а узнав, кто они и откуда пришли, исполнился восхищения и сострадания. И с приятнью посмотрел он на Түрина, ибо были в нем красота его матери и глаза его отца, и был Түрин силен и крепок.

— Чего хочешь ты просить у Короля Тингола? — спросил Белег у мальчика.

— Хочу я стать одним из его рыцарей, воевать с Морготом и отомстить за отца моего, — ответил тот.

— Может так выйти, когда годы возвеличат тебя, — ответил Белег. — Ибо, хоть ты и мал еще, есть в тебе все задатки доблестного мужа, достойного быть сыном Хурина Стойкого, если только может появиться такой.

Имя Хурина в почете было во всех эльфийских землях. Потому Белег с радостью повел путников, и привел их в замок, где он жил в то время с другими охотниками, и там их поселил, покуда гонец отправился в Менегрот {Menegroth}. Когда же с обратным гонцом пришла весть о том, что Тингол и Мелиан принимают сына Хурина и стражей его, Белег тайными путями провел их

в Сокрытое Королевство.

Так пришел Түрин к великому мосту через Эсгалдуин и вошел в двери чертогов Тингола; и глядел, как ребенок, на чудеса Менегрота, которых не видел ни один смертный, кроме лишь Берена. Там Гетрон передал Тинголу и Мелиан послание Морвен; и Тингол тепло принял их, и усадил Түрина к себе на колени в честь Хүрина, наимогучего из людей, и Берена, родича его. И те, кто видел это, подивились, ибо это значило, что Тингол принимает Түрина приемным сыном своим; а в то время короли не усыновляли чужих детей, тем более король эльфов — сына человека. И сказал тогда Тингол

Тúрину:

— Здесь будет дом твой, сын Хúрина; и на всю жизнь станешь ты сыном мне, хоть ты и человек. Будет дано тебе премудрости превыше меры смертных людей, и оружие эльфов будет вложено в руки твои. Быть может, настанет время, и ты вернешь себе земли твоего отца в Хитлуме; а пока живи здесь в любви и мире.

Так началась жизнь Тúрина в Дориате. С ним оставались некоторое время его стражи Гетрон и Гритнир, хотя они давно уже хотели вернуться в Дор-Лóмин к своей госпоже. Но старость и

слабость навалились на Гритнира, и он остался с Түрином до самой смерти своей; Гетрон же ушел, и Тингол выслал с ним отряд, чтобы проводить его и охранить, и с ними передал послание Морвен. Когда пришли они, наконец, в дом Хурина, и Морвен узнала, что Түрина с почетом приняли в чертогах Тингола, горе ее чуть полегчало; эльфы также принесли ей от Мелиан богатые дары и приглашение отправиться со слугами Тингола в Дориат. Ибо Мелиан была мудра и прозорлива, и этим она надеялась предотвратить то зло, которое готовил в думах своих Моргот. Но Морвен не пожелала покинуть свой дом; к тому же

Ниэнор не была еще отнята от груди. Потому Морвен отпустила дориатских эльфов, сердечно отблагодарив их, и одарила их немногим последним золотом, что еще оставалось у нее, чтобы не выказать своей бедности; и она попросила их отнести к Тинголу Шлем Хадора. Түрин же все время высматривал возвращение посланцев; а когда они вернулись одни, убежал в лес и плакал там, ибо знал о приглашении Мелиан и надеялся, что Морвен придет с ними. Такова была вторая из горестей Түрина.

Когда посланцы передали ответ Морвен, Мелиан, обозрев грядущее,

исполнилась печали; и поняла, что рок, который предвидела она, одолеть будет нелегко.

Шлем Хадора был передан Тинголу. Шлем тот был из серой стали и изукрашен золотом, и на нем были выложены руны победы. Была в нем сила, которая хранила того, кто его носил, ибо меч об него ломался, и копья отскакивали от него. Выковал его Тэлхар {Telchar}, кузнец из Ногрода, славный своим мастерством. Было у того шлема забрало, защищавшее глаза, как у тех шлемов, которые надевали на свои битвы гномы, и тот, кто носил его, внушал ужас всем, кто смотрел на него, а сам был защищен от огня и от

копий. На наверху шлема скалилась золоченая голова дракона Глаурунга; ибо выковали тот шлем в то время, когда дракон впервые выполз из врат Моргота. Часто Хадор, а после него Галдор надевали тот шлем в битвах; и дух воинства Хитлума поднимался, когда они видели его в пылу сражения, и они восклицали: «Сильнее Дракон Дор-Лóмина, чем Золотой Змей Ангбанда!»

Но на самом деле шлем этот был выкован не для человека, а для Азаһâла {Azaghâl}, Правителя Белегоста, убитого Глаурунгом в Год Скорби^[37]. Азаһâл подарил его Маэдросу за спасение своей жизни и

сокровищ, когда был схвачен орками на Гномьем Тракте в Восточном Белерианде^[38]. Маэдрос

впоследствии отослал его в дар Фингону, с которым часто обменивался знаками дружбы, помня, как Фингон заставил Глаурунга отступить обратно в Ангбанд. Но во всем Хитлуме не было плечей, достаточно крепких для гномьего шлема, кроме плечей Хадора и сына его Галдора. Потому Фингон вручил этот шлем Хадору, когда тот стал правителем Дор-Лóмина. По несчастью Галдор не надел его, когда защищал Эйтель Сирион, ибо то нападение было внезапным, и он выбежал на стены с

непокрытой головой, и орочья стрела пронзила его глаз. Хúрину же не так легко было носить Драконий Шлем, да и без того не стал бы он носить его, ибо говорил: «Лучше я буду глядеть на своих врагов своими глазами». Но шлем этот числил он среди самых дорогих наследий своих.

У Тингола же в Менегро́те были пещеры, заполненные великим множеством богатого оружия: лат, выделанных наподобие рыбьей чешуи и мерцавших, словно вода под луной; мечей и топоров, щитов и шлемов, выкованных самим Тэлхаром, или его учителем старым Гамилом Зираком, или еще более искусными эльфийскими кузнецами.

Ибо многое из того, что было подарено *Тинголу*, пришло из *Валино́ра* и вышло из-под рук *Феанора* {*Fëanor*}, славнее которого не было мастера во все дни мира. Но *Тингол* принял *Шлем Хадора* так, словно все его богатство ничего не стоило, и произнес он высокие слова, сказав: «Доблестные головы надевали этот шлем, что носили предки *Ху́рина*». Тут пришла *Тинголу* мысль, и он призвал *Ту́рина* и сказал ему, что *Морвен* прислала своему сыну великий дар, наследие его отцов.

— Прими же *Дракона Севера*, — сказал *Тингол*, — и когда придет время, носи его с честью.

Тúрин же был еще слишком юн, и не мог поднять шлем, и мало заботился он о нем, ибо горе лежало на сердце его.

Тúрин в Дориате

Детство провел Тúрин в королевстве Дориат, и Мелиан присматривала за ним, хоть он и редко видел ее. Девушка же по имени Неллас жила в лесах; и часто встречались они с Тúрином словно бы случайно. От Неллас Тúрин многое узнал о тропах Дориата и о диких зверях его, и она выучила его синдарину, как говорили на нем в той древней стране, на манер старинный,

возвышенный и богатый изящным словом^[39]. Так на краткое время дух Түрина просветлел, пока он не пал снова в тень, и дружба та прошла, как весеннее утро. Ибо Неллас не бывала в Менегроте и вовсе не желала ходить под каменными сводами; потому, когда прошло детство Түрина, и он обратился мыслями к делам мужей, он стал видеть ее все реже и реже, и, наконец, перестал звать ее. Она же все следила за ним, оставаясь незамеченной^[40].

Девять лет прожил Түрин в чертогах Менегрота. Сердце и думы его всегда были обращены к сородичам, и время от времени он

получал весточку от них в утешение себе. Ибо *Тингол* посылал к *Морвен* своих гонцов так часто, как только мог, и *Морвен* слала с ними слова к сыну своему; и так узнал *Тúрин*, что сестра его *Ниэнор* выросла прекрасным цветком посреди серого Севера, и полегчало на сердце у *Морвен*. *Тúрин* также вырос, и стал высок и статен, и сила его и крепость славились по стране *Тингола*. В те годы многим премудростям учился он, жадно слушая истории древних дней; и стал задумчив и немногословен. Часто *Белег Сильный Лук* приходил за *Тúрином* в *Менегрот* и уводил его далеко в леса и в поля, обучая его охоте и стрельбе

из лука, а также, и более всего нравилось это Тўрину, искусству меча; в ремеслах же Тўрин был менее искусен, ибо поздно узнал он силу свою, и часто неловким движением или ударом губил то, что делал. И в других делах также казалось, что судьба не дружна с ним, ибо часто то, что делал он, выходило наперекор его замыслам, и не выходило у него то, чего хотел он; трудно было ему находить друзей, ибо не был он весел, и редко смеялся, и омрачена была юность его. Но все равно те, кто знал его хорошо, любили его и уважали, и был он в почете, как приемный сын Короля.

И был некто, завидовавший ему из-за этого тем более, чем более выросл Түрин: Саэрос сын Итильбора {Ithilbor} было имя его. Был он из нандоров, один из тех, что укрылись в Дориате после гибели правителя их Денетора {Denethor} на Амоне Эреб в первой битве Белерианда. Эти эльфы селились большей частью в Артóриэне {Arthórien} между Аросом и Келоном {Celon} на востоке Дориата, временами странствуя за Келоном в глухомани; они не дружили с Эдайном с того времени, как люди перешли Оссирианд и осели в Эстоладе. Саэрос же жил в Менегроме и заслужил королевский

почет; и возгордился он, и держался высокомерно с теми, кого числил ниже себя достоинством и чином. Он подружился с Даэроном-песнопевцем^[41], ибо также искусен был в стихосложении; и не любил людей, а меж них более всего всех родичей Берена Эрхамиона {Erchamion}.

— Не странно ли, — говорил он, — что еще одного из злосчастливого их племени должна принимать наша земля? Один из них мало ли вреда принес Дориату?

Потому зло смотрел Саэрос на Түрина и на все, что тот делал, и говорил об этом так дурно, как только мог; но слова его были хитры,

а злоба — скрытна. Встречаясь с Түрином наедине, он говорил с ним высокомерно и открыто выказывал свою ненависть; и Түрин устал от него, хотя долгое время отвечал на злые слова молчанием, ибо Саэрос был высок в Дориате, и был советником Короля. Молчание же Түрина злило Саэроса так же, как и слова его.

В год, когда исполнилось Түрину семнадцать лет, его снова охватила печаль; ибо в то время к нему перестали приходить вести из дома. Сила Моргота росла с каждым годом, и весь Хитлум теперь был под его тенью. Без сомнения, Моргот

знал многое о делах семьи Хурина, и не тревожил ее некоторое время, чтобы замысел его осуществлялся; но теперь для того же он выставил дозоры за всеми перевалами через Тенистые Горы, чтобы никто не мог уйти из Хитлума и придти туда, не подвергнувшись величайшим опасностям; и орки рыскали у истоков Нарога и Тэйглина и в верховьях Сириона. Так пришло время, когда посланцы Тингола однажды не вернулись, а других он не посылал. Никогда не хотел Тингол выпускать никого из своего народа за охраняемые рубежи, и ничем он не выказал свое благоволение Хурину и роду его более, чем тем, что посылал

своих подданных опасными дорогами к Морвен в Дор-Лóмин.

И омрачилось сердце Тúрина, ибо он не знал, что за зло надвинулось и какие несчастья могли пасть на Морвен и Ниэнор; и много дней он молча сидел, размышляя о падении Дома Хадора и людей Севера. Затем встал он и отправился к Тинголу; и нашел его с Мелиан под Хúрилорном, великим буком Менегрота.

Тингол посмотрел на Тúрина с удивлением, увидев перед собой вместо своего приемного сына человека незнакомого, высокого, темноволосого и светлолицего, глядевшего на него темными глазами.

Тúрин же попросил у него латы, меч и щит, и потребовал выдать ему Драконий Шлем Дор-Лóмина; и король дал ему все, что тот попросил, сказав:

— Я дам тебе место среди моих меченосцев; ибо меч отныне будет оружием твоим. С ними ты сможешь испытать свои силы на границах, если таково твое желание.

Но Тúрин сказал:

— Сердце мое зовет меня за границы Дориата; хочется мне сразиться с Врагом, а не защищать от него рубежи.

— Тогда тебе придется идти одному, — сказал Тингол. — Я сам решаю, что делает мой народ в войне

с Ангбандом, Тўрин сын Хўрина, по своей мудрости. Сейчас я не отправлю из Дориата никакого войска; и не отправлю ни в какое время, что предвидится мне.

— Но ты свободен идти, куда хочешь, сын Морвен, — сказала Мелиан. — Завеса Мелиан не задерживает тех, кто проходит сквозь нее с нашего изволения.

— Если только мудрый совет не удержит тебя, — добавил Тингол.

— Каков же твой совет, владыка? — спросил Тўрин.

— Хоть статью ты и стал уже мужем, — ответил Тингол, — все же не вошел ты в полные лета свои и в полное мужество. Когда придет это

время, тогда, быть может, ты обратишься к роду своему; но мало надежды, что один человек может сделать больше против Черного Властелина, чем помогать эльфийским владыкам в их обороне, сколько бы она ни продлилась.

И Түрин сказал:

— Берен, родич мой, смог больше.

— Берен — и Лучиэнь, — поправила Мелиан. — Но дерзость твоя — говорить это отцу Лучиэни. Не столь высок твой жребий, Түрин сын Морвен, думается мне, хотя судьба твоя и сплетена с судьбой эльфийского народа, к добру или к худу. Берегись, чтобы не к худу. — И,

помолчав, добавила Мелиан. — Иди же, сын; и послушай совета короля. Не думаю я, что долго ты пробудешь с нами в Дориате, как возмужаешь. Если в грядущие дни ты вспомнишь слова Мелиан, это будет тебе на пользу: бойся и жара, и холода в сердце своем.

Поклонился им Түрин и ушел. Вскоре же после того он надел Драконий Шлем, вооружился и ушел на северные рубежи, и был поставлен среди эльфийских воинов, которые вели непрестанную войну с орками и всеми созданиями и прислужниками Моргота. Там он доказал свою силу и храбрость, хоть и был еще почти юношей; и, помня

все беды своего рода, был Тўрин впереди всех в дерзании, и много ран получил от копий, стрел и кривых орочьих клинков. Но рок уберегал его от смерти; и пошел по лесам слух, разнесшийся далеко за пределы Дориата, что вновь объявился Дракони́й Шлем Дор-Лóмина. И многие дивились этому, говоря: «Мог ли дух Хадора или Галдора Рослого восстать из мертвых? Или же и впрямь Хўрин Хитлумский бежал из ангбандских нор?»

Один лишь тогда был сильнее Тўрина среди граничных стражей Тингола, и был это Белег Кўталион {Cúthalion}; и Белег с Тўрином были товарищами в любой беде и вместе

бродили по диким лесам.

Так прошло три года, и в то время редко бывал Түрин в чертогах Тингола; и не заботился об одежде своей и о виде своем, и волосы его были нечесаны, а доспех, прикрытый серым плащом, заржавел от непогод. Но на третье лето, когда исполнилось Түрину от роду двадцать лет, пожелав отдохнуть и нуждаясь в помощи кузнеца, чтобы починить оружие свое, пришел Түрин нежданно под вечер в Менегрот; и вошел во дворец. Тингола не было там, ибо он ушел с Мелиан в леса, как они любили уходить в середине лета. Түрин

нашел себе место, не думая, ибо он устал и был погружен в свои мысли; и по несчастью сел он в ряд со старейшинами страны, и на то самое место, где сидел обычно Саэрос. Саэрос же, придя позже, взъярился, решив, что Түрин сделал это нарочно, из гордыни, чтобы оскорбить его; и гнев его не уменьшило то, что те, кто сидел вокруг, не прогнали Түрина, но приветствовали рядом с собой.

И притворился Саэрос так же, и сел на другое место, напротив Түрина через стол.

— Редко читит нас своим приходом граничный страж, — сказал Саэрос, — и я с радостью

уступлю свое обычное место, чтобы поговорить с ним.

И многое еще сказал он Түрину, и спрашивал его о новостях с рубежей и о делах его в глуши; и хотя слова его казались искренними, в голосе нельзя было не слышать издевки. И Түрин устал, и отвернулся от него, и ощутил вдруг всю горечь изгнания; и всего света и веселья эльфийских чертогов стали ему дороже Белег и их жизнь в лесу, а еще дороже — Морвен в дорлóминском доме отца его; и нахмурился Түрин от мрачных мыслей, и не отвечал Саэросу. Тот же, решив, что хмурится Түрин на него, не сдерживал более злобы

своей и, вынув золотой гребень, бросил его на стол Түрину, сказав:

— Наверное, Человек из Хитлума, ты спешил к этому столу, и можно простить тебе рваную твою одежду; но уж причесаться мог бы ты, и не приходить сюда с головой, похожей на колючий куст. А может быть, если бы уши твои были открыты, ты бы лучше слышал, что говорят тебе.

Түрин ничего не сказал, но глянул на Саэроса, и молния сверкнула в черных глазах его. Но Саэрос не понял предупреждения и ответил на взгляд презрительной усмешкой, промолвив во всеуслышание:

— Если мужи Хитлума так дики и страшны, каковы же женщины той земли? Уж не бегают ли они по лесам, словно лани, укрытые лишь собственными волосами?

Тут Түрин схватил чашу и швырнул ее в лицо Саэросу, и тот упал на спину, сильно ударившись; Түрин же выхватил меч свой и набросился бы на него, но Маблунг Охотник, сидевший рядом с ним, удержал его. Саэрос же, поднявшись, плюнул кровью на стол и выкрикнул разбитыми губами:

— Сколько же будем мы терпеть у себя этого лешака^[42]?! Кто здесь сегодня правит? Королевский Закон

карает любого, кто покусится на подданного короля в королевском чертоге; а для того, кто обнажит меч, изгнание — наименьшая кара. За стенами дворца я ответил бы тебе, лешак!

Но, увидев кровь на столе, Түрин остыл; и, высвободившись из рук Маблунга, без единого слова вышел из чертога.

И Маблунг сказал Саэросу:

— Что нашло на тебя сегодня? Во всем, что случилось, я виню тебя; а закон королевский, должно быть, сочтет разбитый рот лишь уплатой за твои насмешки.

— Если у щенка горе, пусть выносит его на королевский суд, —

ответил Саэрос. — Но обнажение меча не извинят ему за это. За стенами дворца, если этот леший нападет на меня, я убью его.

— В этом я вовсе не уверен, — отвечал Маблунг, — но кто бы ни был убит, это будет злое дело, более Ангбанду подобающее, чем Дориату, и еще больше зла выйдет из этого. Воистину, кажется мне, что какая-то тень Севера дотянулась и прикоснулась к нам в этот вечер. Берегись, Саэрос сын Итильбора, как бы не исполнить в своей гордыне волю Моргота, и помни, что из Эльдара ты.

— Я не забываю этого, — ответил Саэрос; но не отринул он

своей ярости и всю ночь лелеял свою обиду, и росла в нем злоба.

Утром же, когда Түрин уходил из Менегрота обратно на северные рубежи, Саэрос подстерег его и напал на него сзади с мечом наголо и со щитом. Но Түрин, обученный в глуши бдительности, заметил его краем глаза и, отскочив, быстро обнажил свой меч и повернулся к врагу.

— Морвен! — воскликнул он. — Сейчас обидчик твой заплатит за обиду!

И он разрубил щит Саэроса, и они стали биться острыми клинками. Түрин многому научился и был так же ловок, как любой эльф, но был

сильнее. Скоро он стал одолевать и ранил Саэроса в правую руку, и тот пал на милость его. И поставил Түрин ногу на меч, что выронил Саэрос.

— Ну, Саэрос! — сказал Түрин. — Долго предстоит бежать тебе, и одежда будет тебе мешать; волос твоих тебе хватит.

И Түрин раздел Саэроса, бросив наземь, и тот ощутил великую силу его и испугался. Түрин же поднял его и крикнул:

— Беги! Беги, и если не будешь бежать быстро, как лань, я мечом подгоню тебя!

И Саэрос побежал в лес, призывая на помощь; Түрин же несея

за ним, как гончий пес, и как ни бежал Саэрос, как ни петлял, меч все время был у него за спиной.

На крики Саэроса многие пустились в погоню, но лишь самые быстрые смогли догнать бегущих. Маблунг бежал впереди всех, и был он встревожен, ибо хотя насмешки казались ему злым делом, «злословье поутру — радость Моргота ввечеру»; а еще более дурным делом считал он выставлять на посмешище кого бы то ни было из эльфов самосудно, не вынося дела на суд закона. Никто не знал тогда, что Саэрос первым напал на Түрина и хотел убить его;

— Стой, Түрин, стой! — кричал Маблунг. — Орочье дело это в лесу!

— Орочье дело в лесу за орочьи слова во дворце! — отозвался Түрин и бросился за Саэросом; тот же, не надеясь на помощь и видя, что близка его смерть, мчался со всех ног, пока не выбежал на обрыв, под которым журчал меж камней и утесов Эсгалдуин; и пропасть была широка для прыжка лани. В великом страхе Саэрос попытался перепрыгнуть через пропасть, но не удержался на той стороне и с воплем упал вниз и разбился о камень в воде. Так окончилась жизнь его в Дориате, и нескоро Мандос отпустит его.

Түрин глянул вниз на тело его, лежавшее в реке, и подумал: «Несчастный глупец! Отсюда я

отпустил бы его обратно в Менегрот. Теперь возвел он на меня незаслуженную вину».

И Түрин повернулся и мрачно посмотрел на Маблунга со спутниками, что догнали его и встали на обрыве. И после молчания сказал Маблунг:

— Увы! Идем с нами, Түрин, ибо Король должен рассудить все это.

Түрин же сказал:

— Если Король справедлив, он признал бы меня невиновным. Но разве не был это один из его советников? Зачем королю справедливому осуждать своего друга? Я отрекаюсь от его закона и

его суда.

— Немудры твои слова, — возразил Маблунг, хотя в сердце своем жалел он Түрина. — Не будешь ты лишен закона. Вернись со мной, как друг, прошу тебя. Вот и другие свидетели. Когда Король узнает правду, ты сможешь надеяться на его прощение.

Но Түрин устал от эльфийских чертогов, и боялся, что его схватят; и сказал Маблунгу:

— Откажу я тебе в твоей просьбе. Не в чем мне виниться перед Королем Тинголом; и пойду я теперь туда, где мой рок не сможет меня найти. У тебя же лишь два выбора: отпустить меня восвояси

или убить меня, если твой закон тебе позволяет. Ибо вас слишком мало, чтобы взять меня живым.

Увидели они по глазам его, что это так, и позволили ему пройти, а Маблунг сказал:

— Одной смерти довольно.

— Я не хотел этого, но не буду горевать об этом, — сказал Түрин. — Да рассудит Мандос его справедливо; и если вернется он когда-нибудь в земли живых, то пусть будет мудрее. Прощайте, и пожелайте мне доброго пути.

— Ступай восвояси, — отвечал Маблунг, — ибо такова твоя воля. На добро же тебе на твоём пути я не надеюсь. Тень лежит на сердце

твоим. Когда встретимся мы снова, да не станет оно темнее.

На это Түрин не ответил, но простился с ними и быстро ушел, и никто не знал, куда.

Говорится, что когда Түрин не вернулся на северные рубежи Дориата, и о нем не пришло никаких вестей, Белег Сильный Лук сам пришел в Менегрот искать его; и с тяжелым сердцем разузнал он о делах Түрина и о бегстве его. Вскоре Тингол и Мелиан вернулись в свои чертоги, ибо лето кончалось; и когда король услышал донесение обо всем, что случилось, он сел на трон в большом зале Менегрота, и вокруг

него собрались все начальники и советники Дориата.

И все было разобрано и пересказано, и прощальные слова Тўрина тоже; и, наконец, Тингол вздохнул и сказал:

— Увы! Как прокралась эта тень в мою страну? Саэроса я считал верным и мудрым; но если бы был он жив, на него пал бы гнев мой, ибо насмешки его были злы, и его я виню во всем, что произошло во дворце. Это прощаю Тўрину. Но издевательство над Саэросом и травля его до смерти были местью большей, чем была обида, и этого я не могу простить. Выказывают эти дела сердце гордое и черствое.

И замолк Тингол, но заговорил снова опечаленно.

— Неблагодарный приемный сын и человек, возгордившийся выше своего чина! Как я могу принимать того, кто оскорбляет меня и мой закон, и как могу простить того, кто не винится? Потому я изгоняю Тўрина сына Хўрина из королевства Дориатского. Если он будет искать дороги в него, пусть приведут его на мой суд; и пока у моих ног не станет он молить о прощении, не сын он мне более. Если кто считает, что несправедливо это, пусть говорит.

И тихо стало в зале, и Тингол поднял уже руку, чтобы произнести приговор. Но тут в зал вбежал Белег

и воскликнул:

— Господин, дозволю сказать!

— Поздно ты пришел, — сказал Тингол. — Разве тебя не звали вместе со всеми?

— Так, господин, — ответил Белег, — но я задержался: я искал того, кого знал. И, наконец, я привел свидетеля, которого надо выслушать, прежде чем будет запечатлен твой приговор.

— Все, кому было, что сказать, были призваны, — сказал Король. — Что может сказать мне твой свидетель более важного, чем слова тех, кого слушал?

— Рассудишь, когда услышишь, — ответил Белег. —

Позволь мне это, если заслуживаю я твоей милости!

— Тебе позволяю я это, — сказал Тингол.

И Белег вышел и ввел в зал за руку девицу Неллас, что жила в лесах и никогда не бывала в Менегроме; и она была напугана величественным залом с колоннами и каменным сводом и множеством глаз, что смотрели на нее. Когда же Тингол повелел ей говорить, она сказала:

— Господин, я сидела на дереве... — и умолкла из страха перед Королем, и не могла говорить больше.

На это улыбнулся Король и сказал:

— И другие сиживали, но не приходили мне говорить об этом.

— Сиживали другие, верно, — ответила она, ободренная его улыбкой. — Даже Лучиэнь. О ней и думала я в то утро, и о человеке Берене.

На это Тингол не ответил ничего и перестал улыбаться, но ждал, пока Неллас продолжит.

— Ибо Түрин напоминал мне Берена, — продолжала Неллас. — Они сородичи, как говорили мне, и их родство можно заметить, оно видно тем, кто посмотрит пристально.

Тут Тингол потерял терпение:

— Может быть, и так, — сказал

он. — Но Түрин сын Хүрина бежал, оскорбив меня, и не придется тебе больше считать его родство. Ибо сейчас я вынесу свой приговор.

— Король-владыка! — воскликнула Неллас. — Дослушай меня, дай сказать! Я сидела на дереве, чтобы глянуть на Түрина, как он будет проходить мимо; и увидела я, как Саэрос вышел из леса с мечом и щитом и напал на Түрина сзади.

Тут в зале поднялся ропот; и Король поднял руку и сказал:

— Важные вести принесла ты, важнее, чем казалось мне. Следи же за каждым словом своим; ибо это зал суда.

— Так и Белег говорил мне, —

ответила Неллас, — и только потому решилась я придти сюда, чтобы Түрин не был осужден несправедливо. Он храбр, но и милосерден. Они бились, Түрин и Саэрос, пока Түрин не выбил у Саэроса и щит, и меч; но он не убил его. Поэтому я не верю, что он хотел его смерти. Если же был пристыжен Саэрос, то он это заслужил.

— Я сужу здесь, — сказал Тингол. — Но твои слова решат мой суд.

И Тингол подробно расспросил Неллас; и, наконец, повернулся к Маблунгу и сказал:

— Странно мне, что тебе Түрин ничего не сказал об этом.

— Но не сказал он, — ответил Маблунг. — А если бы сказал, то другими словами я прощался бы с ним.

— Другим будет теперь и мой приговор, — сказал Тингол. — Слушайте! То, в чем можно обвинить Түрина, теперь я прощаю ему, считая, что был он оскорблен, и защищался. А раз и вправду один из моих советников так обошелся с ним, то не должен Түрин просить у меня прощения, а я сам пришлю его ему, где бы он ни был; и с честью приглашу его в мои чертоги.

Но как только был произнесен приговор, вдруг расплакалась Неллас:

— Где же найти его? — сказала она. — Он ушел из нашей земли, а мир так широк!

— Мы будем искать его, — сказал Тингол.

И Тингол поднялся, а Белег вывел Неллас из Менегрота; и сказал ей:

— Не плачь; ибо если Түрин поселился или бродит где-то за нашими рубежами, я найду его, хотя бы и никому это не удалось.

На следующий день предстал Белег перед Тинголом и Мелиан, и Король сказал ему:

— Помоги мне, Белег; ибо в печали я. Принял я сына Хүрина, как своего сына, и сыном он будет мне,

пока сам Хúрин не вернется из теней за тем, что его по праву. Не хочу я, чтобы говорили, что Тúрин был несправедливо изгнан в глушь, и с радостью принял бы я его обратно к себе; ибо я очень любил его.

И ответил Белег:

— Я буду искать Тúрина, пока не найду, и приведу его обратно в Менегрот, если смогу; ибо я тоже люблю его.

И Белег ушел; по всему Белерианду он тщетно искал вести о Тúрине и многим опасностям подвергался; и прошла зима, и весна пришла за нею.

Тúрин среди разбойников

Возвращается сказание к Түрину. Он, считая себя вне закона и думая, что король преследует его, не вернулся к Белегу на северные рубежи Дориата, но ушел на запад и, тайно пройдя через Охранные Земли, пришел в леса к югу от Тэйглина. Там до Нирнаэта много людей жило по разбросанным хуторам; были они большей частью из людей Халет, но не имели правителя и жили охотой и земледелием, разводя огороды, держа свиней и выжигая делянки в лесу, огороженные от глухомани. Теперь они были большей частью перебиты или бежали в Бретиль; и всю ту землю держали в страхе орки и разбойники. Ибо в то время разрухи

бездомные отчаявшиеся люди сбивались с пути. Многие уходили в леса на злые дела. Они охотились и добывали пищу, как могли; зимой же, когда приходил голод, их боялись, словно волков, и те, кто еще защищал свои дома, звали их Гаурвайт {Gaurwaith}, Волчье Племя. С полсотни таких сбились в одну шайку и бродили по лесам за западной границей Дориата; и их ненавидели немногим меньше, чем орков, ибо среди них было отребье жестокосердное, лютее к своим сородичам. Самым мрачным среди них был некто по имени Андрог, которого в Дор-Ломине преследовали за убийство женщины;

другие также были из той земли: старик Алгунд, самый старший в шайке, уцелевший в Нирнаэте, и Форвег {Forweg}, как именовал он себя, атаман их, с красивыми волосами и блеском в глазах, рослый и смелый, но далеко сошедший с путей Эдайна. Были они очень осторожны, и в походе и на отдыхе выставляли вокруг себя дозорных; и так скоро узнали они о Түрине, когда тот забрел в их края. Они выследили его и окружили; и однажды, когда Түрин переправлялся вброд через ручей, он увидел, что окружен людьми с мечами наголо и натянутыми луками.

Тогда Түрин остановился, но не

выказал страха.

— Кто вы? — спросил он. — Я думал, только орки грабят людей; но вижу, что ошибся.

— Пожалеешь ты об этой ошибке, — сказал Форвег, — ибо это наши уголья, и мы не позволяем чужим людям бродить по ним. За это мы лишаем их жизни, если только они не откупают ее.

Тут рассмеялся Түрин:

— От меня, бродяги и изгнанника, — сказал он, — не будет вам выкупа. Можете обыскать меня, когда убьете, но вам дорого станет проверить мои слова.

Однако, смерть его казалась близкой, ибо много стрел лежало на

тетивах вокруг него, ожидая приказа атамана; и ни один из врагов Тўрина не стоял в досягаемости его меча. Тўрин же, увидев несколько камней под водой, вдруг прыгнул; и в тот же миг один из разбойников, рассерженный его словами, пустил стрелу. Он не попал в Тўрина; Тўрин же, выправившись, метнул в лучника камень сильно и метко; и тот рухнул наземь с пробитым черепом.

— Больше пользы принес бы я вам живым вместо этого несчастного, — сказал Тўрин; и, повернувшись к Форвегу, добавил. — Если ты — главный здесь, то не позволяй своим людям стрелять без приказа.

— Не позволяю я, — ответил Форвег, — он же был наказан достаточно быстро. Я возьму тебя на его место, если будешь слушаться меня лучше.

Но двое разбойников выступили против него; один из них был другом убитого. Ульрад было его имя.

— Хорошо же собрался он войти в товарищество к нам, — сказал он, — убив одного из лучших людей!

— Не первым напал я, — ответил Түрин. — Но давай, выходи! Я выстою против вас обоих, с оружием ли или голыми руками; и все увидят тогда, что стою лучшего воина из ваших.

И он вышел к ним; но Ульрад

отступил и не стал сражаться. Другой же положил свой лук и оглядел Тўрина с ног до головы; это был Андрóг из Дор-Лóмина.

— Я не ровня тебе, — сказал он, наконец, покачав головой. — И никто из нас, думаю. Что до меня, то присоединяйся к нам. Но вид твой странен; опасный ты человек. Как твое имя?

— Нейтан — Засуженный — зовусь я, — сказал Тўрин, и Нейтаном стали звать его разбойники; но хотя он и сказал им, что несправедливо обошлись с ним — и любого, кто говорил, что то же случилось с ним, он весьма охотно слушал — более ничего не открыл он

им о судьбе своей и о доме своем. Они же поняли, что пал он свысока, и что хотя не было у него ничего, кроме оружия, оружие то было выковано эльфийскими кузнецами.

Вскоре он заслужил их уважение, ибо был силен и храбр, и жизнь в лесу знал лучше, чем они; и они доверяли ему, ибо он не был жаден и мало думал о себе; но разбойники боялись Тўрина и внезапного гнева его, который редко могли они понять. В Дориат Тўрин не мог или из гордости не хотел вернуться, в Нарготронд {Nargothrond} после гибели Фелагунда не пускали никого. К малому народу Халет в Бретилене

идти Түрин не желал; а в Дор-Лóмин — не решался, ибо Дор-Лóмин был окружен, и никто в то время в одиночку, как думал Түрин, не мог надеяться пройти через перевалы Тенистых Гор. Поэтому Түрин остался с разбойниками, ибо любое общество скрашивало и облегчало жизнь в глуши; и оттого, что хотел он жить и не мог вечно враждовать с ними, немного делал он, чтобы удержать их от злых дел. Но порою просыпались в нем стыд и сожаление, и тогда он бывал опасен во гневе. Так прожил он до конца того года и пережил тяготы и голод зимы, пока не пришло Пробуждение^[44]ii, а за ним —

красная весна.

Говорится, что в лесах к югу от Тэйглина еще оставались хутора людей, крепких и осторожных, хотя и немногочисленных к тому времени. Хоть и не любили они Гаурвайт несколько и мало жалели их, в тяжелую зиму они выносили, сколько могли, еды в места, где те могли найти ее; и надеялись этим избежать нападения оголодавших разбойников. Но больше благодарности бывало им от зверей и птиц, чем от разбойников, и защищались они больше собаками и крепкими изгородями. Ибо каждый хутор был обнесен изгородью вокруг его полей, а вокруг домов были и

рвы, и валы; и от хутора к хутору вели тропки, по которым посылали за подмогой, а еще трубили в тревожные рога.

Когда же пришла весна, Гаурвайту стало опасно подолгу бывать возле домов лесовиков, которые могли собраться и выследить их; и Түрин дивился, что Форвег не уводит их в леса. Еды и забав было больше, а опасностей меньше в лесах к югу, где не осталось больше людей. И однажды днем Түрин не встретил Форвега и Андрóга, друга его; и спросил, где они?

— Ушли по своим делам, думаю, — отвечал Ульрад. — Скоро

они вернутся, и тогда мы отправимся в путь. Спешно, быть может; ибо счастье нам, если не принесут они с собой пчел из улья.

Солнце светило, и молодая листва зеленела; Түрину надоела грязная стоянка разбойников, и он ушел в лес. Против воли вспоминалось ему Сокрытое Королевство, и казалось ему, что слышит он названия цветов *Дориата*, словно отзвуки старой речи, почти позабытой. Вдруг услышал он крики, и из зарослей орешника выбежала девушка; одежда ее была изодрана о ветки, и она была сильно испугана, и задыхалась, и, оступившись, упала на землю. Түрин бросился в орешник,

вынув меч, и ударил того, кто гнался за ней; и только ударив уже, увидел, что то был Форвег.

Пока стоял он и глядел, пораженный, на кровь, вышел Андрóг и тоже замер, как вкопанный.

— Дурное дело, Нейтан! — воскликнул он и обнажил меч; но Тóурин уже остыл и спросил у Андрóга.

— Где же орки? Вы отогнали их, чтобы спасти ее?

— Орки? — переспросил Андрóг. — Глупец! И ты еще зовешь себя разбойником! У разбойника нет закона, кроме собственной воли. Займись своими делами, Нейтан, и не лезь в наши.

— Так я и сделаю, — сказал Түрин. — Но сегодня наши тропы пересеклись. Оставь женщину мне, не то присоеди́нишься к Форвегу.

Андрог рассмеялся.

— Ну, раз так, то будь потвоему, — сказал он. — Я не пойду на тебя, ведь я один; но товарищам нашим это убийство может прийтись не по нраву.

Тут женщина поднялась и взяла Түрина за руку. Она поглядела на кровь и на Түрина, и в глазах ее вспыхнул восторг:

— Убей его, господин! — воскликнула она. — Убей его тоже! И пойдем со мной! Рад будет Ларнах {Larnach}, отец мой, их головам. За

две волчьи головы щедро наградит он.

Тúрин же спросил у Андрóга:

— Далеко ли ее дом?

— С милю отсюда, — ответил

тот, — стоит огороженный хутор.

Она гуляла возле него.

— Так иди же быстро домой, —

сказал Тúрин женщине. — И скажи отцу, чтобы впредь приглядывал за тобой получше. Головы же своим товарищам для него я рубить не буду.

И вложил Тúрин в ножны меч.

— Идем! — сказал он

Андрóгу. — Мы возвращаемся. Если же хочешь схоронить своего атамана, сделай это сам. Торопись, ибо может подняться шум и тревога. Оружие его

возьми с собой!

И, не сказав больше ни слова, Тўрин двинулся в путь, а Андрóг смотрел ему вслед и хмурил брови, словно разгадывая загадку.

Когда Тўрин вернулся на стоянку, он увидел, что разбойники злы и беспокойны; слишком долго стояли они на одном месте, близко к хорошо охраняемым хуторам; и роптали они на Форвега.

— За наш счет он рискует, — говорили они, — и другим придется платить за его забавы.

— Так выберите себе нового атамана, — сказал Тўрин, представ перед ними. — Форвег не может

больше водить вас; ибо он мертв.

— Откуда ты знаешь? — спросил Ульрад. — Уж не искал ли и ты меда в том же улье? Так пчелы зажалили его?

— Нет, — ответил Түрин. — Хватило одного укуса. Я убил его. Но пощадил Андрóга, и скоро он вернется.

И рассказал Түрин обо всем, что сделал, осуждая тех, что поступали так, как Форвег; и пока он говорил, вернулся Андрóг с оружием Форвега.

— Смотри, Нейтан! — сказал он. — На хуторах не подняли тревоги. Может быть, она ждет тебя?

— Будешь шутить со мной, — отозвался Түрин, — пожалею я, что

не выдал ей твою голову. Расскажи теперь ты, но будь краток.

И Андрóг правдиво пересказал все, что случилось.

— Что за дело было там у Нейтана, я хотел бы знать, — сказал он. — Не наше было это дело, кажется мне. Ибо, когда я выбежал, он уже убил Форвега. Женщине это понравилось, и она предложила ему уйти с ней, принеся наши головы в свадебный дар. Но он не захотел ее и отослал прочь; поэтому, что за вражда у них была с нашим атаманом, я не знаю. Мою же голову он оставил на плечах, и за это я благодарен ему, хотя и озадачен немало.

— Раз так, то я не верю больше, что ты из Народа Хадора, — сказал Түрин. — Ульдору Проклятому принадлежишь ты скорее, и в Ангбанде стоило бы тебе поискать себе работы. Слушайте же меня! — обратился он ко всем. — Вот какой выбор я ставлю перед вами. Либо берите меня вашим атаманом вместо Форвега, либо отпустите меня. Либо я буду возглавлять ваше товарищество, либо уйду от вас. Если же хотите убить меня, то приступайте! Я буду сражаться с вами, пока вы меня не одолеете — или я вас.

И многие тогда похватали оружие свое, но Андрóг крикнул:

— Стойте! Не пуста же та голова, которую пощадил он! Если мы сразимся с ним, то многие полягут без пользы, прежде чем мы убьем лучшего из нас, — И рассмеялся Андрóг. — Как было, когда пришел он к нам, так и сейчас. Он убивает, чтобы расчистить себе место. Как добро вышло из этого раньше, так, может быть, добро выйдет и сейчас; он может привести нас к лучшей доле, чем копать в чужих отбросах.

И сказал старый Алгунд:

— Он лучший среди нас. Было время, когда и каждый из нас сделал бы то же самое, если бы осмелился; но мы многое забыли. Он может

привести нас когда-нибудь домой.

И пришла тут Тўрину мысль с малым отрядом выступить и освободить свою страну и править ею. Но глянул он на Алгунда и Андрóга, и сказал:

— Домой, говорите вы? Высоки и холодны стоят Тенистые Горы между нами и домом нашим. А за горами — народ Ульдора, и с ним легионы Ангбанда. Если это не пугает вас, семижды семь воинов, то я поведу вас к дому. Только далеко ли зайдем мы, прежде чем погибнем?

Все молчали. И вновь заговорил Тўрин:

— Так вы берете меня своим атаманом? Если так, то я поведу вас

сначала в глушь, прочь от домов людей. Там сможем мы найти лучшую долю себе; по крайности, нас не будут ненавидеть наши же сородичи.

И тогда все те, кто был из Народа Хадора, собрались вокруг него и выбрали его атаманом; другие же, в ком было меньше доброй воли, с ними согласились. И Түрин повел их прочь из той земли^[44].

Многих гонцов посылал Тингол искать Түрина в Дориате и в приграничных землях, но в год его бегства они искали тщетно, ибо никто не знал и догадываться не мог, что Түрин — с разбойниками и

врагами людей. Когда настала зима, все гонцы вернулись к Королю, кроме Белега. Он ушел один, после того, как отправились на поиски все посланные.

В Димбаре же и вдоль северных рубежей Дориата дела были плохи. Драконий Шлем не появлялся больше в битвах, и Сильного Лука тоже не было; и слуги Моргота закопошились, умножились и осмелели. Зима пришла и прошла, и весною возобновились их нападения: Димбар был захвачен ими, и люди Бретиля жили в страхе, ибо зло стояло уже на всех подступах к ним, кроме южного.

Прошел уже почти год с той

поры, как Түрин бежал, но Белег все искал его, со все меньшею надеждой. В своих поисках он прошел на север до Переправ Тэйглина, и там, услышав дурные вести о новой вылазке орков из Таур-ну-Фуина, повернул назад, и случилось так, что он вышел к домам лесовиков вскоре после того, как Түрин ушел из тех мест. Там услышал Белег странный рассказ, что ходил меж людьми. Высокий властный человек или эльфийский воин, как говорили иные, убил одного из Гаурвайта и спас дочь Ларнаха, за которой разбойники гнались.

— Был он очень статен, — рассказала дочь Ларнаха Белегу, —

глаза его сверкали, и он почти не смотрел на меня. Но Людей-Волков он звал своими товарищами, и не убил того другого, что стоял рядом, и знал его имя. Тот разбойник назвал его Нейтаном.

— Можешь ты разгадать эту загадку? — спросил Ларнах у эльфа.

— Увы, могу, — ответил Белег. — Человек, о котором говоришь ты — тот, которого я ищу.

Больше ничего не сказал Белег о Түрине лесовикам; но предупредил их об опасности с севера:

— Скоро придут в эту землю хищные орки, и вы не одолеете их, — сказал он им. — В этом году придется вам в конце концов отдать

или свободу свою, или жизнь свою. Бегите же в Бретиль, пока есть еще время!

Затем Белег поспешил в путь, на поиск логова разбойников или следов, которые указали бы ему, куда они ушли. Следы он вскоре нашел; но Түрин был уже на несколько дней пути впереди, и шел быстро, опасаясь, что лесовики станут преследовать его, применяя все, какие знал, способы обмануть того, кто пойдет по следу. Разбойники редко ночевали дважды на одном месте, и на своем пути и на стоянках почти не оставляли следа. Поэтому и вышло так, что даже Белег тщетно охотился за ними. Судя по знакам,

которые мог он прочесть, и по словам тех в глуши, с кем мог он переговорить, он часто подходил близко к ним, но всякий раз логово их было пусто, когда он выходил к нему; ибо разбойники несли дозор днем и ночью и при малейшей опасности быстро снимались и уходили.

— Увы мне! — воскликнул Белег. — Слишком хорошо выучил я этого сына человека премудростям поля и леса! Истинно, за эльфийский отряд можно принять их!

Но и разбойники поняли, что их выслеживает неутомимый преследователь, которого они не видели, но и оторваться от которого

не могли; и они встревожились^[45].

Вскоре, как и боялся Белег, орки перешли через Бритиах {Brithiach} и, встретив сопротивление, какое только мог им оказать Хандир Бретильский, прошли на юг через Переправы Тэйглина в поисках поживы. Многие лесовики послушались совета Белега и отослали своих женщин и детей искать убежища в Бретиле. Эти и те, что шли с ними, спаслись, успев пройти Переправы; но воины, шедшие за ними, были встречены орками, и им не посчастливилось. Немногие прорвались и прошли в Бретиль, а многие были убиты и

взяты в плен; и орки вышли к хуторам и разграбили и пожгли их. Затем они разом повернули на запад, ища Тракт, ибо теперь они хотели вернуться на Север быстро, как только возможно было это сделать с добычей и пленниками.

Но дозорные разбойников скоро проведали об этом; и хотя о пленниках разбойники заботились мало, добро лесовиков разожгло их алчность. Түрин считал, что опасно обнаруживать себя перед орками, пока число их неизвестно; но разбойники не слушали его, ибо во многом нуждались они в глуши, и иные уже начинали сожалеть, что Түрин стал их атаманом. Потому,

взяв с собой в спутники лишь некоего Орлега, Түрин отправился следить за орками; и, отдав начальство над отрядом Андрóгу, велел ему засесть поблизости и таиться, пока они не вернутся.

Орочья орда была много больше, чем разбойничья шайка, но орки были в землях, в которые редко осмеливались заходить, и они знали, что за Трактом лежит Талат {Talath} Дирнен, Хранимая Равнина, за которой следят дозорные и разведчики Нарготронда; и орки были настороже, и дозоры их пробирались меж деревьями по обе стороны идущего войска. И вышло так, что Түрина и Орлега

обнаружили, ибо трое дозорных наткнулись на них, когда те лежали в засаде; и хотя двоих орков они убили, третий убежал, крича на бегу «Голуг! Голуг!» А этим словом называли орки нолдоров. Тут же лес наполнился орками, которые беззвучно рассыпались полукругом и стали рыскать повсюду. Тогда Түрин, видя, что мало надежды уйти, решил хотя бы обмануть орков и отвести их от места, где залегли его люди; поняв по крику «Голуг!», что орки боятся разведчиков Нарготронда, он с Орлегом побежал на запад. Тотчас же за ними устремилась погоня, пока они, оборачиваясь и отбиваясь, не оказались у самого края леса; и тут,

когда они пытались перейти Тракт, их увидели, и Орлег был пронзен множеством стрел. Тўрина же спасла эльфийская кольчуга, и скоростью и ловкостью своей он обманул врагов и убежал далеко в земли, незнакомые ему. Тогда орки, боясь эльфов Нарготронда, перебили своих пленников и поспешили на Север.

Прошло уже три дня, а Тўрин и Орлег не возвращались, и иные разбойники захотели уйти из пещеры, в которой прятались они; но Андрóг не позволял им. И в самом разгаре спора перед ними вдруг выросла тень в сером. Белег, наконец, нашел их. Он вышел к ним

без оружия и протянул руки; но они в страхе повскакивали, а Андрóг набросил на него сзади петлю и затянул его руки.

— Если не любите вы гостей, такставляйте стражу получше, — сказал Белег. — За что вы так привечаете меня? Пришел я другом и ищу лишь друга. Слышал я, что вы зовете его Нейтаном.

— Нет его здесь сейчас, — сказал Ульрад. — Но как ты узнал его имя, если не следил за нами долго?

— Следил он за нами долго, — сказал Андрóг. — Вот та тень, что вынюхивала нас. Теперь, быть может, узнаем мы направду, зачем.

И велел он привязать Белега к

дереву возле пещеры; и когда его руки и ноги были крепко связаны, они стали допрашивать его. Но на все вопросы отвечал Белег одно:

— Другом стал я этому Нейтану с той поры, как встретил его в лесу, а он был тогда еще ребенком. Ищу я его только из любви, и несу ему добрые вести.

— Давайте убьем его и избавимся от него, — сказал Андрог в ярости; он посмотрел на великий лук Белега и захотел присвоить его себе, ибо был лучником. Но другие, с сердцами более благородными, возразили ему, а Алгунд сказал ему:

— Атаман еще может вернуться; и пожалеешь ты, когда он узнает, что

лишили его сразу и друга, и добрых вестей.

— Я не верю сказкам этого эльфа, — сказал Андрóг. — Он лазутчик Короля Дориатского. Если же есть у него какие-то вести, то пусть расскажет их нам; и мы рассудим, причина ли они оставлять его в живых.

— Я буду ждать вашего атамана, — сказал Белег.

— Будешь стоять тут, пока не заговоришь, — сказал Андрóг.

И по наущению Андрóга они оставили Белега привязанным к дереву, без еды и воды, а сами сели есть и пить; но он больше ничего не сказал им. Когда прошло так два дня

и две ночи, они испугались и разозлились, и захотели уйти; и большинство их теперь было готово убить эльфа. Когда стемнело, все собрались вокруг него, и Ульрад вынул головню из костра, что горел в пещере. Но в этот миг вернулся Түрин. Тихо подошел он, как было в обычае у него, и встал в тени за кольцом людей, и увидел изможденное лицо Белега в свете от головни.

И Түрин был поражен, точно копьем, и, как в оттепель тает снег, давно забытые слезы наполнили его глаза. Бросился он и подбежал к дереву.

— Белег! Белег! — воскликнул

он. — Как ты попал сюда? Почему стоишь так?

Одним махом разрезал он веревки, освободил друга, и Белег рухнул на руки ему.

Когда Түрин выслушал все, что рассказали ему его люди, он разгневался и опечалился; но сперва обратился всецело к Белегу. Пока он выхаживал его всем умением своим, думал он о своей жизни в лесах, и обернулся гнев его на него самого. Ибо часто разбойники убивали путников, пойманных ими возле логова, и грабили их, а он не пресекал этого; и часто сам он говорил дурное о Короле Тинголе и о Серых эльфах, и потому должен был

разделить вину за то, что разбойники относились к ним, как к врагам. И с горечью сказал Тўрин людям:

— Вы были жестоки, и жестоки без нужды. Никогда доселе мы не пытали пленников; но вот до какого орочьего дела довела нас жизнь, что мы вели. Беззаконны и бесплодны были наши дела, себе самим служили мы и ненависть питали в наших сердцах.

Андрóг же сказал:

— А кому служить нам, как не себе самим? Кого же любить нам, когда все нас ненавидят?

— Что до меня, то я не подниму руки своей на эльфов и людей, — сказал Тўрин. — У Ангбанда

довольно слуг. Если другие не дадут со мною вместе этой клятвы, то я уйду один.

Тут Белег открыл глаза и поднял голову:

— Не один! — сказал он. — Наконец-то я могу рассказать тебе свои вести. Ты не разбойник, и имя Нейтан не подходит тебе. Та вина, что нашли в тебе, прощена тебе. Год я искал тебя, чтобы призвать к чести и службе короля. Слишком долго не было видно Драконьего Шлема.

Но Түрин не обрадовался этим вестям и долго сидел в молчании; ибо при словах Белега снова тень пала на него.

— Пусть пройдет эта ночь, —

сказал он, наконец. — Потом я решу. Как бы ни было, поутру мы должны покинуть это убежище; ибо не все, кто ищут нас, желают нам добра.

— Ни один, — сказал Андрог и поглядел на Белега злобно.

Поутру Белег, быстро, как все эльфы в старину, оправившись от своих ран поговорил с Түрином наедине.

— Большой радости ожидал я в ответ на мои вести, — сказал он. — Конечно же, ты вернешься в Дориат?

И он, как только мог, упрашивал Түрина сделать это; но чем больше просил и настаивал он, тем больше противился Түрин. Однако, он

расспросил Белега подробно о суде Тингола. Тогда Белег рассказал ему все, что знал, и после этого Түрин сказал:

— Так Маблунг оказался другом мне, каким я считал его когда-то?

— Скорее, истине другом, — ответил Белег, — а это было лучше. Но почему, Түрин, ты не рассказал ему о том, как Саэрос напал на тебя? Все могло бы выйти иначе. И ты, — добавил Белег, оглядев людей, лежавших возле входа в пещеру, — мог бы высоко носить свой шлем и не пасть до такого.

— Может, и так, если ты зовешь это падением, — ответил Түрин. — Может быть. Но вышло так, как

вышло; и слова застряли в горле моем. Маблунг, по глазам судя, не верил мне в том, что я сделал, хоть он и не задал мне ни одного вопроса. Гордым было мое человеческое сердце, сказал эльфийский король? Таким оно и осталось, Белег Кúталион. Оно не перенесет боли возвращения в Менегрот и не вынесет жалостливых и снисходительных взглядов, словно я исправившийся мальчишка-баловник. Прощать я должен, а не просить прощения. И не мальчик я уже, а муж по роду моему; и черств душою по судьбе моей.

Встревожился Белег.

— Что же станешь ты делать

теперь? — спросил он.

— Пойду восвояси, — ответил Түрин. — Этого пожелал мне Маблунг при нашем прощании с ним. Милость Тингола, думаю, не будет столь велика, чтобы принять этих спутников моей опалы; а я теперь не расстанусь с ними, пока они не захотят расстаться со мной. Я люблю их по-своему, даже худших из них — немного. Они такие же, как я, и в каждом из них есть добро, которое может прорасти. Думаю, они встанут за меня.

— Другими глазами смотришь ты, нежели я, — сказал Белег. — Если ты попытаешься отвадить их от зла, они предадут тебя. Я не верю им,

а одному — особо.

— Как может эльф судить человека? — сказал Тўрин.

— Так же, как судит он все дела, чьи бы они ни были, — ответил Белег, но не сказал ничего больше и не рассказал о злобе Андрóга, толкнувшей того на худое; ибо, видя, каков был Тўрин, побоялся он, что тот не поверит ему, и рухнет их былая дружба, и Тўрин вернется на пути зла.

— Идти восвояси, говоришь ты, друг мой Тўрин, — сказал Белег. — Что ты хочешь сказать этим?

— Я поведу своих людей, и буду вести войну по-своему, — ответил Тўрин. — Но по крайности вот в чем

переменилось сердце мое: я буду отвращать все удары, кроме тех, что направлены против Врага людей и эльфов. И более всего хотел бы я видеть тебя рядом с собой. Остайся со мною!

— Если бы остался я, любовь повела бы меня, а не мудрость, — сказал Белег. — Сердце мое говорит, что мы должны вернуться в *Дориат*.

— Я все равно не пойду туда, — сказал Түрин.

Тогда Белег попытался еще раз уговорить Түрина вернуться на службу к Королю *Тинголу*, сказав, что велика нужда в его силе и храбрости на северных рубежах *Дориата*, и рассказал ему о новых набегах орков

в Димбар из Таур-ну-Фуина через Анахский {Anach} Перевал. Но все речи его были тщетны, и, наконец, он сказал:

— Черствым душою мужем назвал ты себя, Тўрин. Черств ты и упрям. Теперь же мой черед. Если ты и вправду хочешь, чтобы Сильный Лук был с тобой, ищи меня в Димбаре; ибо туда вернусь я.

И Тўрин сидел молча, и боролся со своей гордостью, что не позволяла ему вернуться, и вспоминал прожитые годы. И, очнувшись внезапно от мыслей своих, спросил он Белега:

— Эльфийская дева, о которой говорил ты: многим я обязан ей за ее

свидетельство; но не могу вспомнить ее. Зачем она следила за мной?

— Зачем, ты спрашиваешь? Тўрин, всю ли жизнь твою сердце твое и половина ума были не с тобой? Ты гулял с Неллас в лесах Дориата, когда был ребенком.

— Давно это было, — сказал Тўрин. — Или же кажется мне сейчас далеким детство мое, и туман лежит на нем — кроме памяти о доме отца моего в Дор-Лóмине. Но зачем гулял я с эльфийанкой?

— Чтобы научиться тому, чему она могла, быть может, научить, — ответил Белег. — Увы, дети людей! Есть в Средиземье горести, кроме ваших, и есть раны, не оружием

нанесенные. Воистину, начинаю думать я, что эльфам и людям не стоило встречаться.

Тúрин ничего не сказал, но долго смотрел в глаза Белегу, словно хотел прочесть в них смысл его слов. Но Неллас из Дориата никогда больше не видела Тúрина, и тень его покинула ее^[46].

Про гнома Мîма

После ухода Белега — а было это во второе лето после бегства Тúрина из Дориата^[47] — плохи стали дела у разбойников. Не ко времени пошли дожди, и орки,

числом большим, чем раньше, пришли с севера по старому Южному Тракту через Тэйглин, тревожа все леса западных границ Дориата. Мало осталось спокойных и безопасных мест, и разбойники чаще спасались от охоты, чем охотились сами.

Однажды ночью, когда все дремали во тьме без огня, Түрин раздумывал о жизни своей, и подумалось ему, что можно сделать ее лучше. «Надо найти безопасное убежище», решил он, «и запастись едой на зимний голод»; и на следующий день он повел своих людей прочь, дальше, чем когда-либо отходили они от Тэйглина и рубежей

Дориата. Через три дня пути они остановились на западной опушке лесов Сирионской Долины. Здесь земля была суше и пустынное и поднималась к болотистым предгорьям.

Вскоре после того случилось так, что на рассвете серого дождливого дня Түрин и его люди укрывались в зарослях падуба; за ним открывалась безлесная местность, где было много больших камней, стоящих и поваленных. Было тихо, лишь дождь шумел в листве. Вдруг дозорный подал знак, и, вскочив, они увидели три тени в серых плащах с капюшонами, крадущиеся между камней. У каждой из них был

огромный мешок, но шли они быстро и тихо.

Тúрин приказал им остановиться, и разбойники бросились на них, словно псы; но те продолжали идти, и, хотя Андрóг стрелял им вслед, двое скрылись в сумраке. Один же замешкался из-за своей медлительности или же более тяжелого груза; и скоро он был схвачен и брошен наземь, и множество крепких рук схватили его, хотя он боролся и кусался, словно дикий зверь. Тúрин подошел и отозвал своих людей.

— Что это у вас тут? — спросил он. — Зачем такая ярость? Он стар и невелик. Какой от него вред?

— Оно кусается, — сказал Андрог, показав окровавленную руку. — Это орк или орочий родич. Убей его!

— Меньшего и не заслуживает он за то, что обманул наши надежды, — сказал другой, осмотревший мешок. — Здесь ничего нет, кроме корешков и камней.

— Стойте, — сказал Тúrин. — У него борода. Это, думаю, просто гном. Пусть встанет и говорит.

Так случилось, что Мîм вошел в Сказание о Детях Хúрина. Ибо он пал к ногам Тúрина и взмолился о пощаде.

— Я стар, — запричитал он, —

стар и беден. Простой гном, как сказал ты, а не орк. Мûм — мое имя. Господин, не дай им убить меня ни за что, как убивают орки!

И Тûрин сжалился над ним в сердце своем, но сказал:

— Ты, Мûм, беден с виду, хоть и не похоже это на гнома; но мы, думаю, беднее: люди без дома и без друзей. Если я скажу, что в великой нужде нашей не пощадим мы тебя из одной жалости, что ты дашь выкупом за свою жизнь?

— Не знаю, чего ты желаешь, господин, — сказал Мûм осторожно.

— Сейчас — немного! — ответил Тûрин, взглянув на гнома с тоской, и капли дождя были в глазах

его. — Укромного места для сна не в этих сырых лесах. У тебя наверняка есть такое для себя.

— Есть, — отвечал Мûм, — но я не могу отдать его выкупом. Я слишком стар, чтобы жить под открытым небом.

— Нет тебе нужды стариться дальше, — сказал Андрóг, выйдя вперед с ножом в здоровой руке. — Я тебя избавлю от этого.

— Господин! — вскричал Мûм в великом страхе. — Если я потеряю жизнь, ты потеряешь жилище; ибо ты не найдешь его без Мûма. Я не могу отдать его, но я могу поделиться им. В нем теперь больше места, чем было когда-то: многие ушли

навсегда, — и заплакал Мîм.

— Ты пощажен, Мîм, — сказал Тۇрин.

— По крайности, пока мы не доберемся до его норы, — добавил Андрóг.

Но Тۇрин повернулся к нему и сказал:

— Если Мîм приведет нас к своему дому без обмана, и дом этот будет хорош нам, то жизнь его будет выкуплена; и ни один из тех, кто идет за мной, не убьет его. Клянусь в этом.

Тогда Мîм обхватил колени Тұрина руками, говоря:

— Мîм будет другом тебе, господин. Сперва я подумал, что ты

эльф, по речи твоей и по голосу; но если ты человек, так это лучше. Мûм не любит эльфов.

— Где этот твой дом? — спросил Андрóг. — Хорош он должен быть, чтобы Андрóг поделил его с гномом. Ибо Андрóг не любит гномов. Мало добрых слов принес с Востока его народ об этом племени.

— Суди о моем доме, когда увидишь его, — сказал Мûм. — Но на пути к нему понадобится свет вам, неуклюжим людям. Я скоро вернусь и поведу вас.

— Э, нет! — сказал Андрóг. — Ведь ты не позволишь ему этого, атаман? Ты больше не увидишь этого старого мерзавца.

— Темнеет, — сказал Тўрин. — Пусть оставит что-нибудь в залог. Не взять ли нам твой мешок и его содержимое, Мўм?

Но на это гном снова пал на колени в великой тревоге:

— Если Мўм решил не возвращаться, он не вернется за старым мешком кореньев, — сказал он. — Я вернусь. Позволь мне идти!

— Не позволю, — сказал Тўрин. — Если ты не желаешь расстаться со своим мешком, останься с ним. Ночь под листьями заставит тебя в свой черед пожалеть нас.

Но заметил он, и другие также, что Мўм больше ценил свой груз,

чем стоил он на вид.

Разбойники привели старого гнома на свою убогую стоянку, и по пути он бормотал что-то на неведомом языке, грубом и полном древней злобы, как показалось им; но когда ему связали ноги, он вдруг умолк. И те, что стояли на страже, видели, как он просидел всю ночь беззвучно и неподвижно, словно камень, и лишь бессонные глаза его сверкали в темноте.

Перед рассветом дождь кончился, и ветер тронул деревья. Рассвет был яснее многих рассветов перед тем, и легкие ветры с юга расчистили бледное и светлое небо.

Мѣм сидел неподвижно, словно мертвый; ибо теперь тяжелые веки его были закрыты, и в свете утра он казался изможденным и высохшим от старости. Тѹрин встал и глянул на него сверху вниз.

— Уже вполне рассвело, — сказал он.

Тогда Мѣм открыл глаза и указал на свои связанные ноги; а когда его развязали, он гневно сказал:

— Смотрите и учитесь, глупцы! Никогда не связывайте гнома! Он не простит этого. Я не хочу умирать, но из-за этого сердце мое горит огнем. Я жалею о своем обещании.

— Зато я не жалею, — сказал Тѹрин. — Ты приведешь нас к своему

дому. До того мы не станем говорить о смерти. Такова моя воля.

Он глянул прямо в глаза гному, и Мûм не смог вынести этого; очень немногие могли вынести взгляд Тûрина, властный или яростный. Скоро гном отвел глаза и поднялся:

— Иди за мною, господин! — сказал он.

— Хорошо! — сказал Тûрин. — Но теперь я добавлю: я понимаю твою гордость. Ты можешь умереть, но связан ты больше не будешь.

И Мûм вывел их на то место, где он был схвачен, и указал на запад.

— Там мой дом! — сказал он. — Часто, наверно, видели вы его, ибо он высок. Шарбхундом мы называли

его, пока эльфы не переменили все имена.

И увидели они, что он указывает на Амон Rûd {Rûdh}, Лысую Гору, чья голая вершина возвышалась над многими лигами глуши.

— Мы видели ее, но не с такой близости, — сказал Андрог. — Ибо какое же там может быть безопасное убежище, или вода, или другое, что нам нужно? Чую я, что тут какая-то хитрость. Разве люди могут прятаться на вершине горы?

— Далеко видеть может быть полезнее, чем прятаться, — сказал Түрин. — С Амона Rûd далеко видно. Так что, Мйм, я пойду и посмотрю, что ты можешь показать. Долго ли

нам, неуклюжим людям, идти туда?

— Весь день до сумерек, — ответил Мûм.

Разбойники и гном двинулись на запад, и Тûрин шел рядом с Мûмом впереди. Выйдя из леса, они пошли осторожно, но вокруг было пустынно и тихо. Они прошли через камни и начали подниматься; ибо Амон Рûд стоял над восточным краем заболоченного предгорья между Сирионом и Нарогом, и даже над каменистой пустошью у основания той горы ее вершина высилась на тысячу локтей^[49] и более. С востока изломанный склон плавно поднимался к высоким гребням горы,

поросший березой, рябиной и древними можжевельниками, что цеплялись корнями за камни. Понизу стояли также густые заросли *аэглоса*; крутая же серая вершина Амона Рûд была оголена, и только красный *серегон* покрывал камень там^[49].

Солнце уже клонилось к закаты, когда разбойники вышли к подножию горы. Теперь они подходили к нему с севера, ибо так Мûм вел их, и лучи заходящего солнца упали на шапку Амона Рûд, а *серегон* был весь в цвету.

— Смотрите! На горе кровь! — сказал Андрóг.

— Еще нет, — отозвался Тúрин.

Солнце садилось, и в низинах темнело. Гора нависла над ними и перед ними, и разбойники сомневались, нужен ли был проводник к такой приметной вехе. Но когда Мûм повел их дальше и они начали подниматься по крутым склонам, они поняли, что гном идет по какой-то тропе, находя ее по тайным знакам или по старинной привычке. Теперь он то и дело поворачивал налево и направо, и каждый раз, оглядываясь по сторонам, люди видели, что по обе руки открываются темные лощины и ущелья или склоны, усеянные огромными глыбами, полные расселин и трещин, укрытых

кустарником и колючками. Тут без проводника они могли бы карабкаться и блуждать много дней и не найти пути.

Спустя долгое время они вышли на склон ровнее, но более крутой. Под древними тенистыми рябинами прошли они в проход меж высоких *аэглосов*: сумрак наполнился сладковатым ароматом^[50]. Затем им вдруг открылась каменная стена, ровная и гладкая, уходящая в сумеречное небо над их головами.

— Не дверь ли это в твой дом? — спросил Тўрин Мїма. — Гномы, как все говорят, любят камень.

И Тўрин придвинулся к Мїму

вплотную, чтобы тот не сыграл с ними какой шутки.

— Не дверь в дом, а ворота на двор, — ответил Мûм. Затем он повернул направо вдоль подножья скалы и шагах в двадцати вдруг остановился; и Тûрин увидел, что чьи-то руки или же непогода создали там проход, так, что одна стена накладывалась внахлест на другую, и расщелина между ними уходила влево. Устье расщелины было прикрыто длинными листьями растений, цеплявшихся корнями за скалу над ним, а в самой расщелине пролежала тропа, круто поднимавшаяся по ней вверх. По дну расщелины струилась вода, и сыро

было внутри. Один за другим люди вошли в щель. На самом верху тропа снова повернула направо, на юг, и вывела их через заросли колючек на зеленый ровный выступ, по которому она уходила во тьму. Так пришли они в дом Mûma, Бар-эн-Нибин-Ноэг {Bar-en-Nibin-noeg} [\[51\]](#), о котором помнили только древние сказания в Дориате и Нарготронде и которого еще не видел ни один человек. Но спускалась ночь, и восток уже был полон звезд, и разбойники не смогли пока рассмотреть, что это было за место.

У Амона Rûd был венец: огромная каменная шапка с плоской

вершиной. По северной стороне ее шел выступ, ровный и почти прямоугольный, которого снизу не было видно; ибо за ним стеною нависала шапка горы, а к западу и к востоку от него были отвесные обрывы. Только с севера, с той стороны, с которой пришли они, туда мог попасть тот, кто знал дорогу^[52]. Тропа выходила из расселины и скоро приводила в небольшую рощу маленьких березок вокруг озерца с чистой водой. Озерцо наполнялось из ручья, вытекавшего из подножья каменной стены за их спинами, и ручей этот белой ниткой обрывался у западного края выступа. За стеной деревьев у ручья, между двумя

большими камнями была пещера. Она казалась просто дырою с низким изломанным сводом; но дальше под гору неспешные руки гномов-карликов расширяли и углубляли ее все те долгие годы, что они обитали здесь, защищенные от Серых эльфов из лесов.

В глубоких сумерках Мûм провел разбойников мимо озерца, в котором уже отражались сквозь ветви березок слабые первые звездочки. У устья пещеры он обернулся и поклонился Тûрину.

— Входи, — сказал он. — Бар-эн-Данвед {Bar-en-Danwedh}, Дом Выкупа; так теперь будет зваться он.

— Может статься, — сказал

Ту́рин. — Я сперва погляжу.

И он вошел вместе с Мûмом, а остальные, видя, что он не боится, пошли за ним, даже Андрóг, меньше всех веривший гному. Вскоре они оказались в полной темноте; но Мûм хлопнул в ладоши, и появился слабый свет, приближавшийся из-за угла: из прохода в конце наружной пещеры вышел другой гном с маленьким светильником.

— А! Так я промахнулся, как и боялся! — сказал Андрóг.

Мûм же быстро переговорил с другим на своем резком языке и, словно встревоженный или разъяренный чем-то, вдруг бросился в коридор и исчез. Тогда Андрóг стал

рваться вперед.

— Напади первым! — сказал он. — Их тут, быть может, целый муравейник; но они малы ростом.

— Всего трое, думаю, — сказал Тўрин и пошел по коридору, а разбойники за ним стали пробираться ощупью по стене. Много раз коридор сворачивал то туда, то сюда; но, наконец, вдали показался слабый свет, и они пришли в небольшой, но очень высокий покой, тускло освещенный светильниками, что свисали со сводчатого потолка на драгоценных цепях. Мўма нигде не было, но слышался его голос, и на голос Тўрин подошел к двери в задней стене зала. Заглянув в нее,

Тúрин увидел Мûма, стоявшего на коленях, а за ним молча стоял гном со светильником; на каменном же ложе у дальней стены лежал другой гном.

— Кхûм! Кхûм! Кхûм! — рыдал старый гном, терзая свою бороду.

— Не все твои стрелы ушли в небо, — сказал Тúрин Андрóгу. — Но этот выстрел может выйти боком. Слишком легко ты выпускаешь стрелы; и жизни может тебе не хватить, чтобы набраться мудрости.

Тихо войдя, Тúрин встал позади Мûма и заговорил с ним.

— Что случилось, Мûм? — спросил он. — Я немного умею целить. Могу ли помочь тебе?

Мѣм обернулся, и глаза его полыхнули красным огнем.

— Нет, если только не можешь ты повернуть назад время и тогда отрубить жестокие руки своим людям, — ответил он. — Это мой сын, пронзенный стрелой. Сейчас он уже за пределом речи. Он умер на закате. Ваши путы не дали мне исцелить его.

Вновь жалость, так долго сдерживаемая, хлынула из сердца Тўрина, словно ручей из скалы.

— Увы! — сказал он. — Вернул бы я ту стрелу, если бы мог. Теперь воистину Бар-эн-Данвед, Дом Выкупа, будет зваться этот дом. Ибо, будем ли мы жить здесь или нет, я

буду в долгу у тебя; и если когда-нибудь как-нибудь разбогатею я, то выплачу тебе виру за твоего сына звонким золотом в знак скорби, хоть и не обрадует больше оно твое сердце.

И Мûм поднялся и поглядел пристально на Тûрина.

— Я слышу тебя, — сказал он. — Ты говоришь, как владыки гномов былых времен; и я дивлюсь этому. Теперь сердце мое остыло, хоть и не радуется оно. Потому я выплачу свой выкуп: вы можете жить здесь, если захотите. Но вот что добавлю я: тот, кто выпустил эту стрелу, должен сломать свой лук и стрелы и положить их к ногам моего

сына; и никогда больше пусть не берет он стрел и не носит лука. Если же возьмет он лук и стрелы, то умрет от них же. Такое проклятие я накладываю на него.

Андрог испугался, услышав это проклятие; и, хоть нелегко ему было сделать это, он сломал свой лук и свои стрелы и положил их к ногам мертвого гнома. Но, выходя из покоя, он злобно глянул на Мума и проговорил:

— Проклятие гнома, говорят, никогда не умирает; но и человеческое может попасть в цель. Да умрет он с дротиком в горле [\[53\]](#)!

В ту ночь разбойники лежали в

зале и спали беспокойно из-за причитаний Мûма и Ибуна, его второго сына. Когда прекратились причитания, они не могли сказать; но когда они проснулись, гномов не было, а тот покой был закрыт большим камнем. День снова был ясный, и под утренним солнцем разбойники искупались в озерце и сготовили еду, которая была у них; и когда они ели, Мûм появился перед ними.

Он поклонился Тûрину.

— Он ушел, и все исполнено, — сказал он. — Он покоится рядом со своими праотцами. Теперь мы вернемся к той жизни, которая осталась нам, хотя дни, отпущенные

нам, могут оказаться кратки. Нравится ли тебе дом Мûма? Выплачен ли выкуп и принят ли?

— Воистину, — сказал Тûрин.

— Тогда все это — твое, чтобы ты жил здесь, как пожелаешь, кроме одного: тот покой, что закрыт, никто, кроме меня, пусть не открывает.

— Мы слышим тебя, — сказал Тûрин. — Что же до нашей жизни, то мы в безопасности, или же так кажется нам; но все же нам нужна еда и многое другое. Как будем мы выходить отсюда; и потом как будем сюда возвращаться?

Видя их беспокойство, Мûм хрипло рассмеялся.

— Уж не боитесь ли вы, что

паук привел вас в самое сердце своей паутины? — сказал он. — Мûм не ест людей! И трудно пауку справиться с тридцатью осами зараз. Смотрите, ведь вы вооружены, а я стою перед вами безоружный. Нет, мы должны делиться: домом, едой, огнем, может быть, еще, чем повезет. Думаю, вы будете защищать этот дом и хранить в тайне для вашего же блага, даже когда узнаете все входы и выходы. Вы изучите их со временем. Пока же Мûму придется водить вас, или Ибуну, сыну его.

На это Тûрин согласился и поблагодарил Мûма, и люди его большей частью были обрадованы; ибо под утренним солнцем, пока

лето было еще в разгаре, место это казалось им славным для жилья. Один только Андрóг был недоволен:

— Чем скорее мы сами сможем решать, когда приходить и когда уходить нам, тем лучше, — сказал он. — Никогда раньше у нас не было пленника, от которого так зависели бы наши дела.

В тот день они отдыхали, чистили оружие и чинили доспехи; ибо у них было еще еды на день-два, и Мûм добавил к этому. Три больших котла одолжил им Мûм, и топливо также; и принес он им мешок.

— Бесценок, — сказал он. — Не стоило красть. Просто дикие

корешки.

Но когда их приготовили, корешки эти оказались хороши, похожи на хлеб; и разбойники обрадовались им, ибо давно уже тосковали по хлебу, а бывал он у них лишь тогда, когда им удавалось украсть его.

— Дикие эльфы не знают их; Серые эльфы их не нашли; а гордые из-за Моря слишком горды, чтобы копаться в земле, — сказал Мûм.

— Как зовутся они? — спросил Тûрин.

Мûм посмотрел на него искоса.

— У них нет названия, кроме как на языке гномов, которому мы не учим, — сказал он. — И мы не учим

людей искать их, ибо люди алчны и расточительны, и они не остановятся, пока все растения не исчезнут; потому сейчас они проходят мимо них, когда бродят по лесам. И от меня вы не узнаете большего; но от того, что есть у меня, вы можете брать, покуда вы не лжете мне, не подглядываете за мной и не воруете у меня.

И снова хрипло рассмеялся Мîм.

— Они очень ценны, — добавил он. — В голодную зиму — дороже золота, ибо их можно запасать, как запасает орехи белка, и мы собирали их в свои закрома с той поры, как только они созрели. Но глупы вы,

если думаете, что я не расстался бы с одним малым мешком даже ради спасения своей жизни.

— Я слышу тебя, — сказал Ульрад, который обыскивал мешок, когда схватили Мûма. — Но все же ты не расстался с ним, и твои слова еще больше удивляют меня.

Мûм повернулся и посмотрел на него холодно:

— Ты — один из тех глупцов, о которых весна не пожалеет, если они пропадут зимой, — сказал он. — Я дал слово, и я вернулся бы, по воле своей или против воли, с мешком или без мешка, что бы ни думал об этом человек неверный и беззаконный! Но я не желаю отдавать

свое добро злой силе, будь оно хоть не больше камешка в башмаке. Разве я не помню, что твои руки были среди тех, что накладывали на меня путы и не дали мне переговорить с моим сыном? Всякий раз, когда я стану делить земляной хлеб из моих запасов, я не буду считать на тебя, и если будешь ты есть его, то по доброте товарищей твоих, а не по моей.

И Мûм ушел; Ульрад же, напуганный его яростью, проговорил ему в спину:

— Гордые слова! И все же было в мешке у старого мерзавца еще что-то, с виду похожее на корешки, но тверже и тяжелее. Должно быть, есть

и другое, кроме земляного хлеба, чего эльфы не нашли, а людям не положено знать [\[54\]](#)!

— Может статься, — сказал Түрин. — Однако в одном точно прав был гном — когда назвал тебя глупцом. Зачем говоришь ты то, что думаешь, вслух? Если уж честные слова застревают в твоём горле, молчание всем нам послужит лучше.

День прошёл в покое, и никто из разбойников не пожелал уйти с горы. Түрин долго ходил по выступу от края до края и оглядывал восток, запад и север, и дивился тому, как далеко видно в чистом воздухе. На север глядел он и различал зелёный Бретильский лес и гору Амон Обель

посреди него — туда то и дело обращался его взгляд, и он не знал, почему; ибо сердце его смотрело больше на северо-запад, где, казалось ему, за многими лигами, на краю неба видит он отсветы Тенистых Гор, стен дома его. Вечером же глядел Тўрин на закат, на запад, и красное солнце садилось в дымку над далекими берегами, и Долина Нарога лежала глубоко в сумеречных тенях.

Так началось житье Тўрина сына Хўрина в жилище Мўма, в Баре-эн-Данвед, Доме Выкупа.

Историю Тўрина с поселения его в Баре-эн-Данвед и до падения Нарготронда см. в

«Сильмариллионе» стр. 222–235, а также в Приложении к Нарну И Хûн Хúрин

Возвращение Тúрина в Дор-Лóмин

Наконец, утомленный спешкой и дальней дорогой, ибо больше сорока лиг прошел он без отдыха, едва встал первый зимний лед, Тúрин вышел к водам Иврина, однажды исцелившим его. Но сейчас здесь было лишь замерзшее болото, и Тúрин не смог еще раз испытать воды из Иврина.

Оттуда вышел он к тропам в Дор-Лóмин^{[\[55\]](#)}; а с Севера пришли

вьюги, и дороги стали холодны и опасны. Хотя двадцать и три года прошли уже с того, как шел Тўрин там, путь этот был врезан в сердце его, так велика была горечь каждого шага при расставании с Морвен. Так, наконец, вернулся Тўрин в страну своего детства. Была она уныла и пустынна; жители в ней стали редки и недобры, и говорили они на грубом языке истерлингов, а старое наречье стало языком рабов или же врагов.

Потому Тўрин шел осторожно и молча, скрывая лицо, и добрался, наконец, до дома, который искал. Стоял дом пустой и темный, и никто не жил в нем; ибо Морвен ушла, а Бродда Пришлец, тот, что силой взял

Аэрин, родственницу Хурина, себе в жены, ограбил дом и забрал из него все добро и всех слуг. Дом Бродды стоял ближе всех к бывшему дому Хурина, и туда пришел Ту́рин, изможденный странствием и горем, прося приюта; и ему был дан приют, ибо Аэрин еще старалась хранить старые добрые обычаи. Дали ему место у огня среди слуг и нескольких нищих бродяг, таких же угрюмых и усталых, как он сам; и он спросил, что нового в этой земле.

На это все умолкли, и иные отодвинулись от него, глядя на незнакомца недобро. Один же старый нищий с костылем сказал ему:

— Если уж ты говоришь на старом наречии, господин, то говори тише и не спрашивай о новостях. Что лучше тебе — чтоб тебя побили, как бродягу, или повесили, как лазутчика? Ибо ты можешь быть и тем, и другим, судя по виду. Что означает лишь, — добавил он, — что ты один из честного народа былых времен, того, что пришел сюда с Хадором в золотые дни, до того, как волчья шерсть стала расти у людей на головах. Есть здесь еще такие, хоть сделались они теперь нищими и рабами, и никто, кроме госпожи Аэрин, не даст им ни этого огня, ни этой похлебки. Так откуда ты, и что у тебя за вести?

— Была здесь госпожа по имени Морвен, — отвечал Түрин, — и давным-давно жил я в ее доме. В тот дом после долгих странствий пришел я искать приюта, но ни огня, ни людей там нет теперь.

— И не было также весь этот долгий год, и раньше, — ответил старик. — Мало было в том доме и людей, и огня с самой гибельной войны; ибо Морвен была из прежнего народа — как ты знаешь наверняка — ведь она была вдовой господина нашего Хүрина сына Галдора. Они не смели тронуть ее, ибо боялись ее: она была горда и прекрасна, как царица, пока горести не согнули ее. Ведьмой они прозвали ее; и чурались

ее. Ведьма: так в новом языке зовутся друзья эльфов. Но ее обобрали. Часто она и дочь ее голодали бы, если бы не Госпожа Аэрин. Она тайно помогала им, как говорят, и часто подлый Бродда бил ее за это, муж ее против ее воли.

— Весь этот долгий год и раньше? — повторил Түрин. — Погибли они или попали в рабство? Или же орки сгубили их?

— Этого доподлинно никто не знает, — ответил старик. — Но она ушла вместе с дочерью; и этот Бродда разграбил ее дом и лишил ее всего, что оставалось у нее. Не осталось там и пса, а немногие люди ее стали его рабами; кроме тех, что

ушли нищенствовать, как я. Я служил ей много лет, а перед тем — высокому хозяину, я — Садор-Одноног; если б не проклятый топор в том лесу давным-давно, лежал бы я сейчас в Великом Кургане. Хорошо помню тот день, когда отослан был сын Хурина, и как он плакал; и как плакала она, когда уходил он. В Сокрытое Королевство ушел он, как говорили.

На этих словах старик смолк и неуверенно оглядел Турина.

— Я стар и несу вздор, — сказал он. — Не слушай меня! Хоть и приятно поговорить на старом наречии с тем, кто говорит на нем верно, как в былые времена, ныне

стоят дурные дни, и нужно стеречься. Не все говорящие честные речи сердцем честны.

— Истинно, — сказал Тўрин. — Темно сердце мое. Но если ты боишься, что я — лазутчик Севера или Востока, то немногим больше стало в тебе мудрости, чем было когда-то, Садор Лабадал.

Старик глянул на него с испугом; и проговорил, дрожа:

— Выйдем на улицу! Там холоднее, но спокойнее. Ты говоришь слишком громко и слишком много для дома истерлинга.

Когда же вышли они на двор, Садор ухватился за плащ Тўрина:

— Давным-давно жил ты в том

доме, сказал ты? Господин Тўрин сын Хўрина, зачем ты вернулся? Глаза мои открылись, и уши, наконец, открылись; у тебя голос отца твоего. Один лишь юный Тўрин звал меня так — Лабадал. Он не хотел меня обидеть: в те дни мы были добрыми друзьями. Что же он ищет здесь теперь? Немного нас осталось; и слабы мы и безоружны. Счастливей те, что лежат в Великом Кургане.

— Я пришел не с думой о войне, — сказал Тўрин, — хотя слова твои и разбудили во мне эту думу. Я ищу Госпожу Морвен и Ниэнор. Скажи мне, что можешь, и скорее.

— Немногое, господин, —

сказал Садор. — Они ушли тайно. Прошел меж нами слух, что их призвал Господин Тўрин; ибо мы не сомневались, что он стал за эти годы великим королем или правителем в какой-нибудь южной стране. Но кажется мне, что это не так.

— Не так, — подтвердил Тўрин. — Был я правителем в южной стране, хоть теперь я и бродяга. Но я не призывал их.

— Тогда я не знаю, что сказать тебе, — сказал Садор. — Но Госпожа Аэрин наверняка знает. Она знала все дела твоей матери.

— Как мне попасть к ней?

— Этого я не знаю. Дорого ей будет обойдется, если ее застанут

шепчущейся в дверях с низким бродягой из павшего народа, даже если как-нибудь вызвать ее к дверям весточкой. А бродяга, такой, как ты, недалеко пройдет к столу в этом доме прежде, чем истерлинги схватят его и избьют, или что похуже.

И в ярости воскликнул Түрин:

— Меня побьют в чертоге Бродды? Ну-ка пойдем и посмотрим!

И с этими словами он вошел в зал и откинул капюшон, и, разбросав всех, проложил себе путь к столу, за которым сидели хозяин дома, его жена и старшины истерлингов. Тут многие бросились схватить его, но он повалил их на пол и вскричал:

— Разве никто не правит в этом

доме? Разве это орочий вертеп? Где хозяин дома?

И Бродда встал, разгневанный:

— Я правлю в этом доме! —

сказал он.

Но не успел он продолжить, как Түрин сказал:

— Так значит, ты не научился порядку, что был в этой земле до тебя. Или в обычае людей нынче позволять своим холопам гнать родича своей жены? Ибо родич Госпоже Аэрин, и у меня есть дело к ней. Так пройти ли мне добром или так, как сам захочу?

— Пройди! — сказал Бродда и нахмурился; Аэрин же побледнела.

Түрин прошел к столу, встал

перед ним и поклонился.

— Прошу прощения, Госпожа Аэрин, что я так пришел к тебе, — сказал он, — но дело мое важно, и издалека привело меня. Я ищу Морвен, Госпожу Дор-Лóмина, и Ниэнор, дочь ее. Но дом их пуст и разграблен. Что ты можешь сказать мне?

— Ничего, — ответила Аэрин в великом страхе, ибо Бродда пристально следил за ней. — Ничего, кроме того, что она ушла.

— Не верю я этому, — сказал Тўрин.

Тут Бродда выскочил вперед, и был он красен от пьяной ярости.

— Довольно! — вскричал он. —

Как смеет при мне пререкаться с моей женой нищий, говорящий на языке рабов?! Нет никакой Госпожи Дор-Лóмина. Что до Морвен, то она была из рабьего народа, и бежала, как бегут рабы. Сделай и ты так же, и поскорее, не то я повешу тебя на дереве!

Тогда Тўрин набросился на него, обнажил свой черный меч, и схватил Бродду за волосы, а меч приставил к его горлу.

— Чуть шевельнется кто, — сказал он, — и эта голова отделится от плеч! Госпожа Аэрин, я попросил бы еще раз твоего прощения, если бы считал, что этот болван хоть раз сделал тебе что-нибудь, кроме

дурного. Но говори же, и не отрекайся от меня! Разве я не Түрин, Господин Дор-Лóмина? Должен ли приказать тебе?

— Прикажи, — отвечала она.

— Кто разграбил дом Морвен?

— Бродда, — ответила она.

— Когда она бежала, и куда?

— Год и три месяца тому назад, — ответила Аэрин. — Хозяин Бродда и другие Пришлецы с Востока, что сидят здесь, жестоко притесняли ее. Давно уже было ей позволено войти в Сокрытое Королевство; и, наконец, она отправилась туда. Ибо земли на пути к нему, как говорят, были тогда освобождены на время от зла

доблестью Черного Меча из южной земли; сейчас же все переменялось. Хотела она найти там своего сына, ждавшего ее. Но если он — это ты, то боюсь я, что скверно все вышло.

И горько рассмеялся Түрин.

— Скверно? Скверно? — воскликнул он. — Да, воистину скверно: все вкривь и вкось, как у самого Моргота!

И внезапно черная ярость объяла его; ибо открылись глаза его, и последние сети чар Глаурунга развеялись, и он понял, чем был обманут и как.

— Неужто мороками заманили меня сюда прийти и умереть бесславно, когда я мог бы с честью

пасть у Дверей Нарготронда?!

И в ночи над домом послышался ему зов Финдуилас.

— Не первым погибну я здесь! — воскликнул Тúrин. И схватил он Бродду, и с силой, умноженной злостью и яростью, поднял его высоко и встряхнул, как щенка.

— Из рабьего народа Морвен, говоришь ты? Ты, сын ублюдков, вор, раб рабов!

И с этими словами он швырнул Бродду головой вперед по его же столу в истерлингов, вскочивших, чтобы наброситься на Тúрина.

Упав, Бродда сломал шею; Тúrин же прыгнул и убил еще троих,

сваленных его телом, ибо они были без оружия. Суматоха поднялась в доме. Истерлинги, что сидели там, одолели бы Түрина, но в доме собралось много людей из бывшего народа Дор-Лóмина: долго были они покорными слугами, но сейчас поднялись с криками на бунт. Скоро в доме разгорелся бой, и хотя у рабов были лишь мясницкие ножи и то, что они успели похватать, против копий и мечей, много врагов полегло прежде, чем Түрин добил остальных истерлингов, бывших в том доме.

Затем он остановился, опершись о столб, и огонь гнева его превратился в пепел. И старый Садор подполз к нему и обхватил его

колени, ибо был смертельно ранен.

— Трижды семь лет с лишним, долго же пришлось ждать этого часа, — сказал он. — Теперь же уходи, господин, уходи! Уходи и не возвращайся, пока не соберешь большую силу, чем эта. Они всю страну поднимут на тебя. Многие из них сбежали из этого дома. Уходи, не то навеки останешься здесь. Прощай!

И упал Садор, и умер.

— Он сказал с истинностью смерти, — сказала Аэрин. — Ты узнал, что хотел. Теперь уходи скорее! Но сперва иди к Морвен и утешь ее, не то мне трудно будет простить тебе то, что ты натворил здесь. Хотя и дурна была моя жизнь,

но ты своей жестокостью убил меня. Пришлецы нынче же ночью отомстят всем, кто был здесь. Скоры твои дела, сын Хурина, словно ты все еще дитя, каким я знала тебя.

— И слабо твое сердце, Аэрин дочь Индора, каким было тогда, когда звал тебя тетей, и любая злая собака могла тебя напугать, — сказал Түрин. — Для лучшего мира была ты рождена. Давай же уйдем вместе! Я отведу тебя к Морвен.

— Снег лежит на земле, но больше снега на голове моей, — ответила она. — В глуши с тобой я умру так же скоро, как здесь от рук жестоких истерлингов. Не исправить тебе того, что сделано тобой. Уходи!

Хуже будет, если ты останешься и сделаешь напрасными все жертвы Морвен. Уходи, молю тебя!

И Түрин до земли поклонился ей, и повернулся, и вышел из дома Бродды; все же восставшие, в ком была сила, пошли за ним. Они бежали в горы, ибо некоторые среди них хорошо знали дикие тропы, и они благословляли снег, падавший на землю и скрывавший их следы. Так, хотя и была вскоре снаряжена погоня за ними со множеством людей, с гончими псами и всадниками, они ушли к югу в горы. Оглянувшись, они увидели красный свет вдалеке посреди земли, из которой они бежали.

— Они сожгли дом, — сказал Тўрин. — К чему бы?

— Они? Нет, господин: она, думаю я, — сказал некто, Асгон по имени. — Многие воины путают спокойствие и долготерпение. Она много добра сделала нам и дорогой ценой. Не было ее сердце слабым, и любое терпение когда-нибудь да лопнет.

Теперь самые крепкие, что могли вынести зиму, остались с Тўрином и увели его неизвестными тропами в прибежище в горах, пещеру, известную разбойникам и беглецам; и там был спрятан запас пищи. Там они ждали, пока пройдут снегопады, а затем дали Тўрину еды

и вывели его к перевалу, которым редко ходили; перевал тот вел на юг в Долину Сириона, куда не добрались снега. На тропе вниз они расстались.

— Прощай же, Господин Дор-Лóмина, — сказал Асгон. — Не забывай нас! Будет на нас теперь охота; а Волчий Народ станет еще злее после твоего прихода. Потому иди и не возвращайся, пока у тебя не будет силы, чтобы освободить нас. Прощай!

Приход Тúрина в Бретиль

Теперь Тúрин пошел вниз к Сириону, и горько было на душе у него. Ибо думал он, что там, где

раньше у него было два тяжких выбора, теперь стоят три, и его призывает несчастный народ его, на который он навлек лишь новые горести. Одно лишь было у него утешение: что наверняка Морвен и Ниэнор давно уже добрались до Дориата, и что лишь доблестью Черного Меча Нарготрондского стала безопасна их дорога. И он сказал себе:

— Где бы я мог лучше укрыть их, приди я и впрямь раньше? Уж если Завеса Мелиан падет, то все будет кончено. Нет, воистину, лучше уж, как есть; ибо своей яростью и поспешными делами я бросаю тень повсюду, где живу. Пусть уж Мелиан

хранит их! А я оставляю их на время в покое и не стану темнить их жизнь.

Но слишком поздно искал Түрин Финдуилас, блуждая в лесах под сенью Эреда *Вэтрин*, скрытный и дикий, словно зверь; и он рыскал на всех дорогах, что вели на север к Сирионскому Проходу. Слишком поздно. Ибо все следы смыло дождями и засыпало снегами. Но вышло так, что, проходя по Тейглину, Түрин набрел на часть Людей Халет из Бретильского Леса. Война превратила их в малый народ, и жили они теперь большей частью скрытно в городище на Амоне Обель в чаще леса. Эфель {Ephel} Брандир именовалось то место; ибо Брандир

сын Хандира был тогда их правителем с той поры, как погиб его отец. Брандир же не был воином, ибо по несчастью в детстве повредил себе ногу; и помимо того, был он нравом тих и любил дерево больше железа, а знание того, что растет на земле, больше всех других наук.

Иные же из лесовиков еще охотились на орков на своих границах; и так случилось, что, придя в те места, Түрин слышал звуки боя. Он заторопился вперед и, осторожно выглянув из-за деревьев, увидел небольшой отряд людей, окруженный орками. Люди отчаянно защищались, встав спинами к купе деревьев, росших посреди поляны;

но орков было множество, и у людей было немного надежд спастись, если не придет помощь. Потому, прячась в подлеске, Түрин начал топать, шуметь, ломать ветки, и закричал громко, словно вел множество людей:

— Ага! Вот где они! Ну, все за мной! Нападайте и бейте!

На это многие орки стали испуганно оглядываться, и тут выскочил Түрин, рукою словно призывая к себе войско, и лезвия Гуртанга сверкали в его руке, словно пламя. Клинок этот был слишком хорошо знаком оркам, и еще до того, как Түрин набросился на них, многие орки испугались и побежали.

Тогда лесовики присоединились к нему, и вместе они загнали врагов в реку; немногие выбрались из нее.

Наконец они остановились на берегу, и Дорлас, предводитель лесовиков, сказал:

— Быстр ты в охоте, господин; но люди твои что-то не спешат за тобой.

— Нет, — сказал Түрин, — все мы бежим вместе, как один, и не расстаемся.

И бретильцы посмеялись и сказали:

— Воистину, один такой стоит многих. Мы в большом долгу перед тобой и благодарны тебе. Но кто ты, и что здесь делаешь?

— Я всего лишь делаю свое дело — бью орков, — отвечал Түрин. — Живу же я там, где дело мое. Я — Дикарь из Чащи.

— Так пойдем, и живи с нами, — сказали они. — Ибо мы живем в лесах, и такие мастера нужны нам. Ты будешь принят с честью!

Түрин же посмотрел на них странно и сказал:

— Так значит, есть еще такие, что пустят мою тень в свои двери? Однако, друзья, есть у меня еще одно горькое дело: найти Финдуилас, дочь Ородрета {Orodreth} Нарготрондского, или хоть что-нибудь узнать о ней. Увы! Много

недель прошло с того дня, как ее увели из Нарготронда, и все еще приходится мне искать ее.

Они посмотрели на него с сочувствием, и Дорлас сказал:

— Не ищи более. Ибо орочья орда из Нарготронда подошла к Переправам Тейглина, а мы были загодя предупреждены о ней: шла она медленно из-за множества пленников, которых вели они. Мы же решили внести наш малый вклад в войну, и подстерегли орков со всеми лучниками, которых только могли выставить, и надеялись отбить хоть немногих пленников. Но увы! Едва мы ударили, подлые орки сперва перебили среди своих пленных

женщин; а дочь Ородрета они пригвоздили к дереву копьём.

Тúрин застыл, словно молнией сраженный:

— Как вы узнали это? — спросил он.

— Она говорила с нами перед смертью, — ответил Дорлас. — Она смотрела на нас, словно ища кого-то, кого ждала, и сказала: «Мормегиль! Скажите Мормегилью, что Финдуилас здесь». Больше ничего не сказала она. Но по последним ее словам мы схоронили ее там, где она умерла. Она лежит в кургане над Тейглином. Месяц уж прошел.

— Проведите меня туда, — попросил Тúрин; и они привели его к

холмику возле Переправ Тейглина.

Там он лег наземь, и тьма пала на него, так что они решили, что он умер. Дорлас же осмотрел его и, повернувшись к своим людям, сказал:

— Поздно. Вот несчастье! Смотрите: вот лежит сам Мормегиль, великий воитель Нарготронда. По мечу его узнать бы нам его, как узнали орки.

Ибо слава Черного Меча Юга разнеслась широко и дошла даже до лесных чащоб.

Потому они подняли его и с почетом отнесли в Эфель Брандир; и Брандир, выйдя навстречу им, подивился на их ношу. Откинув

покрывало, он взглянул в лицо Тўрина сына Хўрина, и мрачная тень пала на сердце его.

— О жестокие люди Халет! — воскликнул он. — Зачем вы удерживаете смерть от этого человека? С великим трудом вы принесли сюда последнее проклятие нашего народа.

Но лесовики сказали:

— Нет же, это Мормегиль Нарготрондский^[56], могучий победитель орков, и он будет великой подмогой нам, если выживет. А хоть бы и нет, неужели мы должны были оставить человека, сраженного горем, лежать на дороге, словно падаль?

— Воистину, нет, — сказал Брандир. — Не так судил рок.

И он взял Түрина в свой дом и выхаживал его со всей заботой.

Когда же стряхнул, наконец, Түрин тьму, уже возвращалась весна; и он очнулся и увидел солнце и зеленые почки на ветвях. Тогда же очнулась в нем и доблесть Дома Хадора, и он встал и сказал в сердце своем:

— Все мои дела в прошедшие дни были черны и полны зла. Но настал новый день. Останусь я теперь здесь в мире и сменю имя свое и род свой; и так оставлю тень свою за собой или уж, по крайности, не брошу ее на тех, кого люблю.

Поэтому он взял себе новое имя, назвавшись Турамбаром, что на языке Высоких Эльфов означает Победитель Рока; и зажил с лесовиками, и они полюбили его; он же упросил их забыть его старое имя и считать, что он родился в Бретице. Но, сменив имя, он не смог совсем сменить свой нрав и не смог совсем забыть былые свои горести от слуг Моргота; и стал он ходить охотиться на орков с немногими такого же склада, хоть и не нравилось это Брандиру. Ибо Брандир больше надеялся сохранить свой народ тишиной и тайной.

— Нет больше Мормегиля, — сказал он, — но смотри, чтобы

доблесть Турамбара не навлекла такого же отмщения на Бретиль!

Потому Турамбар отложил свой черный меч и перестал брать его в бой, а сражался теперь луком и копьем. Но не мог он стерпеть орков на Переправах Тейглина или близко к кургану, где покоилась Финдуилас. Хауд-эн-Эллет {Haudh-en-Elleth} назывался тот курган, Курган Эльфиянки, и скоро орки научились избегать этого места и боялись его. И Дорлас сказал Турамбару:

— Сменил ты имя свое, но все равно ты — Черный Меч; а не правдивы ли слухи, что был он сыном Хурина Дор-Лóминского, господином Дома Хадора?

И Турамбар отвечал:

— Так и я слышал. Но, прошу тебя, не говори об этом, если ты друг мне.

Путешествие Морвен и Низнор в Нарготронд

Когда отступила Гиблая Зима, новые вести из Нарготронда пришли в Дориат. Ибо некоторые спаслись отуда и, перенеся зиму в глуши, пришли искать убежища у Тингола, и пограничные стражи приводили их к Королю. И одни говорили, что все враги отступили к северу, а другие говорили, что Глаурунг все еще

таится в чертогах Фелагунда; одни говорили, что Мормегиль убит, другие же — что он подпал под чары Дракона и до сих пор стоит там, словно бы окаменевший. Но все говорили, что в Нарготронде было известно перед концом, что Черный Меч был не кто иной, как Түрин сын Хурина Дор-Лóминского.

И велики были страх и печаль Морвен и Ниэнор; и Морвен сказала:

— Неведение это и сомнение, что терзает нас — дело самого Моргота! Ужели не узнаем мы правды и не узнаем худшего, что суждено нам вынести?!

Тингол и сам желал больше узнать о судьбе Нарготронда и

собрался уже выслать туда тех, кто смог бы скрытно добраться дотуда, но он думал, что Тўрин и вправду убит, или же что спасти его нельзя, и хотел дожидаться часа, когда Морвен узнает это доподлинно. Потому он сказал ей:

— Опасное это дело, Госпожа Дор-Лóмина, и надо обдумать его. Воистину, сомнение это и неизвестность могут быть делом Моргота, чтобы вынудить нас на поспешность.

Морвен же в отчаянии воскликнула:

— Поспешность, владыка? Если мой сын бродит в лесах голодный, если сидит он в цепях, если тело его

не предано земле, то я-таки буду спешить. Ни часом не помедлив, отправлюсь искать его.

— Госпожа Дор-Лóмина, — сказал Тингол, — этого точно не хотел бы сын Хúрина. Думал бы он, что здесь, под прикрытием Мелиан, вы охранены надежнее, чем в любой другой стране из тех, что остались. Во имя Хúрина и Тúрина я не позволю тебе блуждать за моими пределами среди черных опасностей этих дней.

— Тúрина не удержал ты от опасности, меня же удерживаешь от него! — воскликнула Морвен, — Под прикрытием Мелиан? Да, пленницей Завесы! Долго я не входила под нее, и

теперь жалею, что вошла.

— Нет, Госпожа Дор-Лóмина, — возразил *Тингол*, — если таковы твои слова, то знай: Завеса открыта. Свободно вошла ты сюда; свободна ты остаться здесь — или уйти.

А Мелиан, до того молчавшая, сказала:

— Не уходи отсюда, Морвен. Истину ты сказала: сомнение это от *Моргота*. Если ты уйдешь, то уйдешь по его воле.

— Страх *Моргота* не удержит меня от зова крови моей, — ответила Морвен. — Если же ты опасешься за меня, господин, так дай мне своих людей.

— Тебе не приказываю я, —

сказал Тингол. — Но людьми своими повелеваю я один. Я пошлю их, если сам решу так.

И Морвен ничего не сказала больше, но зарыдала; и покинула чертог Короля. Тяжело на сердце было у Тингола, ибо казалось ему, что гибельные мысли овладели Морвен; и спросил он у Мелиан, не задержать ли Морвен силой.

— Против внешнего зла, рвущегося внутрь, я многое могу сделать, — ответила она. — Но против ухода тех, кто хочет уйти — ничего. Это уже твое дело. Если нужно удержать ее, то удержи силой. Но, может быть, так ты оттолкнешь ее от себя.

Морвен же пошла к Ниэнор и сказала:

— Прощай, дочь Хúрина. Я отправляюсь искать своего сына или верных вестей о нем, раз здесь никто не желает ничего делать, а лишь мешкает, пока не станет слишком поздно. Жди меня, пока я не вернусь с удачей.

Тогда Ниэнор в страхе и тревоге попыталась отговорить ее, но Морвен ничего не ответила и ушла в свой покой; наутро же она оседлала коня и ускакала.

Тингол же приказал, чтобы никто не останавливал ее и не задерживал. Но едва она тронулась в

путь, он собрал отряд из самых крепких и умелых своих пограничных стражей и во главе их поставил Маблунга.

— Спешите за ней, — сказал он, — но так, чтобы она не знала о вас. Когда же она выедет в глушь, если что будет угрожать ей, покажитесь; и если она не вернется, охраняйте ее, как только сможете. И нескольких из вас хочу отправить вперед так далеко, как только можно, чтобы узнать все, что только можно узнать.

Так вышло, что Тингол отправил большой отряд, чем собирался поначалу, и были в нем также десять всадников со сменными конями.

Отряд последовал за Морвен, а она отправилась на юг через Регион и так вышла к берегу Сириона над Сумеречными Озерьями {Twilit Meres}; там она остановилась, ибо Сирион был широк и быстр, а она не знала брода. Потому стражникам пришлось объявиться; и Морвен спросила:

— Так Тингол хочет удержать меня? Или он все же выслал мне помощь, в которой отказал было?

— И то, и то, — ответил Маблунг. — Ты не повернешь назад?

— Нет! — ответила она.

— Тогда я должен помочь тебе, — сказал Маблунг, — хоть и против моей воли. Сирион здесь

широк и глубок, и опасно переплывать его и зверю, и человеку.

— Тогда переправь меня так, как переправляются эльфы, — потребовала Морвен, — не то я пущусь вплавь.

И Маблунг повел ее к Сумеречным Озерьям. Там в заводях среди тростников на восточном берегу охранялись тайные переправы; ибо этим путем ходили гонцы между Тинголом и его родичами в Нарготронде^[57]. Здесь они дождались глубокой звездной ночи и переправились в белых предрассветных туманах. И едва красное солнце встало из-за Синих Гор и подул свежий утренний ветер и

развеял туманы, стражники вышли на западный берег и покинули Завесу Мелиан. Были то рослые дориатские эльфы, одетые в серое, в плащах поверх доспехов. Морвен с берега смотрела, как они проходят молча, и вдруг, вскрикнув, указала на того, что шел последним:

— Откуда он? — спросила она. — Трижды десять было вас, когда вы вышли ко мне, и трижды десять и один вышел на берег!

И все обернулись и увидели, как солнечный луч упал на золотые волосы: ибо то была Ниэнор, и ее капюшон откинуло ветром. Так выяснилось, что она следовала за отрядом и присоединилась к нему в

темноте перед переправой через реку. Стражи были растеряны, но не Морвен.

— Иди обратно, возвращайся назад! Я приказываю тебе! — крикнула она.

— Если жена Хурина может уйти, вопреки всем советам, по зову крови своей, — ответила Ниэнор, — то и дочь Хурина может. Плачем назвала ты меня, и не хочу я одна оплакивать своих отца, брата и мать. Из них лишь тебя знаю и превыше всего люблю. А всего того, чего ты не боишься, и я не боюсь.

И вправду, мало страха было в лице ее. Высока и сильна была она; ибо высокорослы были дети Дома

Хадора, и, одетая в эльфийские доспехи, была она под стать стражам, ниже лишь самых высоких из них.

— Что собираешься ты делать? — спросила Морвен.

— Идти туда, куда ты пойдешь, — ответила Ниэнор. — Вот какой выбор принесла я тебе. Отведи меня обратно и храни меня в безопасности у Мелиан; ибо немудро отвергать ее совет. Или же знай, что я пойду на опасности, если ты пойдешь.

Ибо на самом деле пришла Ниэнор больше в надежде, что из опасения за нее и любви к ней мать повернет назад; и, действительно,

крепко задумалась Морвен.

— Одно дело отвергнуть совет, — сказала она. — Другое — пойти вопреки воле матери. Иди назад!

— Нет, — ответила Ниэнор. — Давно уже я не дитя. Есть у меня своя воля и своя мудрость, хотя до сих пор не шли они поперек твоих. Я пойду с тобой. Лучше — в Дориат, ради правителей его; но если нет — то на запад. В самом деле, если уж кому из нас идти, то скорее мне, в расцвете сил моих.

И Морвен увидела в серых глазах Ниэнор твердость Хúрина; и поколебалась она, но не могла превозмочь гордости своей

настолько, чтобы после всех слов дать своей дочери увести себя назад, словно беспомощную старуху.

— Я иду, как собиралась, — сказала она. — Иди и ты, но против моей воли.

— Да будет так, — согласилась Ниэнор.

И Маблунг сказал своим спутникам:

— Воистину, от маломыслия, а не от малодушия семейство Хурина навлекает горе на всех! Таков и Түрин; но не так было с отцами его. Ныне все они обречены, и не по праву это мне. Больше страшит меня эта задача Короля, чем охота на Волка. Что же делать?

Морвен же, вышедшая на берег и подошедшая близко, слышала его последние слова:

— Делай то, что велел тебе Король, — сказала она. — Ищи вести о Нарготронде и о Тúrине. Покуда нам по пути с тобой.

— Долгий это путь и опасный, — сказал Маблунг. — Если вы едете дальше, то сядьте на коней и едьте посреди всадников, и не отставайте от них ни на шаг.

Так вышло, что, когда разгорелся день, они тронулись в путь, медленно и осторожно выехали из тростников и плакучих ив и поехали по серым лесам, покрывавшим большую часть

равнины к югу от Нарготронда. Весь день они ехали точно на запад, и ничего не видали в глуши, и ничего не слышали; ибо тишина стояла в земле той, и показалось Маблунгу, что страх лежит на ней. Тем же путем прошел много лет назад Берен, и тогда леса были полны скрытых глаз охотников; теперь же все жители берегов Нарога ушли, а орки, похоже, не забирались пока так далеко на юг.

Еще два дня ехали они, и к вечеру третьего дня от Сириона повернули через равнину к восточному берегу Нарога. И тут так не по себе стало Маблунгу, что он попросил Морвен не ехать дальше. Но она рассмеялась и сказала:

— Скоро уже избавитесь вы от нас и вздохнете с облегчением. Потерпите же еще немного. Слишком близко уже мы подъехали, чтобы поворачивать назад.

И воскликнул тогда Маблунг:

— Несчастные глупые женщины! Нет от вас помощи в поиске вестей, а лишь помеха. Слушайте же меня! Велено мне было не останавливать вас силой; но велено было и охранять вас, сколько смогу. Сейчас же я могу выбрать лишь что-то одно. И я буду охранять вас. Завтра я приведу вас на Амон *Этир* {Ethir}, Дозорную Гору, что здесь поблизости; и там вы будете сидеть под охраной и не пойдете

далее, пока здесь приказываю я.

А Амоном *Этир* звался курган высотой с гору, что давным-давно насыпали великим трудом по велению Фелагунда на равнине перед его Дверями в лиге к востоку от Нарога. Весь он порос лесом, кроме вершины, откуда далеко во все стороны были видны дороги, что вели к великому Нарготрондскому мосту, и земли, лежащие вокруг. На гору эту они взошли к полудню с восточного склона. И, глядя на Верховой Фарот {Faroth} за рекой, бурый и безлесый^[58], Маблунг эльфийским взором увидел террасы Нарготронда на крутом западном берегу и черной дырой в стене скал

— раскрытые Двери Фелагунда. Но не услышал он ничего и не заметил никаких следов ни Дракона, ни какого другого врага, кроме следов пожарища возле Дверей в день взятия города. Все было тихо под неярким солнцем.

Потому теперь Маблунг, как говорил, приказал десяти своим всадникам охранять Морвен и Ниэнор на вершине горы и не уходить, пока он не вернется, если только не случится великая опасность: а если случится такое, то всадники должны были усадить Морвен и Ниэнор на коней посреди отряда и мчать на всем скаку на восток к Дориату, выслав одного

вперед на разведку и за помощью.

Затем Маблунг взял остальных из своего отряда, и они спустились вниз по склону; и, выйдя к западу в поля, где деревья стали реже, они рассыпались цепью и стали скрытно пробираться к берегу Нарога. Сам Маблунг пошел посередине прямо к мосту, и вышел к нему, и увидел, что мост обрушен; и раздувшаяся после дождей река неслась в шуме и пене на дне глубокого ущелья между обвалившихся камней.

Глаурунг же лежал там в темноте большого прохода, который вел от разрушенных Дверей вовнутрь, и он давно уже знал о разведчиках, хот немногие другие глаза в

Средиземье смогли бы разглядеть их. Но взгляд его гибельных глаз был острее взора орлов, и вдаль он видел много лучше эльфов; и знал дракон также, что другие остались и стоят на голой вершине Амона *Этир*.

Потому, когда Маблунг крался между камней, ища по обрушенным камням моста переправы через бурный поток, Глаурунг явился вдруг со вспышкой пламени и вполз в реку. Тотчас же раздалось оглушительное шипение и поднялись клубы пара, и Маблунг со спутниками, прятавшиеся поблизости, потерялись в слепом тумане и гнусной вони; и большинство их бросились назад к Дозорной Горе, но не могли найти ее

в тумане. Маблунг же, пока Глаурунг переправлялся через Нарог, забрался под скалу и остался там; ибо еще одно дело было у него. Теперь знал он доподлинно, что Глаурунг поселился в Нарготронде, но было ему также велено вызнать и о сыне Хúрина, если удастся; и в смелости сердца своего он решился, едва Глаурунг уйдет, переправиться через реку и обыскать чертоги Фелагунда. Ибо он счел, что дл охраны Морвен и Ниэнор все возможное сделано: появление Глаурунга наверняка было замечено, и всадники уже, должно быть, мчатся к Дориату.

Так Глаурунг миновал Маблунга чудовищной тенью в тумане и быстро

двинулся вперед, ибо он был могучим Змеем и был еще легок в движениях. Маблунг же за его спиной переправился с огромным трудом через Нарог; смотревшие с горы видели выход Дракона и испугались. Сразу же они велели Морвен и Ниэнор без препирательств сесть на коней и приготовились бежать на восток, как было им велено. Но едва они спустились с горы на равнину, как подул дурной ветер и наваял на них мглы и вонь, которой не мог вынести ни один конь. Ослепленные туманом и охваченные безумным ужасом от запаха дракона, кони понесли и разбежались в разные стороны; и

стражи, разбросанные по равнине, налетали на всем скаку на деревья и разбивались или же тщетно искали друг друга в тумане. Ржание коней и крики всадников слышал Глаурунг; и он был доволен.

Один из эльфов-всадников видел, борясь в тумане со своим конем, как Госпожа Морвен пронеслась мимо серым призраком на обезумевшем коне, крича «Ниэнор!»; и больше не видели ее.

Конь же Ниэнор, когда слепой ужас пал на всадников, понес, оступился и выбросил ее из седла. Она упала на траву удачно и не повредилась; когда же она поднялась, то оказалась одна: она потерялась в

тумане, оставшись без коня и без спутников. Сила духа не покинула ее, и, поразмыслив, она решила, что напрасно идти на голоса, ибо крики доносились отовсюду, но становились все тише и слабее. Решила она, что лучше будет снова найти вершину горы: туда наверняка придет Маблунг, прежде чем уйти, хотя бы для того, чтобы убедиться, что никто из его спутников не остался там.

Поэтому Ниэнор наугад нашла по подъему земли под ногами гору, которая и вправду была рядом; и медленно поднялась по тропе, что вела с востока. Пока она поднималась, туман редел, и,

наконец, она вышла на вершину горы под свет солнца. Там она подошла к краю горы и посмотрела на запад. И прямо перед нею поднялась голова Глаурунга, который как раз взобрался на гору с другой стороны; не успела она опомниться, как ее взгляд пересекся со взглядом Дракона, и ужасен был взгляд Глаурунга, полный губельного духа Моргота, его хозьяина.

Ниэнор сопротивлялась Глаурунгу, ибо воля ее была сильна; но он своей силой одолел ее.

— Что ты ищешь здесь? — спросил он. Не в силах не ответить, она сказала: — Ищу я некоего Түрина, что жил здесь когда-то. Но

он, быть может, мертв.

— Я не знаю, — сказал Глаурунг. — Он был оставлен здесь, чтобы защищать женщин и слабых; но когда пришел я, он бросил их и бежал. Хвастун, но трус, похоже. Зачем искать такого?

— Ты лжешь, — возразила Ниэнор. — Уж дети Хурина не трусливы. Мы не боимся тебя.

И Глаурунг рассмеялся, ибо так дочь Хурина открылась его злодейству.

— Так глупцы же вы, и ты, и брат твой! — сказал он. — И хвастовство ваше будет пустым. Ибо я — Глаурунг!

И он вонзил в нее свой взгляд, и

воля ее угасла. Показалось ей, что солнце померкло и темнота воцарилась вокруг нее; и великая тьма пала на нее, и в этой тьме была пустота; она не знала ничего, ничего не слышала и ничего не помнила.

Маблунг обыскивал чертоги Нарготронда долго, как только мог, в темноте и вони; но не нашел там ни души: неподвижны были кости, и никто не отвечал на его призывы. Наконец, угнетенный ужасом этого места и опасаясь возвращения Глаурунга, он вышел обратно к Дверям. Солнце садилось на западе, и темные тени Фарота легли на террасы и бурную реку под ними;

вдалеке же над Амоном Этир Маблунг, как показалось ему, различил зловещую тень дракона. Еще труднее и опаснее была переправа обратно через Нарог из-за спешки и страха; и едва Маблунг выбрался на восточный берег и притаился под ним, как появился Глаурунг. Теперь он был осторожен и медлителен; ибо все огни в нем попритухли: огромную часть своей силы потратил он и хотел отдохнуть и отоспаться во мраке. Потому он скользнул в воду и выполз к Дверям, словно огромная змея, пепельно-серый, оставляя на земле слизистый след своим брюхом.

Но перед тем, как уйти, он

обернулся на запад^[60]у, и из его горла раздался смех Моргота, смутный, но ужасный, словно эхо злодейства из далеких черных глубин. И сказал Дракон голосом холодным и тихим:

— Вот сидишь ты, словно мышь, под берегом, Маблунг могучий! Плохо же исполнил ты поручения Тингола. Поспешి теперь на гору и посмотри, что стало с подопечными твоими!

И Глаурунг заполз в свое логово, и солнце село, и холодные серые сумерки спустились на землю. Маблунг же поспешил к Амону Этир; и пока он поднимался на вершину его, на востоке зажглись звезды. И против звезд увидел

Маблунг тень темную и
неподвижную, словно изваяние из
камня. Так стояла Ниэнор, и не
слышала его слов, и не отвечала ему.
Когда он взял ее за руку, она
встрепенулась и дала ему увести
себя; и пока он держал ее за руку, она
шла за ним, едва же он отпускал ее,
она останавливалась без движения.

Велико было горе и изумление
Маблунга; но ничего другого не
оставалось ему, как вести Ниэнор
долгим путем на восток, без помощи
и без спутников. Так они вышли,
словно сходящие, на ночную
равнину. И когда настало утро,
Ниэнор споткнулась и упала; и
Маблунг сел рядом с нею в отчаянии.

— Не зря я боялся этой задачи, — сказал он. — Ибо, кажется, будет она моей последней. С этой несчастной дочерью людей пропаду я в глуши, и имя мое будут презирать в *Дориате*: если только узнают там хоть что-нибудь о нашей судьбе. А все остальные наверняка убиты, и лишь она одна оставлена в живых; но не из милости.

Тут нашли их трое из тех, что были с ними, бежавшие от Нарога при появлении Глаурунга и после долгих блужданий вышедшие к горе, когда рассеялся туман; увидев же, что там никого, они решили пробираться домой. Тогда к Маблунгу вернулась надежда; и теперь они двинулись на

север и на восток, ибо с юга дороги в Дориат не было, а с падением Нарготронда стражам было запрещено наводить переправы, кроме как для выходящих из страны.

Медленно шли они, как те, что ведут усталое дитя. И чем дальше отходили они от Нарготронда и приближались к Дориату, тем мало-помалу сила возвращалась к Ниэнор, и она час за часом послушно шагала, ведомая за руку. Но в больших глазах ее была пустота, и она не слышала ни слова и не произнесла ни слова.

Наконец, спустя много дней, они подошли к западной границе Дориата, чуть южнее Тейглина; ибо они собирались войти во владения

Тингола на полоске земли за Сирионом и выйти к охраняемому мосту возле впадения Эсгалдуина. Там они остановились; и уложили Ниэнор на ложе из травы, и она впервые за все время сомкнула веки, и казалось, что она спокойно спит. Эльфы тоже решили отдохнуть, и от усталости они утратили бдительность. Так застал их врасплох отряд орков-охотников, из тех, которых много рыскало в тех местах в то время, подходя к рубежам Дориата так близко, как только осмеливались. Посреди боя Ниэнор вдруг вскочила со своего ложа, как человек, разбуженный среди ночи, и с криком убежала в лес. Орки

развернулись и погнались за ней, а эльфы — за ними. Но странно преобразилась Ниэнор, и она обогнала их всех, летя меж деревьями, словно лань, с развевающимися на ветру волосами. Маблунг и его спутники скоро нагнали орков, перебили их до единого и поспешили дальше. Но Ниэнор уже исчезла, словно призрак; и ни следа ее, ни тени они не смогли найти, хоть и искали много дней.

И, наконец, Маблунг вернулся в *Дориат*, согнутый горем и стыдом.

— Найди нового начальника своим охотникам, повелитель, — сказал он. — Ибо обещен я.

Но Мелиан сказала:

— Не так это, Маблунг. Ты сделал все, что мог, и ни один из слуг Короля не сделал бы столько. Но по несчастью столкнулся ты с силою, слишком великой для тебя: воистину, слишком великой для всех, живущих в Средиземье.

— Посылал я тебя за вестями, и их ты принес, — сказал Тингол. — Не твоя вина, что те, кому больше всех нужны были эти вести, теперь не могут услышать их. Воистину, горек такой конец всего рода Хúрина, но не к твоим дверям ведет он.

Ибо теперь не только Ниэнор убежала, безумная, в глушь, но и Морвен пропала также. Ни тогда, ни после, никаких вестей о судьбе ее не

дошло до Дориата или Дор-Лóмина. Маблунг же не стал отдыхать, а с небольшим отрядом ушел в леса и три года бродил повсюду от Эреда Вэтрин до самых Устьев Сириона, ища вести о пропавших и следы их.

Ниэнор в Брети́ле

Что же до Ниэнор, то она убежала в лес, слыша за собой погоню; одежда ее изорвалась, украшения разлетелись, и бежала она совсем нагая; весь тот день бежала, словно загнанный зверь, и не смела остановиться и перевести дух. Вечером же безумие вдруг спало с нее. Она остановилась на мгновение

изумленно и в смертельной усталости рухнула, как убитая, в высокие папоротники. Там, в прошлогодних желтых и зеленых молодых побегах она лежала и спала, ни о чем не зная.

Наутро она проснулась и обрадовалась свету, как новорожденная; и все, что видела она, было ей ново и незнакомо, и она не знала имен ничему. Ибо за ней была лишь пустота и тьма, из которой не доносилось ни одного воспоминани ни о чем, и ни отзвука ни одного слова. Лишь тень страха помнила она, и потому была осторожна и всюду искала укрытия: она забиралась на деревья или

пряталась в кусты, словно белка или лиса, если какой-либо звук пугал ее; и оттуда долго выглядывала сквозь листву, прежде чем снова пуститься в путь.

Так, продвигаясь в ту сторону, в которую побежала она сперва, Ниэнор вышла к Тейглину и утолила свою жажду; но она не могла найти себе пропитания, и не знала, как искать его, и мерзла, и голодала. Деревья у воды показались ей гуще и темнее, да так и было, ибо то была опушка Бретильского леса, и она, наконец, переправилась к ним, и вышла к зеленому кургану, и там легла наземь; ибо она была истощена, и казалось ей, что тьма,

лежащая за ней, одолевает ее вновь и солнце меркнет.

То и вправду была буря, налетевшая с Юга, полная молниями и ливнем; и Ниэнор лежала, пытаюсь спрятаться от грома, а черный дождь хлестал по ее нагому телу.

И случилось так, что лесовики Бретиля проходили в тот час мимо с заставы против орков, торопясь к Переправам Тейглина и к убежищу, что было поблизости; и ударила молния, озарив Хауд-эн-Эллет вспышкой белого пламени. И Турамбар, ведущий отряд, отпрянул и прикрыл глаза, вздрогнув; ибо почудилось ему, что он видит на могиле Финдуилас тело убитой девы.

Один из его людей подбежал к кургану и позвал его:

— Взгляни, господин! Здесь лежит девушка, и она жива!

И Турамбар, подойдя, поднял ее, и вода стекала с ее волос; она же вздрогнула и больше не сопротивлялась. Дивясь, что она лежит здесь так, нагая, Турамбар обернул ее своим плащом и отнес в жилище охотников в лесу. Там они развели огонь и завернули ее в одеяло, и она открыла глаза и посмотрела на них; когда же взгляд ее упал на Турамбара, ее лицо озарилось, и она протянула к нему руку, ибо ей показалось, что она нашла, наконец-то, что искала во

тьме; и она успокоилась. Турамбар же взял ее руку и, улыбнувшись, сказал:

— Теперь, госпожа, не скажешь ли ты нам свое имя и род, и какое зло стряслось с тобой?

Она же покачала головой и ничего не ответила, но зарыдала; и они больше не тревожили ее, пока она не насытилась жадно тем, что они смогли ей предложить. Поев, она вздохнула и вложила руки в ладони Турамбара; и он сказал:

— У нас ты в безопасности. Переночуй с нами, а утром мы приведем тебя в наше жилище в верховом лесу. Но мы хотим узнать твое имя и твой род, чтобы найти его,

если сможем, и доставить известие о тебе. Скажешь ли ты нам?

Но она снова ничего не ответила, лишь заплакала.

— Не тревожься! — сказал Турамбар. — Может быть, этот рассказ слишком горек для тебя. Я сам дам тебе имя и назову тебя Нíниэль, Дева Плача.

Услышав это имя, она подняла глаза и покачала головой, но повторила:

— Нíниэль...

И это было первым словом, которое она произнесла после того, как тьма пала на нее, и с той поры это стало ее именем меж лесовиками.

Поутру они привели Нýниэль в Эфель Брандир; дорога вела круто вверх к Амону Обель, пока они не подошли к тому месту, где она пересекала бурный поток Келеброс {Celebros}. Там был построен деревянный мост, а под ним река преодолевала порог, источенный струями, и по многим пенящимся ступеням спрыгивала вниз в каменную чашу под водопадом. Над водопадом стояла густа березовая роща, а с моста открывался вид на излучины Тейглина на две мили к западу. Воздух там был прохладен, и летом путники могли присесть отдохнуть и испить холодной воды. Димрост, Лестница Дождя, звались

эти пороги, но с того дня — Нен Гирит {Girith}, Дрожащая Вода; ибо Турамбар и его люди остановились там; Нүниэль же, едва приблизившись к тому месту, начала зябнуть и дрожать, и они не могли ни согреть, ни успокоить ее^[60]. Потому они поспешили в путь; но не успели они добраться до Эфеля Брандир, как Нүниэль охватила лихорадка.

Долго лежала Нүниэль в болезни, и Брандир употребил все свое искусство врачевания, а жены лесовиков ухаживали за ней днем и ночью. Но только тогда, когда Турамбар был рядом с нею, она лежала спокойно и спала без стонов; и это заметили все, кто ухаживал за

ней: в то время, пока лежала она в бреду, она часто бывала сильно встревожена, но ни слова ни на одном языке эльфов или людей не сорвалось с ее уст. Когда же здоровье медленно начало возвращаться к ней и она снова начала вставать и есть, бретильским женщинам пришлось учить ее говорить, как ребенка, слово за словом. Но училась она быстро и с большой радостью, как тот, кто находит утерянные сокровища, большие и малые; когда же, наконец, она выучилась достаточно, чтобы говорить со своими подругами, она спрашивала их: «Как зовется это? Ибо в темноте потеряла его имя». А когда она снова смогла выходить, она

стала ходить в дом Брандира; ибо больше всего ей хотелось поскорее узнать имена всего живого, а он много знал в этом; и они гуляли вместе с нею по садам и лугам.

И Брандир полюбил ее; когда вернулась к Нүниэли сила, она подставляла ему плечо, чтобы помочь ему, с его хромотой, и назвала его своим братом. Но сердце ее было отдано Турамбару, и только при нем она улыбалась, и только когда он шутил, смеялась она.

Однажды вечером золотой осени они сидели вместе, и солнце садилось за гору и ярко освещало дома Эфеля Брандир, и стояла глубокая тишина. Тогда Нүниэль

сказала Турамбару:

— Узнала я имена всего, что есть, и лишь твоего не знаю. Как зовут тебя?

— Турамбар, — ответил он.

И она смолкла, словно прислушиваясь к тайным отзвукам; и спросила:

— А что означает это, или это лишь имя для тебя одного?

— Оно означает «Победитель Черной Тени», — сказал он. — Ибо и я, Нíниэль, блуждал во тьме, в которой растерял все, что было дорого мне; но теперь, видится мне, я одолел ее.

— Бежал ли ты тоже от нее, убегая, пока не попал в эти дивные

леса? — спросила она. — И когда спасся ты, Турамбар?

— Да, — ответил он. — Много лет я бежал от нее. И спасся тогда же, когда и ты. Ибо темно было, когда ты пришла, Нýниэль, но с тех пор стало светло. И кажется мне, что то, что я долго искал напрасно, само пришло ко мне.

И, идя в сумерках к своему дому, Турамбар сказал себе:

— Хауд-эн-Эллет! На зеленом кургане явилась она. Не знамение ли это, и как мне истолковать его?

И тот золотой год прошел и сменился мягкой зимой, а за ней пришел еще один ясный год. В

Брети́ле стоял мир, и лесовики жили тихо, и не выходили из своих пределов, и не знали вестей из тех земель, что лежали вокруг них. Ибо орки, что пришли в то время в черное царство Глаурунга или были посланы следить за границами Дориата, избегали Переправ Тейглина и обходили берега реки далеко к западу.

Нúниэль вполне исцелилась и стала красива и сильна; и Турамбар не таился более, а попросил ее выйти за него замуж. Нúниэль была рада; но когда Брандир узнал об этом, его сердце почуяло недоброе, и он сказал ей:

— Не спеши! Не думай, что со

зла я советую тебе подождать.

— Ты ничего не делаешь со зла, — сказала она. — Но почему советуешь ты мне это, мудрый брат?

— Мудрый брат? — переспросил он. — Хромой брат, скорее, нелюбимый и нелюбый. Едва ли знаю я, почему. Но тень лежит на этом человеке, и я боюсь.

— Была тень, — сказала Нүниэль, — так он говорил мне. Но он спасся от нее, так же, как и я. А разве он не стоит любви? Хоть он живет сейчас мирной жизнью, разве не был он некогда величайшим военачальником, от которого бежали бы, завидя его, все наши враги?

— Кто сказал тебе это? —

спросил Брандир.

— Дорлас сказал, — ответила она. — Разве он сказал неправду?

— Правду, — ответил Брандир, и не по нраву пришлось это ему, ибо Дорлас был вожаком тех, что хотели воевать с орками. И еще Брандир все искал причины, которые удержали бы Н́униэль, и потому сказал: — Правду, но не всю правду; ибо он был Военачальником Нарготронда, а пришел туда ранее с Севера, и он, как говорят, сын Хурина Дор-Лóминского из воинственного дома Хадора.

Увидев же тень, омрачившую лицо Н́униэль при упоминании этого имени, он понял ее неверно, и

добавил:

— Воистину, Нíниэль, подумай: наверняка ведь такой человек вернется к войне и уйдет, быть может, далеко из этих земель. А если будет так, то что будет с тобой? Подумай, ибо я предчувствую, что если снова Турамбар выйдет на битву, то не он, а Тень победит.

— Горе будет мне, — ответила Нíниэль, — но незамужней — не легче, чем замужней. А жена, может статься, вернее удержит его и отведет тень.

Но слова Брандира встревожили ее, и она упросила Турамбара немного подождать. Он был удивлен и огорчен; когда же он узнал от

Н́ниэли, что это Брандир посоветовал ей подождать, он рассердился.

Пришла новая весна, и сказал он Н́ниэли:

— Время идет. Мы ждали, и больше я не хочу ждать. Делай, как велит тебе сердце, Н́ниэль бесценная, но знай: вот какой выбор передо мной. Либо возвращаюсь к войне в глухомани; либо женюсь на тебе и никогда больше не уйду на войну — только если придется защищать тебя, если какое-либо зло решится напасть на наш дом.

И Н́ниэль была очень рада, и они помолвились, а в середине лета поженились; и лесовики устроили

большой пир и дали им крепкий дом, что построили для них на Амоне Обель. Там они зажили счастливо, но Брандир был неспокоен, и тень, лежавшая на сердце у него, все тяжелела.

Приход Глаурунга

Ныне сила и злоба Глаурунга быстро росли, и он разжирел, и собрал к себе орков, и правил ими как Король-дракон, и все земли, бывшие землями Нарготронда, были под его властью. В конце того года, третьего года жизни Турамбара среди лесовиков, Дракон начал нападать на их страну, в которой до того

некоторое время стоял мир; ибо хорошо известно было Глаурунгу и его Хозяину, что в Брети́ле живут еще немногие свободные люди, последние из Трех Домов, отринувших власть Севера. Этого Моргот не мог им простить; ибо желал он покорить весь Белерианд и обыскать каждый уголок его, чтобы ни в одном прибежище, ни в одной укромной дыре не осталось бы в живых никого, кто не был бы его рабом. Потому, догадался ли Глаурунг, где скрывается Түрин, или же, как считают иные, Түрин и вправду скрылся на то время от глаз Зла, что следили за ним — не столь важно. Ибо в конце концов советы

Брандира оказались тщетны, и Турамбару остались лишь два выбора: сидеть бездельно и ждать, пока его найдут и вытащат на свет, словно крысу; или же выйти на битву и обнаружить себя. Но когда впервые дошли до Эфеля Брандир вести о нашествии орков, Турамбар не вышел, уступив мольбам Нíниэли. Ибо сказала она:

— Еще не дома наши под угрозой, как было в твоем обещании. Говорят, что орков немного. А Дорлас мне говорил, что и до тебя такие набеги были нередки, и лесовики всегда отражали их.

Но плохо было дело лесовиков, ибо эти орки были губительной

породы, свирепые и хитрые; и на деле пришли они с тем, чтобы завоевать Бретильский лес, а не чтобы обойти его по опушке, направляясь по другому делу, или же чтобы поохотиться небольшими отрядами. Поэтому Дорлас и его люди были с потерями отброшены, а орки переправились через Тейглин и забрались глубоко в лес. Дорлас пришел к Турамбару, и показал свои раны, и сказал:

— Смотри, господин: пришла к нам беда после обманного мира, как и предсказывал я. Не просил ли ты, чтобы сочли тебя одним из нашего народа, а не чужестранцем? Не твоя ли это беда также? Ибо не останутся

укрытыми наши дома, если орки дальше пройдут по нашей земле.

Тогда Турамбар встал, и взял снова свой меч Гуртанг, и пошел на битву; и когда лесовики узнали об этом, то воодушевились и собрались к нему, пока не стало у него силы в несколько сот человек. Они прошли через лес, и перебили всех орков, что шныряли там, и развесили их на деревьях возле Переправ Тейглина. Когда же новая орда пришла на них, они заманили ее в ловушку, и перебили в огромном множестве орков, пораженных числом лесовиков и ужасом от того, что вернулся Черный Меч. И лесовики сложили великие костры, и сожгли

тела воинов Моргота, и черный дым отмщения поднялся в небеса, а ветер унес его к западу. Немногие же из орков уцелели, чтобы вернуться в Нарготронд и рассказать об этом.

Тогда не на шутку разъярился Глаурунг; но сперва долго лежал он и размышлял о том, что слышал. Потому зима прошла мирно, и люди говорили: «Велик Черный Меч Бретильский, ибо все наши враги побеждены».

И Нүниэль утешилась и радовалась славе Турамбара; он же сел в раздумии и сказал себе: «Погибель отброшена. Теперь же грядет испытание, в котором похвальба моя либо оправдается,

либо выйдет ложью навеки. Больше не буду бежать. Стану я воистину Турамбаром, и по моей воле и по моей цене выпадет мне доля — или недоля. Но что бы ни досталось мне, победа или поражение — Глаурунга я убью».

Но все же он обеспокоился и выслал смельчаков в дальние дозоры. Ибо на деле, хоть и не было сказано об этом ни слова, он теперь хозяйничал всем, как хотел, словно он был господином Бретиля, а не Брандир.

Пришла весна, полная надежда, и люди пели за работой. Нíниэль же в ту весну понесла и стала слаба и бледна, и счастье ее омрачилось. И

вскоре от тех, что ходили далеко за Тейглин, пришли странные вести о том, что на равнине со стороны Нарготронда горят леса, и люди недоумевали, что бы это могло быть.

Спустя недолгое время пришли новые донесения: что пожары продвигаются на север, и что на самом деле Глаурунг причина их. Тогда те, кто были глупее, или в ком больше было надежды, сказали: «Войско его уничтожено, и он, наконец, поумнел и возвращается туда, откуда пришел». А другие сказали: «Будем надеяться, что он минует нас стороной». У Турамбара же не было такой надежды, и он знал, что Глаурунг вышел искать его.

Потому, хоть и скрывал он свои мысли от Нүниэли, но днем и ночью думал, что же предпринять ему; а весна обернулась летом.

Пришел день, когда два человека прибежали в Эфель Брандир в ужасе, ибо они видели самого Великого Змея.

— Истинно, господин, — сказали они Турамбару, — он ползет сейчас к Тейглину и не сворачивает. Он лежит посреди великого пожарища, и деревьядымятся вокруг него. Вони от него не вынести человеку. И все долгие лиги от самого, должно быть, Нарготронда, тянется за ним его мерзкий слизистый след, прямой, как стрела,

что направлена прямо на нас. Что мы еще можем сделать?

— Немногое, — ответил Турамбар, — но об этом немногом я уже подумал. Вести, что принесли вы, вселяют в меня больше надежду, чем страх; ибо если он идет сюда прямо, как вы говорите, и не свернет, то есть у меня кое-какой замысел для храбрецов.

Люди подивились, ибо в тот раз он не сказал большего; но его спокойствие воодушевило их^[61].

А река Тейглин протекала так. С Эреда *Вэтрин* сбегала она так же быстро, как и Нарог, но сначала в низких берегах, а за Переправами,

вобрав силу многих ручьев, она пробила себе путь через подножие взгорья, на котором стоял Бретильский лес. Потому река там текла в глубоких теснинах, берега которых были точно каменные стены, а под ними с силой и шумом текла вода. И прямо на пути Глаурунга лежала такая теснина, не самая глубокая, но самая узкая из всех — чуть к северу от устья Келеброса. И Турамбар выслал троих храбрецов следить с берега за Драконом; сам же он поскакал к высокому водопаду Нен Гирит, где любые вести легко нашли бы его, а сам он мог бы оттуда оглядеть всю землю.

Но сперва Турамбар собрал лесовиков и обратился к ним, сказав:

— Люди Бретиля, смертельная опасность пришла к нам, и только велика храбрость ее отвратит. Но числом здесь мало чего можно добиться; надо нам применить хитрость и положиться на удачу. Если мы выступим против Дракона всей нашей силой, как против войска орков, то все равно лишь пожертвуем ему свои жизни и оставим наших жен и стариков без защиты. Потому я говорю: оставайтесь здесь и готовьтесь к бою. Ибо, если придет Глаурунг, вам придется бросить это место и разбегаться во все стороны; так многие уцелеют и спасутся. А

Дракон наверняка, если только сможет, придет к нашей крепости и жилищу и уничтожит его и все, что попадется ему; но потом он не станет жить здесь. В Нарготронде все его сокровища, и там, в глубоких подземных покаях, он может спокойно лежать и расти.

И люди растерялись и совсем пали духом, ибо они верили в Турамбара и ждали более утешительных слов. Он же сказал:

— Нет, пришло самое худшее. Минет оно нас, если мой ум и удача мне не изменят. Ибо я не верю, что этот Дракон непобедим, хоть и растут с годами его сила и злоба. Я кое-что знаю о нем. Сила его больше

в злом духе, что коренится в нем, чем в мощи его тела, хоть и она огромна. Ибо вот что рассказали мне люди, воевавшие в год Нирнаэта, когда я и большинство тех, кто слушает меня сейчас, были еще детьми. На поле том гномы встали против дракона, и Азаһал Белегостский поразил его так глубоко, что тот снова скрылся в Ангбанде. А вот шип подлиннее и поострее кинжала Азаһала!

И Турамбар вынул из ножен Гуртанг и взмахнул им над головой, и тем, кто видел это, показалось, что из руки Түрина на много локтей вверх ударило пламя. И все воскликнули громко:

— Черный Шип Бретиля!

— Черный Шип Бретиля; — сказал Түрин, — ну так пусть Дракон боится его. Ибо знайте: проклятье этого Дракона и всего его рода, как говорят, в том, что как бы ни был крепок его панцирь, хоть бы и крепче железа, снизу у него должно быть брюхо змеи. Так вот, Люди Бретиля, я доберусь до брюха Глаурунга, во что бы то мне ни стало. Кто пойдет со мной? Мне нужно несколько мужей с сильными руками и храбрым сердцем.

Тут Дорлас вышел вперед и сказал:

— Я пойду с тобой, господин; ибо я всегда лучше пойду вперед, чем стану дожидаться врага, стоя на

месте.

Но другие не поспешили на призыв, ибо страх перед Глаурунгом был в них, и рассказы разведчиков, что видели его, разошлись между ними, приумноженные и преувеличенные. Тогда Дорлас воскликнул:

— Слушайте, люди Бретиля! Видно теперь, что по лихому нынешнему времени напрасны оказались советы Брандира. Нет спасения в укрытии и тайне. Неужто же никто из вас не займет место сына Хандира, чтобы не был Дом Халет опозорен?

Этим был оскорблен Брандир, сидевший на месте старшины

собрания, но не замечаемый никем, и горько стало на сердце его; ибо Турамбар не оборвал Дорласа. Некий же Хунтор, родич Брандира, поднялся и сказал:

— Плохо поступаешь ты, Дорлас, оскорбляя своего господина, которому увечье не позволяет поступить так, как сердце велит. Берегись, как бы с тобой не оказалось наоборот. Как можешь ты говорить, что напрасны его советы, когда ни разу они не исполнялись? Ты же, подопечный [\[63\]](#)vi его, всякий раз сводил их на нет. Говорю тебе, что Глаурунг идет на нас теперь, как раньше на Нарготронд, из-за того, что дела наши выдали нас, как и

боялся того Брандир. Но раз уж пришла такая беда — сын Хандира, с твоего изволения я встану на защиту дома Халет!

И Турамбар сказал:

— Троих хватит! Вас двоих я беру. Но, господин, я не хочу оскорбить тебя. Суди сам! Надо нам спешить, и дело наше требует сильных ног. Думаю я, что место твое — с твоими людьми. Ибо ты мудр и наделен целительством; а может случиться, что вскоре очень понадобится здесь и мудрость, и целительство.

Но эти слова, хоть и честно сказанные, лишь еще больше обидели Брандира, и он сказал Хунтору:

— Иди уж, но без моего изволения. Ибо тень лежит на этом человеке, и не будет тебе удачи с ним.

Теперь Турамбар заторопился уходить; но когда он пришел к Нүниэли проститься, она обняла его и держала, горько рыдая.

— Не уходи, Турамбар, молю тебя! — говорила она. — Не борись с тенью, от которой ты едва бежал! Не надо, беги дальше и возьми меня с собой, заberi отсюда!

— Нүниэль, дражайшая! — отвечал он. — Не можем мы бежать с тобой. Мы привязаны к этой земле. А если даже и уйду я, бросив людей, что приютили нас, смогу я взять тебя

лишь в бездомную глушь, на погибель тебе, и чаду твоему на погибель. Сотни лиг между нами и любой землей, до которой не достала еще Тень. Мужайся же, Нíниэль. Ибо говорю тебе: ни ты, ни я не погибнем от этого Дракона, ни от какого другого врага с Севера.

И Нíниэль заплакала и умолкла, и холоден был ее прощальный поцелуй. Потом Турамбар с Дорласом и Хунтором скорым шагом направились к Нену Гирит, и когда они подошли туда, солнце клонилось к западу, и тени были длинные; и последние два разведчика ждали их там.

— Долго ты шел, господин, —

сказали они. — Дракон уже здесь, и когда мы уходили, он выбрался к берегу Тейглина и смотрел за реку. Идет он все врем по ночам, и еще до завтрашнего рассвета мы можем ждать его нападения.

Турамбар глянул за пороги Келеброса и увидел, как садится солнце и черные столбы дыма поднимаются из леса у самой реки.

— Нельзя терять времени, — сказал он. — Но все же это хорошие вести. Ибо я боялся, что дракон свернет; а если бы прошел он к северу и вышел к Переправам и дальше на старую дорогу понизу, пала бы наша надежда. Но ярость гордыни и злобы ведет его прямо

вперед.

Сказав же это, задумался Турамбар, и подумал он: «Уж не опасается ли и этот столь злобный и страшный враг Переправ, точно орки? Хауд-эн-Эллет! Неужто Финдуилас все еще заслоняет меня от моего рока?»

Затем Турамбар повернулся к своим спутникам и сказал:

— Вот какое дело теперь предстоит нам. Мы должны немного обождать; ибо сейчас поспешить будет так же плохо, как опоздать. Как падут сумерки, мы со всей скрытностью проберемся вниз, к Тейглину. Берегитесь! Ибо слух Глаурунга так же остер, как и глаза

его — а в них гибель. Если доберемся до реки незамеченными, надо будет спуститься в теснину, пересечь реку и встать на пути, которым пойдет дракон, когда проснется.

— Как же он пойдет? — спросил Дорлас. — Хоть и гибок он, но огромен, и как сможет он спуститься с одного берега и взобраться на другой, если голова его должна будет подниматься, пока хвост еще не спустился? А если он сможет сделать так, то что пользы нам будет в том, что мы окажемся под ним в бурной воде?

— Может быть, и сможет, — ответил Турамбар, — и если так, то беда нам. Но, судя по тому, что мы

знаем о нем, и по тому месту, где он лежит сейчас, я надеюсь, что у него другое намерение. Он вышел к берегу Кабед-эн-Араса, через который, как говорили вы, однажды перепрыгнула лань, спасаясь от охотника Халет. Дракон же теперь так велик, что, думаю, попытается перепрыгнуть через реку в том месте. На это вся наша надежда, и мы должны в нее верить.

У Дорласа упало сердце при этих словах; ибо он лучше других знал земли Бретиля, а Кабед-эн-Арас был мрачным местом. Восточный берег его был скалою локтей сорока в высоту, голой, но поросшей поверху деревьями;

западный же был не таким крутым и высоким и порос деревьями и кустарником, но посреди между скал бешено неслась вода, и хотя смельчак, уверенный в своих ногах, мог днем перейти ее вброд, опасно было пускаться на это ночью. Но таков был замысел Турамбара, и бесполезно было возражать ему.

В сумерках отправились они и пошли не прямо к Дракону, а по тропе к Переправам; затем, не уходя далеко, свернули к югу по узкой тропинке и пришли в темный лес над Тейглином. А когда подошли они к Кабед-эн-Арасу, шагая осторожно и останавливаясь то и дело, чтобы прислушаться, почуяли они запах

гари и вонь, от которой им стало худо. Но все было тихо, и ни ветерка не было в воздухе. За спиной у них на востоке замерцали первые звезды, и белый дым, поднимавшийся прямо в небо, закрыл от них последний свет на западе.

Когда ушел Турамбар, Нíниэль встала, словно окаменев; Брандир же подошел к ней и сказал:

— Нíниэль! Не бойся худшего раньше времени. Но не советовал ли я тебе подождать?

— Советовал, — ответила она. — Но чем помогло бы мне это теперь? Любовь живет и страдает и без обручения.

— Это я знаю, — сказал Брандир. — Но обручение — не пустое дело.

— Два месяца уже, как тяжела я, — сказала Нíниэль. — Но страх утраты не легче. Не понимаю я тебя.

— Я и сам ничего не понимаю, — сказал Брандир. — И страшно мне.

— Как ты умеешь утешать! — воскликнула она. — Но, Брандир, друг мой: обрученная или необрученная, матерью или девой, мне не вынести этого страха. Победитель Рока ушел далеко на битву со своим роком, и как могу я оставаться здесь и ждать, пока придут о ней вести, добрые или

дурные?! Этой ночью он, быть может, встретится с Драконом, и как мне пересидеть или перестоять эти часы?

— Не знаю я, — ответил он, — но как-нибудь должны пройти эти часы для тебя и для жен тех, что ушли с ним.

— Они пусть поступят так, как их сердца велят им! — воскликнула Нíниэль. — Что же до меня, то я должна идти. Не могут лежать долгие мили между мною и моим господином, когда он в опасности. Я сама пойду за вестями!

И черный страх вселили в Брандира ее слова, и он воскликнул:

— Ты не сделаешь этого, если только я смогу удержать тебя. Ибо

так ты можешь порушить все дело. Долгие эти мили дадут нам время спастись, если случится дурное.

— Если случится дурное, ни к чему будет мне спастись, — ответила она. — Мудрость твоя теперь тщетна, и ты не удержишь меня.

И вышла она к людям, что еще стояли на площади *Эфеля*, и воскликнула:

— Люди *Брейтиля*! Не буду я ждать здесь. Если погибнет мой господин, погибнут и все наши надежды. Земля ваша и леса будут сожжены дотла, и все ваши дома сгорят, и никто, никто не спасется. Так что же мешкать? Я уйду за

вестями, как бы страшны они ни были. Те, кто думает так же, пусть идут со мной.

И многие захотели пойти с ней: жены Дорласа и Хунтора — потому что их возлюбленные ушли с Турамбаром; другие — из сочувствия к Нүниэли и желания помочь ей; и многие другие, которых любопытство манило к Дракону и которые в смелости своей или глупости, мало зная о зле, думали увидеть дела великие и славные. Ибо так велик стал для них Черный Меч, что лишь немногие думали, что и Глаурунгу под силу сразить его. И они вышли спешно большой толпой навстречу опасности, которой не

понимали; и, идя без отдыха, наконец, приуставшие, они вышли к Нену Гирит чуть после того, как Турамбар ушел оттуда. Ночной холод хорошо отрезвляет буйные головы, и многие тут сами испугались своей поспешности; а когда слышали от разведчиков, оставшихся там, о том, как близко подошел Глаурунг, и об отчаянном замысле Турамбара, сердца их похолодели, и они не решились идти дальше. Иные вглядывались с тревогой в сторону Кабед-эн-Араса, но не видели ничего, и ничего не слышали, кроме неумолчного шума водопада. И Нүниэль села в стороне, и сильная дрожь охватила ее.

Когда ушли Нíниэль и те, что с ней, Брандир сказал тем, что остались:

— Смотрите, как я опозорен, и как отвергнуты все мои советы! Пусть Турамбар станет вашим господином по праву, раз уж он забрал всю мою власть. Ибо я отрекаюсь и от власти, и от народа. Пусть никто больше не ищет у меня ни совета, ни исцеления!

И Брандир сломал свой посох. Про себя же он подумал: «Ничего не осталось у меня, кроме любви к Нíниэли: потому, куда она пойдет, в мудрости или в глупости, туда и я должен идти. Ничего нельзя

предвидеть в эти темные часы; но может ведь случиться, что и я смогу оградить ее от какого-нибудь зла, если буду рядом».

Поэтому он препоясался коротким мечом, что редко делал раньше, взял свою трость, вышел из ворот Эфея быстро, как только мог, и захромал вослед остальным по долгой тропе к западному рубежу Бретиля.

Гибель Глаурунга

Наконец, когда глубокая ночь уже объяла землю, Турамбар и спутники его пришли к Кабед-эн-Арасу и обрадовались шуму воды;

ибо, хоть и говорил он об опасности внизу, но скрывал все звуки. И Дорлас отвел их чуть в сторону к югу, и они спустились по обрыву к подножью скалы; но там остановились: много больших и малых камней лежало в реке, и между ними, скалясь и пенясь, бешено неслась вода.

— Это верный путь к гибели, — сказал Дорлас.

— Единственный это путь, к гибели ли или к победе, — сказал Турамбар, — и ожидание не сделает его легче. Так что идите за мной!

И он пошел первым, и, умением ли и силой или же по везению, он перебрался через реку и обернулся

посмотреть на идущего за ним.
Темная тень выросла рядом с ним.

— Дорлас? — окликнул
Турамбар.

— Нет, это я, — отозвался
Хунтор. — Дорлас не смог
переправиться. Ведь человек может
любить битву, но при этом многого
бояться до смерти. Он сидит, должно
быть, на берегу и дрожит от страха; и
да падет на него позор за его слова
моему родичу.

Здесь Турамбар и Хунтор
немного отдохнули, но скоро начали
замерзать в ночи, ибо оба вымокли в
воде, и стали пробираться вдоль реки
на север к лежке Глаурунга. Там
ущелье стало уже и темнее, и, пройдя

еще немного, они увидели над собою
отсвет, словно от дымного пламени,
и слышали храп Великого Змея,
спавшего своим чутким сном. Тогда
стали они искать пути наверх, чтобы
засесть под берегом; ибо вся надежда
их была на то, чтобы подобраться к
врагу под прикрытием его. Но так
мерзка была там вонь, что у них
помутилось в голове, и они
оступились и упали, ухватились за
стволы деревьев и извергали из себя,
позабыв в немощи своей про всякий
страх, кроме страха упасть в пасть
Тейглину.

И Турамбар сказал Хунтору:

— Попусту тратим мы силы.

Ибо пока мы не узнаем точно, где

будет переправляться Дракон, нам нет смысла подниматься.

— Но когда узнаем мы, — сказал Хунтор, — не будет у нас времени выбраться из ущелья.

— Верно, — согласился Турамбар. — Но где все наудачу, там на удачу и надо положиться.

Потому они останяовились, и ждали, и из темного ущелья смотрели, как белая звезда пересекает узкую полосу неба; Турамбар задремал, и вся воля его во сне была отдана тому, чтобы держаться, хотя синевой затекли уже руки его, и отек кусал их, словно зубами.

И вдруг раздался великий грохот,

и стены ущелья задрожали, ответив ему. Турамбар очнулся и сказал Хунтору:

— Он проснулся. Настал наш час. Рази глубже, ибо двоим сейчас разить за троих!

И тут Глаурунг напал на Бретиль; и все пошло точно так, как надеялся Турамбар. Ибо Дракон тяжело подполз к обрыву и не свернул в сторону, а приготовился перескочить через ущелье мощными передними лапами и подтянуть потом брюхо и хвост. Ужас пришел с ним; ибо он стал переправляться не прямо над ними, а чуть севернее, и им снизу показалась его огромная голова, черная против звезд; и пасть

его была распахнута, и в ней было семь огненных языков. Дракондохнул огнем, и все ущелье наполнилось красным светом, и черные тени побежали между скалами; деревья же перед ним увяли и вспыхнули, и камни полетели в воду. После этого дракон метнулся и ухватился за другой берег своими могучими когтями, и начал подтягиваться вперед.

Тут настал черед смелости и скорости, ибо хотя Турамбар и Хунтор спаслись от огня, оказавшись в стороне от пути Глаурунга, им еще надо было добраться до него, пока он не переправился весь, не то погибла бы вся их надежда. Невзирая на

опасность, Турамбар полез по обрыву вдоль реки под брюхо дракона; но там так свирепы были жар и вонь, что он оступился и упал бы, если бы Хунтор, шедший за ним, не отставая, не поймал бы его за руку и не удержал бы его.

— Великое сердце! — сказал Турамбар. — Счастливо выбрал я тебя в помощники себе!

Но не успел он сказать это, как большой камень сорвался сверху и ударил Хунтора в голову, и он упал в воду и так погиб; не последний доблестью в Доме Халет. И Турамбар воскликнул:

— Увы! Горе тому, кто в моей тени! Зачем только искал я помощи?

Ибо вот один ты, о Победитель Рока, и ведь ты знал, что так и должно было быть. Бейся же теперь в одиночку!

И он собрал всю свою волю и всю ненависть к Дракону и его Хозяину, и, казалось, появилась в нем сила духа и тела, какой не знал он раньше; и он поднялся по обрыву с камня на камень и с корня на корень, пока не ухватился за тонкое деревцо, что росло у самого края ущелья, и которое, хоть верхушка его и обгорела, корни держали крепко. И как только он укрепился на ветвях его, самое чрево Дракона оказалось над ним, прогнувшись от тяжести своей почти до самой головы

Турамбара, пока Глаурунг не подтянул брюхо к голове. Бледным и морщинистым было брюхо его снизу и лоснилось от серой слизи, на которую налип всякий земляной сор; и смердело от него смертью. Турамбар выхватил Черный Меч Белега и ударил вверх со всей силой и всей ненавистью, и смертоносный клинок, длинный и жадный, ушел в брюхо дракона по самую рукоять.

Глаурунг, почуяв смертную боль, издал вопль, от которого содрогнулись все окрестные леса, и те, что смотрели с Нена Гирит, разбежались в страхе. Турамбар был оглушен, словно ударом, и выпустил меч, и тот остался в брюхе Дракона.

Ибо Глаурунг в судороге выгнулся всем своим раненым телом и перебросил его через ущелье, и на том берегу стал корчиться, воя, свиваясь в кольца и хлеща хвостом в предсмертных муках, разметав все вокруг себя на много шагов, и там, наконец, лег в дыму и разгроме, и все стихло.

Турамбар же висел, уцепившись за корень деревца, ошеломленный и едва живой. Но он собрал все силы, подтянулся, и полуспустился, полускатился к реке, и снова пустился в опасную переправу, ослепнув от брызг, ползя на четвереньках и цепляясь за камни, пока не выбрался на другой берег, и

поднялся там, где они спускались. Так он вышел к месту, где умирал Дракон, и взглянул на своего поверженного врага без жалости, и был рад.

Там лежал Глаурунг с разинутой пастью; но все огни в нем выгорели, и гибельные глаза его были закрыты. Он вытянулся во всю длину и перекатился на бок, и рукоять Гуртанга торчала из брюха его. Взыграло сердце в Турамбаре, и, хотя Дракон еще дышал, решил Түрин вытащить свой меч, который, как ни ценил он его раньше, стал ему теперь дороже всех сокровищ Нарготронда. Сбылись слова, сказанные при ковке этого меча, что ничто, ни большое,

ни малое, не будет жить, пораженное этим мечом.

И, взобравшись на своего врага, Түрин поставил ногу ему на брюхо, ухватился за рукоять Гуртанга и с силой потянул его. И, смеясь над словами Глаурунга в Нарготронде, воскликнул он:

— Привет тебе, Змей Моргота! Рад встрече с тобой! Умри же, и да возьмет тебя тьма! Так отомстил Түрин сын Хүрина!

И он вытащил меч, а при этом из раны ударила струя черной крови и попала Түрину на руки, и яд обжег их так, что он громко закричал от боли. От этого очнулся Глаурунг, и открыл свои гибельные глаза, и посмотрел

на Турамбара с такой злобой, что тому показалось, будто стрела поразила его; и от этого взгляда и жгучей боли в руках он лишился чувств и упал, словно мертвый, рядом с Драконом на свой меч.

Вой Глаурунга донесся до людей у Нена Гирит, и они исполнились ужаса; а когда смотревшие вдаль увидели великое пожарище и разрушение, которое дракон учинил в предсмертных корчах, они подумали, что тот втаптывает в землю и испепеляет тех, кто напал на него. Пожалели они тогда, что так мало миль между ними и драконом; но не решились уйти с возвышения, на

котором стояли, ибо помнили слова Турамбара, что если Глаурунг победит, то сперва двинется в Эфель Брандир. Поэтому они в страхе ждали его приближения, и никому не достало смелости спуститься и разузнать все на месте битвы. А Нíниэль сидела неподвижно, лишь дрожала, и не могла утишить свою дрожь; ибо когда слышала она голос Глаурунга, сердце ее умерло, и она почувствовала, как тьма снова овладевает ею.

Так нашел ее Брандир. Ибо он, наконец, пришел к мосту через Келеброс, усталый и медлительный; весь этот долгий путь он проделал, опираясь на трость, а было в том

пути от его дома не меньше пяти лиг ^[64]vii. Страх за Нíниэль гнал его, и то, что слышал он, не оказалось хуже того, чего он ожидал.

— Дракон перебрался через реку, — сказали ему люди, — а Черный Меч наверняка погиб, и те, что пошли с ним.

Брандир подошел к Нíниэли и догадался о ее немощи, и обратился к ней; про себя же подумал он: «Черный Меч погиб, а Нíниэль жива». И содрогнулся он, ибо вдруг холодом повеяло от вод Нена Гирит; и он укутал Нíниэль своим плащом. Но он не нашел, что сказать; а она не говорила ни слова.

Время шло, а Брандир все стоял

молча рядом с ней, вглядываясь в
тьму и вслушиваясь; но не видел он
ничего, и ничего не слышал, кроме
шума Нена Гирит, и подумал он:
«Наверняка уже Глаурунг ушел и
вступил в Бретиль». Но народ свой
он больше не жалел, глупцов,
отвергнувших его советы и
оскорбивших его. «Пусть Дракон
идет на Амон Обель, и у меня будет
время уйти и увести Нүниэль». Куда
же, он не знал, ибо никогда не
покидал он Бретиля.

Наконец, он нагнулся и тронул
Нүниэль за руку, сказав ей:

— Время идет, Нүниэль! Идем!
Пора идти. Если позволишь, я поведу
тебя.

И она молча встала и взяла его за руку, и они перешли мост и пошли по тропе к Переправам Тейглина. Те же, что видели их, тенями во мраке, не знали, кто они, и не обратили внимания. А когда прошли они немного в тишине меж деревьев, из-за Амона Обель встала луна, и лес наполнился серебряным светом. Тогда Нүниэль остановилась и спросила Брандира:

— Это ли наш путь?

— А где наш путь? — переспросил он. — Все наши надежды в Бретиле пали. Нет у нас пути, кроме как спастись от Дракона и бежать от него прочь, пока есть еще время.

Нúниэль посмотрела на него удивленно и спросила:

— Разве ты не обещал проводить меня к нему? Или ты меня обманываешь? Черный Меч был моим возлюбленным и мужем моим, и только его искать иду я. Что еще ты мог подумать? Теперь же поступай, как знаешь, а мне надо спешить.

И пока Брандир стоял, ошеломленный, она двинулась прочь от него; и он позвал ее, крича:

— Подожди, Нúниэль! Не ходи одна! Ты не знаешь, что найдешь. Я пойду с тобой!

Но она не послушала его и пошла так быстро, словно кровь ее, до того замерзшая, загорелась; и хотя

он спешил за ней, пока мог, она скоро скрылась из его глаз. Тогда он проклял свою судьбу и свое увечье; но не повернул назад.

Белая луна стояла в небе, и была она почти полной, и когда Нүниэль спустилась со взгорья к берегам реки, ей показалось, что она узнает их, и она испугалась. Ибо она вышла к Переправам Тейглина, и перед ней встал Хауд-эн-Эллет, на котором лежала черная тень; великим ужасом веяло от кургана.

И она с криком отвернулась и побежала на юг вдоль реки, потеряв на бегу плащ, словно сорвав с себя тьму, окутавшую ее; а под плащом она была одета в белое и засветилась

под луной, мелькая меж деревьев. Так Брандир со склона горы увидел ее и пошел наперерез ей; и по счастью он нашел узкую тропку, которой шел Турамбар, а эта тропа была удобнее для ходьбы и вела прямо на юг к реке, и Брандир снова пошел по пятам Нíниэли. Но сколько он ни звал, она не слышала его или не слушала, и скоро вновь ушла вперед; и так они подошли к лесу возле Кабед-эн-Араса и места смерти Глаурунга.

Луна плыла на юге в безоблачном небе, и свет ее был холоден и ясен. Подойдя к краю прогалины, разметенной Глаурунгом, Нíниэль увидела его, подставившего

серое брюхо лунному свету; рядом же с ним лежал человек. Тогда, забыв весь страх, она выбежала на середину дымящейся гари и подошла к Турамбару. Он лежал на боку, и меч его был под ним, и лицо его было бледно, как смерть, в свете луны. Она пала на него, рыдая, и целовала его; и ей показалось, что он чуть дышит, но она подумала, что это лживая надежда обманывает ее, ибо был он холоден, и не шевелился, и не отвечал ей. Ласка его, она увидела, что рука его почернела, словно обожженная, и она омыла ее слезами и перевязала, оторвав полосу своей одежды. Но он не двигался, и она поцеловала его и воскликнула в

ГОЛОС:

— Турамбар, Турамбар, вернись!
Услышь меня! Проснись! Я Нíниэль.
Дракон мертв, мертв, и я одна рядом
с тобой.

Но он ничего не отвечал.
Брандир услышал ее крик, ибо вышел
на край прогалины; но, едва шагнув к
Нíниэли, он замер и застыл
неподвижно. Ибо от голоса Нíниэли
Глаурунг очнулся в последний раз, и
содрогнулся; и приоткрыл гибельные
глаза свои, и луна сверкнула в них; и
прошипел он, задыхаясь:

— Привет тебе, Ниэнор дочь
Хúрина. Вот и встретились мы
напоследок. Ныне узнай его:
разящий во мраке, коварный враг,

неверный друг и проклятие рода
своего, Тўрин сын Хўрина! А худшее
из дел его ты носишь под сердцем.

И Ниэнор села на землю, словно
пораженная громом; Глаурунг же
умер; и с его смертью завеса
злодейских чар его спала с нее, и
прояснилась ее память от дня до дня,
и она не забыла ничего, что
случилось с ней с той поры, как
легла она на Хауд-эн-Эллет. И она
содрогнулась от ужаса и мук.
Брандир же, услышавший это,
ошеломленный, оперся без сил о
дерево.

Вдруг Ниэнор поднялась на
ноги, встала, бледная, словно
призрак, под луной, и, взглянув на

Турина, воскликнула:

— Прощай, о дважды
возлюбленный! *А Турин Турамбар*
турун' амбартанен: победитель
рока, роком побежденный! О,
счастье умереть!

И, обезумев от горя и ужаса,
овладевших ею, она бросилась прочь
оттуда; а Брандир снова захромал ей
вслед, крича:

— Подожди! Подожди, Ниниэль!

Она остановилась на мгновение,
оглянувшись и посмотрев на него
безумными глазами.

— Подождать? — переспросила
она. — Ждать? Всегда ты советовал
ждать. Если бы я послушалась!
Теперь же поздно. Нечего мне

больше ждать в Средиземье.

И она шагнула прочь от него ^[64]. Быстро вышла она на обрыв Кабед-эн-Араса, встала там, глядя на шумные воды, и воскликнула:

— Воды, воды! Примите Нíниэль Ниэнор дочь Хúрина; Плач, Скорбь, дочь Морвен! Примите меня и унесите в Море!

С этими словами она бросилась с обрыва: белая молния метнулась в черное ущелье, и крик пропал в гуле реки.

Воды Тейглина текут и поныне, но нет больше Кабед-эн-Араса: Кабедом Наэрамарт {Naeramarth} нарекли его люди с той поры; ибо ни одна лань больше не перепрыгнет

его, и все живое его сторонится, и ни один человек не выйдет на его берег. Последним взглянул во мрак его Брандир сын Хандира; и отвернулся в ужасе, ибо сердце его разрывалось, и хотя ненавидел он теперь свою жизнь, он не смог принять смерть, какой желал^[65]. И обратился он мыслью к Түрину Турамбару, и воскликнул:

— Ненавижу я тебя или жалею? Но ты мертв. Нет тебе моей благодарности, отнявшему все, что было у меня, и все, что я любил. Но мой народ в долгу перед тобой. Подобаает, чтобы от меня они узнали об этом.

И он захромал обратно к Нену

Гирит, обойдя стороной Дракона и содрогнувшись; и, поднявшись снова по той тропе, он наткнулся на человека, что выглядывал из-за деревьев и скрылся, увидев его. Но в свете заходящей луны Брандир узнал его.

— А, Дорлас! — воскликнул он. — Какие новости расскажешь? Как ты уцелел? И что с родичем моим?

— Не знаю я, — тихо ответил Дорлас.

— Но странно это! — сказал Брандир.

— Если хочешь знать, — ответил Дорлас, — Черный Меч хотел, чтобы мы вброд перешли Тейглин в

темноте. Странно ли, что я не смог этого? Я лучше обращаюсь с топором, чем иные, но на ногах у меня нет перепонок.

— Значит, без тебя они подобрались к Дракону? — спросил Брандир. — Но что же, когда он переправился? Ты должен был хотя бы быть поблизости и видеть, что произошло.

Дорлас же не отвечал и лишь смотрел на Брандира с ненавистью. И Брандир понял вдруг, что этот человек бросил своих спутников и со стыда бежал в лес.

— Позор тебе, Дорлас! — сказал он. — В тебе корень нашего зла: ты подначивал Черного Меча, ты навлек

на нас Дракона, ты опозорил меня, ты смерти предал Хунтора, а сам трусливо прячешься в лесу! — И пока Брандир говорил это, ему подумалось о другом, и он сказал в великом гневе: — Почему тебе было не известить всех обо всем? Это наименьшее, что ты мог. Сделай ты это, Госпожа Нíниэль не пошла бы за вестями сама. Не увидела бы она Дракона. Осталась бы она жива. Дорлас, я ненавижу тебя!

— Придержи свою ненависть! — сказал Дорлас. — Проку нет в ней, как и во всех твоих советах. Если бы не я, орки давно бы повесили тебя, как пугало, в твоём же саду. Звание труса оставь себе!

И с этими словами, взбешенный стыдом своим и позором, Дорлас ударил Брандира по голове огромным своим кулаком — и простился с жизнью с изумлением в глазах: ибо Брандир выхватил меч и нанес ему смертельный удар. Некоторое время стоял Брандир, дрожа, и было ему дурно от вида крови; отшвырнув свой меч, он повернулся и пошел дальше, опираясь на трость.

Когда Брандир пришел к Нену Гирит, бледная луна уже села, и ночь кончалась; утро занималось на востоке. Люди, собравшиеся у моста, увидели его серой рассветной тенью, и иные окликнули его:

— Где ты был? Ты видел ее?

Госпожа Нүниэль ушла.

— Да, ушла она, — отвечал он. — Ушла, ушла и не вернется больше. Я же пришел известить вас. Слушайте, люди Бретиля, и скажите, слышали ли вы подобное тому, что я расскажу? Дракон мертв, и мертв рядом с ним Турамбар. И это хорошие вести: да, обе вести хорошие.

Люди зароптали, дивясь его словам, и иные сказали, что он безумен; но Брандир воскликнул:

— Дослушайте же до конца! Нүниэль тоже мертва, Нүниэль прекрасная, которую вы любили, которую я любил больше всего на свете. Она бросилась с обрыва Прыжка Лани^[66], и пасть Тейглина

поглотила ее. Ушла она, бежала от света дня. Ибо вот что узнала она перед гибелью: Хúрина дети были они оба, сестра и брат. Мормегилем звали его, Турамбаром он назвался, скрыв прошлое свое: Тúрин сын Хúрина. Нíниэлью мы назвали ее, не зная прошлого ее: Ниэнор была она, дочь Хúрина. В Бретиль привел их мрачный их рок. Здесь он и свершился, и никогда земля эта не освободится от скорби. Не зовите ее ни Бретилем, ни землей Халетрима {Halethrim}, но *Сарх* {*Sarch*} *Ниа Хúн Хúрин*, Могилей Детей Хúрина!

И, не поняв еще, какая беда случилась, люди заплакали, и иные сказали:

— Есть могила в Тейглине для Нíниэли любимой, должна быть могила и дл Турамбара, доблестнейшего из людей. Не должен наш избавитель лежать под открытым небом. Идемте к нему!

Смерть Тúрина

Едва погибла Нíниэль, как Тúрин очнулся; показалось ему, что из черного мрака издалека донесся до него ее зов; а едва Глаурунг умер, как черное забытье спало с Тúрина, и он еще раз глубоко вздохнул и заснул сном великой усталости. Но перед рассветом похолодало, и Тúрин

заворочался во сне: рукоять Гуртанга
впилась ему в тело, и он внезапно
проснулся. Ночь уходила, в воздухе
веяло утром; и он вскочил на ноги,
вспомнив свою победу, и
почувствовал жжение яда в руке. Он
поднял руку, посмотрел на нее и
удивился. Ибо она была перевязана
влажной полоской белой ткани, и
стало ей легче; и сказал Түрин себе:

— Кто же перевязал меня и
оставил на холоде посреди гари и
драконьей вони? Что за странные
вещи случились здесь?

Он позвал громко, но никто не
ответил. Черно и страшно было
вокруг него, и пахло смертью. Түрин
нагнулся и поднял свой меч, и он был

цел, и сияние лезвий его не потускнело.

— Мерзостен яд Глаурунга, — сказал Түрин, — но ты, Гуртанг, сильнее меня! Любую кровь ты пьешь. Твоя это победа. Но пойдем! Мне нужна помощь. Тело мое устало, и холод в моих костях.

И он повернулся спиной к Глаурунгу и оставил его догнивать; но когда пошел он оттуда, каждый шаг давался ему все труднее и труднее, и подумал он: «У Нена Гирит, может быть, я найду кого-нибудь из разведчиков, что ждут меня. Быть бы мне поскорее в доме моем и ощутить нежные руки Нүниэли и доброе умение

Брандира!» И так, наконец, устало опираясь на Гуртанг, в сером свете начала дня он вышел к Нену Гирит, и не успели люди отправиться искать его мертвое тело, как сам он встал перед людьми.

Они же отпрянули в страхе, решив, что это неупокоенный дух его, и женщины закричали и закрыли глаза руками. Он же сказал:

— Нет, не плачьте, но радуйтесь! Смотрите! Разве я не жив? И разве не убил я Дракона, которого вы боялись?

Тогда они повернулись к Брандиру и закричали на него:

— Глупец ты с твоими лживыми сказками, сказал, что лежит он

мертвый! Не говорили ли мы, что ты сошел с ума?

Брандир же онемел от неожиданности, и смотрел на Түрина со страхом в глазах, и не мог вымолвить ни слова.

Түрин же сказал ему:

— Так значит, это ты был там и перевязал руку мне? Спасибо тебе. Но слабеет твое умение, если не можешь ты уже отличить бесчувственного от мертвого, — И повернулся Түрин к людям. — Не смейте так говорить о нем, глупцы вы все. Кто из вас поступил лучше? Ему-то хватило смелости придти на поле битвы, пока вы сидели здесь и рыдали! Теперь идем же, сын

Хандира! Многое еще хочу узнать я. Зачем ты здесь, и все твои люди, которых оставил в Эфеле? Когда я ушел на смерть за вас, неужели нельзя было послушатьс меня? И где Нүниэль? Могу ли я надеяться, что хоть ее вы не привели с собой, но что она там, где я оставил ее, в моем доме, и верные люди охраняют ее?

И когда никто не ответил ему, повторил он громче:

— Так где Нүниэль? Ее первой хотел бы я увидеть; и ей первой расскажу я о делах этой ночи.

Они же спрятали лица, и Брандир сказал, наконец:

— Нет Нүниэли здесь.

— Ну, так хорошо, — сказал

Тúрин. — Тогда пойду я домой. Нет ли здесь коня для меня? А лучше были бы носилки. Я ослаб от трудов своих.

— Нет, нет! — воскликнул Брандир горько. — Пуст твой дом. Нет Нíниэли там. Она умерла!

Одна же из женщин — жена Дорласа, не любившая Брандира — закричала пронзительно:

— Не слушай его, господин! Он безумен! Он пришел, крича, что ты мертв, и назвал это доброй вестью. Но ты жив. Так почему верить его словам о Нíниэли — что она умерла, и еще худшим?

И Тúрин подошел к Брандиру.

— Так моя смерть — это добрая

весть? — спросил он. — Да, ты вечно удерживал Нíниэль от меня, я знаю это. Теперь она умерла, говоришь ты? И еще хуже? Какую еще ложь замыслил ты в злодействе своем, Колченог? Не решил ли ты погубить нас гнусным наветом, раз никаким другим оружием ты не владеешь?

И гнев изгнал жалость из сердца Брандира, и воскликнул он:

— Я безумен? Нет, ты безумен, Черный Меч черного рока! И все эти люди выжили из ума. Я не лгу! Нíниэль умерла, умерла, умерла! Поищи ее в Тейглине!

Тúрин замер, оледенев.

— Откуда ты знаешь? —

спросил он тихо. — Чем оправдаешься ты?

— Знаю, потому что видел, как она бросилась с обрыва, — ответил Брандир. — Но оправдываться придется тебе. От тебя бежала она, и в Кабед-эн-Арас бросилась, чтобы никогда не видеть тебя больше. Нíниэль! Нíниэль? Нет, Ниэнор дочь Хúрина!

Тúрин схватил и встряхнул Брандира; ибо в словах его слышалась ему грозная поступь рока, одолевающего его; но в страхе и ярости сердце его отринуло эту мысль, словно смертельно раненый зверь, что перед смертью разит все, что вокруг него.

— Да, я Түрин сын Хүрина! — воскликнул он. — Об этом ты догадался. Но ничего не знаешь ты о Ниэнор, сестре моей. Ничего! Она живет в Сокрытом Королевстве, и она в безопасности. Это твой порочный ум измыслил эту ложь, чтобы лишить рассудка мою жену, а теперь и меня. Ты, хромой злодей — ты решил затравить нас до смерти?

Брандир же сбросил его руки.

— Не тронь меня! — сказал он. — Прекрати злословить. Та, которую ты называешь своей женой, пришла к тебе и перевязала тебя, а ты не отзывался на зов ее. Но другой отозвался за тебя. Глаурунг, Дракон, который, думаю, и поразил вас

своими чарами. Так сказал он перед смертью: «Ниэнор дочь Хúрина, вот твой брат: коварный враг, неверный друг и проклятие рода своего, Тúрин сын Хúрина!» — тут вдруг горестный смех охватил Брандира, и сказал он сквозь этот смех, — На смертном ложе люди не лгут, как говорят. И драконы, видно, тоже! Тúрин сын Хúрина, проклятье своего рода и всех, кто принимает тебя!

Тогда Тúрин схватил Гуртанг, и гибельный свет сверкнул в глазах его.

— А что же сказать о тебе, Колченог? — промолвил он медленно. — Кто тайно за моей спиной выдал ей мое истинное имя? Кто привел ее под злодейство

Дракона? Кто стоял рядом и позволил ей умереть? Кто потом быстрее всех пришел сюда и поведал обо всем ужасе? И кто теперь злорадствует надо мной? Не лгут люди на смертном ложе? Так отвечай же быстро!

И Брандир, увидев в лице Түрина смерть свою, выпрямился и не дрогнул, хотя не было у него в руках оружия, кроме трости; и сказал он:

— Долго рассказывать, как все было, а я устал от тебя. Но ты оболгал меня, сын Хүрина. Тебя оболгал ли Глаурунг? Если ты убьешь меня, все увидят, что нет. А я смерти не боюсь, ибо тогда я отправлюсь

искать Нíниэль, которую любил, и может быть, найду ее за Морем ВНОВЬ.

— Искать Нíниэль? — воскликнул Тўрин. — Нет, Глаурунга ты найдешь, твоего племени он. Со Змеем будешь ты спать, сожителем души твоей, и гнить в одном мраке!

И взмахнул Тўрин Гуртангом, и ударил Брандира, и поразил его насмерть. Люди же отвернули глаза от этого и, когда Тўрин пошел прочь с Нена Гирит, бросились от него прочь в страхе.

Тўрин же, словно безумный, пошел через лес, то проклиная Средиземье и всю жизнь Людей, то

призывая Нýниэль. Когда же, наконец, горестное безумие оставило его, он сел, и обдумал все свои дела, и вспомнил свои слова: «Она живет в Сокрытом Королевстве, и она в безопасности». И подумал он, что теперь, хоть жизнь его и порушена, он должен пойти туда; ибо вся ложь Глаурунга отводила его от той страны. Потому он пошел к Переправам Тейглина, и, проходя мимо Хауда-эн-Эллет, воскликнул:

— Горько заплатил я, о Финдуилас, за то, что послушался Дракона! Дай же совета мне!

И не успел сказать это, как увидел на Переправе двенадцать охотников при оружии, и были то

эльфы; и когда подошли они ближе, узнал он одного, ибо это был Маблунг, главный охотник Тингола. И Маблунг приветствовал его, воскликнув:

— Тўрин! Наконец-то мы встретились! Я искал тебя и рад видеть живым, хоть годы тяжело прошли по тебе.

— Тяжко! — повторил Тўрин. — Да, как поступь Моргота. Но если ты рад видеть меня, ты — последний в Средиземье. Почему же так?

— Потому что ты был в почете среди нас; — ответил Маблуг, — и хотя во многих опасностях ты уцелел, я боялся за тебя в этот раз. Я видел, как вышел Глаурунг, и думал,

что он сделал свое черное дело и возвращается к своему Хозяину. Но он повернул на Бретиль, и тогда же я узнал от путешествовавших по той земле, что Черный Меч Нарготронда объявился здесь снова, и орки боятся границ этой земли, как смерти. И я встревожился и сказал себе: «Увы! Глаурунг пошел туда, куда не смеют ходить его орки — искать Түрина. Так помчусь же и я туда быстро, как только смогу, предупредить его и помочь ему».

— Быстро, но не слишком, — сказал Түрин. — Глаурунг мертв. Эльфы посмотрели на него с изумлением и воскликнули: — Ты убил Великого Змея! Вовеки славно

будет твое имя меж эльфами и людьми!

— Мне все равно, — ответил Түрин, — ибо мое сердце погибло также. Но раз уж ты прибыл из Дориата, расскажи мне вести о моей семье. Ибо в Дор-Лóмине мне говорили, что они бежали в Сокрытое Королевство.

Эльфы не отвечали, и, наконец, Маблунг промолвил:

— Так они и сделали за год до прихода Дракона. Но сейчас, увы, нет их там.

Сердце Түрина замерло, услышав вновь поступь рока, который травит его до конца.

— Говори же! — крикнул он. —

Говори быстрее!

— Они ушли в глушь искать тебя, — сказал Маблунг. — Было это наперекор всем советам; но они пошли в Нарготронд, когда стало известно, что ты — Черный Меч; и Глаурунг вышел и рассеял их охрану. Морвен никто не видел с того дня. На Ниэнор же пали чары немоты, и она бежала на север в леса, словно дикая лань, и потерялась.

И к изумлению эльфов Түрин рассмеялся громко и горько.

— Какова шутка! — воскликнул он. — О прекрасная Ниэнор! Так она бежала из Дориата к Дракону, а от Дракона — ко мне! Каков подарок судьбы! Была она смугла, как лесная

ягода, черны были ее волосы; маленькая и стройная, словно эльфенок — кто бы ни узнал ее?

И Маблунг, пораженный, возразил:

— Ошибаешься ты! Не такова была сестра твоя. Была она высока, и глаза ее были голубые, а волосы золотые, точь-в-точь подобие отца ее Хурина. Ты не мог ни узнать ее!

— Не мог, не мог, Маблунг? — крикнул Ту́рин. — Почему же? Ведь смотри, я слеп! Разве ты не знал? Слеп, слеп и с детства брожу на ощупь в потемках Моргота! Оставь же меня! Уходи прочь! Возвращайся в Дориат, и да выстудит его зима! Проклятие Менегрому! И проклятие

твоему делу. Вот этого только и не хватало. Теперь настает ночь!

И он бросился бежать от них, как ветер, и они были удивлены и испуганы. Маблунг же сказал:

— Странное и ужасное что-то случилось, чего мы не знаем. Идемте же за ним и поможем ему, если сможем: ибо он безумен и он в опасности.

Тúрин же намного опередил их и пришел на Кабед-эн-Арас и встал там; и услышал рев воды, и увидел, что все деревья вокруг высохли и серая листва скорбно опала с них, словно зима пришла в начале лета.

— Кабед-эн-Арас, Кабед Наэрамарт! — воскликнул он. — Не

опорочу я вод твоих, омывших
Нúниэль. Ибо все дела мои были
черны, а последнее — хуже всех.

И вынул он меч свой и сказал:

— Привет тебе, Гуртанг, железо
смерти; один ты остался теперь у
меня! Ты же какой знаешь закон и
какого господина, кроме руки, что
держит тебя? Ни от чьей крови не
откажешься ты. Примешь ли ты
Тúрина Турамбара? Убьешь ли меня
быстро?

И с клинка зазвенел холодный
голос в ответ:

— Да, изопью я твоей крови,
чтобы забыть кровь Белега, моего
хозяина, и кровь Брандира, убитого
безвинно. Я убью тебя быстро.

Тúрин упер рукоять в землю и бросился на острие Гуртанга, и черный клинок принял его жизнь.

Маблунг же выбежал, и увидел огромную тушу мертвого Глаурунга, и нашел Тúрина, и горевал, вспоминая Хúрина, каким знал его на Нирнаэте Арноэдиад, и ужасную судьбу рода его. И эльфы встали рядом, и пришли люди с Нена Гирит посмотреть на Дракона, и когда увидели, как окончил жизнь Тúрин Турамбар, заплакали они; и эльфы, поняв, наконец, смысл слов его, были поражены. И Маблунг сказал горько:

— И я был вовлечен в судьбу Детей Хúрина, и так словами своими убил того, кого любил.

И они подняли Түрина и увидели, что меч его сломался пополам. Так погибло последнее, что у него было.

Трудом многих рук собрали они лес, и навалили его в кучу, и устроили великий костер, и сожгли тело Дракона, пока от него не остался лишь черный пепел, и кости рассыпались в пыль, и навсегда осталось то место голым и ровным. Түрина же схоронили в высоком кургане там, где пал он, и обломки Гуртанга схоронили вместе с ним. И когда все было кончено, и певцы эльфов и людей оплакали его, спев о доблести Турамбара и о красоте Нүниэли, туда доставили большой

серый камень и установили на вершине кургана; и на нем эльфы высекли дориатскими рунами:

**Тúрин Турамбар Дагнир
Глаурунга**

а ниже написали еще:

Ниэнор Нíниэль

Но ее не было там, и никто вовеки не узнал, куда холодные воды Тейглина унесли ее.

Так кончается Сказание о Детях

Хúрина, самое долгое из всех преданий Белерианда.

Приложение

С того места, где Тúрин и его люди обосновались в древнем жилище гномов-карликов на Амоне Рûд {Rûdh}, до того места, где «*Нарн*» продолжается путешествием Тúрина на север после падения Нарготронда {Nargothrond}, нет законченного повествования по тому же разработанному плану. Из множества пробных и черновых записей и заметок, однако, можно частично заглянуть за пределы более общего описания в

«Сильмариллионе», и даже получить несколько отрывков связного повествования из «Нарна».

Отдельный отрывок описывает жизнь разбойников после их поселения на Амоне Рûд и дает некоторое дополнительное описание Бара-эн-Данвед {Bar-en-Danwedh}.

<<Долгое время жизнь была разбойникам по нраву. Еды было в достатке, и у них было доброе жилище, теплое и сухое, в котором вдосталь было места; ибо они обнаружили, что в пещерах могут жить сто и более

человек. В глубине пещер был зал поменьше. У одной стены его был очаг, дым из которого через дыру, пробитую в скале, выходил в трубу, искусно спрятанную на склоне горы. Там же было много и других комнат, выходящих в залы или в проходы между ними, жилых, рабочих и кладовых. В хозяйстве Мûм был куда искуснее разбойников, и у него было много ящиков и сундуков, каменных и деревянных, которые казались очень старыми на вид. Но

большая часть комнат теперь пустовала: в оружейнях висели топоры и другое оружие, ржавое и пыльное, полки были голы; и кузни стояли без дела. Кроме одной: маленькой комнаты, выходявшей во внутренний зал, в которой был очаг, выведенный в ту же трубу, что и очаг в зале. Там Мûм работал иногда, но никому не позволял быть с ним при этом.

Весь остаток того года разбойники не ходили в набеги, а если выходили наружу поохотиться или

пособирать еды, то выходили большей частью небольшими отрядами. Но долгое время им было трудно находить дорогу, и, кроме Тўрина, не более полудюжины человек знали ее уверенно. Однако, увидев, что тот, кто сноровист в этом деле, может придти в их жилище без помощи Мўма, разбойники стали выставлять днем и ночью дозор возле расщелины на северном склоне. С юга они не ждали врагов, и не боялись, что кто-то сможет

подняться на Амон Rûd с той стороны; но днем почти все время на вершине стоял дозорный и оглядывал окрестности. Крута была вершина, но на нее можно было взобраться, ибо к востоку от входа в пещеру в скале были вырезаны грубые ступени, ведущие к склону, по которым мог подняться человек.

Так окончился год без тревоги и без вреда. Но когда дни сократились, а озеро стало серым и холодным, и березы

облетели, и вернулись
ливни, разбойникам
пришлось больше времени
проводить в пещере. Скоро
они устали от подгорной
темноты и полумрака
залов; и большинству
казалось, что жизнь была
бы лучше, не дели они ее с
Мûмом. Слишком часто он
появлялся из какого-нибудь
темного угла или в дверях,
когда его не ждали; и когда
Мûм бывал рядом,
разговоры их сами собой
смолкали. Разбойники
начали роптать между
собой.

Однако, и странно это было им, с Тۇрином все было иначе; он все больше сдруживался со старым гномом, и все больше прислушивался к его советам. В ту зиму он долгие часы просиживал с Мûмом, слушая его речи и рассказы о своей жизни; и Тۇрин не обрывал его, когда тот дурно говорил об Эльдаре. Мûму это было приятно, и он в ответ выказал Тۇрину немалое почтение; лишь его он допускал временами в свою кузню, и там они тихо

разговаривали вдвоем.
Другим же людям это не
нравилось; и Андрóг глядел
недобро.>>

Дальнейший

текст

«Сильмариллиона» не говорит о том,
как Белег нашел путь в Бар-эн-
Данвед: он <<неожиданно появился
меж ними>> <<в серых сумерках
зимнего дня>>. В других коротких
отрывках говорится, что по
бесхозяйственности разбойников в
Бар-эн-Данведе за зиму вышла еда, а
Мîм отказал им в съедобных
кореньях из своего запаса; поэтому в
начале года разбойники начали
выходить из своей крепости на охоту.

Белег, подойдя к Амону Rûd, напал на их следы и либо выследил их на стоянке, которую им пришлось сделать во время внезапной метели, либо шел за ними до Бара-эн-Данвед и проскользнул за ними внутрь.

В это время Андрог, разыскивая тайные кладовые Mûma, заблудился в пещерах и нашел лестницу, выходящую на плоскую вершину Амона Rûd (именно по этой лестнице часть разбойников бежала из Бара-эн-Данвед, когда на него напали орки: «Сильмариллион», стр. 224) И, то ли в только что упомянутой охоте, то ли позже, Андрог, снова взявший лук и стрелы вопреки проклятью Mûma, был ранен

отравленной стрелой — лишь в одном из нескольких вариантов говорится, что это была орочья стрела.

Белег вылечил рану, но, похоже, нелюбовь и недоверие Андрóга к эльфам от этого не уменьшились; а ненависть Мûма к Белегу стала еще злее, ибо он тем самым «снял» его проклятье с Андрóга. «Оно падет снова» — сказал он.

На ум Мûму пришло, что, если он тоже отведаст *лембаса* Мелиан, то вернет себе молодость и снова станет силен; поскольку украсть их он не мог, то притворился больным и стал просить их у своего врага. Когда же Белег отказал ему, Мûм

окончательно укрепился в ненависти к нему, и тем больше, чем больше Түрин любил эльфа.

Можно упомянуть, что, когда Белег вынул *лембасы* из своего мешка (см. «*Сильмариллион*» стр. 222), Түрин отказался от них:

<<Серебряные листья
блеснули при свете костра;
и, когда Түрин увидел
печать, глаза его
потемнели.

— Что у тебя там? —
спросил он.

— Величайший дар,
который те, что все еще
любят тебя, шлют тебе, —

ответил Белег. — Это *лембасы*, дорожные хлебы Эльдара, которых не пробовал еще ни один человек.

— Шлем отцов моих я возьму, — сказал Түрин, — и спасибо тебе за него; но дориатских {Doriath} даров я не приму.

— Тогда верни свой меч и доспехи, — сказал Белег. — Отошли также учение и воспитание твоей молодости. И пусть твои люди умрут в пустыне, чтобы тебе было приятно. Однако, этот дорожный

хлеб был дарован не тебе, а мне, и я могу делать с ним все, что захочу. Не ешь его, если он тебе поперек горла, здесь могут найтись более голодные, чем ты, и менее гордые.>>

Тúрин был посрамлен, и гордость его в тот раз была побеждена.

Найдены некоторые заметки, касающиеся Дор-Кúартола {Dor-Súarthol}, Земли Лука и Шлема к югу от Тейглина, где Белег и Тúрин из своей крепости на Амоне Rûd некоторое время возглавляли

мощную силу. («Сильмариллион», стр. 223-4)

<<Тúрин с радостью принимал всех, кто приходил к нему, но по совету Белега он не пускал никого из новичков в свое убежище на Амоне Rûd — теперь оно называлось Эхад-и-Седрин {Echad i Sedryn}, Стоянка Верных; путь к нему знала только Старая Дружина, и больше никто не бывал там. Но другие охраняемые стоянки и укрепления ставились вокруг него: в лесу на

востоке, во взгорьях, в южных болотах, от Метед-эн-Глада {Methed-en-glad}, Конца Леса, до Бар-Эриба {Bar-erib} в нескольких лигах к югу от Амона Rûd; и со всех этих мест видна была вершина Амона Rûd, и оттуда тайными знаками передавались приказы и сообщения.

Так к концу лета люди Түрина стали великой силой; и власть Ангбанда была сброшена. Весть об этом донеслась до самого Нарготронда, и многие там забеспокоились, говоря,

что если Разбойник смог нанести такой урон Врагу, то чего же не сделает Нарожский Владыка? Но Ородрет {Orodreth} не переменил своих замыслов. Во всем он следовал Тинголу, с которым тайными путями обменивался гонцами; и был то повелитель, мудрый мудростью тех, кто первым делом думает о своей стране и о том, как долго сможет она уберечь свою жизнь и достояние от алчности Севера. Потому он не позволил никому из

своих людей отправиться к
Ту́рину и послал к нему
гонцов сказать, что, что бы
он ни делал и ни
предпринимал, он не
должен ступать на землю
Нарготронда или
приводить орков туда. Но
он предложил Двум
Воеводам любую иную,
кроме воинской, помощь,
буде в чем у них нужда — и
к этому, думается,
побудили его Тингол и
Мелиан.>>

Несколько раз подчеркивается,
что Белег все время был против

дальнего замысла Тўрина, хотя и поддерживал его; что Драконий Шлем, казалось ему, подействовал на Тўрина не так, как Белег рассчитывал; и что он предвидел с тревогой в душе, что таят грядущие дни. Сохранились обрывки его разговоров с Тўрином по поводу этого. В одном из них они сидят вдвоем в крепости Эхад-и-Седрин, и Тўрин говорит Белегу:

<<— Почему ты грустен и задумчив? Разве не все хорошо идет с тех пор, как ты вернулся ко мне? Разве не право мое дело?

— Сейчас все хорошо, — отвечал Белег. — Враги наши все еще ошеломлены и испуганы. И еще есть у нас впереди хорошие времена; немного.

— А что потом?

— Зима. А за ней еще год, для тех, кто проживет его.

— А что потом?

— Гнев Ангбанда. Мы лишь обожгли кончики пальцев Черной Руки — не больше. Она не отдернется назад.

— Но разве не гнев

Ангбанда — наша цель и наша радость? — спросил Түрин. — Чего же более ты хочешь от меня?

— Ты знаешь прекрасно, — ответил Белег. — Но о той дороге ты запретил мне говорить. Послушай же меня. Начальнику большого воинства многое нужно. Должно у него быть безопасное убежище; и должно у него быть богатство и много тех, кто занят не войной. Где много народа, там нужно еды больше, чем может дать

глушь; а тут конец всей скрытности. Амон Rûd хорош для немногих — у него есть глаза и уши. Но он стоит одиноко и виден издалека; и не нужно большой силы, чтобы окружить его.

— И все же я буду начальником своего войска, — сказал Түрин, — а если паду, то паду. Здесь я стою поперек пути Морготу, и пока я стою так, он не может пользоваться дорогой на юг. За это меня должны поблагодарить

в

Нарго*т*ронде; и даже
помочь необходимым.>>

В другом коротком отрывке
разговора между ними Т^урин
отвечает на предупреждение Белега о
шаткости его положения
следующими словами:

<<— Я хочу править
страной; но не этой. Здесь
я хотел бы только собрать
силу. К стране моего отца в
Дор-Л^омине {Dor-lómin}
обращено мое сердце, и
туда отправлюсь я, едва
смогу.>>

Также подтверждается, что

Моргот {Morgoth} на время убрал свою руку и совершал лишь слабые притворные нападения, <<чтобы легкими победами ослабить бдительность повстанцев; как и вышло потом на деле.>>

Андрог появляется еще раз в наброске отрывка о нападении на Амон Рûд. Только тогда он рассказал Тûрину о внутренней лестнице; и он был одним из тех, кто выбрался по этой лестнице на вершину. Там, как сказано, он сражался доблестнее всех, но пал, смертельно раненный стрелой; и так сбылось проклятье Мîма.

К рассказанному в «Сильмариллионе» о странствии Белега в поисках Тúрина, его встрече с Гвиндором {Gwindor} в Таур-ну-Фуине, спасении Тúрина и смерти Белега от руки Тúрина добавить ниоткуда нечего. О том, что Гвиндор хранил один из голубых «светильников Феанора», и о том, какую роль этот светильник сыграл в варианте этой истории, см. выше (прим. 2 к 1–1).

Здесь можно заметить, что отец намеревался продолжить историю Драконьего Шлема Дор-Лóмина до времени жизни Тúрина в Нарготронде, и даже далее; но это не было воплощено в повести. В

существующих версиях Шлем исчезает с концом Дор-Кúартола, в разгроме крепости разбойников на Амоне Рûд; но он каким-то образом появляется у Тúрина в Нарготронде. Шлем мог оказаться там, только если его взяли орки, которые вели Тúрина в Ангбанд; но возвращение его при спасении Тúрина Белегом и Гвиндором потребовало бы какого-то развития в этом месте повествования.

Отдельный отрывок рассказывает, что в Нарготронде Тúрин не надевал Шлем снова, <<чтобы он не выдал его>>, но надел его, когда вышел на Тумхаладскую Битву («Сильмариллион», стр. 232,

где говорится, что он надел гномью маску, которую нашел в оружейнях Нарготронда). Этот отрывок продолжается так:

<<Боясь этого шлема, враги бежали от него, и так Тúrин ушел с этого поля смерти невредимым. Так он вернулся в Нарготронд с Драконьим шлемом на голове, и Глаурунг, захотев лишить Тúрина его защиты и помощи, ибо и сам боялся этого шлема, надсмеялся над ним, говоря, что, верно, Тúrин объявил себя его вассалом и

наместником, раз
пристроил подобие своего
хозяина на наверхие своего
шлема.

Но Түрин ответил:

— Лжешь ты, и сам
это знаешь. Ибо этот образ
сделан для позора твоего; и
пока кто-то носит его, тебя
всегда будет поражать
страх, как бы носящий его
не принес твою гибель.

— Тогда придется мне
ждать носящего другое
имя, — сказал Глаурунг, —
ибо Түрина сына Хүрина я
не боюсь. Ему не хватит
смелости взглянуть мне в

глаза открыто.

И вправду, столь велик был ужас от Дракона, что Тúrин не осмеливался посмотреть ему в глаза, но опустил забрало, закрыв лицо, и через прорезь смотрел не выше, чем под ноги Глаурунгу. Но от такой насмешки, вспыхнув, Тúrин, не раздумывая, откинул забрало и взглянул в глаза Глаурунгу.>>

В другом месте есть замечка, что, когда Морвен {Morwen} в Дориате слышала о появлении Драконьего шлема в Тумхаладской

Битве, она поняла, что слухи о том, что Мормегиль — ее сын, верны.

Наконец, есть предположение, что Драконий шлем должен был быть на Түрине, когда он убил Глаурунга и надсмеялся над умирающим Драконом его же словами, сказанными при Нарготронде, о <<носящем другое имя>>; но нет никаких указаний о том, как это должно было бы согласовываться со всем ходом повествования.

Имеется описание природы и сути противостояния Гвиндора политике Түрина в Нарготронде, о чем в «Сильмариллионе» упомянуто лишь очень кратко (стр. 231). Оно не

полностью оформлено в повествование, но может быть представлено так:

<<Гвиндор всегда выступал против Тўрина на совете Короля, говоря, что был в Ангбанде и знает кое-что о мощи Моргота и о его повадках.

— Малые победы окажутся в конце концов бесполезными, — сказал он. — Ибо так Моргот узнаёт, где самые опасные его враги, и собирает силу, достаточную, чтобы уничтожить их. Всея

соединенной мощи эльфов и Эдайна хватит лишь на то, чтобы удерживать его; чтобы держать долгую осаду; и вправду долгую, но лишь до той поры, пока *Моргот* не пробудится и не сломает заслоны; да и не может быть создан такой союз. Лишь в скрытности теперь наша надежда; пока не придут Валары.

— Валары? —
переспросил Түрин. —
Они бросили вас, и людей они презирают. Что толку смотреть на Запад за бескрайнее Море? Есть

один лишь Вала, с которым мы имеем дело, и это Моргот; и если мы так и не сможем победить его, то сможем хотя бы нанести ему урон и унижить его. Ибо победа есть победа, как ни мала она, и цена ее не только лишь в том, что происходит из нее. Но есть от нее и выгода, ибо, если вы не станете ничего делать, чтобы остановить его, то не много пройдет лет прежде, чем весь Белерианд падет под тень его, и он выкурит вас с ваших земель одного за

другим. А что потом? Жалкие остатки побегут на юг и на запад и покроют берега Моря, попав в тиски между Морготом и Оссэ {Ossë}. Лучше уж отвоевать себе время славы, пусть оно будет коротким; ибо конец не будет хуже. Ты говоришь о скрытности и говоришь, что лишь в ней надежда; но если бы ты даже мог выследить и отловить всех лазутчиков Моргота до последнего, чтобы ни один не вернулся с донесением в Ангбанд, уже по этому он узнал бы,

что ты живешь, и догадался бы, где. И вот что еще скажу: хоть жизнь смертных людей и мала перед жизнью эльфов, они лучше проведут ее в борьбе, чем побегут или сдадутся. Противление Хúрина Талиона {Thalion} — великое деяние; и хоть убей Моргот совершившего это, ему не стереть деяния. Сами Владыки Запада почтят то дело; и разве не вписано оно в историю Арды, из которой ни Моргот, ни Манве {Manwë} ничего не могут

стереть?

— Ты говоришь о
высоком, — ответил
Гвиндор, — и видно, что
ты жил среди Эльдара. Но
мрак охватил тебя, если ты
ставишь рядом Моргота и
Манве или говоришь о
Валарах как о врагах
эльфов или людей; ибо
Валары никого не
презирают, и менее всего
— Детей Илúватара. И не
знаешь ты всех надежд
Эльдара. Есть у нас
пророчество, что однажды
посланец из Средиземья
проберется через тени в

Валинор, и Манве услышит, а Мандос смягчится. До того времени не должно ли нам сохранить семя Нолдора, и Эдайна также? И Кúрдан {Círdan} живет сейчас на Юге, и там строятся корабли; а что знаешь ты о кораблях и о Море? Ты думаешь о себе и о своей славе, и от нас требуешь того же; но мы должны думать и о других, кроме себя, ибо не все могут сражаться и пасть, и их мы должны охранять от войны и разрушения, пока можем.

— Так отправьте их на ваши корабли, пока есть еще время, — сказал Тўрин.

— Они не расстанутся с нами, — сказал Гвиндор, — даже если бы Кўрдан мог принять их. Мы должны держаться вместе столько, сколько сможем, а не приветствовать смерть.

— На все это уже отвечал я, — сказал Тўрин. — Доблестная защита границ и мощные удары врасплох: вот надежда лучше твоего держания вместе. А разве

те, о ком ты печешься, любят больше того, кто прячется по лесам и рыскает, словно волк, чем того, кто надевает свой шлем, берет расписной щит и гонит врагов, будь их хоть много больше, чем своего войска? По крайности, женщины Эдайна не таковы. Они не удерживали мужей от Нирнаэта Арноэдиад.

— Но им было горше, чем если бы не было этой битвы вовсе, — сказал Гвиндор.>>

Линия любви Финдуилас к
Тúрину также была разработана
полнее:

<<Финдуилас дочь
Ородрета была
золотоволоса, как и весь
дом Финарфина, и Тúрину
понравилось бывать на
глазах у нее и в ее
обществе; ибо она
напоминала ему его род и
женщин Дор-Лóмина в
доме его отца. Сперва он
встречал ее только вместе с
Гвиндором; но потом она
стала искать его, и они
встречались порою

наедине, хотя эти встречи всегда казались случайными. Она расспрашивала его об аданах, которых видела она мало и редко, и о его стране и его родичах.

И Түрин говорил с ней об этом свободно, хотя и не называл страну, где родился, и никого из родичей своих; и однажды сказал ей:

— Была у меня сестра, Лалайт {Lalaith}, или так я называл ее; и ты напомнила ее мне. Но Лалайт была ребенком,

ЗОЛОТЫМ ЦВЕТКОМ на
зеленой весенней траве; а
живи она сейчас, наверно,
горе омрачило бы ее. Ты же
царственна, и словно
золотое дерево; хотел бы я,
чтобы у меня была такая
прекрасная сестра.

— Но и ты
царственен, — отвечала
она, — словно из народа
Финголфина; хотела бы я,
чтобы у меня был такой
доблестный брат. И не
думаю я, что Агарваэн
{Agarwaen} — истинное
имя твое; не подходит оно
тебе, Аданэдэль

{Adanedhel}. Я назову тебя
Ту́рин {Thurin}, Тайна.

Ту́рин был поражен
этим, но сказал:

— Это не мое имя; и я
не царь, ибо цари наши —
эльдары, а я — нет.

Потом Ту́рин стал
замечать, что Гвиндор
становится холоден к нему;
и недоумевал он также
оттого, что тот, сперва
было избавившийся от горя
и ужаса Ангбанда, теперь
снова, казалось,

погружается в печаль и тяготы. И подумал он: может быть, горько Гвиндору, что я отвергаю его советы и превзошел его; жаль, если так. Ибо Түрин любил Гвиндора, своего учителя и целителя, и был полон сочувствия к нему. Но в эти дни сияние Финдуилас также омрачилось, и шаги ее стали тяжелее, а лицо погрузнело; и Түрин, чувствуя это, решил, что слова Гвиндора посеяли в ее сердце страх того, что может случиться.

На самом же деле Финдуилас была в тяжелых раздумьях. Ибо она чтит Гвиндора, и жалела его, и не хотела ни слезинки добавить к его страданиям; но любовь ее к Түрину росла день ото дня против ее воли; и думала она о Берене и Лучиэни {Lúthien}. Но не похож был Түрин на Берена! Он не обижал ее и был рад ей; но она знала, что в нем нет той любви, какой желала она. Сердце его и душа были где-то далеко, на весенних ручьях далекого

прошлого.

И Тўрин нашел
Финдуилас и сказал ей:

— Пусть речи
Гвиндора не пугают тебя.
Он страдал во мраке
Ангбанда; а такому
доблестному мужу тяжело
перенести такие увечья и
муки в неволе. Ему нужно
все утешение и долгое
время для исцеления.

— Я знаю это
прекрасно, — сказала она.

— Но мы отвоюем ему
это время! — сказал
Тўрин. — Нарготронд
будет стоять! Никогда

больше Моргот Трусливый не выйдет из Ангбанда, и вся сила его — в его слугах; так говорит Мелиан в Дориате. Они — пальцы на его руке, и мы будем бить его по пальцам и резать их, пока он не спрячет свои когти. Нарготронд будет стоять!

— Возможно, — отвечала Финдуилас. — Он будет стоять, если тебе удастся это. Но будь осторожен, Адэнэдель {Adenedhel} [\[68\]](#)i; тяжело у меня на сердце, когда ты уходишь на битву, как бы не

лишился тебя Нарготронд.

И после того нашел
Тúрин Гвиндора и сказал
ему:

— Гвиндор, дорогой
друг, ты снова ходишь в
печали; не надо! Ибо ты
исцелишься в домах твоих
родичей и в свете
Финдуилас.

Гвиндор же посмотрел
на Тúрина, но ничего не
сказал, и лишь туча
омрачила его.

— Почему ты так

смотришь на меня? — спросил Түрин. — Часто в последнее время ты бросаешь на меня странные взгляды. Чем я опечалил тебя? Я выступаю против твоих советов; но мужчина должен говорить, как думает, а не прятать свою правду для тайных пересудов. Хотел бы я, чтобы мы думали одно; ибо я перед тобой в великом долгу, и не забуду его.

— Не забудешь? — переспросил Гвиндор. — Меж тем дела твои и твои советы переменили мой

дом и моих родичей. Твоя
тень лежит на них. С чего
мне радоваться, если ты
отнял у меня все?

Но Тўрин не понял
этих слов, и лишь подумал,
что Гвиндор завидует его
месту в делах и душе
Короля.>>

Дальше следует отрывок, в
котором Гвиндор предостерегает
Финдуилас от любви к Тўрину,
рассказав ей, кто такой Тўрин, и этот
отрывок во многом совпадает с
текстом «Сильмариллиона». Но под
конец речи Гвиндора Финдуилас
отвечает ему гораздо более

распространенно, чем в других версиях.

<<— Тебе застит глаза, Гвиндор, — сказала она, — ты не видишь или не понимаешь, что происходит. Неужели же мне придется взять на себя двойной позор и открыть тебе истину? Я люблю тебя, Гвиндор, и стыжусь, что люблю не больше, но поддалась любви, которая еще сильнее, от которой мне не уйти. Я не искала ее и долго боролась с ней. Но как мне жаль твоих

страданий, так сжался и ты над моими. Тўрин не любит меня; и не полюбит никогда.

— Ты говоришь так, — сказал Гвиндор, — чтобы снять вину с того, кого любишь. Зачем же он ходит за тобой, и сидит с тобой столько времени, и уходит радостный?

— И ему нужно утешение, — отвечала Финдуилас, — а он лишен всех родичей своих. У вас обоих свои тяготы. Что же мне, Финдуилас? Не достаточно ли того, что я

изливаю душу свою перед тобой, нелюбимым, и ты еще говоришь, что я обманываю?

— Нет, нелегко женщине обмануться в таком деле, — сказал Гвиндор. — И немногие станут отрицать, что любимы, если это правда.

— Если из нас троих кто неверен, так это я; но не по своей воле. Но что же твой рок и твои речи об Ангбанде? Что смерть и гибель? Аданэдель могуч в сказании Мира, и доберется он еще до

Моргота однажды в
грядущем.

— Он горделив, —
сказал Гвиндор.

— Но также и
милосерден, — возразила
Финдуилас. — Он еще не
пробудился, но жалость
может войти в его сердце, и
он никогда не отринет ее.
Может быть, только
жалость и станет дверями к
его душе. Но не жалеет он
меня. Мне страшно за него,
словно я и королева, и мать
ему!

Быть может, истинно
говорила Финдуилас, глядя

зоркими глазами эльдаров. Тўрин же, не зная о том, что было между Гвиндором и Финдуилас, тем нежнее становился с ней, чем она становилась печальнее. Но однажды Финдуилас сказала ему:

— Турин Аданэдель, зачем ты скрывал от меня свое имя? Знай я, кто ты, я чтילה бы тебя не меньше, но лучше поняла бы горе твое.

— О чем ты? — спросил он. — Кем ты считаешь меня?

— Тўрином сыном

Хурина Талиона,
предводителем Севера.>>

И тогда Ту́рин упрекнул Гвиндора в том, что он выдал его истинное имя, как об этом сказано в «Сильмариллионе», стр. 230.

Еще один отрывок из этой части повествования существует в форме более полной, чем в «Сильмариллионе» (о Тумхаладской битве и разграблении Нарготронда других записей нет; тогда как разговор Ту́рина и Дракона записан в «Сильмариллионе» настолько полно, что навряд ли он был более полно представлен где-то еще). Это

отрывок, дающий более полное описание прихода эльфов Гельмира и Арминаса в Нарготронд в год его гибели («*Сильмариллион*», стр. 231); об их случившейся ранее встрече с Туором в Дор-Лóмине, о которой упоминается здесь, см. стр. 21-2.

<<Весной пришли два эльфа, назвавшиеся Гельмиром и Арминасом из народа Финарфина, и сказали, что у них дело к Владыке Нарготронда. Их привели к Тúрину; но Гельмир сказал: «Мы будем говорить с Ородретом сыном Финарфина».

Когда же явился
Ородрет, Гельмир сказал
ему:

— Владыка, мы были
из народа Ангорода и долго
странствовали после
Дагора Браголлах; потом
мы жили в народе Кúрдана
в Устьях Сириона. И
однажды он вызвал нас и
велел идти к тебе; ибо сам
Ульмо, Владыка Вод,
явился ему и предупредил о
великой опасности, что
подступила к Нарготронду.

Ородрет же
усомнился в них и спросил
в ответ:

— Почему же вы пришли с севера? Или были у вас и другие дела?

На это Арминас ответил:

— Владыка, еще с Нирнаэта я все время искал сокровище королевство Тургона и не нашел его; и боюсь теперь, что в этом поиске я откладывал наше поручение слишком долго. Ибо Кúрдан послал нас вдоль берега на корабле для скрытности и скорости, и нас высадили на берег в Дренгисте. А среди

моряков были те, что пришли на юг в давние года посланцами Тургона, и мне показалось из их тайной речи, что, может быть, Тургон все еще живет на Севере, а не на Юге, как думают почти все. Но мы не нашли ни знака, ни слуха о том, чего искали.

— Зачем вы искали Тургона? — спросил Ородрет.

— Потому что сказано, что его королевство дольше всех будет стоять против Моргота, — ответил

Арминас.

И эти слова
показались Ородрету
дурным знаменiem, и не
понравилось ему все это.

— Тогда не мешкайте в
Нарготронде, — сказал
он, — ибо здесь вы не
услышите о Тургоне ничего
нового. А о том, что
Нарготронд в опасности, я
знаю и сам.

— Не сердись,
господин, — сказал
Гельмир, — на то, что мы
отвечаем на твои вопросы
правдиво. А то, что
уклонились мы с прямого

пути сюда, было
небесполезно, ибо мы
прошли дальше, чем самые
дальние разведчики; мы
прошли Дор-Лóмин и все
земли под сенью Эреда
Вэтрин и обследовали
русло Сириона,
выслеживая пути Врага.
Множество орков и
созданий зла собирается в
тех местах, и большое
воинство — на Сауроновом
острове.

— Я знаю это, —
сказал Тóурин. —
Прогоркли ваши новости.
Если был смысл в

послании Кúрдана, лучше бы оно шло побыстрее.

— Ну да хоть сейчас услышишь ты послание, господин, — сказал Гельмир Ородрету. — Слушай же слова Владыки Вод! Так сказал он Кúрдану Корабельщику: «Северное Зло отравило истоки Сириона, и сила моя уходит из пальцев текущей воды. Но еще худшее случится. Потому скажите Владыке Нарготронда: “Закрой двери крепости и не выходи наружу. Брось камни гордины своей в

бурную реку, чтобы
ползучее зло не нашло
ворот.”«

Темными показались
эти слова Ородрету, и он
повернулся, как обычно, за
советом к Түрину. Түрин
же не поверил посланцам и
сказал с обидой:

— Что знает Күрдан о
наших войнах, о тех, кто
живет рядом с Врагом?
Пусть моряк смотрит за
своими кораблями! Если же
вправду Владыка Вод шлет

нам совет, то пусть говорит яснее. Ибо сейчас, кажется, лучше нам тут собрать всю силу и смело выступить навстречу врагу, пока он не подошел слишком близко.

Гельмир поклонился Ородрету и сказал:

— Я передал, что велено, господин, — и повернулся прочь.

Арминас же спросил Түрина:

— Вправду ли ты из Дома Хадора, как слышал я?

— Здесь я зовусь Агарваэн, Черный Меч

Нарготронда, — ответил
Тúрин. — Похоже, много
понимаешь ты в тайной
речи, друг Арминас; и
хорошо, что тайна Тургона
от тебя сокрыта, не то
скоро услышали бы ее в
Ангбанде. Имя человека
принадлежит ему одному, и
если бы сын Хúрина узнал,
что ты выдал его, пока он
скрывался, то пусть бы
лучше Моргот взял тебя и
выжег тебе язык.

Арминас растерялся от
черной ярости Тúрина;
Гельмир же сказал:

— Он не будет выдан

нами, Агарваэн. Разве мы не в совете, за закрытыми дверьми, где можно говорить откровеннее? А спросил Арминас, думаю, потому, что известно всем живущим у Моря, что Ульмо очень любит Дом Хадора, и иные говорят, что Хúрин и брат его Хуор были однажды в Сокрытой Стране.

— Если это и так, то ни с кем не говорил бы Хúрин об этом, ни с большим, ни с малым, и уж подавно — с малолетним сыном своим. Так что я не

верю, что Арминас
спросил в надежде
выведать что-нибудь о
Тургоне. Не верю я таким
вестникам беды!

— Оставь свое
неверие! — сказал
Арминас,
рассердившись. — Гельмир
ошибся. Спросил я потому,
что усомнился в том, во что
здесь, похоже, верят: ибо,
по правде, немногим похож
ты на сородичей Хадора,
как бы тебя ни звали.

— А что ты знаешь о
них?

— Хурина видел я, —

отвечал Арминас, — и его отцов до него. А в глуши Дор-Лóмина повстречал я Туора сына Хуора брата Хúрина; и он похож на отцов своих, а ты нет.

— Может статься, — сказал Тúрин, — хотя о Туоре не слышал я доныне ни слова. Если же голова моя черна, а не золотоволоса, то этого я не стыжусь. Ибо я не первый из сыновей, пошедших в мать; а происхожу я от Морвен Эледвен из дома Беора и рода Берена Камлоста {Camlost}.

— Не о разнице между черным и золотым я, — сказал Арминас. — Но другие в Доме Хадора ведут себя по-другому, и Туор среди них. Ибо они учтивы, слушаются доброго совета и почитают Владык Запада. Ты же, похоже, лишь сам с собой и мечом своим держишь совет; и говоришь дерзко. Скажу тебе, Агарваэн Мормегиль, что если ты и дальше будешь поступать так же, то не такой будет твоя судьба, какой человек из Домов Хадора и Беора

искал бы.

— Не такой она и была
всегда, — ответил
Тúрин. — А если уж, как
кажется мне, должен я за
доблесть моего отца
терпеть ненависть
Моргота, то должен ли я
выносить насмешки и
дурные пророчества
бродяги, хоть он и
объявляет себя родичем
королей? Вот вам мой
совет: возвращайтесь-ка вы
восвояси в безопасные
гавани Моря!

И Гельмир с
Арминасом ушли и

отправились обратно на Юг; несмотря на насмешки Тўрина, они с радостью дождались бы битвы вместе с родичами своими и ушли лишь потому, что Кўрдан волей Ульмо приказал им передать его слово в Наготронд и вернуться доложить об исполнении своего поручения. И Ородрет был озабочен словами посланцев; у Тўрина же на душе становилось все мрачнее, и не стал бы он слушать никаких вестников, а уж снести

великий мост позволил бы в последнюю очередь. Ибо по меньшей мере эти слова Ульмо были истолкованы верно.>>

Нигде не объясняется, почему Кúрдан послал Гельмира и Арминаса по срочному делу в Нарготронд вдоль всего побережья Дренгиста. Арминас говорил, что это было сделано ради скорости и секретности; но большей секретности можно было бы добиться, отправившись с Юга вверх по Нарогу. Можно предположить, что Кúрдан сделал так по велению Ульмо — чтобы его посланцы смогли

встретиться с Туором в Дор-Лóмине
и провести его через Врата Нолдора
— но на это нигде не указывается.

«Описание Острова Ну́менор»

Я включил сюда избранные отрывки из отцовского описания Нуменора, хотя они более пейзажны, чем сюжетны, особенно в том, что касается природы острова, потому, что они проясняют и логично сопровождают сказание об Алдарионе и Эрендис. Это описание явно существовало к 1965 году и было написано, вероятно, незадолго до него.

Карту я перерисовал с небольшого, единственного, по всей видимости, чернового наброска,

сделанного отцом. На его копию были нанесены только те названия и объекты, которые были отмечены на оригинале. Кроме того, на оригинале в Заливе Андúниэ {Andúnië} была отмечена еще одна гавань, находившаяся несколько к западу от собственно Андúниэ; название ее прочесть трудно, но это почти наверняка *Алмайда*. Насколько мне известно, больше оно нигде не встречается.

Описание острова Нúменор

Сведения об острове Нúменор {Númenor, Númenórë}, приводимые здесь, происходят из описаний и карт, долгое время хранившихся в архивах Королей Гондора. Архивы же

те были лишь малой частью всего, что было написано о Нүменоре, ибо ученые люди острова составили немало трудов по его натуральной истории и географии; труды эти, как и почти все произведения искусств и достижения наук Нүменора лучших времен, большей частью погибли в Низвержении.

И даже те документы, что хранились в Гондоре или Имладрисе (где заботами Элронда сохранялись уцелевшие сокровища Северных Нүменорских Королей), немало пострадали от времени и условий хранения. Ибо, хотя спасшиеся в Средиземье, как они говорили, тосковали по Акаллабѣту

{Akallabêth}, Низверженному, и даже спустя долгое время не перестали считать себя в известной степени изгнанниками, когда стало ясно, что Дарованная Страна отнята назад и что Нүменор исчез навсегда, лишь немногие из уцелевших не сочли изучение того, что осталось от его истории, пустым и приносящим лишь бесполезные сожаления. История Ар-Фаразôна {Ar-Pharazôn} и его нечестивой армады — вот, в сущности, все, что сохранилось в памяти последующих поколений.

Земля Нүменôра сверху напоминала пятилучевую звезду или пятиугольник с сердцевиной

протяженностью примерно в двести пятьдесят миль с севера на юг и с востока на запад, из которой исходили пять больших и вытянутых полуостровов. Полуострова эти числились отдельными землями и именовались Форостар (Северные Земли), Андустар (Западные Земли), Хьярнустар (Юго-Западные Земли), Хьярростар (Юго-Восточные) и Орростар (Восточные Земли). Сердцевина острова именовалась Митталмар (Срединные Земли) и не имела выхода к морю помимо Рóменны и ее фьорда. Небольшая часть Митталмара, однако, вычленялась и именовалась Арандор, Королевский Край. В Арандор

входила гавань Рóменны, Менельтарма и Арменелос, Город Королей; и во все времена это была самая густонаселенная местность Ну́менóра.

Митталмар возвышался над полуостровами (за вычетом их гор и холмов); это был край лугов и долин, и леса здесь были редки. Близ самого сердца Митталмара стояла высокая гора под названием Менельтарма, Столп Небес, посвященная Эру Илúватару. Хотя у подножья горы склоны ее были пологи и травянисты, по мере подъема к вершине она делалась все круче и у самой вершины становилась неодолима; но по склонам горы была

проложена вьющаяся вокруг нее дорога, начинавшаяся у подножья с юга и заканчивавшаяся под навесом вершины с севера. Вершина же горы была как бы приплюснута и выровнена и могла вместить множество людей; но за всю историю Нүменóра ничья рука не касалась ее. Ни строения, ни жертвенника, ни даже груды диких камней никогда не было на ней; и никаких других подобий храмов у нүменóрцев не было во все дни их расцвета, до прихода Саурана. Никакого оружия или орудия труда нельзя было приносить туда; и никто не мог говорить там, кроме Короля. И Король говорил там лишь трижды в

году: произнося молитву о наступающем годе в день Эрукьермэ {Erukyermë} в первые дни весны, прославляя Эру Илúватара посреди лета в день Эрулайталэ {Erulaitalë} и благодаря его в день Эруханталэ {Eruhantalë} в конце осени. В эти дни Король восходил на гору пешком в сопровождении большой процессии народа, одетого в белое и украшенного гирляндами цветов, хранящего молчание. И в другие дни разрешалось свободно восходить на вершину Менельтармы, по одиночке или в собрании; но говорится, что там хранилось такое великое молчание, что даже чужестранец, не знавший ничего о Нúменóре и его

истории, попав туда, не осмеливался говорить вслух. Никакие птицы не залетали на вершину, кроме орлов. Едва кто-либо приближался к вершине, как три орла появлялись и усаживались на трех скалах у западного обрыва; но в дни Трех Молитв они не спускались, а оставались в небе и парили над людьми. Орлов называли Свидетелями Манвэ {Manwë} и верили, что он посылает их из Амана присматривать за Священной Горой и всей страной.

Основание Менельтармы плавно переходило в окружающую ее равнину, но гора выпускала пять длинных невысоких отрогов в

стороны пяти полуостровов, наподобие корней; и отроги эти называли Тармасундар, Корни Столпа. Вдоль юго-западного отрога к горе подходила дорога, что вела на ее вершину; и между этим отрогом и юго-восточным лежала неширокая долина. Она именовалась Нойринан, Долина Могил; ибо в конце ее в скале основания горы были вырублены пещеры, в которых находились могилы Королей и Королев Ну́менóра.

Но большая часть Митталмара была отведена под пастбища. Юг его был покрыт травяными холмами, и там, в Эмериэ {Emerië}, была страна Пастухов.

Форростар был наименее плодородной землей: каменистый, почти лишенный леса, за исключением западного склона вересковых взгорий, на котором росли еловые и лиственничные леса. В сторону Северного Мыса земля поднималась к скалистым высотам, и там из моря посреди грозных утесов и скал высился пик Соронтиль. Там были гнездовья множества орлов; и в этом месте Тар-Менельдур Элентирмо выстроил высокую башню, с которой наблюдал за ходом светил.

Андустар в северной своей части тоже был скалистым, и горные ельники его выходили на море. На

побережье его были три небольших бухты, вдававшиеся с запада в горы, но здесь утесы во многих местах не обрывались в море, а у подножья их лежала полоса ровной земли. Самая северная из бухт именовалась бухта Андúниэ {Andúnië}, ибо в ней была большая гавань Андúниэ (Заката), и город на берегу, и множество строений, поднимавшихся по крутым склонам за ним. Но большая часть северных земель Андустара была плодородна, и там также росли леса, березовые и буковые по верхам и дубравы с вязами в тенистых низинах. Залив меж Андустаром и Хьярнустаром именовался Эльданна, поскольку был обращен к Эрессэа

{Eressëa}; земли по берегам его, укрытые с севера и открытые к западным морям, были теплыми, и здесь выпадало больше всего дождей. На берегу посреди Залива стояла прекраснейшая из всех гаваней Нүменóра, Эльдалондэ {Eldalondë} Зеленая; туда в былые дни чаще всего приходили быстрые белые корабли эльдаров Эрессэа.

Повсюду вокруг этих мест, вверх по открытым морю склонам и далеко вглубь острова, росли вечнозеленые благоуханные деревья, привезенные с Запада и разросшиеся почти столь же прекрасно, по словам эльдаров, как в гавани Эрессэа. Те деревья были величайшей радостью

Нúменóра, и их вспоминали во
множестве песен спустя много лет
после того, как они исчезли навсегда,
ибо немногие из них когда-либо
произрастали к востоку от
Дарованной Земли: *ороллайрэ*
{*orollairë*} и *лайрелоссэ* {*lairelossë*},
нессамельда, *вардаруанна*,
таниквелассэ {*taniquelassë*} и
яваннамíрэ {*yavannamírë*} с плодами
золотыми и алыми. Цветы, кора и
листья этих деревьев испускали
сладостный аромат, и вся та земля
была полна их благоуханием; потому
ее называли Нúсималдар,
Благоухающие Деревья. Многие из
них приживались и росли в других
местах Нúменóра, хотя и не в таком

изобилии; но только здесь росли могучие золотые *малинорни*, за пять столетий выраставшие до высоты лишь немногим меньшей, чем в самом Эрессэа. Ствол этого дерева был гладок и серебрист, а ветви его тянулись вверх наподобие ветвей бука; но оно никогда не разветвлялось посередине, и ствол его был ровным. Листья его также напоминали листья бука, но были много больше, светло-зеленые сверху и серебристые снизу, и поблескивали на солнце; осенью же они не опадали, а лишь становились светло-золотыми. Весной на нем появлялись гроздья цветов, похожие на цветы вишни, не отцветавшие все лето; и

как только раскрывались цветы, опадали листья, так что всю весну и все лето *малинорнэ* {*malinornë*} был украшен и окутан золотом, а ствол у него был серо-серебряный^[68]. Плоды этого дерева походили на орехи в серебристой скорлупе; и их Тар-Алдарион, шестой Король Ну́менóра, подарил некогда королю Гил-Галаду {*Gil-galad*} Линдонскому. В его стране они не проросли; но часть из них Гил-Галад передал своей родственнице Галадриэли, и под ее властью они проросли и прижились в заповедной земле Лотлóриэн {*Lothlórien*} близ реки Андуин, и росли там до тех пор, пока все Высокие Эльфы не покинули

Средиземье; но те деревья не достигали высоты и величия тех великанов, что росли в Нýменóre.

Под Эльдалондэ в море впадала река Нундуйнэ {Nunduinë}, и на своем пути река эта разливалась небольшим озером Нýсинен, названным так из-за обилия духовитых кустарников и цветов по его берегам.

Хьярнустар в западной части своей был страной гористой, и южные и западные берега его были усеяны большими скалами; но на востоке плодородная и теплая земля его была покрыта виноградниками. Полуострова Хьярнустар и Хьярростар раздались широко, и на

всем протяжении побережья между ними земля и море встречались так мирно, как нигде более на всем острове. Там впадала в море река Сирил, самая полноводная из рек острова (ибо все прочие реки, не считая Нундуйнэ на западе, были недлинными и торопливыми ручьями, сбегавшими к морю с окрестных гор), вытекавшая из источников под Менельтармой в долине Нойринан и протекавшая на юг через весь Митталмар. В низовьях своих она становилась широкой и разливистой. В море впадала она посреди обширных болот и тростниковых зарослей, и воды ее пробирались к югу переменчивыми

путями через пески; ибо на много миль вокруг там раскинулись песчаные побережья и гальки; и на них селились, в основном, рыбаки, в поселках посреди болот и заводей, из которых самой большой была заводь Ниндамос.

В Хьярростаре в изобилии росли многие разновидности деревьев, и среди них — *лауринквэ* {*laurinquë*}, которое очень любили люди за его цветы, другого же применения ему не было. Назвали его так за длинные грозди желтых цветов; и те, кто слышал от эльдаров о Лаурелине, Золотом Древе Валинóра, верили, что лауринквэ происходит от семян того великого

Древа, привезенных эльдарами; но это было не так. Со дней Тар-Алдариона в тех местах выращивали множество леса для постройки кораблей.

Орростар был землею более прохладной, но от холодных северо-восточных ветров он был защищен взгорьем, протянувшимся от оконечности полуострова; во внутренних местностях Орростара выращивали злаки, особенно в тех, что граничили с Арандором.

Весь остров Ну́менор расположен был так, словно был брошен в море сверху; к западу и чуть к востоку он был вытянут и почти повсюду, кроме южного побережья,

обрывался в море скалистыми
утесами. Птицы морские,
водоплавающие и ныряющие,
обитали на берегах Нүменора в
великом множестве. Моряки
говорили, что и с закрытыми глазами
могли бы сказать, что близок
Нүменор, из-за шума птичьих
базаров на побережье; и когда какой-
либо корабль приближался к земле,
птицы снимались со скал и
подлетали к нему, радостно
приветствуя его, ибо их никогда не
убивали и не причиняли им
намеренного вреда. Некоторые
птицы сопровождали корабли в
дальних плаваниях, даже корабли,
ходившие в Средиземье. Также и по

самому острову птиц водилось без
счета, от *киринки*, птички не больше
крапивника, в ярко-алых перышках,
чей пронзительный голосок был на
пороге человеческого слуха, и до
великих орлов, считавшихся
священными птицами Манвэ,
которым никогда не наносили
никакой обиды, пока не настали дни
зла и ненависти к Валарам. На
протяжении двух тысяч лет, со дней
Элроса Тар-Миньятура и до времен
Тар-Анкалимона {Tar-Ancalimon}
сына Тар-Атанамира, на вершине
башни королевского дворца в
Арменелосе было орлиное гнездо; и
чета орлов всегда жила в нем на
попечении Короля.

Путешествовали по острову Нүменору на конях; ибо все, и мужчины и женщины, очень любили верховую езду и коней, обращаясь с ними почтительно и любовно. Кони их были обучены узнавать голос хозяина с большого расстояния и откликаться на него; и в старых сказках говорилось, что мужчина и женщина, сильно любившие друг друга, могли призывать своих коней к себе в случае нужды одной лишь мыслью. Дороги Нүменора были большей частью немощенные, приспособленные для верховой езды, поскольку повозки и телеги мало использовались в первые века, а большие грузы доставлялись морем.

Главная и старейшая дорога острова, пригодная для колес, вела из крупнейшего порта Рóменны на востоке в королевский город Арменелос и далее в Долину Могил и к Менельтарме; еще в давние времена эта дорога была продолжена до Ондосто в Форростаре, а оттуда — до Андúниэ на западном берегу. По этой дороге везли из Северных земель строительный камень, а с запада — строевой лес, которым были богаты тамошние земли.

С Эдайном пришли в Нýменор многие искусства и ремесла и множество мастеров, которые учились у эльдаров, сохранив при этом свои собственные знания и

традиции. Но они не могли взять с собой много сырья и привезли лишь инструменты; и долгое время любой металл в Нүменóre был драгоценным. Привезли они с собой также и много сокровищ, золото, и серебро и драгоценные камни; но в Нүменóre они ничего этого не нашли. Эти вещи они любили за их красоту, и любовь эта пробудила в них алчность в поздние дни, когда они подпали под Тень и стали горделивы и неправедны в своих делах с младшими народами Средиземья. От эльфов Эрессэа нүменóрцы время от времени получали в дар золото, серебро и драгоценности; но эти вещи

оставались редкостью и высоко ценились в ранние века, пока власть Королей не распространилась на побережья Востока.

Некоторые металлы были найдены в Ну́менóre, и с быстрым ростом горного, литейного и кузнечного дела железные и медные изделия стали обиходными. Среди мастеров Эдайна были оружейники, и, вобрав науки нолдоров, они приобрели великую искусность в изготовлении мечей, боевых топоров, копий и ножей. Гильдия Оружейников продолжала ковать мечи для сохранения мастерства, хотя основная часть их работы заключалась в изготовлении

предметов мирного быта. Король и большинство сановников владели мечами по наследству от своих отцов^[69]; часто они оставляли мечи своим наследникам. Новый меч обязательно выковывался для Наследника Короля и преподносился ему в день оглашения его титула. Но никто в Нүменóre не носил меча, и долгие годы очень немного оружия изготавливалось в этой стране. Были у них топоры, копья и луки, и охота с луками, пешая и конная, была любимым развлечением нүменóрцев. В поздние дни в средиземских войнах пуще всего боялись враги нүменóрских луков: «Заморские люди», говорится в преданиях,

«посылали перед собой огромную тучу, словно дождь из змей или черный стальной вихрь»; и в те дни большие когорты Королевских Лучников вооружались полыми стальными луками и стрелами в черном оперении длиной от наконечника до конца пера в полный элл[71]i.

Но долгое время экипажи нүменóрских кораблей сходили на средиземский берег без оружия; и хотя на борту у них были топоры для рубки строевого леса и луки для охоты на диких ничейных берегах, они не брали их с собой, когда шли к береговым людям. Они были очень огорчены, когда Тень расползлась по

побережьям и люди, с которыми они дружили, стали враждебны к ним или начали их бояться; и те, которым они дали железо, обернули его против них же.

Более всего прочего сильные люди Нүменора любили Море — плавание, ныряние и соревнования в скорости гребли и ловкости управления парусом. Самыми мужественными людьми острова были рыбаки; рыбы по всему побережью острова было в изобилии, и она во все времена была основным источником пропитания в Нүменоре; и все большие города Нүменора стояли на берегу моря. По большей части из рыбаков вышли Морские

Купцы, которые с годами стали гильдией важной и могучей. Говорится, что, когда аданы впервые поплыли через Море в Нүменор, следуя за Звездой, каждый эльфийский корабль из тех, что везли их, вел эльдар, снаряженный Күрданом; и когда эльфийские капитаны отплыли обратно и увели с собой почти все корабли, немало времени прошло прежде, чем нүменóрцы начали сами выходить в открытое море. Но среди них были корабельщики, которых обучали эльдары; и своими собственными трудами и наукой они смогли постепенно сооружать корабли и плавать на большой воде. Когда с

начала Второй Эпохи минуло
шестьсот лет, Веантур {Vëantur},
Капитан Королевского флота при
Тар-Элендиле, впервые пустился в
плавание к берегам Средиземья. Он
привел свой корабль «Энтулессэ»
{*Entullessë*}, что значит
«Возвращение», в Митлонд
{Mithlond} на весенних западных
ветрах и вернулся осенью
следующего года. С этого времени
мореплавание стало основным
занятием для смелых и крепких
мужей Нúменóра; и Алдарион, сын
Менельдура, женатого на дочери
Веантура, основал Гильдию Морских
Купцов, в которой объединились все
испытанные мореходы Нúменóра; об

ЭТОМ рассказывает В
нижеследующем сказании.

«Алдарион и Эрендис»

Эта история была оставлена в самом неразработанном состоянии из всех, собранных в этой книге, и в некоторых местах она потребовала такой редакции, что я даже усомнился, следует ли включать это сказание в книгу. Однако огромная его ценность как единственного рассказа (помимо летописей и хроник), который дошел до нас из далеких веков Нýменóра до самого сказания о гибели острова («Акаллабêт {*Akallabêth*}»), и как рассказа, уникального среди сочинений отца по своему содержанию, убедили меня, что

исключить этот рассказ из сборника «неоконченных сказаний» было бы неверно.

Чтобы оценить необходимость его редакторской обработки, следует объяснить, что отец в сочинении повествования широко пользовался «набросками сюжета», уделяя пристальное внимание датировкам событий, так что наброски эти имеют много общего с летописными хрониками. В данном случае имеется не менее пяти таких схем, различных друг с другом по полноте проработки отдельных моментов и нередко расходящихся между собой в целом и в деталях. Но эти схемы всегда имеют тенденцию переходить в

настоящее повествование, особенно посредством введения в них кратких вставок прямой речи; и в пятом, самом позднем, из набросков истории Алдариона и Эрендис повествовательный элемент становится настолько весомым, что текст разрастается до примерно шестидесяти рукописных листов.

Это движение от дробного хроникального стиля с глаголами в настоящем времени к полноценному повествованию, однако, было очень постепенным по мере развития и написания набросков; и в начальной части истории я переработал множество материала, стараясь придать всему произведению

стилистическое единство по ходу его развития. Эта переработка заключалась исключительно во фразировке, и она нигде не меняет и не вводит неаутентичных элементов.

Самый поздний из «набросков», текст, на который я изначально опирался, озаглавлен *«Тень тени: Сказание о жене моряка; и Сказание о Королеве-Пастушке»*. Эта рукопись обрывается, и я не могу дать четкого объяснения, почему отец не стал продолжать ее. Машинописный вариант, доведенный до этого момента, был создан к январю 1965 г. Существуют также две страницы машинописного текста, который я счел позднейшим из всех этих

материалов; это, очевидно, начало того, что должно было стать законченной версией всей повести; на этом тексте основывается написанное на стр. 173-5, где схемы сюжетов в большинстве своем скупы. Этот текст озаглавлен *«Индис и-Кирьямо «Жена Моряка»: древнее нуменóрское сказание, повествующее о первых происках Тени»*.

В конце этого повествования (стр. 205) я поместил те скудные наброски дальнейшего хода этой истории, которые можно было представить.

Алдарион и Эрендис. Жена Моряка

Менельдур был сыном Тар-Элендила, четвертого Короля Нүменора. Он был третьим ребенком короля: у него были две сестры по именам Сильмариэнь и Исилме {Isilmë}. Старшая вышла за Элатана Андүниэского {Andúnië}, и сыном их был Валандил, Правитель Андүниэ, от которого много позже пошли роды Королей Гондора и Арнора в Средиземье.

Менельдур был человеком тихим, скромным и упражнялся более в размышлениях, нежели в телесных занятиях. Он горячо любил землю Нүменора и все, что есть в ней, но не заботился Морем, лежавшим вокруг нее; ибо глядел он

за пределы Средиземья: его занимали звезды и небо. Все, что он мог найти в учениях Эльдара и Эдайна об Эа и безднах, лежащих вокруг Царства Арды, он внимательно изучал, и больше всего на свете любил он наблюдать за звездами. В Форостаре, на самом севере острова, где воздух был наиболее прозрачен и чист, он выстроил башню, с которой по ночам обозревал небеса и изучал движения небесных светил [\[71\]](#).

Когда Менельдур принял Скипетр, ему пришлось покинуть Форостар и поселиться в большом Королевском дворце в Арменелосе. Он был добрым и мудрым королем,

хотя никогда не упускал ни дня, который мог потратить на обогащение своих знаний о небе. Женой его стала женщина великой красоты по имени Алмариань. Она была дочерью Веантура {Vëantur}, Капитана Королевского Флота при Тар-Элендиле; и, хоть сама она любила море не больше, чем это было свойственно всем женщинам той земли, сын ее более пошел в Веантура, ее отца, нежели в Менельдура.

Сыном же Менельдура и Алмариани был Анардил, впоследствии среди Королей Нүменора известный как Тар-Алдарион. У него было две младших

сестры, Айлинэль и Альмиэль, и старшая из них вышла за Орхалдора {Orchaldor}, потомка Дома Хадора, отец которого Хатолдир {Hatholdir} состоял в тесной дружбе с Менельдуром; и сыном Орхалдора и Айлинэли был Соронто, о котором еще будет рассказано здесь [\[72\]](#).

Алдарион — ибо так он зовется во всех сказаниях — скоро вырос статным и сильным, могучим умом и телом, и был он золотоволос, как его мать, и спор на милость и щедрость; но был он куда горделивее, чем его отец, и становился все более и более своевольным. С самого раннего возраста он любил Море и душою стремился к корабельному делу. Он

мало любил северную страну и все время, которое отпускал ему отец, проводил на берегах моря, большей частью близ Рóменны {Rómenna}, где была главная гавань Нýменóра и где находились самые большие верфи и жили самые умелые корабелы. Отец его много лет не препятствовал ему в этом, так как ему по сердцу было то, что Алдарион крепнет и трудится руками и головой.

Веантур, отец матери Алдариона, очень любил внука, и Алдарион часто жил в доме Веантура на южном берегу устья Рóменны. У этого дома была собственная пристань, и на ней всегда стояло много небольших шлюпок, ибо

Веантур никогда не путешествовал посуху, если мог добраться водой; и там, еще ребенком, Алдарион выучился грести, а позже — и ходить под парусом. Еще до того, как он вполне вырос, он уже мог провести корабль с большим экипажем от одной гавани до другой.

Случилось однажды, что Веантур сказал своему внуку:

— Анардилья, подходит весна, и с ней — день твоего совершеннолетия. — Ибо в тот апрель Алдариону исполнялось двадцать пять лет. — Я придумал, как достойно отметить этот день. Мне лет уже много больше, и я не думаю уже, что часто доведется мне

покидать свой славный дом и благословенные берега Ну́менора; но хотя бы еще раз я хочу выйти в Великое Море и развернуться навстречу северным и восточным ветрам. В этом году ты поплывешь со мной, и мы пойдем в Митлонд {Mithlond} и увидим высокие синие горы Средиземья и зеленую страну Эльдара у их подножий. Тепло примут тебя Кúрдан {Círdan} Корабельщик и Король Гил-Галад {Gil-galad}. Поговори об этом со своим отцом [\[73\]](#).

Когда Алдарион рассказал об этом замысле отцу и попросил у него разрешения отплыть, как только подуют благоприятные весенние

ветры, Менельдур неохотно согласился. Он помрачнел, словно почувствовал, что большее стоит за этим плаванием, чем может угадать его сердце. Но, посмотрев на сияющее лицо сына, он ничем не выказал своих мыслей.

— Поступай, как велит тебе сердце, *онья*, — сказал он. — Я буду очень скучать по тебе; но раз Веантур будет капитаном, то, милостью Валаров, я буду жить доброй надеждой на твое возвращение. Только не подпади под чары Большой Земли, ты, которому однажды придется стать Королем и Отцом этого Острова!

Так случилось, что в полное
ясного солнца и светлого ветра утро
теплой весны семьсот двадцать
пятого года Второй Эпохи сын
Королевского Наследника
Нүменора^[74] отчалил от берега; и
еще до захода солнца увидел он, как
сверкающий остров тонет в море, и
последней скрывается вершина
Менельтармы, темным пальцем
против садящегося солнца.

Говорится, что Алдарион
собственноручно вел дневники всех
своих путешествий в Средиземье и
что они долгое время хранились в
Рóменне, но потом все были

утеряны. О первом его путешествии известно немного, помимо того, что он вступил в дружбу с Кúрданом и Гил-Галадом, побывал в Линдоне на западе Эриадора и дивился всему, что видел. Он не возвращался более двух лет, и Менельдур был в сильном беспокойстве. Говорится, что задержался Алдарион из любознательности — он жаждал научиться от Кúрдана всему, чему только мог, и в деле строительства и вождения кораблей, и в постройке волноломов и молов для отражения ярости моря.

Великая радость наполнила Рóменну и Арменелос, когда люди увидели большой корабль

«Нумерра́мар», что значит «Крылья Запада», поднимающийся из моря, алея в закатном солнце золотыми парусами. Лето уже почти подошло к концу, и близился день Эруханталэ {*Eruhantalë*}. Когда Менельдур встретился с сыном в доме Веантура, ему показалось, что Алдарион стал выше ростом и ярче стали глаза его; но взгляд их был устремлен вдаль.

— Что из виденного тобой, *онья*, в дальних твоих путешествиях, стоит в твоей памяти живее всего?

Алдарион же молчал, глядя на восток в ночную тьму. Наконец он ответил, но тихо, словно говоря сам с собой:

— Дивный народ эльфов?

Зеленые берега? Горы, окутанные облаками? Беспредельные страны, укрытые туманом и тенью? Я не знаю.

Он умолк, и Менельдур понял, что сын не высказал всего, что было у него на душе. Ибо Алдарион был очарован Великим Морем и одиноким плаванием вдали ото всех берегов, по воле ветров, в клочьях пены, взрезаемой носом корабля, к неизвестным берегам и гаваням; и эта любовь и это стремление не оставили его до конца жизни.

Веантур более не покидал Нүменóра; «Нүмеррáмар» же он подарил Алдариону. Через три года Алдарион снова выпросил

разрешения отплыть и отправился в Линдон. Три года был он в плавании; и спустя немного времени предпринял еще одно путешествие, которое продлилось четыре года, ибо говорится, что Алдариону мало уже было плавания в Митлонд, и он начал обследовать побережье к югу за устьями Барандуина, Гватлó {Gwathló} и Ангрена, и обогнул черный мыс Рас Мортиль {Morthil}, и увидел великий залив Белфалас и горы страны Амрота {Amroth}, где еще живут до сих пор эльфы-нандоры^[76].

На тридцать девятом году жизни Алдарион вернулся в Нýменор и привез своему отцу дары от Гил-

Галада; ибо на следующий год, как давно уже было объявлено, Тар-Элендил вручил скипетр своему сыну, и Тар-Менельдур стал королем. Тогда Алдарион сдержал на некоторое время свою страсть и оставался дома ради спокойствия своего отца; в те дни он пустил в ход знания о кораблестроении, полученные у Кúрдана, и добавил к ним много от себя, и привлек множество людей к усовершенствованиям гаваней и пристаней, ибо ему все время хотелось строить все» большие суда. Но тоска по морю с новой силой нашла на него, и он снова уплыл из Ну́менóра, и еще раз; теперь он

обратился к плаваниям, в которые нельзя было пускаться на одном корабле. Поэтому он основал Гильдию Морских Купцов {Guild of Venturers}, прославленную впоследствии; в это братство вступили все самые храбрые и отчаянные моряки, и просились в нее юноши даже из внутренних земель Нүменора, а Алдариона стали называть Великим Капитаном. В то время он, не желая жить на суше в Арменелосе, выстроил себе корабль, ставший ему жилищем; поэтому он назвал его «Эамбар» {Eämbär} и время от времени ходил на нем из одной гавани Нүменора в другую; но большую часть времени этот корабль

стоял на якоре возле Тола Уйнэн: так назывался маленький островок в заливе Рóменны, который воздвигла там Уйнэн Владычица Морей^[77]. На «Эамбаре» располагался и Цех Морских Купцов, и там хранились записи об их великих походах^[78]; ибо Тар-Менельдур относился к предприятиям сына прохладно и не слушал рассказов о его путешествиях, считая, что они сеют семена беспокойства и стремления овладевать чужими землями.

В то время Алдарион отошел от своего отца и перестал разговаривать с ним открыто о своих делах и замыслах; но Королева Алмариань поддерживала сына во всех его

начинаниях, и Менельдуру приходилось соглашаться с ходом событий. Ибо Морские Купцы росли в числе и поднимались в почете; они назвали себя *Уйнэндили*, поклонники Уйнэн; и все труднее становилось осаживать и сдерживать их Капитана. Корабли нүменóрцев в те дни делались все больше и вместительнее, пока они не стали способны совершать дальние плаванья со множеством людей и большими грузами на борту; и Алдарион часто отлучался из Нүменóра. Тар-Менельдур стал во всем противиться сыну и наложил запрет на вырубку нүменóрских деревьев для нужд судостроения;

тогда Алдарион подумал, что лес можно найти в Средиземье; он стал искать там гавань для починки своих кораблей. В путешествиях вдоль берегов он с восторгом глядел на огромные леса; и в устье реки, которую нúменóрцы назвали Гватир {Gwathir}, Река Тени, он основал Виньялондэ {Vinyalondë}, Новую Гавань^[79].

Но когда без малого восемьсот лет исполнилось с начала Второй Эпохи, Тар-Менельдур повелел своему сыну остаться в Нúменóre и на время прекратить плавание на восток; ибо он хотел провозгласить Алдариона Королевским Наследником, как делали это другие

Короли до него при вступлении Наследника в этот возраст. На это время Менельдур и его сын примирились, и между ними воцарилось согласие; и посреди веселого пира, на сотом году жизни Алдарион был провозглашен Наследником и получил от отца титул и полномочия Начальника Кораблей и Гаваней Нүменора. На пир в Арменелос явился из своего поместья на западе Острова и некто Берегар, и с ним его дочь Эрендис. Королева Алмариань отметила ее редкую в Нүменоре красоту; ибо Берегар своим древним родом происходил из Дома Беора {Vëor}, хотя и не принадлежал к

царственной ветви Элроса, и Эрендис была темноволоса, стройна и изящна, и глаза у нее, как у всех в ее роду, были серые и ясные^[80]. Эрендис же смотрела во все глаза на Алдариона, и не видела вокруг ничего, кроме его величавой красоты. Эрендис вошла в окружение Королевы, и она была в чести также у Короля; но мало доводилось ей видеть Алдариона, который был занят насаждением лесов, ибо в те дни он заботился о том, чтобы в будущем у Ну́менора не было недостатка в строевом лесе. Спустя немного времени в Гильдии Морских Купцов начались волнения, ибо Купцы не довольствовались редкими

и короткими плаваниями под началом малых капитанов; и по прошествии шести лет с провозглашения Королевским Наследником Алдарион решил снова отправиться в Средиземье. Король отпустил его холодно, ибо Алдарион не выполнил просьбу отца пожить в Нүменóre и найти себе супругу; но весной того года Алдарион отправился в плавание. Зайдя же проститься с матерью, он встретил в свите Королевы Эрендис; и, увидев ее, поразился той силе, что таилась в ней.

И Алмариань сказала ему:

— Так ли надо тебе снова уплывать, сын мой Алдарион?

Неужели ничто не может удержать тебя в прекраснейшей из земель смертных?

— Нет, — ответил Алдарион, — есть в Арменелосе то, что прекраснее всего, что можно найти где бы то ни было, даже в странах Эльдара. Но моряки — люди с двумя душами и вечно в войне с самими собой; страсть к Морю все держит меня.

Эрендис решила, что сказанное было сказано и для нее; и с того времени сердце ее было полностью отдано Алдариону, хотя и без надежды. В те дни ни по закону, ни по обычаю не было обязательно, чтобы члены королевского дома и

даже Королевские Наследники сочетались браком только с потомками Элроса Тар-Миньятура; но Эрендис казалось, что Алдарион слишком высокого положения для нее. С той поры она ни на кого не смотрела, и отвергала все сватовства.

Прошло семь лет, прежде чем Алдарион вернулся, привезя с собой много золота и серебра; и он поговорил с отцом о своем путешествии и своих свершениях. Менельдур же сказал:

— Лучше бы ты был со мною, чем добывал какие-то известия или дары в Темных Землях. Это — дело купцов и посыльных, а не Королевского Наследника. Для чего

лишнее серебро и золото, кроме как для того, чтобы в гордыне употреблять его там, где подошло бы и что другое? Королевскому дому нужен человек, который знает и любит эту землю и ее народ, которым ему править.

— Разве я каждый день не знаюсь с людьми? — ответил Алдарион. — Я умею вести их и править ими, как захочу.

— Скажи лучше — с некоторыми из людей, нравом схожими с тобой, — возразил Король. — А в Ну́менóre есть еще женщины, и их немногим меньше, чем мужчин; а, кроме твоей матери, которой и вправду можешь ты

править, как хочешь, что ты знаешь о них? А ведь тебе когда-нибудь придется жениться.

— Когда-нибудь! — сказал Алдарион. — Но не раньше, чем придется; и еще позже — если кто-нибудь станет пытаться женить меня насильно. У меня есть дела поважнее, потому что к ним лежит моя душа. «Постыла жизнь жене моряка»; а моряк, который одинок и не прикован к берегу, может плавать дальше и лучше знает, как обращаться с морем.

— Дальше, но с меньшим смыслом, — возразил Менельдур. — И не тебе «обращаться с морем», сын мой Алдарион. Разве ты забыл, что

Эдайн живет здесь по милости Владык Запада, что Уйнэн добра к нам, а Оссэ {Ossë} усмирен? Наши корабли хранимы, и не наши руки ведут их. Потому не возгордись, не то милость покинет тебя; и не думай, что она пребудет на тех, кто без нужды играет своей жизнью на скалах неведомых берегов или в землях темных людей.

— Тогда для чего же хранимы наши корабли, — спросил Алдарион, — если им нельзя плавать ни к каким берегам и нельзя искать еще невиданного?

Больше он не разговаривал с отцом об этом, но проводил свои дни на «Эамбаре» в обществе Морских

Купцов, а также в постройке корабля, большего, чем все, которые он строил раньше: этот корабль он назвал *«Паларран»*, *«Дальний Странник»*. Но теперь он часто встречался с Эрендис — и это было устроено Королевой; а Король, узнав об их встречах, поволновался, но не расстроился.

— Добрым делом было бы исцелить Алдариона от его непокоя, — сказал он, — до того, как он покорит сердце какой-нибудь женщины.

— Чем же исцелить его, если не любовью? — спросила в ответ Королева.

— Эрендис еще молода, —

возразил Менельдур, но Алмариань ответила:

— У рода Эрендис жизнь не такая долгая, какая дарована потомкам Элроса; и сердце ее уже покорено^[81].

«Паларран» был готов, и Алдарион снова стал готовиться к отплытию. На этот раз Менельдур разгневался, хотя Королева и уговорила его не применять к сыну королевскую власть. Здесь нужно сказать о таком обычае: когда от Нүменора в Средиземье отчаливал корабль, женщина, чаще всего из рода капитана, водружала на бушприт корабля Зеленый Венок

Возвращения, сплетенный из ветвей дерева *ойолайрэ* {*oiolairë*}, что значит «вечное лето» — это дерево подарили нúменóрцам эльдары^[82], наказав, чтобы те носили его ветви на своих кораблях в знак дружбы с Оссэ и Уйнэн. Листья этого дерева всегда были зелены, сочны и духовиты; и оно хорошо росло на морском воздухе. Но Менельдур запретил Королеве и сестрам Алдариона доставить венок *ойолайрэ* в Рóменну, где стоял «Паларран», сказав, что он не дает сыну своего благословения, потому что тот отправляется против его воли; и Алдарион, услышав об этом, сказал:

— Если мне суждено

отправиться без благословения и без венка — пусть будет так.

Королева опечалилась; но Эрендис сказала ей:

— *Таринья*, если ты сплетишь венок из ветвей эльфийского дерева, я принесу его в гавань, с твоего позволения; ведь мне Король не запретил этого.

Моряки сочли дурным знамением то, что Капитану приходится отчаливать без благословения; но, когда все уже было готово и матросы собирались выбирать якоря, появилась Эрендис, хотя она и не любила шума и толкотни большой гавани и криков чайек. Алдарион радостно и

удивленно поприветствовал ее; а она сказала:

— Я принесла тебе Венок Возвращения, господин — от Королевы.

— От Королевы? — переспросил Алдарион другим уже голосом.

— Да, господин, — сказала она, — но я просила ее изволения на это. Не одна твоя семья будет рада твоему возвращению, да случится это скорее.

И тогда Алдарион впервые посмотрел на Эрендис с любовью; и долго стоял он на корме, глядя на берег, пока «Паларран» уходил в море. Говорится, что он спешил

вернуться из того похода и отсутствовал меньше, чем собирался; а вернувшись, он привез подарки для Королевы и ее фрейлин, но самый богатый подарок — большой алмаз — для Эрендис. Холодно на этот раз приветствовал сына Король; с упреком сказал Менельдур, что такой подарок Королевскому Наследнику не подобает делать иначе, чем в залог помолвки; и потребовал, чтобы Алдарион объявил, что у него на уме.

— В знак благодарности, — ответил тот, — я привез его сердцу, что осталось теплым тогда, когда остальные охладели.

— Холодное сердце не исторгнет тепла из других сердец ни

при прощании, ни при встрече, — сказал Менельдур; и он еще раз попросил Алдариона подумать о женитьбе, хотя и не говорил об Эрендис.

Алдарион же не думал об этом вовсе, ибо он всегда противился тем более, чем более понуждали его; он стал к Эрендис холоднее, чем был, и задумал покинуть Ну́менор и вернуться к своим делам в Виньялондэ. Жизнь на суше томила его, потому что на своем корабле он не был подвластен ничьей воле, а Морские Купцы, сопровождавшие его в его плаваниях, испытывали к Великому Капитану только любовь и почтение. Но теперь Менельдур

запретил ему уплывать; Алдарион же еще до исхода зимы снарядил семь кораблей и большую часть Морских Купцов наперекор воле Короля. Королева не решилась вызвать на себя гнев Менельдура; но ночью женщина, закутанная в плащ, пришла в гавань с венком и передала его Алдариону, сказав: «Это от Госпожи Западных Земель» — ибо так называли Эрендис — и скрылась.

В ответ на открытое неповиновение Алдариона Король сложил с него власть Начальника Кораблей и Гаваней Нүменора; он закрыл Цех Гильдии Морских Купцов на «Эамбаре» и запретил порубку любого леса на постройку кораблей.

Прошло пять лет; и Алдарион вернулся с девятью кораблями — два из них были построены в Виньялондэ — и все они были нагружены отличным лесом с берегов Средиземья. Когда же Алдарион увидел, что произошло в его отсутствие, он разгневался и сказал своему отцу:

— Если никто не рад мне в Нүменóre, и нет здесь дела моим рукам, и нельзя мне здесь чинить свои корабли, то я вернусь назад, и очень быстро: ветра были суровы^[83], и мне нужно чиниться. Разве нечем больше заняться сыну Короля, кроме как глядеть в лица женщин в поисках своей суженой? Я занялся лесным

делом и был рачителен в нем; до конца моих дней в Нүменóre станет больше леса, чем сейчас, под твоим скипетром.

И, верный своему слову, в тот же год Алдарион с самыми отважными из Морских Купцов на трех кораблях уплыл снова, без благословения и без венка; ибо Менельдур наложил запрет на это всем женщинам своего двора и женам Купцов и окружил Рóменну дозорами.

В том плавании Алдарион пробыл так долго, что начали уже бояться за него; и сам Менельдур был обеспокоен, хотя и верил в милость Валаров, хранящую корабли Нүменóra^[84]. Когда прошло десять

лет с его отплытия, Эрендис, наконец, отчаялась и, решив, что Алдариона постигло несчастье, или же что он остался жить в Средиземье, а также и для того, чтобы избавиться от надоедливых женихов, она отпросилась у Королевы, оставила Арменелос и вернулась к своей семье в Западных Землях. Но прошло еще четыре года, и Алдарион вернулся, и корабли его были жестоко потрепаны морем. Сперва он приплыл в гавань Виньялондэ, а оттуда отправился в большой поход вдоль берега на юг, заплыв дальше, чем когда-либо заплывали корабли нүменóрцев; но на обратном пути он попал под

встречные ветра и сильные бури, и, едва избежав кораблекрушения в Хараде, он приплыл в Виньялондэ и увидел, что гавань почти разрушена штормами и разграблена враждебными племенами. Трижды верховые западные ветра возвращали его с полдороги из Великого Моря, и молния ударила в тот корабль, на котором плыл он сам, и сломала мачту; лишь тяжким трудом на большой воде ему удалось, наконец, добраться до нúменóрской гавани. Менельдур был очень обрадован возвращению сына; но осудил его за то, что он восстал против воли отца и короля, отринув этим хранительство Валаров и рискуя

навлечь ярость Оссэ не только на себя, но и на людей, доверившихся ему. Алдарион повинился, и отец простил его, не только вернув ему звание Начальника Кораблей и Гаваней, но и добавив к нему титул Управителя Лесами.

Алдарион опечалился, не найдя в Арменелосе Эрендис, но был слишком горд, чтобы отправиться искать ее; да и не мог он этого сделать иначе, чем для того, чтобы попросить ее руки, а он еще не хотел связывать себя узами брака. Он занялся исправлением всего того, что пришло в упадок за время его долгого отсутствия, ведь его не было почти двадцать лет; и большие

строительства начались тогда, особенно в Рóменне. Он увидел, что много леса рубится на строительство и изготовление всяческих изделий, но вырубки ведутся незначительно и что мало делается посадок взамен вырубленного; и Алдарион ездил из конца в конец Острова, присматривая за лесонасаждением.

И однажды, едучи через леса по Западным Землям, Алдарион встретил женщину, чьи темные волосы развевались на ветру, а зеленый плащ был застегнут у горла пряжкой с ярким драгоценным камнем; и он принял ее за одну из эльдаров, которые порою приплывали к той части Острова. Но

она подъехала ближе, и он узнал Эрендис и увидел, что камень на ней — из тех, что он дарил ей; и он вдруг почувствовал, что любит ее, и ощутил всю пустоту своих дней. Эрендис, увидев его, побледнела и хотела ускакать, но он настиг ее и сказал:

— Вполне я достоин того, чтобы ты бежала прочь от меня, ведь я сам убегал так часто и так далеко! Но прости меня и останься.

Они вместе приехали в дом Берегара, ее отца, и там Алдарион объявил, что желает обручиться с Эрендис; но та не решалась, хотя по обычаю и по долголетию ее народа она была в самом возрасте для брака.

Любовь ее к Алдариону не уменьшилась, и не из хитрости медлила она; но она боялась, что в войне между Морем и ее любовью в сердце Алдариона она не победит. Эрендис не хотела довольствоваться малым, лишь бы не потерять все; боясь Моря и горя о том, что деревья, столь любимые ею, вырубаются на постройку кораблей, она решила: либо она победит Море и корабли, либо они погубят ее.

Алдарион же влюбился в Эрендис всерьез и всюду ходил с ней; он забросил гавани, и верфи, и все дела Гильдии Морских Купцов и перестал валить лес, начав лишь сажать его; в те дни он был

счастливее, чем во всей своей жизни, хотя понял он это, лишь оглянувшись на них много потом, когда уже старость пришла к нему. Долго уговаривал он Эрендис отправиться с ним в плавание вокруг Острова на «Эамбаре»; ибо близилось столетие основания Алдарионом Гильдии Морских Купцов, и во всех гаванях Ну́менора устраивались празднества и пиры. Эрендис согласилась, преодолев страх и нелюбовь к морю; и они отплыли из Ро́менны и приплыли в Андúниэ на западе Острова. Там Валандил, Правитель Андúниэ и близкий родственник Алдариона^[85], устроил большой пир; и на этом пиру он пил за Эрендис,

назвав ее *Уйнэниэлью*, Дочерью Уйнэн, новой Владычицей Моря. Но Эрендис, сидевшая рядом с женой Баландила, возразила так, что многим было слышно:

— Не зови меня таким именем! Я не дочь Уйнэн: скорее, она враг мне.

И снова тревога охватила Эрендис, ибо Алдарион вернулся к своим делам в Рóменне и занялся строительством огромных волноломов и возведением высокой башни на Толе Уйнэн: *Калминдон* {*Calmindon*}, Маяк-Башня, называли ее. Когда же это строительство завершилось, Алдарион вернулся к Эрендис и попросил ее руки; она же

вновь отсрочила свадьбу, сказав:

— Я путешествовала с тобой на корабле, господин. До того, как я дам тебе свой ответ, не отправишься ли ты со мной по суше в те места, которые я люблю? Ты слишком мало знаешь об этой земле, а тебе быть ее Королем.

И они отправились вместе, и поехали в Эмериэ {Emerië}, где на зеленых холмах паслись самые большие в Ну́менóre стада, и смотрели на белые домики пастухов, и слушали блеянье отар.

Там Эрендис заговорила с Алдарионом и сказала ему:

— Вот здесь я смогу жить счастливо и спокойно.

— Ты сможешь жить там, где пожелаешь, жена Королевского Наследника, — отвечал Алдарион. — И Королевой — во многих прекрасных дворцах, какие захочешь.

— Пока ты станешь Королем, я уже состарюсь, — сказала Эрендис. — А где до того времени будет жить Королевский Наследник?

— Со своей супругой, — ответил Алдарион, — когда отпустят его дела, если только она не сможет разделить их с ним.

— Я не стану делить своего мужа с Владычицей Уйнэн, — сказала Эрендис.

— Это слова, — сказал Алдарион. — Так же и я могу

сказать, что не стану делить свою жену с Владыкой Лесов Оромэ {Oromë}, из-за того, что она любит деревья, растущие на воле.

— Воистину, не станешь, — сказала Эрендис, — ведь ты любое дерево готов свалить в дар Уйнэн, будь твоя воля.

— Назови любое дерево, которое тебе по сердцу, и оно будет стоять до самой смерти своей, — предложил Алдарион.

— Я люблю все, что растет на этом Острове, — ответила Эрендис.

И они долго ехали молча; а после этого дня расстались, и Эрендис вернулась в дом своего отца. Ему она ничего не сказала, но матери

своей Нýнет {Núneth} пересказала весь разговор с Алдарионом.

— Все или ничего, Эрендис? — сказала Нýнет. — Так ты вела себя, как ребенок. Ты же любишь его, а он — великий человек, не говоря уж о его чине; любовь к нему нелегко будет тебе выкинуть из сердца. Женщина должна делить любовь своего мужа с его любовью к своему делу и с пламенем его души, иначе она делает его недостойным любви. Но не думаю, что ты поймешь этот совет. Я же грущу потому, что настала уже пора тебе выходить замуж; и, родив прекрасное дитя, я надеялась на прекрасных внуков; и если будет их качать колыбель не в

королевском дворце, это меня не опечалит.

Совет этот и в самом деле не запал в душу Эрендис; но она поняла, что сердце ее ей не принадлежит и дни ее пусты: более пусты, чем в те годы, когда Алдарион бывал в походах. Ибо он жил в Нүменóre, но дни шли, а он больше не появлялся на западе.

Тогда Королева Алмариань, которой Нүнет рассказала о том, что происходит, опасаясь, что Алдарион вновь станет искать себе утешения в дальнем путешествии — ибо он долго уже жил на берегу — послала Эрендис письмо, прося ее вернуться в Арменелос; и Эрендис,

побуждаемая Нунет и велением
своего сердца, послушалась. Там они
помирились с Алдарионом; и весной
того года, когда подошло время
Эрукьерме {Erikyermë}, они в свите
Короля поднялись на вершину
Менельтармы, Священной Горы
нүменóрцев^[86]. Когда все уже
спустились оттуда, Алдарион и
Эрендис остались на вершине; и они
смотрели вокруг, на Остров
Вестернессэ {Westernesse},
покрытый весенней зеленью, и
видели сияние на Западе, где вдалеке
стоял Аваллónэ {Avallónë}^[87], и тени
на Востоке, над Великим Морем; а
над ними распростерся голубой
Менель. Они молчали, ибо лишь

Королю разрешалось говорить на вершине Менельтармы; но когда они спускались, Эрендис приостановилась, глядя в сторону Эмериэ и дальше к лесам ее родины.

— Неужели тебе немил Йôzâйян {Yôzâyan}? — спросила она.

— Истинно, мил, — ответил Алдарион, — хоть ты, наверно, не согласишься этому. Но я думаю еще и о том, каким он может стать в грядущие времена, и о надежде и славе его народа; и думаю я, что не должен такой дар лежать без дела про запас.

Эрендис возразила ему, сказав:

— Дары, что приходят от Валаров, а через них — от Единого,

надо любить просто так и во все времена. Они даны не для торга, не для обмена на лучшее или большее. Аданы остаются смертными людьми, Алдарион, как бы велики они ни были: и нам не жить в грядущих временах, не то как бы не потерять нынешнее, променяв его на собственную пустую выдумку. — И, сняв алмаз со своего плаща, Эрендис спросила Алдариона. — Разве ты позволишь мне обменять этот камень на что-нибудь другое, что мне понравится?

— Нет! — ответил он. — Но ты ведь не запираешь его в сундуке. Хотя мне кажется, что ты слишком высоко носишь его: он тускнеет

рядом с блеском твоих глаз.

И он поцеловал ее глаза, и тут все страхи оставили ее, и она приняла его; и так они помолвились на крутой тропе по склону Менельтармы.

Они вернулись в Арменелос, и Алдарион представил Эрендис Тар-Менельдуру невестой Королевского Наследника; и Король возрадовался, и большое веселье было в столице и по всему Острову. На помолвку Менельдур подарил Эрендис обширные земли в Эмериэ и выстроил на них для нее белый дворец. Алдарион же сказал ей:

— Много у меня еще в сундуках драгоценностей, подарков от королев

дальних стран, куда корабли нүменóрцев принесли помощь. Есть у меня камни, зеленые, словно солнечный свет в листьях деревьев, любимых тобой.

— Нет! — сказала Эрендис. — Есть у меня уже подарок от тебя на помолвку, хоть и получила я его много раньше. Других камней у меня нет, и не нужно; и я стану носить его еще выше.

И он увидел, что она заказала мастерам оправить белый камень, похожий на звезду, в серебро; по ее воле Алдарион увенчал ее этой диадемой. Эрендис носила ее много лет, пока не пришли скорби и печали; по этой диадеме называли ее повсюду

Тар-Элестирнэ {Tar-Elestirnë},
Владычица со Звездой на Челе^[88].
Так во дворце Короля в Арменелосе
и по всему Острову настало время
покоя и радости, и в древних книгах
записано, что невиданный урожай
выдался в то золотое лето года
восемьсот пятьдесят восьмого
Второй Эпохи.

Только моряки Гильдии
Морских Купцов из всего народа
были недовольны. Уже пятнадцать
лет Алдарион жил в Ну́менóre и не
снаряжал дальних походов; и, хотя он
выучил многих достойных
капитанов, без богатства и власти
Королевского сына их плавание были

не такими долгими и дальними, и редко заплывали они дальше страны Гил-Галада. К тому же на верфях подошел к концу запас дерева, ибо Алдарион забросил леса; и Морские Купцы стали просить его вернуться к делам. Алдарион уступил их просьбам; и сперва Эрендис сопровождала его в лесах, но ее опечалило зрелище деревьев, сперва срубаемых, затем пускаемых в обрезку и распил. Вскоре Алдарион стал ездить один, и они реже бывали вместе.

Настал год, в который все ждали свадьбы Королевского Наследника; ибо не в обычае было, чтобы помолвка затягивалась более, чем на

три года. Однажды весенним утром Алдарион выехал из гавани Андúниэ по дороге к дому Берегара; ибо он был зван туда, и Эрендис должна была приехать туда из Арменелоса прежде него. Выехав на гребень горы, прикрывавшей гавань с севера, Алдарион обернулся и поглядел на море. Дул западный ветер, частый в это время года, ветер, который любили все, кто плавал в Средиземье, и волны, увенчанные гребнями пены, накатывались на берег. Тут тоска по морю вдруг охватила Алдариона, словно могучей рукой сжав его горло, и сердце его забилося, и у него перехватило дух. Он овладел собой, и, наконец,

повернулся спиной к морю, и продолжил путь; и он выбрал ту дорогу через лес, где встретил некогда Эрендис на коне, похожую на эльфийанку — пятнадцать уже лет назад. Он почти искал ее там взглядом; но ее не было там, и желание увидеть ее погнало его; он приехал в дом Берегара еще засветло.

Эрендис встретила его с радостью, и он был весел; но ничего не сказал об их свадьбе, хотя все думали, что он ездил в Западные Земли также и за этим. Дни шли, и Эрендис стала замечать, что Алдарион все чаще вдруг умолкает во всеобщем веселье; и, глядя на него, она то и дело ловила на себе его

взгляд. И сердце ее сжималось: ибо голубые глаза Алдариона стали казаться ей холодными и серыми, и она видела в них тоску и жажду. Этот взгляд был слишком хорошо ей знаком, и ее страшило то, что он означал; но она ничего не сказала ему. Нýнет, все замечавшая, была рада этому; ведь «слова бередают старые раны», — говорила она. Вскоре Алдарион и Эрендис уехали обратно в Арменелос, и чем дальше они отдалялись от моря, тем веселее снова становился Алдарион. Но о своих тяготах он ничего не сказал Эрендис: ибо в нем шла настоящая битва, и битва непримиримая.

Так шел год, и Алдарион не

говорил ни о море, ни о свадьбе; но стал часто бывать в Рóменне и среди Морских Купцов. Наконец, когда близилось уже начало следующего года, Король призвал его в свои покои; они были рады встретиться, и их любовь друг к другу не была ничем омрачена.

— Сын мой, — спросил Тар-Менельдур, — когда ты приведешь ко мне мою долгожданную дочь? Прошло уже больше трех лет, достаточный срок. Я дивлюсь, как ты можешь выносить такую длительную отсрочку?

Алдарион помолчал и сказал, наконец:

— Снова на меня находит моя

страсть, Атаринья. Восемнадцать лет — долгий пост. Мне трудно лежать в постели и трудно сидеть в седле, и камни твердой земли ранят мне ноги.

Менельдур опечалился и пожалел сына; но муки его он понять не мог, ибо сам никогда не любил корабли; и он сказал:

— Увы! Но ты помолвлен. А по законам Ну́менора и по порядкам Эльдара и Эдайна мужчина не может иметь двух жен. Ты не можешь обручиться с Морем, ибо ты помолвлен с Эрендис.

Тут сердце Алдариона ожесточилось, потому что эти слова напомнили ему их разговор с

Эрендис, когда они ехали по Эмериэ; и он подумал — и напрасно — что Эрендис советовалась с его отцом. Он же, когда считал, что кто-то хочет заставить его поступать по-своему, всегда поступал наперекор.

— Кузнец может ковать, конник может ездить, рудокоп может копать, будучи помолвлен, — сказал он. — Так почему же моряк не может плавать?

— Если бы кузнец по пять лет стоял у наковальни, мало было бы жен у кузнецов, — ответил Король. — И редки у моряков жены, которые выносят все, что дарит им судьба, из-за их работы и их нужды. Королевский же Наследник — не

моряк ни по роду занятий, ни по нужде.

— Не одна работа правит человеком, — сказал Алдарион. — И есть еще много лет, чтобы повременить.

— О, нет! — возразил Менельдур. — Ты принимаешь свой дар, как должное: надежда же Эрендис короче твоей, и годы ее летят быстрее. Она не из ветви Элроса; и она уже много лет любит тебя.

— Когда я просил ее, она молчала чуть ли не двенадцать лет, — сказал Алдарион. — Я же не прошу и трети этого срока.

— Тогда она не была

помолвлена, — ответил Менельдур. — Но теперь ни один из вас не волен. Если она молчала, то, я уверен, лишь боясь того, что, похоже, случилось теперь, раз ты не владеешь собой. Ты притушил этот страх, должно быть; но, хоть ты можешь и не говорить прямо, я вижу, что ты подпал под чары.

И Алдарион сказал сердито:

— Лучше уж было мне поговорить со своей невестой самому, а не через посредника!

И он ушел от отца. Вскоре он сказал Эрендис о своем желании снова отправиться в плавание по большой воде, сказав, что из-за этого он лишился покоя и сна. Она же,

побледнев, молчала и сказала, наконец:

— Я думала, ты пришел поговорить о нашей свадьбе...

— Так и будет! — заверил Алдарион. — Так и случится, как только я вернусь, если ты дождешься.

Но, увидев ее горе, он передумал:

— Это будет сейчас, — сказал он, — до исхода этого года. А потом я сооружу корабль, какого еще не строили Морские Купцы, дворец на воде для Королевы. И ты поплывешь со мной, Эрендис, милостью Валаров, Яванны и Оромэ, которых ты любишь; мы поплывем к странам, в которых я покажу тебе леса, каких

ты не видела; там и сейчас поют эльдары; леса, которые больше н́уменóрских, привольные и нетронутые от начала дней, где еще слышится рог Владыки Оромэ.

Но Эрендис заплакала:

— Нет, Алдарион, — ответила она. — Я рада, что в мире есть еще такое, о чем ты говоришь; но я не увижу этого никогда. Ибо я не хочу: лесам Н́уменóра отдано мое сердце. И, увы! если из любви к тебе взойду я на этот корабль, то не сойду с него. Вынести это выше моих сил; едва скроется берег, я умру. Море ненавидит меня; и теперь мне отмстилось за то, что я забрала тебя у него и бегала от тебя. Иди,

господин мой! Но сжался и не трать столько лет, сколько я уже потеряла!

Алдарион был повержен; ибо он говорил со своим отцом в пустой ярости, она же говорила в великой любви. Он не отплыл в тот год; но мало было ему радости и покоя. «Едва скроется берег, она умрет» — сказал он себе. — «Но скоро я умру, если не скроется он. Так если уж суждено нам прожить сколько-то лет вместе, то я должен плыть один, и скорее».

Он начал, наконец, готовиться отплыть по весне; и Морские Купцы были рады, как никто на всем Острове из тех, кто знал о том, что происходит. Было снаряжено три

корабля, и в месяц в́ирессэ {V́iressë} они отчалили. Эрендис сама повесила зеленый венок *ойолайрэ* на бушприт «Паларрана» и скрывала слезы, пока корабли не вышли из могучих новых волноломов гавани.

Шесть с лишним лет прошло, прежде чем Алдарион вернулся в Н́уменор. Даже Королева Алмариань была холодна к нему по возвращении, и Купцы попали в опалу; ибо люди сочли, что Алдарион слишком жесток к Эрендис. Он же и вправду задержался дольше, чем собирался; ибо гавань Виньялондэ он нашел полностью разрушенной, и море свело на нет все его труды по восстановлению ее. Люди по

побережью стали бояться нүменóрцев или же начали открыто враждовать с ними; и Алдарион слышал слухи о каком-то средиземском правителе, который ненавидит людей на кораблях. Затем, когда уже он повернул домой, с юга налетел бешеный ветер, и Алдариона занесло далеко на север. На некоторое время он задержался в Митлонде, а когда снова вывел корабли в море, их опять унесло в опасные северные воды, полные льдов, где они жестоко страдали от холода. Наконец море и ветра успокоились, но когда Алдарион всматривался с бушприта «Паларрана» и увидел на горизонте

Менельтарму, взгляд его упал на зеленый веноч — и он увидел, что тот завял. Алдарион испугался, ибо такого никогда не случалось с венками *ойолайрэ*, пока брызги воды омывали их.

— Он замерз, капитан, — сказал моряк, стоявший рядом. — Было слишком холодно. Как же я рад снова видеть наш Столп!

Когда Алдарион пришел к Эрендис, она долго смотрела на него, но не выходила ему навстречу; и он стоял некоторое время, не зная, что сказать, чем вовсе не отличался он обычно.

— Сядь, господин мой, — сказала Эрендис, — и сперва

расскажи мне про все свои деяния. Многое, должно быть, видел ты и совершил за эти долгие годы!

И Алдарион, запинаясь, начал, а она сидела молча и слушала, пока он не рассказал ей всю повесть о своих тяготах и задержках; и когда он закончил, она сказала:

— Благодарение Валарам, чьей милостью ты, наконец, вернулся. И благодарение им также за то, что я не отправилась с тобой; ибо я увяла бы быстрее любого венка.

— Твой зеленый венок попал на холод против моей воли, — ответил он. — Прогони меня теперь, если хочешь, и люди, я думаю, не станут винить тебя. Разве смею я надеяться,

что твоя любовь окажется
долговечнее дивного *ойолайрэ*?

— Так воистину оказалось, —
ответила Эрендис. — Еще не
застудилась она до смерти,
Алдарион. Увы! Как я могу прогнать
тебя, когда вижу тебя вновь,
прекрасного, как солнце после зимы!

— Так пусть же придут теперь
весна и лето! — сказал Алдарион.

— И пусть не вернется зима, —
добавила Эрендис.

И к радости Менельдура и
Алмариани свадьба Королевского
Наследника была назначена на
следующую весну; и так и случилось.
В год восемьсот семидесятый Второй

Эпохи Алдарион и Эрендис обручились в Арменелосе, и в каждом доме звучала музыка, и на улицах пели мужчины и женщины. После того Королевский Наследник и новобрачная путешествовали по всему Острову, пока посреди лета не приехали они в Андúниэ, где Валандил, его правитель, приготовил им заключительный пир; и весь народ Западных Земель собрался туда из любви к Эрендис и гордости, что Королева Нýменóра происходит из них.

Утром после пира Алдарион смотрел из окна спальни, выходящего на запад, на море.

— Смотри, Эрендис! —

воскликнул он вдруг. — Корабль идет в гавань; и это не нүменóрский корабль, а такой, на какой ни мне, ни тебе не взойти, даже если захотим.

И Эрендис выглянула и увидела стройный белый корабль, окруженный белыми птицами в лучах солнца; и парус его сверкал серебром, когда, разрезая пену, он вошел в гавань. Так эльдары почтили свадьбу Эрендис из любви к народу Западных Земель, с которым бо-лее всего были они дружны^[89]. Корабль их был гружен цветами для украшения праздника, и все, севшие за столы ввечеру, были увенчаны эланором^[90] и сладостным лиссуином, чей аромат веселит

сердце. Привезли они с собой также и менестрелей, певцов, что помнили песни эльфов и людей давних дней Нарготронда и Гондолина; и много эльфов, дивных и величавых, сидело меж людей за столами. Но люди Андúниэ говорили, что ни один из них не был прекраснее Эрендис; эльфы же сказали, что глаза ее ясны, как глаза Морвен Эледвен {Morwen Eledhwen} в былые времена^[91] или даже глаза жительниц Аваллónэ.

Привезли эльдары также и множество даров. Алдариону они подарили саженец дерева, кора которого была белоснежной, а ствол — прямым, крепким и прочным, словно стальной; листвы же на нем

еще не было.

— Благодарю вас, — сказал Алдарион эльфам. — Древесина такого дерева, должно быть, воистину драгоценна.

— Может быть; мы не знаем, — ответили они. — Ни одно из них еще не было срублено. Летом оно носит прохладную листву, а зимой — цветы. Мы ценим его за это.

Эрендис же они подарили двух птичек с золотыми клювами и лапками. Они пели друг другу на много ладов, не повторяясь ни в одной песне и трели; если же их разделяли, они тут же слетались друг к другу, и не пели поодиночке.

— Как же мне держать их? —

спросила Эрендис.

— Пусть летают и будут свободны, — ответил эльдар. — Мы говорили им о тебе; и они будут с тобой, где ты ни поселишься. Они живут вместе всю жизнь, а живут они долго. Быть может, в садах твоих детей будет петь множество таких птиц.

В ту ночь Эрендис проснулась, и сладостный аромат донесся до нее из окна; ночь была светла, ибо полная луна стояла на западе. Встав с постели, Эрендис выглянула в окно и увидела, как вся земля спит, одетая серебром; на подоконнике же сидели бок о бок две птички.

Когда празднества окончились, Алдарион и Эрендис отправились погостить в ее дом; и птички снова поселились на подоконнике. Через некоторое время молодые попрощались с Берегаром и Нунет и поехали обратно в Арменелос; ибо там пожелал Король поселить своего Наследника, и для них был приготовлен дворец посреди сада. Там было посажено эльфийское дерево, и эльфийские птички пели на его ветвях.

Через два года Эрендис понесла и весной следующего года родила Алдариону дочь. С самого рождения

девочка была красавицей и все хорошела: как гласят предания, прекраснейшая из женщин, рождавшихся в ветви Элроса, кроме лишь Ар-Зимрафели {Ar-Zimraphel}, последней. Когда пришла пора дать ей первое имя, ее назвали Анкалимэ {Ancalimë}. Эрендис радовалась в душе, ибо думала: «Теперь Алдарион наверняка захочет сына, чтобы тот стал его наследником; и еще долго проживет со мной». Втайне она все еще боялась Моря и его власти над сердцем мужа; и хотя она пыталась спрятать этот страх, всякий раз, когда он отправлялся на верфь или засиживался с Морскими Купцами, она ревновала его. Один раз

Алдарион позвал ее на «Эамбар», но, увидев в ее глазах, что она не рада, больше никогда не предлагал ей этого. Прожив пять лет на берегу, Алдарион снова занялся своим Лесным Хозяйством и часто подолгу отсутствовал дома. Теперь, главным образом, благодаря его рачительности, в Нүменóre и вправду было вдосталь леса, но из-за того, что больше стало народу, нужда в строевом лесе и в дереве для различных работ была постоянной. Ибо в те давние дни, хотя многие и работали очень умело с камнем и металлами — ведь Эдайн в старину многому выучился у Нолдора — нүменóрцы любили все деревянное, в

повседневных ли надобностях или же в украшениях изящной резьбы. В то время Алдарион снова много заботился о будущем, насаждая лес везде, где тот вырубали, и сажал новые леса, где только была свободная земля, подходившая каким-либо деревьям. Именно тогда его стали повсеместно звать Алдарионом, и под этим именем его помнят среди тех, кто держал скипетр Нүменóра. Но многим, и не только Эрендис, казалось, что он мало любит сами деревья, а заботится о них больше как о древесине для своих нужд.

Немногим иначе было и с Морем. Ибо, как давно уже сказала

Нúнет своей дочери: «Он может любить корабли, дочь моя, ибо они созданы умом и руками человека; но я думаю, не ветра и не большие воды так терзают его сердце, и не неведомые земли, а какой-то огонь в душе или какая-то мечта, преследующая его». И это, должно быть, было близко к истине; ибо Алдарион был прозорлив и предвидел те дни, когда народу понадобится больше места и больше богатства; и, сознавал ли он это ясно сам или нет, он мечтал о славе Нúменóра и могуществе его Королей и искал, куда им шагнуть, чтобы возвеличить свои владения. Поэтому вскоре от лесничества он вернулся к

кораблестроению, и ему привиделся могучий корабль, похожий на крепость, с высокими мачтами и парусами, широкими, как облака, несущий на себе целый город людей и грузов. И на верфях Рóменны заработали пилы и молотки, и, наконец, из малых частей собрался огромный скелет со множеством ребер; люди дивились на него. «*Туруфанто*» {Turuphanto}, «Деревянный Кит», называли его, но имя ему было другое.

Эрендис узнала об этом, хотя Алдарион не говорил ей, и встревожилась. Однажды она, наконец, сказала ему:

— Что там за возня с кораблями,

Начальник Гаваней? Разве не хватит с нас? Сколько прекрасных деревьев было срублено до срока в этом году? — Она говорила полушутя и улыбалась.

— Мужчина на земле должен трудиться, — отвечал он, — даже если у него прекрасная жена. Деревья растут и падают. Я вырастил их больше, чем срублено. — Он тоже говорил весело, но не смотрел ей в глаза; и больше они не разговаривали об этом между собой.

Но когда Анкалимэ почти исполнилось четыре года, Алдарион, наконец, открыто объявил Эрендис о своем желании снова покинуть Ну́менор. Она сидела молча, ибо он

не сказал ей ничего, чего бы она сама не знала; и слова были напрасны. Он подождал до дня рождения Анкалимэ и расстарался для нее в тот день. Она смеялась и веселилась, хотя остальные в доме были невеселы; и когда она пошла ко сну, она спросила отца:

— *Татанья*, ты возьмешь меня с собой этим летом? Я хочу увидеть белый дворец в стране овечек, про который рассказывала *мамилъ*.

Алдарион не ответил; на следующий день он покинул дом и не возвращался несколько дней. Когда все было готово, он зашел попрощаться с Эрендис. В ее глазах против ее воли появились слезы. Эти

слезы огорчили его и смутили, ибо он уже решился и скрепил свое сердце.

— Довольно, Эрендис! — сказал он. — Восемь лет я жил здесь. Нельзя приковать золотой цепью сына Короля, кровь Туора и Эарендила {Eärendil}! И не на смерть я отправляюсь. Я скоро вернусь.

— Скоро? — переспросила она. — Но годы беспощадны, и ты не вернешь их с собой. А мои годы короче твоих. Молодость моя убегает; а где мои дети — и где твой наследник? Слишком долго и слишком часто в последнее время моя постель холодна^[92].

— Часто в последнее время мне

казалось, что ты этого хочешь, — сказал Алдарион. — Но не будем ссориться, если мы думаем по-разному. Взгляни в зеркало, Эрендис! Ты прекрасна, и старость не бросает ни тени на тебя. Ты еще можешь подарить немного времени моей величайшей надобности. Два года! Лишь два года я прошу!

Эрендис ответила:

— Скажи лучше «два года возьму я, хочешь ты того, или нет». Что ж, возьми два года! Но не больше. Сын Короля крови Эарендила должен держать свое слово.

На следующее утро Алдарион заторопился прочь. Он поднял на

руки Анкалимэ и поцеловал ее; она обняла его, но он поставил ее и ускакал. Вскоре из Рóменны отчалил огромный корабль. Алдарион назвал его «Хирилондэ» {*Hirilondë*}, «Находящий Гавань»; но отплыл он с Нýменóра без благословения Тар-Менельдура; и Эрендис не пришла в гавань с зеленым Венком Возвращения, и не послала Венка. Алдарион хмуро стоял на носу «Хирилондэ», на который жена капитана повесила большую ветвь *ойолайрэ*; и не оглядывался назад, пока Менельтарма не скрылась в сумерках.

Весь тот день Эрендис просидела одна в своем покое, горюя;

но в глубине своего сердца она почувствовала новое — холодную злость, и любовь ее к Алдариону была смертельно ранена. Она ненавидела Море; а теперь и на деревья, которые когда-то любила, она не желала смотреть, ибо они напоминали ей мачты больших кораблей. Потому она вскоре оставила Арменелос и отправилась в Эмериэ посреди Острова, где ветер повсюду разносил блеяние овец.

— Оно слаще моему слуху, чем вопли чаек, — сказала она, встав в дверях своего белого дворца, подарка Короля; а дворец стоял на западном склоне холма, и вокруг его зеленый луг без ограды или стены переходил в

пастбище. Туда она взяла с собой Анкалимэ, и они жили там вдвоем. В доме Эрендис были только служанки; и она всячески старалась воспитать дочь на свой лад, внушая ей неприязнь к мужчинам.

Анкалимэ редко видела мужчин, ибо у Эрендис не было хозяйства, а немногие ее работники и пастухи жили на подворье поодаль. Другие же мужчины не приезжали туда, кроме редких гонцов от Короля; а те сразу старались уехать оттуда, потому что холод этого дома гнал их прочь; а в доме они говорили лишь вполголоса.

Однажды утром в Эмериэ Эрендис разбудило пение птиц; на

подоконнике ее окна сидели эльфийские птички, которые жили в ее саду в Арменелосе и которых она забыла там.

— Глупые певуны! Летите прочь, — сказала она. — Здесь не место вашей радости.

И птички умолкли и поднялись над деревьями; трижды они облетели дом и улетели на запад. В тот же вечер они сели на окно в доме ее отца, где она жила с Алдарионом по пути с пира в Андúниэ; и там Нúнет и Берегар нашли их на утро следующего дня. Но едва Нúнет протянула к ним руки, они вспорхнули и полетели прочь, и она проводила их взглядом, пока они не

стали пылинками в солнечных лучах, умчавшись к морю, туда, откуда они появились.

— Значит, он снова ушел и оставил ее, — сказала Нўнет.

— Почему же она не дала нам знать? — вздохнул Берегар. — И почему она не приехала домой?

— Она дала знать, — ответила Нўнет. — Ведь она отпустила эльфийских птичек, а зря. Недоброе это предвещает. Почему, почему, дочь моя? Ведь ты же знала, на что идешь! Оставь ее, Берегар, где бы она ни была. Здесь больше не ее дом, и она не исцелится здесь. Пусть Валары пошлют ей мудрости — или хотя бы умения держаться.

Когда пошел второй год плавания Алдариона, по воле Короля Эрендис приказала отделать и приготовить дом в Арменелосе; но сама не собралась туда. Королю она послала такое письмо: «Я вернусь, если ты велишь мне, *атар аранья*. Но к чему мне спешить? Разве я не успею приехать, когда его парус покажется на востоке?» Себе же она сказала:

— Уж не хочет ли Король, чтобы я ждала его на причале, как девчонка матроса? Когда-то и было бы так, но я уже не та. Этого с меня довольно.

Но прошел тот год, а паруса так и не увидели; и настал следующий

год, и склонился к осени. Эрендис стала холодна и молчалива. Она повелела закрыть дом в Арменелосе и не уезжала из своего дворца в Эмериэ больше, чем на несколько часов.

Всю свою любовь она отдала своей дочери, и очень привязалась к ней, и не хотела отпускать Анкалимэ от себя даже в гости к Нунет и родственникам в Западных Землях. Все, что знала Анкалимэ, она узнала у своей матери; и она выучилась хорошо читать и писать, и говорила с Эрендис по-эльфийски, как то было принято у нуменóрской знати. Ибо в Западных Землях в таких домах, как дом Берегара, это была повседневная

речь, и Эрендис редко говорила на нүменóрском языке, который Алдарион любил больше всех. Много узнала Анкалимэ о Нүменóре и о былых временах из тех книг и свитков, что были в доме и что были понятны ей; и другое о людях и о земле слышала она от женщин дома, хотя Эрендис и не прознала об этом ничего. Но женщины придерживали язык, когда разговаривали с девочкой, опасаясь госпожи; и немного было веселья у Анкалимэ в белом дворце в Эмериэ. Дом этот был тих, и музыка не звучала в нем, словно кто-то недавно умер; а в Нүменóре в те дни все люди играли на чем-нибудь. Но все, что слышала Анкалимэ в

детстве, было пение женщин за работой, на улице, где Белая Госпожа Эмериэ не слышала их. Теперь Анкалимэ исполнилось семь лет, и когда только ей разрешали, она уходила из дома на широкие луга, где можно было привольно бегать; и порою она гуляла с пастушками, ухаживая за овцами и обедая под открытым небом.

Однажды тем летом с одного из дальних хуторов в дом по делу пришел мальчик, чуть старше ее; Анкалимэ наткнулась на него, когда на подворье он подкреплялся хлебом, запивая его молоком. Он оглядел ее равнодушно и отпил еще молока.

Затем он подвинул к ней свою кружку.

— Ну, смотри, глазастая, раз интересно, — сказал он. — Красивая ты, но очень уж тоща. Будешь есть? — и он вынул из сумки краюху хлеба.

— Ёбал, бездельник! — окликнула его пожилая женщина, вышедшая из коровника. — Беги со всех своих длинных ног, не то забудешь, что я просила передать твоей матери!

— Там, где вы, матушка Замûн, сторожевой собаки не надо! — ответил мальчик и, залаяв, выбежал прочь из ворот и понесся по склону холма.

Замûн была пожилая крестьянка, острая на язык, и не стеснялась ничего и никого, даже Белой Госпожи.

— Что это было за шумное существо? — спросила Анкалимэ.

— Мальчишка, — ответила Замûн, — если ты знаешь, что это такое. Впрочем, откуда тебе знать? Они лишь много едят и много шалят. Этот все время ест — но все без толку. Славного паренька увидит его отец, когда вернется; только если он еще немного запоздает, может и не узнать его. Да и не он один.

— У мальчишки тоже есть отец? — спросила Анкалимэ.

— Конечно же, — ответила

Замûн. — Ульбар, один из пастухов господина с юга; которого мы зовем Овечьим Правителем, он — родич Короля.

— А почему же отец мальчишки не дома?

— Потому, *xérinkэ {hérinkë}*, — ответила Замûн, — что он услышал об этих Морских Купцах и ушел к ним, и уплыл с твоим отцом, Господином Алдарионом: Валар весть, куда и зачем.

В тот вечер Анкалимэ вдруг спросила у своей матери:

— Моего отца зовут Господин Алдарион?

— Так его звали, — сказала Эрендис. — Но к чему ты

спрашиваешь?

Голос ее был холоден и спокоен, но она была удивлена и встревожена; ибо до сих пор ни слова об Алдарионе не было сказано между ними.

Анкалимэ не ответила на вопрос.

— Когда он вернется? — спросила она.

— Не спрашивай меня! — ответила Эрендис. — Я не знаю. Никогда, наверно. Но не волнуйся; ведь у тебя есть мать, и она не бросит тебя, пока ты ее любишь.

Больше Анкалимэ не говорила об отце.

Дни шли, унеся с собой год, и

еще один; в ту весну Анкалимэ исполнилось девять лет. Родились и подросли ягнята; пришла и прошла стрижка; жаркое лето подсушило траву. Осень принесла дожди, и на восточных ветрах с облаками из серых морей «Хирилондэ» принес Алдариона в Рóменну; известие о том дошло до Эмериэ, но Эрендис не пожелала говорить об этом. Никто не встретил Алдариона на пристани. Под дождем он прискакал в Арменелос; и увидел, что дом его закрыт. Он был расстроен, но не стал разузнавать ни у кого ничего; первым делом он отправился к Королю, ибо у него были для него важные известия.

Его встретил прием не более

теплый, чем он ожидал; и Менельдур заговорил с ним, как Король с капитаном, за которым водится немало проступков.

— Долго тебя не было, — сказал он холодно. — Больше трех лет прошло с того времени, на которое ты назначил свое возвращение.

— Увы! — сказал Алдарион. — Даже я устал от моря, и давно уже сердце мое рвалось на запад. Но мне пришлось задержаться против воли сердца: дел много. А без меня рушится все.

— В этом я не сомневаюсь, — сказал Менельдур. — На своей земле ты, боюсь, найдешь то же самое.

— Это я надеюсь поправить, —

сказал Алдарион. — Но мир снова меняется. В нем уже тысяча лет прошла с той поры, как Владыки Запада выслали свое войско против Ангбанда; и те дни позабыты людьми или же стали для них туманными легендами. Люди снова встревожены, страх преследует их. Мне очень хочется посоветоваться с тобой, рассказать про свои дела и свои мысли о том, что следует предпринять.

— Так и будет, — ответил Менельдур. — Меньшего я и не жду. Но есть другие дела, которые мне кажутся более важными. «Пусть Король сперва хорошо правит своим домом, прежде чем станет править

другие», — так говорят. Это истинно для всех. Теперь я дам тебе совет, сын Менельдура. У тебя есть еще и своя жизнь. Половиной себя ты вечно пренебрегал. Говорю тебе теперь: поезжай домой!

Алдарион выпрямился, и лицо его окаменело:

— Если ты знаешь, скажи мне, — сказал он, — где мой дом?

— Там, где твоя супруга, — ответил Менельдур. — Вольно или же невольно, ты нарушил слово, данное ей. Она сейчас живет в Эмериэ, в своем доме, вдали от моря. Отправляйся туда не медля.

— Если бы мне было передано хоть слово, я поехал бы туда прямо из

гавани, — сказал Алдарион. — Но теперь мне по крайности не придется расспрашивать на улице. — И он развернулся, чтобы уйти, но остановился, сказав: — Капитан Алдарион забыл еще нечто, принадлежащее другой его половине; нечто, что он осмелился счесть также важным. У него письмо, которое он должен был доставить Арменелосскому Королю.

Отдав письмо Менельдуру, Алдарион поклонился и вышел из покоя; не прошло и часа, как он сел на коня и ускакал, хотя уже надвигалась ночь. С ним было лишь двое спутников, моряков из его экипажа: Хендерх {Henderch} из

Западных Земель и Ульбар из Эмериэ.

Нещадно гоня коней, к вечеру следующего дня они приехали в Эмериэ, и люди и кони были загнаны до предела. В последнем закатном луче, пробившемся из-под туч, дом на холме блеснул бело и холодно. Увидев его издали, Алдарион протрубил в рог.

Спешившись перед крыльцом, он увидел Эрендис: она в белых одеждах стояла на ступенях, что вели к колоннам крыльца. Она держалась прямо и гордо, но, приблизившись, он увидел, что она бледна и глаза ее горят незнакомым огнем.

— Вы припозднились, господин

мой, — сказала она. — Я давно уже перестала вас ждать. Боюсь, что не смогу сейчас оказать вам тот прием, что был уготовлен мною к тому времени, в которое вы обещали вернуться.

— Моряку немного нужно, — сказал он.

— Это хорошо, — сказала она и ушла в дом. Тогда вышли вперед две женщины, а с крыльца спустилась старуха. Когда Алдарион вошел в дом, она сказала его спутникам так, чтобы и он слышал:

— Здесь для вас места нет. Идите на подворье под холмом.

— Нет уж, Замûн, — сказал Ульбар. — Я здесь не останусь. С

позволения Господина Алдариона, я отправлюсь домой. Все ли там ладно?

— Вполне, — ответила она. — Твой сынок вытаскал сам себя по ложке из твоей памяти. Иди и посмотри сам! Тебе там будет теплее, чем твоему Капитану.

Эрендис не вышла к ужину, и женщины прислуживали Алдариону в отдельной комнате. Но перед тем, как он отужинал, она вошла и сказала при служанках:

— Мой господин, вы устали от такой спешки. Комната для гостей приготовлена вам. Мои служанки вам помогут. Если будет холодно, велите

развести огонь.

Алдарион не ответил. Он рано отправился в спальню и, вправду смертельно усталый, рухнул на постель и вскоре забыл тени Средиземья в тяжелом сне. Но с криком петуха он проснулся, измученный и разгневанный. Он быстро встал и решил без шума выбраться из дома: Хендерх при лошадях, и они поедут к его родичу Халлатану, владельцу овец, в Хьярасторни. Потом он потребует у Эрендис привезти свою дочь в Арменелос, и ему не придется встречаться с ней на ее земле. Но не успел он подойти к двери, как вошла Эрендис. Она не ложилась в ту ночь,

и теперь встала на пороге перед ним.

— Вы уходите еще внезапнее, чем появились, мой господин, — сказала она. — Боюсь, что вам, моряку, в тягость стал этот дом, полный женщин, раз вы уходите, не сделав всех дел. В самом деле, что за дела привели вас сюда? Могу ли я узнать это прежде, чем вы покинете нас?

— В Арменелосе мне сказали, что здесь живет моя жена, и сюда она забрала мою дочь, — сказал Алдарион. — Что до жены, то, похоже, меня обманули. Но разве у меня нет дочери?

— Несколько лет назад у вас была дочь, — ответила Эрендис. —

Но моя дочь еще не поднялась.

— Так пусть поднимется, пока я седлаю коня.

Эрендис не позволила бы Анкалимэ встретиться с отцом; но она не решилась доводить до этого, чтобы не потерять расположение Короля, а Совет^[93] давно уже выражал недовольство тем, что девочка растет в уединении. Поэтому, когда Алдарион с Хендерхом подъехали к крыльцу, Анкалимэ стояла рядом со своей матерью на пороге дома. Она была так же пряма и неподвижна, как ее мать, и не приветствовала его, когда он спешился и поднялся по ступеням

к ней.

— Кто ты? — спросила она. — И почему ты велел мне подняться так рано, когда весь дом еще спит?

Алдарион внимательно поглядел на нее, и, хотя лицо его осталось холодным, мысленно он улыбнулся; ибо он увидел в ней больше своего дитя, чем дочь Эрендис, как она ни пестовала ее.

— Ты знала меня когда-то, Госпожа Анкалимэ, — сказал он, — но это неважно. Сегодня я лишь гонец из Арменелоса, присланный напомнить тебе, что ты — дочь Королевского Наследника; и, как я теперь вижу, станешь в свое время его Наследницей. Не вечно тебе жить

здесь. Теперь же, моя госпожа, если хочешь, возвращайся в свою постель, пока не проснется твоя нянька. Я спешу увидеть Короля. Прощай!

Он поцеловал руку Анкалимэ и сошел с крыльца; затем оседлал коня, махнул рукой и ускакал.

Эрендис одиноко сидела у окна и видела, как он спустился с холма, заметив, что он поехал в сторону Хьярасторни, а не к Арменелосу. Она заплакала от горя, но больше от злости. Она ждала раскаяния, мольбы о прощении, которое она, после долгих мстительных упреков и укоров, могла бы даровать; но он обошелся с ней так, словно это она нанесла ему обиду, и обратил

внимание лишь на дочь, а не на нее. Слишком поздно вспомнила она слова Нунет, сказанные давно, и увидела, что Алдарион — великий человек, которого нельзя приручить, человек, движимый яростной волей, и холодная ярость его еще опаснее. Она встала и отвернулась от окна, задумавшись о своих ошибках.

— Опаснее? — промолвила она. — Сломать меня труднее, чем сталь. Так было бы, будь он хоть Королем Нуменора!

Алдарион приехал в Хьярасторни, в дом своего родича Халлатана; ибо он хотел ненадолго остановиться там и все обдумать. По

пути он услышал музыку и увидел, как пастухи празднуют возвращение Ульбара, привезшего много чудесных рассказов и подарков; и жена Ульбара в цветочных гирляндах танцевала с ним самим под волынку. Сперва никто не замечал Алдариона, и он сидел на коне и улыбался; но вдруг Ульбар воскликнул:

— Великий Капитан!

И его сын Ёбал подбежал к стремени Алдариона.

— Господин Капитан! — попросил он.

— Что такое? Я спешу, — отозвался Алдарион; ибо ему вдруг стало горько и тяжело.

— Я только хотел спросить, —

сказал мальчик, — сколько лет должно исполниться, чтобы можно было поплыть за море на корабле, как мой отец?

— Больше, чем лет горам; и чтобы не осталось другой надежды в жизни, — ответил Алдарион. — Или же плыть, когда захочется! А что твоя мать, сын Ульбара — она не поприветствует меня?

Когда жена Ульбара подошла, Алдарион взял ее за руку.

— Примешь ли ты от меня вот это? — спросил он. — Это очень скромная плата за шесть лет помощи славного мужа, которые ты даровала мне.

И из мешочка под туникой

Алдарион достал самоцвет на золотой цепочке, красный, как огонь, и вложил его в ее руку.

— Он достался мне от Короля эльфов, — сказал он. — Когда я расскажу ему, как распорядился камнем, он будет доволен.

И Алдарион распрощался со всеми и ускакал, не желая больше быть там, куда ехал. Халлатан, услышав об этом странном появлении и исчезновении, немало дивился, пока меж селянами не прошли новые слухи.

Немного отъехав от Хьярасторни, Алдарион остановил коня и сказал своему спутнику Хендерху:

— Какой бы прием ни ждал тебя там, на западе, друг мой, я не стану больше тебя удерживать. Отправляйся домой с моей благодарностью. Я хочу проехаться один.

— Нехорошо это, Господин Капитан, — сказал Хендерх.

— Нехорошо, — согласился Алдарион. — Но так уж оно есть. Прощай!

И Алдарион один поехал в Арменелос, и больше никогда не ступал на землю Эмериэ.

Когда Алдарион вышел из покоя, Менельдур с любопытством посмотрел на письмо, что вручил

ему сын; и увидел, что оно от Короля Гил-Галада из Линдона. Письмо было запечатано его печатью с белыми звездами на круглом синем поле^[94]. Письмо было надписано:

И Менельдур сломал печать и прочел:

Менельдур уронил пергамент на колени. Из-за туч, приплывших с востока, рано стемнело, и казалось, свечи померкли в сумраке, наполнившем зал.

— Да призовет меня Эру раньше, чем придет такое время! — воскликнул Менельдур. И про себя он добавил: «Увы! Его гордость и моя холодность так долго разделяли нас. Теперь мудро будет раньше, чем я

собирался, передать ему Скипетр. Ибо эти дела уже не для меня.

Когда Валары дали нам Дарованную Землю, они не сделали нас своими наместниками: мы получили Королевство Нүменорское, а не весь мир. Они — Владыки. Здесь мы должны были забыть ненависть и войну; ибо война была закончена, и Моргот выброшен с Арды. Так я думал, и так меня учили.

Но если в мире снова ширится мрак, то Владыки должны это знать; а они не дали мне знака. Если только это — не знак. Что же тогда? Отцы наши были вознаграждены за помощь, которую они оказали в поражении Великой Тени. Будут ли

их сыны стоять в стороне, если зло отрастило новую голову?

Мои сомнения слишком велики для правителя. Сменить ли ход жизни или оставить все, как есть? Готовиться ли к войне, о которой еще ничего не известно: учить ли посреди мира мастеровых и земледельцев кровопролитию и бою: вложить ли сталь в руки алчных военачальников, которые любят лишь сражение и числят свою славу по числу убитых? Скажут ли они Эру: *«Но зато Твои враги были среди них»*? Или же опустить руки, пока гибнут друзья: пусть люди живут в покойной слепоте, пока враг не подойдет к воротам? Что тогда

останется им делать — голыми руками бороться со сталью и пасть понапрасну, или же бежать, слыша за собой вопли женщин? Скажут ли они Эру: *«Но зато я не пролил крови»*?

Когда оба пути ведут к несчастью, чего стоит выбор? Пусть Валары правят под Эру! Я передаю Скипетр Алдариону. Но это тоже выбор, ведь я прекрасно знаю, какой дорогой он пойдет. Если только Эрендис не...

И Менельдур обратился мыслью к Эрендис в Эмериэ.

— Но мало здесь надежды, если это называть надеждой. Он не поколеблется в таком серьезном деле. Я знаю, что она выберет —

если ее хватит на то, чтобы все выслушать. Ибо ее сердце не имеет крыльев за пределами Ну́менóра, и она знать не желает побережий. Если ее выбор приведет ее к гибели — она храбро примет ее. Но что она станет делать с жизнью и с волей других? Самим Валарам так же, как мне, еще предстоит это узнать.

Алдарион вернулся в Ро́менну на четвертый день после того, как «Хирилондэ» вернулся в гавань. Он устал и был черен от долгой дороги и сразу отправился на «Эамбар», на борту которого он теперь решил поселиться. К этому времени, как он с горечью увидел, в Городе уже

болтало множество языков. На следующий день Алдарион собрал в Рóменне людей и привел их в Арменелос. Там он одним повелел срубить все деревья в своем саду, кроме одного, и отправить их на верфь; другим он приказал снести свой дом до основания. Пощадил он лишь белое эльфийское дерево; и когда дровосеки ушли, он посмотрел на него, оставшееся посреди разрушения, и впервые увидел, как оно красиво само собой. Медленным эльфийским ростом оно вытянулось пока лишь на двенадцать локтей, стройное, юное, прямое, украсив своими зимними цветами ветви, устремленные в небо. Дерево

напомнило Алдариону дочь, и он сказал:

— Я назову и тебя Анкалимэ. Да будете вы с ней всю долгую жизнь так же стойки, не сгибаемы ни ветром, ни чужой волей и не стеснены.

На третий день по возвращении из Эмериэ Алдарион явился к Королю. Тар-Менельдур сидел на своем троне и ждал. Взглянув на сына, он испугался; ибо Алдарион переменился: его лицо стало серым, холодным и злым, словно море, когда солнце вдруг закроет большая туча. Встав перед отцом, он заговорил спокойно, голосом скорее безразличным, чем гневным.

— Каково твое участие во всем этом, ты один знаешь лучше всех, — сказал он. — Но Король должен думать о том, сколько может вынести человек, будь он его подданный, даже его сын. Если ты хотел приковать меня к этому Острову, то ты выбрал плохую цепь. Теперь у меня не стало ни жены, ни любви к этой земле. Я уплыву прочь с этого зачарованного острова, где высокомерные женщины вьют веревки из мужчин. Я потрачу свои дни на что-нибудь доброе где-нибудь там, где меня не оскорбляют и привечают с почетом. Найди себе другого Наследника для услужения в доме. Из своего наследия я потребую только одного: корабль «Хирилондэ»

и столько людей, сколько он сможет
взять на борт. Дочь свою я бы тоже
забрал, будь она старше; но я
отправляю ее к моей матери. Если ты
не живешь с одних овец, ты не
станешь мешать этому и не
позволишь, чтобы ребенка удушили,
заперев среди немых женщин, в
холодном высокомерии и презрении
к ее родным. Она из Ветви Элроса, и
другого потомка от твоего сына у
тебя не будет. Довольно с меня.
Теперь я займусь делами более
благодарными.

Все это Менельдур выслушал,
опустив глаза, терпеливо и
неподвижно. Затем он вздохнул и
поднял глаза.

— Алдарион, сын мой, — сказал он грустно, — Король сказал бы, что ты также проявил холодное высокомерие и презрение к твоим родным и сам обрекал других на муки, не ведая об этом; но отец твой, который любит тебя и горюет о тебе, не скажет этого. Моей вины в этом нет, кроме как в том, что так нескоро я узнал о твоих делах. Что же до того, что тебе пришлось перенести, о чем, увы, слишком многие сейчас говорят — я невиновен. Я любил Эрендис, и поскольку сердца наши во многом схожи, я думал, что ей придется сносить много тяжкого. Теперь твои дела стали мне известны, хотя, если бы ты согласился услышать что-либо,

кроме похвал, я сказал бы, что руководили тобой в первую голову твои собственные желания. И может быть, все было бы иначе, если бы ты давным-давно откровенно поговорил со мной.

— Король может горевать об этом, — воскликнул Алдарион, вспыхив, — но не тот, о ком ты говоришь! Уж ей-то я рассказывал много и часто: слуху холодному и безразличному. Так же мог бы мальчишка-сорванец рассказывать о лазаньи по деревьям своей няньке, которая заботится только о том, чтобы не порвалась одежда и вовремя был съеден обед! Я люблю ее, иначе не терзался бы так.

Прошлое я сохраню в сердце; будущее мертво. Она не любит меня — и ничего не любит. Она любит себя, Нүменор — как свой дом, а меня — как собачонку, которая грелась бы у ее очага, пока ей не придет в голову прогуляться по полям. Но собаки нынче дороги, и она завела для своей клетки Анкалимэ. Однако довольно об этом. Дает мне Король разрешение отправиться в путь? Или у него есть для меня какой-либо приказ?

— Король, — отвечал Тар-Менельдур, — много думал обо всем в эти долгие дни, прошедшие с тех пор, как ты последний раз был в Арменелосе. Он прочел письмо Гил-

Галада; оно серьезно и сурово. Увы! Его мольбам и твоему желанию Король Нүменора должен сказать «нет». Он не может поступить иначе, сообразно своему пониманию опасности выбора обоих путей: готовиться к войне или же не готовиться.

Алдарион пожал плечами и сделал шаг, чтобы уйти. Но Менельдур поднял руку, призвав ко вниманию, и продолжил:

— В то же время, Король, хоть он и правил страной Нүменор сто сорок два года, не уверен сейчас, что его понимания происходящего достанет для принятия верного решения, подобающего случаям столь

высокой важности. — Менельдур умолк и, взяв пергамент, написанный его рукой, зачитал его торжественным голосом:

Посему: в первую очередь, ради своего любимого сына; во вторую — ради лучшего управления страной в делах, которые сын его понимает лучше, Король решил: что он в ближайшее время сложит с себя Скипетр и передаст его своему сыну, который ныне станет Королем Тар-Алдарионом.

— Это, — сказал Менельдур, — будучи оглашено, доведет до всех то, что я думаю о происшедшем. Это поднимет тебя выше всех пересудов; и даст тебе ту власть, которая

поможет тебе восполнить другие потери. На письмо Гил-Галада, став Королем, ты ответишь так, как будет подобать держателю Скипетра.

Алдарион, пораженный, стоял молча. Он готов был встретить гнев Короля, гнев, который и сам он только что разжигал. Теперь же он был в сильнейшем смятении. Вдруг, словно бы пошатнувшись от внезапного порыва ветра, он пал на колени перед отцом; но тут же поднял склоненную голову и рассмеялся — так всегда он смеялся, когда слышал о чьем-либо великодушии, ибо оно радовало его сердце.

— Отец! — сказал он. —

Упроси Короля простить мое высокомерие. Ибо он — великий Король, и его скромность подняла его много выше моей гордыни. Я побежден: я сдаюсь на его милость. Нельзя и думать, чтобы такой Король сложил Скипетр в расцвете своих сил и мудрости.

— Но так решено, — сказал Менельдур. — В ближайшее время будет созван Совет.

Когда спустя семь дней собрался Совет, Тар-Менельдур ознакомил его со своим решением и положил перед ним свиток. Все были поражены, не зная еще, о каких это делах говорит Король; и все начали возражать,

прося Короля отложить свое решение — все, кроме Халлатана Хьярасторнийского. Ибо он давно уже чтит своего родича Алдариона по достоинству, хоть тот и жил жизнью, столь несхожей с его собственной; и он оценил поступок Короля как благородный и справедливый, раз уж вышло так.

Тем же, кто возражал так или иначе, Менельдур ответил:

— Не без долгих размышлений пришел я к такому решению, и в размышлениях этих я учел уже все ваши мудрые возражения. Сейчас, и не позже, самое лучшее время для исполнения моей воли, по причинам, о которых хотя и не было ничего

сказано, но о которых все должны догадываться. Поэтому в ближайшее же время пусть указ мой будет оглашен. Но если вы так хотите, он не вступит в действие до весеннего дня *Эрукьерме*. До того времени я буду держать Скипетр.

Когда известие об этом указе пришло в Эмериэ, Эрендис оно ошеломило; ибо в этом она прочла упрек Короля, тогда как ей казалось, что она в чести у него. Это она увидела ясно, но других, более важных вещей, бывших причиной указа, она не заметила. Вскоре ей пришло послание от Тар-Менельдура, в изящных словах

которого было скрыто требование: прибыть в Арменелос и взять с собой госпожу Анкалимэ и жить в столице по крайней мере до *Эрукьерме* и коронации нового Короля.

— Быстры его удары, — подумала Эрендис. — Так я и предвидела. Он собрался лишить меня всего. Но мною он повелевать не будет никогда, хотя бы и устами своего отца.

Поэтому она отправила Тар-Менельдуру такой ответ: «Король и отец мой, дочь моя Анкалимэ прибудет, раз такова твоя воля. Я прошу учесть ее юные годы и проследить, чтобы ее разместили в тишине и спокойствии. Что же до

меня, то я молю извинить меня. Я узнала, что мой дом в Арменелосе снесен; а гостить я сейчас не желаю ни у кого, и меньше всего — на корабле среди матросов. Потому прошу позволить мне остаться в моем уединении, если только Королю не угодно забрать у меня также и этот дом».

Менельдур прочел это письмо, но оно не уязвило его так, как желала бы Эрендис. Он дал прочесть письмо Алдариону, которому, как счел Король, оно было адресовано на самом деле; и глядя на своего сына, он спросил:

— Я вижу, ты опечален. Но чего же еще ты ждал?

— Уж не такого, — ответил Алдарион. — Этого я от нее не ожидал. Как она пала: и если причиной этому я, то черна моя вина. Но разве истинное величие умаляется от несчастий? Такого ей не следовало делать даже из ненависти или мести! Она должна была потребовать уготовить для нее в Арменелосе большой дворец, вызвать поезд Королевы и вернуться в Арменелос во всей своей красе, царственной, со звездой во лбу; тогда она переманила бы на свою сторону почти весь Остров Нүменор, а меня объявила бы безумцем и невежей. Валары свидетели, я бы предпочел, чтобы случилось так: лучше пусть

прекрасная Королева противится мне и презирает меня, чем я буду править свободно, а Госпожа Элестирнэ погрузится во мрак.

И с горькой усмешкой Алдарион вернул письмо Королю:

— Ну, уж вышло, как вышло, — сказал он. — Но если одному не по нраву жить на корабле с матросами, то и другому простительно не любить овчарни и служанок. Дочь же моя не будет возвращена так. Она по крайности будет знать, из чего выбирать.

Алдарион поднялся и попросил разрешения уйти.

Дальнейший ход повествования

С того момента, как Алдарион прочел письмо Эрендис, в котором она отказывается вернуться в Арменелос, ход повествования можно проследить лишь по наметкам и наброскам из записок и заметок: и даже этот материал неполон и непоследователен, поскольку сочинялся в разное время и часто противоречит сам себе.

Вероятно, в 883 году, став Королем Ну́менора, Алдарион решил снова посетить Средиземье и отплыл в Митлонд в том же году или в следующем. Записано, что на бушприте «Хирилондэ» он установил не венок из *ойолайрэ*, а изображение

орла с золотым клювом и глазами из драгоценных камней, которое подарил ему Кúрдан.

<<Он сидел на бушприте, сделанный искусным мастером так, словно изготовился лететь стрелой к намеченной им далекой цели.

— Этот знак приведет нас к нашей цели, — сказал Алдарион. — Пусть Валары позаботятся о нашем возвращении — если им угодны наши дела.>>

Утверждается также, что <<о

последующих плаваниях Алдариона записей не осталось>>, но <<известно, что он путешествовал также немало и по земле, и поднимался вверх по реке Гватлó до самого Тарбада {Tharbad}, и там встречался с Галадриэлью.>> Нигде больше не упоминается об этой встрече; но в то время Галадриэль и Келеборн {Celeborn} жили в Эрегионе, не так далеко от Тарбада (см. стр. 235).

<<Но все труды Алдариона оказались напрасны. Работы, которые он начал в Виньялондэ, так и не были завершены, и

море поглотило их
плоды [\[95\]](#). Однако он
заложил основание для
последовавших спустя
множество лет побед Тар-
Минастира в первой войне
с Сауроном, и если бы не
труды Алдариона,
нúменóрские флотилии не
смогли бы доставить свою
силу вовремя и в нужное
место — как и предвидел
Алдарион. В то время уже
росла вражда к
нúменóрцам, и темные
люди с гор вторгались в
Энедвайт *{Enedwaith}*. Но
во дни Алдариона

нүменóрцы еще не желали властвовать на новых просторах, и при нем Морские Купцы оставались небольшой горсткой людей, которых многие почитали, но за которыми немногие следовали.>>

Никаких упоминаний о дальнейшем продолжении союза с Гил-Галадом и о помощи, которой тот просил в письме к Тар-Менельдуру, не имеется; сказано лишь, что

<<Алдарион пришел слишком поздно, или же

слишком рано. Слишком поздно: ибо сила, ненавидящая Нүменор, уже пробудилась. Слишком рано: ибо не настало еще время Нүменóру открыть свою силу и вернуться в битву за весь мир.>>

Когда Тар-Алдарион решил снова отправиться в Средиземье в 883 или 884 г., в Нүменóре поднялись волнения, ибо до того Король никогда не покидал Острова, и Совет не знал, что делать в таком случае. Видимо, Менельдуру было предложено наместничество, но он отказался от него, и наместником

Короля в его отсутствие стал Халлатан Хьярасторнийский, которого указал Совет или сам Тар-Алдарион.

История жизни Анкалимэ в годы ее юности в Арменелосе не приобрела законченного вида. Нет оснований сомневаться в некоторой двойственности ее характера и во влиянии, которое оказала на нее ее мать. Она была не столь чопорна, как Эрендис, и сызмальства любила наряды, драгоценности и музыку, всеобщее восхищение и почитание; но не была от всего этого без ума, и часто под предлогом необходимости навестить свою мать в белом дворце в Эмериэ покидала Арменелос.

Анкалимэ понимала и одобряла и обращение Эрендис с Алдарионом, когда он столь припозднился — но также и ярость Алдариона, его уверенность в своей правоте и последовавшее за этим беспощадное изгнание Эрендис из его сердца и круга его забот. Ей совершенно не по душе было замужество из чувства долга, такое замужество, которое сколько-нибудь ограничило бы ее волю. Мать ее неустанно чернила и порицала мужчин, и сохранился яркий пример этих поучений Эрендис:

<<Мужчины Ну́менора —
наполовину эльфы,>> [говорила
Эрендис,] <<особенно

высокородные; они — ни то, ни другое. Долгая жизнь, дарованная им, обманывает их, и они бездельничают в мире, дети умом, пока старость не находит их — да и тогда иные лишь переходят от игр на улице к играм в доме. В великие дела они обращают игры, а игры — в великие дела. Они и мастера, и ученые, и герои — все сразу; а женщина для них — огонь в очаге, и кто-то другой пусть поддерживает его, пока они к вечеру не устанут от своих игр. Все создано для них: холмы — для охоты, реки — чтобы подавать воду на их колеса, деревья — на доски, женщины — для нужд их тела, и, если они красивы, для

украшения их стола и дома; а дети — чтобы дразнить, когда нечем больше заняться — но они с не меньшей охотой поиграли бы со щенками своих собак. Ко всем они добры и радушны, они веселы, как утренние жаворонки — когда светит солнце; ибо они никогда не сердятся, когда можно обойтись без этого. Мужчина должен быть весел, щедр, как богач, не жалея того, что ему самому не нужно. Гневается он лишь тогда, когда вдруг узнает, что есть в мире и другие воли, помимо его собственной. Тогда, если что-нибудь осмеливается противостоять ему, он становится безжалостным, как шквал.

Вот как устроен мир,
Анкалимэ, и не нам это
изменить. Ибо мужчины
создали Нүменор:
мужчины, те герои былых
времен, о которых они
поют — об их женщинах
мы слышим меньше, разве
лишь, что те рыдали, когда
гибли их мужья. Нүменор
должен был стать отдыхом
после войны. Но когда
мужчины устанут отдыхать
и им наскучат мирные
игры, они скоро вернутся к
своей великой игре, к
войне и смертоубийству.
Так устроен мир; и мы

живем здесь с ними. Но подчиняться им мы не обязаны. Если мы тоже любим Ну́менор, то будем же радоваться ему, пока они не разрушили его. Мы тоже дочери великих, и у нас есть своя воля и своя доблесть. Поэтому — не сгибайся, Анкалимэ. Однажды чуть согнешься — и они станут гнуть тебя дальше, пока не согнут в дугу. Обхвати корнями скалу и прими удар ветра, хотя бы он и сорвал с тебя всю листву.>>

Помимо таких поучений, что было гораздо более значимо, Эрендис приучила Анкалимэ к обществу женщин: к тихой, размеренной и спокойной, ничем не тревожимой жизни в Эмериэ. Мальчишки, вроде Ёбала, были крикливы. Мужчины приезжали в неурочное время, трубя в свои рога, и потом их кормили с шумом и суматохой. Они заводили детей и оставляли их женщинам, уходя по своим делам. А хотя рождение ребенка было связано с меньшим числом болезней и опасностей, Нуменор все же не был раем на земле и не был избавлен от тягот и трудов.

Анкалимэ, как и ее отец, была решительна и настойчива в преследовании своих целей; и, как и он, она была строптива и противилась всем советам. От матери ей также передалась ее холодность и чувство личной обиды; и в глубине души ее, забытое почти, но не совсем, жило воспоминание о твердости, с которой Алдарион разъял ее объятия и поставил ее на землю, когда торопился уйти. Анкалимэ любила равнины родного дома и никогда, по ее словам, не могла спать спокойно, не слыша блеяния овец. Но она не отказалась от наследования престола и решила, когда придет ее день, стать властной

Правящей Королевой; а тогда она будет жить там и так, где и как пожелает.

По-видимому, став Королем, Алдарион в течение следующих восемнадцати лет часто покидал Нүменор; и в эти годы Анкалимэ жила и в Эмериэ, и в Арменелосе, так как Королева Алмариань приняла в ней живое участие и благоволила к ней так же, как к Алдариону в пору его юности. В Арменелосе к ней все относились с почтением, и Алдарион не менее других; и хотя сперва она дичилась вдали от просторов своей родины, со временем она перестала смущаться, и стала замечать, что мужчины дивятся ее красоте,

достигшей уже полного расцвета. Повзрослев, она стала еще более своевольной, и общество Эрендис, что жила, как вдова, не желая становиться Королевой, ее тяготило; но она продолжала приезжать в Эмериэ и для того, чтобы отдохнуть от Арменелоса, и для того, чтобы позлить Алдариона. Она была умна и злонравна, и свои забавы считала тем самым, за что боролись друг с другом ее отец и мать.

В 892 году, когда Анкалимэ исполнилось 19 лет, она была провозглашена Королевской Наследницей (в возрасте гораздо более раннем, чем это было принято

до того, см. стр. 177); и в это время Алдарион повелел изменить нүменóрский закон престолонаследования. Особо говорится, что Тар-Алдарион сделал это <<по причинам скорее личным, чем государственным>> и из <<давнего своего стремления победить Эрендис>>. Об изменении в законе сказано во «*Властелине Колец*», Приложение А (1, 1):

<<Шестой Король>> [Тар-Алдарион] <<оставил одного ребенка, дочь. Она стала первой Королевой>> [т. е., Правящей Королевой]<<; ибо законом царствующего дома стало отныне, что скипетр должен принять старшее

дитя Короля, будь то сын или дочь.>>

Но в других местах новый закон формулируется по-другому. Самая полная и ясная заметка первым делом указывает, что «старый закон», как назвали его потом, не был в Нуменоре «законом», а был унаследованным от прежних времен обычаем, изменить который до сих пор просто не возникало надобности; и согласно этому обычаю, Наследником должен был стать старший сын Правителя. Подразумевалось, что если сына не было, то Наследником становился ближайший родственник — потомок Элроса Тар-Миньятура *по мужской линии*. Так, если бы у Тар-

Менельдура не было сына, Наследником стал бы не Валандил, его племянник (сын его сестры Сильмариэни), а внучатый племянник его Малантур (внук Эарендура, младшего брата Тар-Элендила). Но по «новому закону», если у Правителя не было сыновей, то Скипетр переходил к его (старшей) дочери, что, очевидно, не совпадает с тем, что сказано во *«Властелине Колец»*. Совет внес поправку, что дочь Правителя вольна отказаться от наследования^[96]. В этом случае, согласно «новому закону», наследником Правителя становился его ближайший родственник по любой линии. Так,

если бы Анкалимэ отказалась от Скипетра, наследником Тар-Алдариона стал бы Соронто, сын его сестры Айлинэли; и если бы Анкалимэ отреклась от Скипетра или же умерла бы бездетной, наследником ее также стал бы Соронто.

По настоянию Совета было внесено также положение о том, что Наследница обязана отречься, если она остается незамужней сверх определенного срока; и к этому Тар-Алдарион добавил, что Королевский Наследник может сочетаться браком только внутри Ветви Элроса, а иначе он теряет право на престолонаследование. Говорится,

что это добавление напрямую проистекало из несчастливого брака Алдариона с Эрендис и его размышлений по этому поводу; ибо Эрендис была не из Ветви Элроса, и жизнь ее была более краткой, а Алдарион счел, что в этом — корень всех несчастий, постигших их.

Несомненно, все эти условия «нового закона» были записаны во всех подробностях, потому что они сильно повлияли на дальнейшую историю страны; но, к сожалению, сейчас можно сказать о них лишь очень немногое.

Несколько позднее Тар-Алдарион внес в закон поправку о том, что Правящая Королева обязана

либо выйти замуж, либо отречься (и это наверняка было вызвано нежеланием Анкалимэ последовать тому или другому выбору); но брак Наследника с другим потомком Ветви Элроса стал с тех пор неизменным обычаем^[97].

Во всяком случае, в Эмериэ скоро начали появляться соискатели руки Анкалимэ, и не только из-за перемен в ее положении, но также и потому, что слава о ее красоте, надменности и презрительности и о необычайной ее юности разошлась по земле. В это время ее стали называть Эмервен {Emerwen} Аранель, Принцесса-Пастушка. Чтобы избавиться от назойливых

женихов, Анкалимэ при помощи старухи Замûн скрылась на хуторе близ земель Халлатана Хьярасторнийского и некоторое время жила там простой пастушеской жизнью. Заметки (являющиеся не более, чем черновыми набросками) расходятся в вопросе о том, как отнеслись к этому положению дел ее родители. Согласно одной, Эрендис знала, где скрывается Анкалимэ, и одобряла ее бегство, а Алдарион не разрешил Совету искать ее, ибо ему по нраву была такая независимость его дочери. По другой, однако, Эрендис обеспокоилась бегством Анкалимэ, а Король разгневался; и в это время

Эрендис предприняла некоторые попытки сблизиться с ним, хотя бы ради Анкалимэ. Но Алдарион остался непреклонен, заявив, что у Короля нет жены, но есть дочь и наследница; и что он не верит, что Эрендис не знает, где та скрывается.

Определенно известно то, что Анкалимэ полюбила пастуха, водившего стада поблизости; а он назвался ей Мамандилом. Анкалимэ было совершенно внове такое общество, и ей нравилось его пение, в котором он был искусен; и он пел ей песни, пришедшие из тех далеких дней, когда аданы пасли свои стада в Эриадоре, давным-давно, еще до того, как они встретились с

эльдарами. Так они встречались на пастбищах все чаще и чаще, и Мамандил начал переделывать старинные любовные песни, вставляя в них имена Эмервен и Мамандила; а Анкалимэ притворялась, что не понимает потоков слов. Но спустя время он объяснился ей в любви, она же отпрянула и отказала ему, сказав, что судьба ее стоит между ними, ибо она — Наследница Короля. Мамандил же не смутился и сказал ей, что истинное имя его Халлакар {Hallacar}, сын Халлатана Хьярасторнийского, из ветви Элроса Тар-Миньятура.

— А как мог бы твой поклонник

найти тебя по-другому? — сказал он ей.

Анкалимэ рассердилась, потому что он обманул ее, с самого начала зная, кто она; но он возразил:

— Отчасти это правда. Я действительно хотел найти госпожу, которая ведет себя так странно, что мне стало любопытно узнать о ней побольше. Но потом я полюбил Эмервен, и мне все равно, кто она на самом деле. Не думай, что я мечу на твое высокое место; ибо куда больше желал бы я, чтобы ты была просто Эмервен. Но я рад, что и я из Ветви Элроса, потому что иначе навряд ли смогли бы мы пожениться.

— Смогли бы, — ответила

Анкалимэ, — если бы это было для меня сколько-нибудь важно. Я сложила бы тогда с себя свой королевский титул и стала бы свободна. Но я пошла бы на это, лишь если выходила бы за того, за кого хочу; а это был бы Ынер {Úner} (что значит «никто»), его я предпочту всем прочим.

Однако в итоге Анкалимэ вышла замуж за Халлакара. Из одного места явствует, что к их свадьбе спустя несколько лет после их первых встреч в Эмериэ привели настойчивость Халлакара в сватовстве, невзирая на ее отказы, и побуждение Совета найти себе мужа

во имя спокойствия в стране. В другом месте говорится, что Анкалимэ оставалась незамужней так долго, что ее двоюродный брат Соронто, опираясь на условия нового закона, потребовал от нее отречься от престолонаследия, и что она вышла за Халлакара, чтобы досадить Соронто. В еще одной короткой заметке уточняется, что она вышла за Халлакара после того, как Алдарион внес поправку в закон, чтобы положить конец надеждам Соронто стать Королем, если Анкалимэ умрет бездетной.

Как бы то ни было, из истории ясно, что Анкалимэ не жаждала любви и не хотела сына; и она

говорила: «Неужели и я должна стать, как Королева Алмариань, и жить на его попечении?»»

Жизнь ее с Халлакаром была безрадостной; она бросила на него своего сына Анáриона {Anárion}, и с тех пор между ними была постоянная вражда. Чтобы подчинить Халлакара себе, она заявила, что владеет всей его землей, и запретила ему жить на ней, ибо она не желает иметь мужем пастуха. От этого времени дошло последнее записанное сказание о тех несчастливых событиях. Анкалимэ не позволяла ни одной из своих женщин выйти замуж, и, хотя страх удерживал многих, все же все они

происходили из окрестных земель, и у них были возлюбленные, за которых они хотели выйти. Халлакар тайно устроил их свадьбы; и он объявил, что перед тем, как покинуть свой дом, он дает в нем последний пир. На пир этот Халлакар пригласил Анкалимэ, сказав, что это был дом его семьи, и он должен отдать ему прощальные почести.

Анкалимэ прибыла в сопровождении всех своих женщин, ибо она не желала, чтобы ей прислуживали мужчины. Она обнаружила, что весь дом освещен и украшен, словно для большого пира, и что все мужчины, что служили в нем, надели цветочные гирлянды,

как на свадьбу, а в руках у каждого еще одна гирлянда для невесты.

— Итак! — объявил Халлакар. — Свадьбы справлены, и покои для новобрачных готовы. Но раз нельзя и подумать, чтобы Госпожа Анкалимэ взошла на одно ложе с пастухом, увы, ей придется сегодня спать одной.

Анкалимэ пришлось остаться в том доме, потому что ехать обратно было уже поздно, и она не могла ехать без прислуги. Ни мужчины, ни женщины не прятали улыбок; и Анкалимэ не вышла к столу, а лежала в постели и слушала смех, думая, что смеются над ней. На следующий день она поднялась в холодной

ярости, и Халлакар дал ей в провожатые трех мужчин. Так он отомстил за себя, ибо она больше никогда не возвращалась в Эмериэ, где каждая овца, казалось, смеется над ней. Но с тех пор она всю жизнь преследовала Халлакара своей ненавистью.

О дальнейшей судьбе Тар-Алдариона сказать ничего нельзя, кроме того, что он, видимо, продолжил свои плавание в Средиземье и не раз оставлял Анкалимэ своей наместницей. Последнее его плавание состоялось в самом конце первого тысячелетия Второй Эпохи; и в году 1075

Анкалимэ стала первой Правящей Королевой Ну́менора. Сказано, что после кончины Тар-Алдариона в 1098 Тар-Анкалимэ бросила все начинания отца и перестала посылать помощь Гил-Галаду в Линдон. Первыми детьми сына ее Ана́риона, ставшего впоследствии восьмым Правителем Ну́менора, были две дочери. Они не любили Королеву и боялись ее и отказались от престолонаследия, поскольку мстительная Королева не позволила бы им выйти замуж^[98]. Сын Ана́риона Су́рион родился самым младшим и стал девятым Правителем Ну́менора.

Об Эрендис говорится, что когда

к ней пришла старость, она, брошенная Анкалимэ и прозябающая в горьком одиночестве, снова потянулась к Алдариону; и, узнав, что он уплыл с Острова, уйдя в плавание, оказавшееся впоследствии последним, и вскоре ожидают его возвращения, она покинула, наконец, Эмериэ и, никем не узнанная, тайно приехала в гавань Рóменну. Там, похоже, она и встретила свой конец; но лишь слова <<Эрендис нашла смерть в воде в год 985>> позволяют предположить, как это случилось.

Примечания

Анардил (Алдарион) родился в год 700 Второй Эпохи, и его первое плавание в Средиземье состоялось в гг. 725-7. Менельдур, его отец, стал Королем Ну́менора в г. 740. Гильдия Морских Купцов была основана в г. 750, и Алдарион был провозглашен Королевским Наследником в 800. Эрендис родилась в г. 771. Семилетнее плавание Алдариона (стр. 178) состоялось в годы 806-13, первое плавание «Паларрана» (стр. 179) — гг. 816-20, плавание семи кораблей вопреки запрету Тар-Менельдура (стр. 180) — гг. 824-9, а четырнадцатилетнее плавание,

последовавшее сразу за ним (стр. 180-1) — гг. 829-43.

Алдарион и Эрендис были помолвлены в г. 858; годы плавания Алдариона после своей помолвки (стр. 187) — 836-9, а свадьба состоялась в г. 870. Анкалимэ родилась весной г. 873. «Хирилондэ» отплыл весной г. 877, а возвращение Алдариона, после чего произошел его разрыв с Эрендис, состоялось в г. 882; Скипетр Ну́менора он принял в г. 883.

«Ветвь Элроса: Короли Нүменора»

Этот чисто династический перечень по форме я все же включил сюда потому, что это важный документ истории Второй Эпохи, а в этой книге в текстах и комментариях содержится значительнейшая часть всех имеющихся материалов об этой Эпохе. Это превосходно сохранившаяся рукопись, в которой даты жизни и правления Королей и Королев Нүменора были во многих местах и порой по непонятным мне причинам исправлены: я попытался представить самую позднюю версию.

В тексте имеется несколько незначительных хронологических загадок, но он также позволяет и прояснить некоторые очевидные ошибки в Приложениях к «*Властелину Колец*».

Генеалогия ранних поколений ветви Элроса взята из нескольких соотносящихся между собой генеалогий, созданных в тот же период, что и обсуждение законов престолонаследования в Нуменоре (стр. 208-9). В некоторых второстепенных именах имеются незначительные разночтения: так *Вардильме* называется также *Вардилье* {*Vardilyë*}, а *Явиэнь* — *Явиэ* {*Yávië*}. Я считаю, что в моей

таблице даны самые поздние формы.

***Ветвь Элроса: короли Ну́менора от
основания города Арменелоса и до
Низвержения***

Начало Царства Ну́менорского отсчитывается с 32 года Второй Эпохи, когда Элрос сын Эарендила {Eärendil} взошел на трон в городе Арменелосе, будучи девяноста лет отроду. С этого времени он упоминается в Свитке Королей под именем Тар-Миньятур; ибо в обычае Королей было брать себе имена на квенья {Quenya}, или наречьи Высоких Эльфов, поскольку это

благороднейший из всех языков в мире, и обычай этот держался до дней Ар-Адûнахôра {Ar-Adûnakhôr} (Тар-Херунúмена). Элрос Тар-Миньятур правил нúменóрцами четыреста и десять лет. Ибо нúменóрцам была дарована долгая жизнь, и они не старились до возраста в три срока жизни людей Средиземья; сыну же Эарендила была дана самая долгая жизнь из многих людей, его потомкам — меньшая, но больше, чем прочим даже нúменóрцам; и так было до прихода Тени, когда жизнь нúменóрцев стала сокращаться^[99].

Элрос Тар-Миньятур

Он родился за пятьдесят восемь

лет до начала Второй Эпохи: в расцвете сил прожил до пятисотлетнего возраста, затем окончил жизнь в году 442, правив 410 лет.

Вардамир Нóлимон

Он родился в год 61 Второй Эпохи и умер в год 471. Его называли Нóлимоном за тягу к древнему знанию, которое он собирал у эльфов и людей. После ухода [\[101\]](#) Элроса, в возрасте 381 года не взошел на престол, но передал скипетр сыну. Все же он числится вторым среди Королей, и считается, что он правил один год [\[101\]](#). С того времени и до дней Тар-Атанамира стало обычаем, что Король должен при жизни

передать скипетр своему наследнику; и Короли уходили из жизни по своей воле, сохраняя ясность разума.

Тар-Амандил

Он был сыном Вардамира Нóлимона и родился в год 192. Он правил 148 лет^[102] и сложил скипетр в год 590; умер же в год 603.

Тар-Элендил

Он был сыном Тар-Амандила и родился в год 350. Он правил 150 лет и сложил скипетр в год 740; умер же в год 751. Его звали также Пармайтэ {Parmaité}, ибо он собственноручно написал множество книг и записал много легенд и сведений, собранных его дедом. Женился он поздно, и старшим ребенком его была дочь

Сильмариэнь [\[103\]](#), родившаяся в год 521, сыном которой был Валандил. От Валандила пошли Правители Андúниэ {Andúnië}, из которых последним был Амандил отец Элендила Высокого, который приплыл в Средиземье после Низвержения. В правление Тар-Элендила корабли нúменóрцев вновь пришли в Средиземье.

Тар-Менельдур

Он был единственным сыном и третьим ребенком Тар-Элендила и родился в год 543. Он правил 143 года и сложил скипетр в год 883, умер же в год 942. «Настоящим именем» его было Úримон; прозвание Менельдур он получил за свою любовь к учению

о звездах. Он женился на Алмариани, дочери Веантура {Vëantur}, Флотоводца при Тар-Элендиле. Он был мудр, но добр и терпелив. От престола он отрекся в пользу сына, неожиданно и задолго до положенного срока, по соображениям государственной выгоды, когда на Остров навалились заботы, вызванные беспокойством Гил-Галада {Gil-galad} Линдонского, впервые обнаружившего, что в Средиземье появился дух зла, враждебный Эльдару и Дúnэдайну.

Тар-Алдарион

Он был старшим и единственным сыном Тар-Менельдура и родился в год 700. Он

правил 192 года и передал скипетр своей дочери в год 1075; умер же в год 1098. «Настоящее имя» его было Анардил; но смолоду он был известен под именем Алдарион, потому что много заботился о деревьях и насадил обширные леса, дабы обеспечить корабельные верфи строевым лесом. Он был великим мореплавателем и кораблестроителем; сам часто плавал в Средиземье, где стал другом и советником Гил-Галада. Жена его Эрендис из-за долгих отлучек осердилась на него, и они разошлись в год 882. Единственным ребенком его была красавица-дочь Анкалимэ {Ancalimë}. Ради нее Алдарион

изменил закон о наследовании так, чтобы дочь Короля — предпочтительно, старшая — наследовала престол, если у Короля не было сыновей. Это изменение не понравилось потомкам Элроса и в особенности наследнику по старому закону Соронто, племяннику Алдариона, сыну его старшей сестры Айлинели[\[104\]](#).

Тар-Анкалимэ

Она была единственным ребенком Тар-Алдариона и первой Правящей Королевой Ну́менора. Родилась она в год 873 и правила 205 лет, дольше всех правителей после Элроса; она сложила скипетр в г. 1280 и умерла в г. 1285. Она долго

оставалась незамужней; но из-за нажима Соронто, требовавшего ее отречения, в год 1000 вышла за Халлакара {Hallacar} сына Халлатана, потомка Вардамира^[105]. После рождения сына Анáриона между Анкалимэ и Халлакаром произошла размолвка. Анкалимэ была горделива и своевольна. После смерти Алдариона она бросила все его начинания и прекратила помощь Гил-Галаду.

Тар-Анáрион

Он был сыном Тар-Анкалимэ и родился в год 1003. Он правил 114 лет и сложил скипетр в г. 1394; умер же в 1404.

Тар-Сúрион

Он был третьим ребенком Тар-Ана́риона; сестры его отказались принять скипетр^[106]. Он родился в год 1174 и правил 162 года; сложил скипетр в г. 1556 и умер в г. 1574.

Тар-Телпериэнь

Она была второй Правящей Королевой Ну́менора. Жизнь ее была долгой — ибо женщины ну́менорцев жили дольше мужчин или же не столь легко расставались с жизнью — и она не вступала в брак ни с кем. Поэтому после нее скипетр перешел к Минастиру; тот был сыном Исилмо, второго ребенка Тар-Су́риона^[107]. Тар-Телпериэнь родилась в год 1320; правила она 175 лет, до 1731 года, и скончалась в тот

же год [\[108\]](#).

Тар-Минастир

Такое имя было дано ему потому, что он выстроил на горе Оромет близ Андúниэ и западных берегов высокую башню и большую часть своих дней проводил там, глядя на запад. Ибо тогда в сердцах нúменóрцев зародилось беспокойство. Он любил эльдаров, но завидовал им. Именно он отправил огромный флот на помощь Гил-Галаду в первой войне с Сауроном. Он родился в год 1474 и правил 138 лет; сложил скипетр в г. 1869 и скончался в г. 1873.

Тар-Кирьятан {Tar-Ciryatan}

Он родился в год 1634 и правил

160 лет; сложил скипетр в г. 2029 и скончался в г. 2035. Он был Королем могучим, но алчным; выстроил огромный флот королевских судов; его слуги привезли в Ну́менор много металла и драгоценных камней и порабощали народы Средиземья. Он презрел устремления своего отца и пока не принял скипетр, тешил свой буйный нрав походами на восток, север и юг. Говорится, что он заставил отца отдать ему скипетр раньше, чем тот собирался сделать это сам. В этом видят первое знамение падения Тени на благословенный Ну́менор.

Тар-Атанамир Великий

Он родился в год 1800 и правил

193 года, до г. 2221, ставшего годом его кончины. Много сказано об этом Короле в Анналах, уцелевших после Низвержения. Ибо он, подобно своему отцу, был горделив и алчен, и н́уменóрцы, служившие ему, налагали тяжкие дани на народы берегов Средиземья. В его время Тень пала на Н́уменор, и Король и те, что последовали за ним, стали открыто высказываться против запрета Валаров и были настроены против Валаров и Эльдара; но им еще хватало мудрости, и они боялись Владык Запада и не отвергали их. Атанамира назвали также Противящимся {Unwilling}, ибо он первым из Королей отказался

расстаться с жизнью и сложить скипетр; и жил, пока смерть не унесла его, дряхлого и беспомощного [\[109\]](#).

Тар-Анкалимон {Tar-Ancalimon}

Он родился в год 1986 и правил 165 лет до своей кончины в г. 2386. В его время шире стала расщелина между Людьми Короля — большинством — и теми, кто поддерживал старинную дружбу с Эльдаром. Многие из Людей Короля стали отказываться от употребления эльфийских языков и больше не учили этим языкам своих детей. Но королевские имена еще давались на квенья, больше из древнего обычая, чем из любви, дабы нарушение

порядков не навлекло несчастья.

Тар-Телемайтэ {Tar-Telemaitë}

Он родился в год 1236 и правил 140 лет до своей кончины в г. 1516. Начиная с него, каждый Король правил от своего имени с кончины своего отца и до собственной смерти, хотя на деле власть часто переходила к их сыновьям или советникам; и дни потомков Элроса стали сокращаться под Тенью. Этот Король был назван так за свою любовь к серебру, и своих подданных он заставлял повсюду искать митрил {mithril}.

Тар-Ванимэльдэ {Tar-Vanimeldë}

Она была третьей Правящей Королевой; родилась она в год 2277 и правила 111 лет до своей кончины в г.

2637. Она мало занималась правлением, увлекаясь больше музыкой и танцами; власть же перешла к ее мужу Херукалмо {Herucalmo}, который был моложе ее, но был потомком Тар-Атанамира в той же степени родства, что и она. Херукалмо принял скипетр после кончины своей жены, назвав себя Тар-Андукал {Tar-Anducal} и отняв наследование у своего сына Алькарина {Alcarin}; но иные не числят его в ряду Королей семнадцатым, а переходят сразу к Алькарину. Тар-Андукал родился в год 2286 и скончался в г. 2657.

Тар-Алькарин

Он родился в год 2406 и правил

80 лет до своей кончины в г. 2737, будучи Королем по праву сто лет.

Тар-Калмакил {Tar-Calmacil}

Он родился в год 2516 и правил 88 лет до своей кончины в г. 2825. Имя такое он взял потому, что в молодости был великим капитаном и завоевал обширные земли вдоль побережий Средиземья. Этим он навлек на себя ненависть Саурана, который, однако, отступил и воцарился на Востоке, вдали от берегов, выжидая своего часа. В дни Тар-Калмакила Королевское имя впервые было произнесено на адûнайском языке; Люди Короля называли его Ар-Белзагар.

Тар-Ардамин

Он родился в год 2618 и правил 74 года до своей кончины в г. 2899. Его имя на адûнайском языке было Ар-Абаттâрик^[110].

Ар-Адûнахôr (Тар-Херунúмен)

Он родился в год 2709 и правил 63 года до своей кончины в г. 2962. Он был первым Королем, который принял скипетр под именем на адûнайском языке; хотя из опасения, как все говорят, в Свитки было занесено имя на квенья. Верные же сочли его имена кощунственными, ибо они означали «Владыка Запада», каковым титулом они величали лишь великих Валаров, Манвэ {Manwë} в особенности. В его правление эльфийские языки перестали

использоваться и были запрещены к изучению, но тайно поддерживались Верными; и корабли из Эрессэа {Eressëa} с этих пор приходили к западным берегам Ну́менора редко и тайно.

Ар-Зимратон {Ar-Zimrathon}
(Тар-Хостамир)

Он родился в год 2798 и правил 71 год до своей кончины в г. 3033.

Ар-Сакалтôr {Ar-Sakalthôr}
(Тар-Фалассион)

Он родился в год 2876 и правил 69 лет до своей кончины в г. 3102.

Ар-Гимилзôr {Ar-Gimilzôr}
(Тар-Телемнар)

Он родился в год 2960 и правил 75 лет до своей кончины в г. 3177. Он

был величайшим врагом Верных из всех, что были; полностью запретил эльдарские языки и не разрешил ни одному из эльдаров ступить на его землю, казня тех, кто принимал их. Он не чтил ничего и никогда не ходил к Святыне Эру. Он был обвенчан с Инзилбêт {Inzilbêth}, госпожой из рода Тар-Калмакила^[111]; она же тайно была из Верных, ибо матерью ее была Линдóриэ {Lindórië} из дома Правителей Андúниэ, и любви между ними было мало, а сыновья их враждовали между собой. Инзиладûн^[112], старший, был любим матерью своей и душою был схож с ней; младший же, Гимильхâд {Gimilkhâd}, был сыном

своего отца, и его Ар-Гимилзôr указал бы своим Наследником, если бы позволял закон. Гимильхâд родился в г. 3044 и скончался в г. 3243[\[113\]](#).

Тар-Палантир (Ар-Инзиладûн)

Он родился в год 3035 и правил 78 лет до своей кончины в г. 3255. Тар-Палантир скорбел о делах своих предшественников и попытался восстановить дружбу с Эльдаром и Владыками Запада. Имя такое Инзиладûн взял потому, что был дальновиден и зрением, и умом, и даже ненавидевшие его боялись его пророческого слова. Он также много дней проводил в Андúниэ, поскольку Линдóриэ, мать его матери, была из

рода Правителей, будучи родной сестрой Эарендура {Eärendur}, пятнадцатого Правителя Андúниэ, деда Нúмендила, бывшего Правителем во дни родича своего Тар-Палантира; и часто Тар-Палантир поднимался на древнюю башню Короля Минастира и смотрел на запад, мечтая увидеть корабль из Эрессэа. Но ни одного корабля не пришло больше с Запада из-за нечестия Королей и потому, что сердца большей части нúменóрцев закоснели во зле. Ибо Гимильхâд следовал нравам Ар-Гимилзôра, и, возглавив Королевскую Клику, противился воле Тар-Палантира так открыто, как только осмеливался, и

еще больше тайно. Но на время Верным выдалась передышка; и Король всегда в должное время поднимался к Святыне на Менельтарме, и Белое Дерево снова было в почете и в уходе. Ибо Тар-Палантир предсказал, что когда умрет дерево, угаснет и ветвь Королей.

Тар-Палантир женился поздно, и сыновей у него не было, а дочь свою он назвал по-эльфийски Мíриэлью. Но когда Король умер, Фаразôн {Pharazôn} сын Гимильхâда, которого также уже не было в живых, взял ее в жены против ее воли и вопреки закону Нýменóра, ибо она была дочерью брата ее отца. Так он

заполучил себе скипетр и принял имя Ар-Фаразôн (Тар-Калион {Tar-Calion}); а Мúриэль назвали Ар-Зимрафелью {Ar-Zimraphel} [\[114\]](#).

Ар-Фаразôн (Тар-Калион)

Самый могучий и последний из Королей Нúменóра. Он родился в год 3118 и погиб в Низвержении и правил 64 года, отнявши власть у королевы по имени

Тар-Мúриэль (Ар-Зимрафель)

Она родилась в год 3117 и погибла в Низвержении.

О делах Ар-Фаразôна, о его славе и его безумии больше говорится в сказании о Низвержении Нúменóра, написанном Элендилом [\[115\]](#) и сохранившемся в

Гондоре.

История Галадриэли и Келеборна, а также Амрота Короля Лóриэнского

В истории Средиземья нет области, более проблематичной, чем история Галадриэли и Келеборна {Celeborn}, и приходится признать, что здесь противоречия «коренятся в традициях» или же, если принять другую точку зрения, что роль и значение Галадриэли в истории Средиземья проявлялись постепенно, и история ее постоянно подвергалась пересмотру.

Начнем с того, что определенно известно, что по ранней концепции, перед концом Первой Эпохи Галадриэль перешла из Белерианда через горы на восток одна и встретила Келеборна в его стране Лóриэне; это отчетливо говорится в одной из неопубликованных работ, и об этом сказала Галадриэль Фродо в «Хранителях» II 7, где она говорит о Келеборне, что <<он жил на Западе с рассветных дней, и я жила с ним бесчисленные годы; ибо еще до падения Нарготронда {Nargothrond} и Гондолина я перешла горы, и вместе с ним во все эпохи мира мы терпели свое долгое поражение.>> По всей вероятности, Келеборн в этой

концепции был эльфом-нандором, то есть, одним из тех тэлеров, которые не стали переходить Мглистые Горы в Великом Походе с Куйви́энена {Cuiviénen}.

С другой стороны, в Приложении Б к *«Властелину Колец»* появляется более поздняя версия этой истории; ибо там утверждается, что в начале Второй Эпохи <<в Линдоне к Югу от Луны {Lune} жил некогда Келеборн, родич Тингола {Thingol}; его супругой была Галадриэль, величайшая из эльфянок.>> А в примечаниях к *«Дорога вдаль и вдаль ведет»* (1968, р. 60) сказано, что Галадриэль <<со своим мужем Келеборном из

синдаров перешла горы Эредлуин и пришла в Эрегион>>.

В «Сильмариллионе» есть упоминание о встрече Галадриэли и Келеборна в Дориате и о его родстве с Тинголом (стр. 112); а также о том, что они были среди эльдаров, оставшихся в Средиземье после конца Первой Эпохи (стр. 283-4).

Причины и мотивы, по которым Галадриэль осталась в Средиземье, даются разные. Процитированный выше отрывок из «Дороги» ясно гласит: <<после победы над Морготом {Morgoth} в конце Первой Эпохи ей не было разрешено

вернуться, а она гордо ответила, что сама не желает этого.>> Во «*Властелине Колец*» такого отчетливого утверждения нет; но в письме, написанном в 1967 году, отец пишет:

<<Изгнанникам
позволено было вернуться
— всем, кроме нескольких
самых главных
бунтовщиков, из которых ко
времени «*Властелина
Кольца*» оставалась одна
Галадриэль. Складывая
свою скорбную песнь в
Лóриэне, она уже считала,
что так будет вечно, пока

стоит Земля. Поэтому она заканчивает песню пожеланием или молитвой о том, чтобы Фродо особой милостью была дарована (для очищения, а не в наказание) жизнь на Эрессэа {Eressëa}, одиноком острове в виду Амана, хоть для нее и это несбыточно. Моление ее исполнилось; но также был снят запрет и с нее в награду за помощь в борьбе с Сауроном, но более всего — за преодоление искушения взять Кольцо, когда оно было ей

предложено. Поэтому в самом конце мы видим, как она всходит на корабль.>>

Из этого утверждения, самого по себе весьма позитивного, однако, не следует, что идея запрета на возвращение Галадриэли на Запад уже существовала в то время, когда сочинялась глава «Прощание с Лóриэном», за много лет до этого письма; и я склоняюсь к мысли, что это не так (см стр. 234).

В очень позднем и в основном филологического плана очерке, написанном явно уже после публикации «Дорога вдаль и вдаль ведет», история существенно

отличается:

<<Галадриэль и брат ее Финрод были детьми Финарфина, второго сына Индис. Финарфин телом и умом пошел в мать, унаследовав золотые волосы ваньяров, их приятный и благородный нрав и их любовь к Валарам. Он держался как можно дальше от ссор своих братьев и их отступничества от Валаров и часто уходил от них к тэлерам, язык которых он знал. Финарфин женился

на Эарвен {Eärwen},
дочери Короля Ольвэ
{Olwë} Альквалондского
{Alqualondë}, и потому
дети его были родичами
Королю Элу Тинголу
Дориатскому {Doriath} в
Белерианде, ибо тот был
братом Ольвэ; и это
родство повлияло на их
решение присоединиться к
Исходу и оказалось очень
важным позже в
Белерианде.

Финрод унаследовал
от отца красоту лица и
золото волос, а также
благонравное и

великодушное сердце, хотя была в нем и высокая доблесть Нолдора, а в юности — их непокой и жажда приключений; а от матери-тэлеринки ему передалась любовь к морю и мечты о далеких, никогда не виданных странах. Галадриэль была величайшей из Нолдора, после, может быть, лишь Феанора {Fëanor}, но была мудрее его, и мудрость ее возросла с долгими годами.

Материнское имя ее было Нервен {Nerwen}, «муж-дева»^[116], и ростом

она превзошла даже всех нолдоринок; она была сильна телом, умом и духом и могла состязаться и с учеными, и с атлетами Нолдора в дни его молодости. Даже среди эльдаров ее называли прекрасной, а волосы ее считали чудом, которому нет равных. Они были золотыми, как волосы ее отца и матери его Индис, но пышнее и сияли ярче, ибо золото их было тронуто отблеском звездного серебра волос ее матери; и эльдары говорили, что свет

Двух Дерев, Лаурелина и Телпериона, слился в их прядях. Многие думают, что именно эти слова натолкнули Феанора на мысль о том, чтобы уловить и удержать свет Двух Дерев, которую потом он своими руками воплотил в Сильмариллах. Ибо Феанор глядел на волосы Галадриэли с изумлением и восхищением. Трижды выпрашивал он у нее прядь волос, но Галадриэль не дала ему ни волоска. Эти два родича, величайшие из эльдаров Валинóра, вечно

были недругами.

Галадриэль родилась в блаженном Валинóре, но незадолго, по счету Благословенной Земли, до его омрачения; и с той поры в душе ее не было покоя. В час испытания, в раздоре Нолдора, ее бросало из стороны в сторону. Она была горда, сильна и своевольна, как и все потомки Финве {Finwë}, кроме Финарфина; и, как и брату ее Финроду, из всей родни ближайшему к ее сердцу, ей мечталось о далеких

странах и владениях,
которые могли бы
достаться ей и которыми
она могла бы править, не
будучи ни под чьим
надзором. Но еще глубже
коренились в ней
благородный и
великодушный нрав
Ваньяра и почтение к
Валарам, которое она не
могла забыть. С ранних лет
она владела чудесным
даром прозрения в душах
других, но судила
милосердно и с
пониманием, и никому не
отказывала в

благосклонности, кроме одного лишь Феанора. В нем она провидела тьму, которую ненавидела и боялась, не замечая еще, что тень того же зла пала на души всех нолдоров и на ее душу.

Так случилось, что когда свет Валинóра угас, как думали нолдоры, навеки, она присоединилась к мятежу против Валаров, которые повелели им остаться; а встав однажды на путь исхода, она не стала с него сворачивать и, не вняв

последнему посланию
Валаров, подпала под Рок
Мандоса. Даже после
безжалостного истребления
тэлоров и захвата их
кораблей, хотя она яростно
сражалась против Феанора,
защищая родичей своей
матери, она не повернула
назад. Ее гордость не
позволила ей вернуться,
потерпев поражение, и
просить прощения; к тому
же она загорелась теперь
желанием преследовать
Феанора своим гневом, в
какие бы земли он ни
отправился, и противиться

ему во всем, как только сможет. Гордость еще правила ею, когда в конце Рассветных Дней после окончательной победы над Морготом она отказалась от прощения, которое даровали Валары всем, кто сражался с ним, и осталась в Средиземье. Две долгих Эпохи должны были миновать, чтобы, когда, наконец, все, чего она желала в молодости, пришло к ней в руки — Кольцо Всевластия и власть над Средиземьем, о которой она мечтала —

мудрость ее оказалась
столь велика, что она
отказалась от него, и,
пройдя последнее
испытание, Галадриэль
навсегда покинула
Средиземье.>>

Эта последняя фраза
напоминает о том, как в Лотлóriэне
{Lothlórien} Фродо предложил
Единое^[118] Кольцо Галадриэли
(«Хранители» II 7): <<Наконец-то
свершилось! И ты отдашь мне
Кольцо сам! На место Черного
Властелина ты ставишь Королеву.>>

В «Сильмариллионе» (стр. 77)
сказано, что во время мятежа

Нолдора в Валинóре Галадриэль

<<сама хотела уйти.
Она не давала клятвы, но
речи Феанора о Средиземье
зажгли ей сердце, ибо она
захотела увидеть
просторные ничейные
земли и править там своей
страной по своей воле.>>

Однако, в приведенном отрывке
есть несколько моментов, следов
которых не найти в
«*Сильмариллионе*»: то, что родство
детей Финарфина с Тинголом
повлияло на их решение
присоединиться к восстанию

Феанора; изначально необычайная неприязнь и недоверие Галадриэли к Феанору и впечатление, какое она производила на него; а также то, что она сражалась среди самих нолдоров — Ангрод сообщил Тинголу в Менегроме {Menegroth} лишь то, что родичи Финарфина невиновны в убийстве тэлеров («Сильмариллион», стр. 129). Самым же примечательным в приведенном выше отрывке все же является то четкое утверждение, что Галадриэль в конце Первой Эпохи *отказалась от прощения Валаров*.

Ниже в этом отрывке говорится, что, нося материнское имя Нервен и отцовское имя Артанис

(«благородная»), она выбрала себе синдаринское имя Галадриэль <<ибо это было красивейшее из ее имен, и его дал ей ее возлюбленный, тэлер Телепорно, за которого она впоследствии и вышла замуж в Белерианде>>. Телепорно — это Келеборн, биография которого в этом отрывке изложена совсем по-другому, что будет обсуждаться ниже (стр. 233); о самом имени см. Приложение Д, стр. 266).

Совсем другой рассказ о Галадриэли во время мятежа Нолдора, намеченный, но нигде не записанный, появляется в очень поздних и частично нечитаемых

заметках — в последней работе отца по поводу Галадриэли и Келеборна и, вероятно, последней по Средиземью и Валинóру, написанной в последний месяц его жизни. Там он подчеркивает властолюбие Галадриэли еще в Валинóре, равное властолюбию Феанора, хотя и отличавшееся от него, по сути; и там говорится, что Галадриэль не только не присоединилась к восстанию Феанора, но во всем Феанору противостояла. Она действительно хотела покинуть Валинор и отправиться в большой мир Средиземья, дабы найти применение своим дарованиям; ибо <<наделенная блистательным умом и

решительностью в действии, она рано изучила все, что было ей доступно из тех наук, которые Валары сочли нужным преподать эльдарам>> и чувствовала себя в Амане под присмотром Владык, словно взаперти. Об этом желании Галадриэли, похоже, было известно Манвэ {Manwë}, и он не запрещал ей отъезда; но не давал также и формального разрешения. Размышляя, что же предпринять, Галадриэль обратилась мыслью к кораблям тэлеров и на некоторое время поселилась у родни своей матери в Альквалондэ. Там она встретила Келеборна, который здесь снова оказывается тэлеринским

принцем, внуком Ольвэ
Альквалондского, и, таким образом,
ее близким родственником. Вместе
они собрались построить корабль и
отплыть на нем в Средиземье; и они
уже собирались выпросить
разрешение Валаров на свое
путешествие, когда Мелькор бежал
из Валмара и, вернувшись с
Унголиантой, погубил свет Дерев. В
восстании Феанора, последовавшем
за Омрачением Валинóра,
Галадриэль участия не принимала:
вместе с Келеборном она героически
сражалась, защищая Альквалондэ от
нолдоров; и корабль Келеборна
нолдорам не достался. Отчаявшись
теперь в Валинóре и ужасаясь

жестокости Феанора, Галадриэль отплыла во мрак, не дождавшись разрешения Манвэ, которое, несомненно, не было бы дано в тот час, какой бы законной ни была ее просьба. Вот как случилось, что она подпала под запрет на отплытие из Валинóра, и в возвращении ей было отказано. Но они с Келеборном добрались до Средиземья немногим раньше, чем Феанор, и приплыли в гавань, где правил Kúрдан {Círdan}. Там их тепло приветствовали как родичей Эльвэ {Elwë} (Тингола). В последующие годы они не вступали в войну с Ангбандом, считая ее безнадежной для отвергнутых Валарами и лишенных их помощи;

они советовали отступить из Белерианда и выстроить оплот на востоке (откуда, как они опасались, Моргот станет черпать новые силы), заключая дружественные союзы и помогая знаниями Темным эльфам и людям тех мест. Но надежды на то, что эльфы Белерианда воспримут такую политику, не было, и Галадриэль с Келеборном ушли за Эред Линдон до конца Первой Эпохи; а когда они получили разрешение Валаров вернуться на Запад, они не воспользовались им.

Эта история, освобождающая Галадриэль от каких бы то ни было связей с бунтом Феанора, вплоть до того, что даже отплыла она из Амана

(с Келеборном) отдельно, весьма разнится с тем, что говорится в других местах. Она основывается на скорее «философских», чем «исторических» соображениях о природе строптивости Галадриэли в Валинóре, с одной стороны, и ее роли и месте в Средиземье, с другой. То, что эта трактовка вызвала бы немалое количество изменений в повествовании

«*Сильмариллиона*», — очевидно; и отец, несомненно, намеревался их сделать. Здесь можно также заметить, что Галадриэль не фигурирует в первоначальной истории мятежа и исхода Нолдора, истории, появившейся задолго до

того, как появился образ самой Галадриэли; а также, конечно же, то, что после вхождения Галадриэли в хроники Первой Эпохи, ее действия еще можно было радикально изменить, поскольку *«Сильмариллион»* еще не был тогда опубликован. Опубликованная же, эта книга была собрана из законченных рассказов, и я не мог принимать во внимание те пересмотры, которые лишь предполагалось сделать.

С другой стороны, то, что Келеборн сделан тэлером из Амана, противоречит не только тому, что утверждается в *«Сильмариллионе»*, но также и тому, что процитировано

выше (стр. 228) из «Дорога вдаль и вдаль ведет» и Приложения Б к «Властелину Колец», где Келеборн — синдар из Белерианда. На вопрос, для чего же было сделано столь основательное изменение в его биографии, можно ответить, что причиной ему — новый элемент повествования об отплытии Галадриэли из Амана *отдельно* от бунтовщиков-нолдоров; но в тексте, процитированном на стр. 231, где Галадриэль все же принимала участие в восстании Феанора и его исходе из Валинóра, Келеборн уже сделан тэлером, и там нет никаких указаний на то, как Келеборн попал в Средиземье.

Более ранняя трактовка (не ставящая проблему запрета и прощения), на которой основывается то, что сказано в *«Сильмариллионе»*, *«Дороге»* и Приложении Б к *«Властелину Колец»*, вполне ясна: Галадриэль, прибыв в Средиземье в числе предводителей второй волны нолдоров, повстречала в Дориате Келеборна, а потом обручилась с ним; он же был внуком брата Тингола Эльмо — туманного персонажа, о которой не сказано ничего, кроме того, что он был младшим братом Эльвэ (Тингола) и Ольвэ, и <<Эльвэ любил его — и с ним остался>>. (Сына Эльмо звали Галадон

{Galadhon}, а его сыновьями были Келеборн и Галатиль {Galathil}; Галатиль стал отцом Нимлот {Nimloth}, с которой обручился Диор Наследник Тингола, и которая стала матерью Эльвинг {Elwing}. По этой генеалогии Келеборн был родственником Галадриэли, внучки Ольвэ Альквалондского, но не таким близким, как по той, где он становится сам внуком Ольвэ.) Естественно предположить, что Келеборн и Галадриэль были свидетелями разрушения Дориата (в одном месте говорится, что Келеборн <<спасся при взятии Дориата>>) и что они, может быть, помогали Эльвинг бежать с Сильмариллом в

Гавани Сириона — но об этом не говорится нигде. В Приложении Б к «*Властелину Колец*» упоминается, что Келеборн некоторое время жил в Линдоне к югу от Л'ûна^[118] {Lhûn}; но в начале Второй Эпохи он и Галадриэль перешли через Горы в Эриадор. Их дальнейшая история, относящаяся к тому же, если можно так выразиться, периоду работ отца, рассказана в коротком повествовании, следующем ниже.

По поводу Галадриэли и Келеборна

Озаглавленный так текст является коротким и черновым наброском, очень грубо сложенным, но в то же время это практически

единственный источник сведений о событиях на Западе Средиземья до поражения и изгнания Саурона из Эриадора в году 1701 Второй Эпохи. Помимо него, кратких и нечастых записей в Повести Лет, а также весьма обобщенного и избирательного обзора в «*О Кольцах Власти и Третьей Эпохе*», включенного в «*Сильмариллион*», нам известно немного. Несомненно, что этот текст был сочинен после опубликования «*Властелина Колец*»; это явствует как из того, что здесь имеется ссылка на эту книгу, так и из того, что Галадриэль называется здесь дочерью Финарфина и сестрой Финрода Фелагунда (а это —

поздние имена этих принцев, введенные в исправленное издание: см. стр. 255, прим. 20). Текст имеет значительные исправления, и не всегда можно понять, что относится ко времени сочинения рукописи, а что — к более позднему периоду, и к какому именно. Так обстоит с упоминаниями об Амроте {Amroth}, в которых он — сын Галадриэли и Келеборна; но когда бы ни были вставлены эти фрагменты, я считаю совершенно очевидным то, что это — новый вариант, более поздний, чем *«Властелин Колец»*. Если бы Амрот считался их сыном в то время, когда писался *«Властелин Колец»*, это непременно было бы отмечено.

Очень примечательно то, что в этом тексте не только не упоминается о запрете на возвращение Галадриэли на Запад, но из отрывка в начале его явствует, что не было и мысли об этом; в то время как ниже в тексте говорится, что после поражения Саурана в Эриадоре Галадриэль осталась в Средиземье потому, что сочла своим долгом не покидать Средиземья, пока Саурон не будет разбит окончательно. В основном именно из этого исходит высказанное выше (стр. 229) мнение (не очень, правда, уверенное), что история с запретом появилась позже, чем «*Властелин Колец*»; ср. также отрывок из

истории об Элессаре, приведенный на стр. 249.

То, что приводится здесь ниже, является пересказом этого текста, в который вставлены некоторые комментарии, отмеченные квадратными скобками.

Галадриэль была дочерью Финарфина и сестрой Финрода Фелагунда. Ее радушно приветствовали в Дориате, потому что мать ее Эарвен, дочь Ольвэ, была тэлеринкой и племянницей Тинголу, а также потому, что род Финарфина не принимал участия в Альквалондском Братоубийстве; и Галадриэль сдружилась с Мелиан. В

Дориате она повстречалась с Келеборном, внуком Эльмо, брата Тингола. Из любви к Келеборну, который не хотел покидать Средиземье — а возможно, отчасти и из собственной гордости, ибо она тоже была среди тех, кто искал в Средиземье приключений — Галадриэль не отправилась на Запад после Низвержения Мелькора, но перешла с Келеборном через Эред Линдон и пришла в Эриадор. Когда они пришли в эту страну, с ними было много нолдоров, а также Серых и Зеленых эльфов; и некоторое время они жили возле озера Ненуйял (Полусветного {Evendim}, к северу от Ши́ра). Келеборна и Галадриэль

стали почитать Предводителем и Предводительницей Эльдара в Эриадоре все, в том числе и кочевые становища эльфов нандорских кровей, так и не перешедших на запад за Эред Линдон, а спустившихся в Оссирианд [см. «Сильмариллион», стр 90]. Во время жизни Келеборна и Галадриэли у Ненуйяла, где-то между годами 350 и 400, родился их сын Амрот. [Где и когда — здесь ли или позже в Эрегионе, а то и еще позже в Лóриэне, родилась Келебру́ань {Celebrián}, определить невозможно.]

Но со временем Галадриэль стала понимать, что Саурон снова,

как в древние дни пленения Мелькора [см. *«Сильмариллион»*, стр. 41], остался безнаказанным. Или, скорее, поскольку у Саурана не было тогда собственного имени, и никто еще не думал, что все злые дела, творящиеся в мире, восходят к одному источнику, к духу зла, первому прислужнику Мелькора, Галадриэль поняла, что существует зло, нацеленное на весь мир, и что оно проистекает откуда-то с Востока, из-за Эриадора и Мглистых Гор.

Поэтому где-то около 700 года Второй Эпохи Келеборн и Галадриэль двинулись на восток и основали там первое, хотя и не

единственное, нолдорское государство в Эрегионе. Быть может, Галадриэль выбрала это место потому, что она зналась с гномами Хазад-Дûма {Khazad-dûm}, Мории. На восточной стороне Эреда Линдон [\[119\]](#), там, где стояли их древние обитатели Ногрод и Белегост — неподалеку от Ненуйяла, жили тогда — и всегда оставались — некоторые из гномов; хотя большую часть своей силы они перенесли в Хазад-Дûм. Келеборн не любил гномов всех племен (чему Гимли стал свидетелем в Лотлóриэне) и так и не смог простить им участие в разрушении Дориата; но в том нападении участвовало только ногродское

войско, а оно было полностью уничтожено в битве при Сарне Атрад {Athrad} [*«Сильмариллион»*, стр. 261]. Гномы Белегоста были сильно напуганы случившимся и его последствиями и ускорили свое переселение на восток в Хазад-Дûм[\[120\]](#). Поэтому гномов Мории можно считать невиновными в разрушении Дориата и не враждебными к эльфам. Как бы то ни было, Галадриэль была дальновиднее, чем Келеборн; она с самого начала понимала, что Средиземье не избавить от <<осадка зла>>, оставленного Морготом, иначе, чем объединив все народы, которые, каждый по-своему и

каждый в своей мере, противостоят ему. Она смотрела на гномов также и глазами полководца, видя в них лучших бойцов с орками. Кроме того Галадриэль была нолдоринкой, и ей по сердцу были характер гномов и их страстная любовь к труду своих рук, куда более по сердцу, чем многим другим эльдара́м: гномы — «дети Ауле {Aulë}», а Галадриэль, как и другие нолдоры, была в Валино́ре ученицей Ауле и Яванны.

С Галадриэлью и Келеборном был нолдорский мастер по имени Келебримбор {Celebrimbor}. [Здесь говорится, что он спасся из Гондолина, где числился некогда среди величайших мастеров Тургона;

но в более позднем, исправленном варианте он сделан потомком Феанора, как говорится в Приложении Б к *«Властелину Колец»* (только в исправленном издании) и чуть более полно описано в *«Сильмариллионе»* (стр. 316), где сказано, что он был сын Куруфина {Curufin}, пятого сына Феанора, отошедший от своего отца и оставшийся в Нарготронде, когда Келегорма {Celegorm} и Куруфина изгнали оттуда.] Келебримбор <<любил ремесла, как гном>>; вскоре он стал главным мастером Эрегиона и завел тесную дружбу с гномами Хазад-Дûма, среди которых ближайшим другом его был Нарви. [В

надписи на Западных вратах Мории Гэндальф {Gandalf} прочел слова: «*Им Нарви хайн эхант {echant}: Келебримбор о Эрегион тейтант {teithant} и тив {thiw} хин*»: «Я, Нарви, сделал их. Келебримбор из Дубровы {Hollin} [\[122\]](#)ii выписал эти знаки»; «*Хранители*» II 4.] И эльфам, и гномам было очень выгодно это сотрудничество: Эрегион стал гораздо сильнее, а Хазад-Дûм — много прекраснее, чем они могли бы стать по отдельности.

[Этот отрывок об основании Эрегиона согласуется с тем, что говорится в «*О Кольцах Власти*» («*Сильмариллион*», стр. 315-6), но ни там, ни во «*Властелине Колец*» нет

никаких упоминаний о присутствии Галадриэли и Келеборна; напротив, в последнем (также только в исправленном издании) Келебримбор именуется Правителем Эрегиона.]

Строительство столицы Эрегиона Ост-ин-Эдиль {Ost-in-Edhil} началось около 750 года Второй Эпохи [в Повести Лет эта дата дана как год прихода Нолдора в Эрегион]. Известия об этом дошли до Саурона и добавились к его опасениям по поводу появления нúменóрцев в Линдоне и на побережьях дальше к югу и их дружбы с Гил-Галадом {Gil-galad}; услышал он также о том, что

Алдарион, сын Тар-Менельдура, стал теперь великим корабельщиком и водит свои корабли в гавань в Хараде на дальнем юге. Поэтому Саурон оставил на время Эриадор в покое и [в Повести Лет это событие датируется около 1000 года] избрал своей опорой противостояния угрозе высадки нúменóрцев страну Мордор, как она была названа впоследствии. Когда он решил, что обезопасил себя, он отправил в Эриадор посланцев и, наконец, около 1200 года Второй Эпохи, явился сам, в самом благовидном облике, какой только смог принять.

Но в это время сила Галадриэли и Келеборна выросла, и Галадриэль

при помощи гномов Мории установила связь с нандорской страной Лóринанд по ту сторону Мглистых Гор^[122]. Ее населяли те эльфы, которые отказались от Великого Похода Эльдара с Куйви́энена и поселились в лесах Андуинской Долины [«Сильмариллион», стр. 89–90]; эта страна простиралась в лесах по обоим берегам Великой Реки, включая и местность, где позже стоял Дол-Гулдур {Dol Guldur}. У этих эльфов не было князей и правителей, и они жили без тревог, пока вся сила Моргота была сосредоточена на северо-западе Средиземья;^[123] <<многие же

синдары и нолдоры приходили и селились среди них, и началась их «синдаризация» под влиянием белериандской культуры>>. [Не разъясняется, когда началось это движение в Лóринанд; могло быть так, что эльфы прибывали из Эрегиона через Хазад-Дûм под покровительством Галадриэли.] Галадриэль, противодействуя замыслам и делам Саурона, преуспела в Лóринанде; в это время Гил-Галад прогнал посланцев Саурона и даже его самого [о чем подробнее написано в *«О Кольцах Власти» («Сильмариллион»*, стр. 316-7). Больше повезло Саурону с нолдорами Эрегиона, а особенно —

с Келебримбором, который в глубине души жаждал превзойти искусность и славу Феанора. [Об обольщении Сауроном кузнецов Эрегиона и о том, как он взял себе имя Аннатар, Господин Даров, рассказывается в «*О Кольцах Власти*»; но там не упоминается о Галадриэли.

В Эрегионе Саурон предстал посланцем Валаров, которые якобы отправили его в Средиземье (<<так он насмеялся над Истарами>>) или же велели ему оставаться там, чтобы помогать эльфам. Он сразу понял, что Галадриэль будет главным его противником и препятствием его замыслам, и старался всячески подольститься к ней, снося ее

презрение с покорной учтивостью. [Этот короткий фрагмент не объясняет, за что Галадриэль презирала Саурана, если только она не раскрыла лживость его облика; а если она все же распознала его истинную сущность, то почему она позволила ему оставаться в Эрегионе.] [\[124\]](#) Саурон испытал все свои умения на Келебримборе и его товарищах-кузнецах, которые образовали сообщество или товарищество Гвайт-и-Мурдайн {Gwaith-i-Mírdain}, очень влиятельное в Эрегионе; но делал он свое дело в тайне от Галадриэли и Келеборна. Спустя короткое время Гвайт-и-Мурдайн подпал под

влияние Саурана всецело, ибо сперва они получали огромную пользу от его наставлений в тайнах своего ремесла. [\[125\]](#) Власть Саурана над Мíрдайном стала настолько велика, что он стал подговаривать их восстать против Галадриэли и Келеборна и захватить власть в Эрегионе; и это случилось где-то между 1350 и 1400 годами Второй Эпохи. Тогда Галадриэль покинула Эрегион и ушла через Хазад-Дûм в Лóринанд, взяв с собой Амрота и Келебру́ань; Келеборн же не захотел войти в жилища гномов и остался в Эрегионе, преследуемый Келебримбором. В Лóринанде Галадриэль приняла правление и

взяла на себя оборону против Саурана.

Сам Саурон отбыл из Эрегиона около 1500 года, после того, как Мíрданы начали создание Колец Власти. Келебримбор не пал ни душой, ни верой, но принял Саурана за того, за кого он себя выдавал; а когда, наконец, он открыл существование Единого Кольца, то отверг Саурана и отправился в Лóринанд, чтобы снова посоветоваться с Галадриэлью. Им следовало бы уничтожить все Кольца Власти прямо тогда, <<но им не хватило силы>>. Галадриэль посоветовала ему укрыть Три Кольца эльфов, никогда не пользоваться ими

и рассеять их вдали от Эрегиона, где они хранятся по мнению Саурона. Именно тогда Галадриэль получила от Келебримбора Ненью, Белое Кольцо, и его силой страна Лóринанд была укреплена и стала прекрасна; но и власть этого Кольца над Галадриэлью была также велика и неожиданна, ибо оно увеличило ее извечную тоску по морю и возвращению на Запад: так меньше стало для нее радости в Средиземье^[126]. Келебримбор согласился с ее советом, что Кольцо Воздуха и Кольцо Огня должны были быть отосланы из Эрегиона; и он вручил их Гил-Галаду в Линдоне. (Здесь говорится, что в то время Гил-

Галад отдал Нарью, Красное Кольцо, Кúрдану Господину Гаваней, но ниже на полях есть заметка, говорящая о том, что он хранил его у себя, пока не отправился на Войну Последнего Союза.

Когда Саурон узнал, что Келебримбор раскаялся и больше неподвластен ему, его личина спала, и он явил свой гнев; и в году 1695, собрав великую силу, он двинулся через Каленардон {Calenardhon} (Рохан) в поход на Эриадор, в году 1695. Когда вести об этом достигли Гил-Галада, он выслал войско под началом Элронда Полуэльфа; но Элронду предстоял неблизкий путь, а Саурон повернул на север и внезапно

двинулся к Эрегиону. Лазутчики и передовые части его войска были уже на подходе, когда Келеборн предпринял атаку и отбросил их; но хотя он мог соединить свое войско с войском Элронда, они не смогли бы вернуться в Эрегион, потому что воинство Саурона было много больше их войска, и его хватило бы на то, чтобы отбросить их и осадить Эрегион. В конце концов нападающие ворвались в Эрегион, разрушая и опустошая его, и захватили главную цель Саурона — Дом Мúрданов, где находились их кузни и сокровища. Келебримбор в отчаянии сам бросился на Саурона на ступенях перед большими

воротами Мúрдайна; но был схвачен и попал в плен, а Дом был разграблен. Там Саурон взял Девять Колец и другие, не столь ценные работы Мúрдайна; Семи же и Трех он найти не смог. Тогда Келебримбор был предан пыткам, и Саурон выведал у него, где хранятся Семь. Келебримбор выдал их потому, что ни Семь, ни Девять он не ценил так, как Три; Семь и Девять были созданы с помощью Саурана, тогда как Три Келебримбор создал сам, другими силами и для другой цели. [Здесь не говорится открыто, что Саурон тогда же завладел Семью Кольцами, хотя намекается на это вполне ясно. В Приложении А (III) к

«*Властелину Колец*» сказано, что среди гномов Племени Дарина {Durin^[128]iv} ходило поверье, что Дарин III, Царь Хазад-Дûма, получил свое Кольцо от самих эльфов-кователей, а не от Саурана; но в приведенном тексте ничего не говорится о том, как достались гномам Семь Колец.] О Трех Кольцах Саурон не смог узнать от Келебримбора ничего; и предал его смерти. Но Саурон догадывался о том, что Три были переданы эльфийским хранителям: а это означало Галадриэли и Гил-Галаду.

В черной ярости Саурон бросился в бой; и, подняв на пике пронзенное орочьими стрелами тело

Келебримбора как знамя, он повернул войска на Элронда. Элронд собрал всех уцелевших эльфов Эрегиона, но сил сдержать натиск Саурана у него не было. Он неминуемо был бы сражен, если бы войско Саурана не было атаковано с тыла; ибо Дарин выслал из Хазад-Дûма войско гномов, а с ними шли эльфы Лóринанда под предводительством Амрота. Элронд смог оторваться и отступить, но его загнали далеко на север, и именно тогда [в году 1697, согласно Повести Лет] он основал убежище и крепость в Имладрисе (Раздоле {Rivendell} [\[129\]](#)_v). Саурон не стал преследовать Элронда дальше и обратился против

гномов и эльфов Лóринанда, которых он загнал обратно; но Врата Мории закрылись, и войти он не смог. С тех пор Саурон вечно ненавидел Морию, и всем оркам было велено карать гномов при любой возможности.

Теперь же Саурон направился на Эриадор: Лóринанд мог подождать. Пока Саурон разорял земли, истребляя и сгоняя с мест всех немногих людей и охотясь за оставшимися эльфами, многие бежали на север и вступали в войско Элронда. Важнейшей же целью Саурана был Линдон, где он надеялся найти одно или даже больше одного из Трех Колец; и поэтому он собрал свои разрозненные силы и двинулся

на запад в страну Гил-Галада, губя все на своем пути. Но силы его были ослаблены из-за необходимости держать большой отряд сзади, чтобы не дать Элронду ударить с тыла.

После долгого перерыва нúменóрцы привели свои корабли в Серые Гавани, и там их встретили с радостью. Как только Гил-Галад начал опасаться, что Саурон может открыто пойти войной на Эриадор, он отправил в Нúменор послания; и нúменóрцы стали выстраивать на побережье Линдона войска и обозы. В 1695, когда Саурон вторгся в Эриадор, Гил-Галад попросил Нúменор о помощи. Тогда Король Тар-Минастир снарядил огромную

флотилию; но она задержалась и достигла берегов Средиземья лишь в 1700 году. В это время Саурон завоевал уже весь Эриадор, не считая осажденного Имладриса, и вышел на рубеж реки Л'ûн. Он вызвал себе подкрепление с юго-востока, и оно было уже в Энедвайтте {Enedwaith}, у Тарбадских {Tharbad} Переправ, которые охранялись слабо. Гил-Галад и нúменóрцы отчаянно защищали берега Л'ûна и Серые Гавани, и тогда-то, в самый решающий момент, появилось огромное войско Тар-Минастира; и армия Саурона, понеся тяжелые потери, была отброшена. Часть своих кораблей нúменóрский флотоводец Кирьятур {Ciryatur}

послал произвести высадку дальше к югу.

Саурон был отброшен на юго-восток после большой битвы у Сарнского Брода, переправы через Барандуин; и хотя в Тарбаде он соединился со своим подкреплением, в своем тылу он снова обнаружил нúменóрское войско — ибо Кирьятур высадил сильный десант в устье Гватлó {Gwathló} (Сизреки {Greyflood} [\[130\]](#)vi), <<где находилась небольшая нúменóрская гавань>>. [Это была Виньялондэ {Vinyalondë} Тар-Алдариона, впоследствии названная Лонд Даэр; см. Приложение Г, стр. 261.] В Битве на Гватлó армия Саурана была наголову

разгромлена, и сам он еле уцелел. Небольшое оставшееся у него войско было атаковано в восточном Каленардоне, и он лишь со своими телохранителями бежал в местность, позднее названную Дагорлад (Поле Боя), откуда, разбитый и униженный, он вернулся в Мордор и поклялся отомстить Нүменóру. Его армия, осаждавшая Имладрис, попала в клещи между Элрондом и Гил-Галадом и была полностью уничтожена. Эриадор был очищен от врага, но почти весь лежал в развалинах.

В это время был созван первый Совет [\[130\]](#), и на нем было решено, что эльфийский оплот на востоке

должен быть устроен в Имладрисе, а не в Эрегионе. Тогда же Гил-Галад передал Вилью, Синее Кольцо, Элронду, и назначил его своим наместником в Эриадоре; Красное же Кольцо он оставил у себя, пока не передал его Кúрдану, когда выступал из Линдона в дни Последнего Союза[\[131\]](#). На многие годы Западным Землям был дан мир и время залечить свои раны; но нúменóрцы в Средиземье отседали власти, и с того времени [в Повести Лет датируется <<ок. 1800>>] они стали основывать на западном побережье постоянные поселения и долгое время не позволяли Саурону выступить из Мордора на запад.

В заключение рассказ возвращается к Галадриэли, повествуя о том, что тоска по морю стала в ней так сильна, что, хотя она считала своим долгом оставаться в Средиземье, она решилась покинуть Лóринанд и поселиться возле моря. Галадриэль доверила Лóринанд Амроту и, снова пройдя через Морию, прибыла с Келебру́анью в Имладрис, разыскивая Келеборна. Там, вероятно, она и нашла его, и там они жили вместе долгое время; и тогда Элронд впервые увидел Келебру́ань и полюбил ее, хотя не признался ей в этом. Упомянутый выше Совет состоялся в то время, когда Галадриэль была в Имладрисе.

Но затем [дата не указывается] Галадриэль и Келеборн покинули Имладрис и перебрались в малонаселенные земли между устьем Гватлó и Этиром {Ethir} Андуин. Там они жили в Белфаласе, в месте, позже названном Дол-Амрот; там их сын Амрот временами навещал их, и к ним присоединилось множество лóринандских эльфов-нандоров. Но спустя недолгое время Амрот пропал без вести, а Лóринанд оказался в опасности, и в 1981 году Галадриэль вернулась туда. На этом текст «По поводу Галадриэли и Келеборна» заканчивается.

Здесь можно заметить, что

отсутствие указаний дат, помимо тех, что указаны во «*Властелине Колец*», привело многих комментаторов к естественному выводу, что Галадриэль и Келеборн провели вторую половину Второй Эпохи и всю Третью в Лотлóriэне; но это не так, хотя история, намеченная в «По поводу Галадриэли и Келеборна», была значительно изменена, как будет показано ниже.

Амрот и Нимродэль

Выше (стр. 234) я говорил, что если Амрот действительно считался сыном Галадриэли и Келеборна, когда писался «*Властелин Колец*», то такое важное родство не могло бы остаться без внимания. Но, как бы то ни было, представление о его происхождении позднее изменилось. Далее я привожу короткий рассказ (датирующийся 1969 г. или чуть позже), который озаглавлен «Коротко пересказанная часть легенды об Амроте и Нимродэли».

<<Амрот стал Королем Лóриэна после того, как отец его Амдúр пал в битве на Дагорладе>> [в году 3434

Второй Эпохи]<<. В его стране после победы над Сауроном многие годы царил мир. Синдар по происхождению, он жил по обычаям Лесных эльфов и поселился в высоких деревьях большого зеленого холма, который с тех пор всегда звали Керин {Cerin} Амрот. Так он поступал из любви к Нимродэли. Ибо долгие годы он любил ее и не женился ни на ком, потому что она не хотела выйти за него. Она же тоже любила его, ибо он был прекрасен даже среди эльфов, благороден и мудр; но она была из Лесных эльфов и сожалела о приходе эльфов с Запада, которые, по ее словам, принесли с собой войны и порушили

былой мир. Она говорила лишь на языке Лесных эльфов, даже когда в народе Лóриэна он стал забываться^[132]; и жила одиноко на порогах реки Нимродэли, которую она назвала своим именем. Когда же>> [в году 1981 Третьей Эпохи] <<в Мории вырвался ужас и гномы бежали оттуда, а орки заняли их жилища, она бежала в дикие земли к югу. Амрот последовал за ней и, наконец, нашел ее на краю Фангорна, который в те дни стоял много ближе к Лóриэну^[133]. Она не смела войти в лес, ибо деревья, как она говорила, угрожали ей, а иные загораживали ей дорогу.

Там Амрот долго уговаривал

Нимродэль; и, наконец, они помолвились.

— Этому я буду верна, — сказала она, — и мы обручимся, когда ты приведешь меня в мирную землю.

Амрот поклялся, что ради нее оставит он свой народ, даже в тяжелое время, и станет вместе с ней искать такую землю.

— Но в Средиземье такой нет ныне, — сказал он, — и не будет больше для эльфов. Надо попытаться пересечь Великое Море и достичь древнего Запада.

И он рассказал ей о гавани на юге, куда ушли давным-давно многие из его народа.

— Теперь их стало меньше, ибо многие уплыли на Запад; но те, что остались, еще строят корабли и перевозят всех сородичей, которые приходят к ним, устав от Средиземья. Говорится, что милость Валаров, которой позволено нам пересечь Море, дарована всем тем, кто совершил Великий Поход, даже если в прошлые века они никогда не выходили на побережье и не видели Благословенной Земли.

Здесь нет места для пересказа их путешествия в страну Гондор. Было это во дни Короля Эарнила {Eärnîl} Второго, последнего из Королей Южной Страны, и земли его были беспокойны.>> [Эарнил II

правил в Гондоре с 1945 по 2043.]
<<Много где>> [но не в
сохранившихся записях]
<<рассказывается, как они
расстались и как Амрот после
долгих тщетных поисков Нимродэли
добрался до эльфийской гавани и
увидел, что там остались лишь
немногие. Для плавания им не
хватало людей; а корабль у них был
всего один. Они приветствовали
Амрота, радуясь, что их стало
больше; но ждать Нимродэль,
надежды на приход которой, как они
считали, не было, они не хотели.

— Если она пошла по
населенным землям Гондора, —
говорили они, — то с ней ничего не

случится, и она сможет найти помощь; ибо люди Гондора добры, и правят ими потомки Друзей Эльфов былых времен, которые еще помнят наш язык; но в горах много враждебных людей и злых существ.

Год клонился к осени, и вскоре ожидались сильные ветра, опасные даже для эльфийских кораблей, пока они еще были близки к Средиземью. Но горе Амрота было так велико, что корабельщики все же отложили выход в плавание на много недель; они жили на корабле, ибо их дома на берегу опустели и обветшали. Затем осенней ночью внезапно случилась буря, одна из самых яростных на памяти Гондора. Она налетела с

холодных Северных Пустошей и, пронесясь через Эриадор, ворвалась в земли Гондора, круша все на своем пути; Белые Горы не защитили от нее, и много людских судов было унесено в Белфалас и сгнуло там. Легкий эльфийский корабль сорвало со швартовов и понесло в бушующее море в сторону берегов Умбара. Более о нем не было вестей в Средиземье; но эльфийские корабли, сооруженные для такого плавания, не тонули, и этот корабль наверняка покинул Круги Мира и прибыл в Эрессэа. Но Амрота он не принес туда. Буря налетела в то время, когда рассвет уже проглядывал сквозь быстро летящие тучи; когда Амрот

проснулся, корабль уже был далеко от берега. В отчаянии, вскрикнув «Нимродэль!», он бросился в море и поплыл к исчезающему вдали берегу. Моряки зоркими эльфийскими глазами видели еще, как он боролся с волнами, и восходящее солнце, проглянув сквозь тучи, высветило вдали золотой искрой его светлые волосы. Больше же ни людские, ни эльфийские глаза не видели его в Средиземье. О том, что выпало Нимродэли, здесь не говорится ничего, хотя о ее судьбе рассказывалось много легенд.>>

Следующий далее рассказ представляет собой выдержку из этимологического рассуждения о

названиях некоторых средиземских рек, а именно — о реке Гилрайн в Лебеннине в Гондоре, которая впадала в залив Белфалас к западу от Этира Андуин; и некоторые моменты легенды о Нимродэли всплывают в рассуждении о части *райн*. Она, вероятно, происходит от корня *ран-*, «бродить, скитаться, двигаться в неопределенном направлении» (как в слове *митрандир* {*Mithrandir*} и в названии Луны *Rána*).

<<Такие названия не свойственны рекам в Гондоре; но имя могло быть дано лишь части течения реки или ее низовьям, а может оно быть дано из-за того, что

поразило тех, кто дал ей имя. В нашем случае для объяснения потребуется вспомнить часть легенды об Амроте и Нимродэли. Гилрайн, подобно и другим рекам в той местности, скоро сбегает с гор; но, достигая границы предгорий Эреда Нимрайс, отделяющего его от Келоса, {Celos} >> [см. карту, сопровождающую Том III «Властелина Колец»] << он растекается по широкой и неглубокой низине. В ней он стоит некоторое время и на юге ее разливается в небольшое озерцо перед тем, как перевалить через порог и снова быстрым течением присоединить свои воды к Серни.

Говорится, что когда Нимродэль уходила из Лóриэна, в поисках пути к морю она заблудилась в Белых Горах, пока, наконец, — какой дорогой или тропой — неизвестно — не вышла к реке, которая напомнила ей ее собственную речку в Лóриэне. На сердце у нее полегчало, и она присела у озера, глядя, как звезды отражаются в его темных водах, и слушая водопады, через которые река продолжала свое странствие к морю. Там она впала в глубокий сон от усталости и спала так долго, что не успела спуститься в Белфалас до того, как корабль Амрота унесло в море, а сам он, вероятно, погиб, пытаясь вернуться в Белфалас

вплавь. Легенду эту хорошо знали в Доре-эн-Эрнил (Земле Князя)^[134], и имя, несомненно, было дано реке в память о ней.>>

Этот очерк продолжается коротким объяснением того, каким образом Амрот — Король Лóриэна соотносится с правлением там Келеборна и Галадриэли.

<<Народ Лóриэна уже тогда>> [то есть, ко времени исчезновения Амрота] <<был во многом таким, как в конце Третьей Эпохи: Лесные эльфы по происхождению, но под властью князей синдарской крови (как это было в стране Трандуила {Thranduil} в северной части Лихолесья {Mirkwood}); хотя были ли

Трандуил и Амрот родственниками, неизвестно).^[135] В то же время среди них много было нолдоров (говоривших на синдарине), которые пришли через Морию после уничтожения Сауроном Эрегиона в 1697 году Второй Эпохи. Тогда Элронд ушел на запад>> [sic; это может означать просто тот факт, что он не пересек Мглистые Горы] <<и основал оплот Имладрис; Келеборн же сперва отправился в Лóриэн и укрепил его на случай, если Саурон дальше будет пытаться переправиться через Андуин. Когда Саурон вместо этого отступил в Мордор и, как стало известно, ограничился завоеваниями на Востоке, Келеборн вернулся к

Галадриэли в Линдон.

Для Лóриэна настали долгие годы укромного мира под властью своего собственного короля Амдúра — до самого Низвержения Нúменóра и внезапного возвращения Саурона в Средиземье. Амдúр внял призыву Гил-Галада и выставил Последнему Союзу такую силу, какую только смог собрать; но сам он пал в Битве на Дагорладе, и большая часть его воинов вместе с ним. Королем стал Амрот, его сын.>>

Этот отрывок, безусловно, весьма отличается от того, что написано в «По поводу Галадриэли и Келеборна». Амрот — сын уже не Галадриэли и Келеборна, а Амдúра,

князя синдарской крови. Прежняя история отношений Галадриэли и Келеборна с Эрегионом и Лóриэном предстает измененной во многих ключевых моментах, и нельзя сказать, насколько она сохранилась бы в каком-либо законченном письменном повествовании. Связь Келеборна с Лóриэном сделана намного более ранней, чем в «По поводу Галадриэли и Келеборна», ибо здесь тот на протяжении всей Второй эпохи так и не побывал в Лóриэне; к тому же, мы узнаем, что множество эльфов-нолдоров прибыло в Лóриэн через Морию и *после* разрушения Эрегиона. В раннем отрывке об этом нет ни

слова, и переселение «белериандских» эльфов в Лóриэн происходит на много лет раньше, в мирное время (стр. 236). Вышеприведенная выдержка намекает на то, что после падения Эрегиона именно Келеборн возглавил это переселение в Лóриэн, тогда как Галадриэль отправилась к Гил-Галаду в Линдон; в другом месте, в работе, появившейся одновременно с этой, ясно говорится, что они оба в одно время <<прошли через Морию со значительным числом изгнанников-нолдоров и много лет жили в Лóриэне>>. В этих поздних работах не утверждается, но и не отрицается, что Галадриэль (или

Келеборн) имели отношения с Лóриэном и до 1697 года, и, кроме как в «По поводу Галадриэли и Келеборна», нигде больше нет упоминаний ни о восстании Келебримбора против их правления где-то между 1350 и 1400 годами, ни о последовавшем уходе Галадриэли в Лóриэн и ее правлении там, пока Келеборн оставался в Эрегионе. В поздних фрагментах не разъясняется, где Келеборн и Галадриэль провели долгие годы Второй Эпохи после поражения Саурана в Эриадоре; во всяком случае, нет дальнейших упоминаний об их долговременном проживании в Белфаласе (стр. 240).

Рассказ об Амроте

продолжается:

<<Но в Третью Эпоху Галадриэль исполнилась предчувствиями, и с Келеборном она отправилась в Лóриэн и там оставалась долгое время с Амротом, особенно внимательно собирая новости и слухи о растущей тени в Лихолесье и о темной крепости в Дол-Гулдуре. Однако народ Лóриэна был доволен Амротом; тот был доблестен и мудр, и его маленькое королевство пока процветало и было прекрасно. Потому после дальних разведывательных походов в Р'ованионе {Rhovanion}, от Гондора и границ Мордора до Трандуила на севере, Келеборн и Галадриэль

перебрались через горы в Имладрис и там жили много лет; ибо Элронд был их родичем, так как в самом начале Третьей Эпохи>> [в году 109, согласно Повести Лет] <<он обручился с их дочерью Келебріанью.

После несчастья в Мории>> [в году 1980] <<и в дни тягот Лóриэна, который остался без правителя, ибо Амрот утонул в море в заливе Белфалас и не оставил наследника, Келеборн и Галадриэль вернулись в Лóриэн, и его народ приветствовал их. Там они прожили всю Третью Эпоху, но не взяли себе титулов Короля и Королевы; ибо они говорили, что лишь хранят эту

малую, но прекрасную страну, самую восточную заставу эльфов.>>

В другом месте есть другое описание их путешествий в те годы.

<<До Последнего Союза и конца Второй Эпохи Келеборн и Галадриэль возвращались в Лóриэн еще дважды; и в Третью Эпоху, когда поднялась тень вернувшегося Саурана, они снова жили там долгое время. В своей мудрости Галадриэль провидела, что Лóриэн будет оплотом и крепостью, которая не даст Тени переправиться через Андуин в войне, которая неизбежно случится прежде, чем Тень будет побеждена, если это вообще возможно; но Лóриэну нужен

правитель большей крепости и мудрости, чем те, что есть в Лесном народе. Все же Галадриэль и Келеборн не поселились в Лóриэне и не приняли правления над ним, пока сила Саурона не проявилась за Андуином так, как не могла предвидеть и Галадриэль, и Лóриэн не подвергся огромной опасности, а народ его готов был бежать и бросить его оркам. Однако и тогда они не приняли титулов Короля и Королевы, и были лишь хранителями Лóриэна, которые пронесли его невредимым через всю Войну Кольца.>>

В одном этимологическом рассуждении того же периода работы имя *Амрот* объясняется как

прозвище, данное ему потому, что он жил на высоком *талане*, или *делони* {flet} [\[137\]](#) vii, деревянной площадке, какие строились высоко на деревьях Лотлóриэна и в каких жили галадримы {Galadhrim} (см. «Хранители» II 6): слово это означает «лазальщик, верхолаз» [\[137\]](#). Там говорилось, что обычай жить на деревьях не был распространен среди всех Лесных эльфов, а развился в Лóриэне благодаря природе и особенностям той земли: это была равнина, на которой не было хорошего камня, кроме того, что можно было наломать в горах на западе и с большим трудом доставить вниз по Серебрянке

{Silverlode}. Главным богатством ее были деревья, останец великих лесов Былых Дней. Но жили на деревьях не только в Лóриэне, а *телайн* или *делони* были поначалу либо убежищами на случай нападения, либо, чаще всего и особенно на очень высоких деревьях, наблюдательными постами, с которых зоркие эльфы могли обозревать землю и ее рубежи: ибо в конце первого тысячелетия Третьей Эпохи Лóриэн стал страной, которой крайне требовалась бдительность, и Амрот жил во все растущей тревоге с той поры, как в Лихолесье был выстроен Дол-Гулдур.

<<Таким наблюдательным постом стражей северных рубежей

была *делонь*, на которой провел ночь Фродо. Дворец Келеборна в Карасе Галадон {Caras Galadhon} был первоначально предназначен для того же: его верхняя *делонь*, которой Хранители Кольца не видели, была самой высокой точкой в стране. Ранее самой высокой была *делонь* Амрота на вершине большого кургана или холма Керин Амрот, построенного трудом многих рук, и предназначалась она для дозора за Дол-Гулдуrom на противоположном берегу Андуина. В постоянные жилища *телайн* превратились позже, и только в Карасе Галадон их было так много. Карас Галадон же сам по себе был лишь крепостью, и в его

стенах жила небольшая часть Галадрима. Жизнь в таких высоких домах сперва, несомненно, считалась чем-то необычным, и Амрот, вероятно, был первым в этом. Житье его в высоком *талане* и дало ему имя — единственное, которое сохранила легенда.>>

Примечание к словам <<Амрот, вероятно, был первым в этом>> добавляет:

<<Если не Нимродэль. У нее были другие причины. Она любила воды и пороги Нимродэли, с которой она не могла расставаться надолго; но когда времена омрачились, поток этот оказался слишком близок к северным границам, и немногие

галадримы остались жить в тех местах. Может быть, мысль о жизни в высокой *делони* Амрот перенял от нее. [\[138\]](#)>>

Возвращаясь к легенде об Амроте и Нимродэли, рассказанной выше — что это была за <<гавань на юге>>, где Амрот дожидался Нимродэль и куда, как он рассказывал ей, <<ушли давным-давно многие из его народа>> (стр. 241)? Два отрывка во «*Властелине Колец*» касаются этого вопроса. Один — в «*Хранителях*» II 6, где Леголас, спев песню об Амроте и Нимродэли, говорит о <<заливе Белфалас, откуда отплывают лóриэнские эльфы>>. Другой — в

«Возвращении Короля» V 9, где Леголас, глядя на Князя Имрахилья Дол-Амротского, видит, что <<в жилах его течет эльфийская кровь>>, и говорит ему: <<«Много времени прошло с тех пор, как народ Нимродэли покинул Лóриэнские леса, но, видно, не все уплыли из гавани Амрота на запад за море».>> На это Князь Имрахиль отвечает: <<«Так говорит и история моей страны».>>

Поздние отрывочные заметки несколько объясняют эти упоминания. Так, в обсуждении языковых и политических взаимоотношений в Средиземье, датирующемся 1969 годом или

позже, имеется упоминание о том, что в дни основания первых поселений нúменóрцев берега залива Белфалас были большей частью пустынно, <<за исключением гавани и небольшого поселения эльфов к югу от слияния Мортонда {Morthond} и Рингló>>, то есть, чуть к северу от Дол-Амрота.

<<Они, как говорили в Дол-Амроте, были основаны синдарскими мореплавателями из западных гаваней Белерианда, которые спаслись на трех малых кораблях, когда сила Моргота одолевала Эльдар и Атани; но потом число их увеличили странники из Лесных эльфов, в поисках моря

спускавшиеся по Андуину.>>

Лесные эльфы, отмечается здесь, <<никогда не были свободны от беспокойства и тяги к Морю, временами уводившей некоторых из них от их жилищ в странствия>>. Чтобы связать слова о <<трех малых кораблях>> с историями, записанными в «*Сильмариллионе*, нам, вероятно, придется решить, что эти корабли вышли из Бритомбара {Brithombar} или Эглареста, Фаласских Гаваней на западном побережье Белерианда, когда, спустя год после Нирнаэта {Nirnaeth} Арноэдиад, эти города были разрушены (см «*Сильмариллион*» стр. 212), и что когда Кúрдан и Гил-Галад

основали прибежище на Острове Балар, экипажи этих кораблей ушли вдоль берега дальше на юг, в Белфалас.

В незаконченном фрагменте о происхождении названия *Белфалас* имеются, однако, другие данные, отодвигающие основание эльфийской гавани на более позднее время. Там говорится, что корень *бел-*, скорее всего, сохранился от дон^умен^орского названия, и происхождение его явно синдаринское. Заметка обрывается, не давая никаких других сведений о *бел-*, но причиной его синдаринского происхождения называется то, что <<в Гондоре имелся небольшой, но

важный фактор весьма
исключительного свойства:
эльфийское поселение>>. После
разрушения *Тангородрима* те эльфы
Белерианда, которые не уплыли за
Великое Море и не остались в
Линдоне, откочевали через *Синие*
Горы на восток в *Эриадор*; но было
среди них и сколько-то *синдаров*, в
начале Второй Эпохи ушедших на юг.
Это были остатки народа *Дориата*,
еще хранившие неприязнь к *Нолдору*;
проведя некоторое время в *Серых*
Гаванях, где они изучили
корабельное дело, <<они со
временем отправились искать себе
место для жизни и, наконец,
остановились в устье *Мортонда*. Там

уже была простая рыбацкая пристань, но рыбаки, испугавшись эльфов, бежали в горы.>>[\[139\]](#)

В заметке, написанной в декабре 1972 года или позже, одной из последних работ отца по Средиземью, содержится рассуждение о наличии эльфийской крови у людей, которую можно заметить по отсутствию у таких людей бороды — эльфы были безбороды; и в связи с княжеским домом Дол-Амрота там говорится, что <<этот род имел некоторую долю эльфийской крови, согласно их собственным легендам>>, со ссылкой на разговор между Леголасом и Имрахилем в

«Возвращении Короля» V 9,
процитированный выше.

<<Как говорит Леголас, упоминая о Нимродэли, возле Дол-Амрота был древний эльфийский порт, и в нем — небольшое поселение эльфов из Лóриэна. Легенда о княжеском роде гласит, что один из его предков женился на эльфийанке: в некоторых рассказах это была сама Нимродэль, что, очевидно, невозможно, в других же, что гораздо более вероятно, это была одна из спутниц Нимродэли, заблудившаяся в горных долинах.>>

Эта вторая версия легенды более детально описана в заметке, добавленной к неопубликованной

генеалогии рода Дол-Амрота к Ангелимару, двадцатому князю, отцу Адрахилия, отца Имрахилия, князя Дол-Амротского во время Войны Кольца:

<<Согласно семейной легенде Ангелимар был двадцатым прямым потомком Галадора, первого Правителя Дол-Амрота (ок. гг. 2004–2129 Третьей Эпохи). По той же легенде Галадор был сыном Имразôра Ну́менóрца, жившего в Белфаласе, и эльфийки Митреллас {Mithrellas}. Она была одной из спутниц Нимродэли в числе многих эльфов, бежавших на побережье около 1980 года Третьей Эпохи, когда в Мории восстало зло; и Нимродэль

со служанками заблудились и потерялись в горных лесах. В этом сказании говорится, что Имразôr принял Митреллас и женился на ней. Она же, родив ему сына Галадора и дочь Гильмит {Gilmith}, бежала однажды ночью, и он более не видел ее. И хотя Митреллас была из малого Лесного племени, а не из Высоких или Серых эльфов, всегда считалось, что дом и род Правителей Дол-Амротских благороден по крови так же, как светел лицом и духом.>>

Элессар

В неопубликованных работах более нельзя найти почти никаких дополнительных сведений по поводу истории Келеборна и Галадриэли, кроме очень черновой рукописи на четырех страницах, озаглавленной «Элессар». Она находится на самой первой стадии сочинения, но несет несколько исправлений карандашом; других версий этой работы нет. Написано в ней, с учетом нескольких весьма незначительных редакторских правок, следующее:

<<Был в Гондолине ювелир по имени Энердил {Enerdhil}, величайший своим мастерством во всем Нолдоре после смерти Феанора.

Энердил любил все зеленое, что растет, и величайшей радостью для него было видеть солнечный свет сквозь листву деревьев. И запало ему в душу создать драгоценность, в которой был бы заключен чистый солнечный свет, но драгоценность зеленую, как листва. И он создал такое украшение, и ему подивились даже нолдоры. Ибо говорилось, что тот, кто смотрел сквозь него, видел увядшее и выгоревшее исцеленным, словно вновь в расцвете юности, и что руки того, кто носил его, утоляли боль тех, к кому прикасались. Этот камень Энердил подарил Идрили, дочери Короля, и она носила его на груди; так он уцелел в гондолинском

пожаре. Перед тем, как пуститься в плавание, Идриль сказала своему сыну Эарендилу {Eärendil}: «Элессар я оставляю тебе, ибо в Средиземье много боли, которую ты сможешь исцелить. Но не передавай его никому».

И вправду в Сирионской Гавани страдало множество людей, и эльфов, и зверей, которые бежали туда от ужаса Севера; и пока Эарендил жил там, они исцелялись и благоденствовали, и все в то время было зеленым и прекрасным. Когда же Эарендил отправлялся в свои плаванья по Морю, Элессар был на его груди, ибо во всех поисках его вела одна надежда — что он снова

найдет Идриль; и первым его воспоминанием о Средиземье был зеленый камень на ее груди, когда она пела над его колыбелью, а Гондолин был еще в расцвете. Так и случилось, что Элессар исчез, когда Эарендил больше не вернулся в Средиземье.

В последующие годы Элессар объявился снова, и об этом рассказывают две истории, и лишь Мудрые, которых теперь нет, могут сказать, которая из них правдива. Одни говорят, что вторым камнем был первый, вернувшийся милостью Валаров; и что Олóрин, которого в Средиземье знали как Митрандира, принес его с собой с Запада. Некогда

Олóрин пришел к Галадриэли, которая жила тогда под сводами Зеленолесья {Greenwood} Великого; и они долго разговаривали между собой. Ибо годы отчуждения стали тяжки Госпоже Нолдора, и она жаждала услышать о своих родичах и о благословенной своей родине, но не желала еще оставить Средиземье>> [это место было исправлено на: <<но ей еще не было разрешено оставить Средиземье>>] <<. И когда Олóрин рассказал ей многое, она вздохнула и сказала:

— Я горюю в Средиземье, ибо листья опадают и цветы увядают; и сердце мое тоскует, вспоминая цветы и деревья, которые не умирают. Ах,

если бы в моем доме были такие!

— А хотела бы ты, чтобы у тебя был Элессар? — спросил тогда Олóрин.

— Где теперь Камень Эарендила? — ответила Галадриэль. — И ушел Энердил, создавший его.

— Кто знает? — сказал Олóрин.

— Наверняка ушли они за Море, — сказала Галадриэль, — как и почти все прекрасное. Неужели Средиземью суждено увянуть и погибнуть навеки?

— Такова его судьба, — ответил Олóрин. — Но в малом ее можно улучшить, если вернется Элессар. Ненадолго, пока не настали Дни

Людей.

— Если вернется — а как может такое случиться? — сказала Галадриэль. — Ибо Валары, верно, удалились, и Средиземье далеко от их мыслей, и тень лежит на всех, кто держится за него.

— Это не так, — возразил Олóрин. — Глаза их не затуманены и сердца не ожесточились. В знак этого, смотри!

И он достал Элессар, и она глядела на камень в изумлении. Олóрин же сказал:

— Это я принес тебе от Яванны. Пользуйся им, как сможешь, и на время ты сделаешь свою страну прекраснейшим местом в

Средиземье. Но владеть им ты не будешь. Когда придет время, ты отдашь его. Ибо перед тем, как ты устанешь и оставишь, наконец, Средиземье, придет некто, кому должно взять его, и имя его будет именем этого камня: Элессаром будут звать его. [\[140\]](#)

В другом сказании говорится так: что давным-давно, до того еще, как Саурон обманул кузнецов Эрегиона, Галадриэль прибыла туда и сказала Келебримбору, главе эльфов-кузнецов:

— Я горюю в Средиземье, ибо облетает листва и вянут цветы, которые я любила, и страна моя полна скорби, от которой весна ее не

избавит.

— Как же может быть иначе для Эльдара, если он держится за Средиземье? — ответил Келебримбор. — Так ты уходишь за Море?

— О нет! — ответила она. — Ангрод ушел, и Аэгнор ушел, и Фелагунда нет больше. Из детей Финарфина я осталась последней [\[141\]](#). Но в сердце моем еще живет гордость. Какое зло совершил золотой дом Финарфина, чтобы мне просить прощения у Валаров или довольствоваться островом в море, мне, рожденной в Амане Благословенном? Здесь у меня больше могущества.

— Чего же ты хочешь? — спросил Келебримбор.

— Я хочу, чтобы деревья и травы вокруг меня не умирали — здесь, в моей стране, — ответила она. — Что случилось с мастерством Эльдара?

И Келебримбор сказал:

— Где ныне Камень Эарендила? И Энердил, создавший его, ушел.

— Они ушли за Море, — сказала Галадриэль, — как и почти все прекрасное. Но разве Средиземью суждено теперь увянуть и погибнуть навеки?

— Такова его судьба, думается мне, — сказал Келебримбор. — Но ты знаешь, что я люблю тебя, хоть ты и обратилась сердцем к Келеборну

Деревьев, и ради этой любви я сделаю все, что смогу, если моему искусству удастся утешить твою печаль.

Но он не сказал Галадриэли, что сам он был из Гондолина и был некогда другом Энердилу, хотя друг почти во всем превосходил его. А если бы не Энердил, то слава Келебримбора была бы много большей. Потому Келебримбор поразмыслил и начал долгий и кропотливый труд, и так для Галадриэли он создал величайшую из своих работ, выше которой были лишь Три Кольца. И говорят, что зеленый камень его был чище и огранен лучше, чем камень

Энердила, но свет его имел меньше силы. Ведь камень Энердила был зажжен солнцем в дни его юности, а когда Келебримбор начал свою работу, прошло уже много лет, и нигде в Средиземье солнечный свет не был так ярок, как был тогда, ибо, хотя Моргот был выброшен в пустоту и не мог войти снова, его далекая тень лежала на Средиземье. Но и Элессар Келебримбора был лучист; и он вставил его в серебряную брошь, изображавшую орла, что поднимается, раскинув крылья. [\[142\]](#)

Подчиняясь Элессару, все вокруг Галадриэли становилось прекрасным, пока в Лес не вошла Тень. Потом же, когда Келебримбор

выслал Галадриэли Ненью, главное из Трех^[143], она решила, что камень ей больше не нужен, и отдала его дочери Келебріани, и так он попал к Арвен, и так — к Арагорну, которого назвали Элессаром.>>

В конце приписано:

<<Элессар был создан в Гондолине Келебримбором, и так попал к Идрили и к Эарендилу. Но тот камень ушел. Второй же Элессар тоже сделал Келебримбор — в Эрегионе, по просьбе Госпожи Галадриэли, которую он любил, и этот камень не был подвластен Единому, будучи создан до того, как снова восстал Саурон.>>

Это повествование кое-в-чем

совпадает с «По поводу Галадриэли и Келеборна» и было написано, вероятно, в то же время или чуть раньше. Келебримбор здесь снова гондолинский ювелир, а не один из Феаноридов (ср. стр. 235); а о Галадриэли говорится, что она *не желает* покидать Средиземье (ср. стр. 234) — хотя позднее текст был исправлен, и в него была введена концепция запрета, а ниже Галадриэль говорит о прощении Валаров.

Энердил не появляется в других работах; и заключительные слова текста показывают, что вместо него создателем гондолинского Элессара должен был стать Келебримбор.

Любовь Келебримбора к Галадриэли тоже нигде более не прослеживается. В «По поводу Галадриэли и Келеборна» предполагается, что Келебримбор пришел в Эрегион с ними (стр. 235); но в том тексте, как и в «Сильмариллионе», Галадриэль встретила Келеборна в Дориате, и трудно объяснить слова Келебримбора <<хоть ты и обратилась сердцем к Келеборну Деревьев>>. Туманно также и упоминание о Зеленолесье Великом, в котором жила Галадриэль. Это можно считать общим названием (нигде более не отмеченным) Лóриэнских лесов на другом берегу Андуина; тогда как <<вхождение

Тени в Лес>>, несомненно, относится к появлению Саурана в Дол-Гулдуре, что в Приложении А (Ш) к *«Властелину Колец»* названо как <<Тень в Лесу>>. Это может означать, что власть Галадриэли некогда распространялась и на южную часть Зеленолесья Великого; и в защиту этого свидетельствует сказанное в «По поводу Галадриэли и Келеборна», стр. 236, что владения Лóринанда (Лóриэна) <<простирались в лесах по обоим берегам Великой Реки, включая и местность, где позже стоял Дол-Гулдур>>. Возможно также, что на той же концепции основывается утверждение в Приложении Б к

«*Властелину Колец*» в начале Повести Лет Второй Эпохи в первом издании: <<многие синдары ушли на восток и обосновались в дальних лесах. Предводителями их были Трандуил на севере Зеленолесья Великого и Келеборн на юге того леса.>> В пересмотренном издании упоминание о Келеборне исключено, и вместо этого говорится о том, что он жил в Линдоне (см. выше стр. 228).

Наконец, можно отметить, что целительное действие Элессара в гаванях Сириона в «*Сильмариллионе*» приписано Сильмариллу.

Приложение А

Лесные эльфы и их язык

Согласно «Сильмариллиону» (стр. 89), некоторые нандоры — эльфы-тэлеры, которые покинули рубежи Эльдара на восточной стороне Мглистых Гор, <<веками жили в лесах Долины Великой Реки>>, в то время, как другие, как сказано, ушли вниз по Андуину к его устьям, а третьи пришли в Эриадор: из них и происходят Зеленые Эльфы Оссирианда.

В позднем этимологическом

обсуждении имен Галадриэли, Келеборна {Celeborn} и названия «Лóриэн» отмечается, что Лесные эльфы произошли от тэлеров, которые остались в Андуинской Долине:

<<Лесные эльфы (Таварвайт {Tawarwaith}) были по происхождению из Тэлери, и потому дальняя родня синдарам, хотя и были более далеки от них, чем Тэлери Валинóра. Они происходили от тех тэлеров, которые в Великом Походе утрастились Мглистых Гор и остались в Андуинской Долине, и потому так и не добрались до Белерианда или до Моря. Поэтому они были сродни нандорам

Оссирианда, называемым иначе Зелеными эльфами, которые затем перешли Горы и пришли, наконец, в Белерианд.>>

Лесные эльфы укрывались в лесных крепостях за Мглистыми Горами и стали малыми и разобщенными племенами, которые трудно было отличить от племен Авари;

<<Но они еще помнили, что происходят из Эльдара, из Третьего Клана, и привечали нолдоров и особенно синдаров, не ушедших за Море>> [в начале Второй Эпохи] <<и переселявшихся на Восток. Под их предводительством они снова стали народом и возвысились в мудрости.

Трандуил {Thranduil} отец Леголаса, одного из Девяти Путников, был синдаром, и в его доме говорили на этом языке, хотя и не весь его народ говорил на нем.

В Лóриэне, где многие жители были синдарами или нолдорами-беженцами из Эрегиона,>> [см. стр. 243] <<синдарин стал всенародным языком. Насколько и чем их синдарин отличался от наречий Белерианда (см. «Хранители» II 6, где Фродо говорит, что язык Лесного народа, на котором те говорят между собой, не похож на языки эльфов Запада), сейчас, конечно же, неизвестно. Возможно, отличие было ненамного больше того, что в

просторечии называют «говором»: различий в произношении гласных звуков и интонациях было бы достаточно, чтобы ввести в заблуждение того, кто, как Фродо, не был хорошо знаком с правильным синдаринном. Были наверняка и какие-нибудь местные слова, и другие особенности, обусловленные влиянием старого Лесного языка. Лóриэн долгое время был отрезан от окружающего мира. Несомненно, некоторые имена, сохранившиеся из прошлого, такие, как *Амрот* {*Amroth*} и *Нимродэль*, не могут быть полностью объяснены в рамках синдарина, хотя и совпадают с его формами. *Карас* {*caras*} — скорее

всего, старое слово, обозначающее крепость, обнесенную рвом, слово, которого нет в синдарине. *Лóриэн* — вероятно, искаженное старое название, ныне утерянное.>> [хотя ранее давалось первоначальное лесно-эльфийское или нандорское название *Лóринанд*; см. стр. 252, прим. 5]

С этими замечаниями о Лесных именах и названиях сравним Приложение Е (I) к «*Властелину Колец*», раздел «Об эльфах», сноска (появившаяся только в пересмотренном издании).

Другое общее утверждение по поводу Лесного эльфийского можно найти в лингвистическом и

историческом рассуждении, датирующемся тем же периодом, что и процитированное выше:

<<Хотя наречие Лесных эльфов, когда они снова встретились со своими сородичами, с которыми долго были разделены, отличалось от синдарина так сильно, что оказалось едва понятным, после небольшого изучения выяснилось его родство с эльдаринскими языками. Сравнение Лесного наречия с их собственным языком очень занимало ученых людей, особенно нолдорских корней, но несмотря на это, о Лесном эльфийском известно немного. Лесные эльфы не изобрели никакой письменности, а те, кто обучился

этому искусству у синдаров, писали, как могли, на синдарине. К концу Третьей Эпохи в тех двух странах, которые имели большое значение во время Войны Кольца, в Лóриэне и во владениях Трандуила в Северном Лихолесье, говорить на Лесных эльфийских языках вероятно, совсем перестали. Все, что осталось от этих наречий в летописях — это немного слов и несколько имен и названий мест.>>>

Приложение Б

Синдарские князья Лесных эльфов

В Приложении Б к «*Властелину Колец*», в примечании к Повести Лет Второй Эпохи, сказано, что <<до того, как был построен Барад-дûр, многие синдары уходили на восток, и некоторые из них основывали поселения в дальних лесах, где жили большей частью Лесные эльфы. Трандуил {Thranduil}, король севера Зеленолесья Великого, был одним из таких синдаров.>>

Кое-что еще об истории этих синдарских князей Лесных эльфов можно найти в поздних филологических работах отца. Так, в одном очерке говорится, что владения Трандуила

<<до прихода гномов, бежавших из Мории, и нашествия Дракона простирались в лесах, окружавших Одинокую Гору и росших по западным берегам Долгого Озера. Эльфийские жители этой страны пришли с юга, будучи сородичами и соседями эльфов Лóриэна; но жили они в Зеленолесье Великом к востоку от Андуина. Во Вторую Эпоху их король Орофер {Oropher}>> [отец Трандуила, отца Леголаса] <<отступил на север за Ирисные Низины, чтобы выйти из-под влияния и давления гномов Мории, которая стала тогда величайшим из известных в истории поселений гномов; он также не одобрял и

вторжения Келеборна {Celeborn} и Галадриэли в Лóриэн. Но тогда между Зеленолесьем и Горами бояться еще было в сущности нечего, и между его народом и их сородичами за Рекой до Войны Последнего Союза поддерживались постоянные отношения.

Несмотря на стремление Лесных эльфов как можно меньше вмешиваться в дела Нолдора и Синдара, равно как и любых народов гномов, людей или орков, Ороф~~е~~ру доставало мудрости предвидеть, что мир не вернется, пока не будет побежден Саурон. Поэтому он собрал в своем народе, тогда еще многочисленном, большое войско и,

присоединившись к малому войску Малгалада Лóриэнского, повел воинство Лесных эльфов на битву. Лесные эльфы были стойкими и доблестными, но они были плохо вооружены и оснащены по сравнению с эльдарами Запада; к тому же они были независимы и не расположены подчиняться верховному командованию Гил-Галада {Gil-galad}. Поэтому их потери оказались более тяжкими, чем это могло бы быть даже в той ужасной войне. Малгалад и свыше половины его войска полегли в великой битве на Дагорладе, отрезанные от всей армии и заведенные в Гиблые Болота. Орофер

был убит в первой же атаке на Мордор, бросившись вперед во главе самых отважных своих воинов прежде, чем Гил-Галад подал сигнал к наступлению. Сын Орофера Трандуил уцелел, но когда война закончилась и, как тогда казалось, Саурон пал, Трандуил увел домой едва ли треть того войска, что отправилось на войну.>>

Малгалад Лóриэнский не упоминается больше нигде, и здесь он не назван отцом Амрота {Amroth}. С другой стороны, дважды (стр. 240 и 243) говорится, что Амдúр отец Амрота пал в битве на Дагорладе, и из этого можно сделать вывод, что Малгалад и есть Амдúр.

Но какое из имен следует предпочесть, я сказать не могу^[145]і. Очерк продолжается:

<<Затем последовал долгий мир, во время которого число Лесных эльфов снова выросло; но они тревожились и беспокоились, ощущая перемену в мире, которую несла с собой Третья Эпоха. Люди также множились и становились сильнее. Владения нúменóрских королей в Гондоре расширились к северу до границ Лóриэна и Зеленолесья. Вольные Люди Севера, названные так эльфами потому, что не управлялись Дúнэдайном и не были по большей части подданными Саурана или его прислужников,

проникали на юг — в основном к востоку от Зеленолесья, но некоторые обосновывались также на краю леса и в лугах Андуинской Долины. Более угрожающими были вести с Дальнего Востока: дикари пришли в движение. Бывшие прислужники и поклонники Саурана, они избавились теперь от его тирании, но не от зла и тьмы, которую он вселил в их сердца. Среди них полыхали жестокие войны, от которых многие бежали на запад, и души их были полны ненависти, а всех живущих на Западе они считали своими врагами, которых следует грабить и истреблять. На сердце же Трандуила

лежала и другая, более мрачная тень. Он видел ужас Мордора и не мог его забыть. Когда он глядел на юг, воспоминания омрачали ему солнечный свет, и хотя он знал, что Мордор сломлен, опустошен и находится под надзором людских Королей, страх в его сердце говорил, что Мордор завоеван не навсегда: он восстанет вновь.>>

В другом отрывке, написанном в то же время, что и предыдущий, сказано, что когда миновал тысячный год Третьей Эпохи и Тень пала на Зеленолесье Великое, Лесные эльфы под правлением Трандуила

<<отступили от нее, а она все продвигалась на север, пока

Трандуил, наконец, не основал свое царство на северо-востоке леса и не вырыл там крепость и подземный дворец. Орофер был синдарской крови, и Трандуил, его сын, несомненно, следовал примеру Короля Тингола {Thingol} Дориатского {Doriath}; хотя его подземные залы нельзя было сравнить с Менегротом {Menegroth}. У него не было ни искусности, ни богатства, ни помощи гномов; и в сравнении с эльфами Дориата его Лесной народ был прост и темен. Орофер пришел к ним всего лишь с горстью синдаров, и те скоро смешались с Лесными эльфами, приняв их язык и взяв Лесные имена.

Это они сделали по своей воле; ибо (как и другие такие же странники, забытые легендами или лишь кратко в них упомянутые) они вышли из Дориата после его разрушения и не желали ни покидать Средиземье, ни смешиваться с другими синдарами Белерианда, руководили которыми нолдоры-Изгнанники, а к ним народ Дориата не питал большой любви. Они хотели стать Лесным народом и вернуться, как они говорили, к простой жизни, которую вели эльфы до того, как вмешательство Валаров потревожило их.>>>

Нигде, кажется мне, не разъясняется, как принятие Лесного языка синдарскими правителями

Лесных эльфов Лихолесья, о чем написано здесь, соотносится с цитируемым на стр. 257 утверждением, что в конце Третьей Эпохи во владениях Трандуила перестали говорить на Лесном эльфийском.

См. ниже примечание 14 к «Несчастью на Ирисных Низинах», стр. 280.

Приложение В

Границы Лóриэна

В Приложении А (I, iv) к

«*Властелину Колец*» говорится, что королевство Гондор в дни наивысшего расцвета своей силы при Короле Хьярмендакиле {Hyarmendacil} I (1015–1149 Третьей Эпохи) простиралось на север <<до Келебранта {Celebrant} и южных границ Лихолесья>>. Отец несколько раз говорил, что это — ошибка: следует читать <<до Поля Келебранта>>. Согласно одной поздней работе о соотношениях языков в Средиземье,

<<река Келебрант (Серебрянка {Silverlode}) протекала в пределах владений Лóриэна, и природной северной границей королевства Гондор к западу от Андуина была

река Лимлайт {Limlight} [\[146\]](#)i. Все
луга между Серебрянкой и
Лимлайтом, где раньше
продолжались леса юга Лóриэна, в
Лóриэне назывались Парт {Parth}
Келебрант (т. е. поле, или
ограниченные чем-либо луга
Серебрянки) и считались частью
владений Лóриэна, хотя и не
населенной вне лесов лóриэнскими
эльфами. Позже гондорцы выстроили
мост через верхнее течение
Лимлайта и часто занимали полосу
земли между низовьем Лимлайта и
Андуином под часть своих восточных
оборонительных рубежей, поскольку
там, где Андуин протекал мимо
Лóриэна и выходил на ровные

низины прежде, чем снова броситься в расщелины Эмина {Етун} Муйл, его широкие изгибы имели много отмелей и широких мелководий, через которые решительный и хорошо оснащенный враг мог устроить переправу на паромах или плотах, особенно в месте двух изгибов к западу, известных как Северная и Южная Отмели. В Гондоре Партом Келебрант называли именно эту местность; отсюда использование этого названия для старинной северной границы. Во время Войны Кольца, когда все земли к северу от Белых Гор до Лимлайта, кроме Анóриэна, стали частью Королевства Рохан,

название «Парт (Поле) Келебрант» употреблялось только в связи с великой битвой, в которой Эорл Юный уничтожил войска, вторгшиеся в Гондор.>> [см. стр. 299].

В другом очерке отец отмечает, что если с востока и запада владения Лóриэна были ограничены Андуином и горами (и ничего не говорится о каком-либо продолжении Лóриэна за Андуин, см. стр. 252), то четко очерченных границ на севере и юге у него не было.

<<В старину Галадрим {Galadhrim} владел лесами до самых порогов на Серебрянке, тех, где

купался Фродо; к югу эти леса простирались далеко за Серебрянку, переходя в более светлые леса с невысокими деревьями, за которыми начинался Лес Фангорн; но сердце их владений всегда находилось между Серебрянкой и Андуином, где стоял Карас Галадон {Caras Galadhon}. Четкой границы между Лóриэном и Фангорном не было, но ни энты, ни галадримы никогда не нарушали ее. Легенда гласит, что сам Фангорн в старину встретился с Королем Галадрима и сказал: «Я знаю свое, а вы знаете свое; пусть никто не досаждаст другому. Но если эльф войдет в мои земли для своего удовольствия, ему будут рады; а если

встретят в ваших землях энта, пусть ничего не боятся». Однако прошли многие годы с тех пор, как энт или эльф ступали на чужую землю.>>

Приложение Г

Порт Лонд Дазр

В «По поводу Галадриэли и Келеборна {Celeborn}» говорится, что в войне с Сауроном в Эриадоре в конце XVII века Второй Эпохи нúменóрский флотоводец Кирьятур {Ciryatur} высадил большое войско в

устье Гватлó {Gwathló}, где была <<небольшая нúменóрская гавань>> (стр. 239). Это, по-видимому, первое упоминание об этом порте, про который много рассказывается в поздних работах.

Самое полное описание его содержится в филологическом очерке о названиях рек, уже цитировавшемся в связи с легендой об Амроте {Amroth} и Нимродэли (стр. 242 и далее). В этом очерке о названии Гватлó рассказывается следующее:

<<Название реки
Гватлó переводится как
Сизрека {Greyflood}.

Однако *гват* {*gwath*} на синдарине — «тень, сумрак, вызванный тучей или туманом, или сумрак, лежащий в глубокой долине». Географии местности это явно не соответствует. Обширные земли, разделенные *Гватлó* на то, что нúменóрцы называли *Минхириат* {*Minhiriath*} («Междуречье» между Барандуином и *Гватлó*), и *Энедвайт* {*Enedwaith*} («Срединный Народ»), в основном равнинные, открытые и не гористые. В

месте слияния Гландуина и
Митэйтеля {Mitheithel}
(«Ревущий Исток»
{Hoarwell} [\[147\]](#)i) земля
почти не имеет уклона,
воды становятся
медленными и едва не
встают болотом. [\[147\]](#) Но в
сотне миль ниже Тарбада
{Tharbad} уклон
возрастает. Гватлó, однако,
нигде не становится
быстрой, и легкие корабли
могли без труда
подниматься под парусом
или на веслах до самого
Тарбада.

Значение названия

Гватлó надо искать в истории. Во время Войны Кольца в этих землях местами еще сохранились хорошие леса, особенно в Минхириате и на юго-востоке Энедвайта; но большую часть равнин занимали луга. Со времени Великого Мора 1636 года Третьей Эпохи Минхириат был почти безлюден, хотя в лесах жило некоторое количество скрытных охотников. В Энедвайте на востоке в предгорьях Мглистых Гор селились остатки дунлендингов; а

также между устьями
Гватлó и Ангрена (Изена
{Isen}) обитало вполне
многочисленное, но дикое
племя рыбаков.

Но в былые дни, во
времена первых походов
нúменóрцев, все было по-
другому. Минхириат и
Энедвайт были покрыты
обширными, почти
сплошными лесами, за
исключением Больших
Болотин {Great Fens} в
самой глухомани.
Изменения, происшедшие
здесь, вызваны во многом
действиями Тар-

Алдариона, Короля-
Моряка, который завязал
дружбу и основал союз с
Гил-Галадом {Gil-galad}. У
Алдариона была
сильнейшая нужда в
строевом лесе, ибо он
хотел превратить Ну́менор
в великую морскую
державу; его вырубание
лесов в Ну́меноре вызвало
раздоры и недовольства.
Путешествуя вдоль
побережий, он с восторгом
оглядывал великие леса и
избрал устье Гватлó для
строительства новой
гавани под полным

нүменóрским управлением (Гондора, естественно, тогда еще не было). Там он развернул огромные работы, которые и после него продолжали расширяться. Эти ворота в Эриадор позднее оказались как нельзя кстати в войне против Саурана (1693–1701 Второй Эпохи); но первоначально это был лесогрузный порт и корабельная верфь. Местное население было многочисленно и воинственно, но это были лесные жители, общины

которых были разбросаны
и у которых не было общего
предводительства. Они
боялись нүменóрцев,
однако не враждовали с
ними, пока вырубки леса
не стали
опустошительными. Тогда
они начали нападать на
нүменóрцев и устраивать
на них засады; нүменóрцы
же начали обращаться с
ними, как с врагами, а леса
стали вырубать
безжалостно, даже не
думая о
лесохозяйствовании и
насаждении нового леса.

Сперва вырубки производились по обоим берегам Гватлó, и лес сплавлялся в гавань (Лонд Даэр); теперь же нúменóрцы провели широкие дороги на север и юг от Гватлó, и уцелевшие местные жители бежали из Минхириата в чащи огромного Мыса Эрин {Eryn} Ворн, к югу от устья Барандуина, который они не осмелились пересечь, боясь эльфов. Из Энедвайта они бежали в восточные горы, где впоследствии возник

Дунланд; они не
переходили Изен и не
отступали дальше по
большому полуострову
между Изеном и Лефнуи,
который был северным
берегом залива
Белфалас,>> [Рас Мортиль
{Morthil} или Андраст: см.
стр. 214, прим. 6] <<из-за
«Пүкелей»...>>

[Продолжение этого
отрывка см. на стр. 383]

<<Опустошение,
вызванное нүменóрцами,
было неизмеримо. Долгие
годы эти земли были их
главным источником леса и

поставляли его не только в Лонд Даэр и другие места, но и в сам Нүменор. Бессчетные корабли уходили за море на запад, нагруженные лесом. Оголение этих земель еще увеличилось во время войны в Эриадоре; ибо согнанные с родных земель туземцы приветствовали Саурона и надеялись на его победу над Заморскими Людьми. Саурон знал о том, как важны Великая Гавань и ее верфи для его врагов, и использовал людей племен,

ненавидящих Ну́менор, как лазутчиков и проводников для своих отрядов. У Саурана не хватало сил, чтобы нанести какой-либо удар по Гавани или берегам Гватлó, но его отряды причинили немало вреда лесным угожьям, поджигая леса, лесосеки и склады ну́менóрцев.

К тому времени, как Саурон был, наконец, побежден и выбит из Эриадора, почти все бывшие леса были уничтожены. По обоим берегам Гватлó теперь простиралась

безлесная дикая пустыня
Не так было, когда первые
храбрые разведчики с
корабля Тар-Алдариона,
поднимаясь на легких
лодках вверх по реке,
давали ей имя. Сразу за
прибрежной местностью,
где дули сильные соленые
морские ветра, поднимался
тогда по берегам реки лес,
и как ни широка была река,
огромные деревья затеняли
ее всю, и в тиши под их
сенью разведчики
поднимались вверх по реке,
в неведомые земли.
Поэтому первым именем,

которое было дано этой
реке, было «Река Тени»,
Гват-хûр {Gwat-hîr}, *Гватир*
{Gwathir}. Потом

первооткрыватели прошли
на север до самого начала
больших болот; далеко еще
было то время, когда
великое множество
работных людей с
огромным трудом осушили
землю и прорыли каналы,
благодаря которым там, где
во времена Двух
Королевств стоял Тарбад,
вырос большой порт.
Синдарское слово, которым
называли заболоченные

земли, было *лô* {*lô*}, ранее — *лога*; >> [от корня *лог*-, означавшего «сырой, влажный, болотистый»] <<и сперва разведчики решили, что это и есть исток той лесной реки, не зная еще, что это разлился по равнине, собрав воды Бруинена {Гремячей, Loudwater} [\[149\]](#) iii и Гландуина, Митэйтель. Название *Гватир* они сменили на *Гватлô* — «тенистая река, текущая из болот».

Гватлô — одно из немногих названий,

которые стали известны в
Нúменóре не только
морякам и были
переведены на адунайский.
По-адунайски оно звучало
Агатуруш {Agathurush}.>>

История Лонда Даэр и Тарбада
тоже рассказывается в этом очерке,
там, где обсуждается название
Гландуин:

<<*Гландуин* означает
«граничная река». Такое
название было дано ей еще
во Вторую Эпоху, когда эта
река служила южной
границей Эрегиона, за

которой жили
дону́менорские, обычно
недружественные, народы,
такие, как, например,
предки дунлендингов.
Позже Гландуин и Гватло́,
образованная его слиянием
с Митэйтелем, были
южной границей Северного
Королевства. Земли за
ними между Гватло́ и
Изеном (Сър Ангрен)
назывались Энедвайт
(«Срединный Народ»); они
не принадлежали ни
одному королевству, и в них
не было постоянных
поселений людей

ну́менóрской крови. Но через Энедвайт от Тарбада до Изенских Бродов (Этрайд {Ethraid} Энгрин) шел великий Тракт с Севера на Юг, который, помимо моря, был главным путем, связывавшим Два Королевства. До увядания Северного Королевства и напастей, что выпали Гондору, а именно до Великого Мора в году 1636 Третьей Эпохи, оба королевства хозяйствовали в этой местности и совместно выстроили и содержали Тарбадский

Мост и длинные дамбы по обоим берегам Гватлó и Митэйтеля через болотистые равнины Минхириата и Энедвайта^[149], по которым дорога подходила к Мосту. До XVII века Третьей Эпохи там стоял значительный гарнизон солдат, матросов и строителей. Но с тех пор эта местность быстро заглохла; и задолго до времени «Властелина Колец» она уже снова стала диким болотом. Когда Боромир совершил свое

великое путешествие из
Гондора в Раздол
{Rivendell} —
повествование не дает
полного представления о
том, какой храбрости и
доблести это потребовало
— Тракта с Севера на Юг
уже не существовало; были
лишь остатки дамб, по
которым кое-как можно
было добраться до *Тарбада*,
где сохранились руины на
постепенно исчезающих
курганах и опасный брод
по остову бывшего моста,
который был бы
непроходим, не будь река в

том месте медленной и тихой — и все равно широкой.

Если название «Гландуин» и помнили где-либо, то лишь в Раздоле; и применялось оно только к верхнему течению реки, где она еще была быстра, но вскоре терялась в равнинах и исчезала в болотах — огромной сети трясин, заводей и маленьких озерок, единственными жителями которых были бесчисленные стаи лебедей и многих других водных птиц. Если у этой реки и

было другое название, то только на языке дунлендингов. В «Возвращении Короля» VI 6 она названа Лебяжьей речкой (не Рекой), просто как река, впадающая в Нûн-ин-Эйльф {Nîn-in-Eilph}, «Лебяжьи Заводи».[\[150\]](#)>>

Отец хотел внести в пересмотренную карту к «*Властелину Колец*» Гландуин как название верхнего течения реки и отметить болота названием *Нûн-ин-Эйльф* (или *Лебяжьи*). Но в ходе работы его слова были неверно поняты, судя по тому что на карте

Полин Бэйнс нижнее течение реки обозначено названием «Р. Лебязья», тогда как на карте в книге, как отмечено выше на стр. 262, названия рек расставлены неверно.

Можно заметить, что Тарбад упоминается в «Хранителях» II 3 как <<разрушенный город>> и что Боромир в Лотлóриэне говорит, что потерял в Тарбаде коня, переправляясь через Сизреку {Greyflood} (*там же*, II 8). В Повести Лет разрушение и опустошение Тарбада датируется годом 2912 Третьей Эпохи, когда разливы рек затопили Энедвайт и Минхириат.

Из этих рассуждений видно, что концепция нүменóрского порта в устье Гватлó со времени написания «По поводу Галадриэли и Келеборна» разрослась с <<небольшой нүменóрской гавани>> до Лонда Дээр, Великой Гавани. Это, конечно же, Виньялондэ, или Новая Гавань, из «Алдариона и Эрендис» (стр. 176), хотя такое название и не появляется в процитированных отрывках. В «Алдарионе и Эрендис» (стр. 206) говорится, что работы, которые Алдарион возобновил в Виньялондэ, <<так и не были завершены>>. Это, вероятно, означает лишь, что они не были завершены им самим; ибо

дальнейшая история Лонда Даэр предполагает, что гавань впоследствии была восстановлена и защищена от ударов морской стихии, и тот же отрывок в «Алдарионе и Эрендис» продолжается тем, что Алдарион <<заложил основание для последовавших спустя множество лет побед Тар-Минастира в первой войне с Сауроном, и если бы не труды Алдариона, нúменóрские флотилии не смогли бы доставить свою силу вовремя и в нужное место — как и предвидел Алдарион>>.

Сказанное выше в рассуждении о названии *Гландуин*, что порт был назван Лонд Даэр Энед {Enedh}, «Великая Срединная Гавань» между

гаванями в Линдоне на Севере и в Пеларгире на Андуине, должно быть, относится ко времени много позже высадки нúменóрского десанта в войне с Сауроном в Эриадоре; ибо, согласно Повести Лет, Пеларгир был выстроен не ранее 2350 года Второй Эпохи и стал главной гаванью Верных нúменóрцев.

Приложение Д

Имена Келеборна и Галадриэли

В очерке, касающемся обычаев

именования у эльдаров в Валинóре, говорится, что у них было по два «данных имени» (*эсси*), из которых первое давал при рождении ребенка его отец; это имя обычно было отзвуком отцовского имени, походя на него значением или формой, а могло быть и таким же, как отцовское, к которому, когда ребенок вырастал, прибавлялась какая-нибудь отличительная приставка. Второе имя давалось потом матерью, иногда много позже, иногда почти сразу после рождения; эти материнские имена имели большое значение, ибо матери эльдаров могли провидеть нрав и способности своих детей, а многие имели и дар пророческого

предвидения. Кроме того, каждый эльдар мог иметь *эпессэ* {*epessë*} («после-имя»), не обязательно данное родственниками, прозвище — обычно даваемое в знак восхищения и уважения; и *эпессэ* могло стать общеупотребительным именем, упоминаемым в дальнейшем в песнях и историях (как это было, например, с Эрейнионом, которого всегда знали по его *эпессэ* Гил-Галад {*Gil-galad*}).

Так, имя *Алатариэль* {*Alatáriel*}, которое, согласно последней версии истории их отношений (стр. 231), дал Галадриэли в Амане Келеборн {*Celeborn*}, было *эпессэ* (о его значении см. Приложение к

«Сильмариллиону», статья «Кал-
{Cal-}»), и она, переделав его на
синдаринский лад в *Галадриэль* взяла
себе в Средиземье это имя,
предпочтя его «отцовскому имени»
Артанис и «материнскому имени»
Нервен {*Nerwen*}.

Только в последней версии у
Келеборна появляется высоко-
эльфийское, а не синдаринское имя
Телепорно. Говорится, что имя это на
самом деле по форме тэлеринское:
древний эльфийский корень,
обозначавший «серебро» — *кьелен*-
— в синдарине превратился в *келеб*-
{*celeb-*}, в тэлерине — в *телен*-,
телне, и в *челен*-, *челне*- {*tyeler*-,
tyelpe-}i — в квенья. Но в квенья

общеупотребительной стала форма *телне* — из-за тэлеринского влияния; ибо тэлеры ценили серебро выше золота, и мастерство их среброкузнецов уважали даже нолдоры. Так, *Телперин* стало более употребительным именем Белого Древа Валинóра, чем *Челперин* {*Tuelperion*}ⁱ (*Алатáриэль* — тоже тэлеринское слово; квенийской формой будет *Алтáриэль*).

Имя Келеборна первоначально должно было обозначать «Серебряное Дерево»; так именовалось Дерево Тола Эрессэа {*Eressëa*} («*Сильмариллион*», стр. 50). Близкие родственники Келеборна тоже носили «древесные»

имена (стр. 233): Галадон {Galadhon}, его отец, Галатиль {Galathil}, его брат, и Нимлот {Nimloth}, его племянница, которую звали так же, как Белое Дерево Нүменора. В самых последних филологических работах отца, однако, значение «Серебряное Дерево» было отброшено: вторая часть имени *Келеборн* была выведена от древнего прилагательного *орна-*, «высящийся, высокий», а не от однокоренного существительного *орне-*, «дерево». (Словом *орне-* изначально называли более стройные и прямые деревья, такие, как береза, тогда как более кряжистые и раскидистые деревья, например, дуб

и бук, в древнем языке назывались словом *галада*-, «высокое растение»; но это различие не всегда просматривается в квенья, а в синдарине исчезает, сохраняясь только в стихах и песнях, а также во многих именах и названиях древесных пород.) То, что Келеборн был высок, говорится в рассуждении о Ну́менóрских Мерах Длины, стр. 286.

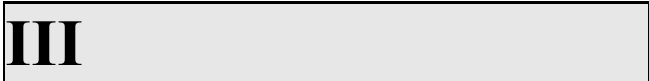
О случайном совпадении имени Галадриэли со словом *галад* {*galadh*} отец писал:

<<Когда Келеборн и
Галадриэль стали
правителями эльфов

Лóриэна, которые большей частью были Лесными эльфами и звали себя Галадрим {Galadhrim}), имя «Галадриэль» стало связываться с деревьями, и эту связь укрепляло имя ее мужа, в котором тоже содержался корень «дерево»; поэтому вне Лóриэна, среди тех, чьи воспоминания о древних днях и истории Галадриэли становились туманными, ее имя часто менялось на «Галадриэль {Galadhriel}». Но не в самом Лóриэне.>>

Здесь можно еще упомянуть, что правильным будет произносить название эльфов Лóриэна как *Галадрим* {*Galadhrim*}, и равно — *Карас Галадон* {*Caras Galadhon*}ⁱⁱ. Отец в самом начале поменял звонкий межзубный звук, обозначающийся в современном английском через *th*, на *d*, поскольку, как он писал, *dh* не употребляется в английском и выглядит несколько неуклюже. Позже он изменил свое мнение на этот счет, но *Галадрим* {*Galadrim*} и *Карас Галадон* {*Galadon*} остались неисправленными до появления пересмотренного издания «*Властелина Колец*» (в последующих

перепечатках замена была произведена). Эти названия написаны с ошибкой и в статье «Алда» в Приложении к «Сильмариллиону».

«Несчастье на Ирисных Низинах»

Это — «поздний» рассказ; ввиду отсутствия каких-либо сведений или намеков на точную дату написания, это означает, что он, вместе с «Кирионом и Эорлом», «Битвой на Изенских Бродах», «Дру́эдайном» и филологическими очерками, упоминающимися в «Истории Галадриэли и Келеборна», принадлежит скорее к заключительному периоду работы отца над Средиземьем, чем ко времени опубликования «*Властелина Колец*» и нескольким годам сразу

после того. Имеется две версии этого рассказа: черновой полный машинописный текст, явно первый этап сочинения, и белой машинописный текст, несущий множество исправлений и обрывающийся на том, как Элендур побуждает Исилдура бежать. Руке редактора работы тут было немного.

Несчастье на Ирисных Низинах

После падения Саурана Исилдур, сын и наследник Элендила, вернулся в Гондор. Там он принял Элендилмир^[153] как Король Арнора и провозгласил свою верховную

власть над всем Дунэдайном Севера и Юга; ибо был он человеком гордым и властным. Год он оставался в Гондоре, восстанавливая в нем порядок и определяя его границы^[154]; большая же часть арнорского войска вернулась в Эриадор по н́уменóрскому тракту от Изенских {Isen} Бродов до Форноста.

Когда, наконец, Исилдур счел, что может возвращаться в свои владения, он стал торопиться и решил сперва отправиться в Имладрис; ибо там он оставил жену и младшего сына^[155], и кроме того, ему нужен был срочный совет Элронда. Поэтому он решил проложить свой путь на север от

Осгилиата {Osgiliath} по
Андуинским Долинам до Кирита
Форн-эн-Андрат {Cirith Forn-en-
Andrath}, высокогорного перевала на
Севере, который вел в Имладрис^[156].
Эти земли он хорошо знал, ибо часто
путешествовал там до Войны Союза,
и этим путем вместе с Элрондом он
вел на войну войско из Восточного
Арнора.^[157]

Это был долгий поход, но
единственно возможный другой путь
— на запад и затем на север до
перекрестка дорог в Арноре, а потом
на восток в Имладрис — был много
дольше^[158]. Для всадников он, может
быть, был бы столь же скор, но у
Исилдура не было ездовых коней;^[159]

раньше, быть может, был бы он более безопасен, но сейчас Саурон был побежден, а жители Долин были союзниками Исилдура в победе. Он не опасался ничего, кроме погоды и тягот пути, но это должен сносить тот, кого нужда отправляет в дальнюю дорогу по Средиземью. [\[160\]](#)

Предание последующих времен гласит, что второй год Третьей Эпохи подходил к концу, когда в начале иваннета {Ivanneth} [\[161\]](#) Исилдур вышел из Оскилиата, рассчитывая достичь Имладриса в сорок дней, к середине нарбелета {Narbeleth}, пока зима еще не подступила к Северу. Ясным утром у Восточной Заставы Моста Менельдил [\[162\]](#)

простился с ним:

— Отправляйся, счастливой тебе дороги, и Солнце твоего отправления да не померкнет на твоём пути!

С Исилдуром ехали три его сына — Элендур, Аратан и Кирьон {Ciryon} [\[163\]](#), а также его Дружина из двухсот рыцарей и воинов, арнорцев, стойких и закаленных в войне. Ничего не известно об их путешествии до того, как они миновали Дагорлад и проехали на север к диким просторам Зеленолесья Великого. На двадцатый день похода они увидели вдалеке леса на холмах, которые иванне~~т~~ окрасил в багрянец и золото; но тут небо затянуло, и с Моря Р'ûн {Rhûn}

налетел черный ветер, принесший с собой дождь. Ливень продолжался четыре дня; и когда они подъехали ко входу в Долины между Лóриэном и Амоном Ланк {Lanc} [\[164\]](#), Исилдур отвернул от Андуина, раздувшегося от дождевой воды, и стал подниматься по крутому склону его восточного берега, чтобы выбраться на старинные тропы Лесных эльфов, проходившие близ опушки Леса.

Так случилось, что вечером тридцатого дня их похода они шли вдоль северного края Ирисных Низин [\[165\]](#), следуя тропе, что вела во владения Трандуила {Thranduil} [\[166\]](#), простиравшиеся тогда там. Ясный день догорал; над далекими горами

собирались облака, подсвеченные садящимся в них красным закатным солнцем; низины уже были укрыты сизыми тенями. Дúнаданы пели, ибо их дневной переход близился к концу, и три четверти долгой дороги в Имладрис уже были за спиной. Справа над ними стоял Лес, высившийся над сбегающими к ним крутыми склонами, а слева от их тропы уклон становился более плавным.

Внезапно солнце закрыла туча; дúнаданы слышали крики и увидели, что из леса выбегают орки и несутся вниз по склонам на них, выкрикивая свои боевые кличи^[167]. В сумерках можно было лишь

догадываться, сколько их, но их число явно во много раз, чуть ли не вдесятеро, превосходило число дýнаданов. Исилдур скомандовал отряду построиться в *тангайл* *{thangail}*^[168], стену из двух сомкнутых рядов, которая могла загибаться в любую сторону при обходе с фланга, в случае необходимости превращаясь в сплошное кольцо. Если бы место было ровным или уклон был бы в его пользу, Исилдур построил бы свой отряд в *дýрнайт* *{dírnaith}*^[169] и атаковал бы орков, попытавшись мощью дýнаданов и их оружия пробиться сквозь них и разметать их; но сейчас этого сделать было нельзя.

Мрачное предчувствие тронуло его сердце.

— Месть Саурана жива, хоть сам он и мертв, — сказал Исилдур Элендуру, стоящему рядом с ним. — Хитрая западня! У нас нет надежды на помощь: Мория и Лóриэн далеко позади, а до Трандуила — четыре дня ходу.

— К тому же у нас ноша, не имеющая цены, — добавил Элендур; ибо отец поверял ему свои тайны.

Орки приближались. Исилдур повернулся к своему оруженосцу:

— Охтар^{[\[170\]](#)}, — сказал он, — вручаю тебе это на хранение. — И он передал ему длинные ножны и обломки Нарсила, меча Элендила. —

Сохрани это от врага любым способом, который только найдешь, и любой ценой; даже ценой трусливого бегства от меня. Возьми с собой своего спутника, и бегите! Вперед, я приказываю вам!

Охтар пал на колени и поцеловал руку Исилдуру, и двое юношей бросились бегом в темноту долины.

Если зоркие орки и заметили их бегство, то не обратили на него внимания. Они разом замедлили бег, изговорясь к атаке. Сперва они выпустили дождь стрел, а затем, издав громкий вопль, сделали так, как сделал бы сам Исилдур, будь он на их месте: бросили своих лучших

воинов вниз по остававшемуся до дунаданов склону, рассчитывая пробить их стену. Но стена устояла. Стрелы не пробивали нуненорских доспехов. Люди возвышались над самыми высокими орками, а мечи и копья дунаданов намного превосходили оружие их врагов. Атака захлебнулась, прервалась, и орки отступили, не нанеся много вреда защищавшимся и оставив их недрогнувшими на горе орочьих тел.

Исилдур решил, что враги отступают к Лесу. Он оглянулся. Красная кромка солнца сверкнула из-за туч; солнце заходило за горы и опускалась ночь. Исилдур отдал приказ двигаться дальше, но

направил отряд вниз, на более пологий склон, где преимущество орков было бы меньше^[171]. Может быть, он думал, что после нападения, которое столь дорого им обошлось, орки пропустят отряд, хотя их разведчики, быть может, будут следить за ним всю ночь и найдут их стоянку. Так обычно делали орки, чаще всего пугавшиеся, когда их добыча защищалась и кусалась в ответ.

Но он ошибся. В этом нападении была не только хитрость, но также ярость и беспощадная ненависть. Командовали горными орками и натаскивали их мрачные слуги Барад-дûра, высланные много

раньше следить за перевалами^[172], а Кольцо, хоть они и не знали про него, срезанное всего два года назад с черной руки Саурона, было еще полно его злой волей и взывало ко всем его слугам о помощи. Дúнаданы не прошли и мили, как орки появились снова. На этот раз они не пробовали силу противника, а пустили в ход все свои силы. Они вышли широким фронтом, загибавшимся полукругом, и вскоре окружили дúнаданов. Теперь орки молчали и не подходили ближе, чем могли достать стальные нúменóрские луки^[173], которых они страшились; но свет быстро угасал, и у Исилдура было слишком мало лучников^[174].

Исилдур остановился.

Все затихло, хотя самые зоркие дунаданы говорили, что орки подкрадываются, осторожно, медленно, шаг за шагом. Элендур подошел к отцу, который мрачно стоял в стороне и словно бы задумался о чем-то.

— *Атаринья*, — сказал Элендур, — что та сила, которая может повелевать этой нечистью и заставить ее повиноваться тебе? Она не достижима сейчас?

— Увы, нет, *сенья*. Я не могу употребить ее. Боль прикосновения к нему мне ужасна^[175]. И я еще не нашел силы овладеть им. Для этого нужен человек более великий, чем

тот, каким я теперь вижу себя. Гордыня моя пала. Оно должно отправиться к Хранителям Трех.

В это время раздался рев рогов, и орки напали одновременно со всех сторон, бросившись на дунаданов с беспощадной жестокостью. Наступила ночь, и надежда пропала. Люди гибли; ибо несколько орков нападали на одного дунадана и валили его своей тяжестью, мертвого или живого, а потом другие мощными когтями выволакивали его и приканчивали. Орки, быть может, платили по пять за одного, но и это было слишком дешевой ценой. Так погиб Кирьон, и Аратан был смертельно ранен, когда пытался

спасти его.

Элендур, еще не раненый, нашел Исилдура. Тот возглавлял людей на восточной стороне, где положение было самым тяжелым, ибо орки все еще боялись Элендилмира, который Исилдур носил на голове, и бежали от него. Элендур тронул его за плечо, и Исилдур резко обернулся, приняв его за орка, подкравшегося сзади.

— Мой Король! — сказал Элендур. — Кирьон мертв, и Аратан умирает. Твой последний советник должен советовать, а не приказывать тебе, как ты приказал Охтару. Беги! Возьми свою ношу и любой ценой доставь ее Хранителям: даже ценой своих людей и меня.

— Королевич! — ответил Исилдур. — Я знал, что должен сделать это; но я боялся боли. И не мог я уйти, не простившись с тобой. Прости меня и мою гордыню, что навлекла на вас гибель. [\[176\]](#)

Элендур поцеловал Исилдура.

— Иди! Уходи же! — сказал он.

Исилдур повернулся к западу и, вынув Кольцо из шкатулки, что висела на цепочке на его груди, надел его на палец, вскрикнув от боли; ни один глаз в Средиземье более не видел его. Но Элендилмир Запада погасить было нельзя, и он вдруг яростно вспыхнул красным огнем, словно огненная звезда. Люди и орки в страхе расступились; и Исилдур,

накинув капюшон, исчез в ночи [\[177\]](#).

О том, что дальше случилось с дунаданами, известно лишь вот что: вскоре все они полегли, кроме одного, молодого оруженосца, оглушенного и погребенного под грудой тел. Так погиб Элендур, который должен был стать Королем — и, как предсказывали все, кто знал его, одним из величайших силой, мудростью и свободным от гордыни величием, одним из славнейших в семени Элендила, более всех похожим на своего царственного деда [\[178\]](#).

Об Исилдуре же говорится, что ужасная боль охватила его тело и

душу, но сперва он бежал, как олень от гончих, пока не спустился к самому подножию долины. Там он остановился, чтобы убедиться, что за ним нет погони; ибо орки могут преследовать беглеца в темноте по запаху, и глаза им для этого не нужны. Потом он двинулся осторожнее и медленнее, потому что перед ним во мраке раскинулась широкая равнина, бездорожная и со множеством ловушек для неверного шага.

Так случилось, что, наконец, глухой ночью Исилдур вышел на берег Андуина, и он очень устал; ибо он прошел расстояние, которое по такой местности дýнадан не

преодоле́л бы быстрее и днем, идя без остано́вок [\[179\]](#). Перед ним шумела быстрая темная река. Некоторое время Исилдур одиноко стоял в отчаянии. Затем он сбросил с себя все доспехи и оружие, оставив лишь короткий меч на поясе [\[180\]](#), и кинулся в воду. Он был силен и вынослив так, что даже немногие ду́наданы его возраста могли сравниться с ним, но и у него было мало надежды добраться до другого берега. Еще не отплыв далеко от берега, он был вынужден повернуть почти прямо на север против течения; как он ни боролся, его все равно сносило к заводям Ирисных Низин. Они же оказались ближе, чем думал

Исилдур^[181]; и вдруг, почувствовав, что течение ослабевает и почти останавливается, он обнаружил себя в зарослях тростника и стелющихся водяных трав. Тут он вдруг понял, что Кольцо исчезло. Случайно, или ловко воспользовавшись случаем, оно соскользнуло с его руки и пропало там, где он не мог надеяться когда-нибудь найти его вновь. Сперва боль потери была так сильна, что Исилдур перестал бороться и едва не утонул. Но эта боль ушла так же быстро, как и напала. Исилдур избавился от великой ноши. Он нащупал ногами дно и, увязая в иле, побрел через тростники к болотистому островку у самого западного берега. Там он

поднялся из воды: смертный человек, маленькое живое существо, брошенное и затерянное в глухомани Средиземья.

Но для зорких во мраке орков, что несли там стражу, он вырос чудовищной тенью, ужасающей, с пронзительно горящим, как звезда, глазом. Они выпустили в него свои отравленные стрелы и бежали. Это было уже лишним, ибо обнаженный Исилдур был поражен в сердце и в горло и без единого крика снова рухнул в воду. Останков его не нашли ни люди, ни эльфы. Так пала первая жертва злодейства бесхозного Кольца: Исилдур, второй Король всего Дунэдайна, правитель Арнора

и Гондора, и в ту Эпоху — последний.

Источники легенды о гибели Исилдура

У этих событий были свидетели. Охтар и его спутник спаслись, унеся с собой обломки Нарсила. В сказании говорится о юноше, который уцелел в бойне: он был оруженосцем Элендура, и звали его Эстельмо; он пал в самом конце битвы, но был не убит, а оглушен дубиной, и его нашли живым под телом Элендура. Он слышал слова Исилдура и Элендура при их

прощании. Люди пришли к месту происшествия слишком поздно, но они успели не дать оркам надругаться над телами: лесовики отправили к Трандуилу скороходов, а сами собрали войско и подстерегли орков в засаде — но те учуяли ее и разбежались, ибо хоть они и победили, потери их были велики, и почти все большие орки были перебиты: долгие годы они не совершали больше таких нападений.

Рассказ о последних часах жизни Исилдура и его смерти — вымысел; но вымысел хорошо обоснованный. Целиком эта легенда была сложена не раньше воцарения Элессара, в Четвертую Эпоху, когда

обнаружились многие свидетельства. Тогда же было известно только то, что, во-первых, Исилдур нес Кольцо и утонул в Реке; во-вторых, что его доспех, шлем, щит и длинный меч, но ничего кроме, были найдены на берегу чуть выше Ирисных Низин; в-третьих, что орки выставили на западном берегу дозорных, вооруженных луками, чтобы остановить тех, кто сможет спастись с поля битвы и уйдет к Реке — были обнаружены следы их стоянок, одна из которых была совсем рядом с краем Ирисных Низин; и, в-четвертых, что Исилдур и Кольцо, вместе или порознь, сгинули, должно быть, в Реке, ибо если бы Исилдур

добрался до западного берега с Кольцом на пальце, то ушел бы от дозорных, а человек такой силы и выносливости смог бы потом дойти до Лóриэна или Мории, не попавшись врагам. Хотя это и долгий путь, каждый дúнадан носил на поясе в маленькой запечатанной котомке склянку с бодрящим напитком и дорожные хлебы, которые поддерживали силы на протяжении многих дней — не эльфийские *мирувор*^[182] и *лембас*, но схожие с ними, потому что лекарское и другие умения Нýменóра еще не были забыты и процветали. Ни пояса, ни котомки не было среди доспехов, скинутых Исилдуром.

Много спустя, когда Третья Эпоха эльфийского мира подходила к концу и близилась Война Кольца, Совету Элронда открылось, что Кольцо было найдено в воде у края Ирисных Низин возле западного берега; но останков тела Исилдура так и не нашли никогда. Совет также узнал, что Саруман тайно обыскивает ту же местность; но, хотя Кольца он не нашел (оно давно уже было унесено оттуда), Совету не было известно, что он мог обнаружить еще.

Король Элессар, короновавшись в Гондоре, начал переустройство своих владений, и одним из первых его дел было восстановление

Ортанка, где он предложил снова установить *Паланті́р*, добытый у Сарумана. Тогда были осмотрены все тайники башни. Отыскалось много ценного: родовые драгоценности Эорла, украденные из Эдораса Червословом во время немочи Короля *Тéодена* {Théoden}, и другие, более древние и прекрасные, из курганов и могил разных мест. Саруман в своем падении стал не драконом, а вороной. Наконец, за потайной дверью, которую не нашли бы и не открыли, если бы Элессару не помог Гимли Гном, был найден стальной тайник. Возможно, в нем должно было храниться Кольцо; сейчас же тайник был пуст. Лишь две

вещи находились в нем. Одна — маленькая золотая шкатулка на цепочке; она была пуста, и на ней не было никаких букв или знаков, но, вне всяких сомнений, это была та самая шкатулка, в которой Исилдур некогда носил на груди Кольцо. Рядом же с нею лежало бесценное сокровище, давно оплакиваемое и считавшееся утерянным навсегда: сам Элендилмир, белая звезда эльфийского хрусталя на обруче из *митрила* {mithril}, перешедший к Элендилу от Сильмариэни и принятый им как знак власти над Северным Королевством. [\[184\]](#) Элендилмир носили все короли и вожди, что были в Арноре после них,

включая и самого Элессара; но тот Элендилмир, хоть и был драгоценностью великой красоты, созданный эльфами Имладриса для Валандила сына Исилдура, не был ни столь древним, ни столь могучим, как тот, который пропал, когда Исилдур ушел во тьму и не вернулся.

Элессар принял его с честью, и когда, вернувшись на Север, он снова облекся полной королевской властью над Арнором, Арвен {Arwen} возложила Элендилмир на голову Элессара, и люди застыли в немом изумлении, увидев великолепие драгоценности. Но Элессар больше не подвергал Элендилмир опасности и носил его только в дни торжеств

Северного Королевства. В другое время в королевском облачении он носил тот Элендилмир, который перешел к нему по наследству. «И это тоже реликвия, достойная всяческого почтения», — говорил он, — «и ее достоинство много выше моего; сорока главам была она венцом. [\[185\]](#)»

Более тщательный обыск того тайника принес печаль и недоумение. Было ясно, что эти вещи, в особенности Элендилмир, не могли быть найдены, не будь их при Исилдуре, когда тот утонул; но если бы это случилось на глубоком месте с сильным течением, то их со временем унесло бы. Значит, Исилдур погиб не на стремнине, а на

отмели, на глубине не более, чем по плечи. Почему же тогда, хотя прошла целая Эпоха, не было найдено и следа его останков? Не нашел ли их Саруман и не надругался ли над ними — не сжег ли с презрением в каком-нибудь из своих горнов? Если так, то это постыдное деяние; но не самое ужасное из его дел.

Приложение. Ну́менóрские
меры длины

Заметка, связанная с отрывком из «Несчастья на Ирисных Низинах» по поводу разных путей из Оспи́лиата {Osgiliath} в Имладрис (стр. 271 и 278, прим. 6), говорит следующее:

<<Меры длины, где это возможно, переведены в современные. Слово «лига» используется потому, что это самая большая мера расстояния; по нүменóрскому счету (который был десятичным) 5000 *рангар* (полных шагов) составляли *лár*, меру, очень близкую к трем нашим милям. «*Лár*» означало «остановка», потому что, пройдя такое расстояние, обычно устраивали короткий привал, за исключением скорых маршей.>> [см.

прим. 9] <<Нүменёрская
ранга была чуть короче
нашего ярда^[186], примерно
равняясь 38 дюймам^[187],
ввиду высокого роста
нүменёрцев. Поэтому 5000
рангар равнялись в
точности 5280 ярдам^[188],
нашей «лиге»: 5277 ярдов 2
фута и 4 дюйма^[189], если
приравнивать точно.
Однако, точно вычислить
это, основываясь на
сравнениях длин
различных вещей и
расстояниях,
сохранившихся в истории, с
такowymi же нашего

времени, невозможно. Нужно принимать во внимание как высокий рост нумеровцев (поскольку наименования единиц измерения длины произошли, вероятнее всего, от рук, пальцев, стоп и шагов), так и отклонения от средних величин по ходу становления и организации системы измерений для повседневного пользования и точных вычислений. Так, 2 *ранги* часто назывались «ростом человека», что при 38 дюймах дает рост в среднем в 6 футов 4

дьюйма^[190]; но эта мера
длины датируется более
поздним временем, когда
рост дунаданов
уменьшался; кроме того,
она не предназначалась для
точного выражения
общепринятого
представления о среднем
росте мужчины-дунадана, а
была лишь
приблизительной мерой,
выраженной в хорошо
известной единице *ранге*.
(Говорилось, что *ранга* —
длина шага от задней пятки
до переднего носка
взрослого человека,

идущего спокойно, но
быстро; широкий шаг
«вполне мог достигать
полутора *рангар*».) В то же
время о великих людях
прошлого говорится, что
они были выше среднего
человеческого роста.
Элендил, как сказано, был
«выше обычного роста
человека почти на пол-
ранги»; но он и был
признан самым высоким из
всех нүменóрцев,
спасшихся в
Низвержении>> [и был
известен как Элендил
Высокий]<<. Эльдары

Былых Времен также были очень высоки ростом. Галадриэль, «высочайшая из всех женщин Эльдара, о которых рассказывают предания», была, как сказано, ростом с мужчину, но в примечании говорится: «по мерам Дúnэдайна и людей в старину», что означает рост примерно в 6 футов 4 дюймаv.

Рохирримы обычно были ниже ростом, потому что в далекой древности своей они смешались с людьми более плотного и

коренастого телосложения. Говорится, что Эомер был высок, почти одного роста с Арагорном; но он и другие потомки Короля Тенгела {Thengel} были выше средних роханцев, унаследовав эту особенность (иногда вместе с более темным цветом волос) от Морвен {Morwen} жены Тенгела, гондорской дамы высокой нúменóрской крови.>>

Примечание

к
вышеприведенному тексту добавляет
кое-что к тому, что сказано о Морвен

во «*Властелине Колец*» (Приложение А (II), «Короли Марки»):

<<Ее знали как Морвен из Лоссарнаха {Lossarnach}, ибо она жила там; но она не принадлежала к народу той земли. Отец ее перебрался туда из Белфаласа, полюбив тамошние цветущие долины; он был потомком бывшего Князя того удела и, тем самым, родичем Князю Имрахилю. Имрахиль признал свое родство с Эомером Роханским, хотя и дальнее,

и между ними зародилась великая дружба. Эомер женился на дочери Имрахилия,>> [Лотúриэли {Lothíriel}] <<и их сын, Эльфвайн {Elfwine} Дивный, выдался разительно похожим на отца своей матери.>>

Другая заметка отмечает о Келеборне {Celeborn}, что он был <<валино́рским линдаром>> (что означает «одним из Тэлери», самоназвание которых было Линдар, Певцы), и что

<<среди них он

считался высоким, о чем говорит его имя («серебряно-высокий»); но тэлеры в целом были ниже ростом и не так статны, как нолдоры.>>

Это — последняя версия происхождения Келеборна и значения его имени; см. стр. 233, 266.

В другом месте отец пишет о телосложении хоббитов в соотношении со сложением нúменóрцев и о происхождении названия «полурослики»:

<<Замечания>>

[о

телесном строении хоббитов] <<в Прологе к *«Властелину Колец»* излишне туманны и путаны из-за включения упоминаний о представителях этой расы, доживших до более поздних времен; во *«Властелине Колец»* же все можно свести к следующему: хоббиты Шира были ростом от трех до четырех футов [\[191\]](#), не ниже и редко выше. Они, разумеется, сами не звали себя полуросликами; это их нúменóрское

наименование. Оно, очевидно, говорит об их росте по сравнению с нүменóрцами и примерно соответствовало истине тогда, когда было дано. Первыми так были названы шерстопяты {Harfoots}, о которых правители Арнора узнали в XI в.,>> [ср. запись под годом 1050 в Повести Лет] <<а затем также буролапы {Fallohides} и струсы {Stoors}[\[192\]](#) Королевства Севера и Юга в то время поддерживали друг с другом тесную связь, и в

обоих из них были хорошо осведомлены обо всех событиях друг у друга, особенно о переселениях новых народов. Поэтому, хотя в Гондоре до Перегрина Тука, видимо, не появлялся ни один «полурослик», там было известно о существовании в королевстве Артэдайн {Arthedain} такого народа, и им было дано название «полурослики» или, на синдарине, *перуаны*. Едва Боромир увидел Фродо,>> [на Совете Элронда] <<он сразу понял, что перед ним

один из них. До того, вероятно, он считал их существами из того, что мы называем сказками и фольклором. По тому, как принимали Пиппина в Гондоре, очевидно, что на самом деле о «полуросликах» там помнили.>>

В другой версии этой заметки говорится об снижении среднего роста и полуросликов, и нүменóрцев:

<<Уменьшение роста дүнаданов было не естественным изменением,

какому могут быть
подвержены все народы,
чьим домом было
Средиземье; оно было
вызвано утратой их древней
земли на Западе,
ближайшей из всех
смертных земель к
Неувядающему Краю.
Последовавшее же много
позже мельчание хоббитов,
должно быть, является
следствием перемены в их
образе жизни; по мере того,
как люди, Громадины,
становились все более
многочисленны, захватывая
самые плодородные и

населенные земли, хоббиты
стали скрытным и
осторожным народцем,
вытесняемым в леса и на
пустоши; народцем
бродячим, нищим,
теряющим свои умения,
кое-как проводящим жизнь
в поисках пищи, стараясь
не попасться людям на
глаза.>>

«Кирион и Эорл и дружба Гондора и Рохана»

Эти фрагменты, по моему мнению, относятся к тому же периоду написания, что и «Несчастье на Ирисных Низинах», периоду, когда отец много занимался ранней историей Гондора и Рохана; эти фрагменты, несомненно, должны были составить части обширной истории, развивающей в деталях общий обзор, приведенный в Приложении А к «Властелину Колец». Материал этот находится на первой стадии сочинения, очень беспорядочен, полон вариаций и

переходит в черновые наброски, которые частично невозможно прочесть.

Кирион и Эорл.

О дружбе Гондора и Рохана

(i) Северяне и кибитники

Хроника Кириона {Cirion} и Эорла^{[\[193\]](#)} начинается лишь с первой встречи Кириона, Наместника Гондора, и Эорла, Предводителя Эотэода {Éothéod}, после Битвы на Поле Келебранта {Celebrant}, в

которой были разбиты враги Гондора. Но и в Рохане, и в Гондоре бытовали легенды и предания о великом походе Рохиррима с Севера, по которым и были составлены рассказы, позже появившиеся в Хрониках^[194] вместе с другими, касающимися Эотэода. Здесь они изложены вместе в краткой хроникальной форме.

Эотэод под этим именем впервые стал известен во дни гондорского Короля Калимехтара {Calimehtar}, скончавшегося в год 1936 Третьей Эпохи, когда они были малым народом, жившим в Андуинских Долинах между Карроком {Carrock} и Ирисными

Низинами, большей частью на западном берегу реки. То были последние из северян, некогда многочисленного и могучего объединения народов, живших на обширных равнинах между Лихолесьем и рекой Бегущей {River Running, Долгая Руна (КМ), Быстрица (Г&Г)} — великих коневодов и наездников, славившихся ловкостью и выносливостью — хотя поселения их находились на опушках Леса, особенно в Восточном Уступе, который образовался в большой степени из-за их вырубок леса^[195].

Эти северяне были потомками того же племени людей, что и те, которые в Первую Эпоху ушли на

Запад Средиземья и стали союзниками Эльдара в его войнах с Морготом {Morgoth} [\[196\]](#). Таким образом, они были дальними сородичами Дунэдайна и нуменорцев, и между ними и народом Гондора была тесная дружба. Они были передним оборонным рубежом Гондора, защищавшим от нашествий его северную и восточную границы; но Короли не понимали этого в полной мере, пока рубеж этот не был ослаблен и, наконец, уничтожен. Упадок р'ованионских {Rhovanion} северян начался с Великим Мором, явившимся к ним зимой 1635 года и скоро перекинувшимся также на

Гондор. В Гондоре смертность была велика, особенно среди горожан. В Р'ованионе же она была еще выше, поскольку, хотя его жители и селились в основном на открытых местах, не строя крупных городищ, Мор пришел к ним холодной зимой, когда кони и люди укрывались от морозов вместе — низкие деревянные дома р'ованионцев были объединены с конюшнями; кроме того, р'ованионцы были мало сведущи во врачевании и лекарстве, еще изрядно помнимых в Гондоре от мудрости Ну́менóра. Говорится, что когда Мор прошел, полегло более половины жителей Р'ованиона и более половины всех их коней.

Оправлялись они медленно; но слабость их долгое время не подвергалась испытанию. Несомненно, народы, жившие дальше к востоку, пострадали не менее, и поэтому враги в то время наседали на Гондор больше с юга и из-за моря. Но когда началось нашествие кибитников {Wainriders}, вовлекшее Гондор в войны, которые длились почти сто лет, именно северяне приняли тяжесть первых ударов. Король Нармакил {Narmacil} II вывел на север в равнины перед Лихолесьем большое войско, собрав также и всех, кого смог, из рассеянных остатков северян; но потерпел поражение и сам пал в

бою. Уцелевшая часть его армии отступила через Дагорлад в Итилиэн {Ithilien}, и Гондор потерял все свои земли к востоку от Андуина, кроме Итилиэна^[197].

Что до северян, то некоторые, как говорят, бежали за Келдуин {Celduin}, Бегущую, и смешались с родственным им народом Дэйла {Dale} под Эребором, иные укрылись в Гондоре, а остальных собрал Мархвини {Marhwinî} сын Мархари, павшего в арьергарде в Битве на Равнинах^[198]. Эти, пройдя между Лихолесьем и Андуином на север, осели в Андуинских Долинах, где к ним присоединилось множество беженцев, ушедших через Лес.

Таково было начало Ёотёода^[199], хотя в Гондоре долгие годы ничего не знали обо всем этом. Большинство же северян было обращено в рабство, а их земли заняли кибитники^[200].

Но спустя некоторое время Король Калимехтар, сын Нармакила II, избавившись от других опасностей^[201], решил отомстить за поражение в Битве на Равнинах. К нему от Мархвини пришли гонцы, предупредившие его о том, что кибитники собираются, чтобы совершить набег на Каленардон {Calenardhon} через Отмели^[202]; они также сказали, что северяне-рабы готовят бунт и восстанут, когда

кибитники затеют войну. Поэтому Калимехтар, как только смог, выступил из Итилиэна с войском, следя за тем, чтобы его приближение было хорошо заметно врагу. Кибитники вышли со всей силой, какую только смогли выставить, и Калимехтар стал отступать перед ними, уводя их от их жилищ. Битва произошла над Дагорладом, и исход ее долго не мог определиться. Но в самый разгар сражения всадники, высланные Калимехтаром через Отмели, с которых враг снял стражу, соединившись с огромным *Эоредом*^[203] во главе с Мархвини, ударили кибитникам во фланг и с тыла. Победа Гондора была

головокружительной — но, как оказалось, не решающей. Когда враг был разбит и в беспорядке скоро бежал на север к своим жилищам, Калимехтар мудро не стал преследовать их. Кибитники оставили истлевать на Дагорладе около трети своего воинства, смешав их останки со останками павших в прежних, доблестнейших битвах прошлого. Всадники же Мархвини догнали отступающих и наносили им огромный урон на всем их долгом пути через равнины, пока вдали не показалось Лихолесье. Там всадники оставили их, дразня: «Бегите на восток, а не на север, Сауроново племя! Смотрите, горят дома, что вы

отняли у нас!» Ибо вдали поднималось множество дымов.

Восстание, устроенное Мархвини, совершилось; вышедшие из леса отчаянные люди взбунтовали рабов, и тем вместе с ними удалось сжечь многие жилища кибитников, их склады и укрепленные лагеря из повозок. Большая часть восставших при этом погибла; ибо они были плохо вооружены, а враг не оставил свои дома без охраны: юношам и старикам помогали молодые женщины, которые в этом народе также учились владеть оружием и яростно сражались, защищая свои дома и своих детей. Так Мархвини пришлось в конце концов отступить

в свою страну за Андун, и северяне его племени никогда больше не вернулись в свои старые дома. Калимехтар ушел в Гондор, который некоторое время (с 1899 по 1944) отдыхал от войн, пока не случилось нападение, едва не прервавшее ветвь гондорских королей.

Несмотря на такой исход, союз Калимехтара и Мархвини не был напрасен. Если бы тогда сила р'ованионских кибитников не была сломлена, нападение повторилось бы снова, с большей силой, и Гондор мог бы пасть. Но вящая польза от этого союза была в будущем, которого никто не мог тогда провидеть: в двух великих походах

Рохиррима на помощь Гондору, в приходе Эорла на Поле Келебранта и в рогах Короля Тёодена {Théoden} над Пеленнором, без которых и возвращение Короля было бы напрасным^[204].

Тем временем кибитники зализывали раны и обдумывали месть. За пределами досягаемости войск Гондора, в землях к востоку от Моря Р'ûн {Rhûn}, откуда до Короля не доходили никакие вести, множились и расселялись соплеменники этого народа, которые жаждали завоеваний и добычи и были полны ненависти к Гондору, стоящему у них на пути. Однако они

долго не трогались с места. С одной стороны, их страшила мощь Гондора; они, не зная ничего о том, что к западу от Андуина, считали, что гондорские пределы куда обширнее и многолюднее, чем это было тогда на деле. С другой стороны, восточные кибитники продвинулись на юг, за Мордор, и враждовали с народами Кханда и их соседями дальше к югу. Лишь со временем между врагами Гондора установился мир и союзничество, и было подготовлено нападение, которое должно было произойти одновременно с севера и с юга.

Конечно же, в Гондоре об этих замыслах было известно мало, или

совсем ничего. То, что рассказывается здесь, было выведено из происшедших много позже событий историками, которым уже было ясно, что и ненависть к Гондору, и союз его врагов для совместных действий, к которым у них самих не хватило бы ни воли, ни мудрости, были вызваны происками Саурана. Однако Фортвини {Forthwini}, сын Мархвини, предупреждал Короля Ондохера, наследовавшего своему отцу Калимехтару в году 1936, что кибитники Р'ованиона оправляются от слабости и страха и что он подозревает о притоке к ним свежих сил с Востока, ибо его сильно

тревожат набегии на южную окраину его земли, которые производятся как из-за Реки, так и через Проужины Леса {Narrows of the Forest}[\[205\]](#). Гондор же тогда не мог сделать ничего, кроме как поднять и начать обучать войско такой величины, какое только возможно было собрать и выставить. Поэтому, когда нападение случилось, оно не застало Гондор врасплох, но сил оказалось меньше, чем было нужно.

Ондохер знал, что враги с юга готовятся к войне, и у него достало мудрости разделить свои силы на северную и южную армию. Последняя была меньше, потому что и опасность с той стороны считалась

меньшей^[206]. Этой армией командовал Эарнил {Eärnil}, член Королевского Дома, потомок Короля Телумехтара, отца Нармакила II. Опорная крепость его была в Пеларгире. Северную армию возглавил сам Король Ондохер. Обычай Гондора всегда разрешал Королю при желании самому вести свое войско в решающую битву, если тот оставлял наследника с неоспоримым правом на трон. Ондохер был воинственного нрава, и войско любило и ценило его; у него было два сына, оба достаточно взрослые для ратного дела: Артамир, старший, и Фарамир, на три года младше.

Известия о выступлении врага достигли Пеларгира на девятый день кермиэ {Cermië} 1944 года. Эарнил уже выстроил свои силы: он с половиной войска пересек Андуин и, умышленно оставив Поросские Броды незащищенными, встал лагерем в сорока милях к северу в Южном Итилиэне. Король Ондохер решил провести свое войско через Итилиэн и развернуть его на Дагорладе, в месте, зловещем для всех врагов Гондора. (В то время укрепления вдоль Андуина к северу от Сарна Гебир, выстроенные Нармакилом I, чтобы предотвратить всякую попытку врага переправиться через реку у Отмелей, еще чинились

и отстраивались умелыми воинами из Каленардона.) Но известия о нападении с севера достигли Ондохера только утром двенадцатого дня кермиэ, когда враг уже подтянул свои силы, тогда как армия Гондора двигалась медленнее, чем шла бы, если бы Ондохер получил предупреждение вовремя, и его авангард еще не достиг Врат Мордора. Основной корпус, возглавляемый Королем и его Гвардией, сопровождали воины Правого и Левого Крыла, которые должны были занять его место по выходе из Итилиэна и приближении к Дагорладу. Там они ожидали удара с севера или северо-востока, как это

было в Битве на Равнинах, когда Калимехтар одолел врага на Дагорладе.

Но вышло не так. Кибитники выстроили на южном берегу внутреннего моря Рûн огромное войско, в Р'ованионе усилив его своими сородичами и новыми союзниками из Кханда. Когда все было готово, они выступили на Гондор с востока, двигаясь со всей возможной быстротой вдоль хребта Эреда Литуи {Lithui}, отчего их приближение не было замечено, пока не стало уже слишком поздно. Вот как случилось, что авангард армии Гондора еще только поравнялся с Вратами Мордора, когда ветер с

востока принес тучу пыли, объявившую о приближении передовых частей вражеского воинства^[207]. Они состояли не только из боевых колесниц кибитников, но также и из кавалерии, количество которой превзошло все ожидания. Ондохер успел лишь развернуться возле Мораннона, принять удар правым флангом и послать Минохтару, Воеводе Правого Крыла, приказ как можно быстрее прикрыть его левый фланг; тотчас же колесницы и всадники врезались в его рассредоточенный строй. О несчастье, последовавшем за этим, до Гондора дошли лишь немногие

четкие донесения.

Ондохер совершенно не был готов принять такой мощный удар кавалерии и тяжелых колесниц. Со своей Гвардией и знаменем он поспешно занял позицию на невысоком холме, но было поздно [208]. Главный удар противника был направлен на его знамя, и оно было захвачено, Гвардия полностью перебита, сам же Ондохер и сын его Артамир пали, и тела их не были найдены. Вражеское войско пронеслось над ними и обтекло вокруг холма, глубоко вдавшись в растерянные ряды гондорцев и увлекая их в беспорядке вспять, разбрасывая их и загнав множество

воинов в Гиблые Болота.

Командование принял Минохтар. Он был человеком доблестным и сметливым. Первый пыл атаки уже спал, и враг понес куда меньшие потери и одержал куда больший успех, чем ожидал. Кавалерия и колесницы не стали отступать, потому что главное войско кибитников близилось к ним. В этот час Минохтар, развернув свое собственное знамя, возглавил уцелевших воинов Срединного полка и тех, что были под его началом. Он сразу же отослал гонцов к Адрахилю Дол-Амротскому {Dol Amroth} [\[209\]](#), Воеводе Левого Крыла, приказав ему отступать как можно скорее со своим

войском и теми из арьергада Правого Крыла, что не были еще заняты в битве. С этими силами Адрахиль должен был занять оборону между Каиром {Cair} Андрос, который был пригодным к обороне укреплением, и горами Эфеля Дúат {Ephel Dúath}, где из-за длинного извива Андуина перешеек был наиболее узким, чтобы продержаться сколько удастся подступы к Минасу Тирит {Tirith}. Сам же Минохтар, чтобы выиграть время для этого отступления, выстроил свое войско и попытался задержать продвижение главного корпуса сил кибитников. Адрахиль должен был сразу же отправить гонцов к Эарнилу, если бы им

удалось его найти, и сообщить ему о несчастье при Моранноне и о положении отступающей северной армии.

Когда приготовилось к атаке основное войско кибитников, было два часа пополудни и Минохтар уже отошел до большого Северно-Итилиэнского Тракта в полумиле от места, где Тракт сворачивал на восток к Дозорным Башням Мораннона. Первая победа кибитников теперь стала началом их разгрома. Не зная о величине и строе обороняющейся армии, они поторопились с ударом, а большая часть армии Гондора не вышла еще из узкого итилиэнского горла —

поэтому атака колесниц и кавалерии увенчалась успехом гораздо более скорым и головокружительным, чем они ожидали. Основной же удар кибитников слишком замешкался, и поэтому они не смогли воспользоваться своим численным преимуществом в полной мере, как собирались, привыкнув к сражениям на открытых местах. Быть может, обрадовавшись гибели Короля и большей части Срединного полка, кибитники решили, что уже одолели армию защитников Гондора и главному войску остается лишь довершить нашествие и занять Гондор. Если так, то они просчитались.

Кибитники почти перестали держать строй, торжествуя и распевая победные песни, не замечая ни следа противника, пока не оказалось, что дорога в Гондор сворачивает на юг в узкую лесистую горловину в тени Эфеля Дúат, где войско могло пройти или проехать только колонной и только по большой дороге. Дорога впереди опускалась в ущелье.

Здесь текст обрывается, и заметки и наброски его продолжения большей частью нечитаемы. Можно, однако, понять, что люди Эотéода сражались вместе с Ондохером; а также то, что Фарамиру, второму

сыну Ондохера, было приказано оставаться в Минасе Тирит в качестве регента, ибо закон не разрешал обоим сыновьям Ондохера отправляться на войну одновременно (такое замечание делается ранее в повествовании, стр. 291). Однако Фарамир ослушался; он отправился на битву переодетым и был убит. Расшифровать записи в этом месте полностью невозможно, но похоже, что Фарамир присоединился к Эотэоду и со многими из них был захвачен при отступлении в сторону Гиблых Болот. Вождь Эотэода, в имени которого можно прочесть только первую часть «Марх-», подоспел к ним на помощь, но

Фарамир умер на его руках, и только обыскав его тело, вождь нашел знаки, указывавшие на то, что это был Королевич. Вождь Эотэода тотчас же отправился к Минохтару в начало Северно-Итилиэнского Тракта, и в тот самый момент, когда Минохтар отдавал гонцу приказ доставить Королевичу в Минас Тирит известие о том, что тот отныне становится Королем, вождь сообщил Минохтару, что Королевич переодетым отправился на бой и погиб.

Появление Эотэода и роль, которую сыграл его вождь, вероятно, объясняет включение в повествование, очевидно являющееся рассказом о начале дружбы Гондора

и Рохиррима, этого столь подробного описания битвы гондорской армии с кибитниками.

Заключительный фрагмент записей говорит примерно о следующем: двинувшись по тракту в глубокое ущелье, войско кибитников несколько порастеряло свое ликование и торжество; конец записей показывает, что вскоре у них на пути встал арьергард Минохтара. <<Кибитники безостановочно вливались в Итилиэн>>, и <<вечером тринадцатого дня кермиэ они разбили Минохтара>>, который был застрелен из лука. Здесь также говорится, что он был сыном сестры Короля Ондохера. <<Воины

Минохтара вынесли его из битвы, а остатки арьергарда бежали на юг искать Адрахилия>>. Тогда предводитель кибитников скомандовал войску остановиться и задал победный пир. Больше разобрать не удастся ничего; но краткое описание в Приложении А к «Властелину Колец» рассказывает, как с юга пришел Эарнил и разбил их:

<<В году 1944 Король Ондохер и оба его сына, Артамир и Фарамир, пали в битве к северу от Мораннона, и враги вступили в Итилиэн. Но

Эарнил, полководец
Южной армии, одержал в
Южном Итилиэне
великую победу и разбил
армию харадримов,
перешедших через реку
Порос. Спеша на север,
Эарнил собрал все, что
осталось от Северной
армии и вышел к главному
лагерю кибитников, когда
те пировали и веселились,
считая, что Гондор
побежден и остается
только забрать свою
добычу, ураганом налетел
на их лагерь и поджег
повозки, выбив врага

далеко из Итилиэна.
Большая часть бежавших от
Эарнила врагов сгинула в
Гиблых Болотах.>>

В Повести Лет победа Эарнила называется Битвой при Стоянке. После гибели у Мораннона Ондохера и обоих его сыновей Арвэдуи, последний король северного края, заявил свои права на корону Гондора; но притязания его были отклонены, и спустя год после Битвы при Стоянке Королем стал Эарнил. Сыном его был Эарнур, который стал последним из Королей Южной Земли и погиб в Минасе Моргул, приняв вызов Предводителя Назгûла.

(ii) Поход Эорла

Еще когда *Эотэод* жил в своих старых местах [\[210\]](#), в Гондоре хорошо знали его как народ, которому можно доверять и от которого приходили известия обо всем, что происходило в тех местах. Люди *Эотэода* были потомками тех северян, что в былые века считались родичами *дúнаданов*, а в дни великих Королей этот народ был Королям союзником и пролил немало крови за Гондор. Поэтому в Гондоре в дни *Эарнила II*, предпоследнего из Королей Южной Земли [\[211\]](#), очень внимательно отнеслись к тому, что *Эотэод*

двинулся на далекий Север.

Новая страна *Эотэода* лежала к северу от Лихолесья, между Мглистыми горами на западе и Лесной рекой на востоке. К югу она простиралась до слияния двух коротких речек, которые называли Сизручем {Greylin} и Долгострым {Langwell}. Сизручей тек с Эреда Митрин {Mithrin}, Серых Гор, а Долгострый сбегал с Мглистых гор и назван так был потому, что был притоком Андуина, в *Эотэоде* именовавшегося Долготоком {Langflood} [\[212\]](#).

После отхода *Эотэод* и Гондор продолжали обмениваться гонцами; но от слияния Сизручья и

Долгострыя, где стоял единственный укрепленный *бург* *Эотэода*, и до впадения Лимлайта {Limlight} в Андуин было около четырехсот пятидесяти наших миль по прямой птичьим летом и много больше для идущего по земле; а до Минаса Тирит таким же образом — восемьсот миль.

Хроника Кириона и Эорла не сообщает ни о каких событиях до Битвы на Поле Келебранта; но из других источников можно узнать, что ход их был таков.

Просторные земли к югу от Лихолесья, от Бурых Земель до Моря Р'ûн, до самого Андуина не представлявшие собой препятствия

для захватчиков с Востока, были источником постоянной заботы и беспокойства правителей Гондора. Во время Бдительного Мира^[213] укрепления вдоль Андуина, особенно на западном берегу Отмелей, были заброшены и обветшали^[214]. После же этого времени Гондор атаковали одновременно и орки из Мордора, который долго оставался без присмотра, и умбарские пираты, и у Гондора не было ни людей, ни возможности укрепить рубеж Андуина к северу от Эмина {Emyn} Муйл.

Кирион стал Наместником Гондора в году 2489. Про угрозу с Севера он помнил всегда и много

размышлял о том, что можно сделать, чтобы избавиться от опасности вторжения с той стороны; а силы Гондора убывали. Кирион выставил небольшие отряды в заставу на Отмелях и выслал разведчиков и лазутчиков в земли между Лихолесьем и Дагорладом. Так он вскоре узнал о том, что новый грозный противник с Востока спешно подтягивает свои силы от Моря Р'ûн. Враги истребляли или угоняли на север в Лес по Бегущей остатки северян, друзей Гондора, еще живших к востоку от Лихолесья^[215]. Но помочь им Кирион никак не мог, и сбор сведений тоже становился все более и более опасным; слишком

часто разведчики не возвращались.

Поэтому не раньше конца зимы 2509 года Кирион узнал о том, что готовится новое великое нашествие на Гондор: несметные полчища врагов собрались вдоль всей южной опушки Лихолесья. Вооружены они были плохо и имели мало боевых коней — лошади у них были в основном тягловой силой, потому что с собой у врагов было множество больших кибиток, как у тех кибитников, что напали на Гондор в последние дни Королей, народа, которому эти, несомненно, приходились родней. Но недостаток умения они добирали числом, насколько можно было понять.

Тогда в отчаянии Кирион обратился мыслью к Ёотёоду и решил послать к нему гонцов. Но гонцам пришлось бы ехать через Каленардон, переправиться у Отмелей и до самых Андуинских Долин пробираться через земли, за которыми уже следили и по которым рыскали балхоты {Balchoth} [\[216\]](#). Это означало самым быстрым конным ходом около четырехсот пятидесяти миль до Отмелей и более пятисот оттуда до Ёотёода, причем от Отмелей гонцам пришлось бы двигаться скрытно и большей частью по ночам, пока они не минуют тень Дол-Гулдура {Dol Guldur}. Кирион мало надеялся на то, что его гонцы

доберутся до цели. Он собрал добровольно вызвавшихся, отобрал из них шесть самых смелых и выносливых всадников и отправил их попарно с разницей в день. Каждый из них нес послание, заученное наизусть, и маленький камешек с вырезанной на нем печатью Наместников [\[217\]](#), который он должен был передать Правителю Эотэода в собственные руки, если доберется до его земель. Послание было адресовано Эорлу сыну Леода, ибо Кирион знал, что тот унаследовал своему отцу некоторое время назад, в возрасте всего шестнадцати лет, и сейчас, когда ему исполнилось не больше двадцати пяти, вести,

доходившие о нем до Гондора, славили его как человека великой храбрости и мудрого не по годам. И все же Кирион мало рассчитывал на то, что, даже если послание его будет получено, на него будет дан ответ. Ничто не связывало Эотэод с Гондором, кроме старинной дружбы, и только ради нее Эотэод должен был отправить в такую даль всю воинскую силу, которую сможет выставить. Известие о том, что балхоты истребляют последних их сородичей на Юге — если только оно еще не дошло до них — могло бы придать убедительности призыву Кириона в случае, если самому Эотэоду ничто не угрожает. К этой

своей просьбе Кирион не прибавил ничего [\[218\]](#) и стал собирать все силы, чтобы встретить надвигающуюся бурю. Самолично возглавив свое войско, он приготовился со всей возможной спешностью двинуть его на север в Каленардон. В Минасе Тири́т оставался начальствовать Халлас, его сын.

Первая пара гонцов отбыла в десятый день с́улимэ {Súlimë}; и вышло так, что именно гонец из этой пары один из всех шестерых добрался до Эотэода. Это был Борондир, великий всадник из клана, который возводил свой род к одному из старшин северян, что в былые дни служил Королям [\[219\]](#). Так и не узнали

ничего ни об одном из остальных гонцов, кроме спутника Борондира. Он был подстрелен из засады, когда они проходили близ Дол-Гулдура, а Борондира спасли его удача и быстрый конь. Люди, выходившие из Леса, гнались за ним на север до самых Ирисных Низин и часто подстерегали по дороге, заставляя его сворачивать с прямого пути и пускаться в долгие объезды. Наконец, через пятнадцать дней, он добрался до Эотэода; последние два дня он ничего не ел и был так слаб, что едва выговорил свое послание Эорлу.

Это было в двадцать пятый день сүлимэ. Эорл молча посовещался сам с собой; но не долго. Вскоре он встал

и сказал:

— Я приду. Если Мундбург падет, то куда же нам бежать от Тьмы?

И в знак обещания он пожал руку Борондиру.

Тотчас же Эорл созвал совет Старейшин и начал готовиться к большому походу. Это, однако, заняло не один день, ибо надо было приготовить и собрать большое воинство и продумать управление людьми и оборону страны. В то время Эотэод жил мирно и не опасался войны; когда же стало известно, что их предводитель собрался воевать далеко на Юге, могло случиться всякое. Эорл,

несмотря ни на что, ясно видел, что помочь может только вся сила его войска и что он должен рискнуть всем или же отступить и нарушить свое обещание.

Наконец, воинство было собрано; лишь несколько сот воинов было оставлено в помощь тем, кто не годился для такого отчаянного похода по молодости лет или по старости. Наступил шестой день месяца *в́ирессэ* {*Víressë*}. В этот день молча тронулся огромный *э́охер* {*éohere*}, отринув страх и призвав малую надежду; ибо они не знали, что предстоит им по дороге и что ждет по окончании ее. Говорится, что Эорл повел за собой около семи

тысяч всадников в полном вооружении и несколько сотен конных лучников. По правую руку от него ехал Борондир, служивший, насколько мог, проводником, так как он последним проезжал по тем местам. Однако во все время долгого пути вниз по Андуинским Долинам на их огромное войско не было совершено ни одного нападения. Люди, недобрые и добрые равно, при виде его бежали в страхе перед его мощью и великолепием. Войско проследовало на юг и прошло под большим Восточным Уступом мимо южного Лихолесья, кишевшего балхотами, но не встретило ни следа людей, воинских отрядов или же

разведчиков, которые попытались бы преградить ему путь или следить за его продвижением. Отчасти так было по причине, неизвестной им, потому что это случилось уже после отбытия Борондира; но были и другие причины и силы. Ибо когда войско, наконец, подошло к Дол-Гулдуру, Эорл отвернул к западу, опасаясь черной тени и тучи, надвинувшейся с той стороны, а затем поехал в виду Андуина. Многие всадники поглядывали на запад со страхом и в надежде увидеть издалека свет Двимордена {Dwimordene}, гибельной страны, которая, как рассказывали легенды их народа, по весне светится золотым светом.

Сейчас же она казалась затянутой мерцающим туманом; и, к их ужасу, туман стал переползать через реку и ложиться на землю, что была перед ними.

Эорл не остановил скачки:

— Вперед! — скомандовал он. — Другого пути нет. Мы уже проделали такой длинный путь; неужели же речной туман удержит нас от битвы?

Подъехав ближе, они увидели, что серебристый туман оттесняет сумраки Дол-Гулдура, и скоро въехали в него, поначалу медленно и осторожно; но под покрывалом этого тумана все оказалось залито ровным светом без теней, а справа и слева их

словно бы охраняли белые стены, скрывавшие и оберегавшие их.

— Похоже, Владычица Золотого Леса на нашей стороне, — сказал Борондир.

— Быть может, — отозвался Эорл. — Я же верю мудрости Феларóфа^[220]. Он не чувствует здесь зла. Он бодр, и усталость его пропала: он рвется пойти вскачь. Да будет так! Никогда еще мне не были настолько нужны скорость и скрытность.

И Феларóф рванулся вперед, а за ним, словно могучий ветер, последовало и все войско, но тихо, словно копыта коней не касались земли. Так, столь же свежие и полные сил, как в утро их

отправления, они скакали весь тот день до ночи и следующий день; на рассвете же третьего дня поднялись с привала, и туман вдруг развеялся; и они увидели, что стоят посреди широкой степи. Справа невдалеке струился Андуин, но они почти миновали его длинную восточную излучину^[221], и вдали уже показались Отмели. Это было утро пятнадцатого дня в́ирессэ, и войско двигалось со скоростью, о которой нельзя было и мечтать^[222].

Здесь текст обрывается примечанием о том, что дальше должно следовать описание битвы на Поле Келебранта. Описание всей

этой войны есть в Приложении А (II)
к «Властелину Колец»:

<<Великая орда
дикарей с Северо-Востока
ворвалась в Р'ованион и,
выйдя из Бурых Земель,
переправилась через
Андуин на плотах. В это же
время, случайно или
умышленно, орки, которые
в то время — до войны с
гномами — были очень
сильны, напали с Гор.
Захватчики овладели
Каленардоном, и Кирион,
Наместник Гондора,
послал на север за

помощью...>>

Когда Эорл и его Всадники
прибыли на Поле Келебранта,

<<северная армия
Гондора была в опасности.
Потерпев поражение в
Волде {Wold}, отрезанная
от юга, она отступала через
Лимлайт и тут внезапно
подверглась нападению
орочьего войска,
прижавшего ее к Андуину.
Все надежды были уже
утрачены, как вдруг с севера
подошли Всадники,
которых никто не ждал, и

ударили в тыл врагам. Ход битвы тут же переменялся, и врагов, безжалостно истребляя, погнали вдоль Лимлайта. Эорл повел своих воинов в погоню, и страх, летевший впереди конников Севера, был так велик, что и захватчики, вторгшиеся в Волд, поддались панике, и Всадники принялись охотиться за ними по равнинам Каленардона.>>

Схожее с этим, но более сжатое описание дается также в Приложении А (I, iv). Ни одно из них

не дает возможности доподлинно восстановить ход битвы, но вполне ясно, что Всадники, переправившись через Отмели, затем перешли Лимлайт (см. прим. 27, стр. 313) и обрушились на тылы врага на Поле Келебранта; то, что <<врагов, безжалостно истребляя, погнали вдоль Лимлайта>>, означает, что балхоты были отброшены на юг в Волд.

(iii) Кирион и Эорл

Этому рассказу предшествует заметка о Халифириэне, самом западном из маяков Гондора вдоль Эреда Нимрайс.

Халифириэн^[223] был самым высоким из маяков, и, как и Эйленах {Eilenach}, второй из них по высоте, высился в дремучем лесу; за ним тянулось глубокое ущелье, темный Фириэн-дол {Firien-dale}, в длинном северном отроге Эреда Нимрайс, и гора эта была самой высокой горой этого отрога. Из ущелья она поднималась крутой стеной; внешние же склоны ее, особенно северный, были длинными и пологими, и на них почти до самой вершины рос лес. Вниз по склонам он становился все более густым и дремучим; наиболее — вдоль Межевого Ручья, протекавшего по ущелью, и к северу

на равнинах, по которым бежал тот Ручей, впадая в Энтову Купель. Большой Западный Тракт прорезал в этом лесу длинную просеку, огибая болотистые местности, начинавшиеся за его северной опушкой; но тракт этот был проложен в старину [\[224\]](#), и после исчезновения Исилдура в Фириэнском лесу никто не срубил ни одного дерева, кроме Смотрителей Маяка, которым поручено было расчищать Тракт и тропу, что вела к вершине горы. Тропа эта отворачивала от Тракта возле его входа в Лес и вилась до самого верхнего края леса, где начиналась древняя каменная

лестница, что вела к маяку — широкому кругу, который выложили камнями те, кто построил лестницу. Смотрители Маяка были единственными обитателями того Леса, помимо диких зверей; жили они в нескольких домиках возле верхнего края леса, но не жили там долго, если только непогода не удерживала их, а сменялись в должный срок. Большею частью они рады были возвратиться домой — не из-за диких зверей, и не злая тень былых лет лежала на Лесе; но кроме завываний ветра, криков птиц и зверей, а иногда — стука копыт коней, спешивших вскачь по Тракту, там стояла тишина, и люди сами

вдруг начинали разговаривать друг с другом шепотом, словно прислушиваясь к отзвукам мощного зова, доносившегося откуда-то из давней дали.

Название «Халифириэн» на рохирримском языке означает «священная гора»[\[225\]](#). До прихода рохирримов гора звалась на синдарине Амон Анвар {Anwar}, «гора трепета»; почему — того не знал в Гондоре никто, кроме, как стало впоследствии известно, правившего Короля или Наместника. Для тех немногих, что сбивались с Тракта и блуждали под сенью Леса, сам Лес казался причиной названию: на всеобщем языке он назывался

Шепчущимся Лесом. В дни величия Гондора, когда сообщение между Оспи́лиа́том {Osgiliath} и тремя башнями страны [\[226\]](#) осуществлялось посредством *Палантíров* {*Palantíri*}, на вершине горы не было никакого маяка, ибо ни послания, ни сигналы не были нужны. Позже, когда жители Каленардона стали опускаться, помощи с Севера ждали мало, войска туда не посылались, а Минасу Тирит становилось все труднее удерживать рубеж Андуина и охранять его южный берег. В Анóриэне еще жило много людей, и на них лежала оборона северных путей — из Каленардона и через Андуин у Кеира Андрос. Для

сообщения между ними и были выстроены и установлены три самых первых маяка — Амон Дûн, Эйленах и Мин-Риммон^[227], но на вершине Амона Анвар не было разрешено установить укрепление или маяк, хотя рубеж по Межевому Ручью от непроходимых болот и до его впадения в Энтову Купель и моста, через который Тракт выходил из Фириэнского леса на запад, считался охраняемым.

Во дни Наместника Кириона случилось большое нападение балхотов, которые, объединившись с орками, перешли через Андуин в Волд и начали завоевывать

Каленардон. От этой смертельной опасности, грозившей Гондору гибелью, страну спас приход Эорла Юного и его рохирримов.

Когда война закончилась, все гадали, как же Наместник наградит Эорла и какую честь пожалует ему; ожидали, что в Минасе Тирит будет устроено великое празднество, на котором это и откроется. Но Кирион был верен лишь самому себе. Когда поредевшая гондорская армия возвращалась на юг, Кириона сопровождали Эорл и эоред^[228] Всадников Севера. Они подъехали к Межевому Ручью, и Кирион обратился к Эорлу, сказав:

— Прощай же, Эорл сын Лéoда.

Я вернусь к себе домой, где многие дела требуют моего участия. Каленардон я покамест вручаю твоей заботе, если ты не спешишь вернуться в свою страну. Через три месяца здесь же мы встретимся с тобой снова, и тогда посоветуемся.

— Я прибуду, — ответил Эорл; и так они расстались.

Как только Кирион вернулся в Минас Тирит, он призвал к себе нескольких самых верных своих слуг:

— Отправляйтесь в Шепчущийся Лес, — сказал он им. — Там возобновите древнюю тропу на Амон Анвар. Она давно заросла; но начало ее и сейчас отмечено стоячим камнем близ

Тракта, там, где северная опушка леса смыкается над ним. Тропа сворачивает то туда, то сюда, но у каждого поворота стоит стоячий камень. По этим камням вы выйдете к верхнему краю леса и увидите каменную лестницу, ведущую вверх. Дальше идти я вам запрещаю. Сделайте все это быстро, как сможете, и возвращайтесь ко мне. Леса не рубите; лишь расчистите путь, чтобы смогли подняться несколько человек. Отворот у Тракта оставьте укрытым, чтобы не искушать никого пройти по тропе передо мной. Никому не говорите, куда вы идете, и что там делали. Если будут спрашивать, отвечайте,

что Господин Наместник велел приготовить место для его встречи с Предводителем Всадников.

Когда подошел срок, Кирион со своим сыном Халласом, Господином Дол-Амрота и двумя другими своими советниками тронулся в путь; и на мосту через Межевой Ручей они встретились с Эорлом. С ним были трое из его старших воевод.

— Поедьте к месту, что я приготовил, — сказал Кирион.

И они оставили отряд Всадников на мосту, а сами повернули обратно по тенистому Тракту и доехали до стоячего камня. Там они спешились и оставили с конями сильный отряд гондорской

стражи; и Кирион, встав у камня, обратился к своим спутникам и сказал:

— Я иду на Гору Трепета. Идите со мной, если хотите. Я беру с собой оруженосца, и оруженосца для Эорла, которые понесут наше оружие; остальные безоружными пойдут засвидетельствовать наши слова и дела на высокой святыне. Тропа для нас приготовлена, хотя никто не проходил по ней с тех пор, как прошли мой отец и я.

И Кирион повел Эорла между деревьями, а остальные пошли за ним; и миновав первую вежу, они стали идти молча и чутко, словно не желая ничем нарушать тишину. Так

они вышли, наконец, к верху склона горы, прошли через кольцо белых берез и увидели каменную лестницу, уходящую к вершине. После лесного сумрака солнце показалось им ярким и жарким, ибо был месяц *ýrimë* {*Úrimë*}; вершина же Горы была зелена, словно еще стоял месяц *lóteccä* {*Lótessë*}.

У подножия лестницы заросшие мхом камни сложились в подобие скамьи. Там путники посидели немного, пока, наконец, Кирион не поднялся и не принял у своего оруженосца белый жезл власти и белую мантию Наместников Гондора. Затем, встав на первую ступень лестницы, он нарушил

молчание, сказав тихо, но четко:

— Ныне объявляю, что властью Наместников Королей я решил предложить в безвозмездный дар Эорлу сыну Лéoда, Правителю Эотéoда, в знак признания доблести его народа и помощи паче всех чаяний, оказанной им Гондору в час крайней нужды, все обширные земли Каленардона от Андуина до Изена {Isen}. Там, буде он пожелает, он станет королем, и его потомки после него, и народ его станет проживать там свободно, доколе продлится власть Наместников и пока не вернется Великий Король [\[229\]](#). Ничьей воли да не будет над ними, кроме их собственного закона и воли,

за исключением лишь одного: они должен жить в вечной дружбе с Гондором, и враги Гондора да будут их врагами, пока стоят обе наши страны. Но тот же закон вменяется и народу Гондора.

Тогда поднялся Эорл, но не сразу смог заговорить. Он был поражен великой щедростью дара и благородством его предложения; и прозрел мудрость Кириона и как правителя Гондора, стремящегося защитить то, что осталось от его страны, и как друга Эотэода, нужды и тяготы которого он прекрасно знал. Ибо Эотэод стал народом слишком многочисленным для своей страны на Севере и давно уже мечтал

вернуться на юг, на давнюю родину, но страх Дол-Гулдура не пускал его. В Каленардоне же у него было бы простора более, чем достаточно, и от теней Лихолесья Эотэод будет далеко.

Но помимо мудрости и учтивости Эорл и Кирион в тот час были движимы великой дружбой, связавшей воедино их народы, и любовью друг к другу, любовью двух настоящих мужчин. У Кириона это была любовь мудрого отца, состарившегося в заботах мира, к сыну, полному сил и надежд юности; Эорл же в Кирионе видел высочайшего и благороднейшего человека из тех, кого он знал,

осененного величием Людских
Королей былых времен.

Наконец, когда все эти мысли
пронеслись в душе Эорла, он
заговорил, сказав:

— Господин Наместник
Великих Королей! Дар,
предложенный тобой мне и моему
народу, я принимаю. Он намного
превосходит любую награду, которую
могли снискать наши дела, когда бы
сами те дела не были вольным даром
дружбы. Теперь же дружбу эту я
запечатлю клятвой, которая не
забудется вовеки.

— Тогда взойдем к высокой
святыне, — сказал Кирион, — и
перед этими свидетелями принесем

подобаяющие клятвы.

И Кирион с Эорлом пошли вверх по лестнице, а остальные за ними; и когда они поднялись на вершину, то увидели широкий круг ровной земли, не огороженный ничем; у восточного же края его был насыпан невысокий курган, поросший белыми цветами *альфурина*^[230], и клонящееся к западу солнце золотило их своими лучами. Правитель Дол-Амрота, возглавлявший свиту Кириона, подошел к кургану и увидел на траве перед ним черный камень, не тронутый ни мхом, ни непогодой; и на камне были вырезаны три буквы. Он спросил Кириона:

— Так это могила? Какой же великий человек лежит здесь?

— Разве ты не прочел буквы? — спросил Кирион.

— Прочел, — ответил Князь [\[231\]](#), — и потому дивлюсь; буквы эти — «ламбе», «андо» и «ламбе», но ведь могилы Элендила нет, а после него имени этого никто не брал. [\[232\]](#)

— Однако же это его могильный курган, — ответил Кирион, — и от него исходит тот трепет, что витает над этой горой и в лесах под ней. От Исилдура, насыпавшего этот курган, к Менельдилу, его наследнику, всему роду Королей и всему роду Наместников до меня самого переходит исилдурово веление, по

которому курган этот сохранялся в тайне. Ибо Исилдур сказал: «Вот сердце Южного Королевства^[233], и здесь да покоится память Элендила Верного в призрении Валаров, и доколе стоит Королевство, Гора эта будет святыней, и никто да не тревожит ее покоя и тишины, кроме наследников Элендила». Я привел вас сюда, чтобы клятвы, принесенные здесь, стали священнейшими для нас и для наших наследников с обеих сторон.

И все пришедшие постояли некоторое время, склонив головы, пока Кирион не сказал Эорлу:

— Если ты готов, то принеси свою клятву так, как считаешь

должным по обычаям твоего народа.

Тогда Эорл вышел вперед и, взяв у своего оруженосца копье, воткнул его в землю. Затем он обнажил меч и подбросил его так, что тот засверкал на солнце, поймал снова, сделал шаг и опустил клинок на курган, не выпустив из руки. Потом громким голосом принес он Клятву Эорла. На наречии Ёотёода сказал он то, что на всеобщий язык переводится так [\[234\]](#):

Слушайте, все народы, не склонившиеся перед Тенью с Востока; дарованием Правителя Мундбурга мы станем жить в стране, что он называет Каленардоном, и потому я клянусь своим именем и именем Ёотёода Севера, что между

нами и Великим Народом Запада будет дружба отныне и вовеки; их враги будут нашими врагами, их заботы — нашими заботами, и какое бы зло, угроза или урон ни были нанесены им, мы станем помогать им до последней капли нашей крови. Эта клятва перейдет к моим наследникам, всем, что будут после меня жить в нашей новой земле, и да хранят они эту клятву с нерушимой верностью, дабы Тень не пала на них, и не легло на них проклятие.

И Эорл вложил меч в ножны, поклонился и отошел к своим воеводам.

Кирион ответил ему. Встав во весь рост, он положил руку на

курган, а в правой руке поднял белый жезл Наместников и произнес слова, наполнившие тех, что слышали их, благоговением. Ибо когда он встал, солнце, пламенея, опускалось к западу, и показалось, что его белое одеяние — из огня; и поклявшись, что Гондор будет связан теми же узами дружбы и помощи в тяготах, Кирион возвысил голос и произнес на квенья:

Ванда сина термарува Эленно-Нóрео алькар {alcar} энъялиэн ар Элендил Ворондо воронвэ {voronwë}. Наи тирувантес и хáрар махалмассен ми Нýмен ар И Эру И ор илье {ilyë} махалмар эа {eä} теннойо.

и повторил на всеобщем языке:

Клятва сия зиждется в память славы Страны Звезды и верности Элендила Верного в призрении сидящих на престолах на Западе и Единого, Кто вовеки превыше всех престолов. [\[235\]](#)

Такой клятвы не слышали в Средиземье с тех пор, как сам Элендил присягал на верность союзу с Гил-Галадом {Gil-galad} Королем Эльдара [\[236\]](#).

Когда все было свершено и опустились вечерние сумерки, Кирион и Эорл со своими спутниками молча сошли в лагерь у Межевого Ручья, где для них были приготовлены шатры. После трапезы

Кирион и Эорл с Князем Дол-Амротским и Эомундом {Éomund}, старшим воеводой войска Эотэода, сели и установили границы власти Короля Эотэода и Наместника Гондора.

Границы страны Эорла были означены такие: к западу от реки Ангрен до ее слияния с Адорном и оттуда к северу до внешних рубежей Ангреноста, а оттуда к западу и к северу вдоль опушки Леса Фангорна до реки Лимлайт; и эта река была ее северной границей, ибо на земли за нею Гондор не имел притязаний^[237]. На востоке ее границами были Андуин и западный выступ Эмина Муйл до болот в Устьях Онодло

{Onodhló}, а за этой рекою — поток Гланхúr, протекавший через Анварский Лес и впадавший в Онодлó; на юге же ее границей был Эред Нимрайс до самого конца его северного отрога; но все долины и ущелья, выходившие к северу, также отходили к Ёотёоду, равно как и земли к югу от Хитаэглира {Hithaeglir}, лежавшие между реками Ангрен и Адорн^[238].

Во всех этих землях под управлением Гондора оставалась лишь крепость Ангреност, в которой стояла третья из Башен Гондора, неприступный Ортанк {Orthanc}, где хранился четвертый из Палантíров южных земель. В дни Кириона

Ангреност еще охранялся гондорской стражей; но та превратилась в горстку поселенцев под началом Старшины, чей пост передавался по наследству; а ключи от Ортанка были у Наместника Гондора. «Внешними рубежами» Ангреноста, упомянутыми в описании границ страны Эорла, были стена и ров длиной около двух миль к югу от ворот Башни, тянувшиеся между двумя холмами, которыми оканчивались Мглистые горы; за ними лежали паши жителей крепости.

Было также решено, что Великий Тракт, который тогда проходил через Анóриэн и

Каленардон к Атраду {Athrad} Ангрен, Изенским Бродам^[239], а оттуда на север в Арнор, должен быть в мирное время открыт для путников обоих народов беспрепятственно, а уход за ним от Межевого Ручья и до Изенских Бродов ложится на Эотэод.

По этому соглашению к стране Эорла отошла лишь небольшая часть Анварского Леса к западу от Межевого Ручья; Кирион установил, что Гора Анвар теперь — святыня обоих народов, и охрану и уход за ней должны отныне разделять и Эорлинги, и Наместники. Позже, когда Рохиррим вырос в числе и силе, а Гондор увядал и испытывал

растущую угрозу с Востока и с Моря, дозор на Анваре состоял целиком из жителей Остфолда {Eastfold}, а лес по обычаю стал частью владений Королей Марки. Гору рохирримы называли Халифириэном, а Лес — Фириэнхольтом [\[240\]](#).

Позже день Принесения Клятв стал считаться первым днем нового королевства, днем, когда Эорл принял титул Короля Марки Всадников. Но на деле прошло еще некоторое время, прежде чем рохирримы вступили во владение своей новой землей, и всю свою жизнь Эорл звался еще Предводителем Ёотёода и Королем Каленардона. Словом «Марка»

обозначалось пограничье, особенно служащее оборонным рубежом для внутренних земель страны. Синдаринские названия «Рохан» — Марка — и «рохиррим» — ее жители — ввел Халлас, сын и наследник Кириона, но их часто употребляли не только в Гондоре, но и в Эотэоде^[241].

На следующий день после принесения Клятв Кирион и Эорл обнялись и с сожалением простились, ибо Эорл сказал:

— Господин Наместник, меня ждет множество спешных дел. Ныне эта земля свободна от врагов; но враги не истреблены под корень, и за Андуином и под сенью Лихолесья таятся опасности, неведомые нам.

Накануне вечером я выслал гонцов на север, смелых и опытных всадников, в надежде, что хоть один из них доберется до моего дома раньше меня. Ибо теперь мне нужно возвращаться; моя земля оставлена на попечении немногих слишком юных и слишком старых; а в таком большом путешествии нашим женщинам и детям с тем скарбом, который мы не сможем бросить, нужна будет охрана; и пойдут они только за самим Предводителем Эотэода. Я оставляю здесь столько сил, сколько смогу, почти половину всего войска, стоящего сейчас в Каленардоне. Здесь остаются также отряды конных лучников, готовые

отправиться туда, где будет нужда в них, если вражеские шайки еще станут рыскать по этой земле; но главная сила будет на северо-востоке охранять все те места, где балхоты переправлялись из Бурых Земель через Андуин; ибо там сохраняется величайшая опасность, и моя величайшая надежда, если я вернусь — провести через эти переправы мой народ в его новую страну с наименьшими потерями и тяготами. Я говорю «если я вернусь»: но будь уверен, что я вернусь, дабы исполнить свою клятву, если только несчастье не постигнет нас, и я не погибну вместе с моим народом на долгом пути. Ибо путь наш ляжет по

восточному берегу Андуина в тени
Лихолесья и через самую долину в
тени горы, которую вы называете
Дол-Гулдур. На западном берегу нет
пути для всадников и для множества
людей и повозок, даже если бы Горы
и не кишели орками; и никто, ни во
множестве, ни малым числом, не
пройдет через Двиморден, где живет
Белая Хозяйка, плетущая сети,
непроходимые ни для одного
смертного^[242]. Я пойду восточным
путем, так же, как вышел к
Келебранту; и пусть те, кого мы
призывали в свидетели наших
клятв^[244] vii, сохранят нас.
Расстанемся в надежде! Даешь ли ты
мне разрешение отбыть?

— Воистину, даю, — ответил Кирион, — ибо вижу теперь, что иначе быть не может. Вижу, что из-за опасности, в которой оказались мы, я обратил мало внимания на опасности, с которыми пришлось встретиться тебе, и мало почтил то чудо, каким ты преодолел безнадежно долгие лиги пути с Севера. Недостаточной кажется мне теперь та награда, которую я с радостью и от полноты сердца предложил тебе за наше избавление. Но я верю, что слова моей клятвы, которых не прозревал я, пока не произнес, сошли с моих уст не напрасно. Так расстанемся же в надежде!

Как заведено в Хрониках, лишь часть из того, что здесь вложено в уста Кириона и Эорла, было произнесено при их расставании и передумано в их беседе накануне ночью; но точно, что при расставании Кирион сказал о вдохновенности своей клятвы свыше, ибо он был человеком, лишенным гордыни и обладавшим великой смелостью и щедростью духа, благороднейшим из Наместников Гондора.

(iv) Завет Исилдура

Говорится, что когда Исилдур вернулся с Войны Последнего Союза,

он некоторое время оставался в Гондоре, обустроивая страну и наставляя своего племянника Менельдила, прежде чем отбыть на царствие в Арнор. С Менельдилом и еще несколькими верными соратниками он совершил объезд границ всех земель, на которые Гондор заявил свои права; и по возвращении с северной границы в Анóриэн они подъехали к высокой горе, называвшейся тогда Эйленаэр; а после того — Амон Анвар, Гора Трепета[\[244\]](#). Это было возле самой середины земель Гондора. Они проложили тропу сквозь чащобу по северному склону той горы и так вышли на ее вершину, зеленую и

безлесную. Там они расчистили место и на восточном краю насыпали курган; в том кургане Исилдур захоронил шлем, который носил с собой. Потом он сказал:

— Вот могила и память Элендилу Верному. Здесь будет выситься она посреди Королевства Юга в призрении Валаров, покуда будет стоять Королевство; и место это будет святыней, которую никто да не осквернит. Пусть ни один человек не потревожит его тишины, кроме наследника Элендила.

От порога леса и до венца горы они соорудили каменную лестницу; и Исилдур сказал:

— По этой лестнице пусть не

восходит никто, кроме Короля и тех, кого он возьмет с собой, если позволит им следовать за ним.

Затем все бывшие там поклялись сохранить все в тайне; Исилдур же дал Менельдилу совет, чтобы Король посещал время от времени эту святыню, особенно, если в дни опасности или беспокойства будет нуждаться в мудрости; и что сюда также должен он привести своего наследника, когда тот возмужает, и рассказать ему о сооружении этой святыни, и открыть ему все тайны страны и все, что ему должно будет узнать.

Менельдил последовал совету Исилдура, и все Короли после него

также, до Рóмендакила {Rómendacil} I, пятого Короля после Менельдила. В его время на Гондор впервые напали истерлинги {Easterlings} [\[245\]](#); и на случай, если война, внезапная смерть или другое несчастье оборвет традицию, он велел занести Завет Исилдура в запечатанный свиток и хранить его вместе с другими вещами, которые полагались новому Королю; этот свиток Наместник передавал Королю перед его коронацией [\[246\]](#). Передача эта совершалась с тех пор всегда, хотя и без того обычай паломничества на Амон Анвар со своим наследником соблюдали почти все Короли Гондора.

Когда кончились Дни Королей и Гондором стали править Наместники, потомки Хúрина, Наместника Короля Минардила, было решено, что все права и обязанности Королей ложатся отныне на них, «пока не вернется Великий Король». О Завете же Исилдура они рассудили сами, ибо он не был известен никому, кроме них. Рассудили же они так, что слова «наследник Элендила», сказанные Исилдуром, означают потомка Элендила по королевской ветви, наследующего престол; но правления Наместников Исилдур предвидеть не мог. Поскольку же Мардил в отсутствие Короля обладал всей

полнотой его власти^[247], то и потомки Мардила, наследующие Наместничество, имеют те же права и обязанности, пока не вернется Король; следовательно, каждый Наместник имеет право посещать святыню по своему желанию и приводить туда тех, кого сочтет нужным. Слова же «покуда стоит Королевство» они истолковали так, что Гондор остается Королевством под управлением наместника и что слова эти нужно читать теперь так: «пока стоит государство Гондорское».

Однако Наместники, отчасти из благоговения, отчасти в заботах о королевстве, очень редко ходили к

святыне на Анварской Горе, кроме тех случаев, когда приводили на вершину горы своих наследников, согласно обычаю Королей. Иногда святыня на несколько лет оставалась без присмотра, под призрением Валаров, по слову Исилдура; ибо хотя лес мог буйно разрастись — а люди избегали его из-за его тишины — и могла затеряться тропа, но когда путь открывали вновь, вершина стояла нетронутой и неоскверненной, вечнозеленой и покойной под небесами, пока не переменилось Королевство Гондорское.

Ибо случилось так, что Кирион, двенадцатый из Правящих Наместников, столкнулся с новой

великой угрозой: захватчики вторглись во все гондорские земли к северу от Белых Гор, и скоро этому должны были воспоследовать гибель и падение всего королевства. Как известно из истории, эту опасность предотвратила помощь Рохиррима; и Кирион с великой мудростью даровал этому народу все северные земли, кроме Анóриэна, под их правление и царствование, но в вечном союзе с Гондором. Населять северные земли было уже некому, и некому было даже охранять рубеж крепостей вдоль Андуина, защищавший их с востока. Кирион долго думал, прежде чем даровать Каленардон Конникам Севера; и он

решил, что ради этого дарования следует полностью изменить Завет Исилдура о святыне на Амоне Анвар. Туда он привел Предводителя Рохиррима, и там у кургана Элендила он в величайшей торжественности принял Клятву Эорла и ответил на нее Клятвой Кириона, навечно закрепив союз Королевств Рохиррима и Гондора. Когда же это свершилось и Эорл вернулся на Север, чтобы повести за собой свой народ в его новую землю, Кирион сровнял курган Элендила. Ибо он рассудил, что Завет Исилдура отныне лишен смысла. Святыня теперь оказалась не «посреди Королевства Юга», а на границе другой страны; и к тому же

слова «покуда стоит Королевство» относились к Королевству, каким оно было тогда, когда Исилдур произнес их, основав его и определив его границы. Верно, что иные части Королевства были утрачены с тех пор: Минас Итиль {Ithil} оказался в руках Назгûла, и Итилиэн опустел; но Гондор не отказывался от этих земель. Право же на Каленардон Гондор клятвенно сложил с себя вовеки. Поэтому шлем, что Исилдур схоронил в кургане, Кирион отнес в Усыпальницы Минаса Тирит; памятью памяти же остался зеленый холм. Даже когда Амон Анвар стал маяком, гору эту почитали и гондорцы, и рохирримы, которые на

своём языке назвали ее Халифириэн,
Святая Гора.

«Эреборский Поход»

В письме, написанном в 1964 году, отец писал:

<<Между «Хоббитом» и «Властелином Колец» есть множество связей, которые не разъясняются подробно. Они были большей частью сочинены или вырисованы, но выброшены, чтобы облегчить корабль: например, это исследовательские путешествия Гэндальфа, его отношения с Арагорном

и Гондором; все передвижения Горлума до того, как он затаился в Мории, и т. п. На самом деле я подробно описал то, что предшествовало визиту Гэндальфа к Бильбо и последовавшими затем «Незванными Гостями», с точки зрения самого Гэндальфа. Это должно было быть рассказано среди других воспоминаний в Минасе Тирит; но этот рассказ пришлось убрать, и он лишь кратко передан в Приложении А к

«Властелину Колец», хотя там опущены все те трудности, которые Гэндальф поимел с Торином.>>

Этот рассказ Гэндальфа и приводится здесь. Сложная текстовая ситуация его описана в Приложении, где я привел существенные выдержки из ранней версии.

Эреборский Поход

Для ясного понимания этого рассказа необходимо изложить суть написанного в Приложении А (Ш,

«Народ Дарина {Durin}^[249]i») к
«Властелину Колец»:

Когда дракон Смауг
напал на Одинокую Гору
Эребор, гномы Трór
{Thrór} и сын его Тра́ин
{Thráin} (с сыном Тра́ина
Торином {Thorin},
впоследствии прозванным
Дубощит), бежали оттуда
через потайную дверь.
Трór, отдав Тра́ину
последнее из Семи
Гномьих Колец, вернулся в
Морию и был там убит
орком Азогом, который
выжег свое имя у Трóра на

лбу. Это привело к Гномской Войне с Орками, закончившейся великой битвой при Азанулбизаре (в Нандухирионе) перед Восточными воротами Мории в 2799 году. Тр́аин и Торин Дубощит жили потом в Эреде Луин, но в 2841 году Тр́аин ушел оттуда, решив вернуться в Одинокую Гору. Блуждая по землям к востоку от Андуина, он попал в плен и был заточен в Дол-Гулдуре {Dol Guldur}, где у него отняли Кольцо. В 2850 году Гэндальф {Gandalf} ходил в

Дол-Гулдур и обнаружил,
что тамошний хозяин в
действительности —
Саурон; Гэндальф
встретился с Тра́ином
перед самой его смертью.

Как объясняется в Приложении
к приведенному здесь тексту, где
также приведены существенные
выдержки из более ранней версии,
существуют и другие версии
«Эреборского Похода».

Я не нашел никаких записок,
предшествующих первым словам
приведенного здесь текста (<<В тот
день он не сказал больше ничего>>).

«Он» первого предложения — это Гэндальф, «мы» — это Фродо, Перегрин, Мериадок {Meriadoc} и Гимли, а «я» — это Фродо, записывавший разговор; действие происходит в доме в Минасе Тирит {Tirith} после коронации Короля Элессара (см. стр. 329).

В тот день он не сказал больше ничего. Но позже мы снова завели разговор об этом, и он рассказал нам всю эту невероятную историю; как он решил устроить путешествие в Эребор, почему он подумал о Бильбо, и как он уговорил гордого Торина Дубощита принять того в отряд. Весь рассказ мне сейчас, пожалуй, не

припомнить, но помню отчетливо, что поначалу Гэндальф думал только о защите Запада от Тени.

— Я очень тревожился тогда, — говорил он, — потому что Саруман тормозил все мои замыслы. Я знал, что Саурон снова восстал и скоро объявится, и я знал, что он готовится к великой войне. С чего он начнет? Попытается ли он снова вернуть себе Мордор или нападет на главные крепости своих врагов? Тогда я думал, да и сейчас уверен, что первоначально он затевал ударить по Лóриэну и Раздолу {Rivendell}, как только соберет достаточно сил. Для него этот план был бы наилучшим — и наихудшим для нас.

Вы можете подумать, что Раздол был для него слишком далеко — но я так не думал. Положение на Севере было из рук вон плохим. Подгорного Королевства и сильных дольцев {Men of Dale} больше не было. Против силы, которую Саурон мог снарядить на захват северных перевалов в Горах и старых земель Ангмара, могли подняться только гномы Железных Гор, а за их спиной лежали пустошь и Дракон. Дракона Саурон мог пустить в ход с ужасными последствиями. Я часто повторял себе: «Надо придумать, как разделаться со Смаугом. Но прямой удар по Дол-Гулдуру еще нужнее. Надо расстроить планы Саурона. Я

должен сделать так, чтобы Совет понял это».

С такими вот мрачными мыслями я ехал по дороге. Я устал и намеревался немного передохнуть в Шире — я не был там уже больше двадцати лет. Мне подумалось, что если на некоторое время выбросить из головы все эти мысли, то я смогу что-нибудь изобрести. Так оно и случилось, хотя выбросить из головы мне ничего не удалось.

Потому что возле Брея {Bree} меня нагнал Торин Дубощит^[249], живший в изгнании за северо-западными границами Ши́ра. К моему удивлению, он заговорил со мной; и вот тогда-то все и

завертелось.

Торин тоже был озабочен, так озабочен, что даже попросил у меня совета. И я отправился с ним в его чертоги в Синих Горах и выслушал его долгий рассказ. Вскоре я понял, что сердце ему тяготят его собственные злоключения, утрата сокровищ предков и долг мести Смаугу, который перешел к нему по наследству. Гномы к таким долгам относятся очень серьезно.

Я пообещал помочь ему, если смогу. Не меньше, чем ему, мне хотелось бы увидеть гибель Смауга; но Торин говорил все больше о войне и битве, будто и вправду был Королем Торином Вторым. Меня же

эти разговоры ничуть не обнадеживали. Поэтому я оставил его и отправился в Шир собирать вести. Это было непростым делом. Я шел наудачу и наделал по пути немало ошибок.

Что-то привлекало меня в Бильбо давным-давно, когда он был еще мальчишкой, а позже — молодым хоббитом: когда я видел его в последний раз, он еще был несовершеннолетним. С тех пор он запомнился мне, его любопытство и ясные глаза, его любовь к сказкам и расспросы о большом мире вокруг Шира. Едва я попал в Шир, как сразу же услышал о нем. Он, похоже, был на языке у всех. Родители его умерли

по хоббитскому счету рано, в возрасте восьмидесяти лет или около того; он же так и не женился. Он уже слегка тронулся рассудком, как говорили о нем, и целыми днями бродил в одиночестве. Видели, как он разговаривал с незнакомцами, даже с гномами.

«Даже с гномами!» В моей голове эти три вещи вдруг объединились: огромный Дракон с его жадностью, острым слухом и обонянием; неуклюжие гномы в тяжелых сапогах, с их старой местью; и шустрый легконогий хоббит, томимый, как я понял, жаждой увидеть большой мир. Про себя я посмеялся этой мысли; но

тотчас же отправился повидаться с Бильбо, чтобы посмотреть, что случилось с ним за эти двадцать лет и так ли он многообещающ, как о нем говорят. Однако, его не оказалось дома. В Хоббитоне на мои расспросы только качали головами.

— Опять утопал, — сказал один хоббит. Это был, по-моему, Холман [\[251\]](#)ii, садовник[\[251\]](#). — Усвистал опять. Пропадет ведь он, по нынешним-то временам. Я-то его спросил еще, куда это он собрался да когда вернется, а он мне — «не знаю..». — и смотрит эдак — странно. «Смотря как встречу ли я их, Холман» — говорит. «Ведь завтра Эльфийский Новый Год[\[252\]](#)!» Жаль

его, славный же парень. Лучше, пожалуй, и не найдешь от Горок до самой Реки!

«Все лучше и лучше!» — подумал я. — «Пожалуй, стоит рискнуть». Время поджимало. Самое позднее в августе мне необходимо было появиться на Белом Совете, не то из-за Сарумана опять ничего не было бы сделано. А это, не говоря уже о более важных делах, оказалось бы гибельным для похода: сила Дол-Гулдура не оставила бы безнаказанной никакую попытку овладеть Эребором, если бы только у нее не оказалось дел поважнее.

Поэтому я поспешил к Торину и с огромным трудом убедил его

отказаться от горделивых замыслов, отправиться в поход тайно — и взять с собой Бильбо. Так и не повидав его. А это было ошибкой — ошибкой, едва не оказавшейся гибельной. Потому что Бильбо, конечно же, немало переменился. Сам он, мягко говоря, растолстел и обленился, а его былые устремления стали лишь затаенными мечтаниями. Ничто так не напугало его, как опасность того, что эти мечтания вот-вот сбудутся! Он был ошарашен и повел себя совершенно глупо. Разъяренный Торин распрощался бы тотчас же, если бы не еще одно счастливое обстоятельство, о котором я еще расскажу.

Ну, в общих чертах вы знаете, как было дело, по крайней мере, как его видел Бильбо. Если бы историю писал я, она выглядела бы несколько по-другому. Откуда было Бильбо знать, каким жирным недотепой он показался гномам и как они разозлились на меня! Торин оказался куда более вспыльчивым и высокомерным, чем был поначалу. Впрочем, важничал он все время, а тогда он просто решил, что я устроил все это, чтобы насмеяться над ним. Только карта и ключ спасли дело.

Я не вспоминал о них много лет. Только когда я добрался до Шира и у меня появилось время обдумать рассказ Торина, мне вдруг

вспомнился тот случай, благодаря которому они попали в мои руки; и мне начало казаться, что это был не такой уж и случай. Я вспомнил опаснейшее путешествие, которое совершил девяносто одним годом ранее, когда я, изменив свой облик, ходил в Дол-Гулдур и повстречал там несчастного гнома, умиравшего в глубоком подземелье. Я понятия не имел, кто он такой. У него была карта, принадлежавшая народу Дарина в Мории, и ключ, который как будто прилагался к ней, хотя гном уже был не в состоянии что-либо объяснить. Еще этот гном говорил, что некогда владел великим Кольцом.

Почти все его слова были только об этом. «Последнее из Семи», — повторял он тысячи раз. Но эти вещи могли попасть к нему по-разному. Он мог быть гонцом-посыльным, перехваченным по пути, и даже попросту вором, у которого перехватил добычу более могучий вор. Карту и ключ гном отдал мне. «Моему сыну», — сказал он и умер; а вскоре и я ушел оттуда. Эти вещи я оставил себе и по какому-то наитию никогда не расставался с ними, но скоро почти совершенно забыл о них. В Дол-Гулдуре у меня были дела страшнее и поважнее, чем все сокровища Эребора.

Теперь я вспомнил все это, и

мне стало ясно, что я слышал последние слова *Тра́ина Второго* [\[253\]](#), хотя он и не называл ни себя, ни имени своего сына; а *Торин*, разумеется, не знал, что случилось с его отцом, и не разу не проговорился о «последнем из Семи». Ко мне попали карта и ключ от тайного хода, через который, по рассказу *Торина*, бежали из Горы *Трór* и *Тра́ин*. И я носил карту и ключ с собой, хотя и без всякой мысли, ровно до того времени, когда они понадобились больше всего.

К счастью, мне удалось распорядиться ими должным образом. Я, как говорят у вас в Шире, держал их в рукаве, пока не наступил

решающий миг. Едва Торин увидел их, как тут же согласился с моим планом, по крайней мере в том, что экспедиция должна быть тайной. Что бы он ни думал о Бильбо, он оставил это при себе. Тайная дверь, которую могли бы найти только гномы, давала возможность по меньшей мере разузнать что-то о повадках дракона и, может быть, даже выручить сколько-то золота или какую-нибудь фамильную драгоценность, чтобы облегчить сердечную тоску Торина.

Но для меня этого было недостаточно. Сердцем я чувствовал, что Бильбо должен пойти с Торинном, а иначе провалится весь поход — или, как я сказал бы сейчас, не

случатся куда более важные события. Поэтому мне еще предстояло уговорить Торуна взять его. В дальнейшей дороге потом было еще немало трудностей, но для меня самое трудное тогда было уже позади. Я проспорил с Торингом всю ту ночь, когда Бильбо уже лег спать, и не мог окончательно уговорить его до самого утра.

Торин был высокомерен и полон сомнений.

— Он мягкий, — проворчал он. — Мягкий, как земля его Ширы, и к тому же глупый. Жаль, что слишком рано умерла его мать. Вы, мастер Гэндальф, играете со мной в какую-то хитрую игру. Уверен, что в

мыслях у вас не помощь мне, а что-то совсем другое.

— В сущности, вы правы, — сказал я. — Если бы у меня не было в мыслях ничего другого, я вовсе не стал бы вам помогать. Ваши дела могут казаться вам делами великой важности, но они — лишь маленькая ниточка в большой сети. Моя же забота — о многих нитях. Но от этого мой совет только более ценен, а никак не менее. — Я, наконец, начал злиться. — Послушайте, *Торин Дубощит!* — сказал я. — Если этот хоббит пойдет с вами, вас ждет удача. Если же нет — провал. Я умею предвидеть, и я предупреждаю вас.

— Ваша слава мне известна, —

ответил Торин. — Надеюсь, это заслуженная слава. Но эта ваша дурацкая возня с хоббитом заставляет меня задуматься, предвидение это или же безумие? Ведь такое количество забот могло попросту расстроить ваш рассудок.

— Бесспорно, забот моих на это хватит, — сказал я. — И среди них едва ли не самой бестолковой мне представляется забота о чванном гноме, который спрашивает у меня совета, не имея на то никаких известных мне прав, а потом еще и оскорбляет меня! Ступай своей дорогой, Торин Дубощит, если ты так хочешь. Но если ты пренебрежешь моим советом, то пойдешь прямо в

пропасть. Пока Тень не падет на тебя, ты больше не получишь от меня ни совета, ни помощи. И обуздай свою гордыню и жадность, не то споткнешься на любой дороге, хоть бы ты и был в золоте по локоть!

От этого Торин слегка побледнел; но глаза его пылали, как угли:

— Не пугайте меня! — сказал он. — Я сам разберусь с этим делом, как и со всем, что касается меня.

— Ну, так и разбирайся! — сказал я. — Больше я не скажу ничего — кроме одного: я не разбрасываюсь ни любовью, ни доверием, Торин; этого же хоббита я уважаю и желаю ему добра. Делай

ему добро, и я буду твоим другом до конца твоих дней.

Я сказал это безо всякой надежды уговорить его этими словами; но ничего лучшего я и не мог бы сказать. Гномы знают толк в преданности друзьям и благодарности тем, кто поможет им.

— Хорошо же, — сказал, наконец, помолчав, *Торин*. — Он пойдет с моим отрядом, если осмелится, в чем я сомневаюсь. Но раз ты так настаиваешь на том, чтобы обременить меня им, то ты сам отправишься с нами и будешь присматривать за своим любимцем.

— Идет! — ответил я. — Я отправлюсь, и я буду с вами столько,

сколько смогу: по крайности, пока вы сами не поймете ему цену.

В конце концов все вышло хорошо, но тогда я беспокоился, потому что мне предстояли большие дела на Белом Совете.

Вот так начался Эреборский Поход. Я не думаю, что поначалу Торин действительно надеялся как-нибудь погубить Смауга. Однако, так и вышло. Увы! Торину не довелось насладиться своей победой и обретенным богатством. Гордыня и жадность погубили его, несмотря на мое предупреждение.

— Но ведь он пал в битве? — спросил я. — Орки все равно напали бы, как бы щедро Торин ни разделил

свои сокровища.

— Это верно, — ответил Гэндальф. — Бедняга Торин! Он был великим гномом из великого Дома, несмотря на все свои злоключения; и хотя он пал в конце своего похода, большей частью именно благодаря ему Подгорное Королевство восстало из руин, как я того и хотел. А Дáин Железноногий стал ему достойным наследником. Однако, мы слышали, что Дáин пал, снова защищая Эребор, в то самое время, когда мы сражались здесь. Я скажу, что это тяжелая утрата; но просто чуду подобно, что он, в своем почтеннейшем возрасте^[254], еще мог, как о том рассказывают, так мощно

трудиться своим топором, стоя над телом Короля Бранда перед Вратами Эребора, пока не пала тьма.

А вообще-то все могло выйти совсем по-другому. Главное наступление было на юге, это верно; но все равно, пока мы защищали Гондор, своей длинной правой рукой Саурон мог нанести ужасный урон на Севере, если бы Король Бранд и Король Дáин не стояли у него на пути. Говоря о великой битве на Пеленноре, не забывайте о битве при Доле. Подумайте, что могло бы случиться. Драконье пламя и мечи дикарей в Эриадоре! В Гондоре могло не быть Королевы. Сейчас мы могли бы возвращаться с победой на

развалины и пепелища. Но всего этого не случилось — потому что однажды вечером в начале весны я повстречал на дороге неподалеку от Брея Торина Дубощита. Счастливая встреча, как говорят у нас в Средиземье.

***Приложение. Заметки о текстах
про Эреборский Поход***

Положение с текстами этого отрывка сложное и с некоторым трудом поддается разбору. Самая ранняя версия представляет из себя полный, но черновой и значительно исправленный рукописный текст,

который я здесь буду называть текстом А; он озаглавлен «История о делах Гэндальфа {Gandalf} с Трáином {Thráin} и Торином {Thorin} Дубощитом». На основе этого текста создан машинописный текст В, в котором сделано множество изменений, хотя в основном и весьма незначительных. Этот текст озаглавлен «Эреборский Поход», а также «Рассказ Гэндальфа о том, как он решил снарядить экспедицию в Эребор и отправить Бильбо с гномами». Существенные выдержки из этого текста приведены ниже.

В дополнение к А и В («ранней версии») существует другая

рукопись, С, без заглавия, которая рассказывает эту историю более сжато и кратко, опуская весьма многое из первой версии и вводя некоторые новые элементы, но также, особенно ближе к концу, сохраняя многое из первоначальной работы. Я почти уверен, что С по написанию позднее, чем В, тогда как А — это вышеприведенная версия, хотя часть этой работы — ее начало — вероятно, было утрачено. Там описывалась обстановка воспоминаний Гэндальфа в Минасе Тирит {Tirith}.

Вводный абзац В (ниже) почти совпадает с отрывком из Приложения А (Ш, «Народ Дарина

{Durin}») к «*Властелину Колец*» и, очевидно, вытекает из повествования о Троре {Thrór} и Траине, которое предваряет его в Приложении А; тогда как окончание Эреборского Похода почти теми же словами описано в Приложении А (III), также словами Гэндальфа, обращенными к Фродо и Гимли в Минасе Тирит. Если принять во внимание письмо, процитированное во Введении (стр. 11), становится ясно, что отец написал «Эреборский Поход» для того, чтобы он стал частью рассказа о «*Народе Дарина*» в Приложении А.

Выдержки из ранних версий

Машинописный текст версии В
начинается так:

<<Итак, Торин
Дубощит стал наследником
Дарина, но наследником
без надежды. Во время
разграбления Эребора он
еще был слишком молод,
чтобы держать оружие, но
при Азанулбизаре уже
сражался во главе войска;
когда же пропал Трáин,
Торину было девяносто
пять лет, и он был славным
гномом из гордого рода.
Кольца у него не было, и
быть может, по этой

причине, его, похоже,
устраивала жизнь в
Эриадоре. Там он много
трудился и обрел богатство,
какое смог; народ его
увеличили те из Рода
Дарина, кто услышал о нем
и пришел к нему. Теперь в
горах у них были
достойные чертоги и
запасы добра, и дни их уже
не были такими уж
тяжкими; но в песнях своих
они всегда пели о далекой
Одинокой Горе и
сокровищах
благословенного Великого
Чертога, озаренного светом

Аркенстона.

Тянулись годы. Угли в сердце Торина разгорались, когда он задумывался о злоключениях своего Дома и о мести Дракону, долг которой лежал теперь на нем. Звения молотом в своей кузне, он мечтал об оружии, о войсках и союзах; но войска были распущены, союзы распались, а топоров в его народе было мало; и великая безысходная ярость сжигала его, когда он ковал на своей наковальне багровое железо.

Гэндальф еще не сыграл никакой роли в судьбах Дома Дарина. Не много дел имел он с гномами; хотя гномам доброй воли он был другом и ему нравились изгнанники Народа Дарина, жившие на Западе. Однажды случилось так, что он проходил через Эриадор — направляясь в Шир, который он не видел много лет — и столкнулся с Торином Дубощитом; по дороге они разговорились и переночевали вместе в Брее {Bree}.

воспоследовали многие дела и события великой важности: находка Единого Кольца, его перемещение в Шир и выбор Кольценосца. Поэтому многие считали, что Гэндальф провидел все это и сам выбрал время, чтобы встретиться с Торином. Но мы думаем, что это не так, потому что в своей повести о Войне Кольца Кольценосец Фродо оставил запись слов Гэндальфа именно об этом событии. Вот что он написал:>>

Вместо слов <<Вот что он написал>> в самой ранней рукописи А стоит: <<Этот рассказ опущен в повести, поскольку он был длинен; но большую его часть мы перескажем здесь>>.

<<После коронации мы остались с Гэндальфом в прекрасном доме в Минасе Тирит, и Гэндальф был очень весел; и хотя мы задавали ему вопросы обо всем, что только приходило нам в головы, казалось, его терпение было так же безгранично, как и его мудрость. Сейчас мне уже

не вспомнить большую часть того, что он отвечал нам; часто мы просто не понимали его. Но этот разговор я помню очень хорошо. С нами был Гимли, и он сказал Перегрину:

— Вот что еще я должен сделать однажды: я должен, наконец, увидеть этот ваш Шир[\[255\]](#). Не затем, чтобы еще посмотреть на хоббитов, нет! Навряд ли я смогу узнать о них еще что-то, чего я еще не знаю. Но ни один гном из Дома Дарина не может не подивиться на

эту страну. Не оттуда ли началось возрождение Подгорного Королевства и не там зародилась гибель Смауга? Не говоря уже о падении Барад-дûра, хотя они странным образом оказались сплетены вместе. Станным, очень странным образом. — Пристально глянув на Гэндальфа, Гимли продолжил. — Кто же сплел эту сеть? Пожалуй, я и не задумывался об этом раньше. Ты уже тогда замыслил все это, Гэндальф? А если нет, то

зачем ты привел Торина
Дубощита к такой
неподходящей двери?
Найти Кольцо, унести его
далеко на Запад и спрятать
там, а потом найти
Кольценосца — а
мимоходом восстановить
Подгорное Королевство —
не таков ли с самого начала
был твой замысел?

Гэндальф ответил не
сразу. Он встал, подошел к
окну и поглядел на запад, в
сторону моря; солнце
садилось, озаряя его лицо.
Он долго стоял молча. Но,
наконец, он повернулся к

Гимли и сказал:

— Не знаю, что и ответить. С тех пор я переменялся и уже не связан бременем Средиземья, как был тогда. В те дни я ответил бы тебе теми же словами, какими говорил с Фродо всего лишь прошлой весной. Всего лишь прошлой весной! Но мерить такими мерами бессмысленно. В то далекое время я говорил маленькому и напуганному хоббиту: Бильбо было *предназначено* найти Кольцо, и предназначено

не его кователем, а потому и тебе *предназначено* было нести его. И я мог бы добавить: а мне *предназначено* было подвести вас обоих к этому.

Для этого я, делая то, что должен был делать, по моему разумению, выбирал в своем пробуждающемся уме лишь те средства, которые были мне дозволены. А что я знал в душе, или что я знал до того, как ступил на эти мглистые берега — это совсем другое дело. Олóрином был я на

забытом Западе, и только
тем, кто там, я смогу
открыть больше.>>

В рукописи А здесь стояло: <<И
только тем, кто там — или тем, кто,
быть может, вернется туда со мной —
я смогу открыть больше.>>

<<Я сказал тогда:
— Теперь, Гэндальф, я
понимаю тебя получше,
чем раньше. Хотя мне
кажется, что, было ли это
ему *предназначено* или
нет, Бильбо мог отказаться
уйти из дома, да и я тоже
мог. И ты не заставил бы

нас. Тебе не было бы
позволено даже
попытаться. Но мне все-
таки хочется узнать, почему
тогда, когда ты казался
просто седым стариком, ты
сделал то, что сделал?>>

Здесь Гэндальф открывает им
свои тогдашние раздумья о первом
шаге Саурана и свои опасения по
поводу Лóриэна и Раздола
{Rivendell} (ср. стр. 322). В этой
версии, сказав, что решительный
удар по Саурону был даже более
необходим, чем решение вопроса со
Смаутом, он продолжает:

<<— Вот почему для начала, едва поход на Смауга начался, я ушел и убедил Союз ударить по Дол-Гулдуру {Dol Guldur} прежде, чем он ударит по Лóриэну. Так мы и сделали, и Саурон бежал. Но его замыслы всегда опережали наши. Должен признаться, я тоже решил, что он действительно отступил и что нам выдастся еще одна передышка бдительного мира. Но она продлилась недолго. Саурон пошел на следующий шаг. Он внезапно вернулся в

Мордор и уже через десять лет заявил о себе.

Тогда все стало мрачнеть. Но все же первоначальный его план был не таков; и в конце концов это оказалось его ошибкой. У сопротивления осталось место для совещаний, свободное от тени. И как прошел бы Кольценосец, если бы не было Лóриэна и Раздола? А эти страны, я думаю, пали бы, если бы Саурон сперва бросил всю свою мощь на них, а не растерял бы больше половины ее в

войне с Гондором.

Ну вот, это и было главной причиной. Но одно дело — знать, что надо сделать, и совсем другое — найти, как. Положение на Севере начинало серьезно беспокоить меня, как вдруг в один прекрасный день я встретил Торина Дубощита: кажется, в середине марта 2941-го. Я выслушал всю его повесть и подумал: «Вот, по крайней мере, враг Смауга! И вполне достойный помощи. Надо сделать, что можно. Следовало бы

раньше подумать о
гномах».

К тому же — ширцы. Я
с теплом вспоминал о них
еще с Долгой Зимы,
которую вы не можете
помнить [\[256\]](#). Тогда им
пришлось очень туго,
пожалуй, даже хуже некуда;
они замерзали и гибли от
ужасного голода,
наставшего потом. Но
тогда-то и проявилась вся
их храбрость и сочувствие
друг другу. Именно это
сочувствие и упорное,
беззаветное мужество и
помогли им выжить. И

теперь мне очень хотелось этого. Но я видел, что Западному Краю предстоит рано или поздно другая лихая година и несколько другого рода: безжалостная война. Чтобы уцелеть в ней, думал я, хоббитам понадобится большее, чем то, что у них есть. Трудно сказать, что именно. Наверно, им надо бы чуть больше знать и чуть яснее понимать, что происходит и каково их место во всем этом.

Они уже стали забывать — забывать свои

собственные истоки и легенды, забывать то немногое, что они знали о величии мира. Еще не пропали, но были погребены в глубине воспоминания о высоком и страшном. Но весь народ нельзя научить быстро. К тому же, все равно надо с чего-то начинать — с кого-то одного. Поэтому можно сказать, что Бильбо был «избран», а я был лишь выбран для того, чтобы избрать его; так или иначе, я остановился на Бильбо.

— Вот именно то, что

мне хотелось узнать, —
сказал Перегрин. —
Почему ты сделал это?

— А как бы ты
подыскивал хоббита для
такого предприятия? —
ответил Гэндальф. —

Времени на то, чтобы
перебрать всех по очереди,
у меня не было; но я тогда
уже неплохо знал Шир,
хотя, когда я встретил
Торина, я не был там уже
двадцать лет, будучи занят
менее приятными делами.
Поэтому, вспомнив
хоббитов, которых я знал, я
сказал себе: «Мне нужна

чуточка туковщины» — но не слишком-то, мастер Перегрин! — «и более основательная закваска, наверно, бэггинсовского сорта». А это уже указывало прямо на Бильбо. К тому же некогда я был прекрасно знаком с ним, почти до его совершеннолетия, и знал его лучше, чем он знал меня. Тогда он мне нравился, теперь же я обнаружил, что он «не привязан» — снова забегаю вперед, потому что, конечно, ничего этого я не

обнаружил, пока не
вернулся в Шир. Я узнал,
что Бильбо так и не
женился. Это показалось
мне несколько странным,
хотя я и понимал в глубине
души, почему так вышло: и
причиной, которую я узрел,
было то, что он хотел
всегда оставаться «не
привязанным», свободным,
чтобы уйти, когда случится
такая возможность, или
когда он наберется
храбрости. Я вспомнил, как
Бильбо, будучи подростком,
засыпал меня вопросами о
хоббитах, которые

«стронулись», как говорят в Шире. По крайней мере, двое его дядюшек с Туковской стороны были из таких.>>

Этими дядюшками были Хильдифонс Тук, который <<отправился в путешествие и не вернулся>>, и младший из двенадцати детей Старого Тука, Изенгар {Isengar} Тук, о котором <<говорили, что он в молодости «ушел на море»>> («*Властелин Колец*», Приложение В, «*Родовое древо Туков из Хоромин {Great Smials}*»).

Когда Гэндальф принял

приглашение Торина отправиться с ним в его дом в Синих Горах,

<<мы прошли через Шир, хотя Торин не стал бы задерживаться там настолько, чтобы это могло принести пользу. Я думаю, что именно его высокомерное неуважение к хоббитам и зародило во мне мысль связать его с ними. Для него они были всего лишь селянами, которые трудятся по обе стороны древней гномьей дороги к Горам.>>

В ранней версии Гэндалф долго рассказывает о том, как после своего визита в Шир он вернулся к *Торину* и уговорил его, оставив высокие замыслы, отправиться тайно — <<и взять Бильбо с собой>>, — но в поздней версии (стр. 323) вышесказанное — все, что было написано об этом.

<<Наконец, я решился и вернулся к *Торину*. Я нашел его в обществе нескольких его сородичей. С ним были *Балин*, *Глóин* и некоторые другие.

— Ну, что у вас для нас? — спросил *Торин*,

едва я вошел.

— Во-первых, вот что, — ответил я. — Твои планы — это королевские планы, Торин Дубощит; но королевства у тебя нет. Если оно возродится, в чем я сомневаюсь, то начинать придется с малого. Здесь, вдалеке, боюсь, ты не представляешь себе всю мощь великого Дракона. Но это еще не все: в мире есть тень, которая постепенно становится куда более страшной. Они помогут друг другу. — А так бы и было, если бы в то самое

время я не ударил по Дол-
Гулдуру. — Открытая война
будет совершенно
бессмысленной; к тому же,
сейчас ты не сможешь
начать ее. Тебе придется
попробовать нечто более
простое, и в то же время
более смелое — нечто
действительно отчаянное.

— Ваши слова и
туманны, и тревожны, —
сказал Торин. — Говорите
яснее!

— Ну, во-первых, —
начал я, — тебе придется
отправиться в этот поход
самому, и отправиться

придется *тайно*. Безо всяких гонцов, герольдов и торжественных вызовов, Торин Дубощит. Самое большее, ты можешь взять с собой нескольких своих сородичей или верных друзей. Но тебе понадобится и кое-что еще, кое-что неожиданное.

— Назовите же это! — потребовал Торин.

— Минуточку! — ответил я. — Ты надеешься расправиться с Драконом; а он не только очень велик, но теперь еще и очень стар, и очень хитер. С самого

начала твоего путешествия ты должен помнить вот о чем: о его памяти и о его чутье.

— Ясное дело! — сказал Торин. — Гномы имели дело с Драконами больше, чем кто бы то ни было, и вы наставляете не новичка.

— Очень хорошо, — ответил я. — Но по твоим замыслам мне показалось, что ты не подумал об этом. Мой план — скрытность.

Взлом![\[257\]](#) Смауг не валяется на своем драгоценном ложе без

чувств, как бревно, Торин
Дубощит. Он спит и видит
гномов! Можешь быть
уверен, он днем и ночью
обыскивает свой чертог и
не ложится, пока не
убедится, что ниоткуда не
припахивает гномом: а в
полусне он
прислушивается, не
послышатся ли откуда
гномьи шаги.

— Да этот ваш *взлом*,
похоже, так же труден и
безнадежен, как и
открытое нападение, —
сказал Балин. —
Невозможно труден!

— Да, это трудно, —
согласился я. — Но не
безнадёжно трудно, иначе
я не стал бы попусту
тратить свое время. Я бы
сказал, это *немыслимо*
трудно. Вот я и собираюсь
предложить вам
немыслимый выход.
Возьмите с собой хоббита!
Смауг, должно быть,
никогда и не слышал о
хоббитах и уж наверняка не
знает их запаха.

— Что?! —
воскликнул Глóин. —
Какого-то простофилю из
Шира? Вот уж самые

бесполезные существа на земле, да и под землей тоже! Может, он и пахнет, как умеет, да только он никогда не осмелится подойти на расстояние запаха даже к голому драконышу только что из яйца!

— Ну-ну, это не совсем так, — возразил я. — Ты, Глóин, плохо знаешь ширцев. Должно быть, ты считаешь их простаками, потому что они щедры и не любят торговаться; и думаешь, что они тюфяки, потому что

никогда не продавал им оружие? Ты ошибаешься. Во всяком случае, на одного из них я уже положил глаз для вашего, Торин, отряда. Он ловок и смекалист, хотя и рассудителен и не страдает излишней горячностью. По-моему, он также храбр. Даже, я думаю, очень храбр — по меркам его народа. Хоббиты, можно сказать, храбры, когда им приходится туго. Хоббита надо как следует прижать, чтобы увидеть, что скрывается в нем.

— Это испытание провести не удастся, — заметил Торин. — Насколько я заметил, они делают все, чтобы им не приходилось тужить.

— Вполне верно, — согласился я. — Это очень разумный народ. Но этот хоббит — не совсем обычный. Я думаю, что его можно уговорить на такое дело. Мне кажется, он даже сам ищет этого — как он сказал бы, приключения.

— Только не за мой счет! — отрезал Торин, встав и сердито зашагав по

комнате. — Это не совет, это же глупость! Я никак не могу увидеть, чем хоббит, каким бы он ни был хорошим или плохим, может отплатить мне за один день содержания, даже если его удастся уговорить отправиться в путь.

— Не можешь увидеть? Скорее, не сможешь услышать, — ответил я. — Хоббиты безо всякого труда могут ходить намного тише, чем все гномы в мире даже при угрозе для жизни. Они, по-

моему, самые неслышные из всех смертных. Об этом ты навряд ли думал, Торин Дубощит, топая по Ширу и производя шум, который жители Шира, надо полагать, слышали за милю. Когда я сказал, что вам понадобится взлом, я имел в виду профессионального взломщика.

— Профессионального взломщика? — переспросил Балин, поняв меня несколько превратно. — Вы хотите сказать, специально

подготовленного искателя сокровищ? Такие еще бывают?

Я задумался. Это был новый поворот, и я не знал, как отнестись к нему.

— По-моему, да, — сказал я, наконец. — За вознаграждение он сходит туда, куда не станете или не сможете сходить вы, и добудет вам то, что вам нужно.

Глаза Торина сверкнули при мысли о потерянных сокровищах, но с обидой в голосе он сказал:

— То есть, наемный вор... Об этом стоит подумать, если вознаграждение будет не слишком высоким. Но что общего между наемными ворами и этими тюфяками? Они едят с глины и не смогут отличить алмаз от стеклянной бусины.

— Лучше бы ты не говорил так убежденно о том, чего не знаешь. — окоротил его я. — Эти тюфяки живут в Шире уже четырнадцать с лишним веков, и за это время они многое узнали. Они

общались с эльфами и с гномами за тысячу лет до того, как Смауг явился в Эребор. Ни один из них не богат по меркам твоих предков, но в иных из их домов ты найдешь вещи более ценные, чем те, которыми ты, *Торин*, можешь похвастать здесь. Тот хоббит, о котором я говорю, имеет золотые украшения, а ест он на серебре и вино пьет из хрусталя.

— А, теперь я вижу, куда вы клоните! — сказал Балин. — Так значит, он —

вор?

Боюсь, что здесь я стал терять терпение и выдержку. Это гномье убеждение, что никто, кроме них, не может иметь или создать что-нибудь «ценное» и что все красивые вещи в чужих руках достались от гномов, если вообще не были украдены когда-нибудь у них, меня доконало.

— Вор? —
переспросил я,
рассмеявшись. — Ну
конечно,
профессиональный вор!

Откуда же еще хоббиту
взять серебряную ложку! Я
поставлю на его двери
воровской знак, и вы
найдете ее. —

Рассердившись, я встал и
сказал вдруг с горячностью,
удивившей меня самого: —
Ты должен найти эту дверь,
Торин Дубощит! Я говорю
серьезно!

Тут я понял, что и в
самом деле говорю
серьезно. Эти странные
слова были не шуткой, а
правдой. Было отчаянно
важно, чтобы именно так
все и вышло. Гномы

должны были согнуть свои жесткие выи.

— Слушайте, Народ Дарина! — воскликнул я. — Если вы уговорите этого хоббита присоединиться к вам, вам повезет. Если же нет — все пропало. А если вы откажетесь даже попробовать, я больше не буду иметь с вами дела. Больше вы не получите от меня ни совета, ни помощи, покуда Тень не падет на вас.

Торин повернулся и оглядел меня в немом

удивлении, вполне,
впрочем, понятном.

— Сильно сказано! —
сказал он. — Хорошо, я
схожу к нему. Должно быть,
вы прямо провидец — если
только вы в своем уме.

— Вот и славно, —
сказал я. — Но ты должен
пойти по доброй воле, а не
просто из желания
выставить меня дураком.
Ты должен быть
терпеливым и не
отступаться, если та
храбрость и та тяга к
приключениям, о которых я
говорил, не будут заметны в

нем с первого взгляда. Он будет отрицать их. Он будет отказываться; но ты *не должен* позволить ему отказаться.

— Торговаться у него не получится, если вы это имеете в виду. — сказал Торин. — За все, что он сможет добыть, я предложу ему достойное вознаграждение, но не более.

Я имел в виду не это, но говорить об этом было бесполезно.

— И вот еще что, — продолжил я, — все свои

приготовления вы должны завершить до того. Чтобы все было готово! Как только он изъявит свое согласие, у него не должно быть времени, чтобы передумать. Отправляйтесь в свой поход на Восток прямо из Шира.

— Занятое создание этот ваш взломщик, — сказал молодой гном по имени Фили — племянник Торина, как я узнал потом. — Как его имя — или под каким именем он известен?

—

Хоббиты

пользуются своими
настоящими именами, —
сказал я. — Единственное
его имя — Бильбо Бэггинс.

— Вот так имечко! —
присвистнул Фили и
расхохотался [\[259\]](#)і.

— Он считает его
вполне почтенным, —
сказал я. — И оно вполне
подходит ему; он —
холостяк в летах, слегка
попавший и
расплывшийся. Пожалуй,
сейчас еда занимает его
более всего. У него
замечательная кладовая,
насколько я слышал, а

скорее всего, и не одна. По крайней мере, вам не придется скучать.

— Довольно, — сказал Торин. — Если бы я не дал уже своего слова, я бы никуда не пошел. Мне вовсе не по нраву, когда из меня делают дурака. Потому что я тоже совершенно серьезен. Крайне серьезен, и сердце мое горит огнем.

Об этом я как-то подзабыл.

— Вот что, Торин, — сказал я. — Апрель кончается, наступила

весна. Подготовь все быстро, как только сможешь. У меня сейчас кое-какие дела, но я вернусь через неделю. Когда я вернусь, если все будет в порядке, я выеду вперед, чтобы прощупать почву. Тогда на следующий день мы все вместе навестим его.

На этом я попрощался, давая Торину не больше времени на сомнения, чем было отпущено Бильбо. Продолжение этой истории вам известно хорошо — со стороны Бильбо. Если бы о

все будет гораздо сложнее, чем я предполагал. Но я стоял на своем. На следующий день, в среду 26 апреля, я привел Торина и его спутников в Торбу-на-Круче {Bag End}; с огромным трудом во всем, что касалось Торина — он упирался до последнего. И, конечно, Бильбо был ошеломлен и повел себя по-смешному. Для меня все действительно было очень плохо с самого начала; и этот злополучный «профессиональный взломщик», которого

гномы крепко вбили себе в головы, только осложнял дело. Я возблагодарил судьбу за то, что убедил Торуна остаться в Торбе-на-Круче на всю ночь, чтобы успеть обсудить пути-дороги и разные детали. Это дало мне последний шанс. Если бы Торин ушел из Торбы-на-Круче прежде, чем я смог поговорить с ним наедине, весь мой замысел рухнул бы.>>

Можно увидеть, что некоторые элементы этого разговора в поздней

версии были включены в спор между Гэндальфом и Торинном в Торбе-на-Круче.

С этого места повествование поздней версии близко повторяет раннюю, почему оно и не цитируется здесь, за исключением отрывка в самом конце. В ранней версии Гэндальф умалкает, и Фродо записывает, что Гимли рассмеялся:

<<—

Кажется

совершенно
немыслимым, — сказал
он, — что в конце концов
все вышло более, чем
хорошо. Конечно, я знал
Торина; и жаль, что меня

не было тогда там: когда ты гостил у нас в первый раз, меня не было дома. А в поход меня не взяли: сказали, что слишком молод, хотя сам я в свои шестьдесят два считал себя способным на все. Ну что ж, я рад, что услышал всю историю. Если только это — все. Я ведь и сейчас не уверен, что ты рассказываешь нам все, что знаешь, Гэндальф.

— Конечно же, не все, — ответил тот.>>

После этого Мериадок

{Meriadoc} спрашивает Гэндальфа о карте и ключе Тр́аина; и в ходе ответа, большая часть которого сохранена в поздней версии, но в другом месте повествования, Гэндальф говорит:

<<Когда я нашел Тр́аина, прошло уже девять лет с тех пор, как он покинул свой народ, и по меньшей мере пять лет уже он провел в застенках Дол-Гулдура. Не знаю, как он выдержал так долго и как ему удалось сохранить в тайне карту и ключ, пройдя через все мучения. Должно

быть, Черная Сила не хотела от него ничего, кроме Кольца, а когда Кольцо у него отобрали, Трайна больше не трогали, а просто бросили сломленного и безумного узника в подземелья, где тот и умер. Маленькая промашка; но она оказалась гибельной. Так часто и бывает с маленькими промашками.>>

«Охота за Кольцом»

О событиях 3018 года Третьей Эпохи, известных также по Повести Лет и по отчетам Гэндальфа и других Совету Элронда, написано много; и эти записки — явно те самые, о которых в процитированном выше письме говорится, что они были выброшены. Я озаглавил их «Охота за Кольцом». Сами рукописи, находящиеся в состоянии сильно, хотя и не необычайно, неупорядоченном, достаточно подробно описаны на стр. 342; но вопрос их датировки (а я считаю, что все они, в том числе и «По поводу Гэндальфа, Сарумана и Шира»,

приведенное в этом разделе в качестве третьего элемента, относятся к одному и тому же времени) стоит затронуть здесь. Написаны они были после опубликования «*Властелина Колец*», потому что в них имеются ссылки на страницы книги; но в датировке некоторых событий они отличаются от Повести Лет в Приложении Б. Объясняется это, очевидно, тем, что они были написаны после выхода в свет первого тома, но до появления третьего, в который вошли Приложения.

Охота за Кольцом

*(i) О Походе Черных Всадников
согласно рассказу Гэндальфа Фродо*

Горлум {Gollum} был схвачен в Мордоре в 3017 году и доставлен в Барад-Дûр {Barad-dûr}, где был допрошен и подвергнут пыткам. Узнав от него все, что было можно, Саурон выпустил его и снова отправил с заданием. Саурон не верил Горлуму, потому что прозревал в нем что-то неодолимое, что-то, чем не сумел овладеть даже при помощи Тени Страха, а уничтожить мог только вместе с самим Горлумом. Но, зная всю глубину злобы Горлума к тем, кто «ограбил» его, и поняв, что тот пойдет искать их, чтобы

отомстить за себя, Саурон понадеялся, что так его соглядатаи доберутся до Кольца.

Однако вскоре после этого Горлума захватил Арагорн и доставил его в Северное Лихолесье; и хотя за ними всю дорогу следили, выручить его не смогли, пока он не был помещен под стражу. Ранее Саурон никогда не обращал внимания на «полуросликов», если даже и слышал что-то о них, и еще не знал, где находится их страна. От Горлума не удалось добиться точных сведений даже под пыткой, и потому, что Горлум сам толком этого не знал, и потому, что он перевирал то, что знал. Саурон увидел, что одолеть

Горлума совершенно может только смерть — как из-за полуросликовской натуры, так и по причине, которой Саурон до конца не понимал, ибо его самого снедала жажда Кольца. Горлум испытывал к Саурону ненависть, превозмогавшую даже ужас; в нем он видел своего величайшего врага и соперника. Именно поэтому он притворился, будто считает, что страна полуросликов лежит где-то неподалеку от тех мест, где он когда-то жил сам — на берегах Ирисной реки {Gladden}.

Узнав, что Горлум захвачен вождями его врагов, Саурон испугался и заторопился. Но от

обычных лазутчиков и посланцев до него не доходило никаких вестей. А так было и благодаря трудам дунаданов, и из-за предательства Сарумана, чьи прислужники также подстерегали и сбивали с толку прислужников Саурана. Об этом Саурон знал, но руки его еще не были столь длинны, чтобы дотянуться до Сарумана в его Изенгарде {Isengard}. Поэтому он скрыл, что знает о двойной игре Сарумана, и до поры затаил свою ярость, выжидая время и готовясь к большой войне, в которой замыслил сбросить всех своих врагов в западное море. Вскоре Саурон понял, что здесь ему помогут только самые могущественные его слуги,

Призраки Кольца {Ringwraiths}, которые не имеют своей воли, а лишь его волю, ибо каждый из них полностью подвластен кольцу, поработившему его, а кольцами владеет он.

Немногие могли противостоять даже одному из этих губительных созданий, и никто, как считал Саурон, не сможет противостоять им, когда они соберутся под начальством своего страшного предводителя, Владыки Моргула. Но для нынешнего дела у Призраков Кольца был один недостаток: даже тогда, когда они были невидимы и не облачены, ужас, сопровождавший их, был столь велик, что Мудрые очень

скоро заметили бы их продвижение и догадались бы об их задании.

Вот как случилось, что Саурон задумал два удара, в которых впоследствии многие видели начало Войны Кольца. Они были нанесены одновременно. Орки совершили набег на страну Трандуила {Thranduil}, имея приказ освободить Горлума; и Владыка Моргула был открыто послан на битву с Гондором. Все это случилось в конце июня 3018 года. Так Саурон проверил силы и готовность Денетора {Denethor} и обнаружил, что они превосходят его ожидания. Но это не слишком обеспокоило его, потому что в том нападении он пустил в ход не всю

свою силу, а главной целью его было, чтобы выступление Назгûлов казалось лишь частью его военных действий против Гондора.

Поэтому, когда был взят Осгилиат {Osgiliath} и разрушен мост, Саурон остановил наступление, а Назгûлам было приказано начать поиски Кольца. Но Саурон не упускал из внимания силы и труды Мудрых, и Назгûлам было велено действовать так скрытно, как только возможно. В то время в Минасе Моргул обитал Предводитель Призраков Кольца с шестью своими подчиненными, а второй после Предводителя, Хамûл Тень Востока, пребывал в Дол-Гулдуре {Dol Guldur}

наместником Саурана, и еще один из них был при нем гонцом [\[259\]](#).

Владыка Моргула повел своих подчиненных вверх по Андуину необлаченными и пешими, и они были невидимы для глаз, но навевали ужас на все живое, попадавшееся им на пути. Отправились они, должно быть, в первых числах июля. Шли они через Анóриэн медленно и скрытно, переправились через Энтов Брод {Entwade} в Волд {Wold}, и темные слухи и страх разносились перед ними среди людей, не знавших, в чем тут причина. Они вышли на западный берег Андуина чуть к северу от Сарна Гебир, где им была назначена встреча; там они

взяли коней и доспехи, тайно переправленные через реку. Это было, как считают, примерно семнадцатого июля. Затем они двинулись на север в поисках Ши́ра, страны полуросликов.

Примерно двадцать второго июля они встретились со своими собратьями, дол-гулдурскими Назгûлами, в Поле Келебранта {Celebrant}. Там они узнали, что Горлум обманул и орков, отбивших его, и эльфов, что преследовали их, и исчез [\[260\]](#). Хамûл сообщил также, что никаких селений полуросликов в Андуинских Долинах нет и что поселения струсов {Stoors} по Ирисной реке давно уже опустели.

Владыка Моргула же, не придумав ничего лучшего, решил продолжить поиски к северу, видимо, надеясь либо найти Шир, либо перехватить Горлума. Ему казалось вполне вероятным, что Шир окажется неподалеку от ненавистой страны Лóриэн, если вообще не в пределах рубежей Галадриэли. Но силы Белого Кольца превозмочь он не мог, и не мог войти в Лóриэн. Поэтому, пройдя между Лóриэном и Горами, Девятеро продолжили поиск на север; и ужас неся перед ними и оставался за ними; но они не нашли того, что искали, и не узнали ничего нужного для себя.

Наконец, они вернулись; но лето

уже совсем прошло, а ярость и страх Саурана все росли. Когда Назгûлы возвратились в Волд, уже настал сентябрь; там они встретили гонцов из Барад-дûра, передавших им от хозяина угрозы, которые напугали даже Моргульского Владыку. Ибо Саурон узнал теперь о словах пророчества, услышанных в Гондоре, о том, что Боромир отправился в поход, о делах Сарумана и о пленении Гэндальфа {Gandalf}. Из всего этого он заключил, что ни Саруман, ни кто-либо другой из Мудрых еще не владеет Кольцом, но что Саруман по крайней мере знает, где оно может скрываться. Теперь могла выручить только скорость, а

скрытность следовало отбросить.

Поэтому Призракам Кольца было приказано отправляться прямо в Изенгард. Они спешно пронеслись через Рохан, и ужас от их скачки был так велик, что многие люди бежали из той страны и бросились на север и на запад, решив, что с Востока на копытах черных коней несется война.

Спустя два дня после того, как Гэндальф покинул Ортанк {Orthanc}, Владыка Моргула остановился перед Вратами Изенгарда. Саруман, и без того разъяренный и напуганный бегством Гэндальфа, осознал тогда, как опасно находиться между двумя воюющими сторонами, обе из

которых знают теперь, что он — предатель. Ужас его был велик, потому что надежда обмануть Саурана или хотя бы в случае его победы занять его сторону, была окончательно утрачена. Теперь ему оставалось либо самому заполучить Кольцо, либо готовиться к поражению и мукам. Но Саруман был по-прежнему осторожен и хитер, и он подготовил Изенгард именно к такому повороту событий. Изенгардское Кольцо было слишком крепким даже для Владыки Моргула и его подчиненных, чтобы взять его штурмом без большого воинского подкрепления. Поэтому на вызов и требования Назгûла ответил только

голос Сарумана, который, благодаря искусной хитрости, слышался так, словно раздавался прямо из ворот.

— Это не та страна, что нужна вам, — сказал он. — Я знаю, что вы ищете, хоть вы и не называли этого. У меня нет его, и его слугам это должно быть ясно без слов: если бы оно было у меня, то вы сейчас же пали бы передо мною ниц и называли бы меня своим Господином. А если бы я знал, где спрятана эта вещь, то я не ждал бы здесь, а давно уже взял бы ее раньше вас. Лишь один, думаю я, знает, где оно: это Митрандир {Mithrandir}, враг Саурана. А поскольку Митрандир отбыл из Изенгарда всего два дня назад, ищите

его где-нибудь неподалеку.

Власть голоса Сарумана была такова, что даже Предводитель Назгûлов не задумался, не было ли в его словах лжи или полуправды; тотчас же он ускакал от ворот и отправился охотиться за Гэндальфом в Рохане. Вышло так, что уже вечером следующего дня Черные Всадники столкнулись с Грímой Червословом, который спешил донести Саруману, что Гэндальф прибыл в Эдорас предупредить об измене в Изенгарде Короля Тёодена {Théoden}. Тогда Грíма едва не умер от страха; но, свыкнувшись с предательством, он рассказал бы все, что знал, даже если бы его

припугнули не так сильно.

— О да, о да, я все скажу, владыка, — говорил он. — Я подслушал их разговор в Изенгарде. Страна полуросликов — оттуда прибыл Гэндальф и туда собирается вернуться. Ему был нужен только конь. Отпустите меня! Я говорю быстро, как только могу! На запад через Роханскую Пройму, оттуда на север и чуть на запад до второй большой реки — она зовется Сизрекой {Greyflood}. Там от переправ у Тарбада {Tharbad} старый тракт приведет вас к границам этой страны. Ее называют Шир. Да, конечно, Саруман знает все это. Из той страны по тракту к нему

доставляют товары. Пощадите меня, владыка! Ни одной живой душе я не расскажу о нашей встрече!

Предводитель Назгûлов сохранил Червослову жизнь не из жалости, а решив, что тот, охваченный таким ужасом, никогда не осмелится рассказать об их встрече — как оно и вышло — а также потому, что понимал, что перед ним существо злобное и, оставшись в живых, оно, должно быть, еще принесет Саруману великий вред. Поэтому он оставил Гриму лежать на земле и ускакал, решив не возвращаться в Изенгард. Месть Саурана могла ждать.

Теперь Предводитель Назгûлов

разделил свой отряд на четыре пары, и те поскакали раздельно, а сам он отправился вперед с самой быстрой из двоек. Так они выехали из Рохана на запад, обыскали пустоши Энедвайтма {Enedwaith} и, наконец, подъехали к Тарбаду. Оттуда они проскакали через Минхириат {Minhiriath}, и хотя жуткие слухи о них еще не разнеслись вокруг, все живое попряталось, а немногие люди бежали прочь. Но иных беглецов Назгûлы ловили на тракте; и, к радости Предводителя, двое из них оказались лазутчиками и слугами Сарумана. Один из них часто ходил между Изенгардом и Широм, и хотя сам он не бывал там дальше Южного

Удела {Southfarthing} [\[262\]](#)ii, у него были данные ему Саруманом бумаги, в которых Шир был точно изображен и описан. Назгûлы отобрали их у него и послали его в Брей {Bree} продолжать шпионить; но предупредили, что он теперь на службе у Мордора, и если он только попытается вернуться в Изенгард, его ждет мучительная смерть.

Под утро двадцать второго дня сентября Черные Всадники, снова объединившись, вышли к Сарнскому Броду и южной границе Ши́ра. Граница эта охранялась, ибо путь им преградили Следопыты. Но такой противник был не по силам дúнаданам; а может быть, и по

силам, если бы с ними был их военачальник Арагорн. Но тот находился далеко на севере, на Восточном Тракте возле Брея; и даже дўнаданские сердца дрогнули. Одни дўнаданы отступили на север, надеясь донести до Арагорна известия, но за ними погнались и перебили их или загнали в глухомань. Другие же попытались защищать Брод и удерживали его до темноты, но ночью Владыка Моргула смел их и Черные Всадники въехали в Шир; и прежде, чем в маленьких домиках петухи возвестили о наступлении двадцать третьего дня сентября, часть Черных Всадников уже мчались через Шир на север, а

Гэндальф в то самое время неся на Сполохе {Shadowfax} через Рохан.

(ii) Другие версии этой истории

Я решил привести вышеизложенную версию как наиболее законченное повествование; но существует и несколько других рассказов об этих событиях, которые что-то добавляют к этому варианту или изменяют его в важных деталях. Эти рукописи не стыкуются между собой, и их взаимоотношения весьма туманны, хотя все они, без сомнения, написаны в один и тот же период, и

важно отметить существование двух более ранних описаний помимо того, которое приведено здесь — для ясности назовем его «А». Вторая версия — «В» — во многом совпадает с «А» в структуре повествования, но третья — «С» — набросок сценария, начинающийся более поздним моментом и имеющий некоторые существенные отличия, который я склонен считать самым поздним по написанию. Кроме того, существует некоторый материал — «D» — более подробный по части роли Горлума в этих событиях — и разнообразные заметки по поводу этого периода истории.

В «D» говорится, что то, что Горлум рассказал Саурону о Кольце и о месте его находки, было важно потому, что из этого Саурон понял, что это действительно было Единое Кольцо; но о его нынешнем местонахождении Горлум мог открыть только, что его украло в Мглистых Горах существо по имени *Бэггинс*, пришедшее из страны под названием *Шир*. У Саурона порядком отлегло от сердца, когда по рассказу Горлума он понял, что *Бэггинс*, должно быть, существо того же рода, что и сам Горлум.

<<Горлум не мог знать
слова «хоббит», которое

было местным названием, а не обще-вестронским словом. Он наверняка не мог назвать его и «полуросликом», потому что сам был из них, а хоббиты не любили это наименование. Вот почему у Черных Всадников было только два главных ключа: *Шир* и *Бэггинс*.>>

Из всех отрывков ясно, что Горлум по меньшей мере не знал, в какой стороне находится Шир; но хотя под пыткой из него, несомненно, можно было бы вытянуть больше, Саурон явно не

думал, что *Бэггинс* пришел из какой-либо страны, лежащей далеко от Мглистых Гор, и решил, что Горлум знает, где она находится, и что *Бэггинса* можно будет найти в Андуинских Долинах, в тех самых местах, где жил некогда сам Горлум.

<<Это был мелкий и вполне понятный просчет — но, возможно, самый важный просчет, допущенный Сауроном во всей этой истории. Если бы не он, Черные Всадники добрались бы до Шира раньше на несколько недель.>>

В тексте «В» говорится подробнее о путешествии Арагорна с пленным Горлумом на север в страну Трандуила и больше рассказывается о сомнениях Саурана по поводу использования Призраков Кольца.

[Выйдя из Мордора,]
<<Горлум вскоре исчез в Мертвых Болотах, где соглядатаи Саурана не могли или не стали бы преследовать его. Ни один из лазутчиков Саурана не мог сообщить хозяину никаких известий. (Саурон наверняка не имел большой власти в Эриадоре, и там

было мало его слуг; тех же, которых он посылал туда, часто подстерегали или сбивали с толку прислужники Сарумана.) Поэтому Саурон, наконец, решился пустить в ход Призраков Кольца. По некоторым причинам ему не хотелось делать этого, пока он не знал точно, где находится Кольцо. Призраки Кольца были намного сильнее всех саурановых слуг и наиболее подходили для такого задания, потому что были полностью порабощены

Девятью Кольцами, которые сейчас были у Саурана; они совершенно не могли противодействовать его воле, и если бы кто-то из них, хотя бы и их начальник, Король-Чародей, добыл бы Единое Кольцо, он принес бы его своему Хозяину. Но до начала открытой войны, к которой Саурон еще не был готов, их служба была сопряжена и с их недостатками. Все они, кроме Короля-Чародея, в одиночку и при свете дня

могли потеряться; и все они, кроме, опять-таки, Короля-Чародея, боялись воды и не желали без крайней необходимости входить в нее и пересекать потоки вброд или не по мосту^[262]. Помимо того, главным их оружием был страх. Страх этот был сильнее всего, когда они были не облачены и невидимы; и еще более усиливался он, когда они собирались все вместе. Потому любое задание, на которое они отправились, было бы трудно окружить

тайной; а переправа через Андуин и другие реки становилась значительной препоной. Саурон не раз задумался об этом, потому что не хотел, чтобы его главные враги узнали о поручении, данном его слугам. Надо думать, что Саурон поначалу не считал, что кто-либо, кроме Горлума и «вора Бэггинса», знает что-либо о Кольце. Пока Гэндальф не пришел допросить Горлума^[263], тот не знал, что Гэндальф как-то связан с Бильбо, и вообще не подозревал о его

существовании.

Но когда Саурон узнал о том, что Горлум схвачен его врагами, положение дел в корне изменилось. Когда и как это случилось, точно сказать, конечно же, невозможно. Быть может, прошло уже немало времени. По рассказу Арагорна, Горлум был схвачен в сумерках вечером первого дня февраля. Чтобы не попасться соглядатаям Саурана, Арагорн погнал Горлума через северный выступ Эмина {Emyn} Муйл и

переправился через Андуин
над самым Сарном Гебир.
Там на восточный берег
часто выносило плавник, и,
привязав Горлума к бревну,
Арагорн переплыл вместе с
ним реку и продолжил путь
на север по самым
западным из троп, какие
только мог отыскать, через
пролески Фангорна, за
Лимлайт {Limlight}, затем
— за Нимродэль и
Серебрянку {Silverlode}
вдоль опушки Лóриэна^[264],
и далее, обойдя Морию и
Димрилльский Дол,
переправившись через

Ирисную реку, вышел к Карроку {Carrock}. Там с помощью Беорнингов он снова переправился через Андуин и вошел в Лес. Все это путешествие было не меньше девяти сотен миль, и Арагорн совершил его с огромными тяготами за пятьдесят дней^[266]iii, добравшись до Трандуила двадцать первого марта^[266].

Поэтому наиболее вероятно, что первые вести о Горлуме появились у слуг Дол-Гулдура тогда, когда Арагорн вошел в Лес; хотя власть Дол-Гулдура, как

считалось, кончалась за Старым Лесным Трактом, его лазутчиков в лесу было много. Эти известия, очевидно, достигли Назгûла, командовавшего Дол-Гулдуром, не сразу, и он, вероятно, ничего не сообщил в Барад-дûр, пока сам не попытался разузнать о местонахождении Горлума поподробнее. Соответственно, нет сомнений, что лишь в конце апреля Саурон услышал, что Горлума видели снова, и по всей видимости его взял в плен

какой-то человек. В этом известии толку было немного. Ни сам Саурон, ни его слуги еще не знали ничего об Арагорне и о том, кто он такой. Но очевидно, что позже — поскольку за землями Трандуила теперь внимательно следили — спустя где-то с месяц, Саурон услышал встревожившую его весть о том, что Мудрые знают про Горлума и что в страну Трандуила прибыл Гэндальф.

Тогда, должно быть, Саурон исполнился злобы и тревоги. Он решился пустить в ход Призраков Кольца со всей поспешностью, потому что теперь скорость была важнее скрытности. Надеясь устрашить своих врагов и встревожить их замыслы опасностью войны — которую он еще некоторое время не собирался развязывать — он напал на Трандуила и на Гондор почти одновременно [\[267\]](#). У него теперь появились еще две цели: захватить или убить Горлума — или, по крайней мере, отбить его у врагов; и отвоевать переправу по Осгилиатскому мосту, чтобы Назгûлы смогли пересечь реку, а

попутно опробовать мощь Гондора.

Горлум в ходе нападения бежал. Но захват переправы удался. Там, вероятно, было задействовано гораздо меньше войск, чем сочли гондорцы. Во время паники первой атаки, когда Королю-Чародею на краткое время было позволено явить себя во всем своем ужасе^[268], Назгûлы под покровом ночи перешли по мосту и скрылись на север. Не преуменьшая доблести

Гондора, которая и в самом деле много превзошла расчеты Саурона, ясно видно, что Боромиру и Фарамиру удалось отбить врага и уничтожить мост только потому, что на то время нападение уже служило лишь своей основной цели.>>

Отец нигде не объясняет водобоязнь Призраков Кольца. В только что процитированном отрывке она делается основным мотивом удара Саурона по *Осгилиату* и появляется снова в подробных заметках о перемещениях

Черных Всадников по Ширу: так, о Всаднике, которого хоббиты увидели сразу после того, как переправились Зайгородским Паромом {Bucklebury Ferry} («Хранители» I 5) — то был Хамûл Дол-Гулдурский, см. прим. 1 — говорится, что <<он прекрасно знал, что Кольцо только что переправилось через реку; но за рекой он не мог учуять его>> и что Назгûлы не смели коснуться <<эльфийских>> вод Барандуина. Но нигде не разъясняется, как же они переправлялись через другие реки на их пути, например, через Сизреку, где была лишь <<опасная переправа по остаткам моста>> (стр. 264). Отец и сам отмечал, что эта мысль не

вполне состоятельна.

Описание тщетного путешествия Назгûлов вверх по Андуинским Долинам в версии «В» почти полностью совпадает с напечатанной выше версией «А», с тем отличием, что в «В» поселения струсов в тех местах к тому времени еще не были полностью заброшены; и последних струсов, еще живших там, перебили или разогнали Назгûлы^[269]. Во всех текстах точные даты несколько различаются между собой и с теми, которые приводятся в Повести Лет; здесь я пренебрег этими различиями.

В версии «D» имеется рассказ о том, что было с Горлумом после его бегства от дол-гулдурских орков и до

того, как Хранители вошли в Западные врата Мории. Он находится в стадии черновика и потребовал некоторой незначительной редактуры.

<<Вполне ясно, что преследуемый и эльфами, и орками Горлум пересек Андуин — вероятно, вплавь — и так ушел от Сауроновой охоты; но за ним еще охотились эльфы, и, не осмелившись пройти вблизи Лóриэна, — только тяга к Кольцу заставила его пойти на это впоследствии — он укрылся в Мории [\[270\]](#).

Это было, вероятно, осенью того года; после этого все следы его были утеряны.

Что было с Горлумом потом, точно сказать, конечно, нельзя. Он был хорошо приспособлен к жизни в таких условиях, хотя и ценою громадных лишений; но его постоянно могли обнаружить слуги Саурона, рыскавшие по Мории [\[271\]](#), особенно если учесть, что то ничтожное количество пищи, которое было ему необходимо, приходилось воровать с

огромным риском. Несомненно, он собирался лишь тайно пробраться через Морию на запад, чтобы как можно скорее самому найти Шир; но заблудился и смог выбраться только очень нескоро. Поэтому кажется вполне вероятным тот факт, что он вышел к Западным вратам незадолго до того, как подошли Девятеро Путников. О секрете ворот он, конечно же, ничего не знал. Врата представлялись ему огромными и

незыблемыми; и хотя у них не было ни замка, ни засова и они открывались наружу простым толчком, он не обнаружил этого. В любом случае, теперь он находился слишком далеко от любых источников пропитания, ибо орки обитали большей частью в Восточной Мории, ослаб и отчаялся так, что даже если бы он знал все о воротах, ему не удалось бы их открыть [\[272\]](#). Так что Горлуму очень повезло, что Девятеро Путников появились именно в тот

момент.>>

История о появлении Черных Всадников в Изенгарде в сентябре 3018 года и последующем пленении ими Грúмы Червослова, рассказанная в «А» и «В», значительно изменена в версии «С», которая подхватывает рассказ лишь на моменте их возвращения на юг за Лимлайт. В «А» и «В» после бегства Гэндальфа из Ортанка прошло два дня, прежде чем Назгûлы прибыли в Изенгард; Саруман говорит им, что Гэндальфа у него нет, и отрицает свое знание о Шире^[273], но его выдает Грúма, которого Назгûлы схватили на следующий же день,

когда тот спешил в Изенгард с известием о появлении Гэндальфа в Эдорасе. В отличие от этого, в «С» Назгûлы подъезжают к Вратам Изенгарда, когда Гэндальф еще сидит в башне. В этом отрывке Саруман, охваченный отчаянием и страхом, ощутив весь ужас служения Мордору, внезапно решает сдаться Гэндальфу и попросить у него прощения и помощи. Выгадывая время у Врат, он выдает, что держит у себя Гэндальфа, и говорит, что сейчас пойдет и разузнает, что тому известно; если же это ему не удастся, он выдаст Гэндальфа Назгûлам. Саруман спешит на вершину Ортанка — и видит, что Гэндальфа нет. На юге,

против заходящей луны, он видит огромного Орла, летящего в сторону Эдораса.

Теперь дела Сарумана становятся совсем плохи. Если Гэндальф бежал, то возникает вероятность того, что Саурон не получит Кольца и будет побежден. В глубине души Саруман осознает великую силу и загадочную «удачливость», сопровождающую Гэндальфа. Но сейчас ему приходится в одиночку разбираться с Девятью. Настроение его меняется, и гордыня восстает от яростной зависти и злости, что Гэндальф бежал из неприступного Ортанка. Саруман возвращается к Вратам и

лжет, говоря, что заставил Гэндальфа признаться во всем. Не подозревая, насколько глубоко Саурон проник в его мысли и душу^[274], он умалчивает о том, что знал все это сам.

<<«Я», — сказал он торжественно, — «лично сообщу все владыке Барад-Дûра, с которым я издалека переговариваюсь о важных делах, касающихся нас с ним. Все, что нужно знать вам о деле, вам порученном — это где лежит страна Шир. Она, по словам Митрандира, находится к северо-западу отсюда на расстоянии шестисот с лишним миль, на границе приморской страны эльфов.>> К своему удовольствию Саруман видит, что даже Король-

Чародей не усомнился в его словах. <<«Вы должны пересечь Изен {Isen} через Броды, а затем, обогнув Горы, выйти к *Тарбаду* на Сизреке. Поспешайте, а я сообщу вашему Хозяину, что вы отправились туда».>>

Эта хитрая речь убедила на время даже Короля-Чародея в том, что Саруман — верный союзник, находящийся в высоком доверии у Саурона. Всадники тотчас же отбыли от Врат и спешно поскакали к Изенским Бродам. За ними Саруман выслал волков и орков, тщетно преследуя Гэндальфа; но были у него при этом и другие цели — показать Назгûлам свою силу, а также, может

быть, не дать им задержаться поблизости; кроме того, в своей злобе он хотел нанести хоть какой-нибудь урон Рохану и увеличить страх, который его посланник Червослов возводил в сердце Теодена. Червослов недавно был в Изенгарде и теперь возвращался в Эдорас; среди преследователей некоторые несли донесения ему.

Избавившись от Всадников, Саруман вернулся в Ортанк и погрузился в тяжелые и страшные раздумья. Похоже, он решил подождать и все еще надеялся овладеть Кольцом сам. Он решил еще, что указание пути в Шир скорее задержит Всадников, чем поможет

им, потому что знал о страже Следопытов и, зная о словах пророчества, услышанных во сне Боромиром, и о его поручении, думал также, что Кольцо уже ушло и находится на пути в Раздол {Rivendell}. Наконец, он собрал и выслал в Эриадор всех лазутчиков, птиц и своих людей, каких только смог собрать.

В этой версии, таким образом, пленение Грúмы Призраками Кольца и предательство Грúмой Сарумана отсутствуют; ибо, разумеется, Гэндальф не успел бы добраться до Эдораса и попытаться предупредить Короля Тёодена, а Грúма, в свою очередь — отправиться в Изенгард и

сообщить об этом Саруману прежде, чем Всадники покинут Рохан^[275]. Сведения о том, как Саруман обманул их, происходят от человека, которого Всадники схватили с картами Ши́ра (стр. 341); и об этом человеке и о сношениях Сарумана с Ши́ром рассказывается более подробно.

Когда Черные Всадники были уже далеко в *Энедвайтте* и подходили к *Тарбаду*, они заполучили то, что оказалось для них величайшим подарком судьбы, а для Сарумана — гибельным^[276], и смертельно опасным для *Фродо*.

Саруман давно уже интересовался Ши́ром — потому что

Широм интересовался Гэндальф, а Саруман следил за ним; и потому также, что, подражая, опять же, тайно, Гэндальфу, Саруман пристрастился к «полуросликовскому листу» и должен был пополнять свои запасы; но в гордыне своей, высмеяв однажды Гэндальфа за склонность к этому зелью, он держал это в глубочайшей тайне. Позже добавились и другие мотивы. Саруману нравилось распространять свою власть, тем более в вотчине Гэндальфа, а он обнаружил, что деньги, тратящиеся на закупку «листа», дают ему власть и развращают некоторых хоббитов,

особенно Толстобрюхлов {Bracegirdles}, владевших множеством плантаций, а также Лякошель-Бэггинсов {Sackville-Bagginses} [\[277\]](#). К тому же Саруман начал убеждаться, что Шир в мыслях Гэндальфа каким-то образом связан с Кольцом. Зачем вокруг него выставлена такая сильная стража? Поэтому он стал собирать подробные сведения о Шире, его главных людях и кланах, его дорогах и прочем. В самом Шире он использовал для этого хоббитов, нанимаемых Толстобрюхами и Лякошель-Бэггинсами, собственными же его слугами были люди дунлендских кровей. Когда Гэндальф отказался

сотрудничать с Саруманом, тот удвоил свои усилия. Следопыты подозревали неладное, но не запрещали проход слугам Сарумана — потому что Гэндальф не мог предупредить их, а когда он отправлялся в Изенгард, Саруман еще считался союзником.

Какое-то время спустя один из самых доверенных слуг Сарумана — головорез, изгнанный из Дунленда, где многие говорили, что в его жилах течет и орочья кровь — прибыл от границ Шира, где закупал «лист» и другие припасы. Саруман начинал готовить Изенгард к войне. Теперь этот человек возвращался обратно, чтобы продолжить дела и подыскать

подводы для перевозки множества товаров до конца осени [\[278\]](#). У него также был приказ проникнуть, если удастся, в Шир и узнать, не уходил ли оттуда недавно кто-нибудь из видных людей. С собой у него были карты, списки имен и записки о Шире.

Этот дунлендинг и был схвачен несколькими Черными Всадниками на подходе к Тарбадской Переправе. Напуганный до предела, он был передан Королю-Чародею и подвергнут допросу. Предав Сарумана, он спас свою жизнь. Так Королю-Чародею стало известно, что Саруман все это время был прекрасно осведомлен о том, где находится Шир, и много знал о нем

того, что мог и должен был рассказать слугам Саурана, если бы был верным союзником. Король-Чародей также получил много других сведений, в том числе и о том единственном имени, которое было ему нужно: о *Бэггинсе*. Именно по этой причине Хоббитон был назначен одним из мест, куда следовало немедленно отправиться и все разузнать.

Теперь Король-Чародей представлял себе положение вещей лучше. Кое-что об этой стране он знал с тех давних пор, когда воевал с Дúnэдайном, особенно о Тирне Гортад {Tyrn Gorthad} Кардолана {Cardolan}, ныне Могильниках, куда

он сам наслал тамошнюю нечисть^[279]. Видя, что хозяин этого человека предполагает какое-то движение из Шира в Раздол, он понял, что и Брей, местонахождение которого было ему известно, становится важным местом, по крайней мере, для сбора сведений^[280]. Поэтому он навел на дунлендинга Тень Ужаса и послал его в Брей уже от себя. Это и был тот косоглазый южанин в Трактире^[281].

В версии «В» замечается, что Черный Полководец не знал, в Шире ли еще Кольцо; это ему предстояло узнать. Шир был слишком велик для такого жестокого налета, который был совершен на струсов; придется

использовать столько скрытности и придержать столько ужаса, сколько окажется возможным, да еще и сторожить восточные границы. Поэтому Черный Полководец отправил нескольких Всадников с приказом рассеяться и прочесать Шир; из них Хамûл (см. прим. 1) должен был найти Хоббитон, где, согласно бумагам Сарумана, жил «Бэггинс». Сам же Черный Полководец устроил стоянку в Андрате {Andrath}, где Зеленый Путь проходил в лощине между Могильниками и Южным Пригорьем^[282]; и оттуда несколько Всадников были посланы стеречь и следить за восточными границами, а

сам Черный Полководец побывал в Могильниках. В заметках о перемещениях Черных Всадников в это время говорится, что Черный Полководец пробыл там несколько дней, разбудив в Вековечном Лесу и в Могильниках умертвий и все злые силы, враждебные эльфам и людям, были настороже.

***(iii) По поводу Гэндальфа, Сарумана
и Шира***

Еще одна папка с бумагами того же периода состоит из большого количества неоконченных рассказов о былых сношениях Сарумана с

Широм, особенно по поводу «полуросликовского листа», каковой предмет соотносится с «косоглазым южанином» (см. стр. 347-8).
Нижеследующий текст — одна версия из многих, которая, будучи короче других, находится в более законченном состоянии.

<<Саруман вскоре стал завидовать Гэндальфу, и соперничество это в конце концов превратилось у него в ненависть, которая делалась тем глубже, чем лучше она скрывалась, и тем горше, что Саруман знал в душе, что Серый

Странник обладает большей силой и большим влиянием на жителей Средиземья, хотя и скрывает свою силу и не жаждет снискать ни страха, ни почета. Саруман не уважал Гэндальфа, но начал постепенно страшиться, никогда не зная, насколько тот проникает в его душу, и беспокоиться из-за его молчания еще больше, чем из-за его слов. Поэтому прилюдно он обращался к Гэндальфу с меньшим почтением, чем другие

Мудрые, и всегда готов был прекословить ему или сводить его замыслы на нет; а втайне он отмечал и обдумывал все, что тот говорил, следя, насколько это ему удавалось, за всеми его движениями.

Так Саруман стал задумываться о полуросликах и Шире, которых иначе счел бы недостойными своего внимания. Сперва он не думал, что интерес его соперника к этому народу как-то связан с великими делами Совета, и менее

всего — с Кольцами
Власти. Ибо поначалу
таких связей и не было, а
интерес этот был вызван
лишь любовью Гэндальфа к
Малому Народцу, если
только в сердце его не было
какого-то глубокого
предчувствия,
недоступного его
пробуждающейся мысли.
Много лет Гэндальф
открыто навещал Шир и
разговаривал там со всеми,
кто был охоч до разговоров;
а Саруман насмехался над
этим, как над рассказнями
старого бродяги, но все

брал себе на заметку.

Видя, что Гэндальф считает Шир стоящим путешествия, Саруман поехал туда сам — но переодевшись и в полной тайне — пока не изучил и не отметил все его дороги и земли и не решил, что узнал о Шире все, что стоило узнать. Когда же он стал думать, что не мудро и неудобно ездить туда самому, у него остались лазутчики и слуги, которые бывали там или приглядывали за ширскими границами.

Ибо у Сарумана остались подозрения. Сам он пал так низко, что стал считать, будто все в Совете замышляют тайные козни с целью собственного возвышения, и об этом рано или поздно должны засвидетельствовать их дела. Поэтому, когда много спустя Саруман услышал что-то о том, что полурослик нашел Кольцо Горлума, он мог подумать только, что Гэндальф знал об этом все время; и Саруман немало сокрушался по этому

поводу, потому что все, относящееся к Кольцам, он считал своей собственной вотчиной. То, что недоверие Гэндальфа к нему было обоснованным и справедливым, нисколько не уменьшало его злости.

Но скрытность и слежка Сарумана поначалу не имели никакого злого умысла, а были лишь безумным порождением гордыни. В конце концов мелочи, считавшиеся не стоящими внимания, могут оказаться делами великой важности. Саруман

пренебрежительно фыркал по поводу пристрастия Гэндальфа к растению, которое тот называл «трубочной травой»^[284] — и за которую, говаривал Гэндальф, уже стоит поблагодарить Малый Народец — но сам в уединении попробовал ее и вскоре начал употреблять; и по этой причине Шир остался для него важным. Но Саруман очень боялся, что все раскроется, его же насмешка обернется против него, и над его подражанием Гэндальфу

станут смеяться, презирая его за то, что он делал это тайно. Вот какова была причина великой скрытности во всех сношениях Сарумана с Широм в самом начале, когда не возникло еще ни тени подозрения и Шир почти не охранялся, а был открыт для всех. По этой-то причине Саруман больше не бывал там лично; он узнал, что остроглазые полурослики видели его, и иные из них, увидев старика в сером или светло-буром одеянии,

пробирающегося лесами или проходившего мимо них в сумерках, принимали его за Гэндальфа.

После этого Саруман не появлялся в Шире, опасаясь, что эти рассказы разойдутся и дойдут, быть может, до ушей самого Гэндальфа. Гэндальф же знал об этих путешествиях, он догадался, кто это был, и немало смеялся, решив, что это самая безвредная из Сарумановых тайн; но никому ничего не сказал, потому что никогда не хотел никого пристыдить.

Однако ему стало легче, когда путешествия Сарумана прекратились; он уже не доверял ему, хотя мог еще только предвидеть, что придет время, когда Саруманово знание Шира окажется опасным и сослужит великую службу Врагу, подведя его к победе на расстояние вытянутой руки.>>

В другой версии есть описание случая, когда Саруман открыто издевался над пристрастием Гэндальфа к «трубочному зелью».

<<Из-за неприязни и страха Саруман позже стал избегать Гэндальфа, и они редко встречались, кроме как на собраниях Белого Совета. О

«полуросликовском листе» речь впервые зашла на большом Совете, состоявшемся в 2851 году, и там он был упомянут как забавный курьез, хотя потом об этом вспоминали совсем по-другому. Совет собрался в Раздоле, и Гэндальф сидел в углу молча, но то и дело затягиваясь своей трубкой

— чего он раньше никогда не делал в такой обстановке — пока Саруман возражал на его речь и убеждал, что, вопреки совету Гэндальфа, трогать Дол-Гулдур пока не следует.

И молчание, и дым, казалось, сильно раздражали Сарумана, и перед тем, как Совет разошелся, он обратился к Гэндальфу:

— Несколько странно мне, Митрандир, что, когда обсуждаются важные дела и ведется серьезная

беседа, ты играешься с огнем и дымом!

Гэндальф же рассмеялся и ответил:

— Ты не удивлялся бы, если бы сам попробовал это растение. Ты обнаружил бы, что, выдыхая дым, ты очищаешь свой ум от теней. К тому же, оно дает терпение выслушать неправого и не сердиться. Но это не моя игрушка. Это умение Малого Народца на Западе: веселый и достойный народ, хотя в твоих высоких помыслах он, возможно,

занимает небольшое место.

Саруман обиделся на этот ответ, ибо не терпел насмешки, даже добродушной, и холодно сказал:

— Ты, Владыка Митрандир, по своему обыкновению, шутишь. Мне хорошо известно, что ты стал любознательным исследователем всего малого: малых трав, всякой мелкой всячины и ребяческого народца. Свое время ты волен тратить, как пожелаешь, если тебе не находится более стоящих

дел; и дружить ты можешь с кем хочешь. Но мне кажется, что дни слишком мрачны для рассказней побродяг, и у меня нет времени на мужицкие забавы.

Гэндальф не рассмеялся на этот раз; и не ответил, но, пристально глядя в глаза Саруману, он затянулся и выпустил из своей трубки одно большое кольцо и множество колечек поменьше. Затем он поднял руку, словно чтобы схватить их, и кольца исчезли. С этим Гэндальф

встал и ничего больше не
сказал Саруману; Саруман
же еще долго стоял,
помрачнев от
неудовольствия и
подозрений.>>

Эта история повторяется еще в
полудюжине других рукописей, и в
одной из них говорится, что Саруман
не мог понять,

<<правильно ли он
истолковал смысл игры
Гэндальфа с колечками
дыма — не означало ли это
связи между
полуросликами и

важнейшими делами,
касающимися Колец
Власти, каким бы
невероятным это ни
казалось; и он недоумевал,
как это столь великий
деятель может возиться с
таким народом, как
полурослики, лишь ради их
собственного блага.>>

В другой рукописи — во вставке
— смысл ответа Гэндальфа
объясняется:

<<Вполне возможно,
хотя и маловероятно, что
оскорбленный Гэндальф

выбрал именно такой способ сказать Саруману о своем подозрении, что желание обладать Кольцами начало вторгаться в его помыслы и труды по изучению Колец; и предупредить, что Кольца его обманут. Ибо Гэндальф, бесспорно, еще не мог думать, что полурослики, а уж тем более их зелье, как-то связаны с Кольцами [\[284\]](#). Если бы такие мысли у него были, он наверняка не сделал бы того, что сделал. Но позже, когда полурослики

действительно оказались
вовлеченными в это
величайшее дело, Саруман
мог думать только, что
Гэндальф знал или
предвидел это и скрыл свое
знание от него и от Совета
— по той единственной
причине, которая только и
могла придти в голову
Саруману: чтобы овладеть
Кольцами и обставить
его.>>

В Повести Лет запись под годом
2851 упоминает о созыве в том году
Белого Совета, на котором Гэндальф
предлагал ударить по Дол-Гулдуру,

но Саруман воспрепятствовал этому; и сноска к записи гласит: <<Впоследствии стало ясно, что Саруман тогда начал стремиться заполучить Единое Кольцо себе и надеялся, что оно вскоре объявится само, начав искать своего хозяина, если только Саурона на время оставить в покое.>> Дальнейшая история показала, что на том Совете 2851 года Гэндальф подозревал Сарумана именно в этом; хотя отец позже пояснял, что из рассказа Гэндальфа Совету Элронда о встрече с Радагастом следует, что он не был полностью уверен в предательстве Сарумана — или в его желании самолично завладеть Кольцом —

пока в *Ортанке* сам не попал в заточение.

«Битва на Изенских Бродах»

Этот рассказ вместе с описанием военной организации Рохиррима и историей Изенгарда, приведенными в Приложении к тексту, также относится к работам более позднего периода, к подробным историческим анализам; трудностей текстуального рода он представил относительно немного и является незаконченным именно в самом прямом смысле слова.

Битвы на Изенских Бродах

Главным препятствием на пути к легкому завоеванию Рохана Саруманом стояли *Тéодред* {Théodred} и *Эомер*: это были люди действия, преданные Королю, и Король высоко ценил их — своего сына и сына своей сестры; они же делали все, чтобы ослабить то влияние на Короля, которое обрел *Грíма*, когда здоровье Короля начало ухудшаться. Это было в начале 3014 года, когда *Тéодену* {Théoden} было шестьдесят шесть; нездоровье его поэтому могло быть объяснено естественными причинами, хотя *рохирримы* обычно доживали до восьмидесяти и больше. Но это нездоровье могло быть вызвано или

развито и хитрыми отравами, подсыпанными Гр́имой. В любом случае чувство слабости Тёодена и его зависимость от Гр́имы возникли во многом благодаря хитрости и искусности этого злого советчика. Гр́има постоянно внушал Тёодену недоверие к своим главным противникам и, если это было возможно, избавлялся от них. Однако поссорить Тёодена с Тёодредом и Эомером оказалось невозможно: до «болезни» Тёоден был горячо любим всей своей родней и своим народом, а верность Тёодреда и Эомера не ослабла и тогда, когда Король стал немощен. Эомер был также не тщеславен, и его любовь и уважение

к *Теодреду*, который был на тринадцать лет старше него, превосходила только его любовь к своему приемному отцу^[285]. Поэтому *Грима* попытался поссорить их в глазах *Теодена*, наговаривая тому, что *Эомер* всеми силами старается увеличить свою собственную власть и действовать, не советуясь ни с Королем, ни с его Наследником. В этом он несколько преуспел, и этот успех принес свои плоды, когда *Саруман*, наконец, добился гибели *Теодреда*.

Когда стали известны правдивые отчеты о Битвах при Бродах, в *Рохане* ясно увидели, что *Саруман* отдал особый приказ убить *Теодреда*

любой ценой. В первой битве самые яростные его воины беспощадно ударили по Тёодреду и его дружине, не обращая внимания на другие события битвы, хотя могли бы нанести куда больший урон Рохирриму. Когда же Тёодред, наконец, был сражен, полководец Сарумана — несомненно, получив приказ — на время будто бы удовлетворился достигнутым, и Саруман совершил ошибку, оказавшуюся впоследствии губительной для него, не бросив тотчас же в бой свежие силы и не продолжив широкое нашествие на Вестфолд {Westfold} [\[286\]](#), хотя эта задержка произошла также и

благодаря доблести Гримболда и Эльфхельма. Начнись вторжение в Вестфолд на пять дней раньше, подмога из Эдораса почти наверняка не дошла бы до Хельмовой Пади, а была бы окружена и разбита на открытом месте, если только сам Эдорас не был бы атакован и взят еще до прибытия Гэндальфа {Gandalf} [\[287\]](#).

Сказано, что благодаря доблести Гримболда и Эльфхельма произошла задержка, оказавшаяся для Сарумана губительной. Эти слова, пожалуй, недостаточно раскрывают важность этого промедления.

Изен {Isen} от своих истоков над Изенгардом {Isengard} течет быстро,

но на равнине Проймы замедляется, пока не сворачивает на запад; затем он протекает по местности, плавно опускающейся к низким побережьям дальнего Гондора и Энедвайтта {Enedwaith}, где река становится глубокой и быстрой. Изенские Броды стоят над самой западной излучиной. Там река, широкая и мелководная, двумя рукавами обтекает небольшой островок, и русла этих рукавов забиты камнями и галькой, принесенными с севера. Только там, к югу от Изенгарда, через реку могли переправиться большие армии, особенно в тяжелом вооружении и на конях. Поэтому Саруман имел преимущество: он мог послать свои

войска по обоим берегам и атаковать Броды, если их удерживал его противник, с обеих сторон. Любое его войско к западу от Изена легко могло отступить к Изенгарду. С другой стороны, Тёодред мог через Броды послать своих людей в достаточном количестве и для того, чтобы ударить по войскам Сарумана, и для того, чтобы защитить западный берег; но если бы им пришлось туго, они не смогли бы отступить иначе, чем обратно через Броды, имея врага за спиной, а может быть, еще и встретившись с ним на восточном берегу. К югу и к северу по Изену вернуться домой они бы не смогли [\[288\]](#), если только не были

снаряжены для долгого похода по
Западному Гондору.

Нападение Сарумана не было
неожиданным, но оно случилось
раньше, чем его ожидали. Разведчики
Тёодреда предупредили о том, что
перед Вратами Изенгарда
снаряжаются войска, большей
частью, как показалось, на западном
берегу Изена. Поэтому Тёодред
поставил на всех подступах к Бродам
с востока и с запада крепких
пехотинцев *Вестфолдского* призыва.
Оставив на восточном берегу три
отряда [\[290\]](#)і Всадников вместе с
коневодами и сменными конями, сам
он с основной силой своей
кавалерии — восемь отрядов и отряд

лучников — перешел реку, решив разбить войско Сарумана прежде, чем оно полностью изготовится.

Но Саруман не открыл ни своих намерений, ни всей силы своих войск. К тому времени, как *Тéодред* выступил, войска Сарумана уже были на марше. В двадцати милях к северу от Бродов *Тéодред* встретился с их авангардом и разбросал его, нанеся ему большой урон. Но когда он пошел в атаку на головное войско, сопротивление усилилось до предела. Враг стоял, как оказалось, на уже подготовленных позициях, за полосой окопов с копейщиками, и *Тéодред* во главе передового *эоред*а был остановлен и почти окружен,

потому что новые войска, спешащие из Изенгарда, отсекали его с запада.

С помощью подошедших сзади отрядов *Тёодред* вырвался из окружения; но взглянув на восток, он растерялся. Стояло мглистое и туманное утро, но туманы уходили через *Пройму* под легким западным ветром, и вдали к востоку от реки он различил другие спешащие к *Бродам* войска, сил которых он не мог оценить. *Тёодред* тотчас же скомандовал к отступлению. Всадники, прекрасно обученные маневру, выполнили его, сохранив строй и не понеся больших потерь, но стряхнуть врага или оторваться от него не удалось, потому что

отступление часто задерживалось, когда арьергарду под командованием Гримболда приходилось разворачиваться на ходу и отбивать самых рьяных из преследователей.

Когда Тёодред добрался до Бродов, день уже догорал. Он назначил Гримболда командовать гарнизоном западного берега, подкрепив его отряд пятьюдесятью спешившимися Всадниками. Остальных Всадников и всех коней Тёодред отправил за реку, за исключением своей собственной дружины, которую он, спешив, поставил на островке, чтобы прикрывать отступление Гримболда, если тот будет отброшен. Едва

удалось сделать это, как пришла беда. Восточное войско Сарумана появилось с неожиданной быстротой; оно было много меньше, чем западное войско, но более опасно. В первых его рядах были конные дунлендинги и огромная стая жутких орков верхом на волках, внушавших лошадям ужас^[290]. За ними шли два батальона^[292] яростных уруков, тяжело вооруженных, но обученных двигаться многие мили с огромной быстротой. Всадники и орки на волках напали на коневонов, отбили коней и перебили их или разогнали. Гарнизон восточного берега, ошеломленный внезапным ударом

тяжеловооруженных уруков, был сметен, а Всадники, только что переправившиеся с западного берега, были захвачены врасплох, в беспорядке, и хотя они отчаянно сражались, их оттеснили от Бродов, а уруки погнали их вниз по Изену.

Как только враг овладел восточным берегом Бродов, появился явно предназначенный именно для этого отряд людей или орко-людей, неукротимых, в доспехах и вооруженных топорами. Они бросились к островку и атаковали его с обеих сторон. В это же время на западном берегу Гримболд был атакован войсками Сарумана с того берега Изена. Заслышав внезапно

звуки битвы и жуткие орочьи победные кличи, Гримболд взглянул на восток и увидел, как воины с топорами оттесняют людей *Тéодреда* от берегов островка к невысокому холмику посреди него, и слышал громкий голос *Тéодреда*:

— Ко мне, Эорличи {Eorlingas}

[\[293\]](#)ii!

Тотчас же Гримболд, взяв с собой нескольких людей, оказавшихся рядом, помчался назад к островку. Их удар в тыл нападавшим был так мощен, что Гримболд, человек великой силы и стати, с двумя другими воинами пробился сквозь их строй к *Тéодреду*, стоявшему на холме. Но было уже

слишком поздно. Едва Гримболд вышел к нему, как Тёодред пал, срубленный огромным полуорком. Гримболд уложил врага и встал над телом Тёодреда, решив, что тот мертв; там он и сам вскоре погиб бы, если бы не подоспел Эльфхельм.

Эльфхельм мчался изо всех сил по конной дороге из Эдораса, ведя на призыв Тёодреда четыре отряда; он ожидал битву, но лишь спустя несколько дней. Возле перекрестка конной дороги с дорогой, шедшей из Падьи^[293], передовые его правого фланга сообщили, что на полях только что видели двух орков на волках. Почуяв, что дело неладно, Эльфхельм не стал сворачивать, как

собирался, на ночь в Хельмову Падь, а на всем ходу поскакал к Бородам. После развилки с Падьевою дорогою конная дорога уходила на северо-запад, но, поравнявшись с Бородами, круто сворачивала прямо на запад и выходила к Бородам прямой длиною в две мили. Поэтому Эльфхельм ничего не видел и не слышал шума битвы между отступающим гарнизоном и уруками с юга от Бородов. Солнце садилось и свет угасал, когда Эльфхельм добрался до последнего поворота дороги и там встретил бесхозных лошадей и нескольких бежавших воинов, которые рассказали ему о случившейся беде. Хотя его люди и

кони устали, Эльфхельм поскакал по прямой со всей возможной скоростью и, едва заведя восточный берег, скомандовал своим отрядам изготовиться к бою.

Этого поворота, в свою очередь, не ожидали изенгардцы. Они услышали конский топот и увидели черными тенями на темнеющем восточном небе огромное, как им показалось, войско во главе с Эльфхельмом, за спиной которого белый стяг указывал путь задним. Мало кто из врагов устоял. Многие бежали к северу, преследуемые двумя из отрядов Эльфхельма, а сам он со своей личной дружиной бросился к островку. Теперь топорники

оказались зажаты между остатком обороняющихся и наступающим Эльфхельмом, а оба берега еще удерживали рохирримы. Топорники сражались, но были перебиты все до единого. Сам же Эльфхельм метнулся к холму, и там он увидел, как Гримболд схватился с двумя огромными топорниками за тело Теодреда. Одного тотчас же свалил Эльфхельм, а другой пал от руки Гримболда.

Затем они нагнулись, чтобы поднять тело, но обнаружили, что Теодред еще дышит; он же успел лишь произнести последние свои слова:

— Оставьте меня здесь —

защищать Броды, пока не придет
Эомер!

Опустилась ночь. Протрубил хриплый рог, и все стихло. Стычки на западном берегу прекратились, и враг ушел в темноту. Рохирримы удержали Изенские Броды; но потери их были тяжелы, и не менее тяжелы потери в конях; сын Короля погиб, у них не стало командующего, и они не знали, что будет дальше.

После холодной и бессонной ночи вернулось тусклое утро. Изенгардцев не было видно, кроме тех, что остались лежать на поле. Вдалеке были волки, ожидая возвращения живых. Начали собираться воины, разбросанные

внезапной атакой изенгардцев; многие остались в седле, другие вели пойманных коней. Позже утром вернулась большая часть Всадников Теодреда, отогнанных к югу по реке батальоном черных уруков, побитые, но сохранившие строй. Они рассказали примерно то же самое. Остановившись на невысоком холме, они приготовились защищать его. Хотя им и удалось отбить часть нападавших войск Изенгарда, отступать дальше на юг без снаряжения было безнадежно. Уруки не давали им прорваться к востоку и загоняли их во враждебные ныне земли Дунлендской, Западной марки. Но едва Всадники изготовились к

обороне, хотя была уже совсем ночь, вдруг протрубил рог; и вскоре они обнаружили, что враг ушел. Для преследования и даже для разведки у них осталось слишком мало коней, а ночью взять их было неоткуда. Спустя некоторое время они начали осторожно пробираться на север, но не встретили никакого сопротивления. Они решили, что уруки отступили, чтобы укрепиться на Бродах, и приготовились снова вступить в бой, но были обрадованы и удивлены, встретив там рохирримов. Только позже они поняли, куда исчезли уруки.

Так закончилась первая Битва на

Изенских Бродах. О Второй Битве таких подробных рассказов так и не появилось из-за более важных событий, последовавших сразу за ней. На следующий день, получив известия о гибели Тёодреда, Эркенбранд Вестфолдский в Горнбурге {Hornburg} [\[295\]](#)iii принял командование Западной маркой. Он послал гонцов в Эдорас, чтобы сообщить обо всем Тёодену и передать ему последние слова сына, добавив к ним свою мольбу о том, чтобы Эомер тотчас же был послан со всей помощью, какую только удастся собрать [\[295\]](#).

— Пусть оборона Эдораса стоит здесь, на западе, — сказал он, — и

не будем ждать, пока сам Эдорас будет осажден.

Но учтивой осторожностью этого совета Гр́има воспользовался для дальнейшего промедления. Пока Гэндальф не низложил Гр́иму, никаких действий предпринято не было. Подкрепление во главе с Эомером и самим Королем выступило лишь в полдень 2 марта, но в ту же ночь состоялась и была проиграна Вторая Битва при Бродах, и началось вторжение в Рохан.

Эркенбранд сам не сразу отправился на поле боя. Все смешалось. В спешке он не узнал, какими силами располагает; не мог он также оценить и потери,

понесенные войсками Тёодреда. Он справедливо рассудил, что нашествие неизбежно, но решил, что Саруман не осмелится пройти на восток и напасть на Эдорас, оставив непокоренной крепость Горнбург, если та будет укреплена и хорошо подготовлена. Этим, а также сбором всех людей, которых он мог собрать, он был занят три дня. Полевое командование он передал Гримболду, пока не вернется сам; но командования над Эльфхельмом и его Всадниками, принадлежавшими к Призыву Эдораса, тот не принял. Однако эти два военачальника были друзьями, и оба были верными и мудрыми людьми, и между ними не

возникало тренировок; если же решения их расходились, то принималось среднее между ними. Эльфхельм считал, что важны теперь не Броды, а ловушки и засады повсюду, поскольку Саруман вполне может отправить свои войска вниз по обоим берегам Изена, сообразно своей цели; а ближайшей его целью наверняка будет овладеть Вестфолдом и захватить Горнбург прежде, чем из Эдораса сможет придти действенная помощь. Саруманово войско или большая его часть будет спускаться по восточному берегу Изена; потому что, хотя бездорожье этих земель и замедлит продвижение войска, им в

этом случае не придется прорываться через Броды. Поэтому Эльфхельм советовал Броды оставить; всю пехоту собрать на восточном берегу и расставить так, чтобы задержать врага: длинной линией вдоль подъема с запада на восток в нескольких милях к северу от Бродов; а кавалерию увести на восток — туда, откуда в момент, когда наступающий враг столкнется с обороной, можно будет с величайшей силой ударить ему во фланг и сбросить его в реку.

— Пусть Изен станет западней для них, а не для нас!

Гримболд же, напротив, не хотел бросать Броды. Отчасти это

было в духе традиций *Вестфолда*, в которых были воспитаны и он, и *Эркенбранд*; но это не было лишено и смысла. «Мы не знаем», — говорил он, — «какие еще силы есть у *Сарумана*. Но если он действительно собирается захватить *Вестфолд*, загнать его защитников в *Хельмову Падь* и удерживать там, то сил у него должно быть очень много. Как только он догадается или разузнает, как мы выставили нашу оборону, он наверняка вышлет большое войско полным ходом по *Изенгардской дороге* и, переправившись по неохраяемым *Бродам*, ударит нам в тыл, пока все мы будем на севере».

В конце концов *Гримболд*

защитил западный берег Бродов основной частью своих пехотинцев; они прочно закрепились в земляных редутах, охранявших подступы к реке. Сам он с остальными своими людьми, включая и тех, что остались ему от кавалерии *Тёодреда*, встал на восточном берегу. Островок он оставил без защиты [\[296\]](#). Эльфхельм же увел своих Всадников и занял позиции на том рубеже, где хотел поставить основную линию обороны; целью его было упредить любую атаку к востоку от реки и разбить нападающих до того, как они доберутся до Бродов.

Все оказалось тщетно; и, скорее всего, оказалось бы тщетно в любом

случае: силы Сарумана были слишком велики. Он начал наступление днем, и утром 2 марта мощная армия его лучших воинов по Изенгардскому Тракту атаковала редуты к западу от Бродов. Это войско было лишь малой частью тех сил, которые Саруман держал в своих руках, не большей, чем было нужно, чтобы преодолеть ослабленную оборону. Но гарнизон Бродов упорно сопротивлялся, несмотря на огромное численное превосходство противника. Наконец, пока оба редута вели тяжелые сражения, войско уруков пробило себе проход между ними и начало переправляться через Броды. Гримболд, видя, что

Эльфхельм удерживает наступление врага на восточном берегу, ударил по урукам всей силой и отбросил их — на время. Тогда вражеский полководец бросил в бой батальон, еще не вступавший в сражение, и прорвал оборону. Гримболду пришлось отступить вдоль Изена. День уже клонился к закату. Гримболд нес большие потери, но еще большие потери наносил врагу — преимущественно оркам — и пока еще прочно удерживал восточный берег. Враги не пытались переправиться по Бродам и пробиться вверх по крутому берегу, чтобы сбросить его оттуда; покамест не пытались.

Эльфхельм не смог принять участия в этом сражении. В сумерках он снял свои отряды и отошел к лагерю Гримболда, выставив своих людей небольшими группами на некотором расстоянии от лагеря, чтобы прикрыть его от нападений с севера и с востока. С юга дурного не ждали и надеялись на подмогу. После отступления через Броды сразу же были посланы гонцы к Эркенбранду и в Эдорас с просьбой о помощи. Опасаясь и даже зная наверняка, что вскоре на них обрушится еще большая сила зла, если только помощь, на которую уже не надеялись, не подоспеет быстро, защитники приготовились сделать

все возможное, чтобы задержать наступление Сарумана прежде, чем будут окончательно разгромлены^[297]. Большинство их стояло во всеоружии, и лишь немногие пытались хоть немного отдохнуть и подремать. Гримболд и Эльфхельм не спали, ожидая рассвета и со страхом думая, что же он принесет.

Долго ждать им не пришлось. Еще до полуночи стали видны красные точки, двигавшиеся с севера и уже приближавшиеся к западу от реки. Это был авангард всех оставшихся сил Сарумана, которые он теперь бросал в битву на завоевание Вестфолда^[298]. Они мчались с огромной скоростью, и

вдруг показалось, что все войско вспыхнуло. Сотни огней зажглись от факелов, которые несли начальники подразделений, и, вобрав в свой поток отряды, уже закрепившиеся на западном берегу, враги хлынули через Броды, как огненная река, пылающая яростью и ненавистью. Большой отряд лучников заставил бы их пожалеть о своих факелах, но лучников у Гримболда была всего лишь горстка. Он не смог удержать восточный берег и отступил с него, выставив вокруг своего лагеря широкую щитовую стену. Вскоре стена была окружена, и нападающие стали бросать через головы оборонявшихся факела, стараясь

поджечь обозы и напугать оставшихся у Гримболда коней. Но стена держалась. Тогда, поскольку от орков из-за их роста в такой схватке толку было немного, на стену щитов были брошены свирепые отряды дунлендских горцев. Но несмотря на всю свою ненависть, дунлендинги все еще боялись встречаться с рохирримами лицом к лицу и к тому же были менее искусны в бою и хуже вооружены^[299]. Стена продолжала стоять.

Тщетно Гримболд ожидал помощи от Эльфхельма. Ее не было. Наконец он решился пустить в ход тот план, который был у него припасен на случай, если он

окажется именно в таком отчаянном положении. Теперь Гримболд осознал всю мудрость Эльфхельма и понял, что хотя воины, стоит ему приказать, будут сражаться до последнего, такая доблесть не поможет Эркиенбранду; любой из тех, кто сможет вырваться и бежать на юг, принесет больше пользы, хотя это и может показаться бесславным.

Ночь выдалась пасмурной и темной, но сквозь несущиеся тучи вдруг проглянула молодая луна. Дул восточный ветер, предвестник великой бури, что пронесется над Роханом на следующий день, а следующей ночью разбушует над Хельмовой Падью. Гримболд вдруг

понял, что почти все факела угасли, и накал атаки спал [\[300\]](#). Тогда он тотчас же посадил в седла тех Всадников, для которых еще нашлись кони — их набралось не больше половины ёореда — и отдал их под начало Дунхеру {Dúnhere} [\[301\]](#). Стена щитов к востоку раздвинулась, и Всадники выехали в проем, отгоняя нападающих; затем, разделившись и поскакав в разные стороны, они поманили врагов за собой к северу и к югу от лагеря. Этот неожиданный маневр на некоторое время удался. Враг был растерян и сбит с толку; многие решили сперва, что с востока подошло большое войско Всадников. Сам Гримболд остался пешим с

арьергардом из отобранных им самим воинов, и под прикрытием их и Всадников Дунхера все остальные начали отступать быстро, как только могли. Но Саруманов полководец скоро понял, что стена вскрыта, а защитники бегут. К счастью, тут тучи закрыли луну и снова стало темно, а он спешил. Он не разрешил своим войскам продолжать в темноте преследование бегущих. Броды были уже взяты, и, собрав все свои войска, он двинулся к дороге на юг. Вот как вышло, что большая часть людей Гримболда уцелела. Они растерялись в ночи, но, согласно его приказу, ушли от Тракта к востоку от большого поворота на запад к Изену.

Воины Гримболда обрадовались и удивились, не встретив врагов, еще не зная, что большая армия уже несколько часов назад прошла на юг и что Изенгард сейчас охраняется почти одной только мощью своих ворот и стен^[302].

По этой-то причине от Эльфхельма не пришло помощи. Больше половины войск Сарумана действительно было отправлено на восток от Изена. Они шли медленнее, чем западная армия, потому что земля там была труднопроходима и бездорожна; огней у них не было. Но перед ними скоро и тихо шли несколько отрядов жутких орков на волках. Прежде, чем

Эльфхельм узнал о приближении врагов по его берегу, орки и волки уже были между ним и лагерем Гримболда; также они старались окружить каждое из его небольших подразделений Всадников. Было темно, и все силы Эльфхельма находились в беспорядке. Он собрал, кого удалось, в плотный строй, но ему все же пришлось отступить на восток. Добраться до Гримболда он не мог, хотя и знал, что тому придется тяжело, и собирался идти к нему на помощь, когда на него самого напали волки. Но Эльфхельм также верно догадался, что волки — лишь передовые отряды войска, которое рвется к дороге на юг, войска

много большего, чем ему по силам. Ночь тянулась; Эльфхельму оставалось лишь ждать рассвета.

Что было дальше — менее понятно, потому что лишь Гэндальф знает об этом все. Он получил известия о несчастье лишь в конце дня 3 марта^[303]. Король находился тогда чуть восточнее развилки Тракта и дороги на Горнбург. Оттуда по прямой до Изенгарда было около девяноста миль; и Гэндальф, должно быть, мчался со всей скоростью, какую только мог развить Сполох. Он добрался до Изенгарда, едва начало смеркаться^[304], и ускакал оттуда не позднее, чем через двадцать минут. И на обратной дороге, когда его путь по

прямой должен был пройти близко к Бородам, и возвращаясь на юг в поисках Эркенбранда, Гэндальф, должно быть, встречался с Гримболдом и Эльфхельмом. Они решили, что тот действует по приказу Короля, не только потому, что Гэндальф появился верхом на Сполохе, но и потому, что он знал имя гонца, Кеорла {Ceorl}, и послание, которое тот должен был доставить; советы Гэндальфа они приняли как приказы^[305]. Людей Гримболда он отправил на юг присоединиться к Эркенбранду...

Приложение

(i)

В заметке, прилагающейся к этому тексту, даны некоторые подробности касательно Маршалов Марки в 3019 году и по окончании Войны Кольца.

Маршал^{[\[307\]](#)} Марки (или Риддермарки) — высший воинский чин и титул королевских военачальников (изначально — трех), командовавших королевскими войсками полностью снаряженных и обученных Всадников. В округ Первого Маршала входили столица

Эдорас и прилегающие Королевские Земли, включая и Боронь-Дол {Narrowdale}. Он командовал Всадниками Эдорасского Призыва, набранными в его округе и в некоторых частях Восточной и Западной Марок^[307], которым удобнее всего было собираться в Эдорасе. Второй и Третий Маршалы вступали в командование на время по необходимости. В начале 3019 года угроза со стороны Сарумана была крайне велика, и Второй Маршал, сын Короля *Тéодред* {Théodred}, стал командовать Западной Маркой, обосновавшись в Хельмовой Пади; Третий Маршал, племянник Короля *Эомер*, получил под свое начало

Восточную Марку, обосновавшись в своем родном Альдбурге в Фолде {the Folde} [\[308\]](#).

В дни *Тéодена* {Théoden} никто не был назначен на должность Первого Маршала. *Тéоден* взошел на престол, будучи молодым (около тридцати двух лет), бодрым и полным боевого духа прославленным Всадником. В случае войны он сам стал бы командовать Эдорасским Призывом; но королевство его много лет покоилось в мире, и он со своими витязями и подчиненным ему Призывом выезжал только на упражнения и парады; хотя тень Мордора пробудилась и непрерывно росла во все годы жизни *Тéодена*. В

дни этого мира Всадниками и другими вооруженными людьми в гарнизоне Эдораса командовал военачальник в звании маршала (в 3012-19 гг. это был Эльфхельм). Когда Тёоден, как казалось, стал совсем стар, это положение не изменилось, и единого действенного командования не было: такое состояние дел сохранял советник Тёодена Грима. Король, став немощным и редко покидая дом, привык отдавать приказания Хаме, Начальнику Двора, Эльфхельму и даже Маршалам Марок через Гриму Червослова. Это не нравилось никому, но в Эдорасе приказы исполнялись. Когда началась война с

Саруманом, Тёодред без приказа
принял общее командование. Он
созвал Эдорасский Призыв и
значительную часть его Всадников
передал Эльфхельму, чтобы усилить
Вестфолдский Призыв {Westfold
Muster} и помочь отворотить
нашествие.

Во время войны или
беспорядков каждый Маршал Марки
под своим непосредственным
командованием имел как часть
своего «двора», то есть, оружным и
расквартированным в его лагере,
боеспособный *эоред*, которым он в
случае опасности мог пользоваться
по своему собственному
усмотрению. Так, собственно, и

поступил Эомер^[309], но обвинение, выдвинутое против него по наговору Грiмы, заключалось в том, что в данном случае Король запретил ему отнимать еще не вступавшие в войну силы Восточной Марки у недостаточно защищенного Эдораса; что Эомер якобы уже знал о поражении у Изенских {Isen} Бродов и гибели Тéодреда, когда погнался за орками в дальний Волд {the Wold}, и что Эомер также, вопреки строжайшим приказам, разрешил чужестранцам свободный проход и даже дал им коней.

После гибели Тéодреда командование Западной Маркой, также без приказа из Эдораса,

принял Эркенбранд, Правитель
Падьевой Лощины {Deering-soomb}
и многих других земель в Вестфолде.
В молодости Эркенбранд, как многие
знатные люди, служил
военачальником среди Королевских
Всадников, но в то время он уже
таковым не являлся. Однако он был
верховным управителем Западной
Марки, и поскольку его народ был в
опасности, его правом и долгом было
собрать тех, кто мог носить оружие,
чтобы оказать сопротивление
нашествию. Поэтому он принял
также командование и над
Всадниками Западного Призыва; но
Эльфхельм остался независимым
командующим Всадников Призыва

Эдораса, вызванного Тёодредом к себе на помощь.

После того, как Гэндалф {Gandalf} исцелил Тёодена, положение изменилось. Король снова сам принял командование. Эомер был восстановлен в чине и на деле стал Первым Маршалом, готовым принять командование в случае, если Король погибнет или силы изменят ему; но звания этого он не принял и в присутствии Короля-главнокомандующего мог только советовать, а не отдавать приказы. Фактически роль его была почти той же, что у Арагорна: доблестный военачальник в свите Короля [\[310\]](#).

Когда Полный Призыв собрался

в Боронь-Доле и «план кампании» и ход битвы был продуман, насколько это было возможно^[311], Эомер остался на своем посту и отправился с Королем в качестве командующего первым *эоредом*, Королевской Дружиной, действуя, как главный советник Теодена. Эльфхельм стал Маршалом Марки и возглавил первый *эоред* Призыва Восточной Марки. Гримболд, ранее не упоминавшийся в повествовании, получил полномочия (но не звание) Третьего Маршала и стал командовать Призывом Западной Марки^[312].

Гримболд пал в Битве на Пеленнорских Полях, и при Короле

Эомере военачальником стал Эльфхельм; он остался командовать всем Рохирримом, когда Эомер отправился к Черным Вратам, и Эльфхельм же отражал вражескую армию, занявшую Анóриэн («Возвращение Короля» V конец 9 и начало 10). Он назван среди главных свидетелей коронации Арагорна (там же, VI 5).

Записано, что после похорон Тёодена, когда Эомер стал переустраивать свои владения, Эркенбранд был сделан Маршалом Западной Марки, а Эльфхельм — Маршалом Восточной Марки, и именно эти звания, не различающиеся по старшинству,

были утверждены вместо званий Второго и Третьего Маршалов. В военное время особое внимание уделялось должности Подкняжего {Underking}: занимавший ее управлял в отсутствие Короля владениями и войсками или принимал полевое командование, если Король по каким-либо причинам оставался дома. В мирное время службу эту несли только тогда, когда Король по болезни или старости слагал с себя власть; занимавший эту должность естественным образом становился тогда Наследником Престола; если годился по возрасту. В военное же время Совет противился тому, чтобы старый Король отправлял своего

Наследника на битву за пределы страны, если у него не было другого сына.

(ii)

Здесь приводится длинное примечание к тому месту текста, где рассматриваются разные взгляды командующих на важность Бродов, стр. 360-1. Первая часть его во многом повторяет историю, которая уже рассказана в этой книге, но я подумал, что его следует привести полностью.

В старину южной и восточной границей Северного Королевства была Сизрека {Greyflood}; западной

границей Южного Королевства был Изен. В землю между ними — Энедвайтм {Enedwaith} или «срединную землю» — заходили немногие нúменóрцы, и ни один из них не селился там. В дни Королей она была частью владений Гондора^[313], но Гондор она заботила мало, за исключением поддержания великого Королевского Тракта и присмотра за ним. Тракт шел от самого Осгилиата {Osgiliath} и Минаса Тирит {Tirith} до Форноста далеко на Севере, пересекая Изенские Броды и проходя через Энедвайтм на северо-восток ко взгорью посреди него, а затем спускаясь в западные земли к

низовьям Сизреки, которую Тракт пересекал по насыпи, что вела к большому мосту у *Тарбада* {Tharbad}. В те дни места эти были мало заселены. В болотистых устьях Сизреки и Изена обитали небольшие племена «дикарей» — рыбаков и птицеловов, — близких по происхождению и языку дру́аданам анóриэнских лесов^[314]. В предгорьях к западу от Мглистых Гор жили потомки того народа, который рохирримы позже называли дунлендингами: темное племя, родственное тем древним жителям Белых Гор, которых некогда проклял Исилдур^[315]. Эти люди мало любили Гондор, но, хотя они были весьма

упрямы и отважны, их было слишком мало, и они слишком боялись мощи Королей, чтобы беспокоить их или хотя бы отвлекать их внимание от Востока, откуда к тем приходили главные напасти. Дунлендинги, как и все жители Арнора и Гондора, пострадали от Великого Мора 1636-7 гг. Третьей Эпохи, но меньше других, потому что жили не кучно и мало общались с другими народами. Когда дни Королей окончились (1975–2050) и началось увядание Гондора, дунлендинги по сути перестали быть гондорскими подданными; Королевский Тракт в Энедвайтте остался без присмотра, и рушившийся Тарбадский Мост

сменился небезопасной переправой. Границами Гондора стали Изен и Каленардонская Пройма {Gar of Calenardhon}, как ее тогда называли. Проиму охраняли крепости Агларонд (Горнбург {Hornburg}) и Ангреност (Изенгард {Isengard}), а Изенские Броды, единственный легкодоступный вход в Гондор, всегда были защищены от любого вторжения из «Диких Земель».

Но за время Бдительного Мира (с 2063 по 2460 гг.) население Каленардона уменьшилось: самые отважные год за годом уходили на восток охранять Андуинский рубеж; остававшиеся становились все более невежественными и далекими от дел

Минаса Тирит. Гарнизоны обеих крепостей не пополнялись и были предоставлены заботам местных наследственных старшин, подчиненные которых становились все более и более смешанной крови. Ибо дунлендинги настойчиво исподволь просачивались за Изен. Так и было, когда нападения на Гондор с Востока возобновились и орки с истерлингами, заняв Каленардон, осадили крепости, которые не могли продержаться долго. Тогда явились рохирримы, и после победы Эорла на Поле Келебранта {Celebrant} в 2510 году его многочисленный и воинственный народ с огромным количеством

коней пронесся по Каленардону, изгоняя или истребляя восточных захватчиков. Кирион Наместник отдал им во владение Каленардон, который с тех пор назывался Риддермарк, а в Гондоре — Роханд, позже — Рохан. Рохирримы сразу начали селиться в этой стране, хотя во время правления Эорла восточная их граница вдоль Эмина Муйл и Андуина еще подвергалась нападениям. Но при Брего и Алдоре дунлендинги снова были подняты и изгнаны за Изен, а Изенские Броды взяты под стражу. Этим рохирримы заслужили ненависть дунлендингов, которую те сохранили до возвращения Короля, тогда еще очень

далекого. Стоило рохирримам ослабнуть или отвлечься на другие заботы, как дунлендинги возобновляли свои атаки.

Не было такого союза народов, которому с обеих сторон хранилась бы большая верность, чем союзу Гондора и Рохана под Клятвой Кириона {Cirion} и Эорла; и для широких травянистых равнин Рохана не было стражей лучше, чем Всадники Марки. И все же в этой ситуации было слабое место, и оно отчетливо проявилось в дни Войны Кольца, когда из-за того чуть было не погибли Рохан и Гондор. Виною тому много причин. Прежде всего, Гондор всегда смотрел на восток, откуда

происходили все его беды; враждебности «диких» дунлендингов Наместники не придавали большого значения. Другая причина была в том, что Наместники сохранили управление Башней Орманка {Orthanc} и Кольцом Изенгарда (Ангреноста); ключи от Орманка были увезены в Минас Тирит, Башню закрыли, а Изенгардское Кольцо остался охранять потомственный гондорский старшина и немного людей, к которым присоединили старинную наследственную стражу Агларонда. Агларонд с помощью гондорских каменщиков подправили и передали Рохирриму [\[316\]](#). Оттуда снабжались

стражи Бродов. Постоянные их жилища стояли в основном у подножий Белых Гор и в долинах и ущельях к югу. К северным границам Вестфолда стражи ходили нечасто и только по необходимости, побаиваясь опушек Фангорна, Энтского леса, и грозных стен Изенгарда. С «Владыкой Изенгарда» и его скрытными подданными они общались мало, считая их чернокнижниками. А гонцы из Минаса Тирит приходили в Изенгард все реже, пока не перестали вовсе; казалось, в своих заботах Наместники забыли Башню, хотя и продолжали хранить у себя ключи.

По положению же своему

Изенгард довлел над всей западной границей и Изенским рубежом, и Короли Гондора прекрасно понимали это. От своих истоков Изен протекал вдоль восточной стены Кольца, и в своем пути на юг он был еще мелкой речкой, не представлявшей большого препятствия для захватчиков, хотя воды ее и были очень быстры и необычайно холодны. Большие же Врата Ангреноста открывались на запад от Изена, и если крепость была хорошо подготовлена, то враги с запада должны были обладать огромной силой, чтобы осмелиться прорваться в *Вестфолд*. Кроме того, Ангреност был менее, чем вполовину ближе к Бродам, чем Агларонд, к

которому от Врат шла широкая конная дорога, большей частью по насыпи над уровнем земли. Ужас, вселяемый древней Башней, и страх сумраков Фангорна, стоявшего за ней, мог защитить ее на время, но если она была не укреплена и заброшена, как это было в поздние дни Наместников, то этой защиты не хватило бы надолго.

Так и оказалось. В правление Короля Дёора (2699–2718) рохирримы обнаружили, что мало сторожить одни Броды. Поскольку ни Рохан, ни Гондор не уделяли внимания этому дальнему уголку страны, это не выяснилось прежде, чем там произошло следующее. Род

гондорских старшин Ангреноста прервался, и командование крепостью перешло в руки клана местных жителей. В их жилах, как уже было сказано, давно текла смешанная кровь, и теперь они дружелюбнее относились к дунлендингам, чем к «северным дикарям», захватившим страну; Минас Тирит был далеко, и они вовсе не думали о нем. После смерти Короля Алдора, который изгнал последних дунлендингов и даже в набеге прошелся по их землям в Энедвайтте огнем и мечом, дунлендинги, не замечаемые Роханом, но с молчаливого согласия Изенгарда, начали снова

просачиваться в северный *Вестфолд*, устраивая поселения в горных долинах к востоку и западу от *Изенгарда* и даже на южных опушках *Фангорна*. В правление *Дэора* они открыто проявили враждебность, совершая набеги на табуны и конюшни *рохирримов* в *Вестфолде*. Скоро *рохирримам* стало ясно, что эти набеги не переправлялись через *Изен* ни у *Бродов*, ни где бы то ни было южнее *Изенгарда*, потому что *Броды* охранялись^{[\[317\]](#)}. Тогда *Дэор* снарядил поход на север, и там его встретила орда *дунлендингов*. Он разбил их; но растерялся, обнаружив, что *Изенгард* также враждебен к нему. Думая, что он избавил

Изенгард от дунлендской осады, Дёор отправил к его Вратам гонцов со словами доброй воли; но Врата закрылись перед ними, и единственным ответом, который они получили, был выстрел из лука. Как стало известно позже, дунлендинги, впущенные, как друзья, захватили Изенгардское Кольцо и перебили немногих остававшихся из его старинных стражей, не захотевших смешиваться с дунлендцами, как большинство. Дёор сразу же отправил известие об этом Наместнику в Минас Тирит — в то время, в 2710 году, это был Эгальмот {Egalmoth} — но тот не мог послать помощь, и дунлендинги завладели

Изенгардом до той поры, пока в Долгую Зиму 2758-9 гг., изголодавшись, не сдали его Фрэалáфу, впоследствии первому Королю Второй Ветви. У Дéора же не было сил, чтобы осадить Изенгард или взять штурмом, и много лет рохирримам приходилось держать на севере *Вестфолда* большое войско Всадников; так продолжалось вплоть до великих вторжений 2758 года[\[318\]](#).

Поэтому легко можно представить себе, что, когда Саруман предложил взять Изенгард под свое управление, отстроить его и включить в оборону Запада, это предложение приветствовали и Король Фрэалáф, и Наместник

Берен. Когда Саруман поселился в Изенгарде, а Берен вручил ему ключи от Ортанка, рохирримы вернулись к охране Изенских Бродов как самого слабого места в их западном рубеже.

Не приходится особенно сомневаться в том, что Саруман предложил это от чистого сердца или, по крайней мере, искренне желая оборонить Запад, покуда сам он оставался главнокомандующим в этой обороне и главой ее совета. Он был мудр и ясно понимал, что Изенгард с его положением и его великой мощью, природной и рукотворной, имеет высочайшее значение. Линия Изена между клещами Изенгарда и Горнбурга была

передовым рубежом против
нашествия с Востока, навлеченного и
ведомого Сауроном ли или кем бы то
ни было иным и нацеленного на
окружение Гондора либо на
вторжение в Эриадор. Но
впоследствии Саруман обратился ко
злу и стал врагом; рохирримы же,
хотя и получали предупреждения о
растущем его враждебном
отношении к ним, продолжали
основную силу держать на западе у
Бродов, пока Саруман в открытой
войне не показал им, что Броды
немногого стоили без Изенгарда, и
еще меньше — против него.

«Карта Средиземья»

Сперва я намеревался включить в эту книгу карту, которой снабжен «*Властелин Колец*», добавив в нее некоторые названия; но по размышлении мне показалось, что лучше будет скопировать мою изначальную карту и, воспользовавшись возможностью, исправимть некоторые ее незначительные недостатки (исправить значительные не в моих силах). Поэтому я перерисовал ее достаточно точно в масштабе вдвое меньшем (т. е., новая карта в половину меньше старой в тех размерах, в которых она была

опубликована). На ней показана меньшая территория, но опущены только Гавани Умбара и Мыс Форохел {Forochel} [\[319\]](#). Это позволило внести более разнообразные и крупные надписи, и дало большой выигрыш в читаемости и ясности.

В эту карту включены все важнейшие топонимы, встречающиеся в этой книге, но отсутствующие во «Властелине Колец», такие как Лонд Даэр, Дрúвайт {Driúwaith} Иаур, Эдельлонд {Edhellond}, Отмели, Сизручей {Greylin}; а также некоторые другие, которые могли или должны были быть изображены на изначальной

карте, такие как реки *Харнен* и *Карнен* {*Carnen*}, *Аннүминас*, *Остфолд* {*Eastfold*}, *Вестфолд* {*Westfold*} и *Ангмарские Горы*.
Ошибочное обозначение одного лишь *Р'удаура* {*Rhudaaur*} было исправлено добавлением *Кардолана* {*Cardolan*} и *Артэдайна* {*Arthedain*}, и я включил в карту островок *Химлинг* у дальнего северо-западного побережья, имеющийся на набросках отца и на моем изначальном наброске. *Химлинг* — это ранняя форма названия *Химринг*, огромной горы, на которой стояла во времена «*Сильмариллиона*» крепость *Маэдроса* {*Maedhros*} сына *Феанора* {*Fëanor*}, и, хотя об этом нигде не

говорится, очевидно, что вершина Химринга поднялась над водами, покрывшими затонувший Белерианд. Несколько к западу от него находился остров побольше, называвшийся *Тол Фуин* и бывший, очевидно, самой высокой частью бывшего *Таура-ну-Фуин*. В основном, хотя и не всегда, я предпочитал синдаринские названия, если они были известны, но давал обычно и перевод названия, если тот часто употреблялся. Можно заметить, что «Северная Пустошь», отмеченная на самом верху изначальной карты, является эквивалентом названия *Фородвайт {Forodwaith}*.

Я считал целесообразным прописать длину Великого Тракта,

соединявшего Арнор и Гондор, хотя можно лишь предполагать, как именно он шел от Эдораса до Изенских {Isen} Бродов (равно как и точное местонахождение Лонда Даэр и Эдельлонда).

Наконец, я хотел бы подчеркнуть, что точное сохранения стиля и подробностей, помимо названий и написания, карты, нарисованной мною начерно двадцать пять лет назад, не говорит о достоинствах ее концепции и исполнения. Я не раз жалел, что отец сам не сделал никакой карты вместо той. Вместо того, по ходу дела, несмотря на все свои недостатки и странности, именно та карта стала

«Картой», и сам отец с тех пор всегда опирался на нее, в то же время отмечая имеющиеся в ней неадекватности. Различные карты-наброски, которые были сделаны им, и по которым я нарисовал свою карту, теперь стали частью истории создания *«Властелина Колец»*. Поэтому я счел за лучшее, насколько возможно мое вмешательство в это, сохранить изначальный вид, созданный мной, поскольку он, по крайней мере, представляет структуру концепции отца с приемлемой достоверностью.

«Дру́эдайн»

В конце своей жизни отец открыл много нового о Диких Людях Дру́аданского Леса в Анóриэне и статуях Пúкелей на дороге в Дун-Боронь. Приведенный здесь рассказ повествует о Дру́эдайне Белерианда Первой Эпохи и включает в себя сказку о «Верном Камне»; он взят из длинного незаконченного ученого очерка, касавшегося в основном соотношений языков Средиземья. Как будет показано, история Дру́эдайна восходит к древним Эпохам; но в опубликованном «Сильмариллионе» об этом нет ни слова, так как в этом не было

необходимости.

Дру́эдайн

Люди Халет {Haleth} были не такими, как остальные Атани; они говорили на непонятном языке; и хотя вступили вместе с другими в союз с Эльдаром, всегда стояли несколько особняком. Люди Халет держались своего языка, и, хотя по необходимости они выучили синдарин, чтобы общаться с эльдерами и атанами других Домов, многие из них говорили на синдарине запинаясь, а те, что редко покидали пределы родных лесов, и

вовсе не пользовались им. Халетримы неохотно перенимали новое и сохранили многие порядки, казавшиеся странными эльдарам и атанам, с которыми они имели мало общих дел, помимо военных. Несмотря на все это, они считались верными союзниками и безупречными воинами, хотя отряды, высылавшиеся ими за пределы своих земель, были немногочисленны. Ибо Народ Халет был и оставался до самого своего конца малым народом и больше заботился о защите своих родных лесов, особо отличаясь в лесных сражениях. Даже особо подготовленные орки долго не смели показываться близко к рубежам

Халетрима. Один из тех странных порядков, упомянутых здесь, заключался в том, что среди их воинов было немало женщин, хотя из них лишь немногие отправлялись на великие битвы за пределами их владений. Этот обычай, очевидно, очень древний^[321]; ибо предводительница Халет была прославленной амазонкой и водила свою собственную отборную девичью дружину^[322].

Самым же странным из всех обычаев Народа Халет было то, что среди них жили люди совершенно другого рода^[323], подобных которым никогда прежде не видели ни эльдары Белерианда, ни атаны других

Домов. Их было немного, быть может, всего несколько сот человек, и они жили семьями или маленькими племенами, но в общей дружбе, как одно сообщество^[324]. Люди Халет звали их словом *дрûг*, которое было словом их собственного языка. На взгляд эльфов и других людей, они были неприглядны: низкорослые — ростом около четырех футов^[326]; — но очень коренастые, с тяжелыми ягодицами и короткими мощными ногами; глаза их глубоко сидели на широких лицах, прикрытые тяжелыми бровями; у них были плоские носы, на лице у них не росли волосы, и лишь у некоторых,

гордившихся этим отличием, посреди подбородка пробивалась небольшая прядка черных волос. Лица их были обычно непроницаемы, и самой подвижной их частью был широкий рот; а движения их внимательных глаз можно было заметить только совсем вблизи, потому что глаза их были так темны, что в них с трудом различались зрачки; когда же эти люди бывали разгневаны, глаза их светились красным светом. Голоса у них были низкие и гортанные, смех же — удивителен: зычный, раскатистый и всех, кто слышал его, и эльфов, и людей, он заражал своим чистым весельем, не таящим ни издевки, ни

недоброжелательства^[326]. В мирное время эти люди смеялись часто, за работой или за игрой, когда другие люди поют песни. Но они умели быть беспощадными врагами, и, вспыхнув однажды, их багровая ярость не остывала долго, хотя и не проявлялась внешне ни в чем, кроме красного света в их глазах; ибо сражались они молча и не праздновали, одержав победу даже над орками, единственными из существ, ненависть к которым была у них неугасимой.

Эльдары называли их Дрúэдайном, возведя их в Атани^[327], потому что все, с кем они жили, очень любили их. Увы, жизнь их

была короткой, их всегда было мало, и тяжелы были их потери в стычках с орками, которые ненавидели их такой же лютой ненавистью и всегда старались захватить в плен, чтобы предать мучениям. Говорится, что когда победы Моргота погубили все владения и оплоты эльфов и людей в Белерианде, друаданов осталось всего несколько семей, большей частью женщины и дети, и некоторые из них пришли в последние прибежища в Устьях Сириона[\[328\]](#).

В былые дни они сослужили большую службу тем, у кого жили, и впоследствии их много искали; но немногие друаданы когда-либо

покидали страну Народа Халет. Они превосходно владели искусством выслеживать любое живое существо и учили своих друзей тому мастерству, какому могли научить; хотя ученики их не могли сравняться с ними, потому что дру́аданы обладали чутьем охотничьих собак, но отличались еще и зорким глазом. Они хвастали, что могут учуять орка с наветренной стороны раньше, чем кто-нибудь другой увидит его, и могут идти по его следу неделями, если только след не пересечет бегущая вода. Их знание обо всем, что растет на земле, почти равнялось знанию эльфов, хотя те и не учили их; и говорят, что переселяясь в

новую местность, они в короткое время изучали все, что росло там, большое и малое, и давали свои названия всему новому для них, отличая ядовитые растения и съедобные [\[330\]](#).

У Дрúэдайна, как и у других Атани, не было своей письменности до встречи с Эльдаром; но дрúаданы руны и письмена эльдаров не выучили никогда. В своей собственной письменности они не зашли дальше изобретения набора знаков, в основном самых простых, чтобы помечать тропы и оставлять какие-либо сведения или предупреждения. Уже в далеком прошлом у них, похоже, были

скромные орудия для процарапывания и вырезывания, и друаданы продолжали пользоваться ими, несмотря на то, что Атани уже знали металлы и кое-что из кузнечного ремесла еще до того, как пришли в Белерианд [\[331\]](#), ибо металлы было трудно найти, а кованое оружие и хозяйственная утварь стоили очень дорого. Когда же, благодаря сотрудничеству с эльдарами и общению с гномами Эреда Линдон, эти вещи намного шире распространились в Белерианде, друаданы проявили великую искусность в резьбе по дереву и камню. Они уже знали краски, добываемые в основном из

растений, и рисовали и расписывали узорами плоские камни и доски; иногда коряги они превращали в лица, которые потом раскрашивали. Имея же более острые и удобные инструменты, друаданы полюбили вырезать изображения людей и зверей для игрушек, украшений и больших статуй, которым самые искусные из них могли придавать самое живое выражение. Иногда эти изображения были странными и фантастическими или же страшными: мрачной шуткой их мастерства были фигуры бегущих, крича от страха, орков, которые они ставили на границах своих земель. Друаданы также изображали самих

себя и устанавливали такие статуи у отворотов на лесных дорогах и поворотах троп. Их называли «страж-камнями»; самые замечательные из них стояли возле Переправ Тейглина — то были изображения друадана, ростом больше, чем в жизни, сидящего на корточках над поверженным орком. Эти статуи были не только издевкой над врагами; орки боялись их и считали, что эти истуканы заколдованы злыми чарами *ohor-xaev* {*oghor-hai*} (так орки называли Друэдайн) и могут сообщаться с теми. Поэтому орки редко осмеливались трогать статуи или пытаться уничтожать их, и только будучи в большом числе не

поворачивали у «страж-камня» назад, а шли дальше.

Но самым примечательным среди умений этого странного народа была способность их к тишине и полному молчанию, которое они могли сохранять порою многие дни, сидя скрестив ноги, положив руки на колени и закрыв глаза или уставившись в землю. Об этом умении в народе *Халет* ходил такой рассказ:

Однажды один из самых искусных в резьбе по камню друзов вырезал статую своего умершего отца; он поставил ее на

тропе возле жилища своей семьи. Затем он сел рядом и в глубоком молчании погрузился в воспоминания. Так

случилось, что вскоре мимо него этой тропой в дальнее селение проходил один охотник и, увидев двух друзей, поклонился и пожелал им доброго дня. Затем он пошел дальше своим путем, сказав себе:

— Воистину, они великие искусники в камнерезном деле, но таких похожих на живых я еще не видел!

Через три дня он возвращался той же дорогой и, сильно устав, присел, опершись спиной на одну из статуй. Свой плащ он набросил на спину дръга, потому что прошел дождь и плащ промок, а теперь жарко светило солнце. Так охотник заснул; но через некоторое время его разбудил голос статуи за его спиной:

— Надеюсь, ты отдохнул, — сказал дръг, — но если ты хочешь спать дальше, то, прошу, пересядь к тому, другому. Ему

никогда уже не придется расправить ноги; а мне под твоим плащом на солнце жарко.

Говорят, что друаданы часто сидели так, переживая горе или потерю, а иногда — погружаясь в размышления или строя планы. Но так же неподвижны они могли быть и в дозоре; тогда они сидели или стояли спрятавшись в тени, и хотя глаза их казались закрытыми или пустыми, ничто не проходило мимо них незамеченным и неотмеченным. Их незрячий дозор был таким напряженным, что враги ощущали его как явственную угрозу и в страхе

скрывались еще до первого предупреждения; если же мимо проходило какое-нибудь враждебное существо, дру́аданы подавали друг другу знак пронзительным свистом, болезненным для ушей на близком расстоянии и хорошо слышным издалека. Люди Халет очень ценили дру́аданскую стражу в недобрые времена; и если самих стражей с ними не было, они вырезали статуи в подобие их и сажали возле домов, веря, что раз сами дру́аданы делают это, то, значит, и статуи их частично отведут беду от людей.

Истинно, что хотя Люди Халет любили дру́аданов и доверяли им, многие считали, что Дру́эдайн

владеет темными колдовскими силами; и среди волшебных сказок Людей Халет есть несколько таких, которые говорят об этом. Одна из них приводится здесь.

Верный камень

Жил да был дру́г по имени Аһан, известный в округе колдун. Он был крепко дружен с Барахом {Barach}, охотником из Народа, что жил в лесу на хуторе в двух с лишним милях от ближайшего селения. Жилище семьи

Аһана было ближе, и он почти все время жил у Бараха и его жены, а их дети очень полюбили его. Пришла беда: шайка наглых орков тайно пробралась в окрестные леса и, разбившись по двое и трое, стала убивать всех, кто уходил далеко в одиночку, а по ночам нападать на дальние хутора. В доме Бараха не очень-то боялись этой шайки, потому что по ночам Аһан оставался с ними и сторожил на улице. Но однажды утром Аһан пришел к Бараху и сказал:

— У меня дурные вести от родичей, друг; боюсь, мне придется ненадолго оставить тебя. Мой брат ранен, лежит в муках и зовет меня, потому что я умею лечить орочыи раны. Я вернусь, как только смогу.

Барах сильно опечалился, жена его и дети заплакали, но Аһан сказал:

— Я сделаю, что смогу. Я принес сюда страж-камень и поставил его возле твоего дома.

Барах вышел с Аһаном

и посмотрел на страж-камень. Камень был большой, тяжелый, и стоял в кустах неподалеку от двери. Аһан наложил на него руки, помолчал и сказал:

— Смотри, я оставил в нем часть моей силы. Да убережет он тебя от лиха!

Две ночи подряд ничего не случилось, а на третью ночь Барах услышал пронзительный сигнальный свист другов — или он приснился ему, потому что не разбудил больше никого в доме.

Встав с постели, Барак снял со стены свой лук и подошел к узкому оконцу; там он увидел двух орков, наваливавших хворост к стене дома и готовящихся поджечь его. И Барак побледнел от страха, потому что у подлых орков была с собой сера или какой-то другой дьявольский камень, который быстро загорается и не гаснет от воды. Опомнившись, Барак натянул свой лук, но в тот же миг, как взметнулось пламя, сзади к оркам

выбежал дрѹт. Одного орка он уложил ударом кулака, другой удрал; тогда дрѹадан, босой, прыгнул в огонь, разбросал хворост и затоптал орочий огонь, побежавший по земле. Барах бросился к дверям; но когда он раскрыл их и выскочил наружу, дрѹт исчез. Убитый орк тоже пропал без следа. Огонь погас, остались только гарь и вонь.

Барах вошел в дом, чтобы успокоить семью, которую разбудили шум и дым; днем же он снова

вышел и огляделся. Он увидел, что страж-камень пропал, но промолчал об этом. «Нынче ночью мне самому сторожить», — подумал он; но под вечер вернулся Аһан, и его встретили с радостью. На нем были высокие сапоги, в каких дръги ходили иногда по камням и колючей траве, и вид у него был усталый. Но он улыбался и был весел; и он сказал:

— Я принес хорошие новости. Брат мой больше не страдает, и не умрет,

потому что я успел
победить яд. К тому же я
узнал, что разбойники
перебиты или бежали. А
как ваши дела?

— Мы все целы; —
сказал Барах. — Но пойдем
со мной, я покажу и
расскажу тебе кое-что. — И
он подвел Аһана к
пожарищу и рассказал ему
о ночном нападении. —
Страж-камень пропал.
Орочьих лап дело, я думаю.
Что ты на это скажешь?

— Скажу, когда
посмотрю и подумаю, —
ответил Аһан; и он стал

ходить туда-сюда, разглядывая землю, а Барах следовал за ним. Наконец Аһан подвел его к зарослям на опушке, где стоял дом. Там в кустах на мертвом орке сидел страж-камень; но ступни его почернели и растрескались, а одна нога откололась и лежала рядом. Аһан погоревал, но сказал потом:

— А, ладно! Он сделал, что мог. И хорошо, что его ноги топтали орочий огонь, а не мои.

Тут он сел, снял сапоги, и Барах увидел, что

под ними на ногах у него повязки. Аһан развязал их.

— Уже проходит, — сказал он. — Я сидел с моим братом две ночи, а на третью заснул. Проснулся я затемно, и мне было больно, и я увидел, что мои ноги обожжены. Тогда я понял, что произошло. Тут уж так: если вкладываешь часть своей силы в свое творение, то будь готов разделить его боль [\[332\]](#).

*Дополнительные заметки о
Друэдайне*

Отец всячески старался подчеркнуть коренное различие между дръаданами и хоббитами. У них совершенно разное телесное строение и внешность. Дръаданы были выше и обладали более мощным и тяжелым сложением. Лица их не были симпатичными по общечеловеческим меркам; и в то время как у хоббитов растительность на голове была обильной, густой и курчавой, у дръаданов на голове росли лишь редкие гладкие волосы, а на ногах и на пятках — никаких. Временами дръаданы бывали веселы, как хоббиты, но их натура была более суровой, и они могли быть полны веселой и беспощадной ненависти; к

тому же они владели, или же так считалось, необъяснимыми — колдовскими — способностями. Кроме того, они были народом неприхотливым, питались скудно даже во времена изобилия и не пили ничего, кроме воды. Во многом они походили скорее на гномов: телосложением, статью и выносливостью; искусством резьбы по камню; мрачным складом своего характера; и своими непонятными способностями. Однако «колдовские» умения, которые приписывали гномам, были несколько другого свойства; и гномы были куда более суровы, а также наделены долгой жизнью, тогда как

жизнь дру́аданов была короче по сравнению с жизнью других людей.

Лишь в одном месте — в особом примечании — говорится кое-что о родстве между белериандским Дру́эдайном Первой Эпохи, охранявшим дома Людей Халет в Бретильском {Brethil} Лесу, и далекими предками hân-бури-hâна^[334]iii {Ghân-buri-Ghân}, проводшего рохирримов по Камневозной Долине на пути в Минас Тирит {Tirith} («*Возвращение Короля*» V 5), или с создателями статуй на дороге в Дун-Боронь {Dunharrow} (там же, V 3)^[334]. Это примечание гласит:

<<Кочевая ветвь
дру́аданов сопровождала
Народ Халет в конце
Первой Эпохи и обитала
вместе с ним в>>
[Бретильском] <<Лесу. Но
большинство их осталось в
Белых Горах, несмотря на
преследования со стороны
пришедших позже людей,
что встали на службу
Тьмы.>>

Там говорится также, что
сходство статуй Дун-Борони с
остатками дру́атов {Drúath}, которое
бросилось в глаза Мериадоку
{Meriadoc} Брендизайку, как только

он увидел hân-бури-hâна, издавна было замечено в Гондоре, хотя ко времени основания Исилдуром нúменóрского {Númenor} королевства дрúаты сохранились только в Дрúаданском Лесу и в Дрúвайте {Drúwaith} Иаур (см. ниже).

Таким образом, мы можем, если захотим, дополнить древнюю легенду о приходе Эдайна из «Сильмариллиона» (стр. 141-53), добавив в нее Дрúэдайн, сошедший с Эреда Линдон в Оссирианд с Халадином (Народом Халет). Еще одна запись говорит, что гондорские историки считали дрúаданов первыми людьми, которые пересекли

Андуин. Они пришли, как считалось, из земель к югу от Мордора, но не доходя до побережья Харадвайта {Haradwaith}, свернули на север в Итилиэн {Ithilien} и, найдя со временем переправу через Андуин, вероятно, возле Каира {Cair} Андрос, поселились в долинах Белых Гор и лесистых землях у их северного подножия. <<Это был очень скрытный народ, сторонившийся всех других людей, мешавших им и преследовавших их с незапамятных времен, и он шел на запад в поисках земли, где мог бы укрыться и жить в мире.>> Но более ни здесь, ни в других местах ничего не говорится по поводу истории их общежития с

Народом Халет.

Цитировавшийся выше очерк о названиях рек Средиземья проливает свет на историю Дрúэдайна во Вторую Эпоху. Там говорится, что коренные жители Энедвайтта {Enedwaith}, бежавшие от опустошений, произведенных нúменóрцами, вдоль течения Гватлó {Gwathló},

<<не пересекали Изена {Isen} и не искали убежища на большом мысу между Изеном и Лефнуи, образовывавшим северный берег залива Белфалас, из-за «Пúкелей {Púkel-men}»,

скрытного и грозного
народа, неутомимых
неслышных охотников,
пользовавшихся
отравленными дротиками.
В былые времена те не
уделяли никакого внимания
Великому Черному
(Морготу {Morgoth}), и
позже не вступали в союз с
Сауроном; ибо они
ненавидели всех, кто
вторгался с востока. С
востока, говорили они,
пришли высокие люди,
выгнавшие их из Белых Гор,
люди со злыми сердцами.
Быть может, даже во дни

Войны Кольца остатки народа Дрû {Drû} еще обитали в горах Андраста, западного отрога Белых Гор; но гондорцам были известны только те, что жили в Анóриэнских лесах.>>

Местность между Изеном и Лефнуи — Дрúвайт Иаур, и в одном отрывке об этом говорится, что слово *иаур*, «старый», означает в этом названии не «былой», а «прошлый, бывший».

<<В Первую Эпоху «пúкели» обитали по обе

стороны Белых Гор. Когда во Вторую Эпоху началось расселение нúменóрцев по побережьям, пúкели остались в горах на мысу>> [Андраст]<<, который нúменóрцы никогда не занимали. Другая часть этого народа сохранилась на восточном краю их земель>> [в Анóриэне]<<. В конце Третьей Эпохи считалось, что уцелели лишь эти последние, сильно уменьшившиеся в числе; поэтому другую местность называли «Былой Пустошью Пúкелей»,

Дру́вайт Иаур. Она оставалась пустошью и не была населена ни гондорцами, ни роханцами, которые и бывали там редко; жители же Анфаласа считали, что там еще живут укромно последние из «Диких Людей». [\[335\]](#)

В Рохане же сходство статуй Дун-Борони, называвшихся «Пúкелями», с «Дикими Людьми» Дру́аданского Леса не было замечено, как и человеческая природа дикарей; поэтому hân-бури-hân говорит о былых

преследованиях» Диких
Людей» рохирримами.>>
[<<Оставьте Диких Людей
в покое в лесах и не
охотьтесь больше на них,
как на зверей>>] <<hân-
бури-hân изъяснялся на
всеобщем наречии, и
поэтому назвал свой народ
Дикими Людьми, не без
иронии; но это, конечно
же, не было их
самоназванием[\[336\]](#)>>

«Истари»

Вскоре после сдачи «Властелина Колец» в печать в конец третьего тома было предложено включить индекс, и похоже, что отец начал работать над ним летом 1954 года, после того, как первые два тома ушли в печать. По поводу этого в 1956 году он писал в письме: <<Надо было создать список имен и названий, который этимологическими толкованиями образовал бы весьма объемный эльфийский словарь... Я трудился над этим несколько месяцев и проработал первые два тома, и это было главной причиной задержки

тома III, пока мне не стало ясно, что размер его и цена будут губительно велики.>>

Списка имен к «*Властелину Колец*» действительно так и не появилось до второго издания 1966 года, но сохранились первоначальные наброски отцовского черновика. Из него я вывел план моего списка имен к «*Сильмариллиону*» с переводами имен и краткими пояснениями, а также и некоторые переводы и фразировки некоторых «определений». Оттуда происходит также и «очерк об Истари», которым начинается этот раздел книги — фрагмент, совершенно нехарактерный для первоначального

индекса по длине, если не по методу, которым чаще всего пользовался отец.

По поводу других цитат в этом разделе я дал в самом тексте те указания о датах их сочинения, которые мог дать.

Истари

Самый полный рассказ об Истарах был написан, по всей видимости, в 1954 году (о его происхождении см. Введение, стр. 12). Я привожу его здесь полностью и буду ссылаться на него в дальнейшем как на Очерк об

Истарах.

<<«Волшебник» — это перевод квенийского слова «истар» (синдарин. *итрон* {*ithron*}) — член «ордена», как они сами его называли, владеющий глубоким знанием истории и природы Мира и являющий это знание. Хотя перевод этот и передает значение «мудрец», «ведун», «волхв» и родственен другим древним словам, обозначающим человека ученого и мудрого, как и слово *истар* в квенья, он не

слишком удачен, поскольку *Херен Истарион*, или «Орден Волшебников», значительно отличался от «волшебников» и «магов» позднейших легенд; Истари принадлежали одной лишь Третьей Эпохе, а затем отбыли, и никто, кроме, может быть, Элронда, Кúрдана {Círdan} и Галадриэли, не знал, кем они были и откуда явились.

Люди, имевшие дело с ними, сперва считали их людьми, которые путем долгого и уединенного учения овладели знаниями

и умениями. Впервые Истари появились в Средиземье около 1000 года Третьей Эпохи, но долгое время ходили в простом обличье людей, уже пожилых, но крепких телом; они путешествовали и странствовали, собирая знания о Средиземье и обо всем, что обитает в нем, но никому не являя своих сил и целей. В это время люди видели их редко и обращали на них мало внимания. Но когда тень Саурона выросла и снова приняла облик, Истари

стали более деятельны и начали стараться всячески противостоять росту тени и предупреждать эльфов и людей об опасности, в которой те находились. Тогда среди людей широко разнеслись слухи об их появлениях и исчезновениях и об их вмешательствах во многие дела; и люди стали замечать, что Истары не умирают, но остаются такими же, разве что чуть старясь с виду, тогда как у людей дети за отцами уходят с лица земли. Тогда

люди начали бояться их, даже любя, и причислили их к эльфам, с которыми те и вправду много общались.

Но это было неверно. Ибо они пришли из-за Моря с Запредельного Запада; хотя долгое время это было известно лишь Кúрдану, Стражу Третьего Кольца, правителю Серых Гаваней, который видел, как они высаживались на западный берег. То были посланники Владык Запада, Валаров, которые еще держали совет о Средиземье и, когда тень

Саурана впервые снова начала шевелиться, решили оказать ей сопротивление таким способом. Ибо с согласия Эру они отправили посланцев из своего высокого чина, но облеченных в тела людей, настоящие, а не мнимые, подверженные страхам, мучениям и усталости земной, которые могли испытывать голод и жажду, и могли погибнуть; хотя возвышенный дух не давал им умереть, и старились они только за многие годы забот и трудов. Так сделали

Валары, желая исправить былые ошибки, особенно же то, что они пытались сохранить и удержать эльфов своею мощью и славой, явленной во всей полноте; поэтому ныне их посланникам запрещено было являть себя в облике величия или пытаться повелевать волей людей или эльфов, открыто являя им свою силу; но, в облике слабом и смиренном, им позволено было лишь советами и уговорами склонять людей и эльфов к добру и стараться

объединить в любви и понимании всех, кого Саурон, явись он снова, попытался бы одолеть и совратить.

Число членов этого Ордена неизвестно; из тех, что явились на Север Средиземья, где надежды было больше всего, благодаря остаткам Дунэдайна и Эльдара, жившим там, главных было пятеро. Первый из явившихся был величав ликом и статью, с волосами черными, как вороново крыло, с прекрасным

голосом, одетый в белое; он был искусен в творениях рук, и почти все, даже эльдары, почли главой Ордена^[337] его. Пришли также и другие: двое, одетые в синее, и один — в бурое, цвета земли; последним же явился тот, что показался наименьшим, ниже прочих ростом и на вид более старый, седоволосый и одетый в серое, опиравшийся на посох. Но с первой их встречи в Серых Гаванях Кúрдан прозрел в нем величайшего

духом и мудрейшего; и его он приветствовал с почтением и отдал ему на хранение Третье Кольцо, Нарью Красный.

— Ибо, — сказал он, — великие труды и опасности лежат перед тобой, и чтобы не оказалась тебе твоя задача слишком велика и непосильна, возьми это Кольцо в помощь и в укрепление сил. Мне оно было передано лишь для тайного хранения, и здесь, на западных берегах, оно бездействует; мне же

видится, что в грядущие дни оно должно оказаться в руках, более благородных, чем мои, дабы смелость зажглась от него во всех сердцах[\[338\]](#).

И Серый Посланец взял Кольцо и с тех пор тайно хранил его; Белый же Посланец, умевший разгадывать все тайны, со временем узнал об этом даре, и оскорбился этим, и так началось его скрытое недоброжелательство к Серому, ставшее потом явным.

Белый Посланец после

стал известен среди эльфов как Курунёр {Curunír}, Искусник, на языках людей Севера — Саруман; но это было уже после того, как он вернулся из многих своих путешествий, пришел во владения Гондора и поселился там. О Синих на Западе стало известно немного, и они не получили других имен, кроме *Итрин* {*Ithryn*} *Луин*, Синие Волшебники; ибо они ушли с Курунёром на Восток, но так и не вернулись, выполняя там то, для чего были посланы;

пропали ли они там, или, как считали иные, были обольщены Сауроном и стали его прислужниками, ныне не известно^[339]. Ни то, ни другое не невероятно; ибо, каким бы странным это ни казалось, Истары, облеченные средиземскими телами, могли так же, как люди и эльфы, сойти со своего пути и творить зло, забыв добро в поисках сил для того, чтобы творить его.>>

Отдельный фрагмент на полях, несомненно, относится к этому же:

<<Ибо говорится, что и вправду воплощенным Истарам нужно было все постигать заново долгим трудом и опытом, и хотя они знали, откуда пришли, память Благословенного Края была для них лишь далеким видением, к которому они, пока оставались верны своему делу, непрерывно стремились. Поэтому, приняв добровольно тяготы отчуждения и обманы Саурана, они рисковали подпасть под зло того времени.>>

<<На деле из всех Истаров лишь один остался верным, и это был тот, что пришел последним. Ибо Радагаст, четвертый, обратился к зверям и птицам, обитавшим в Средиземье, забыл эльфов и людей, и проводил свои дни среди диких существ. Так, говорят, он и получил свое имя, которое на старом языке Ну́менóра означает «приручающий зверей»[\[340\]](#). А Курунёр Лân, Саруман Белый, отпал от своего высокого промысла и, став гордым и

нетерпеливым,
обратившись к власти, стал
силой стремиться к
своеволию и к одолению
Саурана; но этот темный
дух, более могучий, чем он,
поймал его в свою ловушку.

Последнего же из
пришедших среди эльфов
звали Митрандиром
{Mithrandir}, Серым
Странником {Pilgrim}, ибо
он не обосновался нигде и
не стяжал себе ни
богатства, ни сторонников,
но так и бродил по
Западному Краю от
Гондора до Ангмара и от

Линдона до Лóриэна,
вступая во времена нужды
в дружбу со всеми
народами. Горяч и бодр был
дух Митрандира, а
поддерживало его дух
Кольцо Нарья, ибо
Митрандир был Врагом
Саурана и противостоял
огню пожирающему и
опустошающему огнем
воодушевляющим и
поддерживающим среди
тревог и безнадёжья; но
веселье его и скорый гнев
были одеты в одежды
серые, словно пепел, так
что только те, кто знал

Митрандира хорошо, могли разглядеть пламя, горевшее внутри. Он мог быть веселым и добродушным к молодости и простоте, на острое слово же и посрамление глупости бывал скор; но не был горд и не искал себе ни власти, ни благодарности, а потому повсюду его любили среди тех, кто сам не был горделив. Путешествовал он большей частью пешком, неутомимо, опираясь на свой посох; и оттого люди Севера стали звать его

Гэндальф {Gandalf}, «Эльф с посохом». Ибо они, как было сказано, ошибочно считали, что он из эльфов, потому что порою он творил среди них чудеса, особо любя красоту огня; но чудеса он творил лишь ради удовольствия и веселья, и не хотел, чтобы кто-либо почитал его или следовал его советам из страха перед ним.

В других местах рассказывается, как Митрандир, когда снова восстал Саурон, тоже воспрял и частично явил

свою силу, как стал
руководить
сопротивлением Сауруну и
как в конце концов одержал
победу, свершив своими
трудами и тяготами все так,
как задумали Валары и тот
Единый, что над ними. Но
говорится, что под конец
своих трудов и сам
Митрандир сильно
пострадал, и был убит, и,
будучи возвернут от
смерти, облекся в белое и
стал лучистым огнем,
раскрывавшимся, однако,
лишь по необходимости. А
когда все было кончено, и

Тень Саурана была изгнана, Митрандир навеки отбыл за Море. Курунёр же был низложен и унижен безмерно, и пал в конце концов от руки подлого раба; и дух его отправился туда, куда обречен был отправиться, а в Средиземье, обнаженный или воплощенный, он более не возвращался.>>

Во «Властелине Колец» единственные общие слова об Истарах можно найти в примечании к Повести Лет Третьей Эпохи в Приложении Б:

<<Когда прошла, быть может, тысяча лет, и первая тень пала на Зеленолесье Великое, в Средиземье появились *Истари*, или волшебники. Позже говорили, что они прибыли с Дальнего Запада и были посланцами, отправленными затем, чтобы противостоять силе Саурона и объединить всех, в ком была воля сопротивляться ему; но им запрещено было противостоять силе силу или пытаться подчинять себе эльфов или людей

насильно или страхом.

Поэтому они явились в облике людей; хотя они никогда не были молодыми и старились очень медленно, и обладали великими силами ума и рук. Свои истинные имена они открыли немногим, а пользовались теми именами, которыми их звали. Двоих из высочайших членов их ордена, каких было в нем, как говорят, пятеро, эльдары звали Курунёр, «Искусник», и Митрандир, «Серый Странник

{Pilgrim}», люди Севера же — Саруман и Гэндальф. Курунёр часто ходил на Восток, поселился же впоследствии в Изенгарде {Isengard}. Митрандир был более всех дружен с Эльдаром, странствовал большей частью на Западе и нигде не обзаводился жилищем на долгий срок.>>

Далее следует рассказ о стражах Трёх Эльфийских Колец, в котором говорится, что Кúрдан отдал Красное Кольцо Гэндальфу сразу, как тот прибыл в Серые Гавани из-за Моря

— <<ибо Кúрдан видел дальше и глубже, чем кто-либо в Средиземье>>.

Рассказ об Истарах, процитированный выше, говорит о них и об их происхождении много такого, чего нет во «*Властелине Колец*», а также содержит чрезвычайно интересные замечания о Валарах, их продолжающейся заботе о Средиземье и их признании своей древней ошибки, которые не могут быть рассмотрены здесь. Самым примечательным является описание Истаров как <<членов их собственного высокого чина>> (ангельского чина Валаров) и слова об их телесном воплощении^{[\[341\]](#)}. Но

стоит отметить также и
разновременность прихода Истаров в
Средиземье; прозрение Кúрдана о
том, что Гэндальф — величайший из
них; дознание Сарумана о том, что
Гэндальф владеет Красным Кольцом,
и его зависть; мнение о том, что
Радагаст не остался верен своему
делу и своей миссии; двух других,
безымянных «Синих Волшебников»,
ушедших с Саруманом на Восток, но,
в отличие от него, так и не
вернувшихся в Западный Край; число
членов ордена Истари, которое, как
говорится здесь, неизвестно, хотя
<<главных>> в ордене было пятеро;
объяснение имен Гэндальфа и
Радагаста; а также синдаринского

слово *итрон*, мн.ч. *итрин*.

Отрывок об Истари в «*О Кольцах Власти*» («*Сильмариллион*», стр. 332-3) в действительности очень близок к сказанному в Приложении Б к «*Властелину Колец*», процитированному выше, даже дословно; но он включает в себя фразу, связанную с Очерком об Истарах:

<<Курунёр был самым старшим, и прибыл первым, а за ним — Митрандир и Радагаст, и другие Истары, что ушли на Восток Средиземья и не вошли в эти сказания.>>

Большая часть сохранившихся сочинений об Истарах в целом, к сожалению, не более чем очень торопливые наброски, часто нечитаемые. Большой интерес представляет, однако, краткий и очень черновой набросок повествования, рассказывающего о совете Валаров, созванном, по-видимому, Манвэ {Manwë} (<<а может быть, он испросил совета у Эру?>>), на котором было решено отправить в Средиземье трех посланников. <<Кто же отправится? Ибо они должны быть могуществом равны Саурону, но должны отринуть мощь и облачиться в плоть, чтобы быть на равных с эльфами и людьми

и завоевать доверие у них. А это подвергнет их опасности, омрачив их мудрость и знания и смешав со страхами, заботами и тяготами, происходящими от плоти.>> Вышли только двое: Курумо {Curumo}, выбранный Ауле {Aulë}, и Алатар, посланный Оромэ {Oromë}. Тогда Манвэ спросил: «Где Олóрин?», и Олóрин, одетый в серое, только что вернувшийся из путешествия и сидевший в самом дальнем углу зала совета, спросил, чего Манвэ хочет от него. Манвэ ответил, что хочет, чтобы Олóрин отправился в Средиземье третьим посланником (в скобках помечено, что <<Олóрин любил оставшихся эльдаров>>, очевидно,

для того, чтобы объяснить выбор Манвэ). Но Олóрин сказал, что он слишком слаб для такого дела, и что он боится Саурана. Тогда Манвэ сказал, что это — тем более причина ему отправляться, и велел Олóрину — далее неразборчиво, затем явно читается слово <<третьим>>. На это Варда подняла глаза и сказала: «Не третьим»; и Курумо запомнил это.

Эта заметка заканчивается словами о том, что Курумо [Саруман] по просьбе Яванны взял с собой Айвендила {Aiwendil} [Радагаста], а Алатар взял с собой своего друга Палландо[\[342\]](#).

На другом листе, явно относящемся к тому же времени,

говорится, что <<Курумо пришлось взять с собой Айвендила, чтобы угодить Яванне, супруге Ауле>>. Там есть также набросок таблички, соотносящей имена Истаров с именами Валаров: Олóрина — с Манвэ и Вардой, Курумо — с Ауле, Айвендила — с Яванной, Алатара — с Оромэ и Палландо — также с Оромэ, но вместо этого Палландо затем соотнесен с Мандосом и Ниэнной.

Значение этих параллелей между Истарами и Валарами очевидно в свете краткого рассказа, процитированного только что; каждый Истар был выбран одним из Валаров по своим внутренним

качествам — может быть даже, что они были из «народа» этого Валара в том смысле, в каком в «*Валаквенте*» («*Сильмариллион*», стр. 20) про Саурона сказано, что <<в начале своем он был из Майаров Ауле и остался велик в знаниях этого народа>>. Из-за этого становится весьма примечательно, что Курумо (Саруман) был избран Ауле. Никак не объясняется, почему понятное желание Яванны, чтобы среди Истаров был кто-то, наделенный особой любовью к ее созданиям, можно было выполнить, лишь придав Радагаста в спутники Саруману; кроме того, сказанное в Очерке об Истарах (стр. 390), что, обратившись

к дикой природе Средиземья, Радагаст оставил дело, ради которого он был послан, вероятно, несколько не согласуется с представлением о том, что он был специально избран Яванной. К тому же, и в Очерке об Истарах, и в «*О Кольцах Власти*» Саруман прибыл первым, и прибыл один. С другой стороны, намек на нежеланность сопровождения Радагаста Саруману заключается в величайшей злости Сарумана на него, о которой Гэндальф рассказывает Совету Элронда:

<<— Радагаст
Бурый?! — расхохотался
Саруман, уже не скрывая

злости. — Радагаст
Птичник! Радагаст
Простак! Радагаст Дурак!
По крайности, ему хватило
ума выполнить то, что я
ему предназначил!»>>

В то время, как в Очерке об
Истарах сказано, что у двоих,
ушедших на Восток, не было имен,
кроме *Итрин Луин*, «Синие
Волшебники» — в том, конечно,
смысле, что у них не было имен на
Западе Средиземья — здесь они
названы по именам Алатар и
Палландо и связаны с Оромэ, хотя о
причине этого соотнесения не
рассказывается. Могло быть так —

хотя это лишь самая вольная догадка — что Оромэ из всех Валаров имел самое полное знание дальних краев Средиземья, и что Синим Волшебникам было предписано уйти в те места и остаться там.

Помимо того факта, что эти записи о выборе Истаров были написаны явно позже, чем завершен *«Властелин Колец»*, я не нашел никаких свидетельств их соотношения по времени сочинения с Очерком об Истарах [\[343\]](#).

Другие сочинения об Истарах мне неизвестны, помимо очень черновых и частично неразборчивых записок, которые явно написаны много позже всех вышеприведенных,

и датируются, вероятнее всего, 1972 годом:

<<Мы должны
принять, что все они>>
[Истари] <<были
Майарами, то есть,
особами «ангелического»
чина, хотя и не обязательно
равновеликими. Майар
были «духами», но
способными
инкарнировать и
принимать «человеческие»,
особенно эльфийские,
облики. Саруман — в том
числе, например, и самим
Гэндальфом — называется

главой Истари — то есть, выше всех остальных из них в своей валинóрской сущности. Гэндальф явно был следующим по порядку. Радагаст представляется много меньшим в силе и мудрости. О двух других в опубликованных работах не говорится ничего, кроме упоминания о Пяти Волшебниках в препириательствах между Гэндальфом и Саруманом.>> [«Две Твердыни» III 10] <<Эти Майары и были в

переломный момент
истории Средиземья
посланы Валарами, чтобы
усилить сопротивление
эльфов Запада, силы
которых ослабли, и
несовращенных людей
Запада, которых
значительно превосходили
в числе люди Востока и
Юга. Можно понять, что в
этой миссии все они были
вольны делать, что могли;
что над ними не было
командования, и что им не
предполагалось
действовать совместно,
сплоченным ядром силы и

мудрости; а также, что каждый из них имел различные силы и склонности, и Валары учили это, когда избирали их.>>

Другие записи относятся исключительно к Гэндальфу (Олóрину, Митрандиру). На обороте листа, на котором записан рассказ о выборе Истаров Валарами, имеется следующая очень примечательная заметка:

<<Элендил и Гил-Галад {Gil-galad} были равноправными партнерами: но то был

Последний Союз эльфов и людей. В окончательной победе над Сауроном эльфы не принимали действенного и деятельного участия. Леголас из Девяти Путников совершил, вероятно, меньше всех. Галадриэль, величайшая из эльдаров, остававшихся в Средиземье, была сильна в основном мудростью и добром как направитель и советник в борьбе; неодолимая в *противодействии*, особенно в противодействии умом и

духом, она была неспособна к военным *действиям*. В этом она уподоблялась Манвэ, в его более широком плане. Однако, Манвэ даже после падения Ну́менора и разрушения старого мира, даже в Третью Эпоху, когда Благословенный Край был удален из «Кругов Мира», не был лишь наблюдателем. Явно из Валино́ра прибыли посланники, которых называли Истари или Волшебники, и среди них Гэндальф, который оказался направителем и

руководителем и наступления, и обороны.

Кем был Гэндальф? Позже, когда тень зла снова поднялась в Королевстве, многие из Верных того времени поверили, что Гэндальф был последним явлением самого Манвэ перед его окончательным уходом в дозорную башню на Таниквэтиль {Taniquetil}. Имя Олóрин, которым, по словам Гэндальфа, он звался «на Западе», было, согласно этому верованию, простым псевдонимом, инкогнито. Я

не знаю, конечно же, как обстояло дело в действительности, а если бы и знал, то было бы неправильно говорить больше, чем сказал сам Гэндальф. Но мне думается, что это не так. Манвэ не сойдет с Горы до самого Дагора Дагорат {Dagorath} и наступления Конца, когда вернется Мелькор {Melcor} [\[344\]](#). Для свержения Моргота {Morgoth} он снарядил своего герольда Эонвэ {Eönwë}. Почему же он не мог для борьбы с Сауроном

приплывшихиз дальнего
края.

Один лишь вернулся.
Выпало прочим
 владенье Людей,
Средиземье оставить,
 до Дагора Дагорати до
Суда.

Как ты подслушалто
совещанье

Владык Закатав Амане
дальнем?

Тропы тудаскрыты,
утеряны,

Манвэ словане
нисходят к Смертным.

Ветер донес ихс
Былого Запада,

спящему в ушив тиши
нашептывал
ночью,
когдаприлетают известья
с забытых земель
веков затерявшихся
по волнам временко
взыскующей мысли.
Не все ещеСтаршим
Царем позабыты.
Издревле зрел онгрозу
Сауронову. <...> >>

Здесь многое отсылает к более
широким проблемам, связанным с
участием Манвэ и Валаров в судьбе
Средиземья после Низвержения
Нúменóра, которые выходят за

пределы этой книги.

После слов <<но об Олóрине мы вовеки веков не узнаем больше, чем он явил в Гэндальфе>>, отец позже добавляет:

<<сверх того, что Олóрин — имя высоко-эльфийское, и, следовательно, было дано ему эльдарами в Валинóре или являлось «переводом» его имени, осмысленным для них. Так или иначе, что же означает это имя, будь оно данное ему или принятое им? *Олор* — слово, которое часто

переводится как «сон, греза», но это не человеческий сон, какими они большей частью бывают, и уж точно не просто сон, приснившийся ночью. Для эльдаров это слово включает в себя живое содержание их *памяти* как *представления*: оно обозначает в действительности *ясновидение* в уме вещей, физически не существующих в окружающем мире. Но это не просто представление, а

полное воплощение этих
вещей во всех их
особенностях и
подробностях.>>

Отдельная этимологическая
статья объясняет значение этого
слова в целом схожим образом:

<<Оло-с: видение,
«фантазия»: обычное
эльфийское слово для
«умозрения» чего-либо, что
не существует в
действительности Эа,
отдельно от предмета или
предсуществующего ему, но
способного для эльдара

благодаря Искусству (*Кармэ*
{*Karmë*}) делаться
видимым и
ощутимым [\[346\]](#)iii. Слово
олос применяется обычно к
эстетическим {*fair*}
предметам, имеющим цель
художественную, то есть,
не иллюзию и не обретение
власти.>>

Перечисляются слова,
произведенные от этого корня:
квеньйск. *олос* «греза, видение»,
мн.ч. *олози/олори*; *ōла-* (безличн.)
«грезить»; *олоста* «грезный». Далее
упоминается *Олофантур*, прежнее,
«истинное» имя Лóриэна, Валы,

который был <<повелителем видений и грез>>, смененное позже в «Сильмариллионе» на *Ирмо*, как *Нуруфантур* было сменено на *Нáмо* (Мандос): хотя обобщенное наименование этих двух «братьев» *Феантури* {*Fëanturi*} сохранено в «*Валаквенте*».

Эти рассуждения об *олос*, *олор* явно связаны с отрывком из «*Валаквенты*» («Сильмариллион», стр. 19), где говорится, что Олóрин в Валинóре жил в Лóриэне, и что

<<хотя он любил эльфов, он ходил меж ними незримо или в облике одного из них, и они не

знали, откуда приходили те дивные видения и проблески мудрости, которые он вкладывал в их сердца.>>

В более ранней версии этого отрывка говорилось, что Олóрин был <<советником Ирмо>>, и что в сердцах тех, кто прислушивался к нему, пробуждались мысли о <<дивных вещах, которых еще не было, но которые можно было бы создать для обогащения Арды>>.

Имеется длинное примечание к отрывку из «*Двух Твердынь*» IV 5, где Фарамир в Хеннете {Henneth} Аннûн вспоминает, что Гэндальф

говорил:

<<У меня много имен
в разных странах.
Митрандир — среди
эльфов, Таркûн {Tharkûn}
— для гномов; Олóрином
был я в молодости на
Западе, что забыт^{[346][348]}iv,
на Юге — Инкáнусом
{Incápus}, на Севере —
Гэндальфом; на Восток я
не хожу.>>

Это примечание было сделано
до публикации второго издания
«Властелина Колец» в 1966, и гласит
оно следующее:

<<Дата прихода
Гэндальфа точно
неизвестна. Он прибыл из-
за Моря приблизительно в
то самое время, когда были
замечены первые признаки
нового восстания «Тени»:
появление и
распространение злых
существ. Но в хрониках и
летописях он редко
упоминается до второго
тысячелетия Третьей
Эпохи. Вероятно, он долго
странствовал в различных
обличьях, не вмешиваясь в
дела и события, но изучая
сердца тех эльфов и людей,

которые уже
противостояли Саурону, и
тех, которые могли бы
противостоять ему.
Сохранилось его
собственное утверждение
— или вариант его, в
любом случае не вполне
понятный — что в
молодости на Западе его
имя было Олóрин; но
эльфы звали его
Митрандиром (Серым
Странником), Гномы —
Таркúном, что означает, как
говорят, «Человек с
Посохом», Инкáнусом на
Юге, Гэндальфом на

Севере, а «на Восток я не хожу».

«Запад» здесь явно означает Дальний Запад за Морем, а не часть Средиземья; имя Олóрин — высоко-эльфийское. «Север», должно быть, означает Северо-Запад Средиземья, где его обитатели и наделенные речью народы были и оставались наименее совращены Морготом и Сауроном. В тех местах сильнее всего было сопротивление злу, оставленному Врагом, и

сильнее всего было бы сопротивление Саурону, его прислужнику, буде он появится вновь. Пределы этой местности нечетки; восточный ее рубеж проходит примерно по реке Карнен {Carnen} до слияния ее с Келдуином {Celduin} (Бегущей {the River Running}), оттуда к Нурнелу и оттуда к югу до древних границ Южного Гондора. Она изначально не включала в себя Мордор, занятый Сауроном, хотя тот и находился за пределами своих изначальных

владений «на Востоке», как нарочитая угроза Западу и ну́менóрцам. Таким образом, «Север» включает в себя всю эту огромную территорию: с запада на восток от Залива Луны до Ну́рнена и с севера на юг от Карна {Carn} Дûм до южных границ древнего Гондора с Ближним Харадом. За Ну́рнен Гэндальф не заходил никогда.

Эти слова — единственное дошедшее до нас свидетельство того, что в своих путешествиях

Гэндальф бывал далеко на Юге. Арагорн говорил, что проникал «в дальние страны Р'ûна {Rhûn} и Харада, где светят другие звезды» («Хранители» II 2)

[\[348\]](#). Не следует предполагать, что Гэндальф бывал там. Все сказания тяготеют к Северу — потому что исторический факт заключается в том, что борьба с Морготом и его прислужниками происходила в основном на Севере, в особенности на Северо-Западе Средиземья,

и это было так потому, что движение эльфов и впоследствии людей, бежавших от Моргота, постоянно было направлено *на запад*, к Благословенному Краю, и *на северо-запад*, потому что там берега Средиземья были ближе всего к Аману. Поэтому *Харад*, «Юг» — это расплывчатый термин, и хотя перед Низвержением нúменóрцы обследовали берега Средиземья далеко на юг, поселения их за Умбаром были населены или основаны теми из них,

что уже в Ну́менóre были
совращены Сауроном и
стали враждебными,
примкнув к владениям
Саурона. Местности же,
граничившие с Гондором с
юга, земли, которые
гондорцы называли просто
Харадом, «югом»,
Ближним и Дальним, а
также страны, которыми
Саурон был наиболее занят
в Третью Эпоху по той
причине, что для него они
были источниками
людской силы, наиболее
готовой к использованию
против Гондора, пожалуй,

были более склонны
обратиться к
«Сопротивлению». В эти
страны Гэндальф вполне
мог совершить
путешествия в дни начала
его трудов.

Но главным местом
его забот был «Север», а в
нем более всего — Северо-
Запад, Линдон, Эриадор и
Андуинские Долины.
Союзниками его были в
первую очередь Элронд и
северные дунаданы —
Следопыты. Замечательна
для него была его любовь к
«полуросликам» и

познания о них, потому что его мудрость предсказала ему их высочайшую важность, но также и потому, что он признал присущие им достоинства. Гондор привлекал его внимание меньше, по той же причине, по какой он более занимал Сарумана: это был оплот знания и власти. Правители его во всех своих обычаях неколебимо противостояли Саурону, по крайней мере политически: их владения были основаны как вызов ему и продолжали

существовать лишь до тех пор, пока его угрозе они могли противопоставить военную силу. Гэндальф немного мог сделать для того, чтобы наставить или направить его гордых правителей, и только когда на закате их власти, они, попав в положение, казавшееся безнадежным, оказались наделены храбростью и стойкостью, он стал серьезно заботиться о них.

Имя *Инкáнус* скорее всего «чуждое», то есть, оно не принадлежит ни к

вестрону, ни к эльфийским
языкам, синдарину или
квенья, и не объясняется ни
одним из сохранившихся
языков людей Севера.
Примечание в Книге Тана
{Thain} гласит, что это
переиначенное на
квенийский лад слово из
языка Харадрима,
означающее попросту
«Северный Лазутчик», *инкă*
+ *нуѣ*.

«Гэндальф» в
английском тексте точно
такая же замена, как и
имена хоббитов и гномов.
На самом деле это имя

норвежское — так звали одного из карликов в «Вёлюспá {Völuspá}»^[350]; я использовал его потому, что оно содержит корень *гандр*, «посох, жезл, особенно магический», и его можно перевести как «эльф с (волшебным) посохом». Гэндальф не был эльфом, но эльфом его считали люди, общавшиеся с ним, потому что его союз и дружба с эльфами были широко известны. Поскольку имя это относится к «Северу» вообще, «Гэндальф» можно

считать вестронским
именем, но составленным
из корней, происходящих
не из эльфийских
языков.>>

Совершенно другая трактовка
слов Гэндальфа <<на Юге —
Инкáнус>> и этимологии этого
имени дается в заметке, написанной
в 1967 году:

<<совершенно неясно,
что имелось в виду под
словами «на Юге».
Гэндальф отрицает, что
когда-либо бывал на
Востоке; на самом деле он,

видимо, ограничил свои странствия и стражу западными краями, населенными эльфами и людьми, в целом враждебными Саурону. Во всяком случае, представляется маловероятным, чтобы он когда-либо посещал Харад — тем более, Дальний Харад — или был там настолько долго, чтобы получить имя на одном из чужеродных языков этих малоизвестных стран. Юг поэтому должен означать Гондор; в самом широком

смысле — земли, подвассальные Гондору в расцвете его сил. Ко времени Сказания, однако, мы видим, что в Гондоре сановники или люди н́уменóрских кровей, такие, как Денетор {Denethor}, Фарамир и др., постоянно называют Гэндальфа Митрандиром. Это синдаринское имя, данное ему эльфами; сановники же в Гондоре знали этот язык и говорили на нем. «Просторечным» его именем на вестроне, или Всеобщем Языке, было,

очевидно, то, которое означало «Серый Плащ» {Greymantle}, но, будучи образовано очень давно, оно к тому времени сохранилось в архаической форме. Может быть, оно звучало как *Шизохуст* {Greyhame}, имя, которым назвал Гэндальфа в Рохане Эомер.>>

Здесь отец заключает, что <<на Юге>> относилось к Гондору, и что Инкáнус, как и Олóрин — имя квенийское, но образованное в Гондоре в давние времена, когда квенья еще был в ходу у ученых

людей и был языком многих летописей, как это было в Ну́менóre.

<<Гэндальф, как сказано в Повести Лет, появился на Западе в начале XI в. Третьей Эпохи. Если предположить, что сперва он посещал Гондор, достаточно часто и надолго, чтобы получить там одно или несколько имен — скажем, в правление Атанатара Алькарина, примерно за 1800 лет до Войны Кольца — то можно счесть, что Инкáнус имя квенийское,

данное ему тогда, со
временем забывшееся и
сохранившееся лишь в
памяти ученых.>>

К этому предположению
прилагается и этимология из
квенийских корней *ин(ид)*- «ум, дух»,
и *кан*- «правитель», особенно в
форме *káно {sáно}*, *káну {sáни}*
«правитель, управитель, вождь», что
соответствует второй основе в
именах *Тургон* и *Фингон*. В этой
заметке отец упоминает о латинском
слове *incápnis* «седоволосый» таким
образом, что появляется
возможность предположить, что
именно отсюда и произошло это имя

Гэндальфа, когда сочинялся «*Властелин Колец*», что было бы весьма неожиданно, если это действительно так; в конце же всего рассуждения отец отмечает, что совпадение квенийского и латинского слов следует считать <<случайным>>, равно как синдаринское *ортанк* {*orthanc*} «острая вершина» случайно совпадает с англо-саксонским словом *ортанк* {*orþanc*} «хитроумный замысел», как и переводится это его название с языка Рохиррима.

«Палантúри»

Во втором издании «*Властелина Колец*» (1966 г.) отец сделал существенные исправления в «*Двух Твердынях*» III 11 «Палантúр» и некоторых других местах, а также в «*Возвращении Короля*» V 7 «*Костер Денетора {Denethor}*», хотя эти исправления и не были внесены в текст до второго переиздания исправленного издания (1967 г.) Этот раздел этой книги основан на работах о *Палантúрах*, связанных с этим пересмотром; я всего лишь собрал их в последовательный очерк.

Паланті́ри, несомненно, никогда не были общеизвестными предметами обихода, даже в Ну́менóre. В Средиземье же они хранились в охраняемых помещениях, на вершинах мощных башен, и лишь короли, правители и назначенные ими хранители имели к ним доступ; о Паланті́рах никогда не говорили и никогда не выставляли их на всеобщее обозрение. Но до ухода Королей они не были совершенной тайной. Пользование ими еще не таило в себе опасности, и любой король или кто-либо, приставленный к ним, не задумываясь, открывал

источник своей осведомленности о делах и мыслях далеких правителей, если им был Камень.[\[351\]](#)

После дней Королей и потери Минаса *Итиль* {Ithil} упоминаний об открытом и официальном пользовании Камнями нет. После гибели Арвэдуи Последнего Короля в 1975 году[\[352\]](#) на Севере не осталось ни одного отвечающего Камня. В 2002 году был утрачен *Итильский* Камень. Оставались лишь *Анорский* Камень в Минасе *Тирит* {Tirith} и *Ортанкский* {Orthanc} Камень.[\[353\]](#)

Два обстоятельства послужили тогда причиною небрежения Камнями и их ухода из памяти людей. Первым было неведение о

том, что случилось с Итильским Камнем; предположили вполне резонно, что защитники крепости уничтожили его перед тем, как Минас Итиль был завоеван и разграблен[\[354\]](#); но вполне возможно было также, что Камень захвачен и попал в руки Саурана, и иные из мудрых и прозорливых могли подумать об этом. По-видимому, так они и сделали, и решили, что Камень мало чем может навредить Гондору в Саурановых руках, если только не вступит в связь с другим Камнем, согласованным с ним[\[355\]](#). По этой причине, как можно предположить, Анорский Камень, о котором молчат все летописи Наместников до самой

Войны Кольца, хранился в сугубой тайне и был доступен только Правящим Наместникам, которые, очевидно, никогда не пользовались ими до Денетора {Denethor} II.

Второй причиной было увядание Гондора и падение во всей стране, за исключением лишь немногих высокопоставленных людей, интереса к древней истории помимо той, что касалась родословных, происхождения родов и родственных связей. После Королей Гондор погрузился в «средневековье» упадка знаний и упразднения искусств. Связь осуществляли гонцы и посланники, а во времена опасности — маяки, и если Камни Анора и

Ортанка еще охранялись, как сокровища прошлого, о существовании которых знали немногие, то Семь Камней былых времен в основном уже были забыты людьми, и стихотворные поучения, рассказывавшие о них, люди если еще помнили, то уже не понимали; Камни в легендах стали превращаться в эльфийские способности древних королей, обладавших зоркими глазами, и быстрых птицеподобных духов, служивших им, которые приносили им известия или доставляли их послания.

По-видимому, в это время Наместники не думали об

Ортанкском Камне: он более не был полезен им, и хранился в безопасности в своей неприступной башне. Если на него и не пала тень подозрения в связи с Итильским Камнем, то он все равно находился в стране, которая занимала Гондор все меньше и меньше. Каленардон {Calenardhon}, который никогда не был густо заселен, опустошил Черный Мор 1636 года, и с тех пор число жителей нүменóрской крови там постепенно убывало — те переселялись в Итилиэн {Ithilien} или на земли вдоль Андуина. Изенгард {Isengard} оставался вотчиной Наместников, но сам Ортанк был пуст, и со временем его

закрыли, а ключи от него перенесли в Минас Тирит. Если Наместник Берен вообще думал о Камне, когда передал их Саруману, то, вероятно, решил, что более надежных рук, чем руки главы Совета, противостоящего Саурону, ему не найти.

Саруман в своих исследованиях [\[356\]](#), несомненно, собрал особые знания о Камнях, которые должны были привлечь его внимание, и убедился, что Ортанкский Камень в его башне действует. Ключи от Ортанка он получил в 2759 году, став формально хранителем башни и уполномоченным Наместника Гондора. В то время Ортанкский

Камень навряд ли занимал Белый Совет. Только Саруман, войдя в доверие к Наместникам, все-таки изучил должным образом летописи Гондора — достаточно, чтобы понять значимость Паланті́ров и возможность использования уцелевших из них; но своим соратникам он не сообщил об этом ничего. Из-за зависти и ненависти Сарумана к Гэндальфу {Gandalf} он отказался сотрудничать с Советом, собравшимся в последний раз в 2953 году. Безо всякого уведомления Саруман захватил Изенгард, сделав его своим собственным владением, и перестал обращать внимание на Гондор. Совет, несомненно, не

одобрил этого; но Саруман был добровольным помощником и имел право при желании действовать самостоятельно, сообразно его собственным представлениям о борьбе с Сауроном. [\[357\]](#)

Совет, в целом, должен был знать о Камнях и их былых местонахождениях, но на тот момент не считал это важным предметом: то были предметы, принадлежащие истории Королевства Дúnэдайна, чудесные и чтимые, но ныне утерянные или мало полезные. Следует вспомнить, что изначально Камни были «непорочны» и не служили злу. Это Саурон сделал их коварными и превратил в орудия

подчинения и обмана.

Хотя Совет, предупрежденный Гэндальфом, мог начать подозревать о замыслах Сарумана в отношении Колец, сам Гэндальф не знал еще, что Саруман стал союзником или прислужником Саурона. Это он обнаружил лишь в июле 3018 года. Но хотя в последующие годы Гэндальф увеличил познания, свои и Совета, об истории Гондора, изучая гондорские документы, главной заботой Гэндальфа и Совета было все-таки Кольцо: возможности, скрывавшиеся в Камнях, не были осознаны. Очевидно, что ко времени Войны Кольца Совет только-только узнал о том, что судьба Итильского

Камня неясна, и не смог — что вполне понятно даже для Элронда, Галадриэли и Гэндальфа, если принять во внимание тяжесть их забот — оценить значение этого факта и задуматься, что может случиться, если Саурон стал обладателем одного из Камней, а кто-нибудь другой попытается воспользоваться другим. Потребовалось воочию увидеть в Дол-Баране {Dol Baran} действие Ортанкского Камня на Перегрину, чтобы внезапно прояснилось то, что связь между Изенгардом и Барад-дûром, обнаруженную после того, как войска Изенгарда соединились с войском, посланным Сауроном

напасть на Хранителей в Парте {Parth} Гален, осуществлял Ортанкский Камень — и другой Палантúр.

Когда Гэндальф с Перегрином мчались на Сполохе {Shadowfax} из Дол-Барана («*Две Твердыни*» III 11), Гэндальф первым делом должен был дать хоббиту хоть какое-то представление об истории Палантúров, чтобы тот осознал древность, величие и мощь вещей, с которыми тот было связался. Гэндальф не старался разъяснить свои открытия и догадки, за исключением последней: того, как Саурон стал управлять Камнями так, что теперь пользоваться ими опасно

для *любого*, как бы славен он ни был. Ум же Гэндальфа в то время полностью занимали Камни; он обдумывал значение того, что открылось в Дол-Баране, и связь этого с теми многими вещами, о которых он размышлял, и которые он принимал во внимание: как например, прекрасная осведомленность Денетора о вещах, происходящих далеко от него, и его очевидная старость, замеченная впервые, когда ему было всего шестьдесят с небольшим лет, хотя его народ и его семья обладали более долгой жизнью, чем другие люди. Несомненно, стремление Гэндальфа как можно быстрее достичь Минаса

Тирит, помимо остроты момента и неизбежности надвигающейся войны, было вызвано и внезапно появившимся у него опасением, что Денетор тоже пользуется Палантіром, Анорским Камнем, и необходимостью узнать, какое действие Камень оказывает на Денетора: не окажется ли в решающем испытании отчаянной схватки, что тому, как и Саруману, больше нельзя доверять, и что он может склониться на сторону Мордора? Все общение Гэндальфа с Денетором по прибытии в Минас Тирит и в дальнейшие дни, а также все, о чем они разговаривали друг с другом, согласно тому, что стало

известно об этом, надо рассматривать в свете этого подозрения Гэндальфа. [\[358\]](#)

Таким образом, Гэндальф осознал значимость Палантіра Минаса Тирит только после опыта Перегринна в Доле-Баран. Но знание или догадки о существовании этого Камня появились, конечно же, много раньше. Жизнь Гэндальфа мало известна до конца Бдительного Мира (2460) и образования Белого Совета (2463), а особый его интерес к Гондору появляется, похоже, только после того, как Бильбо нашел Кольцо (2941) и Саурон открыто вернулся в Мордор (2951) [\[359\]](#). Тогда внимание Гэндальфа — как и Сарумана —

было сосредоточено на Кольце Исилдура; но можно предположить, что, читая архивы Минаса Тирит, Гэндальф мог многое узнать о гондорских Палантíрах, хотя он и оценил их возможную важность не столь мгновенно, как Саруман, чей ум, в противоположность уму Гэндальфа, вещи и предметы силы и власти всегда занимали больше, чем люди. Однако может быть, что Гэндальф уже тогда знал о природе и происхождении Палантíров больше, чем Саруман, поскольку все, что касалось древних владений Арнора и дальнейшей истории этой страны, было его особой вотчиной, и он тесно сотрудничал с Элрондом.

Но Арнорский Камень остался для него тайной: ни в каких хрониках и летописях Наместников не имелось ни одного упоминания о судьбе этого Камня после падения Минаса *Итиль*. Между тем история показывала, что ни *Ортанк*, ни Белая башня в Минасе *Тирит* никогда не были захвачены и разграблены врагами, а потому можно было предположить, что Камни остались в действии и на своих старинных местах; но нельзя было быть уверенным и в том, что Наместники не изъяли их и не «захоронили»^[360] в какой-нибудь тайной сокровищнице, или даже в каком-нибудь укромном месте в горах, навроде Дун-Борони

{Dunharrow}.

Следовало бы говорить, что Гэндальф *не думал*, что Денетор, если только тому не изменила его мудрость, решится воспользоваться Кам-нем.^[361] Утверждать это наверняка Гэндальф не мог, ибо когда и для чего Денетор начал-таки пользоваться Камнем, было и остается лишь предметом догадок. Гэндальф вполне мог думать по этому поводу все, что угодно, однако, принимая во внимание личность Денетора и все, что рассказывается о нем, вероятно, что тот начал пользоваться Анорским Камнем за много лет до 3019 года, и раньше, чем Саруман стал думать о том, что

Ортанкский Камень мог бы принести ему пользу. Денетор унаследовал Наместничество в 2984 году, когда ему было пятьдесят четыре года: это был человек хозяйственный, мудрый и ученый сверх всяких мер того времени, обладающий сильной волей, знающий свои силы и безупречный. «Мрачность» его впервые стала заметна окружающим после того, как умерла в 2988 году его жена Финдуилас, но представляется вполне очевидным, что он обратился к Камню *сразу же*, как только пришел к власти, давно изучив Палантúры и предания о них и их использовании, хранившиеся в

особых архивах Наместников и открытые, помимо Правящего Наместника, только для его наследника. В конце правления своего отца, Эктелиона {Ecthelion} II, он, вероятно, очень хотел обратиться к Камню, поскольку беспокойство в Гондоре росло, а его собственное положение пошатнулось из-за «Торонгила {Thorongil}»^[362] и расположения, которое выказал тому отец Денетора. По крайней мере одной из причин могли быть ревность к Торонгилу и неприязнь к Гэндальфу, которому во время восхождения Торонгила отец Денетора уделял много внимания; Денетор желал превзойти этих

«узурпаторов» в знании и осведомленности, а также по возможности приглядывать за ними повсюду, где бы они ни были.

Предельное напряжение сил Денетора при сопротивлении Саурону следует отличать от общего напряжения сил, связанного с использо-ванием Камня. [\[363\]](#)

Денетор считал — и не без основания — что последнее он сможет вынести; с влиянием же Саурана он на протяжении многих лет не встречался, и, вероятно, даже никогда о нем не думал. Об использовании Палантíров и о различии между их одиночным использованием для «наблюдений» и

использованием их для сообщения с другим отвечающим Камнем и его «наблюдателем» см. стр. 410-1. Денетор, приобретя навык, мог узнавать многое об удаленных событиях, пользуясь одним Анорским Камнем, и даже после того, как Саурон узнал о действиях Денетора, тот еще мог заниматься этим до тех пор, пока имел достаточно сил, чтобы управлять Камнем в своих целях, несмотря на старания Саурона навсегда «обратить» Анорский Камень на себя. Надо также учесть, что Камни были лишь малой деталью в гигантских замыслах и действиях Саурона: средством подчинения и

обмана двух из его противников; но он не стал бы — и не мог — постоянно наблюдать за Итильским Камнем. Не в его обычае было доверять такие орудия своим подчиненным; к тому же у него и не было ни одного прислужника, чьи духовные силы превосходили бы силы Сарумана или хотя бы Денетора.

Что касается Денетора, то Наместнику против самого Саурона помогало то, что Камни гораздо охотнее слушались законного владельца — более всего истинных «Наследников Элендила» (каким был Арагорн), но также и того, кто унаследовал власть (как Денетор) —

по сравнению с Саруманом или Сауроном. Можно заметить, что действие Камней было различным. Саруман подпал воле Саурана и желал его победы, или больше не противился ей. Денетор остался верен в своем отрицании Саурана, но его удалось заставить поверить в то, что победа Саурана неизбежна, и потому он впал в отчаяние. Причины этого различия в первую очередь, несомненно, в том, что Денетор был человеком, наделенным великой силой воли, и сохранял целостность своей личности до самого последнего удара — смертельного (как казалось ему) ранения его единственного остававшегося в

живых сына. Денетор был гордым человеком, но это была ничуть не личная гордость: он любил Гондор и его народ, и считал, что судьба именно ему предназначила править ими в это безнадежное время. Во вторую же очередь, Анорский Камень принадлежал ему *по праву*, и воспользоваться им в этой смертельной опасности ему запрещала только осторожность. Должно быть, Денетор догадывался, что Итильский Камень находится в руках зла, и рискнул установить связь с ним, веря в свою силу. Вера эта не была совсем неоправданной. Саурону не удалось подчинить Денетора себе, и он мог лишь воздействовать

на него обманом. Вероятно, Денетор сперва не заглядывал в Мордор и довольствовался теми «дальними видами», которые показывал ему Камень; этим объясняется его поражающее всех знание о событиях, происходящих далеко. Вступал ли Денетор таким образом в связь с Ортанкским Камнем и с Саруманом, не говорится; вероятно, вступал, и с выгодой для себя. Саурон не мог вмешиваться в эти переговоры: только наблюдатель Главного Камня в *Осгилиате* мог бы «подслушать» их. Когда два Камня связывались друг с другом, для третьего они оба были пусты. [\[364\]](#)

У Королей и Наместников в

Гондоре должно было сохраниться многое из учения о Палантíрах, которое передавалось и после того, как Камнями перестали пользоваться. Эти Камни были неотъемлемой собственностью, дарованной Элендилу и его потомству, им они принадлежали по праву; но это не значит, что по праву пользоваться Камнями могли только эти «потомки». Законно ими мог пользоваться любой, назначенный «наследником Анáриона» или «наследником Исилдура», то есть, законный Король Гондора или Арнора. На деле, надо думать, обычно с ними работали именно такие уполномоченные. У каждого

Камня был свой хранитель, одной из обязанностей которого было «наблюдать Камень» в положенное время, по приказанию или при необходимости. Другие люди тоже допускались к Камням, а министры Короны, в ведении которых находилась «разведка», работали с ними постоянно и специально, докладывая полученные сведения Королю и Совету, или же Королю лично, смотря как того требовал характер сведений. Позднее в Гондоре, когда значение службы Наместника возросло, и должность эта стала наследственной, требуя «предстояния» Королю и немедленного замещения его при

необходимости, обращение с Камнями и пользование ими, видимо, целиком перешло в руки Наместников, а обычаи, касающиеся их природы и пользования ими хранились и передавались в их Доме. Поскольку с 1998 года^[365] Наместничество стало наследственным, право пользоваться или же в свою очередь передавать пользование Камнями по закону перешло к их роду, и поэтому оно полностью принадлежало Денетору^[366].

Однако в связи с повествованием «*Властелина Колец*» следует заметить, что сверх и выше этого переданного права, даже

унаследованного, любой «наследник Элендила» (то есть, признанный потомок, занимающий трон или пост правителя в н́уменóрских владениях по праву происхождения) имел **право** пользоваться любым из Палантúров. По этому закону Арагорн заявил свои права на Ортанкский Камень, так как тот не имел тогда владельца или хранителя; а также потому, что он был **де юре** законным Королем и Гондора, и Арнора, и мог при желании с полным правом вернуть себе все розданные ранее привилегии.

«Учение о Камнях» ныне забыто и может быть восстановлено лишь частично путем догадок и из того,

что было записано о них. Это были совершенные сферы, в состоянии покоя казавшиеся сделанными из матового стекла или хрусталя глубокого темного цвета. Самые маленькие из них были в диаметре около фута [\[368\]](#), но иные, как Камни Оспиата {Osgiliath} и Амона Сûл, были много больше, и одному человеку было не под силу поднять их. Изначально они были помещены на постаменты, сообразные их размеру и предполагаемому использованию, и установлены на низкие круглые столы из черного мрамора с углублением в центре, в котором при необходимости можно было вращать их рукой. Они были

очень тяжелые, но совершенно гладкие, и случайное или злонамеренное падение со стола не причиняло им никакого вреда. В действительности люди не могли испортить их никаким образом, хотя некоторые считали, что от величайшего жара, такого, как жар Ородруина, они могли разбиться, и предполагали, что такая судьба постигла Итильский Камень при падении Барад-дûра.

Хотя на поверхности Камней не было никаких отметок, у них были постоянные *полюса*, и изначально Камень помещался в своем ложе так, чтобы он стоял «прямо»: ось между полюсами должна была быть

направлена к центру земли, и внизу должен был находиться постоянный нижний полюс. Поверхность сферы Палантíра, установленного в таком положении, была смотровой, принимавшей образы извне и передававшей их глазу «наблюдателя» на противоположной стороне. Таким образом, наблюдатель, желавший посмотреть на запад, должен был встать к востоку от Камня, а если он хотел перенести взгляд на север, ему следовало двигаться влево, к югу. У малых же Камней, Ортанкского, Итильского, Анорского и, вероятно, Аннúминасского было также и постоянное положение, изначальная

установка, так что, к примеру, западная их поверхность могла смотреть только на запад, а будучи повернутой в другую сторону, оставалась пустой. Если Камень снимали с пьедестала или сдвигали, его можно было настроить заново путем наблюдения, и тогда полезно было вращать его. Но если Камень был снят и сброшен вниз, как это случилось с Ортанкским Камнем, правильно установить его было нелегко. Поэтому, «чистая случайность», как это называют люди (сказал бы Гэндальф), что Перегрин, играясь с Камнем, должно быть, установил его на земле более-менее «прямо», и, сидя к западу от

него, повернул постоянную поверхность, смотревшую на восток, в нужное положение. Большие Камни не имели постоянных положений: их можно было вращать, и они все равно могли «смотреть» во все стороны. [\[368\]](#)

Одиночный Палантёр мог только «видеть»: звука они не передавали. Без направления руководящего ума они были неуправляемы, и «видения» их были (по крайней мере, с виду) случайными. С большой высоты их западная поверхность, например, могла смотреть на очень большие расстояния, искажая и затуманивая картину по краям, а передний план закрывали вещи, уходящие вдаль, все

более теряя четкость. То, что они «видели», также прояснялось или затуманивалось случайно, из-за темноты или «затенения» (см. ниже). Видение Палантíра не «заслоняли» телесные препятствия, а только темнота; поэтому он мог смотреть *сквозь* гору, равно как и *сквозь* тень или тьму, но он не мог увидеть ничего, на что не падает какой-либо свет. Камни могли смотреть сквозь стены, но ничего не видели в комнатах, пещерах или пустотах, если там не было какого-либо освещения; сами же они не могли давать или передавать свет. Можно было укрыться от их зрения посредством того, что называлось

«затенение»; вследствие его отдельные предметы или целые пространства были видны в Камне лишь как тень или густой туман. Как это делалось теми, кто знал о Камнях и о возможности быть увиденным в них — одна из утерянных загадок Палантíров^[369].

Смотрящий мог своей волей заставить зрение Камня *сосредоточиться* на чем-либо, лежащем на одной линии с его глазом и центром поверхности Камня или рядом с ней.^[370] Неуправляемые «видения» были маленькими, особенно в малых Камнях, хотя и делались значительно крупнее для глаза наблюдателя,

отходившего на некоторое расстояние от поверхности Палантіра (наилучшим расстоянием было около трех футов). Но под управлением воли умелого и сильного наблюдателя дальние предметы могли укрупняться, придвигаться ближе и ближе, тогда как их окружение почти полностью исчезало. Так человека на значительном расстоянии можно было увидеть, как маленькую фигурку не больше полудюйма [\[372\]](#)ii в высоту, трудно различимую среди пейзажа или скопления других людей; но сосредоточение могло укрупнить и прояснить видение так, что человек становился различим

четко, хотя и в уменьшенном виде, как изображение в фут или больше высотой, и человека можно было узнать, если он был знаком наблюдателю.

Мощное сосредоточение могло даже увеличить подробности, интересовавшие наблюдателя, так что он мог разглядеть, например, нет ли у этого человека кольца на пальце.

Но это сосредоточение очень утомляло и могло отнять все силы. Его применяли лишь тогда, когда сведения были крайне необходимы, и случай — подкрепленный, быть может, данными из других источников — позволял наблюдателю отметить какие-то

детали, важные для него и его наблюдения, в неупорядоченных видениях Камня. Например, Денетор, сидя перед Анорским Камнем, тревожился о Рохане и раздумывая, отдать или не отдавать приказ зажечь маяки и выслать «стрелу», мог встать на прямую линию, глядя через Камень на запад-северо-запад в Рохан, минуя Эдорас, к Изенским {Isen} Бродам. В то время в этом направлении были видны большие скопления людей. Таким образом, он мог сосредоточиться, скажем, на какой-то группе, узнать в них Всадников, и, наконец, разглядеть фигуру, знакомую ему: например, Гэндальфа,

который скакал с подкреплением к Хельмовой Пади, но вдруг отвернул и помчался на север. [\[372\]](#)

Палантúры сами не могли проникать в мысли людей, вопреки желанию тех или без их ведома; ибо передача мыслей зависела от *воли* владельцев Камней по обе стороны, и мысли, воспринимавшиеся в виде речи, [\[373\]](#) передавались от одного Камня к другому по взаимному согласию.

Индекс

Этот индекс, как говорится во Введении, покрывает не только сами тексты, но также и Примечания и Приложения, поскольку в них встречается также большое количество оригинального материала. Вследствие этого изрядное количество ссылок является тривиальными, но я счел более полезным, и это, безусловно, легче, стремиться к полноте. Намеренные исключения крайне редки (такие, как *Моргот*, *Ну́менор*), а также нет здесь статей об *Эльфах*, *Людах*, *Орках* и *Средиземье*.

Звездочкой отмечены имена и названия, не встречающиеся в опубликованных работах отца; звездочки проставлены также против перечисленных в сноске к стр. 261-2 названий, отмеченных на карте Средиземья мисс Полин Бэйнс). Краткие пояснения не ограничиваются вещами, упомянутыми в этой книге; кое-где я добавил также замечания о значении доселе не переведенных имен.

Этот индекс не претендует на полноту представления, но этот его недостаток отчасти можно простить, приняв во внимание наложение и ветвление имен и названий, вариации переводов, частичные

переводы, имена и названия, которые относятся к одному и тому же, но означают разное, из-за чего достигнуть такой полноты в высшей степени сложно или невозможно: это можно заметить из такого, например, перечисления:

Эйленаэр, Халифириэн, Амон Анвар, Анвар, Анварская гора, Гора Трепета, Анварский лес, Фириэнхольт, Фириэнский лес, Шепчущийся лес.

Как правило, переводы эльфийских имен и названий я приводил в статье об эльфийском названии (как *Долгий Берег* — в статье об *Анфаласе*), но отходил от этого правила в тех отдельных случаях, когда перевод используется значительно чаще и

гораздо более знаком (как, например, *Лихолесье*, *Изенгард*).

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА: во многих статьях индекса к тексту Кристофера Толкиена я добавил свои этимологические изыскания, показавшиеся мне представляющими интерес. В тексте они заключены в символы //. Символ → означает переход формы слова от более древней к более поздней. Вертикальной чертой | отделяется равновозможный вариант окончания слова. Подчеркну, что я не считаю, что Толкиен сознательно производил свои слова от тех этимологий, которые я нашел — за исключением

тех случаев, где такой ход мысли Толкиена явно очевиден, поскольку эти этимологии практически лежат на поверхности, или тех случаев, о которых где-либо прямо говорится, что так оно и было. Я лишь склонен считать, что эти толкиеновские слова имеет некоторый смысл рассматривать в контексте этих этимологий. См. мою работу «О некоторых околокаббалистических изысканиях в Книгах Дж. Толкиена», в которой рассматриваются возможные древне-еврейские этимологии имен и топонимов в Книгах Толкиена и объясняются некоторые идеологические моменты моего подхода к таким вопросам. Я

не то, чтобы принимаю все это всерьез; я просто оставляю возможность и для такого толкования везде, где оно, по моему мнению, может расширить понимание. Как минимум, мои замечания могут помочь представить себе восприятие толкиеновских имен человеком, который знаком с теми языками, с которыми был знаком сам Толкиен.

Следует, вероятно, заметить, что язык, который Кристофер Толкиен называет «англо-саксонским», есть тот же, что в литературе, которой пользовался я, именуется «древне-английским» {Old English}. Старо-английский язык — это тот, что в ней именуется Modern English.

Термины, заключенные в кавычки, являются производными или ассоциативно связанными с рассматриваемым. Вероятнее всего, их можно найти в текстах «Неоконченных Сказаний» и в данном индексе — особенно, если стоит указание «см». Впрочем, здесь возможна путаница со словами, которые Кристофер Толкиен выделил курсивом по другим причинам — так как причины эти мною могли быть неверно истолкованы. Желаю успеха.

В этой работе я пользовался «Хрестоматией по истории английского языка» и словарем к ней, а также «An etymological dictionary of the Gaelic language»

Александра МакБейна.

*Ahan {Aghan}

Дру^т (дрúадан) из сказки
«Верный Камень».

*Аваллónэ {Avallónë}

Гавань Эльдара на Толе Эрессэа.

Авари {Avari}

Эльфы, отказавшиеся
присоединиться к Великому Походу
от Куйви́энена; ед.ч. «авар» //мн.ч.
«авары»//.

Агарваэн {Agarwaen}

«Запятнанный кровью», имя,
взятое Түрином по приходе в
Нарготронд.

*Агатуруш {Agathurush}

Адûнайский перевод названия

«Гватлó».

Агларонд {Aglarond}

«Сверкающая Пещера» в Хельмовой Пади в Эреде Нимрайс; название употреблялось также применительно к крепости, более узко называвшейся Горнбург, которая стояла при входе в Хельмову Падь.

Аданэдель {Adanedhel}

«Человек-Эльф». Имя, данное Түрину в Нарготронде.

Адорн {Adorn}

Приток реки Изен, образующий западную границу Рохана. (Название <<по форме подходит для синдарина, но не переводится на этот язык. Можно предположить, что оно — донүменóрского происхождения,

переименованное на синдаринский лад.>>>)

*Адрахиль {Adrahil}

(1) Командующий силами Гондора в войне против кибитников в год 1944 Третьей Эпохи; звался «Дол-Амротским» и был, вероятно, предком Адрахила (2).

(2) Князь Дол-Амрота, отец Имрахила.

Адûнайский {Adûnaic}

Нúменóрский язык.

Азаhâл {Azaghâl}

Правитель Гномов Белегоста; ранил Глаурунга в Нирнаэте Арноэдиад, и был им убит.

Азанулбизар {Azanulbizar}

Долина под Восточными

Вратами Мории, где в год 2799
Третьей Эпохи произошла великая
битва, окончившая войну Гномов и
Орков.

Азог {Azog}

Морийский орк; убийца Трора,
павший от руки Даина
Железноногого в Битве при
Азанулбизаре.

*Айвендил {Aiwendil}

«Птицелюб», квенийское имя
Волшебника Радагаста.

*Айлинэль {Ailinel}

Старшая из сестер Тар-
Алдариона. //Возможна связь с ирл.
aílean «зеленый» или aílle
«красивый».

Акаллабêт {Akallabêth}

«Низвергнутый», Ну́менор.

*Алатар {Alatar}

Один из Синих Волшебников
(Итрин Луин).

Ал(а)та́риэль {Al(a)táriel}

«Дева со сверкающим венцом»

(см. Приложение к
«Сильмариллиону», статья «Кал-»),
квенийская и тэлеринская форма
имени Галадриэли.

*Алгунд {Algund}

Человек из Дор-Лóмина, член
шайки разбойников (Гаурвайта), к
которой пристал Түрин.

Алдарион {Aldarion}

См. «Тар-Алдарион».

Алдор {Aldor}

Третий Король Рохана, сын

Брего сына Эорла Юного. //Aldor (→ alder) = ealdor, от eald → eld, old; «старый, старший, старейший».

*Альдбург {Aldburg}

Поселение Эомера в Фолде (Рохан), где стоял дом Эорла Юного. //От ald (→ old «старый») и burg|rh → burgh|o, borwe → «поселение, обнесенное изгородью, городище; крепость, замок, город, окруженный стеной». Ср. нем. Burg «замок».

*Алмариань {Almarian}

Дочь нýменóрского мореплавателя Веантура, Королева при Тар-Менельдуре и мать Тар-Алдариона.

Альквалондэ {Alqualondë}

«Лебединая Гавань», главный

город и гавань Тэлери на побережье
Амана.

*Альмиэль {Almiel}

Младшая из сестер Тар-
Алдариона.

альфирин {alfirin}

Маленький белый цветок,
называемый также уйлос и
симбельмине (вечная память). О
применении этого названия к
другому цветку см. стр. 316.

Аман {Aman}

«Благословенный, свободный от
зла», страна Валар на запредельном
Западе. Также Благословенный Край,
Благословенная Страна.
«Неувядающие Земли».

Амандил {Amandil}

(1) См. «Тар-Амандил».

(2) Последний Правитель

Андúниэ, отец Элендила Высокого.

*Амдúр {Amdír}

Король Лóриэна, павший в Битве на Дагорладе; отец Амрота. «Малгалад».

*Амон Анвар {Amon Anwar}

Синдаринское название Халифириэна, седьмого из маяков Гондора на Эреде Нимрайс. В переводе — Гора Трепета, частичный перевод: Анварская гора; также просто Анвар. «Эйленаэр», «Халифириэн», «Анварский Лес».

*Амон Дартир {Amon Dathir}

Пик в хребте Эред Вэтрин к югу от Дор-Лóмина.

Амон Дûн {Amon Dîn}

«Молчаливая Гора», первый из маяков Гондора на Эреде Нимрайс.

*Амон Ланк {Amon Lanc}

«Голая Гора» к югу от Зеленолесья Великого, впоследствии называвшаяся Дол-Гулдур.

Амон Обель {Amon Obel}

Гора в Бретильском Лесу, на которой был выстроен Эфель Брандир.

Амон Рûд {Amon Rûdh}

«Лысая Гора», одинокая вершина в землях к югу от Бретиля; жилище Мûма и логово разбойничьей шайки Тûрина. «Шарбхунд».

Амон Сûл {Amon Sûl}

«Ветряная Гора», круглая голая
высота на южной оконечности
Заветерных Гор в Эриадоре. В Брее
называлась Заветерью.

Амон Уйлос {Amon Uilos}

Синдаринское название

Ойолоссэ.

Амон Эреб {Amon Ereb}

«Одинокая Гора» в Восточном
Белерианде.

Амон Этир {Amon Ethir}

Огромный курган, насыпанный
Финродом Фелагундом к востоку от
Дверей Нарготронда. В переводе —
«Дозорная Гора».

Амрот {Amroth}

Синдарский эльф, Король
Лóриэна, влюбленный в Нимродэль;

утонул в Заливе Белфалас. Страна Амрота — побережье Белфаласа возле Дол-Амрота. «Гавань Амрота» см. «Эдельлонд». // Возможна связь с ирл. amhra «прекрасный».//

Анар {Anar}

Квенийское название Солнца. // Вероятно, неслучайно созвучие с ирл. poir «восток»; ср. ирл. apoir, др. — ирл. anaír «спереди» — ирландский мир был сориентирован по восходящему солнцу.//

*Анардил {Anardil}

Данное имя {given name} Тар-Алдариона; с ласкательным суффиксом — Анардилья. [Шестого Короля Гондора тоже звали

Анардил.]

Ана́рион {Anárion}

(1) См. «Тар-Ана́рион».

(2) Младший сын Элендила, который вместе с отцом и братом Исилдуром спасся от Затопления Ну́менора и основал в Средиземье Ну́менорские владения в изгнании; правитель Минаса Анор; пал при осаде Барад-дúра. «Наследник Ана́риона».

Анах {Anach}

Перевал, ведущий из Таура-ну-Фуин (Дортониона) на западном краю Эреда Горгорот.

*Анвар {Anwar}

См. «Амон Анвар».

*Анварская Гора, *Гора Трепета

{Hill of Anwar, Hill of Awe}

См. «Амон Анвар».

*Анварский Лес {Wood of Anwar}

См. «Фириенский Лес», «Амон Анвар».

Ангбанд {Angband}

Великая крепость Моргота на северо-западе Средиземья. «Осада Ангбанда».

*Ангелимар {Angelimar}

Двенадцатый Князь Дол-Амротский, дед Имрахия.

Англахель {Anglachel}

Меч Белега. «Гуртанг».

Ангмар {Angmar}

Чародейское государство,
которым правил Предводитель

Назгûла, на северной оконечности
Мглистых Гор.

*Ангрен {Angren}

Синдаринское название Изена
(также Cûr Ангрен — река Изен).
«Атрад Ангрен».

Ангреност {Angrenost}

Синдаринское название
Изенгарда.

Анград {Angrod}

Нолдорский князь, третий сын
Финарфина; пал в Дагор Браголлах.

*Андраст {Andrast}

«Долгий Мыс», гористый мыс
между реками Изен и Лефнуи. «Рас
Мортиль», «Друвайт Иаур».

*Андрат {Andrath}

«Долгий Подъем», ущелье

между Могильниками и Южным Пригорьем, через которое шел Северо-Южный Тракт (Зеленый Путь).

*Андрóг {Andróg}

Человек из Дор-Лóмина, вожак [\[374\]](#) шайки разбойников (Гаурвайт), к которой присоединился Тύрин.

Андрот {Androth}

Пещеры в Митримских горах, где Туор жил с Серыми эльфами, а после — одиноким бродягой.

Андуин {Anduin}

«Долгая Река» к востоку от Мглистых Гор; также Река, Великая Река. Часто в сочетании «Андуинские|ая Долины|а». «Этир Андуин», «Долготок».

Анду́ниэ {Andúnië}

«Закат», город и гавань на западном побережье Ну́менора. «Залив Андúниэ», «Правитель|и Андúниэ».

*Андустар {Andustar}

Западный мыс Ну́менора. В переводе — «Западные Земли». «Госпожа Западных Земель», Эрендис.

Анкалимэ {Ancalimë}

См. «Тар-Анкалимэ». Также имя, данное Алдарионом дереву с Эрессэа, которое он посадил в Арменелосе.

Аннатар {Annatar}

«Владыка Даров», имя, взятое Сауроном во Вторую Эпоху.

«Артано», «Аулендил».

Аннаэль {Annael}

Серый эльф из Митрима,
приемный отец Туора.

Аннон-ин-Гэлид {Annon-in-Gelydh}

Проход подземным руслом реки
в горах на западе Дор-Лóмина,
который выводил в Кири́т Нинниах.
В переводе «Врата Нолдора».

Аннóминас {Annúminas}

«Башня Запада», древний
престол Королей Арнора возле озера
Ненуйял; впоследствии восстановлен
Королем Элессаром.

Анóриэн {Anórien}

Местность в Гондоре к северу от
Эреда Нимрайс.

Анорский Камень {Anor-stone,
Stone of Anor}

Палантíр Минаса Анор.

Анфалас {Anfalas}

Лен Гондора; береговая
местность между устьями рек
Лефнуи и Мортонд. В переводе на
вестрон «Долгое Взморье».

Анфауглит {Anfauglith}

Название равнины Ард-Гален
после ее опустошения Морготом в
Дагор Браголлах. //С этим названием
примечательно созвучно кельтское
слово anfhann «слабый», ирл.
anbhfann, ср. — ирл. anbfann, anband
(sic!).//

*Ар-Абаттâрик {Ar-Abattârik}

Адûнайское имя Тар-Ардамина.

Ар-Адунахор {Ar-Adûnakhor}

Двадцатый Правитель

Нúменóра, по-квенийски звавшийся
Тар-Херунúмен.

*Ар-Белзагар {Ar-Belzagar}

Адúнайское имя Тар-Калмакила.

Ар-Гимилзôр {Ar-Gimilzôr}

Двадцать третий Правитель

Нúменóра, по-квенийски звавшийся
Тар-Телемнар.

Ар-Зимратон {Ar-Zimrathon}

Двадцать первый Правитель

Нúменóра, по-квенийски звавшийся
Тар-Хостамир.

Ар-Зимрафель {Ar-Zimraphel}

Адúнайское имя Тар-Мúриэли.

Ар-Инзиладûн {Ar-Inziladûn}

Адúнайское имя Тар-Палантира.

Ар-Фаразôn {Ar-Pharazôn}

Двадцать пятый и последний
Правитель Нúменóра, погибший в
Низвержении; по-квенийски звался
Тар-Калион.

Арагорн {Aragorn}

Тридцать девятый Наследник
Исилдура по прямой линии; Король
воссоединенных владений Арнора и
Гондора после Войны Кольца;
женился на Арвен, дочери Элронда.
См. «Элессар», «Эльфийский
Камень», «Бродяжник», «Торонгил».

Аранвэ {Aranwë}

Гондолинский эльф, отец
Воронвэ. «Аранвион», сын Аранвэ.

*Арандор {Arandor}

«Королевские Земли» Нúменóра.

*Арандур {Arandur}

«Слуга Короля, управитель»,

квенийское слово, которым
назывались Наместники Гондора.

Аранру́т {Aranrúth}

«Королевский Гнев», меч

Тингола.

Аратан {Aratan}

Второй сын Исилдура, павший в
Ирисных Низинах.

Арвен {Arwen}

Дочь Элронда и Келебриани;
вышла за Арагорна; Королева
Гондора.

Арвэдуи {Arvedui}

«Последний Король»

Артэдайна, утонул в Заливе
Форохел.

Арда {Arda}

«Владение, Край», название Земли как Королевства Манвэ. // Одними из самых напрашивающихся этимологий являются связи с ирл. áird «приготовление, деятельность», и áirde «высота» (ср. лат. arduus, гр. òrdós). Стоит также вспомнить широкий ряд германских слов Erde, earth, erdh, означающих «земля», и арабское слово 'ард «Земля».

Аркенстон {Arkenston}

Огромный драгоценный камень
Одинокой Горы.

Арменелос {Armenelos}

Город Королей в Нýменóре.

Арминас {Arminas}

Эльф-нолдор, который с

Гельмиром встретил Туора близ
Аннона-ин-Гэлид и впоследствии
ходил в Нарготронд предупредить
Ородрета о грозящей ему опасности.

Арнор {Arnor}

Северные владения нúменóрцев
в Средиземье. «Северное
Королевство», «Северные Владения».

Арос {Aros}

Река на юге Дориата.

*Аррох {Arroch}

Конь Хúрина Дор-Лóминского.

Артамир {Artamir}

Старший сын Ондохера Короля
Гондорского; пал в битве с
кибитниками.

*Артанис {Artanis}

Имя, данное Галадриэли ее

ОТЦОМ.

*Артано {Artano}

«Высокий Кузнец», имя, взятое
Сауроном во Вторую Эпоху.
«Аннатар», «Аулендил». //Кельтск.
artan «камень».

*Артóриэн {Arthórien}

Местность между реками Арос
и Келон на востоке Дориата.

Артэдайн {Arthedain}

Одно из трех королевств, на
которые разделился Арнор в девятом
веке Третьей Эпохи; находился между
рек Барандуин и Л'ûн, простираясь
на восток к Заветерным горам, со
столицей в Форносте.

Арэдель {Aredhel}

Сестра Тургона, мать Маэглина.

*Асгон {Asgon}

Человек из Дор-Лóмина,
который помог Тóурину бежать после
убийства Бродды.

Атанамир {Atanamir}

См. «Тар-Атанамир».

Атанатар Алькарин {Atanatar
Alcarin}

(«Прославленный»),
шестнадцатый Король Гондора.

Атани {Atani}

Люди Трех Домов Друзей
Эльфов. Ед.ч. «атан» (синдарин.
«Эдайн», ед.ч. «адан» //мн.ч.
«аданы»//).

*Атрад Ангрен {Athrad Angren}

Синдаринское название
Изенских Бродов (также в мн.ч.

«Этрайд Энгрин») //Синдаринское слово athrad «брод» вполне созвучно ирл. áth «брод».

Ауле {Aulë}

Один из великих Валаров, кузнец и искусник, супруг Яванны. «Дети Ауле», Гномы.

*Аулендил {Aulendil}

«Слуга Ауле», имя взятое Сауроном во Вторую Эпоху. «Аннатар», «Артано».

*аэглос {aeglos}

«Снежный шип», растение, которое росло на Амоне Рûд.

Аэглос {Aeglos}

Копье Гил-Галада (значение слова то же, что и выше). //Вполне возможна связь с шотл. aiglet,

означавшим «драгоценность на шапке», и фр. *aiguille* «игла»./

Аэгнор {Aegnor}

Нолдорский князь, четвертый сын Финарфина; пал в Дагор Браголлах. //Возможна связь с ирл. *aígne* «быстрый, скорый»./

Аэлин-Уйял {Aelin-uial}

Болотистая и озерная местность, где река Арос впадала в Сирион. В переводе — «Сумеречные Озерья». //Возможна и здесь связь с ирл. *aílleán* «зеленый»./

Аэрин {Aerin}

Родственница Хурина в Дор-Лóмине; была взята в жены Броддой Истерлингом; помогала Морвен после Нирнаэта Арноэдиад.

Багровое Око {Red Eye}

Эмблема Саурона

Балар, Залив {Balar, Bay of}

Большой залив на юге

Белерианда, в который впадала река Сирион.

Балар, Остров {Balar, Isle of}

Остров в Заливе Балар, где жили Кúрдан и Гил-Галад после Нирнаэта Арноэдиад.

Балин {Balin}

Гном из Дома Дарина; спутник Торина Дубощита, впоследствии на краткое время Правитель Мории.

Балроги {Balrogs}

См. «Готмог».

Балхот {Balchoth}

Племя истерлингов, родственное кибитникам, чье нашествие на Каленардон в Третью Эпоху было остановлено в Битве на Поле Келебранта. //Возможна связь с ирл. *bals* «дурное дело», а также *balsach* — «косолапый».

Бар-эн-Данвед {Bar-en-Danwedh}

«Дом Выкупа», название, которое Мûм дал своему жилищу на Амоне Рûд, уступив его Тûрину. См. «Эхад-и-Седрин».

*Бар-эн-Нибин-ноэг {Bar-en-Nibin-noeg}

«Дом Гномов-Карликов», жилище Мûма на Амоне Рûд. //

Возможно, «нибин» — от кельтск. naoidhean «дитя»: ирл., др. — ирл. nóidiu, Р.П. nóiden: от гипотетич. *ne-vid- «неразумный»(?)//

Барагунд {Baragund}

Отец Морвен жены Хурина; племянник Барахира и один из двенадцати его товарищей по Дортониону.

Барад Эйтель {Barad Eithel}

«Башня Источника», крепость Нолдора в Эйтеле Сирион.

Барад-дур {Barad-dûr}

«Темная Башня» Саурана в Мордоре. «Владыка Барад-дûра», Саурон.

Барандуин {Baranduin}

«Длинная золотисто-коричневая

река» в Эриадоре, называвшаяся в Шире Брендивайн. «Брендивайн», «Брендивайнский Мост», «Река».

*Барах {Barach}

Охотник из Народа Халет из сказки «Верный Камень».

Барахир {Barahir}

Отец Берена; спас Финрода Фелагунда в Дагор Браголлах, и получил от него в дар его кольцо; пал в Дортонионе. «Кольцо Барахира».

*Бар Эриб {Bar Erib}

Крепость в Дор-Кýартоле, недалеко к югу от Амона Rûd. // Возможно, от кельтск. eirbhe «вал или стена, отгораживающая поле».

Бауглир {Bauglir}

«Душитель», имя Моргота.

Башенные горы {Tower Hills}

См. «Эмин Берайд».

Бдительный Мир {Watchful

Peace}

Период, длившийся с 2063 г.

Третьей Эпохи, когда Саурон покинул Дол-Гулдур, по 2460, когда он вернулся.

Бегущая {Running, River}

См. «Келдуин».

Белая Госпожа {White Lady}

(1) См. «Галадриэль».

(2) «Белая Госпожа Эмериэ», см.

«Эрендис».

Белег {Beleg}

Дориатский эльф; великий

лучник, начальник пограничной стражи Тингола; друг и спутник

Тúрина, от руки которого погиб. // Несомненно интересной покажется связь с ирл. beilleag «береста».

Белегаэр {Belegaer}

«Великое Море» Запада между Средиземьем и Аманом. «Великое Море», во многих местах называется просто «Море».

Белегост {Belegost}

Один из двух городов гномов в Синих Горах.

Белегунд {Belegund}

Отец Рúан жены Хуора; племянник Барахира и один из двенадцати его товарищей по Дортониону.

Белерианд {Beleriand}

Земли к западу от Синих Гор в

Былые Дни {Elder Days}.
«Восточный Белерианд»
(отделенный от Западного
Белерианда рекой Сирион). «Язык
Белерианда», см. «Синдарин».
«Первая Битва Белерианда».

Белое Древо {White Tree}

(i) Валинóра, см. «Телперион»;

(ii) Тола Эрессэа, см. «Келеборн 1»;

(iii) Ну́менóра, см. «Нимлот 1».

Белое Кольцо {White Ring}

См. «Ненья».

Белфалас {Belfalas}

Лен Гондора; побережье
огромного одноименного залива.
«Залив Белфалас».

Белые Горы {White Mountains}

См. «Эред Нимрайс».

*Белый Посланник {White
Messenger}

Саруман.

Белый Совет {White Council}

Совещания «Мудрых»,

собиравшиеся время от времени с
2463 г. Третьей Эпохи по 2953;
обычно называются «Совет». О более
раннем Совете Мудрых, также
называвшемся «Белым Советом», см.
стр. 239-40, 254.

Беор {Beor}

Вождь первых людей,
вступивших в Белерианд,
прародитель Первого Дома Эдайна.
«Народ, Дом Беора», «Беориды». //
Многих, возможно, порадует
вероятная этимология этого имени

от ирл. слова beór, происходящего от англо-сакс. beór, ср. норв. bjórr, англ. beer «пиво». Менее впечатляющей, но также примечательной является этимология от ирл. beur, beurra — «заостренный, острый, чистый».

Беорнинги {Beornings}

Люди верховьев Андунских Долин. // В принципе считается общеизвестной связь этого имени с англ. словом bear «медведь»; возможно, менее известно, что праоснова этого слова, как предполагают ученые, кельтская.

*Берегар {Beregarr}

Человек из Западных Земель Нуменора, потомок дома Беора; отец Эрендис.

Берен {Beren}

(1) Человек из Дома Беора, вырезавший Сильмарилл из короны Моргота, единственный смертный, воскресший из мертвых. После возвращения из Ангбанда звался «Эрхамион», в переводе — «Однорукий»; а также «Камлост» — «Пустая Рука». // Несомненно, интересной — и тем более, что у Толкиена я пока не встречал никаких объяснений этого имени — покажется связь его с ирл. глаголом *beir*, «братъ, ловить» (осн. ф. *beirim*), др. — ирл. *berim*, братъ, принимать; от индо-европейской основы *bher*, откуда и лат. *fero*, гр. *férw*, англ. *bear*, «нести».

(2) Девятнадцатый Правящий Наместник Гондора, передавший ключи от Ортанка Саруману.

*Берет {Bereth}

Сестра Барагунда и Белегунда, прародительница Эрендис.

Беру́тиэль {Berúthiel}

Королева при Таранноне Фаластуре, двенадцатом Короле Гондора

Бильбо Бэггинс {Bilbo Baggins}

Хоббит из Ши́ра, нашедший Единое Кольцо. См. «Бэггинс».

Бирюк, Селянин {Maggot, Farmer}

Хоббит из Ши́ра, живший в Чети возле Зайгородского Парома.

Битва на Гватло́ {Battle of the

Gwathló}

Атака нúменóрцев на Сауона в
1700 г. Второй Эпохи.

Битва на Дагорладе {Battle of
Dagorlad}

См. «Дагорлад».

Битва на Пеленноре(ских полях)
{Battle of the Pelennor (Fields)}

См. «Пеленнор».

Битва на Поле Келебранта
{Battle of the Field of Celebrant}

См. «Поле Келебранта».

Битва при Азанулбизаре {Battle
of Azanulbizar}

См. «Азанулбизар».

Битва при Горнбурге {Battle of
Hornburg}

Нападение на Горнбург армии

Сарумана в ходе Войны Кольца.

Битва при Доле {Battle of Dale}

Битва Войны Кольца, в которой северная армия Саурона разбила дольцев и гномов Эребора.

*Битва на Равнинах {Battle of the Plains}

Поражение Нармакила II Гондорского от кибитников в землях к югу от Лихолесья в 1856 г. Третьей Эпохи.

Битва при Стоянке {Battle of the Camp}

Победа Эарнила II Гондорского над кибитниками в Итилиэне в 1944 г. Третьей Эпохи.

Битвы на Изенских Бродах {Battle of the Fords of Isen}

Две битвы, произошедшие в ходе Войны Кольца между Всадниками Рохана и войсками Сарумана из Изенгарда.

Благословенный Край {Blessed Realm}

См. «Аман».

Ближний Харад {Near Harad}

См. «Харад».

Боромир {Boromir}

Старший сын Денетора II, Наместника Гондора; один из Хранителей Кольца. //Считается общепринятой этимологи этого имени от синдаринск. «бором-» (квен. «ворон-») — «стойкий, крепкий» — и квен. «мíрэ» — «(драгоценный) камень».

*Борондир {Borondir}

Прозванный «Удалраф»,

«Безстреманный»; всадник из
Минаса Тирит, принесший Эорлу
послание Кириона с просьбой о
помощи.

Боронный Дол {Narrowdale}

Долина в верховье Снежицы под
стенами Дун-Борони.

Браголлах {Bragollach}

См. «Дагор Браголлах». //

Синдаринское название этой битвы
Толкиен переводит как «Битва
Внезапного Пламени»: «браг-»,
вполне созвучно с ирл. bragh «взрыв,
грохот»; ср. лат. fragor «треск,
грохот»; «-лах» — с кельтск. корнем
las «зажигать», ср. валл. llachar

«сверкающий».

Бранд {Brand}

Третий Король Дола, внук Барда Лучника; пал в Битве при Доле.

Брандир {Brandir}

Правитель Народа Халет в Бретице во время прихода Түрина Турамбара, от руки которого пал. Прозван Түрином «Колченогом». // Корень brand в германских языках связан с огнем, углями: нем. brand — «огонь».

Брего {Brego}

Второй Король Рохана, сын Эорла Юного. //Brego — возможно, от brægen, bregun → англ. brain: «мозг, ум».

Бреголас {Bregolas}

Брат Барахира и отец Барагунда
и Белегунда.

Брегор {Bregor}

Отец Барахира и Бреголаса. «Лук
Брегора», сохранялся в Ну́менóre.

Брей {Bree}

Главное селение Брейской
округи на перекрестке ну́менóрских
дорог в Эриадоре. «Люди Брея»;
«Хоббиты Брея». //В

«Комментариях» М.Каменкович и
В.Каррика дается этимология этого
названия от валлийского слова
«гора» (ср. также ирл. brígh
«сердцевина, сущность, суть; сила,
власть», др. — ирл. bríg, валл. brí
«величие, высота», корн. bry, брет. brí
«уважение», греч. briarós «сильный,

могучий», и т. д.); мне также не представляется невозможной связь этого названия с шотл. bree, brie «варево, напиток; пиво, спиртное».

Брендивайн {Brandywine}

См. «Барандуин»

Бретиль {Brethil}

Лес между реками Тэйглин и Сирион в Белерианде, место проживания народа Халет. «Люди Бретиля»; см. также «Лесовики». «Черный Шип Бретиля», см. «Гуртанг».

Бритиах {Brithiach}

Брод через Сирион к северу от Бретильского Леса.

Бритомбар {Brithombar}

Самая северная из Гаваней

Фаласа на побережье Белерианда.

Бритон {Brithon}

Река, впадавшая в Великое Море
под Бритомбаром.

Бродда {Brodda}

Истерлинг, живший в Хитлуме
после Нирнаэта Арноэдиад и
взявший в жены Аэрин,
родственницу Хурина; убит
Турином. Звался «Пришлец». //
Интересна этимология от ирл. brod
«стрекало, бодец (то, чем погоняют
скот)», ср. брет. broddos, норв. broddr
«жало», англо-сакс. brord «жало».

Бродяжник {Strider}

Имя Арагорна в Брее.

Бруинен {Bruinen}

Река в Эриадоре, вместе с

Митэйтелем приток Гватлó; в переводе — «Гремячая». «Бруиненский Брод», под Раздоллом. //Вероятно, от кельтского bruaich «берег»: ирл. и др. — ирл. bruaich. Существует также корень bru «разлив». Также возможна — и даже вероятна — этимология от слова bruaís «разбивать на куски».

буролапы {Fallohides}

Одно из трех племен, на которые делились хоббиты, описано в Прологе (I) к «Властелину Колец». //Свой перевод я аргументирую следующим образом: fallow — «П коричневато-желтый, красновато-желтый»; hide «I 1. 1) шкура, кожа» — пресловутый словарь Миллера.

Усматривать в этом слове связь с шотландским диалектизмом fallow («fellow» «парень, приятель») мне представляется излишним ввиду сравнительно малого количества слов из этого языкового пласта у Толкиена.//

Бурые Земли {Brown Lands}

Пустынная местность между Лихолесьем и Эмином Муйл.

Бэггинс {Baggins}

Семья хоббитов в Шире. Может относиться к Бильбо Бэггинсу.

Валакар {Valacar}

Двадцатый Король Гондора, женитьба которого на северянке Видумави привела к гражданской Междоусобной войне.

Валандил {Valandil}

(1) Сын Сильмариэни; первый Правитель Андúниэ. «Жена Валандила».

(2) Младший сын Исилдура; Третий Король Арнора.

Валары {Valar}

Силы, правящие Ардой. (Ед.ч. «Вала») «Владыки Запада»; «Силы».

//В отличие от других существительных, имеющих

собира́тельное (по Н.Мартч — мультиплексное) множественное число — таких, как Эдайн, Нолдор, Рохиррим, Тэлери — Валары в моем переводе формы этого числа не имеют, так как число их известно и постоянно; но, в отличие от тех же существительных, Валары (равно как и Майары, которые, однако, имеют форму собира́тельного множественного числа «Майар») при употреблении в обычном множественном числе все равно пишутся с заглавной буквы (аданы, нолдоры, рохирримы, тэлеры, но — Валары). Это правило я не аргументирую ничем.//

Валинор {Valinor}

Страна Валаров в Амане.
«Валинóрский {Valinórean}».

«Затмение Валинóра».

Валмар {Valmar}

Город Валаров в Валинóре.

Ваньяр {Vanyar}

Первое из Трех Колен {Kindred}

Эльдара в Великом Походе с
Куйви́энена, которое в полном
составе покинуло Средиземье и
осталось в Амане.

Варда {Varda}

Величайшая из Валиэр
(«Цариц Валаров»), создательница
Звезд, супруга Манвэ.

Вардамир {Vardamir}

Прозван Нóлимоном за любовь к
древней учености; сын Элроса Тар-

Миньятура; считается вторым Правителем Ну́менора, хотя и не восходил на трон.

*вардарианна {vardarianna}

Благоуханное вечнозеленое дерево, привезенное в Ну́менор эльдарами Эрессэа.

*Веантур {Vëantur}

Капитан Королевских Кораблей при Тар-Элендиле; дед Тар-Алдариона; капитан первого ну́менорского корабля, который вернулся в Средиземье.

Вековечный Лес {Old Forest}

Древний бор, стоявший к востоку от границ Забрении.

*Великая Гавань {Great Haven}

См. «Лонд Даэр».

Великая Река {Great River}

См. «Андуин».

*Великая Срединная Гавань

{Great Middle Haven}

См. «Лонд Даэр».

Великие Земли {Great Lands}

См. «Средиземье».

Великий Змей {Great Worm}

См. «Глаурунг».

*Великий Капитан {Great

Captain}

См. «Тар-Алдарион».

*Великий Курган {Great Mound}

См. «Хауд-эн-Нденгин».

Великий Мор {Great Plague}

Мор, перекинувшийся из

Р'ованиона на Гондор и Эриадор в
год 1636 Третьей Эпохи.

*Великий Остров {Great Isle}

См. «Нúменор».

Великий Поход {Great Journey}

Поход Эльдара на запад от

Куйвиэнена.

Великий Тракт {Great Road}

См. «Дороги».

Великое Море {Great Sea}

См. «Белегаэр».

*Венок Возвращения {Bough of

Return}

См. «Ойолайрэ».

Верные {Faithful, the}

(1) Те из нúменóрцев, которые не отстранились от Эльдара и продолжали чтить Валаров в дни Тар-Анкалимона и последующих королей.

(2) <<«Верные» Четвертой
Эпохи>>.

Верховой Перевал {High Pass}

См. «Кири́т Форн эн Андра́т».

Верховой Фа́ром {High Faroeth}

См. «Таур-эн-Фа́ром».

Вестерне́ссэ {Westernesse}

Перевод названия Ну́менора;

«Остров Вестерне́ссэ».

вэстро́н {Westron}

Обиходный язык Северо-Запада

Средиземья, описанный в

Приложении Е к «Властелину Колец»

и представленный современным

английским [\[375\]](#). «Общее наречье»

Вестфо́лд {Westfold}

Часть Рохана, склоны и поля

между Трихи́рном {Thrihyrne}

(горами над Горнбургом) и Эдорасом.
«Вестфолдский Призыв».

Вечная Память {Evermind}

См. «симбельминэ».

Вздыбленный Лед {the Grinding Ice}

См. «Хелкараксэ».

Видугавия {Vidugavia}

«Лесной житель» — северянин,
названный «Королем Р'ованиона».

Видумави {Vidumavi}

«Лесная дева» — дочь
Видугавии; вышла за Валакара
Короля Гондорского.

Вилья {Vilya}

Одно из Трех Эльфийских
Колец, которое носил Гил-Галад, а
после него Элронд. Называлось

«Кольцом Воздуха», «Синим Кольцом».

*Виньялондэ {Vinyalondë}

«Новая гавань», нúменóрский порт, основанный Тар-Алдарионом в устье реки Гватлó; впоследствии назывался «Лонд Даэр».

Виньямар {Vinyamar}

«Новое поселение», обитель Тургона в Нэврасте.

вирессэ {Viressë}

Квенийское название четвертого месяца по нúменóрскому календарю, соответствующего апрелю.

Владыка Моргула {Lord of Morgul}

См. «Предводитель Назгúла», «Минас Моргул».

Владыки Запада {Lords of the West}

См. «Валар».

Война (Последнего) Союза {War of the (Last) Alliance}

См. «Последний Союз».

Война Гномов и Орков {War of the Dwarves and the Orcs}

Война Камней {War of the Jewels}

Войны, которые вели в Белерианде нолдоры за возвращение Сильмариллов.

Война Кольца {War of the Ring}

См. «Кольца Власти».

Волд {Wold}

Местность в Рохане, северная часть Истэмнета (англо-сакс. emnet

«равнина»).

Волк {Wolf, The}

Кархарот {Carcharoth}, Волк
Ангбандский.

Волкогоны {Wolfriders}

Орки или оркоиды, верхом на
волках.

*Волчье Племя {Wolf-folk}

Название, данное истерлингам
Дор-Лóмина.

*Волчьи Люди {Wolf-men}

См. «Гаурвайт».

Волшебники {Wizards}

См. «Истари», «Херен
Истарион», «Орден Волшебников».

*Вольные Люди Севера {Free
Men of the North}

См. «северяне».

Воронвэ {Voronwë}

(1) Гондолинский эльф, единственный уцелевший из моряков семи кораблей, посланных на Запад после Нирнаэта Арноэдиад; встретился в Виньямаре с Туором и провел его в Гондолин.

(2) Имя Мардила Наместника Гондорского.

Восточная Марка {East-mark}

Восточная половина Рохана в военной организации Рохиррима, отделенная от Западной Марки Снежицей и Энтовой Купелью. «Маршал Восточной Марки»; «Призыв Восточной Марки».

Восточный Тракт, Восточно-Западный Тракт {East Road, East-West

Road}

См. «Дороги».

*Восточный Уступ {East Bight}

Глубокий и широкий уступ восточной опушки Лихолесья. См. «Прожжины Леса».

Враг {Enemy, The}

Имя, данное Морготу; также Саурону.

*Врата Мордора {Gates of Mordor}

См. «Мораннон».

Врата Нолдора {Gate of the Noldor}

См. «Аннон-ин-Гэлид».

Всадники {Riders}

(1) См. «Эотэод».

(2) «Всадники Рохана», см.

«Рохиррим».

(3) «Черные Всадники», см.
«Назгûл».

Высокие эльфы {High Elves}

Эльфы Амана, а также все
эльфы, жившие когда-либо в Амане.
Назывались «Высоким Народом
Запада».

Высокое Наречье {High Speech}

См. «Квенья».

Гавани {Havens, The}

(1) Бритомбар и Эгларест на побережье Белерианда: «Гавани Кúрдана»; «Гавань Корабельщиков»; «Гавань Фаласа»; «Западные Гавани Белерианда.

(2) В Устьях Сириона в конце Первой Эпохи: «Гавани Юга (Южные)»; «Гавани Сириона», «Сирионска Гавань».

*Галадон {Galadhon}

Отец Келеборна.

*Галадор {Galador}

Первый Правитель Дол-Амрота, сын Имразôра Нúменóрца и эльфийнки Митреллас.

Галадрим {Galadhrim}

Эльфы Лóриэна.

Галадриэль {Galadriel}

Дочь Финарфина; одна из

возглавлявших нолдорское восстание против Валаров; жена Келеборна, с которым осталась в Средиземье после окончания Первой Эпохи; Владычица Лотлóриэна. Называлась «Госпожой Нолдора», «Владычицей Золотого Леса», «Белой Госпожой»; см. также «Ал(а)тариэль», «Артанис», «Нервен».

*Галатиль {Galathil}

Брат Келеборна и отец Нимлот, матери Эльвинг.

Галдор {Galdor}

Прозван «Рослым»; сын Хадора

Золотоголового, стал после него Владыкой Дор-Лóмина; отец Хúрина и Хуора; пал при Эйтеле Сирион.

*Гамил Зирак {Gamil Zirak}

Звался «Старым»; гном-кузнец, учитель Тэлхара Ногродского.

*Гаурвайт {Gaurwaith}

Шайка разбойников на западных границах Дориата, к которой пристал Тúрин, и которую возглавил. В переводе — «Волчьи люди».

Гвайт-и-Мúрдайн {Gwaith-i-Mírdain}

«Камнерезы», название товарищества мастеров в Эрегионе, величайшим из которых был Келебримбор; также просто «Мúрдайн». «Дом Мúрдайна».

*Гватир {Gwathir}

«Река Тени», прежнее название

Гватлó.

Гватлó {Gwathló}

Река, образованная слиянием Митэйтеля и Гландуина, граница между Минхириатом и Энедвайтом. На востроне называлась «Сизрекой». См. «Битва при Гватлó»; «Гватир», «Агатуруш».

гваэрон {Gwaeron}

Синдаринское название третьего месяца <<по счислению Эдайна>>. (С «гваэрон» ср. имя орла «Гваихир», «Повелителя Ветров».) См. «Сúлимэ».

Гвиндор {Gwindor}

Эльф из Нарготронда; попал в

рабство в Ангбанд, но бежал и помогал Белегу в спасении Түрина; привел Түрина в Нарготронд; любил Финдуилас дочь Ородрета; пал в Тумхаладской Битве.

Гельмир {Gelmir}

Эльф-нолдор, который с Арминасом встретил Туора у Аннона-ин-Гэлид и впоследствии ходил в Нарготронд предупредить Ородрета о грозящей ему опасности.
//Возможна связь с ирл. geíl «родник».

*Гетрон {Gethron}

Человек из домашних Хүрина, который вместе с Гритниром сопровождал Түрина в Дориат и впоследствии вернулся в Дор-Лóмин.

Гиблая Зима {Fell Winter}

Зима года 495 от Восхода Луны,

после падени Нарготронда.

Гилраин {Gilrain}

Река в Лебеннине, в Гондоре,
впадающая в Залив Белфалас к
западу от Этира Андуин.

*Гильдия Морских Купцов
{Guild of Venturers}

См. «Морские Купцы».

*Гильдия Оружейников {Guild of
Weaponsmiths}
(В Нүменóre).

*Гильмит {Gilmith}

Сестра Галадора, первого
Правителя Дол-Амрота.

Гил-Галад {Gil-galad}

«Звезда Сияния», имя, под

которым был известен Эрейнион сын Фингона. После гибели Тургона он стал последним Верховным Королем Нолдора в Средиземье и оставался в Линдоне до конца Первой Эпохи; вместе с Элендилом был главнокомандующим Последнего Союза Эльфов и Людей и пал вместе с ним в схватке с Сауроном. Звался «Королем Эльфов». «Страна Гил-Галада», Линдон. См. «Эрейнион».

*Гимилзагар {Gimilzagar}

Второй сын Тар-Калмакила.

Гимильхâд {Gimilkhâd}

Младший сын Ар-Гимилзôра и Инзилбêт; отец Ар-Фаразôна, последнего Короля Нýменóра.

Гимли {Gimli}

Гном из Дома Дарина, сын
Глóина; один из Хранителей Кольца.

Гламдринг {Glamdring}

Меч Гэндальфа.

Гландуин {Glanduin}

«Граничная река», протекавшая к западу от Мглистых Гор; во Вторую Эпоху по ней проходила южная граница Эрегиона, а в Третью — часть южной границы Арнора. См. «Нûн-ин-Эйль ϕ ».

*Гланхур {Glanhír}

«Граничный ручей»,
синдаринское название «Межевого
Ручья».

Глаурунг {Glaurung}

Первый из Драконов Моргота;
принимал участие в Дагоре

Браголлах, Нирнаэте Арноэдиад и
взятии Нарготронда; наложил чары
на Түрина и Ниэнор; был убит
Түрином на Кабед-эн-Арасе. Во
многих случаях называется просто
«Дракон». «(Великий) Змей»; «Змей
Моргота»; «Великий Змей
Ангбандский»; «Золотой Змей
Ангбанда».

*Гли^иуи {Glithui}

Река, вытекавшая из Эреда
Вэтрин, приток Тейглина.

Гл^оин {Glóin}

Гном из Дома Дарина, спутник
Торина Дубощита; отец Гимли.
//Gloin, gloine — кельтск. «стекло». В
эльфийских языках слово «стекло»
было заимствовано из гномского

языка.//

Глорнан {Glornan}

См. «Лóриэн (2)».

Глорфиндел {Glorfindel}

Эльф из Раздола. //Безусловно,

прямая этимология — синдаринск.

«глор-» + квен. «финде» =

«золотоволосый»; непрямая же —

glóir — кельтск. «слава», от лат.

gloria; что, несомненно, повлияло на

решение К&М назвать этого эльфа

Всеславуром.//

Глóрэдель {Glóredhel}

Дочь Хадора Золотоволосого из

Дор-Лóмина и сестра Галдора.

*Глэмшрафу {Glæmscrafu}

«Пещеры Сияния», роханское

название «Агларонда».

Гномский Тракт {Dwarf-road}

(1) Тракт, шедший в Белерианд из Ногрода и Белегоста, пересекавший Гелион через Сарн Атрад.

(2) Перевод «Мен-и-Наугрим», названия Старого Лесного Тракта (см. «Дороги»).

Гномы {Dwarves}

См. «Гномы-карлики».

Гномы-Карлики {Petty-dwarves}

Раса гномов в Белерианде, описанная в «*Сильмариллионе*», стр. 221-2. См. «Нибин-ноэг», «*Ноэгит Нибин*».

Год Скорби {Year of Lamentation}

Год Нирнаэта Арноэдиад.

*Голуг {Golug}

Оркское название нолдоров.

Гондолин {Gondolin}

Сокрытый город Короля Тургона, разрушенный Морготом. Назывался «Сокрытым Городом», «Сокрытым Королевством» и «Сокрытой Страной».

Гондолиндрим {Gondolindrim}

Жители Гондолина. Назывались «Сокрытым Народом».

Гондор {Gondor}

Южное владение нúменóрцев в Средиземье. «Южное владение», «Южное Королевство», «Королевство Юга». «Гондорцы» (ср. «Великий Народ Запада»).

Горгорот {Gorgoroth}

Эред Горгорот, «Горы Страха» к

северу от Нана Дунгортеб.

Горлум {Gollum}

См. «Смеагорл».

Горнбург {Hornburg}

Крепость в Рохане у входа в Хельмову Падь. См. «Битва при Горнбурге»; «Агларонд», «Сýтбург».

Горное Королевство {Mountain Kingdom}

См. «Король под Горой».

Горы Отзвуков {Echoing Mountains}

См. «Эред Лóмин».

*Горы Тургона {Mountains of Turgon}

См. «Эхориат».

Господин Дор-Лóмина {Lord of Dor-lómin}

Ху́рин, Ту́рин; см. «Дор-Лóмин».

Госпожа Дор-Лóмина {Lady of Dor-lómin}

Морвен; см. «Дор-Лóмин».

*Госпожа Западных Земель
{Lady of the Westlands}

См. «Эрендис».

*Госпожа Нолдора {Lady of the Noldor}

См. «Галадриэль».

Готмог {Gothmog}

Повелитель Балрогов,
полководец Ангбанда, убийца
Феанора, Фингона и Эктелиона.

Грúма {Gríma}

Советник Короля Теодена и
агент Сарумана. Звался «Червослов».

//Древне-англ. gríma — «маска»; ср.
др. — норв. gríma.//

Гримболд {Grimbold}

Всадник Рохана из *Вестфолда*;
вместе с Эльфхельмом был
военачальником рохирримов во
Второй Битве на Изенских Бродах;
пал на Пеленнорских Полях. //Имя
можно производить от слов grim
«суровый, мрачный, угрюмый» и bold
«смелый». Но возможен и вариант
связи этого имени со шлемом с
забралом наподобие гномьих.//

*Гритнир {Grithnir}

Человек из домашних Хурина,
который вместе с Гетроном
сопровождал Турина в *Дориат*, где и
скончался.

Гуртанг {Gurthang}

«Железо Смерти», имя меча

Белега Англахеля после того, как он был перекован в Нарготронде для Түрина, и из-за которого тот получил имя «Мормегиль», «Черный Меч». Назывался «Черным Шипом Бретиля».

hân-бури-hân {Ghân-buri-Ghân}

Предводитель друаданов или

«дикарей» Друаданского Леса. «hân». //Здесь, как и в других местах, прописная h, означающая звонкую «х», заменяет также и заглавную H, во избежание совпадения с русской H.//

Гэмджи {Gamgee}

Семейство хоббитов в Шире.

См. «Эланор», «Хамфаст», «Сэммиум».

Гэндальф {Gandalf}

Один из Истари (Волшебников),
один из Хранителей Кольца.
«Гэндальф» («Эльф Посоха») было
его именем среди людей Севера. См.
«Олóрин», «Митрандир»,
«Инкáнус», «Таркûн» //возможна
связь с санскр. tark «думать,
мыслить»//, «Шизохуст».

Дагорлад {Dagorlad}

«Поле Битвы» к востоку от Эмина Муйл и неподалеку от Мертвых Болот, место великой битвы между Сауроном и Последним Союзом Эльфов и Людей в конце Второй Эпохи. «Битва на Дагорладе». Другие битвы на Дагорладе: победа, одержанная в 1899 г. Третьей Эпохи Королем Калимехтаром над кибитниками; поражение и гибель Короля Ондохера в 1944 г. Третьей Эпохи.

Дагор	Браголлах	{Dagor
Bragollach}		

«Битва	Внезапных	Огней»
--------	-----------	--------

(также просто «Браголлах»),
четвертая великая битва
Белериандских Войн, которой
окончилась Осада Ангбанда.

*Дагор Дагоррат {Dagor
Dagorath}

См. стр. 402, прим. 8.

Да́ин Железноногий {Dáin
Ironfoot}

Правитель гномов Железных
Гор, впоследствии Король под Горой;
пал в Битве при Доле. См. «Битва
при Доле».

Дальний Харад {Far Harad}

См. «Харад».

Дарин I {Durin}

Старший из Семи Отцов
Гномов. «Наследник Дарина», Торин

Дубощит. «Народ Дарина»; «Дом Дарина».

Дарин III {Durin}

Король Народа Дарина в Хазад-Дûме во время нападения Саурона на Эрегион.

*Дарованная Земля {Land of Gift}

См. «Нúменор», «Йôзâйян».

Даэрон {Daeron}

Менестрель из Дориата; влюбился в Лúчиэнь и дважды предал ее; друг (или родственник) Саэроса.

Два Древа Валинóра {Two Trees of Valinor}

См. «Лаурелин», «Телперион».

Два Королевства {Two

Kingdoms}

Арнор и Гондор.

Двиморден {Dwimordene}

«Долина Видений», название
Лóриэна в Рохирриме.

Дéагорл {Déagol}

Струс из Андуинских Долин,
нашедший Единое Кольцо. //Ср.
кельтск. deagh «хороший», ирл. deagh
галл. корень «*dego— «хороший,
достойный», греч. dexiós,
«правильный»; др. — ирл. dech
«лучший».

Девятеро {Nine, the}

См. «Назгûл».

Девять Путников {Nine Walkers,
The}

Хранители Кольца.

делонь {flet}

Старинное английское слово, означающее «пол; ярус»; «талан».

Денетор {Denethor}

(1) Предводитель эльфов-нандоров, которые перешли через Синие Горы и жили в Оссирианде; пал на Амоне Эреб в Первой Битве Белерианда.

(2) Двадцать шестой и последний Правящий Наместник Гондора, второй, носивший это имя; Правитель Минаса Тирит во время Войны Кольца; отец Боромира и Фарамира. //Это имя может вызывать ассоциации с кельтск. déan «делать»; также — с déine «рвение, пыл».

Дéор {Déor}

Седьмой Король Рохана. //От déor → *deer*: вост. — англ. «зверь». Ср. нем. Tier, шведск. djur, «дикий зверь».

Дети Ауле {Children of Aulë}

Гномы.

Дети Земли {Children of Earth}

Эльфы и люди.

Дети Илúватара {Children of Ilúvatar}

Эльфы и люди. «Старшие Дети», эльфы.

Дети Мира {Children of the World}

Эльфы и люди.

Дивный Народ {Fair Folk}

Эльдар.

Дикарь из Чащи {Wildman of the

Woods}

Имя, которым назвался Түрин, выйдя к бретильцам.

*Дикие Земли {Wild Lands}

Название, которым в Рохане назывались земли к западу от Проймы.

Дикие Люди {Wild Men}

(1) «Дрúэдайн».

(2) Общее наименование истерлингов из-за Андуина.

*Дикие эльфы {Wild Elves}

Так Мûм называл Темных Эльфов (Авари).

Димбар {Dimbar}

Земля между реками Сирионом и Миндебом.

Димрилльский Дол {Dimrill

Dale}

См. «Нандухирион».

Димрост {Dimrost}

Пороги Келеброса в

Бретильском Лесу, впоследствии названные «Нен Гирит»; в переводе «Лестница Дождя».

Диор Наследник Тингола {Dior Thingol's Heir}

Сын Берена и Лучиэни; Король Дориата после Тингола; владелец Сильмарилла; был убит Сынами Феанора.

*дирнайт {dirnaith}

Клинообразный боевой строй дúнаданов.

Дúрхавель {Dírhavel}

Человек из Дор-Лóмина, автор

«Нарна и Хин Ху́рин».

Дозорная Гора {Spyhill}

См. «Амон Этир».

Дол {Dale}

Страна Бардингов у подножия Горы Эребор, союзник Королевства гномов под Горой. См. «Битва при Доле».

Дол-Амрот {Dol Amroth}

Крепость на мысу Белфалас, названная в честь Амрота Короля Лóриэнского. Упоминание в связи с Правителями и Князьями Дол-Амрота. См. «Ангелимар», «Адрахиль», «Имрахиль».

Дол-Баран {Dol Baran}

«Золотисто-коричневая Гора», гора у южной оконечности Мглистых

Гор, где Перегрин Тук заглянул в
Паланти́р Ортханка.

Дол-Гулдур {Dol Guldur}

«Чародейская Гора», безлесая
высота на юго-западе Лихолесья,
цитадель Некроманта, прежде чем он
раскрыл себя как вернувшийся
Саурон.

Долгая Зима {Long Winter}

Зима года 2758-9 Третьей Эпохи.

Долгое Взморье {Langstrand}

См. «Анфалас».

Долгое Озеро {Long Lake}

Озеро к югу от Эребора, в
которое впадали реки Лесная и
Бегущая, и на котором был выстроен
Эсгарот (Озерный Город).

*Долгоострый {Langwell}

«Исток Долготока», название, данное Эотэодом реке, стекавшей с северных Мглистых Гор, которая после слияния с Сизручем называлась у них Долготоком (Андуин). //Lang → *long* «долгий, длинный». Ср. нем. lang, др. — норв. langr.//

*Долготок {Langflood}

Название Андуина у Эотэода.

*Долина Могил {Valley of the Tombs}

См. «Нойринан».

Дориат {Doriath}

«Огражденная Земля» (Дор Иât {Îâth}); имеется в виду Завеса Мелиан; королевство Тингола и Мелиан в лесах Нелдорет и Регион

со столицей в Менегроме на реке Эсгалдуин. Назывался «Хранимой Страной» и «Сокрытым Королевством».

Дорлас {Dorlas}

Человек из Бретиля; отправился с Түрином и Хунтором на битву с Глаурунгом, но в страхе бежал; убит Брандиром. «Жена Дорласа». //Ср. кельтск. dórlach «пригоршня».

Дороги {Roads}

(1) В Белерианде в Былые Дни:
(i) Большая дорога с Тола Сирион в Нарготронд через Переправы Тейглина. Называлась «старым Южным Трактом». (ii) «Восточный Тракт» с Горы Тарас на Западе, пересекавший Сирион

через Бритиах и Арос через
Ароссиах {Arossiach}

, вел, возможно, в Химринг. (iii)
См. «Гномский Тракт (i)».

(2) На востоке от Синих Гор: (i) Большой нүменóрский тракт, соединявший Два Королевства, через Тарбад и Изенские Броды; назывался «Северо-Южным Трактом» и (к востоку от Изенских Бродов) «Западным Трактом»; также «Великим Трактом», «Королевским Трактом», «конной дорогой», «Зеленым Трактом». (ii) Ответвление от (i) до Горнбурга (см. «Падьева дорога»). (iii) Дорога от Изенгарда к Изенским Бродам. (iv) Нүменóрская дорога от Серых Гаваней Раздола [\[376\]](#),

проходившая через Шир; называлась «Восточно-Западным Трактом», «Восточным Трактом». (v) Дорога, спускавшаяся с Имладрисского Перевала, пересекавшая Андуин через Старый Брод и проходившая через Лихолесье; называлась «Старым Лесным Трактом», «Лесным Трактом» и «Мен-и-Наугрим», «Гномским Трактом». (vi) Ну́мено́рские дороги к востоку от Андуина: дорога через Итилиэн, называвшаяся «Северным Трактом»; дороги на восток и на север от Мораннона.

Дортонион {Dorthonion}

«Земля Сосен», большое лесистое нагорье северной окраины

Белерианда, впоследствии
называлось «Таур-ну-Фуин».

Дор-Кúартол {Dor-Cúarthol}

«Земля Лука и Шлема»,

название страны, защищавшейся
Белегом и Тúрином из их укрытия на
Амоне Rûd.

Дор-Лóмин {Dor-lómin}

Местность на юге Хитлума,
владение Фингона, отданное в лен
Дому Хадора; дом Хúрина и Морвен.
«Горы Дор-Лóмина», та часть Эреда
Вэтрин, что образовывала южную
границу Хитлума. «Госпожа Дор-
Лóмина», Морвен; «Господин Дор-
Лóмина», Хúрин, Тúрин. «Дракон
Дор-Лóмина», см. «Драконий
Шлем».

Дор-Лóминские

Горы

{Mountains of Dor-lómin}

См. «Дор-Лóмин».

Дор-эн-Эрнил {Dor-en-Ernil}

«Княжеская Земля» в Гондоре к

западу от реки Гилрайн.

Дракон {Dragon, The}

См. «Глаурунг», «Смауг».

Драконий Шлем Дор-Лóмина

{Dragon-helm of Dor-lómin}

Наследие Дома Хадора, который носил Тúрин. «Дракон Дор-Лóмина»; «Драконий Шлем Севера»; «Шлем Хадора».

*Драмборлег {Dramborleg}

Большой топор Туора,

хранившийся в Нúменóre.

Древобород {Treebeard}

См. «Фангорн».

Древо Тола Эрессэа {Tree of Tol
Eressëa}

См. «Келеборн (1)».

Дренгист, Фьорд Дренгиста
{Drengist, Firth of Drengist}

Длинный фьорд, врезающийся в
Дор-Лóмин, между Ламмотом и
Нэврастом.

Дру́аданский Лес {Drúadan
Forest}

Лес в Анóриэне на восточной
оконечности Эреда Нимрайс, где в
Третью Эпоху еще жили остатки
Дру́эдайна или «Диких Людей».

*Дру́ат {Drúath}

Дру́эдайн. (Ед.ч. «дру́», мн.ч.
также «дру́ин»; синдаринская форма,

произведенная от самоназвания
«Друһу {Drughu}». См. «Рóg», «Рý».

*Дру́вайт Иаур {Drúwaith Iaur}

«Старая пустошь народа Дру» на
гористом мысу Андраст. Называлась
«Старой пустошью Пúkелей» и
«Старой страной Пúkелей».

*Дру́г(и), Народ Дру́г {Drûg(s),
Drû(g)-folk}

Дру́эдайн.

Друзья Эльфов {Elf-friends}

См. «Атани», «Эдайн».

*Дру́эдайн {Drúedain}

Синдаринское название «Диких
Людей» Эреда Нимрайс (и
Бретильского Леса в Первую Эпоху)
(от «Дру» + «адан», мн.ч. «эдайн»,
см. стр. 385). Назывались «Дикими

Людьми»; «Лешаками»; см. также «Пүкели».

Дуброва {Hollin}

См. «Эрегион». //Думаю, ни для кого не секрет, что по-синдарински egeg, а по-английски holly означают падуб или дубровник. Отсюда следует правомочность такого названия. Впрочем, и кистямурский вариант «Остранна» имеет некий тайный смысл, если вспомнить кельтск. ásrán «нечто забытое, заброшенное»; а также однокоренное с ним ирл. asránnach, astrannach — «странник, незнакомец».

Дун-Боронь {Dunharrow}

Укрепленное укрытие в Эреде Нимрайс над Боронь-долем, к

которому вела в гору дорога, на каждом повороте которой стояли статуи так называемых Пúкелей. «Мертвый Народ Дун-Борони», люди Эреда Нимрайс, которых Исилдур проклял за нарушение клятвы в верности и союзе ему. //Свой перевод я объясняю тем, что «дун» как по-рохирримски, так и по-кельтски, означает «крепость, укрепление», а harrow по-английски — «борона». Ничего менее неуклюжего мне в голову не пришло.//

Дунгортеб {Dungortheb}

Т.е., «Нан Дунгортеб», «Долина Ужасной Смерти» между подножиями Эреда Горгорот и Завесой Мелиан.

Дунланд {Dunland}

Страна у западных отрогов
Мглистых Гор на их южной
оконечности, населенная
дунлендингами.

дунлендинги {Dunlendings}

Население Дунланда, потомки
древнего рода людей, живших
некогда в долинах Эреда Нимрайс;
родичи Мертвого Народа Дун-Борони
и брейцев. «Дунлендинг», агент
Сарумана, <<косоглазый южанин>> в
трактире в Брее. Прилагательные
«дунлендингский» и «дунлендский».

Дúnхер {Dúnhere}

Всадник Рохана, Правитель
Боронь-дола; сражался на Изенских
Бродах и на Пеленнорских Полях, где

был сражен. //Dúnhere
представляется мне словом
двуязычным, от кельтск. dun
«крепость, укрепление» и
рохирримского here «армия, войско».
Ср. нем. Heer, др. — норв. herr.//

Дúnэдайн {Dúnedain}

(Ед.ч. «дúнадан».) <<Аданы

Запада>>, нúменóрцы. «Звезда
Дúnэдайна».

Железные горы {Iron Hills}

Горы к востоку от Одинокой
Горы и к северу от Моря Р'ûн {Rhûn}.

*Живущий в Глубинах {Dweller
in, of the Deep}

См. «Ульмо».

Заветерь {Weathertop}

См. «Амон Сûл».

Зайгородский Паром {Bucklebury Ferry}

Паром через реку Брендивайн между Зайгородом и Четью {Marish}.

Залив Балар {Bay of Balar}

См. «Балар».

Залив Белфалас {Bay of Belfalas}

См. «Белфалас».

Залив Л'ûн {Gulf of Lhûn}

См. «Л'ûн».

*Замûн {Zamîn}

Старая женщина, бывшая в услужении у Эрендис.

*Западная Марка {West-mark}

Западная часть Рохана в военной организации Рохиррима (см. «Восточная Марка»). «Призыв Западной Марки»; «Маршал Западной Марки».

Западные Земли {Westlands}

(i) В Ну́менóre, см. «Андустар».

(ii) В Средиземье — очень общее выражение, относящееся в широком смысле к землям к западу от Андуина.

Западный Тракт {West Road}

См. «Дороги».

Зачарованные Острова
{Enchanted Isles}

Острова, поставленные

Валарами в Великом Море к востоку от Тола Эрессэа при Сокрытии

Валинóра. См. «Сумрачные
Острова».

Звезда (Эарендила) {Star (of
Eärendil)}

См. «Эарендил»; «Земля
Звезды», см. «Нúменор».

Звезда Элендила, Звезда
Севера(ного Королевства) {Star of
Elendil, Star of
the North (Kingdom)}

См. «Элендилмир».

Зеленолесье (Великое)
{Greenwood (the Great)}

Перевод «Эрин Ласгален»;
прежнего названи Лихолесья.

Зеленые эльфы {Green-elves}

Эльфы-нандоры Оссирианда.

Зеленый Путь {Greenway}

Так в Брее в конце Третьей
Эпохи называлс полузабытый
Северо-Южный Тракт, особенно его
отрезок возле Брея. См. «Дороги».

*Злое Дыханье {Evil Breath}

Ветер из Ангбанда, принесший в
Дор-Лóмин болезнь, от которой
умерла сестра Тύрина Урвен
(Лалайт).

Золотое Древо (Валинóра)
{Golden Tree (of Valinor)}

См. «Лаурелин».

*Ûбал {Îbal}

Нúменóрский мальчик, сын
Ульбара, моряка Тар-Алдариона.

Ибун {Ibun}

Один из сыновей Мûма Гнома-
карлика.

иваннет {Ivanneth}

Синдаринское название девятого
месяца. См. «яванниэ».

Иврин {Ivrin}

Озеро и водопады под Эредом
Вэтрин, откуда вытекала река Нарог.

Идриль (Келебриндаль) {Idril
(Celebrindal)}

Дочь Тургона Гондолинского,
жена Туора, мать Эарендила.

Изгнанники {Exiles, The}

Взбунтовавшиеся нолдоры,

вернувшиеся в Средиземье из Амана.

Изен {Isen}

Река, протекавшая из Мглистых

Гор через Нан Курунúr (Долину

Волшебника) и через Роханскую

Пройму; перевод (на язык,

представляющий язык Рохана)

синдаринского «Ангрен». См.

«Изенские Броды». //Следует еще раз

напомнить, что слово ísen, железо, в

старину произносилось как [izen,

uzen], вследствие чего в русской

транскрипции его производные

пишутся через «з». Ср. нем. Eisen

(айзен).//

Изенгард {Isengard}

Нúменóрская крепость в долине, названной после того, как ее занял волшебник Курунúр (Саруман), Нан Курунúр, у южной оконечности Мглистых Гор; перевод (на язык, представляющий язык Рохана) синдаринского «Ангреност». «Кольцо Изенгарда», «Изенгардское Кольцо {Circle of Isengard}» — огромная замкнутая стена, окружавшая место, в центре которого стоял Ортанк. «Изенгардцы».

Изенгар Тук {Isengar Took}

Один из дядюшек Бильбо Бэггинса.

Изенские Броды {Fords of Isen}

Пересечение Изена большой нúменóрской дорогой, связывавшей

Арнор и Гондор; на синдарине называлось «Атрад Ангрен» и «Этрайд Энгрин». См. также «Битвы на Изенских Бродах».

Илúватар {Ilúvatar}

«Отец Всего», Эру. («Эру Илúватар»). См. «Дети Илúватара». // Думаю, что ассоциация с кельтск. athair «отец» (ср. ирл., др. — ирл. athir) лежит на поверхности. Следует также упомянуть о финском yli «сверх, выше» и ирл. iol-, приставке, означающей «много»: ирл. iol-, др. — ирл. il «множество», реконстр. к корню *elu-, *relu- «много-».

Имладрис {Imladris}

Синдаринское

название

«Раздола».

Имладрисский Перевал {Pass of Imladris}

См. «Кири́т Форн эн Андра́т».

*Имразôр {Imrazôr}

По прозвищу «Нúменóрец»; взял в жены эльфийанку Митреллас; отец Галадора первого Правителя Дол-Амрота. //Любопытна ассоциация с ирл. imreasán «перебранка», валл. umryson «спор».

*Инглор {Inglor}

Имя, от которого отказался Финрод.

Индис {Indis}

Эльфийанка-ваньяринка; вторая жена Финвэ, мать Финголфина и Финарфина.

*Индор {Indor}

Человек из Дор-Лóмина, отец
Аэрин.

Инзиладûн {Inziladûn}

См. «Ар-Инзиладûн». Также как
название типического украшения; см.
«Нумеллóтэ».

Инзилбêт {Inzilbêth}

Королева при Ар-Гимилзôре; из
дома Правителей Андúниэ; мать
Инзиладûна (Тар-Палантира).

Инкáнус {Incánus}

Имя, данное Гэндальфу <<на
Юге>>.

*Ўримон {Írimon}

Первое имя Тар-Менельдура.

Ирисная {Gladden}

Река, стекавшая с Мглистых Гор
и впадавшая в Андуин в Ирисных

Низинах; перевод синдаринск. «Cûr Нинглор».

Ирисные Низины {Gladden Fields}

Частичный перевод синдаринск. «Лоэг Нинглорон»; обширные заросли тростников и ирисов в месте слияния Ирисной Реки и Андуина; см особенно стр. 280.

Ирмо {Irmo}

Вала, <<повелитель грез и видений>>, обычно звавшийся Лóриэном по названию его обители в Валинóре. См. «Феантури», «Олофантур».

Исилдур {Isildur}

Старший сын Элендила, который со своим отцом и братом

Ана́рионом спасся от Затопления
Ну́менора и основал в Средиземье
государства ну́менорских
изгнанников; правитель Минаса
Итиль; срезал Главное Кольцо с руки
Саурона; убит орками на Андуйне,
когда Кольцо соскользнуло с его
пальца. «Наследник Исилдура»;
«Кольцо Исилдура»; «Свиток
Исилдура»; «Завет Исилдура»; «жена
Исилдура».

*Исильмо {Isilmo}

Сын Тар-Суриона; отец Тар-
Минастира.

*Исильмэ {Isilmë}

Дочь Тар-Элендила, сестра
Сильмариэни.

Истари {Istari}

Майары, которые были посланы из Амана в Третью Эпоху, чтобы противостоять Сауруну; синдаринск. «Итрин» (см. «Итрин Луин»). В переводе «Волшебники». См. «Херен Истарион».

Истерлинги {Easterlings}

(1) В Первую Эпоху люди, которые вошли в Белерианд после Дагора Браголлах, сражались на обеих сторонах в Нирнаэте Арноэдиад, и которым впоследствии Моргот отвел для жизни Хитлум, где они подавляли оставшихся людей Народа Хадора. В Хитлуме назывались «Пришлецами».

(2) В Третью Эпоху общее название для волн народов,

накатывавшихся на Гондор из восточных пределов Средиземья (см. «кибитники», «Балхот»).

Итилиэн {Ithilien}

Местность в Гондоре, к востоку от Андуина; поначалу была владением Исилдура и управлялась из Минаса Итиль. «Северный Итилиэн»; «Южный Итилиэн».

*Итильбор {Ithilbor}

Эльф-нандор, отец Саэроса.

Итильский Камень {Ithil-stone, Stone of Ithil}

Палантúр Минаса Итиль.

*Итрин Луин {Ithryn Luin}

Два Истара, которые отправились на Восток Средиземья и не вернулись (ед.ч. «итрон {ithron}»),

см. стр. 388). В переводе «Синие
Волшебники». См. «Алатар»,
«Палландо».

йестарэ {yestarë}

Первый день эльфийского
солнечного года («лоа»).

*Йôzâйян {Yôzâуан}

Адûнайское название Нýменóра,
«Дарованная Земля».

Кабед Наэрамарт {Cabed Naeramarth}

«Прыжок Ужасного Рока», название данное Кабед-эн-Арасу после того, как Ниэнор бросилась в него с обрыва. //Вполне очевидна связь слова cabed с кельтск. cab «щель, расщелина»: ирл. cab «щель».

Кабед-эн-Арас {Cabed-en-Aras}

Глубокая расселина, по которой протекала река Тейглин, где Түрин убил Глаурунга и в которую спрыгнула Ниэнор. В переводе «Прыжок Лани». См. «Кабед Наэрамарт».

Каир Андрос {Cair Andros}

Остров на реке Андуин к северу от Минаса Тирит, укрепленный гондорцами для защиты Анóриэна. // Почти наверняка не без связи с кельтск. *sáir* «морская пена».

Каленардон {Calenardhon}

«Зеленая Область», название Рохана, когда он был северной частью Гондора. «Каленардонская Пройма»; «Король Каленардона», Эорл. См. «Рохан», «Роханская Пройма».

Каленхад {Calenhad}

Шестой из маяков Гондора в Эреде Нимрайс. (Название, возможно, означает «зеленое место», говоря о плоской травянистой

вершине горы: «хад» производится путем обычной мутации согласных в сочетаниях от «сад» «место, площадка».)

Калимехтар {Calimehtar}

Тридцатый Король Гондора, победитель кибитников на Дагорладе в г. 1899 Третьей Эпохи.

*Калминдон {Calmindon}

«Маяк» на Толе Уйнен в заливе Рóменна.

Камень Эарендила {Stone of Eärendil}

См. «Элессар (1)».

Камлост {Camlost}

См. «Берен (1)».

Камневозная Долина {Stonewain Valley}

Долина в Друаданском Лесу у восточной оконечности Эреда Нимрайс. (Название является переводом *Имрат Гондрайх {Imrath Gondraich}; «имрат» означает <<длинную узкую долину с дорогой или руслом реки, проходящим вдоль нее>>).

Карадрасский Перевал {Pass of Caradhras}

См. «Карадрас»

Карадрас, — ский Перевал {Caradhras, Pass of}

Перевал в Мглистых Горах, называвшийся «Воротами Красного Рога», под Карадрасом (Красный Рог, Баразинбар), одной из Морийских Гор.

Карас Галадон {Caras Galadhon}

«Город Деревьев» (о слове «карас {caras}» см. стр. 257), главное поселение эльфов Лóриэна.

Кардолан {Cardolan}

Одно из трех королевств, на которые разделился Арнор в девятом веке Третьей Эпохи; западная граница проходила по Барандуину, а северная — по Восточному Тракту.

Карнен {Carnen}

«Красная вода», река, стекавшая с Железных Гор и впадавшая в Бегущую. //Почти наверняка от кельтск. carnaid «красный».

Карн Дûм {Carn Dûm}

Главная крепость Ангмара. // Первая часть названия, вероятно,

неслучайно созвучна кельтск. *sárn* «куча камней, каирн»: ирл., ранне-ирл., валл. *carn*, брет. [karn]; а также *sárn* «звук рога».

Каррок {Carrock, The}

Скалистый остров в верхнем течении Андуина. См. «Каррокский Брод». //Вторая часть — почти наверняка англ. *rock* «скала». Первая же, возможно, связана с кельтск. *car* «скала».

Каррокский Брод {Ford of Carrock}

Брод через Андуин между Карроком и восточным берегом реки; однако, здесь, вероятно, это упоминание о Старом Броде, где Старый Лесной Тракт пересекал

Андуин, к югу от Каррокского Брода.

Квенди {Quendi}

Общее самоназвание эльфов.

Квенья {Quenya}

Древний язык, общий для всех эльфов в той форме, которую он принял в Валинóре; принесен в Средиземье эльфами-нолдорами, но не употреблялся ими как разговорный язык, за исключением Гондолина (см. стр. 55); об использовании его в Нýменóре см. стр. 216. «Высокое Наречие Нолдора», «Запада»; «Высоко-эльфийский».

Келдуин {Celduin}

Река, стекавшая с Одинокой Горы в Море R'ûn. В переводе — река

Бегущая.

Келеборн {Celeborn}

(1) «Древо Серебра», Древо Тола
Эрессэа.

(2) Родич Тингола; женился на
Галадриэли; Правитель Лотлóриэна.
(О значении имени см. стр. 266.) См.
«Телепорно».

Келебрант {Celebrant}

Река, вытекавшая из Зеркального
озера и протекавшая через
Лотлóриэн, впадая в Андуин. В
переводе «Серебрянка {Silverlode}».
См. «Поле Келебранта».

Келебриань {Celebrian}

Дочь Келеборна и Галадриэли,
вышедшая замуж за Элронда.

Келебримбор {Celebrimbor}

«Серебряная Рука», величайший из кузнецов Эрегиона, кователь Трех Колец Эльфов; убит Сауроном.

Келеброс {Celebros}

«Серебряная Пена» или «Серебряный Дождь», речка в Бретилене, впадавшая в Тейглин возле Переправ.

Келегорм {Celegorm}

Третий сын Феанора. //Gorm — ирл. «синий».

Келон {Celon}

Река в Восточном Белерианде, стекавшая с Горы Химринг.

Келос {Celos}

Одна из рек в Лебеннине в Гондоре; приток Сирита. (<<Название, должно быть,

происходит от корня *келу-* {*celu-*} «быстро вытекать, утекать», образованное окончанием «-ссе, —сса», как в квенийском *келюссэ* {*celussë*} «ручей, вода, быстро текущая по камням». >>

Кеорл {*Ceorl*}

Роханский всадник, принесший известие о Второй Битве на Изенских Бродах. // *Ceorl* → *churl*: др. — англ. «муж, человек». Ср. нем. *Kerl*. //

Керин Амрот {*Cerin Amroth*}

«Курган Амрота» в Лóриэне. // Несомненна связь с ирл. *cairn*, объяснявшимся выше. //

кибитники {*Wainriders*}

Народ истерлингов, который

вторгался в Гондор в девятнадцатом и двадцатом веках Третьей Эпохи.

Кúрдан {Círdan}

Прозван «Корабельщиком»; эльф-тэлер, «Правитель Гаваней» Фаласа; при их разрушении после Нирнаэта Арноэдиад с Гил-Галадом бежал на Остров Балар; во время Второй и Третьей Эпох — хранитель Серых Гаваней в Заливе Л'ûн; по приходе Митрандира вручил ему Нарью, Кольцо Огня.

*киринки {kirinki}

Маленькие красноперые птички в Ну́менóre. //Возможно, от кельтск. sír «гребень».

Кирион {Cirion}

Двенадцатый

Правящий

Наместник Гондора, даровавший Каленардон Рохирриму после битвы на Поле Келебранта в г. 2510 Третьей Эпохи. «Хроника Кириона», «Сказание о Кирионе», «Кирион и Эорл». «Клятва Кириона»; слова клятвы см. стр. 305, 317.

*Кирит Дúат {Cirith Dúath}

«Тенистое Ущелье», прежнее название Кирита Унгол. // Любопытно созвучие с кельтск. duaidh «ужасное зрелище, битва»: ср. ирл. dúaidh «злой».

Кирит Нинниах {Cirith Ninniach}

«Радужное Ущелье», название, данное Туором расселине, шедшей от западных гор Дор-Лóмина к Фьорду

Дренгиста.

Кири́т Унгол {Cirith Ungol}

«Паучье Ущелье», перевал через

Эфель Ду́ат над Минасом Моргул.

*Кири́т-Форн-эн-Андра́т

{Cirith Forn en Andrath}

«Высоко-восходящий Перевал

Севера» через Мглистые Горы к востоку от Раздола.

*Ки́рьятур {Ciryatur}

Ну́мено́рский флотоводец,

возглавлявший флот, посланный Тар-Минастиром на помощь Гил-Галаду против Саурана.

Клык-Башни {Towers of the

Teeth}

Дозорные башни к востоку и к

западу от Мораннона.

Книга Королей {Book of the Kings}

Одна из летописей Гондора.

Книга Наместников {Book of the Stewards}

См. «Наместники Гондора».

Книга Тана {Thain's Book}

Список Алой Книги Западной Марки, выполненный по просьбе Короля Элессара и доставленный ему Таном Перегрином Туком, когда тот вернулся в Гондор; впоследствии немало аннотировалась в Минасе Тирит. //Возможно, многим известно, что слово Thain, Tan — кельтского происхождения, и означает «предводитель клана, малый правитель, «лорд».

Кольца Власти {Rings of Power}

«Кольца», «Кольца Власти».

«Кольцо», «Единое Кольцо»,

«Главное Кольцо», «Кольцо Власти»;

«Кольцо Горлума», «Кольцо

Исилдура». «Девять Колец Людей»,

«Семь Колец Гномов», «последнее из

Семи»; «Три Кольца Эльфов», и см.

«Нарья», «Ненья», «Вилья».

«Хранители Кольца»; «Война

Кольца», «Кольценосец».

Королевские Земли {King's

Lands}

(i) В Рохане. (ii) «Королевский

Край» в Ну́менóre, см. «Арандор»

Королевский Наследник

(Ну́менóра) {King's Heir (of

Numenor)}

*Королевский Тракт {Royal Road}

См. «Дороги».

Король под Горой {King under the Mountain}

Правитель гномов Эребора. «Королевство», «Короли под Горой»; «Подгорное Королевство».

Король-Чародей {Witch-king}

См. «Предводитель Назгûла», «Ангмар».

Красная Стрела {Red Arrow}

«Стрела войны», посылавшаяся из Гондора в Рохан в знак призыва к защите Минаса Тирит.

Красное Кольцо {Red Ring}

См. «Нарья».

Крепь {Stock}

Деревня в Шире на северном краю Чети.

Криссаэгрим {Crissaegrim}

Горные вершины к югу от Гондолина, где находились гнездовья Торондора.

Круги Мира {Circles of the World}

Куйвиэнен {Cuiviénen}

«Вода Пробуждения», озеро в Средиземье, где пробудились первые эльфы.

Курган Эльфиянки {Mound of the Elf-maid}

См. «Хауд-эн-Эллет».

*Курумо {Curumo}

Имя Куруnúра (Сарумана) на квенья.

Курунúr {Curunír}

«Хитроумец, замыслитель {the one of cunning devices}», синдаринское имя Сарумана; также «Курунúr 'Лân», Саруман Белый. См. «Курумо».

Куруфин {Curufin}

Пятый сын Феанора, отец Келебримбора.

Кúталион {Cúthalion}

«Сильный Лук», см. «Белег». // См. прим. перев. к ст. «Талион».

Кханд {Khand}

Страна к юго-востоку от Мордора.

Кхûм {Khîm}

Один из сыновей Мûма-гнома-карлика; убит Андрóгом.

*Лабадал {Labadal}

Имя, которым Түрин в детстве называл Садора; в переводе «Хромоног».

Ладрос {Ladros}

Земли к северо-востоку от Дортониона, которые нолдоринские короли отдали людям Дома Беора.

*лайрелоссэ {lairelossë}

«Летне-снежно-белый»,
ароматическое вечнозеленое дерево,
принесенное в Нүменór эльдарами
Эрессэ.

Лалайт {Lalaith}

«Смех», имя, которым звали
Урвен дочь Хүрина, по названию

ручья, который протекал возле дома Хурина. См. «Нен Лалайт».

Ламедон {Lamedon}

Местность в верховьях рек Кирил {Ciril} и Рингló под южными склонами Эреда Нимрайс.

Ламмот {Lammoth}

Местность к северу от Фьорда Дренгиста, между Эредом Лóмин и Морем.

*лár {lár}

Лига (приблизительно три мили).

*Ларнах {Larnach}

Один из лесовиков в землях к югу от Тейглина. «Дочь Ларнаха».

Лаурелин {Laurelin}

«Золотая Песня», младшее из

Двух Дерев Валино́ра. Называлось
«Древом Солнца», «Золотым Древом
Валино́ра».

Лаурелиндоринан

{Laurelindorenan}

«Долина Поющего Золота», см.

«Лóриэн (2)».

Лауренанде {Laurenandë}

См. «Лóриэн (2)».

*лауринкве {laurinquë}

Дерево с желтыми цветами в
Хьярростаре в Ну́менóre.

Лебеннин {Lebennin}

«Пятиречье» (т. е. Эруи, Сирит
{Sirith}, Келос, Серни и Гилрайн),
земля между Эредом Нимрайс и
Этиром Андуин; один из <<верных
ленов>> Гондора.

Лебяжья {Swanfleet}

См. «Нûн-ин-Эйль*ф*».

Леголас {Legolas}

Эльф-синдар из Северного

Лихолесья, сын Трандуила; один из Хранителей Кольца.

лембас {lembas}

Синдаринское название

дорожных хлебов Эльдара.

«Дорожные хлебы (эльфов)».

Лéод {Léod}

Предводитель Эотэода, отец

Эорла Юного. //Léod > leed, lede

др. — англ. «человек

(принадлежащий к какому-либо

народу); (поэт.) вождь, князь». Ср.

др. — шведск. ljudi, нем. Leute (др. —

верхненем. liuti) «люди», русск.

«люди».

Лесная Река {Forest River}

Река, протекавшая с Эреда Митрин через север Лихолесья и впадавшая в Долгое Озеро.

Лесной Тракт {Forest Road}

См. «Дороги».

Лесные эльфы {Silvan Elves}

Эльфы-нандоры, которые так и не перешли на запад через Мглистые Горы, а остались в Андуинской Долине и в Зеленолесье Великом. «Язык Лесных эльфов», «Лесной язык». См. «Таварвайт».

лесовики {Woodmen}

(1) Жители лесов к югу от Тейглина, на которых совершал набеги Гаурвайт.

(2) Люди Бретиля.

(3) В Зеленолесье Великом.

Лефнуи {Lefnui}

Река, впадавшая в море, с истоком в западной оконечности Эреда Нимрайс. (Название означает «Пятая», т. е., после Эруи, Сири́та, Серни и Мортонда, гондорских рек, впадавших в Андуин или в Залив Белфалас.)

лешаки {Woses}

См. «Дру́эдайн».

Лимлайт {Limlight}

Река, вытекавшая из Леса Фангорна и впадавшая в Андуин, по которой проходила самая северная граница Рохана. (О смешанном происхождении названия и его

других формах (Лимлайт {Limlaith}, Лимлих {Limlich}, Лимлихт, Лимлинт) см. стр. 318).

Линаэвен {Linaeven}

«Птичье Озеро», большое озеро в Нэврасте. //Почти несомненно от кельтск. linne «водоем, озеро»; ср. ирл. linn, ранне-ирл. lind, вал. llyn, корн. lin, брет. lenn.//

Линдар {Lindar}

«Певцы», самоназвание Тэлери.

Линдон {Lindon}

Название Оссирианда в Первую Эпоху; впоследствии это название удержалось за землями к западу от Синих Гор («Эред Линдон»), которые остались над уровнем моря. «Зеленая страна Эльдара»; «страна Гил-

Галада».

*Линдóринанд {Lindórinand}

См. «Лóриэн (2)».

Линдóриэ {Lindórië}

Сестра Эарендура, пятнадцатого
Правителя Андúниэ, мать Инзилбêт,
бабка Тар-Палантира.

*Лисгарð {Lisgardh}

Поросшая тростниками
местность в Устьях Сириона. //
Возможно, не без связи с кельтск.
lios «сад» (ср. ирл. lios «крепость,
жилье», ранне-ирл. liss, less
«укрепление, жилье», брет. les
«двор», др. — брет. lis) и gáradh,
gárradh «сад» (ирл. gardhadh, др. —
ирл. garrda) или garadh, garaidh
«заросли, подлесок, чаща».

*лиссуйн {lissuin}

Ароматный цветок с Тола
Эрессэа. //Возможно созвучие с
кельтск. leus, lias «светильник,
светоч»; ср. валл. llwys «чистый,
ясный».

Лихолесские Горы {Mountains of
Mirkwood}

См. «Эмин Дуйр», «Эмин-ну-
Фуин».

Лихолесье {Mirkwood}

Огромный лес к востоку от
Мглистых Гор, ранее называвшийся
«Эрин Гален», «Зеленолесье
Великое». См. «Таур-ну-Фуин»,
«Таур-э-Ндаэделос», «Эрин
Ласгален»; «Лихолесские Горы».

лоа {loa}

Эльфийский солнечный год.

*Лонд Даэр {Lond Daer}

Ну́мено́рская гавань с верфями в
Эриадоре в устье Гватло́,
основанная Тар-Алдарионом,
который назвал ее «Виньялондэ». В
переводе «Великая Гавань»;
называлась также «Лонд Даэр Энед
{Enedh}», «Великая Срединная
Гавань».

Лорган {Lorgan}

Правитель истерлингов в
Хитлуме после Нирнаэта
Арноэдиад, в рабстве у которого был
Туор. //Возможно, связано с кельтск.
lorg «посох» (ср. норв. lurk
«дубинка»).//

*Лóринанд {Lórinand}

См. «Лóриэн (2)».

Лóриэн {Lórien}

(1) Название валинóрской обители Валы, которого по-настоящему звали Ирмо, но часто называли Лóриэном.

(2) Страна Галадрима между Келебрантом и Андуином. Записаны многие другие формы этого названия: нандоринское Лóринанд (квенийск. Лауренандэ, синдаринск. Глорнан, Нан Лаур), происходящее от более старого Линдóринанд, «Долина Поющего Золота». Назывался «Золотым Лесом»; см. также «Двиморден», «Лотлóриэн».

Лоссарнах {Lossarnach}

Местность на северо-востоке

Лебеннина возле истоков реки Эруи.
(Название, как говорится, означает
«Цветущий Арнах», где «Арнах» —
донуменорское название.

лоте́ссэ {Lótessë}

Квенийское название пятого
месяца по нуменорскому календарю,
соответствующего маю. См.
«лотрон».

Лотириэль {Lothiriel}

Дочь Имрахилья Дол-
Амротского; жена Короля Эомера
Роханского и мать Эльфвайна
Дивного.

Лотлори́эн {Lothlórien}

Название «Лори́эн»,
предваренное синдаринским словом
«лот {loth}» «цветок».

лотрон {Lothron}

Синдаринское название пятого месяца. См. «лótессэ».

Лоэг Нинглорон {Loeg
Ningloron}

«Заводи золотых водяных
цветов», синдаринское название
«Ирисных Низин».

Л'ûн {Lhûn}

Река на западе Эриадора,
впадавшая в Залив Л'ûн. «Залив
Л'ûн». Часто употребляется
измененное произношение «Лун».

Лун {Lune}

Произношение «Л'ûн».

Лучиэнь {Lúthien}

Дочь Тингола и Мелиан, которая
после Похода за Сильмариллом и

смерти Берена избрала стать смертной и разделить его судьбу. Звалась «Тинúвиэль», «Соловей». // Имя взято из Кистямурского перевода.//

Люди Короля {King's Men}

Нúменóрцы, враждебные

Эльдару. «Клика Короля».

Лякошель-Бэггинсы {Sackville-

Baggins}

Фамилия семьи хоббитов в

Шире. «Ото Лякошель-Бэггинс»,

«Лото».

Маблунг {Mablung}

По прозванию «Охотник»; дориатский эльф, главный полководец Тингола, друг Түрина.

Майар {Maïar}

(//Собирательное мн.ч., мн.ч. «Майары»,// ед.ч. «Майя»). Айнуры, менее высокие, чем Валары.

*Малантур {Malantur}

Нүменóreц, потомок Тар-Элендила.

*Малгалад {Malgalad}

Король Лóриэна, пал в Битве на Дагорладе; возможно, тождественен Амдúру.

Малдуин {Malduin}

Приток Тейглина. //Ирл., др. —
ирл. mall «медленный, тихий».

*малинорнэ {malinornë}

Квенийская форма
синдаринского «маллорн».

маллорн {mallorn}

Название огромных деревьев с
золотыми цветами, привезенных с
Тола Эрессэа в Эльдалондэ в
Нúменóre, и росших впоследствии в
Лотлóриэне. Квенийск.

«малинорнэ», мн.ч. «малинорни».

маллос {mallos}

Золотой цветок в Лебеннине.

Малый Народец {Little People}

См. «Хоббиты».

*Мáмандил {Mámandil}

Имя, взятое Халлакаром, когда

он начал встречаться с Анкалимэ. // Созвучно с кельтск. *mám* «большой круглый холм», ирл. *там* «гора», ср. — ирл. *тамм* «грудь»: лат. *тамма* «мать, грудь».

Манвэ {Manwë}

Глава Валаров. Назывался «Старшим Королем». См. «Свидетели Манвэ». // Созвучно с кельтск. *manadh* «знамение, удача»: ранне-ирл. *mana* «знамение», лат. *monere* «предупреждать, советовать», англо-сакс. *manian* «предупреждать, убеждать, предотвращать». -Wë — квенийск. суффикс, происходящий от сравнительного союза *ve* «как, словно», и образующий прилагательное *со* значением

свойства («Начальный курс квенья», урок 29).//

Мандос {Mandos}

Название аманской обители Валы, настоящее имя которого Нáмо, но которого обычно называли Мандосом. «Проклятие Мандоса»; «Рок Мандоса»; «Второе Пророчество Мандоса». //См. выше о созвучии с кельтск. словом *manadh* «знамение, удача».

Мардил {Mardil}

Первый Правящий Наместник Гондора. Звался «Воронвэ» «Стойким» и «Добрый Наместником». //Помимо основной этимологии *m(b)ar* — «дом» + — *(n)dil* «верный, приверженный»,

возможна и побочная, основывающаяся на созвучии с кельтск. *maog* «чиновник правосудия или управляющий поместьем»: ирл. *maog* «чиновник», др. — нем. *máir*, валл. *maer* «наместник»; от лат. *maior*, откуда и англ. *mayor* «мэр».

Марка {Mark, The}

Самоназвание страны рохирримов. «Риддермарк»; «Марка Всадников»; «Маршалы Марки». См. «Восточна марка, Западная марка». // *Marc|k*: от др. — англ. *mearc|e*, что в старом и среднем английском означало «знак, отмеченное место; граница, предел». Ср. др. — верхненем. *marcha* «приграничье», др. — норв. *mo,rk* «лес (граница)»,

готск. *marka* «край, берег», лат. *margo*,
англо-сакс. *mearc* — «граница»./

*Мархари {Marhari}

Предводитель северян в Битве на
Равнинах, где и был убит; отец
Мархвини. // *Mýre*, *mere* = *mare*
«кобыла, лошадь» (ср. нем. *Mähre*
(др. — верхненем. *meriha*)), откуда
tearh «конь, лошадь» (ср. др. —
верхненем. *marrak*, др. — норв. *mar*
«кобыла»). Также и кельтск. *marc*
«лошадь, конь»: ирл. *marcach*
«всадник», валл., корн., брет. *march*./

*Мархвини {Marhwiní}

«Друг коней», предводитель
северян (Эотэода), которые
поселились в Андуинских Долинах
после Битвы на Равнинах, и союзник

Гондора в борьбе с кибитниками.

Маэглин {Maeglin}

Сын Эола и Арэдели сестры
Тургона; стал в Гондолине
могущественным и выдал его
Морготу; убит Түрином при
разграблении города.

Маэдрос {Maedhros}

Старший сын Феанора.

Маяки Гондора {Beacons of
Gondor}

Мглистые Горы {Misty
Mountains}

Великий горный хребет в
Средиземье, протяженный с севера
на юг и образующий восточную
границу Эриадора; на синдарине
назывались «Хитаэглир». Во многих

местах называются просто «Горы».

меарас {mearas}

Кони Рохана. //Nom. и Асс. мн.ч.

от mearh «конь, лошадь» (см. выше).//

Межевой Ручей {Mering Stream}

«Граничный Ручей», текший с

Эреда Нимрайс и впадавший в
Энтову Купель, по которому
проходила граница между Роханом и
Гондором; на синдарине называлс
«Гланхíр».

Мелиан {Melian}

Майя, Королева при Короле

Тинголе Дориатском, вокруг
которого она выставила завесу чар;
мать Лучиэни и прародительница
Элронда и Элроса. «Завеса Мелиан».
//Ср. эльдаринск. mel- «друг,

любимый»; кельтск. meal
«наслаждаться, обладать»: ирл.
mealadh «обладание, наслаждение»;
финск. mieltyä «полюбить,
привязаться», mieli «душа, ум,
характер»./

Мелькор {Melkor}

Великий восставший Вала,
начало зла, изначально
могущественнейший из Айнур;
впоследствии звался «Моргот», см.

*Мен-и-Наугрим {Men-i-
Naugrim}

«Дорога Гномов», название
Старого Лесного Тракта.
Переводилась как «Гномский Тракт».

Менегрот {Menegroth}

«Тысяча пещер», скрытые

чертоги Тингола и Мелиан на реке
Эсгалдуин в Дориате.

Менель {Menel}

Верхнее небо, где находятся
звезды.

Менельдил {Meneldil}

Сын Ана́риона и третий Король
Гондора.

Менельдур {Meneldur}

См. «Тар-Менельдур».

Менельтарма {Meneltarma}

Гора посреди Ну́менора, на
вершине которой было Святилище
Эру Илу́ватара (см. «Эру»). (Без
названия в видении Туора). В
переводе «Столп Небес» («Столп»)
Называлась также «Святой Горой»,
«Священной Горой Ну́менорцев».

Мериадок Брендизайк {Meriadoc Brandybuck}

Хоббит из Шира, один из Хранителей Кольца.

Мертвый Народ Дун-Борони {Dead Men of Dunharrow}

См. «Дун-Боронь».

Мертвые Болота {Dead Marshes}

Обширная заболоченная местность к юго-востоку от Эмина Муйл, где были видны павшие в Битве на Дагорладе.

*Метед-эн-Глад {Methed-en-Glad}

«Край Леса», крепость в Дор-Кúартоле на опушке леса к югу от Тейглина.

Мûм {Mîm}

Гном-карлик, в жилище которого («Бар-эн-Данвед») на Амоне Рûд жил с разбойниками Тûрин, и который выдал их логоворкам; убит Хûрином в Нарготронде.

Мин-Риммон {Min-Rimmon}

«Риммонский Пик» (скалы), пятый из маяков Гондора в Эреде Нимрайс.

Миналькар {Minalcar}

См. «Рóмендакил II».

Минардил {Minardil}

Двадцать пятый Король Гондора.

Минастир {Minastir}

См. «Тар-Минастир».

Минас Анор {Minas Anor}

«Башня Солнца», впоследствии названная Минас Тирит; город

Ана́риона у подножия горы
Миндоллуин. См. «Анорский
Камень».

Минас Итиль {Minas Ithil}

«Башня Луны», впоследствии
названная Минас Моргул; город
Исилдура, выстроенный на отроге
Эфеля Ду́ат. См. «Итильский
Камень».

Минас Моргул {Minas Morgul}

«Башня Чародейства», название
Минаса Итиль после взятия его
Призраками Кольца. См. «Владыка
Моргула».

Минас Тирит {Minas Tirith}

«Башня Стражи», выстроенная
Финродом Фелегундом [\[377\]](#) на Толе
Сирион. «Башня Короля Финрода».

*Минохтар {Minohtar}

Племянник Короля Ондохера;
пал в Итилиене в год 1944 Третьей
Эпохи в битве с кибитниками.

Минхириат {Minhiriath}

«Междуречье», местность в
Эриадоре между Барандуином и
Гватлó.

Мúрдайн {Mírdain}

См. «Гвайт-и-Мúрдайн».

Мúриэль {Míriel}

См. «Тар-Мúриэль».

мирувор {miruvor}

Напиток эльдаров.

Митлонд {Mithlond}

Гавани Эльдара в Заливе Л'ûн,
которыми правил Кúрдан. В переводе
«Серые Гавани».

Митрандир {Mithrandir}

Имя Гэндальфа у эльфов Средиземья. В переводе «Серый Странник {Pilgrim, Wanderer}», ср. также «Серый Посланец».

*Митреллас {Mithrellas}

Эльфийка из Лóриэна, спутница Нимродэли; взята в жены Имразôром Нýменóрцем; мать Галадора первого Правителя Дол-Амрота.

митрил {mithril}

Металл, известный как «морийское серебро», также был найден в Нýменóre.

Митрим {Mithrim}

Название большого озера на востоке Хитлума, а также местности

вокруг него и гор к западу, отделявших Митрим от Дор-Лóмина.

*Митталмар {Mittalmar}

Срединная часть Нýменóра, в переводе «Внутренние земли».

Митэйтель {Mitheithel}

Река в Эриадоре, стекавшая с Троллистых долин и впадавшая в Бруинен (Гремячую). В переводе «Ревущая {Hoarwell}».

Могильники {Barrow-downs}

Холмы к востоку от Старого Леса, среди которых стояли великие курганы, которые, как считалось, выстроили в Первую Эпоху праотцы аданов до прихода в Белерианд. См. «Тирн Гортад».

Мораннон {Morannon}

Главный (северный) проход в Мордор. В переводе «Черные Ворота»; назывались также «Вратами Мордора». «Дозорные башни Мораннона»; см. «Клык-Башни».

Морвен {Morwen}

(1) Дочь Барагунда (племянника Барахира отца Берена), жена Хúрина и мать Тúрина и Ниенор. См. «Эледвен», «Госпожа Дор-Лóмина» (под «Дор-Лóмин»).

(2) Лоссарнахская {of Lossarnach}

Гондорская дама, родственница Князя Имрахилия; жена Короля Тенгела Роханского.

Моргаи {Morgai}

«Черная Изгородь», внутренние горы, много ниже, чем *Эфель Дúат* и отделенные от него глубоким ущельем; внутреннее кольцо рубежей Мордора.

Моргот {Morgoth}

Прозвание Мелькора (см.).

Назывался «Черным Королем»; «Черным Властелином»; «Врагом»; «Бауглиром»; и у Дрúэдайна «Великим Черным».

Моргула, Владыка {Morgul, Lord of}

См. «Предводитель Назгúла», «Минас Моргул».

Мордор {Mordor}

Страна, которой непосредственно правил Саурон, к

востоку от Эфеля Дýат.

Мория {Moria}

«Черная Бездна», позднее название великих пещер, устроенных гномами народа Дарина под Мглистыми Горами. «Восточные врата Мории»; «Западные врата». См. «Хазад-Дûм».

Мормегиль {Mormegil}

Имя, данное Тúрину в бытность его военачальником в Нарготронде по его мечу (см. «Гуртанг»), и которым он именовался впоследствии в Бретиле. В переводе «Черный меч»; с упоминанием о самом Черном Мече стр. 134.

Морские Люди {Men of the Sea}

См. «Нúменóрцы».

*Морских Купцов, Гильдия
{Venturers, Guild of}

Братство мореходов, основанное
Тар-Алдарионом. См. «Уйнендили».

Мортонд {Morthond}

«Черный корень», река,
протекавшая в темной долине в горах
на юг от Эдораса, называвшейся
«Морнан», не только из-за двух
высоких гор, между которыми она
лежала, но и потому, что через нее
проходила дорога от Врат Мертвого
Народа, и жившие там люди не
ходили туда.

Мудрые {Wise, The}

Истари и величайшие эльдары
Средиземья. См. «Белый Совет».

Мундбург {Mundburg}

«Крепость Стражи», роханское
название Минаса Тирит.

Назгûлы {Nazgûl}

Рабы Девяти Колец Людей и
 верховные прислужники Саурона.
 «Призраки Кольца»; «(Черные)
 Всадники»; «Девятеро». См.
 «Предводитель Назгûла».

Найт Лóриэна {Naith of Lórien}

«Треугольник» или «Клин»
 Лóриэна, выступ между Келебрантом
 и Андуином.

Наместники Гондора {Stewards
 of Gondor}

«Книга Наместников». См.
 «Арандур».

На́мо {Námo}

Вала, обычно звавшийся

Мандосом по названию его жилища.
//Имя Нáмо можно найти созвучным
с др. — ирл. náma «враг»; слово это
родственно греч. némesis
«возмездие», нѡмáѡ, нѣмѡ
«воздавать», др. — верхне-нем. nâma
«захват, овладение», нем. nehmen
«брать».

*Нан Лаур {Nan Laur}

См. «Лóриэн (2)».

Нан-Татрен {Nan-tathren}

«Ивовая долина», где река Нарог
впадала в Сирион. В переводе
«Ивовая Страна».

Нандор {Nandor}

Эльфы из числа Тэлери, которые
отказались переходить Мглистые
Горы в Великом Похоже с

Куйви́энена, но часть которых, возглавляемая Денетором, много спустя перебралась через Синие Горы и поселилась в Оссирианде («Зеленые эльфы»); о тех, кто остался к востоку от Мглистых Гор, см. «Лесные эльфы».

Прилагательное «нандорин».

Нандухирион {Nanduhirion}

Долина возле Зеркального озера между отрогами Мглистых Гор, в которую выходили Великие Врата Мории; в переводе «Димрилльский Дол». «Битва в Нандухирионе»; см. «Азанулбизар».

нарбелет {Narbeleth}

Синдаринское название десятого месяца. См. «нарквелиэ».

Нарви {Narvi}

Гном из Хазад-дûма, строитель
Западных врат, близкий друг
Келебримбора Эрегионского.

Нарготронд {Nargothrond}

<<Великая подземная крепость
на реке Нарог>>, выстроенная
Финродом Фелагундом и разрушенная
Глаурунгом; также владения
Нарготронда, простиравшиеся к
востоку и западу от Нарога. См.
«Нарог».

Нардол {Nardol}

«Огненная голова», третий из
маяков Гондора в Эреде Нимрайс.

нарквелиэ {Narquelië}

«Угасание солнца», квенийское
название десятого месяца согласно

Нүменóрскому Календарю,
соответствовавшего октябрю. См.
«нарбелет».

Нармакил {Narmacil}

(1) Семнадцатый Король

Гондора.

(2) Двадцать девятый Король

Гондора, павший в Битве на
Равнинах.

Нарог {Narog}

Главная река Западного

Белерианда, вытекавшая из Иврина
под Эредом *Вэтрин* и впадавшая в
Сирион в Нан-Татрене. «Истоки
Нарога»; «Долина Нарога»; «жители
долины Нарога»; «Нарожский
Владыка».

Нарсил {Narsil}

Меч Элендила, который был сломан, когда Элендил пал в поединке с Сауроном; был перекован для Арагорна из обломков и назван Андúрил.

Нарья {Narya}

Одно из Трех Колец Эльфов, которое носил Кúрдан, а впоследствии Митрандир.

Называлось «Кольцо Огня»; «Красное Кольцо»; «Третье Кольцо».

Недоселок, Селянин {Cotton, Farmer}

Толман Хлопчатник, хоббит из Уводья.

Нейтан {Neithan}

«Засуженный», имя, взятое Тúрином среди разбойников.

*Неллас {Nellas}

Эльфийка из Дориата, подруга
Тúрина в его детстве;
свидетельствовала против Саэроса
на суде Тúрина перед Тинголом.

нэнимэ {Nénimë}

Квенийское название второго
месяца согласно Нýменóрскому
Календарю, соответствовавшего
февралю. См. «нúнуи».

Неннинг {Nenning}

Река в Западном Белерианде, в
устье которой стояла Гавань
Эгларест.

Ненуйял {Nenuial}

«Озеро Сумерек» между
отрогами Сумеречных Гор (*»Эмин
{Emin} Уйял») к северу от Шира,

возле которого стояла старейшая
нүменóрская столица Аннүминас. В
переводе «Сумеречное».

Ненья {Nenya}

Одно из Трех Колец Эльфов,
которое носила Галадриэль.
Называлось «Белое Кольцо».

Нен Гирит {Nen Girith}

«Дрожащая Вода», название,
данное «Димросту» (см.), водопаду
на Келебросе в Бретильском Лесу.

*Нен Лалайт {Nen Lalaith}

Ручей, вытекавший из-под
Амона Дартир в Эреде Вэтрин и
протекавший возле дома Хурина в
Дор-Лóмине. См. «Лалайт».

*Нервен {Nerwen}

Имя, данное Галадриэли

матерью.

*нессамэльда {nessamelda}

Душистое вечнозеленое дерево, завезенное на Ну́менор эльдарами Эрессэа. (Название, вероятно, означает «возлюбленное Нессой», одной из Валиэр; ср. «вардарианна», «яваннамúрэ».)

Неувядающие Земли {Undying Lands}

Аман и Эрессэа. «Неувядающий Край».

*Нибин-Нозг, Нибин-Ногрим {Nibin-noeg, Nibin-nogrim}

Гномы-карлики. «Бар-эн-Нибин-нозг»; «Болота Нибин-ноэга». См. «Нозгит Нибин». //Слово «нозг» может оказаться созвучным ирл. noig

«зад», и указывать на рост гномов-карликов.//

Низвержение (Нúменóра)

{Downfall (of Númenor)}

Нимлот {Nimloth}

(1) «Белый Цветок», Древо Нúменóра. «Белое Древо».

(2) Эльфиянка из Дориата, вышедшая замуж за Диора Наследника Тингола; мать Эльвинг.

Нимродэль {Nimrodel}

(1) «Госпожа Белого Грота», эльфиянка из Лóриэна, возлюбленная Амрота, которая жила у водопадов Нимродэли, пока не ушла на юг и заблудилась в Эреде Нимрайс.

(2) Горная речка, впадавшая в

Келебрант (Серебрянку), названная по имени Нимродэли Эльфиянки, которая жила возле нее.

*Нûн-ин-Эйльφ {Nîn-in-Eilph}

«Лебяжьи Заводи», обширные болота в нижнем течении реки, которая в верховьях называлась «Гландуин». В переводе «Лебяжья».

*Ниндамос {Nindamos}

Главное поселение рыбаков на южном побережье Нýменóра в устье Сирила.

Нúниэль {Níniel}

«Дева-слеза», имя, которое Тýрин, не зная об их родстве, дал своей сестре «Ниэнор».

нúнуи {Nínui}

Синдаринское название второго

месяца. См. «нэ́нимэ».

Нирнаэ́т Арноэ́диад {Nirnaeth Arnoediad}

Битва «Бессчетных Слез», описанная в «Сильмариллионе», гл. 20; называется также просто «Нирнаэ́т»

*Нúсисмалдар {Nísimaldar}

Земля возле Гавани Эльдалондэ на западе Нúменóра; в тексте переводится как «Ароматные Деревья».

*Нúсинен {Nísinen}

Озеро на реке Нундуйнэ на западе Нúменóра.

Ниэнна {Nienna}

Одна из Валиэр (<<Королев Валар>>), Владычица жалости и

скорби.

Ниэнор {Nienor}

Дочь Хúрина и Морвен и сестра Тúрина; зачарованная Глаурунгом в Нарготронде и не помнящая своего прошлого, вышла замуж за Тúрина в Брети́ле под именем «Нúниэль». В переводе «Скорбь».

Ноготрим {Nogothrim}

Гномы. (См. Приложение к «Сильмариллиону», статья «Науг»)

Ногрод {Nogrod}

Один из двух городов Гномов в Синих Горах.

*Нойринан {Noirinan}

Долина у южного подножия Менельтармы, в начале которой находились захоронения Королей и

Королев Ну́менора. В переводе
«Долина Могил».

Нолдор {Noldor}

Называются «Учеными

{Loremasters}»; второе из Трёх Колен
Эльдара в Великом Походе с
Куйви́энена, чья история является
основным содержанием

«Сильмариллиона». «Верховный

Король Нолдора»; «Врата Нолдора»,

см. «Аннон-ин-Гэлид»; «Высокое

Наречье Нолдора», см. «Квенья»;

«Владычица Нолдора», см.

«Галадриэль»; светильники Нолдора.

Прилагательное «нолдорин». Ед.ч.

«нолдо».

*Но́лимон {Nólimon}

Имя, данное Вардамиру, сыну

Элроса (о значении см. Приложение к «Сильмариллиону», статья «Гûл»).

Ноэгит Нибин {Noegyth Nibin}

Гномы-Карлики. См. «Нибин-

НОЭГ».

*Hýam, Лeca {Núath, Woods of}

Леса, раскинувшиеся к западу от
верховь реки Нарог.

*Нумеллótэ {Númellóte}

«Цветок Запада» = «Инзиладûн».

*Нúмендил {Númendil}

Семнадцатый Правитель

Анду́ниэ.

Нúменор {Númenor}

«Вестернессэ», «Западная

Земля», большой остров,

приготовленный Валарами для

Эдайна после окончания Первой

Эпохи. Назывался «Великий Остров», «Остров Королей», «Остров Вестернессэ», «Дарованная Земля», «Земля Звезды»; см. также «Акаллабêт», «Эленна-нóрэ», «Йôzâйян». Ссылки на «Низвержение Нýменóра» даны в отдельной записи. (В полной квенийской форме «Нýменóрэ» {Númenóre}).

Нýменóрцы {Númenóreans}

Люди Нýменóра. «Короли Людей»; «Заморские Люди»; см. также «Дýнэдайн». «Нýменóрский язык, наречье», см. «Адýнайский».

*«Нýмеррáмар» {Númerrámar}

«Крылья Запада», корабль Веантура, на котором Алдарион совершил свое первое путешествие в

Средиземье.

*Нундуйнэ {Nunduinë}

Река на западе Ну́менора, впадавшая в море в Эльдалондэ.

*Ну́нет {Núneth}

Мать Эрендис.

Ну́рнен {Núrnen}

«Печальные Воды», внутреннее море на юге Мордора.

*Нуруфантур {Nurufantur}

Один из «Феантури»; раннее «истинное» имя Мандоса, пока его не заменило имя На́мо. См. «Олофантур».

Нэвраст {Nevrast}

Местность к юго-западу от Дор-Лóмина, где жил Тургон перед тем, как отбыть в Гондолин.

*Ohop-хай {Oghor-hai}

Название, данное Дрúэдайну орками.

Общий язык {Common Speech}

См. «Вестрон».

Одинокая Гора {Lonely Mountain}

См. «Эребор», «Король Под Горой».

*ойолайрэ {oiolairë}

«Вечное Лето», вечнозеленое дерево, привезенное в Нúменор эльдарами Эрессэ, из которого вырезался Венок Возвращения, устанавливавшийся на нúменóрских кораблях. («Короллайрэ

{Corollairë}», Зеленый Курган
Деревьев в Валинóре, также
назывался «Корон {Coron}

Ойолайрэ: Приложение к
«Сильмариллиону», статья «Корон»
«Венок Возвращения».

Ойолоссэ {Oiolossë}
«Вечно-снежно-белая», Гора
Манвэ в Амане. См. «Амон Уйлос»,
«Таникветиль». //Весьма любопытно
созвучие с греч. аіés, аёеі «всегда,
вечно».

Окружные Горы {Encircling
Mountains}

См. «Эхориат».

Олóрин {Olórin}

Имя Гэндальфа в Валинóре (см.
особо стр. 396-7).

*Олофантур {Olofantur}

Один из «Феантури», см.;
раннее «истинное» им Лóриэна,
прежде чем его заменило имя Ирмо.
См. «Олофантур».

Ольвэ {Olwë}

Король Тэлери Альквалондэ на
побережье Амана. //Кельтск. ólach
«гостеприимный».

*Ондосто {Ondosto}

Место в Форостаре (Северные
Земли) Нýменóра, вероятно, особо
связанное с каменоломнями этой
местности (квенийск. «ондо»
«камень»).

Ондохер {Ondoher}

Тридцать первый Король
Гондора, павший в битве с

кибитниками в год 1944 Третьей
Эпохи.

*Онодло́ {Onodló}

Синдаринское название реки
Энтова Купель.

Онодрим {Onodrim}

Синдаринское название энтов.
См. «Энид».

Орден Волшебников {Order of
Wizards}

См. «Херен Истарион».

орки {Orcs}

См. особо стр. 385. «Орколюди»
Изенгарда.

*Орлег {Orleg}

Человек из разбойничьей шайки
Ту́рина, убитый орками на дороге в
Нарготронд.

Орлы {Eagles}

Криссаэгрима. Ну́менора (см. «Свидетели Манвэ»). В связи с упоминанием о Гваихире, который вынес Гэндальфа из Ортанка.

Ородрет {Orodreth}

Второй сын Финарфина; Король Нарготронда после смерти Финрода Фелагунда; отец Финдуилас. «Нарожский Владыка».

Ородруин {Orodruin}

«Гора Блещущего Огня» в Мордоре, в которой Саурон выковал Правящее Кольцо.

Оромет {Oromet}

Гора возле Андúниэ на западе Ну́менора, на которой была выстроена башня Тар-Минастира.

Оромэ {Oromë}

Один из великих Валар,
названный «Владыкой Лесов».

*Орофер {Oropher}

Король Лесных эльфов в
Зеленолесье Великом; погиб в Войне
Последнего Союза; отец Трандуила.

*Орростар {Orrostar}

«Восточные Земли», восточный
выступ Ну́менора.

Ортанк {Orthanc}

Великая ну́менорская башня в
Кольце Изенгарда, впоследствии
цитадель Сарумана. «Ортанкский
Камень», «Камень Ортанка»,
Палантёр Ортанка. //Or-фашнс
«рассудок, ум, хитроумие;
хитроумная работа». Ср. др. —

верхнем. urdank.//

Орфалх Эхор {Orfalch Echor}

Огромное ущелье поперек
Окружных Гор, через которой можно
было пройти в Гондолин; также
просто «Орфалх».

*Орхалдор {Orchaldor}

Нүменóreц, муж Айлинэли
сестры Тар-Алдариона; отец
Соронто.

Осгилиат {Osgiliath}

Главный город древнего Гондора
на восточном берегу Андуина.
«Камень Осгилиата», Палантёр.

Оссирианд {Ossiriand}

«Земля Семи Рек» между рекой
Гэлион и Синими Горами в Дни
Эльдара. См. «Линдон».

Оссэ {Ossë}

Майа Моря, подданный Ульмо.

Остохер {Ostoher}

Седьмой Король Гондора.

Остров Балар {Isle of Balar}

См. «Балар».

Остров Королей, Остров

Вестернессэ {Isle of Kings, Isle of Westernesse}

См. «Нúменор».

Остфолд {Eastfold}

Часть Рохана по северным склонам Эреда Нимрайс к востоку от Эдораса. (Корень «фолд» происходит от англо-саксонского folde «земля, страна, местность», как и в «Фолде».)

Ост-ин-Эдиль {Ost-in-Edhil}

Город эльфов в Эрегионе.

*Отмели {Undeeps}

Два больших извива Андуина к западу, называвшиеся «Северной и Южной Отмелями», между Бурными Землями и Роханским Волдом.

Охтар {Ohtar}

Оруженосец

Исилдура,

принесший обломки Нарсила в Имладрис. (Об имени «Охтар», «воин», см. стр. 282).

Падьев Ручей {Deeping-stream}

Ручей, вытекавший из

Хельмовой Пади в Вестфолд.

*Падьева Дорога {Deeping-road}

Дорогая, шедшая на север от

Падьевой Лощины и соединявшаяся с

Великим Трактом к востоку от

Изенских Бродов. (ср. с <<развилкой

Тракта и дороги на Горнбург>> стр.

363).

Падьева Лощина {Deeping-

soomb}

Долина, ведшая в Хельмову

Падь.

*Падья {Deeping, The}

Очевидно, синоним «Падьевой

Лощины»).

Палантíри {Palamtíri}

(Ед.ч. «Палант́ур»). Семь

Зрящих Камней, принесенных
Элендиллом и его сыновьями из
Нúменóра; созданы Феанором в
Амане. (В *utApp-3* часто называется
просто «Камень» («Камни»)).

«Паларран» {Palarran}

«Дальний Странник», большой
корабль, выстроенный Тар-
Алдарионом.

*Палландо {Pallando}

Один из Синих Волшебников
(«Итрин Луин»).

*Пармайтэ {Parmaitë}

Имя, данное Тар-Элендилу.
(Квеньиск. *парма* «книга»; второй

корень, несомненно, — *майтэ* {-*maitë*} «-рукий», ср. «Тар-Телеммайтэ»).

Парт Гален {Parth Galen}

«Зеленая Лужайка», луга на северных склонах Амона Хен по берегу Нен Хитоэль {Hithoel}.

Парт Келебрант {Parth Celebrant}

«Поле (луг) Серебрянки»; синдаринское название, обычно переводившееся «Поле Келебранта», см.

Пеларгир {Pelargir}

Город и гавань в дельте Андуина.

Пелендур {Pelendur}

Наместник Гондора.

Пеленнор(ские Поля) {Pelennor
(Fields)}

«Огражденная Земля»,
«предмestье» Минаса Тирит,
защищавшееся стеной Раммаса Эхор,
на которой произошла величайшая
битва в Войне Кольца.

Пелóри {Pelóri}

Горы на побережье Амана.

Перегрин Тук {Peregrin Took}

Хоббит из Шира, один из
Хранителей Кольца. Звался
«Пиппин».

Переправы {Crossings, The}

См. «Тэйглин».

периан {Perian}

Синдаринское

переводящееся слово,
«полурослик

{Halfling}», см.; мн.ч. «перianneat {periannath}».

Пиппин {Pippin}

См. «Перегрин Тук».

Пираты Умбара {Corsairs of Umbar}

См. «Умбар».

Победитель Рока {Master of Doom}

См. «Турамбар».

Подкняжий {Underking}

(в Рохане).

Поле Келебранта {Field of Celebrant}

Частичный перевод названи «Парт Келебрант», см. Луга между реками Серебрянка (Келебрант) и Лимлайт; в узком гондорском

значении земля между низовьем Лимлайта и Андуином. «Поле Келебранта» часто употребляется в сочетании «Битва на Поле Келебранта», победа Кириона и Эорла над Балхотом в год 2510 Третьей Эпохи, упоминания о которой приведены здесь. («Келебрант»).

Полурослики {Halflings}

Хоббиты; перевод

синдаринского «перианнат».

«Страна Полуросликов»;

«Полуросликовский Лист». См.

«периан».

Порос {Poros}

Река, текшая с Эфеля Дúат и впадавшая в Андуин выше его

дельты. См. «Поросские Броды».

Поросские Броды {Fords of the Poros}

Переправы на реке Порос на Харадском Тракте.

Последний Союз {Last Alliance}

Лига, созданная в конце Второй Эпохи между Элендилем и Гил-Гэладом для победы над Сауроном; также «Союз», «Война (Последнего) Союза».

Правители Андúниэ {Lords of Andúnië}

См. «Андúниэ».

Предводитель Назгûла {Lord of the Nazgûl}

Также назывался

«Предводителем Призраков Кольца»,

«(Черным) Предводителем»,
«Владыкой Моргула», «Королем-
Чародеем».

Пригорье {Downs, The}

Упоминание о Белом Пригорье в
Западном Уделе Шира.

Призраки Кольца {Ringwraiths}

См. «Назгûл».

*Пришлецы {Incomers}

См. «Истерлинги», «Бродда».

*Проужины Леса {Narrows of the
Forest}

«Пояс» поперек Лихолесья,
образованный Восточным Уступом.

*Прыжок Лани {Deer's Leap}

См. «Кабед-эн-Арас».

пúкели {Rúkel-men}

Роханское название статуй на

дороге в Дун-Боронь, также
использовалось и для общего
эквивалента «Дру́эдайну», см.
«Старая Страна пукелей».

Р'ованион {Rhowanion}

Пустошь, обширная местность к востоку от Мглистых Гор. «Король Р'ованиона», Видугавия.

Р'осгобель {Rhosgobel}

Жилище Радагаста на опушке Лихолесья возле Каррока. (Название, как сказано, означает <<охристый {russet} хутор» (т. е., огороженное поселение)>>.)

Р'ûн {Rhûn}

«Восток», используется в основном как название земель дальнего востока Средиземья.

Р'удаур {Rhudaur}

Одно из трех королевств, на

которые разделился Арнор в IX в. Третьей Эпохи, лежавшее между Мглистыми Горами, Троллистым плато и Заветерью.

Равнина Битвы {Battle Plain}

См. «Дагорлад».

*Рагнир {Ragnir}

Слепой слуга в доме Хурина в Дор-Лóмине.

Радагаст {Radagast}

Один из Истари (Волшебников).

См. «Айвендил». //Средиземское его имя созвучно сочетанию ra`dh «речь» (ирл. rádh, др. — ирл. rád, ráidiu «говорю», готск. rôdja «говорю», и gaoistean «умелец», ирл. gaistín.//

Раздол {Rivendell}

Перевод синдаринского

«Имладрис», см.; дом Элронда в глубокой долине в Мглистых Горах.

Рána {Rána}

«Странник», название Луны.

*ранга {ranga}

Нúменóрская мера, полный шаг, чуть длиннее одного ярда [\[378\]](#).

*Рас Мортиль {Ras Morthil}

Название «Андраста», см.

Рат Дúнен {Rath Dínen}

«Улица Молчания» в Минасе Тирит.

Ревущая {Hoarwell}

См. «Митэйтель».

Регион {Region}

Чащи, образовывавшие южную часть Дориата.

Рúан {Rían}

Жена Хуора и мать Туора. //
Возможно, от ирл. *rian* «путь,
дорога», ранне-ирл. «путь».

Ривиль {Rivil}

Речка, бежавшая на север из
Дортониона и впадавшая в Сирион в
Серехских Топях {Fen of Serech}.

Риддермарк {Riddermark}

См. «Марка». //Вероятно, от
rídan → *ride*|n, *ride*; др. — англ. *ge-
ridan* «доехать до чего-л., проехать;
добыть». Ср. нем. *reiten* (др. —
верхненем. *rítan*), др. — норв. *riða*.

Ринглó {Ringló}

Река в Гондоре, впадавшая в
Мортонд к северо-востоку от Дол-
Амрота. (Говорится, что Ринглó
<<первые свои воды брала из

высокогорного ледника, питавшего ледяное горное озеро. Если во время таяния снегов оно разливалось широким разливом, можно предположить, что это послужило поводом для такого названия, одного из многих, относящихся к истокам рек.>> См. об «Гватлó», стр. 263.)

*рóг {Róg}

Действительное название (мн.ч. «рóгин») Дрúэдайна в языке Рохиррима, представленное переводом «Лешаки {Woses}».

Рóмендакил {Rómendacil}

I Таростар, восьмой Король Гондора, принявший титул «Рóмендакил», «Восточный победитель» после отражения

первых нападений на Гондор истерлингов.

II Миналькар, долгие годы Регент, а впоследствии девятнадцатый Король Гондора, принявший титул «Рóмендакил» после великого разгрома истерлингов в г. 1248 Третьей Эпохи.

Рóменна {Rómenna}

«Обращенная к востоку», большая гавань на востоке Нúменóра. «Фьорд Рóменны»; «Залив Рóменны».

Рохан {Rohan}

Гондорская форма синдаринского названия «Рохан(д), «Страны Коней», большой травянистой равнины, бывшей

изначально северной частью Гондора и называвшейся тогда «Каленардон», см. (О названии см. стр. 318). См. «Марка»; «Роханская Пройма»; «Рохиррим».

*Рохан(д) {Rochan(d)}

См. «Рохан».

Роханская Пройма, Пройма {Gap of Rohan, The Gap}

Проем шириной около 20 миль между оконечностью Мглистых Гор и северным выступом отрогов Белых Гор, через который протекала река Изен. «Каленардонская Пройма».

Рохиррим {Rohirrim}

«Повелители Коней» Рохана. «Всадники Рохана». См. «Эорлинги», «Эотэод».

*Рохон Метэстель {Rochon
Methestel}

«Всадник Последней Надежды»,
название песни, сложенной о
Борондире Удалрафе {Udalraph}, см.

*Рú, Рúатан {Rú, Rúatan}

Квенийские формы,
происходящие от слова «Друһу»,
соответствующего синдаринскому
«Дрû, Дрúадан».

*Садор {Sador}

Слуга Хúрина в Дор-Лóмине и друг Тúрина в детстве, которого тот называл «Лабадал», см.; звался «Одноног».

Сарнский Брод {Sarn Ford}

Частичный перевод «Сарн Атрад», «Каменистый Брод», брод через Барандуин на самой южной оконечности Ши́ра.

Сарн Атрад {Sarn Athrad}

«Каменистый Брод», где Гномский Тракт из Ногрода и Белегоста пересекал реку Гэлион.

Саруман {Saruman}

«Умелец», имя у людей

«Курун́у́ра» (перевод), одного из Истаров (Волшебников) и главы их ордена. См. «Курумо», «Курун́у́р»; «Белый Посланник». //От searu|o «устройство; доспех; хитрость, изворот; хитроумие, искусство». Ср. др. — верхненем. saro, готск. поэт. sarw- (sarwa — «орудия»).//

*Саpх ниа Хûн Хýрин {Sarch nia Hîn Húrin}

«Могила Детей Хýрина»
(Бретиль).

Саурон {Sauron}

«Отвратный», величайший из слуг Мелькора, по происхождению — майа Ауле. Звался «Темным Властелином», «Темной Силой», также см. «Аннатар», «Артано»,

«Аулендил», «Остров Саурана», см.
«Тол-ин-Гаурхот».

Саэрос {Saeros}

Эльф-нандор, советник Короля
Тингола; обидел Түрина в
Менегроме, и тот загнал его до
смерти.

*Свидетели Манвэ {Witnesses of
Manwë}

Орлы с Менельтармы.

Священная Гора {Holy Mountain}

См. «Менельтарма». (В

«Сильмариллионе» Священная Гора
— Таникветиль.)

Северная Пустошь {Northern
Waste}

Холодные земли на дальнем
Севере Средиземья (названные также

«Фородвайт», см. Введение, стр. 14).

Северо-Южный Тракт {North-South Road}

См. «Дороги».

Северное Королевство
{North(ern) Kingdom, Northern Realm}

См. «Арнор».

Северное Пригорье {North Downs}

Всхолмье в Эриадоре к северу от Ши́ра, где был выстроен Форност.

*Северные Земли (Нúменóра)
{Northlands (of Númenor)}

См. «Форостар».

*Северный Мыс {North Cape}

Оконечность Форостара,
северный выступ Нúменóра.

Северяне {Northmen}

Конники Р'ованиона, союзники Гондора, в древности родственные Эдайну; от них происходит «Эотэод», см.; с упоминанием о Рохирриме, стр. 372. «Свободные Люди Севера».

Серебрянка {Silverlode}

См. «Келебрант».

серегон {seregon}

«Кровь Камня», растение с ярко-красными цветами, росшее на Амоне Рûд.

Серех {Serech}

Большие болота к северу от Сирионского Прохода, где в него впадала река Ривиль из Дортониона.

Серни {Serni}

Одна из рек Лебеннина в

Гондоре. (Название происходит от синдаринского «серн», «камешек», эквивалента квенийского «сарниэ {sarnië}», «галька, голыши». <<Хотя Серни была самой короткой из рек, ее название продолжалось до самого моря, после их слияния с Гилрайном. Устье ее было заложено галькой, и в любом случае корабли, подходившие к Андуину и направлявшиеся в Пеларгир, проходили восточным берегом Тола Фалас и шли морским проходом, проделанным нúменóрцами посреди дельты Андуина.>>)

Серые Горы {Grey Mountains}

См. «Эред Митрин».

Серые эльфы {Grey-elves}

Эльфы-Нандоры Оссирианда.

*Серый Посланник {Grey

Messenger}

См. «Митрандир».

Серый Странник, Серый Путник

{Grey Pilgrim, Grey Wanderer}

См. «Митрандир».

Сизрека {Greyflood}

См. «Гватлó».

*Сизручей {Greylin}

Название, данное Эотэодом реке, стекавшей с Эреда Митрин и сливавшейся с Андуином возле его истока. (Вторая основа названия, должно быть, англо-саксонское hlunn «поток», буквально означавшее, вероятно, «шумный».) //Возможна такая этимология: hlyhhan, hlihhan,

hlhhan → lingen, laughe(n) *laugh*
«смех».

Шизохуст {Greyhame}

«Серая накидка», имя

Гэндальфа в Рохане. //Согласен с тем,
кто сочтет это имя неуклюжим и
никуда не годным. Готов принять
ваши варианты.

Сильмариллы {Silmarils}

Три драгоценных камня,
созданных Феанором до порушения
Двух Дерев Валинóра и наполненных
их светом. См. «Война Камней».

Сильмариэнь {Silmarien}

Дочь Тар-Элендила; мать
Валандила, первого Правителя
Андúниэ и прародительница
Элендила Высокого.

Сильный Лук {Strongbow}

См. «Белег».

симбельминэ {simbelmynë}

Маленький белый цветок,

называвшийся также «альфирин» и «уйлос», см. В переводе «вечная память». //Возможны этимологии от др. — англ. *symbol* «пир, собрание; празднество» (ср. др. — шведск. *sumbil*, др. — норв. *sumbl*) и — *mynd* → *mynd(e) mind* др. — англ. «память, мысль»; гл. *munan* «иметь на уме».

Синдар {Sindar}

Серые эльфы; название, применявшееся ко всем эльфам тэлеринского происхождения, которых вернувшиеся нолдоры встретили в Белерианде, за

исключением Зеленых эльфов
Оссирианда. «Серые эльфы».

синдарин {Sindarin}

Синдарский язык. «Язык

Белерианда», «язык Серых эльфов».

Синее Кольцо {Blue Ring}

См. «Вилья».

Синие Волшебники {Blue

Wizards}

См. «Имрин Луин».

Синие Горы {Blue Mountains}

См. «Эред Линдон» и «Эред

Луин».

*Сирил {Siril}

Главная река Ну́менора,

протекавшая от Менельтармы на юг.

Сирион {Sirion}

Великая река в Белерианде.

«Болота Сириона»; «Сирионские
Гавани, Гавани Сириона» см.
«Гавани»; «Устья Сириона»;
«Брод(ы) Сириона»; «Истоки
Сириона»; «Долина (Русло)
Сириона».

*Cûr Ангрен {Sîr Angren}

См. «Ангрен».

*Cûr Нинглор {Sîr Ninglor}

Синдаринское название

«Ирисной Реки», см.

Скорбь {Mourning}

См. «Ниэнор».

Следопыты {Rangers}

Дúнаданы Севера после гибели
Северного Королевства, тайные
стражи Эриадора.

Смауг {Smaug}

Большой Дракон Эребора. Во многих местах упоминается просто как «Дракон».

Смеагорл {Smeagol}

Горлум.

Снежица {Snowbourn}

Река, вытекавшая из-под Голого Рога {Starkhorn} и протекавшая по Боронь-Долу и через Эдорас.

Совет {Council, The}

В разных местах: Совет Скипетра (Королевский Совет Нýменóра, см. особо стр. 216-17); Совет Гондора; Белый Совет, см.

Совет Элронда {Council of Elrond}

Совет, собранный в Раздоле перед отправлением Хранителей

Кольца.

Сокрытое Королевство {Hidden Kingdom}

Название, дававшееся и Гондолину, и Дориату; см. под этими названиями. «Сокрытый Король», см. «Тургон».

Сокрытый Город {Hidden City}

См. «Гондолин».

Сокрытый Народ, Сокрытый Край {Hidden People, Hidden Realm}

См. «Гондолиндрим», «Гондолин».

*Соломоголовые {Strawheads}

Презрительное именование Народа Хадора у истерлингов Хитлума.

*Соронтиль {Sorontil}

«Орлиный Рог», высокая гора на берегу северного мыса Нүменора.

*Соронто {Soronto}

Нүменорец, сын сестры Тар-Алдариона Айлинэли и двоюродный брат Тар-Анкалимэ.

Сполох {Shadowfax}

Великий роханский конь, на котором ездил Гэндальф во время Войны Кольца.

Средиземье {Middle-earth}

Называлось «Темными Землями», «Большой Землей».

*Старая Дружина {Old Company}

Название, данное изначальным членам шайки Түрина в Дор-Күартоле.

*Старая Страна Пúкелей, Старая
Пустошь Пúкелей {Old Rúkel-land,
Old Rúkel-wilderness}

См. «Дру́вайт Иаур».

Старшие Дети {Elder Children}

См. «Дети Илúватара».

Старший Король {Elder King}

См. «Манве». (На этот титул
претендует Моргот, стр. 67.)

Старый Брод {Old Ford}

Брод через Андуин на Старом
Лесном Тракте. См. «Каррокский
Брод».

Старый Лесной Тракт {Old
Forest Road}

См. «Дороги».

Старый Тук {Old Took}

Геронтиус Тук, хоббит из Шира,

дед Бильбо Бэггинса и прапрадед
Перегрина Тука.

Столп {Pillar, The}

См. «Менельтарма».

Страна Звезды {Land of the Star}

Нúменор; перевод квенийского

«Эленна-нóре {Elenna-nóre}» в

Клятве Сириона.

Страна Ив {Land of Willows}

См. «Нан-Тампен».

струсы {Stoors}

Один из трех народов, на
которые делились хоббиты; см.

«Буролапы». //Использован

кистямурский вариант перевода;

вообще же styrian → sture(n),

stire(n)|ste = *stir*, «двигаться,

шевелиться; беспокоиться, суетиться,

волноваться» (ср. др. — верхненем. stóren от staurjan, др. — норв. styrr). Возможна этимология от *store* др. — англ. «припасы, провизия» — от др. — фр. *estor*, в свою очередь от поздне-лат. *staurum*; др. — фр. *estorer*, *store*, от лат. *instauráre* «строить, возобновлять», что в поздней латыни имело также значение «обеспечивать, снабжать».

сúлимэ {Súlimë}

Квенийское название третьего месяца по нýменóрскому календарю, соответствующего марту. См. «гваэрон».

Сумеречные Озерья {Twilit Meres}

См. «Аэлин-Уйял».

*Сумрачные Острова {Shadowy Isles}

Вероятно, название «Зачарованных Островов», см.

Сýрион {Súríon}

См. «Тар-Сýрион».

*Сýтбург {Súthburg}

Прежнее название Горнбурга. // Вполне очевидна этимология от *sud south* «юг».

Сухая Река {Dry River}

Ложе реки, которая некогда текла из Окружных Гор и впадала в Сирион; образовывало проход в Гондолин.

Сэм(миум) Гэмджи {Sam(wise) Gamgee}

Хоббит из Шира, один из

Хранителей Кольца и спутник Фродо
в Мордоре. «Мастер Сэммиум». //Об
этимологии этого имени см.
подробно в «Комментариях» к
переводу М.Каменкович и
В.Каррик.//

*Тавар-ин-Дру́эдайн {Tawar-in-Drúedain}

«Дру́аданский Лес», см.

*Таварвайт {Tawarwaith}

«Лесной Народ», 'Лесные Эльфы'.

талан {talan}

(мн.ч. «тэлайн»). Деревянные площадки на деревьях в Лотлóриэне, на которых жили галадримы. См. 'флет'.

Талат Дирнен {Talath Dirnen}

Равнина к северу от Нарготронда, называвшаяся «Хранимая Равнина».

Талион {Thalion}

См. «Ху́рин». //Вероятно,
неслучайно созвучие с кельтск. thall
«сверх-, чрез-»: ср. ранне-ирл. tall.//

**тангайл {thangail}*

«Изгородь щитов», боевой строй
дúнаданов. //Вероятно, созвучен ирл.
apasaíl «защищать, спасать;
защита».

Тангородрим {Thangorodrim}

«Горы Тирании», выставленные
Морготом над Ангбандом;
разнесены в Великой Битве в конце
Первой Эпохи.

**таниквелассэ {taniquelassë}*

Благоуханное вечнозеленое
дерево, принесенное в Ну́менор
эльдарами Эрессэа.

Таникветиль {Taniquetil}

Гора Манве в Амане. См. «Амон Уйлос», «Ойолоссэ».

Таростар {Tarostar}

Имя, данное Рóмендакилу I, см.

Тар-Алдарион {Tar-Aldarion}

Шестой Правитель Нúменóра,
Король-Матрос; Гильдией Морских
Купцов прозванный «(Великим)
Капитаном». См. «Анардил».

Тар-Алькарин {Tar-Alcarin}

Семнадцатый Правитель
Нúменóра.

Тар-Амандил {Tar-Amandil}

Третий Правитель Нúменóра,
внук Элроса Тар-Миньятура.

Тар-Анáрион {Tar-Anárion}

Восьмой Правитель Нúменóра,
сын Тар-Анкалимэ и Халлакара

Хьярасторнийского. «Дочери Тар-Ана́риона».

*Тар-Андукал {Tar-Anducal}

Имя, взятое на престоле
Ну́менора Херукалмо, который занял
трон после смерти своей жены Тар-
Ванимэльдэ.

Тар-Анкалимон {Tar-Ancalimon}

Четырнадцатый Правитель
Ну́менора.

Тар-Анкалимэ {Tar-Ancalimë}

Седьмая Правительница
Ну́менора и перва Правящая
Королева, дочь Тар-Алдариона и
Эрендис. См. «Эмервен».

*Тар-Ардамин {Tar-Ardamin}

Девятнадцатый Правитель
Ну́менора, на аду́найском звался Ар-

Абаттарûк.

Тар-Атанамир {Tar-Atanamir}

Тринадцатый Правитель

Нúменóра, прозванный «Великим» и
«Противящимся».

Тар-Ванимэльдэ {Tar-Vanimeldë}

Шестнадцатая Правительница

Нúменóра и третья Правящая
Королева.

Тар-Калион {Tar-Calion}

Квенийское имя Ар-Фаразôна.

Тар-Калмакил {Tar-Calmacil}

Восемнадцатый Правитель

Нúменóра, по-адúнайски звавшийся
Ар-Белзагар.

Тар-Кирьятан {Tar-Ciryatan}

Двенадцатый Правитель

Нúменóра.

Тар-Менельдур {Tar-Meneldur}

Пятый Правитель Ну́менора,
звездочет, отец Тар-Алдариона. См.
«Элентирмо», «Иримон».

Тар-Минастир {Tar-Minastir}

Одиннадцатый Правитель
Ну́менора, отправивший флот против
Саурана.

Тар-Миньятур {Tar-Minyatur}

Имя Элроса как первого
Правителя Ну́менора.

Тар-Мúриэль {Tar-Míriel}

Дочь Тар-Палантира; была
принуждена к браку с Ар-
Фаразôном, и как его королева по-
адúнайски именуется «Ар-
Зимрафель».

Тар-Палантир {Tar-Palantir}

Двадцать четвертый Правитель
Нúменóра, раскаявшийся в делах
Королей и взявший имя на квенья
«Далеко глядящий»; по-адúнайски
именовался «(Ар-)Инзиладûн».

Тар-Сúрион {Tar-Súrión}

Девятый Правитель Нúменóра.

Тар-Телеммайтэ {Tar-

Telemmaitë}

Пятнадцатый Правитель

Нúменóра, прозванный так
(«Среброрукий») за свою любовь к
серебру.

*Тар-Телемнар {Tar-Telemnar}

Квенийское имя Ар-Гимилзôра.

Тар-Телпериэнь {Tar-Telperien}

Десятая Правительница

Нúменóра и втора Правящая

Королева.

*Тар-Фалассион {Tar-Falassion}

Квенийское имя Ар-Сакал $t\hat{o}$ ра.

Тар-Херун $\acute{u}$ мен {Tar-Herun $\acute{u}$ men}

Квенийское имя Ар-Ад $\acute{u}$ нах $\hat{o}$ ра.

*Тар-Хостамир {Tar-Hostamir}

Квенийское имя Ар-Зимратона.

Тар-Элендил {Tar-Elendil}

Четвертый Правитель Н $\acute{u}$ мен $\acute{o}$ ра,

отец Сильмариэни и Менельдура.

См. «Пармайтэ».

*Тар-Элестирнэ {Tar-Elestirnë}

«Госпожа со Звездой на челе»,

имя, данное Эрендис.

Тараннон {Tarannon}

Двенадцатый Король Гондора.

См. «Фаластур».

Тарас {Taras}

Гора на мысу Нэвраст, под которой стоял Виньямар, древнее поселение Тургона.

*Тарасский край {Taras-ness}

Взгорье, из которого поднималась Гора Тарас.

Тарбад {Tharbad}

Речной порт и город в месте, где Северо-Южный Тракт пересекал реку Гватлó, ко времени Войны Кольца разрушенный и заброшенный. «Тарбадский Мост».

Таркûн {Tharkûn}

«Человек с посохом», гномское имя Гэндальфа.

*Тармасундар {Tarmasundar}

«Корни Столпа», пять отрогов, отходивших от основания

Менельтармы.

Таур-ну-Фуин {Taur-nu-Fuin}

«Лес под Ночью». (i)

Позднейшее название

«Дортониона», см. (ii) Название

Лихолесья, см. См. «Таур-э-

Ндаэдэлос»

Таур-э-Ндаэдэлос {Taur-e-

Ndaedelos}

«Лес Великого Страха»,

синдаринское название Лихолесья,

см. См. «Таур-ну-Фуин».

Таур-эн-Фарот {Taur-en-Faroth}

Лесистые взгорья к западу от

реки Нарог над Нарготрондом.

«Фарот»; «Верховой Фарот».

Тейглин {Teiglin}

Приток Сириона, вытекавший из

Эреда Вэтрин и ограничивавший с юга Бретильский Лес. «Переправы Тейглина», «Переправы», где дорога в Нарготронд пересекала реку.

*Телепорно {Teleporno}

Высоко-эльфийское имя

«Келеборна (2)»

Телперион {Telperion}

Старшее из Двух Дерев, Белое Древо Валинóра. На тэлерине «Челперион {Tyelperion}».

Телумехтар {Telumechtar}

Двадцать восьмой Король Гондора; назывался «Умбардакилом» «Победителем Умбара» после своей победы над Корсарами в г. 1810 Третьей Эпохи.

Темная Сила {Dark Power}

См. «Саурон».

Темные Годы {Dark Years}

Годы владычества Саурона во Вторую Эпоху.

Темные Земли {Dark Lands}

Наименование Средиземья в Ну́менóre.

Темные Эльфы {Dark Elves}

См. «Авари».

Темный Властелин {Dark Lord}

Моргот; Саурон.

Тенгел {Thengel}

Шестнадцатый Король Рохана, отец Те́одена.

Тенистые Горы {Shadowy Mountains}

См. «Эред Вэтрин».

Те́одвин {Théodwyn}

Дочь Тенгела Короля Рохана,
мать Эомера и Эовин.

Тéоден {Théoden}

Семнадцатый Король Рохана,
пал в Битве на Пеленнорских Полях.
//Réoden «вождь племени, начальник,
правитель, князь, король». Ср. др. —
шведск. thiodan, др. — норв. þjóðann,
готск. þiudans.//

Тéодред {Théodred}

Сын Тéодена Короля Рохана; пал
в Первой Битве на Изенских Бродах.
//Ræd|é → reed, rede: «совет,
сказание»: др. — англ. «совет,
подсказка, решение; причина;
средство (от чего-л.)»; tó ræde
«решать»; др. — англ. to red(e)
«решать, разрешать (разгадывать)».

Ср. нем. Rat «совет», др. — норв. réð. Либо — от ráðan, réðan *rede* «совет, объяснение, прочтение (загадки)»: др. — англ. «советовать, устраивать; контролировать что-л., решать; править, направлять, объяснять, разгадывать, читать». Ср. нем. raten «советовать», др. — норв. ráða «решать, контролировать что-л. и др»., готск. (ga-)réðan «обеспечивать». Ср. также укр. рада «совет, собрание». Возможно также произвести это имя от ráede, ge-ráede → rede, др. — англ. «взнузданный; готовый, подготовленный»; ср. др. — верхненем. reiti (средненем. bereit), др. — норв. greiðr, готск. garaip̃s.//

Тингол {Thingol}

«Серый Плащ» (квен. «Синголло»), имя, под которым Эльвэ (синдарин. Элу), предводитель Тэлери в походе от Куйви́энена совместно с братом Ольвэ {Olwë}, и впоследствии Король Дориата, был известен в Белерианде. См. «Элу», «Эльвэ».

Тину́виэль {Tinúviel}

См. «Лучиэнь».

Ти́рн Горта́д {Tyrn Gorthad}

Синдаринское название

«Могильников», см.

Толсто́брюхлы {Bracegirdles}

Семейство хоббитов из Шира.

«Любелия Толсто́брюхл».

Тол Уй́нэн {Tol Uinen}

Остров в Заливе Ро́менны на

восточном побережье Ну́менора.

Тол Фалас {Tol Falas}

Остров в Заливе Белфалас возле
Этира Андуин.

Тол Эрессэа {Tol Eressëa}

См. «Эрессэа».

Тол-ин-Гаурхот {Tol-in-
Gaurhoth}

«Остров Оборотней», позднее
название Тола Сирион, острова на
реке на Сирионском Броде, на
котором Финрод выстроил башню
Минаса Тирит. «Остров Саурана».

Торба-на-Круче {Bag-End}

Дом Бильбо Бэггинса, а затем
Фродо Бэггинса и Сэммиума Гэмджи
в Хоббитоне в Шире.

Торин Дубоцит {Thorin

Oakenshield}

Гном из Дома Дарина, Король в изгнании, предводитель похода на Эребор; пал в Битве Пяти Воинств.

Торонгил {Thorongil}

«Орел Звезды», имя Арагорна в Гондоре, когда он служил Эктелиону II.

Торондор {Thorondor}

Повелитель

Орлов

Криссаэгрима.

Траин {Thrain}

I Гном из Дома Дарина, первый Король под Горой.

II Гном из Дома Дарина, Король в изгнании, отец Торины Дубощита; погиб в подземельях Дол-Гулдура.

Трандуûл {Thranduûl}

[\[379\]](#)Эльф-синдар,

Король

Лесных эльфов на севере Лихолесья;
отец Леголаса.

Трór {Thrór}

Гном из Дома Дарина, Король
под Горой во время нашествия Смауга,
отец Траина II; был убит в Мории
орком Азогом.

туйле {tuilë}

Первое время года («весна»)
«лоа».

Тук {Took}

Фамилия семейства хоббитов в
Западном Уделе Ши́ра. См.
«Пereгрин, Хильдифонс, Изенгар,
Старый Тук».

Тумхалад {Tumhalad}

Долина в Западном Белерианде

между реками Гинглим {Ginglith} и Нарог, где было разбито войско Нарготронда.

Тумхаладская Битва {Battle of Tumhalad}

См. «Тумхалад».

Туор {Tuor}

Сын Хуора и Рúan; вместе с Воронвэ пришел в Гондолин с посланием Ульмо; женился на Идрили дочери Тургона и с ней и их сыном Эарендилом спасся от разрушения города. «Топор Туора», см. «Драмборлег».

Турамбар {Turambar}

Имя, взятое Түрином в дни его жизни в Бретильском Лесу. В переводе «Победитель Рока»; сам

Тúрин перевел его как «Победитель Черной Тени». //В связи с синдаринским корнем *ambar-*, очевидно, есть смысл вспомнить ирл. *amhartan* «удача», родственное фр. *aventure* и англ. *adventure* //

Тургон {*Turgon*}

Второй сын Финголфина; жил в Виньямаре в Нэврасте, пока не ушел тайно в Гондолин, где правил до своей гибели при взятии города; отец Идрили матери Эарендила. Назывался «Сокрытым Королем».

Тúрин {*Túrin*}

Сын Хúрина и Морвен, главный герой предания, называющегося «Нарн и Хûн Хúрин». О других его именах см. «Нейтан», «Агарваэн»,

«Турин», «Мормегиль», «Дикарь из Чащи», «Турамбар».

*Турин {Thurin}

Имя, данное Түрину в Нарготронде Финдуилас; в переводе «Тайна».

«Туруфанто» {Turuphanto}

В переводе «Деревянный Кит», название, данное кораблю Алдариона «Хирилондэ {Hirilondë}», пока тот строился.

Тэлери {Teleri}

Третье из Трех Колен Эльдара в Великом Походе от Куйвиэнена; из которого были эльфы Альквалондэ в Амане и синдары и нандоры Средиземья. «Третий Клан». См. «Линдар».

тэлерин {Telerin}

Принадлежащий Тэлери или
тэлерам. Язык Тэлери.

Тэлхар {Telchar}

Знаменитый гном-кузнец из
Ногрода.

Уводье {Bywater}

Селение в Шире в нескольких милях к юго-востоку от Хоббитона.

*Удалраф {Udalraph}

См. «Борондир».

*уйлос {uilos}

Маленький белый цветок, называвшийся также «альфирин» и «симбельминэ» («вечная память»), см.

Уйнэн {Uinen}

Майа, Госпожа Морей, супруга Оссэ.

*Уйнэндили {Uinendili}

«Возлюбленные Уйнен», имя, данное Ну́менóрской Гильдии

Морских Купцов.

Уйнэниэль {Uinéniel}

«Дочь Уйнэн», имя, данное
Эрендис Валакаром Правителем
Андúниэ.

*Ульбар {Ulbar}

Нúменóрец, пастух на службе у
Халлатана Хьярасторнийского,
который стал моряком Тар-
Алдариона. «Жена Ульбара».

Ульдор {Uldor}

Прозванный «Проклятым»;
предводитель истерлингов, который
был убит в Нирнаэт Арноэдиад.

Ульмо {Ulmo}

Один из великих Валаров,
Владыка Вод. Назывался «Живущим
в Глубинах», «Владыкой Вод».

*Ульрад {Ulrad}

Член разбойничьей шайки
(«Гаурвайт»), к которой
присоединился Түрин.

Умбар {Umbar}

Огромная естественная гавань и
крепость нүменóрцев к югу от
Залива Белфалас; большую часть
Третьей Эпохи пробыла под властью
людей различного происхождения,
враждебных Гондору, известных как
«Пираты Умбара», см.

Умбардакил {Umbardacil}

См. «Телумехтар».

Умертвия {Barrow-wights}

Злые духи, обитавшие в
могильных курганах Могильников.

Унголиант {Ungoliant}

Огромная Паучиха, вместе с Мелькором уничтожившая Древа Валинора.

*Ўнер {Úner}

«Никто, не-муж {Noman}»; см. стр. 211.

*Урвен {Urwen}

Имя, данное Лалайт, дочери Хурина и Морвен, умершей в детстве.

у́римэ {Úrimë}

Квеньийское название восьмого месяца по нуменорскому календарю, соответствующего августу.

уруки {Uruks}

Англизированная форма слова *урук-хай* на Черном Наречье; раса орков большого роста и силы.

Фалас {Falas}

Западное побережье Белерианда к югу от Нэвраста. «Гавани Фаласа». //Любопытна омонимия с греч. *thalassa*, «волна».

Фаластур {Falastur}

«Владыка Побережий», имя Тараннона, двенадцатого Короля Гондора.

Фалатрим {Falathrim}

Эльфы-тэлеры Фаласа, правителем которых был Кúрдан.

Фангорн {Fangorn}

(i) Старейший из энтов и страж Леса Фангорн. В переводе «Древобород». (ii) Лес Фангорн, у

ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ОКОНЕЧНОСТИ
Мглистых Гор, на верховьях рек
Энтовой Купели и Лимлайта. См.
«Энтский лес».

Фарамир {Faramir}

(1) Младший сын Ондохера
Короля Гондора; пал в битве с
кибитниками.

(2) Младший сын Денетора II, Наместника Гондора; Военачальник Следопытов Итилиэна; после Войны Кольца Князь Итилиэнский и Наместник Гондора.

Farom {Faroht}

См. «Таур-эН-Фарот».

Фаэливрин {Faelivrin}

Имя, данное Финдуилас
Гвиндором.

Феанор {Fëanor}

Старший сын Финвэ, единокровный брат Финголфина и Финарфина; предводитель Нолдора в его восстании против Валаров; создатель Сильмариллов и *Палантіри*. «Сыновья Феанора»; «Феанориды». «Светильники Феанора».

Феантури {Fëanturi}

«Владыки Душ», Валары Нáмо (Мандос) и Ирмо (Лóриэн). См. «Нуруфантур», «Олофантур».

Фелагунд {Felagund}

Имя, под которым Финрод был известен после основания Нарготронда; см. «Финрод». «Двери Фелагунда».

Феларóf {Felaróf}

Конь Эорла Юного. //Fela, feolu
→ fel(e) «много-», ср. нем. viel
(др. — верхненем. fīlu), др. — норв.
fjal, готск. fily; и róf (поэт.)
«прославленный, славный, храбрый,
мощный», ср. др. — нем. ruof.//

Фенмарх {Fenmarch}

Местность в Рохане к западу от
Межевого Ручья.

Фили {Fili}

Гном из Дома Дарина;
племянник и спутник Торина
Дубощита; пал в Битве Пяти Воинств

Финарфин {Finarfin}

Третий сын Финвэ, младший из
единокровных братьев Феанора;
остался в Амане после Бегства

Нолдора и правил остатком своего народа в Тирионе; отец Финрода, Ородрета, Ангрода, Аэгнора и Галадриэли.

Финвэ {Finwë}

Король Нолдора в Амане; отец Феанора, Финголфина и Финарфина; убит Морготом в Форменосе.

Финголфин {Fingolfin}

Второй сын Финвэ, старший из единокровных братьев Феанора; Верховный Король Нолдора в Белерианде, живший в Хитлуме; убит Морготом на поединке; отец Фингона, Тургона и Арэдели. «Дом, народ Финголфина»; «сын Финголфина», Тургон.

Фингон {Fingon}

Старший сын Финголфина;
Верховный Король Нолдора в
Белерианде после своего отца; убит
Готмогом в Нирнаэт Арноэдиад;
отец Гил-Галада. «Сын Фингона»,
Гил-Галад.

Финдуилас {Finduilas}

(1) Дочь Ородрета,
возлюбленная Гвиндора; захвачена
при взятии Нарготронда, убита
орками на Переправах Тейглина и
похоронена в Хауде-эн-Эллет.

(2) Дочь Адрахиля, Князя Дол-
Амротского; жена Денетора II,
Наместника Гондора, мать Боромира
и Фарамира.

Финрод {Finrod}

Старший сын Финарфина;

основатель и Король Нарготронда, откуда его имя «Фелагунд», «пещерокопатель»; пал, защищая Берена в подземельях на Толе-ин-Гаурхот. «Финрод Фелагунд»; «Фелагунд». [Изменение имени на «Финарфин», см. стр. 255.]

Фириэнский Лес {Firien Wood}

Полностью «Халифириэнский Лес»; в Эреде Нимрайс по Межевому Ручью и на склонах Халифириэна. Также назывался «Фириэнхольт», см.; «Шепчущийся Лес»; и «Анварский Лес».

*Фириэнхольт {Firienholt}

Другое название Фириэнского Леса, с тем же значением. // *Holt* (др. — англ.) «дерево (древесина);

лес, роща». Ср. нем. Holz «древесина», др. — норв. holt «роща, поросль».

*Фириэн-дол {Firien-dale}

Ущелье, по которому протекал Межевой Ручей.

Фолд {Folde}

Местность в Рохане вокруг Эдораса, часть Королевских Земель. Fold — др. — англ. «земля, местность, страна». //В современном английском это слово означает «впадина, падь; створ; лоно».

Фолквайн {Folcwine}

Четырнадцатый Король Рохана, прадед Тёодена; вернул Рохану западную марку между Адорном и Изеном. //Этимология имени

прозрачна: folc → *folk* «народ»,
др. — англ. «народ, люди; войско»
(ср. нем. Volk, др. — норв. fólk); wine
— здесь и в других именах от др. —
англ. wine (поэт.) «друг». Ср. др. —
верхненем. wini, др. — норв. vinr; от
индо-евр. корня ven-, «любовь»
(санскр. van, «любовь»).//

*Форвег {Forweg}

Человек из Дор-Лóмина,
предводитель разбойничьей шайки
(«Гаурвайт»), к которой
присоединился Тύрин; убит
Тύрином.

Форност {Fornost}

«Северная Крепость»,
полностью — *Форност Эрайн*,
«Северин {Norbury} Королевский»,

стольный город Королей Арнора в Северном Пригорье после того, как был покинут Аннүминас.

*Форостар {Forostar}

Северный мыс Нүменора. В переводе «Северные Земли», «северная страна».

*Фортвини {Forthwini}

Сын Мархвини; предводитель Эотэода во времена Короля Ондохера Гондорского. // *forth* (совр. и др. — англ.) «вперед, постоянно».

Фрэалаф {Fréalaf}

Десятый Король Рохана, племянник Короля Хельма Молоторукого. // Древне-англ. *fréa* (поэт.) «властитель, хозяин» (ср. др. — верхненем. *fró*, готск. *frauja*);

др. — англ. *láf* «остаток, наследие». Ср. др. — верхненем. *leiba*, др. — норв. *leif*, готск. *laiba*.//

Фрека {Frecа}

Вассал Короля Хельма

Молоторукого, убитый им.

Фродо {Frodo}

Фродо Бэггинс, хоббит из Шира; Кольценосец в Войну Кольца. // Насколько мне известно, это имя принято возводить к древней форме англ. слова *pride* «гордость, доблесть». В порядке курьеза можно упомянуть и кельтск. *brod* «выбор из чего-л».//

Фрумгар {Frumgar}

Предводитель переселения

Эотэода на север из Андуинских

Долин. //Древне-англ. fruma «начало, происхождение; создатель, автор; (поэт.) князь»; ср. готск. fruma «первичный, первенствующий». Gár → gor(e) «копье, дротик». Ср. нем. Ger, др. — норв. geirr.//

Фьорд Дренгиста {Firth of Drengist}

См. «Дренгист».

Хадор {Hador}

Прозванный «Золотоволосым {Goldenhead}»; Господин Дор-Лóмина, вассал Финголфина, отец Галдора отца Хúрина; пал на Эйтеле Сирион в Дагоре Браголлах. «Дом, народ, род Хадора»; «сын Хадора», Галдор; «наследник (Дома) Хадора», Тúрин. «Шлем Хадора», см. «Драконий Шлем Дор-Лóмина».

Хазад-Дûм {Khazad-Dûm}

Гномийское название Мории.

Халадин {Haladin}

Второй народ Людей, вошедший в Белерианд; впоследствии назывались Народом (Людьми)

Халет {People of Haleth} (См. «Халет»)

Халдир {Haldir}

Сын Хальмира Бретильского; женился на Глорэдели дочери Хадора Дор-Ломинского; погиб в Нирнаэт Арноэдиад.

Халет {Haleth}

Звалась Госпожой Халет; предводительница Халадина, возглавившая переселение из Таргэлиона {Thargelion} в земли к западу от Сириона. «Дом, Народ, Люди {People of, Folk of, Men of} Халет». См. «Бретиль», «Халетрим».

*Халетрим {Halethrim}

Народ Халет.

халимат {Halimath}

Девятый месяц в ширском календаре. См. «яванниэ», «иваннет».

Халифириэн {Halifirien}

«Священная Гора», роханское название «Амона Анвар», см. «Халифириэнский Лес». См. «Эйленаэр». // Древне-англ. *hálig holy* «святой, священный»; ср. нем. *heilig*, др. — норв. *heilagr*, готск. рун. *hailag*.//

*Халлакар {Hallacar}

Сын

Халлатана

Хьярасторнийского; женился на Тар-Анкалимэ, первой Правящей Королеве Нүменора, с которой жил в ссоре. См. «Мамандил».

Халлас {Hallas}

Сын Кириона; тринадцатый
Правящий Наместник Гондора; ввел
названия «Рохан» и «Рохиррим».

*Халлатан {Hallatan}

Правитель Хьярасторни в
Митталмаре (Внутренних Землях)
Нúменóра; близкий родственник Тар-
Алдариона. Звался «Овечьим
Правителем».

Халмир {Halmir}

Правитель Халадина, отец
Халдира.

Хáма {Háma}

Управитель дома Короля
Тéодена. //От *hám home*: др. — англ.
«дом, жилище, владение». Ср. нем.
Heim, др. — норв. *heimr*, готск.

haims.//

*Хамûл {Khamûl}

Назгûл, второй после
Предводителя; обитал в Дол-Гулдуре
после его вторичного захвата в г. 2951
Третьей Эпохи. Звался «Тенью
Востока», «Черным Истерлингом».

Хамфаст Гэмджи {Hamfast
Gamgee}

Отец Сэма Гэмджи. (Имя
«Хамфаст» — англо-сакс. ha_m-fæst,
буквально «домосед», «привязанный
к дому».) Звался «Стариком
Гэмджи» и «Стариком».

Хандир {Handir}

Правитель Халадина, сын
Халдира и Глórэдели. «Сын
Хандира», Брандир Хромой.

Харад {Harad}

«Юг», общее название стран, расположенных далеко к югу от Гондора и Мордора. «Ближний Харад»; «Дальний Харад».

Харадвайт {Haradwaith}

«Южане», Харад.

Харадрим {Haradrim}

Народ Харада.

Харет {Hareth}

Дочь Халмира Бретильского, вышла за Галдора Дор-Лóминского; мать Хúрина и Хуора.

Харлиндон {Harlindon}

Линдон к югу от Залива Л'ûн.

*Хатолдир {Hatholdir}

Нúменóрец, друг Тар-Менельдура; отец Орхалдора.

Хауд-эн-Нденгин {Haudh-en-Ndengin}

«Курган Павших» в пустоши Анфауглит, в который были сложены тела эльфов и людей, погибших в Нирнаэт Арноэдиад. «Великий Курган».

Хауд-эн-Нирнаэт {Haudh-en-Nirnaeth}

«Курган Слез», другое название Хауда-эн-Нденгин, см.

Хауд-эн-Эллет {Haudh-en-Elleth}

Курган, в котором была похоронена Финдуилас Нарготрондская, возле Переправ Тейглина. (Неясно, какова связь между словом *эллет*, переводимым

как «эльфийская дева» и всегда выглядящим именно так, и словом элед {*eledh*}, «эльда» //ед.ч. от «Эльдар»//, которое можно видеть в имени Морвен Эледвен.) В переводе «Курган эльфийской девы».

Хвощевник {*Ferny*}

Семья людей в Брее. «Билл Хвощевник». //Не помню, из какого это перевода; но кистямуровское «Осинник» слишком слабо, на мой взгляд, связано с оригиналом, который буквально означает «папоротниковый». Насколько мне известно, папоротник ядовит для скота не менее, чем хвощ.//

Хелкараксэ {*Helcaraxe*}

Пролив между Араманом и

Средиземьем.

Назывался

«Вздыбленный Лед».

Хельм {Helm}

Король Хельм Молоторукий,
девятый Король Рохана.

Хельмова Падь {Helm's Deer}

Глубокое ущелье в северо-
восточной окраине Эреда Нимрайс,
при входе в которое был выстроен
Горнбург (см. «Рисунки Дж.
Р.Р.Толкиена», 1979, No. 26); названо
в честь Короля Хельма, который
укрывался там от своих врагов во
время Долгой Зимы г. 2758-9 Третьей
Эпохи.

*Хендерх {Henderch}

Человек из Западных Земель
Ну́менóра, моряк Тар-Алдариона.

Хеннет Аннûн {Henneth Annûn}

«Окно Заката», название пещеры

под водопадом в Итилиэне.

*Херен Истарион {Heren

Istarion}

«Орден Волшебников».

*Херукалмо {Herucalmo}

Муж Тар-Ванимэльдэ, третьей
Правящей Королевы Нýменóра;
после ее смерти захватил престол,
приняв имя Тар-Андукал.

Херунýмен {Herunúmen}

См. «Тар-Херунýмен».

Хильдифонс Тук {Hildifons

Took}

Один из дядюшек Бильбо
Бэггинса.

*«Хирилондэ» {Hirilondë}

«Находящий Гавань», огромный
корабль, выстроенный Тар-
Алдарионом. См. «Туруфанто».

Х́ирилорн {Hírilorn}

Огромный бук в Дориате с
тремя стволами, на котором была
заключена Лучиэнь.

х́исимэ {Hísimë}

Квенийское название
одиннадцатого месяца по
н́уменóрскому календарю,
соответствующего ноябрю. См.
«хитуи».

Хитаэглир {Hithaeglr}

Синдаринское название
«Мглистых Гор», см.

Хитлум {Hithlum}

Местность, с юга и востока

ограниченная Эредом Вэтрин, а с запада — Эредом Лóмин.

хитуи {Hithui}

Синдаринское название

одиннадцатого месяца. См.

«хúсимэ».

Хоббитон {Hobbiton}

Селение в Западном Уделе

Шира, дом Бильбо Бэггинса.

хоббиты {Hobbits}

Назывались «Малым Народцем»;

см. также «Полурослики», «Периан», «Ширцы».

Хозяйка Золотого Леса {Lady of the Golden Wood}

См. «Галадриэль».

Холман Зеленорук {Holman

Greenhand}

Хоббит из Ши́ра, садовник
Бильбо Бэггинса.

Хранимая Равнина {Guarded
Plain}

См. «Талам Дирнен».

Хранимый Край {Guarded
Realm}

См. «Дориат».

Хунтор {Hunthor}

Брети́лец, сотоварищ Ту́рина в
нападении на Глаурунга на Кабед-эн-
Арасе. «Жена Хунтора».

Хуор {Huor}

Сын Галадора Дор-Лóминского,
муж Ру́ан и отец Туора; ушел со
своим братом Ху́рином в Гондолин;
пал в Нирнаэте Арноэдиад. «Сын
Хуора», Туор.

хуорны {Huorns}

«Деревья», которые явились на Битву при Горнбурге и захватили орков. (Название, несомненно, синдаринское, содержащее *орн*, «дерево». Ср. слова Мериадока в «Двух Твердынях» III 9: <<Древобород говорит, что у них еще есть голоса, и они еще могут разговаривать с энтами — вот почему их называют хуорнами.>>)

Ху́рин {Húrin}

(1) Прозванный «Талион {Thalion}», в переводе «Стойкий»; сын Галдора Дор-Лóминского, муж Морвен и отец Ту́рина и Ниенор; Господин Дор-Лóмина, вассал Фингона; ушел со своим братом

Хуором в Гондолин; был пленен Морготом в Нирнаэт Арноэдиад, но презрел его, и был заключен им в Тангородрине на много лет; после освобождения убил в Нарготронде Мîма и принес Наугламир Королю Тинголу. «Сказание о Детях Хúрина».

(2) Хúрин Эмин-Арненский, Наместник Короля Минардила, от которого происходит Дом Наместников Гондора.

*Хьярасторни {Hyarastorni}

Земли под управлением
Халлатана в Митталмаре
(Внутренних Землях) Нúменóра.

Хьярмендакил I {Hyarmendacil}

«Южный Победитель»,
пятнадцатый Король Гондора.

*Хьярнустар {Hyarnustar}

«Юго-западные Земли», юго-западный полуостров Нýменóра.

*Хьярростар {Hyarrostar}

«Юго-восточные Земли», юго-восточный полуостров Нýменóра.

Червослов {Wormtongue}

См. «Грúма».

Черные Врата {Black Gate}

См. «Мораннон».

Черные Всадники {Black Riders}

См. «Назгûл».

*Черный Истерлинг {Black
Easterling}

См. «Хамûл».

*Черный Король {Black King}

См. «Моргот».

Черный Меч {Blacksword, Black
Sword}

См. «Гуртанг», «Мормегиль».

Черный Мор {Dark Plague}

См. «Великий Мор».

Черный Полководец {Black
Captain}

См. «Владыка Назгûла».

Ш

*Шарбхунд {Sharbhund}

Название Амона Rûd (см.) у гномов-карликов.

*Шепчущийся Лес {Whispering Wood}

См. «Фириэнский Лес».

Шир {Shire, The}

Основное место жительства хоббитов на западе Эриадора. «Ширский Календарь, Счет». «Ширцы {Shire-folk}».

Шлем Хадора {Helm of Nador}

См. «Драконий Шлем Дор-Лóмина».

Эа {Eä}

Мир, материальная Вселенная; эа, что на эльфийском означает «есть» или «да будет», было словом Илúватара, по которому Мир начал существовать.

*Эамбар {Eambar}

Корабль, выстроенный Тар-Алдарионом себе для жизни, где был Дом Гильдии Морских Купцов. (Имя, без сомнений, означает «Морской Дом».)

Эарвен {Eärwen}

Дочь Короля Ольвэ Альквалондского, жена Финарфина и мать Финрода, Ородрета, Ангрода,

Аэгнора и Галадриэли.

Эарендил {Eärendil}

Сын Туора и Идрили дочери Тургона, родившийся в Гондолине; женился на Эльвинг дочери Диора Наследника Тингола; отец Элронда и Элроса; с Эльвинг отплыл в Аман и молил о помощи против Моргота (см. стр. 156); вознесен плавать по небу на своем корабле «Вингилот» с Сильмариллом Лучиэни («Звездой»). «Камень Эарендила», Элессар.

Эарендур {Eärendur}

*(1) Младший брат Тар-Элендила, родившийся в год 361 Второй Эпохи.

(2) Пятнадцатый Правитель Андúниэ, брат Линдóриэ, бабки Тар-

Палантира.

Эарнил II {Eärnil}

Тридцать второй Король
Гондора, победитель харадримов и
кибитников в год 1944 Третьей
Эпохи.

Эарнур {Eärnur}

Тридцать третий и последний
Король Гондора; погиб в Минасе
Моргул {Morghul} [\[380\]](#).

Эгальмот {Egalthoth}

Восемнадцатый Правящий
Наместник Гондора.

Эгларест {Eglarest}

Самая южная из Гаваней Фаласа
на побережье Белерианда.

Эдайн {Edain}

(Ед.ч. адан {Adan} //мн.ч.

«аданы»//). Люди Трех Домов Друзей эльфов (квенийск. Атани, см.). См. «Аданэдель», «Дру́эдайн», «Ду́нэдайн».

*Эдельлонд {Edhellond}

«Эльфийская гавань» в Белфаласе возле слияния рек Мортонд и Рингло́, к северу от Дол-Амрота. Называлась «Гаванью Амрота»; другие упоминания см. стр. 241, 246-8.

*Эдельрим, Эледрим {Edhelrim, Eledhrim}

«Эльфы»; синдаринск. эдель, элед {edhel, eledh} и собирательное множественное окончание рим (см. Приложение к «Сильмариллиону», статья «Э́ль {êl}, Элен»).

Эдорас {Edoras}

«Дворы», на наречии Марки название королевского города Рохана на северном краю Эреда Нимрайс. «Эдорасский Призыв».

Эйленах {Eilenach}

Второй из маяков Гондора в Эреде Нимрайс, самое высокое место Друаданского Леса.

*Эйленаэр {Eilenaer}

Донúменóрское (связанное с «Эйленах») название «Амона Анвар» («Халифириэна»), см.

Эйтель Сирион {Eithel Sirion}

«Исток Сириона» с восточной стороны Эреда *Вэтрин*; употребляется в связи с нолдорской крепостью («Барад Эйтель»),

стоявшей там.

*экет {eket}

Короткий обоюдоострый меч.

Эктелион {Esthelion}

(1) Гондолинский эльф,
звавшийся Господином Источников и
Стражем Великих Ворот.

(2) Двадцать пятый Правящий
Наместник Гондора, второй с этим
именем; отец Денетора II.

эланор {elanor}

(1) Маленький золотой цветок в
виде звездочки, который рос и на
Толе Эрессэа, и в Лотлóriэне.

(2) {Elanor} Дочь Сэммиума
Гэмджи, названная так в честь
цветка.

*Элатан Андúниэский {Elatan of

Andúnië}

Нúменóreц, муж Сильмариэни,
отец Валандила первого Правителя
Андúниэ.

Эледвен {Eledhwen}

Имя Морвен.

*Эледрим {Eledhrim}

См. «Эдельрим».

*Элеммакил {Elemmakil}iv

Эльф из Гондолина, начальник
стражи внешних ворот.

Эленвэ {Elenwë}

Жена Тургона; погибла при
переходе Хелкараксэ.

Элендил {Elendil}

Сын Амандила, последнего
Правителя Андúниэ, потомок
Эарендила и Эльвинг, но не по

прямой линии Королей Нүменóра; с сыновьями Исилдуром и Анáрионом бежал от Затопления Нүменóра и основал нүменóрские владения в Средиземье; пал вместе с Гил-Галадом, победив Саурана в конце Второй Эпохи. Звался «Высоким» и «Верным» ((«Воронда»)).

«Наследник(и) Элендила», «Дом Элендила». «Звезда Элендила», см. «Элендилмир». «Камень Элендила», *Палантíр* Эмина Берайд.

Элендилмир {Elendilmir}

Белый драгоценный камень, который носили как знак королевской власти на лбу Короли Арнора (о двух камнях с этим названием см. стр. 277). «Звезда

Элендила»; «Звезда Севера,
Северного королевства».

Элендур {Elendur}

Старший сын Исилдура, пал в
Ирисных Низинах.

*Эленна-нóрэ {Elenna-nóre}

«Земля, названная Обращенной
к Звездам», Ну́менор; более полная
форма названия Эленна,
встречающаяся в «*Сильмариллионе*»
и «*Властелине Колец*».

Элентирмо {Elentirmo}

«Звездогляд», имя Тар-
Менельдура.

Элессар {Elessar}

(i) Большой зеленый
драгоценный камень с целительной
силой, созданный в Гондолине для

Идрили дочери Тургона, которая передала его своему сыну Эарендилу; Элессар, который Арвен дала Арагорну, был либо вернувшимся камнем Эарендила, либо каким-то другим. «Камень Эарендила»; «Эльфийский камень». (ii) Имя, предсказанное Арагорну Олóriном, и имя, под которым он стал Королем воссоединенных владений.

«Эльфийский камень».

*Элестирнэ {Elestirnë}

См. «Тар-Элестирнэ».

Элостирион {Elostirion}

Самая высокая из Белых Башен на Эмине Берайд, на которой находился *Палантíр*, называвшийся Камнем Элендила.

Элронд {Elrond}

Сын Эарендила и Эльвинг, брат Элроса Тар-Миньятура; в конце Первой Эпохи выбрал принадлежность к Перворожденным и оставался в Средиземье до конца Третьей Эпохи; хозяин Имладриса и хранитель Вильи, Кольца Воздуха, которое он получил от Гил-Галада. Звался «Полуэльфом». См. «Совет Элронда».

Элрос {Elros}

Сын Эарендила и Эльвинг, брат Элронда; в конце Первой Эпохи выбрал быть сочтенным среди Людей, и стал первым Королем Ну́менóра, назвавшись «Тар-Миньятур», см. «Ветвь Элроса,

потомки Элроса».

Элу Тингол {Elu Thingol}

Синдаринская форма «Эльвэ Синголло». См. «Тингол».

Эльвинг {Elwing}

Дочь Диора Наследника Тингола, которая, спасшись из Дориата с Сильмариллом, вышла за Эарендила в Устьях Сириона и отправилась с ним в Аман; мать Элронда и Элроса.

Эльвэ {Elwë}

См. «Тингол».

*Эльдалондэ {Eldalondë}

«Гавань Эльдара» в Заливе Эльданна в устье реки Нундуйнэ в Ну́менóre; называлась «Зеленой».

*Эльданна {Eldanna}

Большой залив на западе Ну́менора, названный так <<потому, что он был обращен к Эрессэ>>, (т. е. *эльда(p)* + суффикс — *(н)на* движения к чему-либо: ср. *Эленна*, *Ро́менна*).

Эльдар {Eldar}

Эльфы Трех Колен (Ваньяр, Нолдор и Тэлери). «Эльдарин (эльфийские языки). «Эльфы Белерианда», «Эльфы Эрессэ»; во многих других отрывках слово «Эльфы» само по себе синонимично «Эльдару».

*Эльмо {Elmo}

Эльф из Дориата, младший брат Эльвэ (Тингола) и Ольвэ Альквалондского; по одной версии

дед Келеборна.

Эльфвайн Дивный {Elfwine the Fair}

Сын Эомера Короля Рохана и Лотириэли, дочери Имрахилия Князя Дол-Амротского.

Эльфийский камень {Elfstone}

См. «Элессар» (1) и (2).

Эльфийский Новый Год {Elves' New Year}

Эльфхельм {Elfhelm}

Всадник Рохана; вместе с Гримболдом военачальник рохирримов во Второй Битве на Изенских Бродах; вел войска, вошедшие в Анóриэн; при Короле Эомере Маршал Восточной марки. // Явно означает «эльфийский шлем»:

helm или helmet «шлем», в др. — англ. также «защитник». Ср. нем. Helm, др. — норв. hjálmr, готск. hilms, др. — русск. «шелом».

*Эмервен (Аранэль) {Emerwen (Aranel)}

«(Принцесса-)Пастушка», имя, данное Тар-Анкалимэ в юности.

*Эмериэ {Emerië}

Местность овечьих пастбищ в Митталмаре (Внутренние Земли) Нуменора. «Белая Госпожа Эмериэ», Эрендис.

Эмин Берайд {Emyn Beraid}

Горы к западу от Эриадора, на которых были выстроены Белые Башни. В переводе «Башенные горы». См. «Элостирион».

*Эмин Дуйр {Emyn Duir}

«Темные Горы», Лихолесские Горы. См. «Эмин-ну-Фуин».

Эмин Муйл {Emyn Muil}

«Тоскливое Взгорье», гористая, скалистая и (особенно в восточной части) голая местность возле Нена Хитозль («Мглисто-холодной Воды») над водопадами Раурса.

*Эмин-ну-Фуин {Emyn-nu-Fuin}

«Горы под Ночью», позднее название Лихолесских Гор. См. «Эмин Дуйр».

Энедвайт {Enedwaith}

«Срединный народ», между реками Сизрекой (Гватлó) и Изеном (см. особо стр. 262-4).

*Энердил {Enerdhil}

Ювелир из Гондолина.

Энид {Enyd}

Синдаринское название энтов
(мн.ч. от *онод*, см. «Онодлó»,
«Онодрим»).

Энтов Брод {Entwade}

Брод через Энтову Купель.

Энтова Купель {Entwash}

Река, протекавшая через Рохан
из Леса Фангорна к Ниндальфу. См.
«Онодлó».

Энтский Лес {Entwood}

Роханское название Леса
Фангорна.

«Энтулессэ» {Entulessë}

«Возвращение», корабль, на
котором Веантур Нýменóрец
совершил первое плавание к

Средиземью.

Энты {Ents}

См. «Энид», «Онодрим».

Эовин {Éowyn}

Сестра Эомера, жена Фарамира; победительница Владыки Назгûла в Битве на Пеленнорских Полях.

Эол {Eöl}

«Темный Эльф» из Нана Эльмот {Elmoth}, отец Маэглина.

Эомер {Éomer}

Племянник и приемный сын Короля Тёодена; во время Войны Кольца — Третий Маршал Марки; после смерти Тёодена — восемнадцатый Король Рохана; друг Короля Элессара.

Эомунд {Éomund}

*(1) Главнокомандующий войска
Эотэода во время Похода Эорла.

(2) Главный Маршал Марки
Рохана; женился на Тэодвен сестре
Тэодена; отец Эомера и Эовин.

Эонвэ {Eönwë}

Один из величайших Майаров,
звавшийся Вестником Манвэ;
предводитель воинства Валаров в
войне с Морготом в конце Первой
Эпохи.

Эоред {éored}

Подразделение Всадников
Эотэода (подробное описание
значения этого слова в Рохане см. на
стр. 315).

Эорлинги {Eorlings}

Народ Эорла, Рохиррим; с англо-

саксонским окончанием, *Эорлингас* в переводе Эорловичи».

Эорл Юный {Eorl the Young}

Предводитель *Эотэода*; выехал из своей страны на дальнем Севере на помощь Гондору против вторжения Балхота; получил Каленардон в дар от Кириона Наместника Гондорского; первый Король Рохана. Звался «Правителем *Эотэода*», «Предводителем Всадников», «Владыкой Рохиррима», «Королем Каленардона», «Королем Марки Всадников». «Хроника Эорла», «Сказание об Эорле», «Кирион и Эорл»; «Клятва Эорла»; слова клятвы стр. 304-5. //Имя, вероятнее всего, происходит от

древнеангл. *earl* «благородный, вождь, эрл»; в поэт. смысле «муж, храбрец». Ср. др. — шведск. *erl* «муж», др. — норв. *jarl* (сканд. рун. *erilaz*) «благородный, князь».

Эотэод {éothéod}

Название народа, впоследствии называвшегося Рохирримом, а также их страны (см. стр. 315). «Всадники, Конники Севера». // *ƿeod* → *ƿed(e)* «племя, народ; страна, населенная неким народом, племенем». Ср. др. — верхненем. *diota*//eo, др. — норв. *þjóð*, готск. *þiuda*.

*Эофор {Eofor}

Третий сын Брего второго короля Рохана; предок Эомера.

*Эохере {éohērē}

Термин, использовавшийся
рохирримами дл обозначения
полного призыва своей кавалерии (о
значении см. стр. 315)

*эпессэ {epessë}

«После-имя», получаемое
эльдаром в дополнение к данным
именам (essi). //Интересующихся
значением имен в жизни эльдаров
могу отослать к статье «The Beleifs
and the Notions of the Fair Elves, или
Несколько страниц Книг Знаний
Элдар) Торина Оукеншильда (Павла
Парфентьева), каковую можно найти
на 2:5030/441, elves.arj.//

Эребор {Erebor}

Одинокое стоящая гора к востоку
от самой северной части Лихолесья,

в которой было Королевство гномов под Горой и логово Смауга. «Одинокая Гора».

Эрегион {Eregion}

«Страна Дубровника», которую люди называли *Холлин*; нолдорское владение, основанное во Вторую Эпоху Галадриэлью и Келеборном, в тесной связи с Хазад-Дûмом; уничтожено Сауроном. «Холлин».

Эред Вэтрин {Ered Wethrin}

Огромный загибающийся горный хребет, граничивший с запада с Анфауглитом (Ард-Галеном {Ard-galen}), а с юга образовавший рубеж между Хитлумом и Западным Белериандом. В переводе «Горы Тени» и «Тенистые Горы».

Эред Линдон {Ered Lindon}

«Горы Линдона», другое

название «Эреда Луин», см.

Эред Литуйи {Ered Lithui}

«Изгарные Горы»,

образовывавшие северный рубеж

Мордора. // Прекрасно знаю, что Ash

— это «Пепельные», но

Кистямурский вариант мне

представляется много более

выразительным.//

Эред Лóмин {Ered Lómin}

«Горы Отзвуков {Echoing

Mountains}», образовывавшие

западный рубеж Хитлума. «Горы

Отзвуков Ламмота».

Эред Луин {Ered Luin}

Великая горная цепь

(называвшаяся также «Эред Линдон», см.), отделявшая Белерианд от Эриадора в Былые Дни, а после разрушения в конце Первой Эпохи образовывавшая северо-западный береговой рубеж Средиземья. В переводе «Синие Горы»; назывались «Западными Горами».

Эред Митрин {Ered Mithrin}

«Серые Горы», простиравшиеся

с востока на запад к северу от Лихолесья.

Эред Нимрайс {Ered Nimrais}

«Горы Белых пиков», большой

горный массив к югу от Мглистых Гор. «Белые Горы».

Эрейнион {Ereinion}

«Отпрыск Королей», имя,
данное Гил-Галаду.

Эрелас {Erelas}

Четвертый из маяков Гондора в
Эреде Нимрайс. (Возможно,
донуменорское название; хотя
название по звучанию синдаринское,
у него в этом языке нет подходящего
значения. <<Это была зеленая гора
без деревьев, поэтому ни эр-
«одинокий», ни лас(с) «лист», не
кажутся применимыми.>>)

*Эрендис {Erendis}

Жена Тар-Алдариона («Жена
Моряка»), между которыми была
большая любовь, превратившаяся в
ненависть; мать Тар-Анкалимэ.
Звалась «Госпожой Западных

Земель» и «Белой Госпожой Эмериэ»; см. также «Тар-Элестирнэ» и «Уйнэниэль».

Эрессэа {Eressëa}

«Одинокий Остров» в

Эльдамарском Заливе. «Тол Эрессэа».

Эриадор {Eriador}

Земли между Мглистыми и Синими Горами.

*Эрин Ворн {Eryn Vorn}

«Темный Лес», большой мыс на побережье Минхириата к югу от устья Барандуина.

Эрин Гален {Eryn Galen}

Великий лес, обычно называющийся переводным именем «Зеленолесье Великое», см.

Эрин Ласгален {Eryn Lasgalen}

«Лес Зеленых листьев»,

название данное Лихолесью после
Войны Кольца.

Эркенбранд {Erkenbrand}

Всадник Рохана, Глава {Master}

Вестфолда и Горнбурга; при Короле
Эомере — Маршал Западной марки.

//Возможно, от earċe → arke (из.
др. — фр.), *ark* «грудь», и *branta*
(поэт.) «высокий, крутой».

Эру {Eru}

«Единый», «Тот, кто Один»:

Илúватар. «Эру Илúватар). «Святыня
Эру» на Менельтарме.

*Эрукьермэ {Erukyermë}

«Моление Эру», весеннее

празднество в Ну́менóre.

*Эрулайталэ {Erulaitalë}

«Восславление Эру»,

празднество середины лета в
Нүменóre.

*Эруханталэ {Eryhantalë}

«Благодарение Эру», осеннее

празднество в Нүменóre.

Эрхамион {Erchamion}

См. «Берен (1)».

Эсгалдуин {Esgalduin}

Река в Дориате, разделяющая
леса Нелдорета и Региона и
впадающая в Сирион.

*Эстельмо {Estelmo}

Оруженосец Элендура,

уцелевший при несчастье в Ирисных
Низинах.

Эстолад {Estolad}

Страна к югу от Нана Эльмот в Восточном Белерианде, где люди — потомки Беора и Мараха жили после того, как пересекли Синие Горы.

Этир Андуин {Ethir Anduin}

«Выход Андуина», дельта

Великой Реки в Заливе Белфалас.

*Этрайд Энгрин {Ethraid

Engrin}

Синдаринское название (также в форме ед.ч. *Атрад* {*Athrad*}

Ангрен) Изенских Бродов, см.

Эфель Брандир {Ephel Brandir}

«Окружная изгородь Брандира»,

поселения людей Бретиля на Амоне Обель. «Эфель».

Эфель Дúат {Ephel Dúath}

«Изгородь Тени», горный хребет

между Гондором и Мордором.

*Эхад-и-Седрин {Echad i Sedrin}

«Стоянка Верных», название, данное прибежищу Түрина и Белега на Амоне Рûд.

Эхориат {Echoriath}

Горы, окружавшие Тумладен, Гондолинскую равнину. «Эред эн Эхориат»; «Окружные Горы»; «Горы Тургона».

Южное Королевство {Southern Kingdom}

См. «Гондор».

Южное Пригорье {South Downs}

Взгорье в Эриадоре к югу от Брея.

Южный Край {Southern Realm}

См. «Гондор».

Южный Удел {Southfarthing}

Одна из частей Шира.

Яванна {Yavanna}

Одна из Валиэр (<<Королев Валар>>), супруга Ауле.

*яваннамíрэ {yavannamírë}

«Драгоценность Яванны», благоуханное вечнозеленое дерево с алыми плодами, привезенное на Нúменор эльдарами Эрессэа.

яванныэ {Yavannië}

Квенийское название девятого месяца по нúменóрскому календарю, соответствующего сентябрю. См. «иваннет».

В «Сильмариллионе», стр. 212, говорится, что когда гавани Бритомбара и Эглареста были разрушены в год, последовавший за годом Нирнаэта Арноэдиад, уцелевшие эльфы Фаласа перебрались с Кúрданом на остров Балар, <<и там был приют для всех, кто приходил туда; ибо оплот их был также в Устьях Сириона, и там множество легких и быстрых кораблей скрывалось в устьях и протоках, где тростники были густы, как лес.>>

Светящие синим светом светильники эльфов-нолдоров упоминаются в некоторых местах, хотя их и нет в опубликованном тексте «*Сильмариллиона*». В ранних версиях сказания о Тúrине Гвиндор, эльф из Нарготронда, бежавший из Ангбанда и найденный Белегом в лесу Таур-ну-Фуин, хранил один из таких светильников (это видно по иллюстрации отца, изображающей их встречу, см. «Рисунки Дж. Р.Р.Толкиена», 1979, No. 37); и именно этот светильник, случайно раскрывшись, высветил Тúrину лицо

убитого им Белега. В примечании к истории Гвиндора они названы <<светильниками Феанора>>, и сами нолдоры не знали их секрета; они описываются как <<кристаллы, охваченные тонкой цепочкой; кристаллы, светящиеся изнутри неугасимым голубым сиянием>>.

«Да светит солнце на твой путь». — В гораздо более сжатом пересказе этой истории, приведенном в «*Сильмариллионе*», нет ничего о том, как Туор нашел Врата Нолдора, а также нет упоминаний об эльфах Гельмире и Арминасе. Они, однако, появляются в сказании о Түрине («*Сильмариллион*» стр. 231-2) как вестники, принесшие предостережение Ульмо в Нарготронд; и там говорится, что они были подданными Ангрода, сына Финарфина, который после Дагора

Браголлах жил на Юге с Кíрданом
Корабелом. В более развернутом
рассказе об их приходе в Нарготронд
Арминас, нелестно сравнивая
Тúрина с его родичем, говорит о том,
что он встречал Туора <<в пустошах
Дор-Лóмина>>; [см.](#) стр. 161.

В «Сильмариллионе», стр. 73, сказано, что когда в этих местах Моргот и Унголиант боролись за обладание Сильмариллами, <<Моргот издал ужасный вопль, который эхом повторили окрестные горы. Оттого эта земля была названа Ламмот; ибо отзвуки его голоса остались там навечно, так что любой громкий крик пробуждал их, и вся пустошь между горами и морем наполнялась голосами, полными боли и ярости.>> Здесь же, однако, сказано так, что любой звук, раздавшийся в этом месте,

разрастался и увеличивался сам по себе; и эта же мысль явно присутствует в начале гл. 13 «*Сильмариллиона*», где (словами, очень похожими на приведенные выше) сказано, что <<едва нолдоры ступили на берег, их кличи донеслись до гор и умножились так, что клик бессчетного множества голосов наполнил все берега Севера.>> Похоже, что, согласно одной «традиции», Ламмот и Эред Лóмин (горы Отзвуков) были названы так потому, что в них сохранились отзвуки страшного крика Моргота, сражавшегося с Унголиант; в то время как по другой традиции, эти топонимы лишь описывают вообще

характер звуков в этом месте.

См. «Сильмариллион», стр. 235:
<<И Түрин заторопился на Север по
опустошенным землям между
Нарогом и Тэйглином, а Гиблая Зима
шла ему навстречу; ибо в тот год снег
выпал раньше, чем кончилась осень,
а весна выдалась поздней, затяжной
и холодной.>>

В «Сильмариллионе», стр. 125, сказано, что когда Ульмо явился Тургону в Виньямаре и направил его в Гондолин, он сказал: <<Может случиться так, что рок Нолдора все равно найдет тебя, и измена заведется в стенах твоих. Тогда им будет грозить огонь. Но если и впрямь станет близка эта угроза, из Нэвраста придет некто предупредить тебя, и от него после огня и разрушений родится надежда для эльфов и людей. Потому оставь в этом чертоге доспехи и меч, чтобы в грядущем мог он найти их тут, и по

ним ты узнаешь его и не
обманешься.>> И Ульмо описал
Тургону, какими должны быть шлем,
кольчуга и меч, которые тот должен
был оставить.

Туор стал отцом Эарендила
{Eärendil}, отца Элроса Тар-
Миньятура, первого Короля
Нúменóра.

Речь идет, видимо, о том предупреждении, которое Гельмир и Арминас принесли от Ульмо в Нарготронд; [см. стр. 159](#) и далее.

Сумрачные Острова — это, вероятнее всего, Зачарованные Острова, описанные в конце «Сильмариллиона», гл. 11, которые были <<разбросаны, словно сеть, по Сумрачным Морям от севера до юга>> во время Сокрытия Валино́ра.

Ср. «Сильмариллион», стр. 212:
<<По велению Тургона>> [после
Нирнаэта Арноэдиад] <<Кúрдан
выстроил семь быстрых кораблей, и
они отплыли на Запад; но никаких
вестей так никогда и не пришло на
Балар от них, кроме одного,
последнего. Моряки этого корабля
долго трудились в море, и когда они
наконец, исполнившись отчаяния,
возвращались, корабль их потонул в
страшном шторме в виду берегов
Средиземья; но одного из них Ульмо
спас от ярости Оссэ, и волны
вынесли его и выбросили на берег в

Нэврасте. Имя его было Воронвэ; и он был одним из тех, кого Тургон выслал посланцами из Гондолина.>>
Ср. также «*Сильмариллион*», стр. 264-5.

Эти слова Ульмо в гл. 15 «*Сильмариллиона*» звучат так: <<Помни, что истинная надежда Нолдора живет на Западе и исходит от моря>>, а также <<Но если станет и впрямь близка эта опасность, из Нэвраста придет некто упредить тебя>>.

О дальнейшей судьбе Воронвэ после его возвращения с Туором в Гондолин в «Сильмариллионе» не сказано ничего; но в черновиках рассказа («О Туоре и Изгнанниках Гондолина») он был одним из тех, кто спасся при взятии города — о чем и говорит здесь Туор.

См. «Сильмариллион», стр. 166:
[Тургон] <<знал также, что снятие
Осады было началом падения
Нолдора, если только не придет им
помощь; и он выслал тайно отряды
гондолиндримов в устья Сириона и
на остров Балар. Там они строили
корабли и пускались в плаванье,
чтобы выпросить прощение и
помощь Валаров; и они искали
морских птиц, чтобы те направили
их. Но пустынны и дики были моря,
и тень и чары лежали на них; а
Валинор был сокрыт. Потому никто
из посланников Тургона не прибыл

на Запад, и многие пропали без вести, и немногие вернулись.>>

В одном из «составляющих текстов» *«Сильмариллиона»* говорится, что хотя нолдоры <<не владели искусством кораблестроения, и все, что строили они, шли ко дну или уносились ветрами>>, после Дагора Браголлах <<Тургон устроил тайное убежище на острове Балар>>, и когда после Нирнаэта Арноэдиад Кúрдан и остатки его народа бежали из Бритомбара и Эглареста на Балар, <<они смешались с жителями Тургоновской крепости, стоявшей там.>>. Но при обработке этот элемент был отброшен, и поэтому в

опубликованном тексте
«*Сильмариллиона*» нет упоминания о
том, что на Баларе жили эльфы из
Гондолина.

Леса *Нуат* не упоминаются в «*Сильмариллионе*» и не обозначены на карте, сопровождающей его. Они простирались к западу от верховьев Нарога к истоку реки Неннинг.

См. «Сильмариллион», стр. 229:
<<Финдуилас, дочь короля Ородрета {Orodreth}, узнала и приветствовала его,>> [Гвиндора] <<ибо она полюбила его еще до Нирнаэта, и Гвиндор так полюбил красоту ее, что назвал ее Фаэливрин, солнечным зайчиком на водах Иврина.>>

Река Глитуи не упоминается в «*Сильмариллионе*» и не надписана на карте, хотя и нанесена на нее: это приток Тэйглина, сливающийся с ним чуть к северу от впадения в Малдуин.

Дорога эта упоминается в «*Сильмариллионе*», стр. 223: <<Древняя дорога... что вела через длинную теснину Сириона, мимо острова, на котором стоял Минас Тирит Финрода, и дальше через землю меж Малдуином и Сирионом и через окраину Бретиля к Переправам Тэйглина.>>

«Смерть *Гламхоту!*» — Это слово, хотя оно и не встречается в «*Сильмариллионе*» и «*Властелине Колец*», в синдарине служило основным названием для орков. Означает оно «шумная, буйная орда»; с этими корнями связано имя меча Гэндальфа {Gandalf} Гламдринг и название Тол-ин-Гаурхот {Tol-in-Gaurhoth}, Остров (Орды) Оборотней.

Эхориат: Окружные Горы вокруг Гондолинской равнины; *Эред э-мбар нин*: «горы моего дома».

В «Сильмариллионе», стр. 217, Белег Дориатский говорит Тúрину (за несколько лет до описанных здесь событий), что орки проложили дорогу через Анахский {Anach} Перевал, <<и Димбар, доселе мирный, подпадает сейчас под власть Черной Руки>>.

По этой дороге Маэглин и Арэдель {Aredhel} бежали в Гондолин, преследуемые Эолом {Eöl} («*Сильмариллион*», гл. 16); впоследствии Келегорм и Куруфин пошли ею, когда были изгнаны из Нарготронда (там же, стр. 187). Только в данном тексте имеется упоминание о продолжении этой дороги на запад к древнему поселению Тургона в Виньямаре под горой Тарас; и на карте дорога эта отмечена лишь до ее перекрестка со старой южной дорогой в Нарготронд на северо-западной опушке Бретиля.

Название «Бритиах» содержит корень «брит» {brith}, «галька, щебень, каменистая местность», тот же, что и в названии реки Бритон {Brithon} и гавани Бритомбар.

В параллельной версии этого текста, практически однозначно отброшенной в пользу приведенной, путешественники не пересекают Сирион через Бритиахский брод, а выходят к реке в нескольких лигах к северу от него. <<Шли они трудною тропою по берегу реки, и вдруг Воронѣз воскликнул:

— Взгляни на чудо! И доброе, и злое предвещает нам оно. Сирион замерз, хотя о таком не рассказывает ни одно сказание со времен прихода

Эльдара с Востока. Теперь можем мы перейти его и избежать многих трудных миль, слишком долгих для наших сил. Но и другие смогут перейти его вслед за нами.>>

Они перешли по льду беспрепятственно, и <<так замысел Ульмо обернул злодейство Врага на пользу, ибо путь Туора и Воронёз сократился, и на исходе надежды и сил своих вышли они наконец к Сухой Реке там, где она выходит из отрогов гор.>>

См. «Сильмариллион», стр. 124:

<<Но был там глубинный путь под горами, пробитый во мраке мира водами, что текли к водам Сириона; и Тургон нашел тот путь, и вышел по нему на зеленую равнину меж горами, и увидел гору-остров твердого гладкого камня посреди ее; ибо долина эта в древние дни была большим озером.>>

В «Сильмариллионе» не говорится, что великие Орлы гнездились когда-либо в Тангородрине. В гл. 13 (стр. 107) Манвэ {Manwë} <<отправил племя Орлов, велев им поселиться в горах Севера и сторожить Моргота>>, в то время, как в гл. 18 (стр. 159) Торондор <<примчался из своих вотчин на вершинах Криссаэгрима>>, чтобы спасти тело Финголфина у врат Ангбанда. См. также в «Возвращении Короля» VI 4: <<Старый Торондор, строивший свои гнезда на недостижимых вершинах

Окружных гор, когда Средиземье было еще молодо>>. По всей вероятности, мысль о том, что Торондор жил сперва в Тангородриме, которую можно найти в раннем тексте *Сильмариллиона*, позднее была отброшена.

В «Сильмариллионе» ничего особо не говорится о языке эльфов Гондолина; но из этого отрывка ясно, что у некоторых из них было в обиходе Высокое Наречье (квенья). В позднем очерке по лингвистике утверждается, что квенья был повседневным языком в доме Тургона и был языком детства для Эарендила; но <<для большинства жителей Гондолина это был книжный язык, а в повседневной жизни они, как и другие нолдоры, использовали синдарин.>> См. «Сильмариллион», стр. 130:

<<Изгнанники приняли синдарин для своих повседневных нужд, а на Высоком Наречьи Запада говорили лишь правители Нолдора между собой. Но повсюду, где жил этот народ, язык этот жил, как язык мудрости.>>

Это были те же цветы, которые самосевно росли на могильных курганах королей Рохана под Эдорасом, и которые Гэндалф на языке Рохиррима (в переводе на древнеанглийский) назвал *симбельминэ* {simbelmynë}, «вечная память», <<ибо они цветут круглый год и растут там, где покоятся мертвые>> («*Две твердыни*» III 6). Эльфийское название *уйлос* встречается лишь в этом месте, но само слово это содержится в названии *Амон Уйлос*, как переводится на синдарин квенийское

Ойолоссэ {Oiolossë} («вечно-белоснежная», гора Манвэ)i. В «Кирионе и Эорле» этому же цветку дается другое название — *альфурин* ([стр. 303](#)).

iМне все же кажется, что *uilos* переводится с эльфийского не как «вечная память», а именно как «вечно-белоснежный». Даже если предположить, что эльфийского слова, передающего понятие «память» в данном контексте, мы не знаем (нам известно слово *enyalië*), мы знаем, что *oio* (синдар. *ui-*) означает «вечно-», а *lossë* на квенья (*los* — на синдарине) — снег. (Прим. переводчика)

В «*Сильмариллионе*», стр. 88, говорится, что Тингол {Thingol} наградил гномов Белегоста большим количеством жемчуга, <<который Кúрдан дарил ему, ибо в тихих водах у острова Балар жемчуга было очень много.>>

Эктелион Господин Источников упоминается в «Сильмариллионе» как один из военачальников Тургона, командовавший флангами войска Гондолина при отступлении по Сириону с Нирнаэта Арноэдиад, а также как победитель Готмога {Gothmog}, Повелителя Балрогов, от которого и сам он пал при взятии города.

Здесь аккуратная, хотя и несущая множество исправлений, рукопись кончается, и все остальное записано начерно на отдельном листе.

Здесь рассказ обрывается вовсе, и остается лишь несколько торопливых набросков, отмечающих дальнейшее развитие сюжета:

Туор спрашивает имя города, и ему называют его семь имен. (Легко заметить, и это явно неспроста, что имя «Гондолин» не появляется в повествовании ни разу до [самого конца](#): он все время называется Сокрытым Королевством или Сокрытым Городом.) Эктелион велит подать сигнал, и на башнях Великих Врат звучат трубы, которые эхо разносит по горам. Через

некоторое время с городских стен доносятся ответные трубы. Приводят коней — серого коня Туору; и путники отправляются в город.

Далее должно было следовать описание Гондолина, его холма и лестницы, его больших ворот; курганов (слово неразборчиво) маллорнов, берез и вечнозеленых деревьев; площади Источника, Королевской башни над галереями и колоннадами и стяга Финголфина. Здесь является сам Тургон, <<ростом выше всех Детей Мира, после Тингола>>, с бело-золотым мечом в ножнах из белой кости, и приветствует Туора. Маэглин стоит справа от его трона, а королевская

дочь Идриль сидит слева; и Туор произносит послание Ульмо <<во всеуслышании>> или <<в зале совета>>.

Другие разрозненные заметки дают понять, что в повесть должно было войти описание Гондолина, увиденного Туором издали; что плащ Ульмо исчез, как только Туор передал послание Тургону; что было объяснено, почему в Гондолине нет Королевы; и должно было быть подчеркнуто, когда Туор взглянул на Идриль, или еще раньше, что Туор знал и видел за всю свою жизнь лишь немногих женщин. Почти все женщины и дети народа Аннаэля в Митриме были усланы на юг; а в

бытность свою рабом Туор видел только грубых дикарок истерлингов, которые обращались с ним, как со скотом, либо же несчастных рабынь, с детства понуждаемых к рабскому труду, к которым он не мог испытывать ничего, кроме жалости.

Можно заметить также, что более поздние упоминания о маллорнах в Ну́менóre, Линдоне и Лотлóриэне {Lothlórien} не предполагают, но и не исключают того, что деревья эти росли в Былые Дни {Elder Days} в Гондолине ([см. стр. 167-8](#)), и что жена Тургона Эленвэ {Elenwë} пропала задолго до описанных событий при переходе воинства Финголфина через

Хелкараксэ {Helkaraxë}
(«Сильмариллион», стр. 85).

* В предисловии, существующем в различных вариантах, говорится, что «*Нарн и Хûн Хûрин*» был сложен на эльфийском языке и включал в себя множество эльфийских преданий, особенно дориатских, но сочинил его человек, поэт Дûрхавель, который жил в дни Эарендила {Eärendil} в Сирионских Гаванях и собирал там все сведения о Доме Хадора, которые мог найти у людей и у эльфов, беженцев из Дор-Лóмина, Нарготронда, Гондолина и Дориата. В одной из версий этого предисловия говорится, что Дûрхавель сам

происходил из Дома Хадора. Это сказание, самое долгое из всех преданий Белерианда, было единственным его произведением, но эльдары оценили его, поскольку Дúрхавель сложил его на языке Серых эльфов, в котором он был очень искусен. Он воспользовался той формой эльфийского стихосложения, которая называлась *минламед тент* {*thent*}/*эстент*, и издавна употреблялась в *нарнах* — сказаниях, которые рассказывались в стихах, но не пелись. Дúрхавель погиб при нападении Сынов Феанора на Сирионские Гавани.

іСледуя своей собственной традиции, я не стал передавать это имя никаким иным образом. Хочется надеяться, что эта вольность не вызовет множества нареканий.

В этом месте в тексте «*Нарна*» следует описание жизни Хурина и Хуора в Гондолине. Это место без значительных изменений выводится из одного из «составляющих текстов» «*Сильмариллиона*» — оно настолько близко к нему, что является не более чем вариантом, и я не стал снова приводить его здесь. Эту историю можно прочесть в «*Сильмариллионе*» на стр. 164-5.

Здесь в тексте «*Нарна*» следует описание Нирнаэта Арноэдиад, которое я опустил по причине, указанной в предыдущем примечании; см «*Сильмариллион*», стр. 207–211.

В другой версии текста разъясняется, что Морвен действительно общалась с эльдарами, которые жили тайно в горах неподалеку от ее дома. <<Но они не могли поведать ей ничего нового. Никто не видел гибели Хурина. «Его не было с Фингоном», говорили они; «его оттеснили к югу вместе с Тургоном; если же кто и уцелел из его людей, то они прикрывали отход воинства Гондолина. Кто же знает? Ведь орки свалили в кучу всех убитых без разбора, и поиски тщетны, даже если

кто-нибудь и решился бы идти к
Хауду-эн-Нирнаэт». >>

Ср. с описанием Шлема Хадора: <<большие маски, скрывавшие глаза,>> у гномов Белегоста на Нирнаэте Арноэдиад, в которых <<можно было выстоять и против дракона>> («Сильмариллион», стр. 208). Түрин впоследствии надел гномью маску, когда вышел из Нарготронда на бой, <<и враги его бежали от лица его>> (там же, стр. 232). См. Приложение к «Нарну», стр. 154-5

Набег орков на Восточный Белерианд, в котором Маэдрос спас Азаһала, более нигде не упоминается.

В других местах отец отмечал, что язык *Дориата*, его короля и его простого народа даже во дни *Тúрина* был более архаичным, чем тот, что звучал в других местах; также и *Мûм* замечал — хотя это не упоминается ни в одном из сохранившихся текстов о *Мûме* — что несмотря на всю свою нелюбовь к *Дориату*, от одного так и не смог избавиться *Тúрин* — от речи, которой научился он в детстве приемышем.

Заметка на полях в этом месте гласит: <<Во всех лицах женщин всегда искал Түрин лицо Лалайт.*t.*>>

В одном из вариантов текста этого места повести говорится, что Саэрос был родственником Даэрона, в другом — что его братом; приведенный здесь текст, по всей вероятности, является позднейшим.

{*woodwose*} — <<дикарь из
дикого леса>>, см. прим. 14 к
«Дру́эдайну».

iiCoirë — эльфийское время года, соответствующее 54 дням ранней весны. См. [урок 21 «Начального курса квенья»](#) [С.М.Печкина](#).

В других вариантах этого места Түрин в этот момент объявляет разбойникам свое истинное имя; и говорит, что он казнил Форвега законно, по праву господина и судьи Народа Хадора, поскольку тот был из Дор-Лóмина. Тогда Алгунд, старый разбойник, спасшийся с Нирнаэта Арноэдиад по Сириону, говорит, что глаза Түрина давно напоминали ему кого-то, кого не мог он вспомнить, и что теперь признал он в нем сына Хүрина.

<<— Но тот был ниже
ростом, для рода своего

невысок, и волосы его были рыжего золота. Ты же высок и волосом темен. Вижу я теперь, приглядевшись, в тебе твою мать; она была из народа Беора. Не знаю, что за судьба постигла ее.

— И я не знаю, — ответил Түрин. — С Севера не доходит вестей.>>

В этой версии именно то, что Нейтан был Түрином сыном Хүрина, и заставляет тех разбойников, что были выходцами из Дор-Лóмина, сделать Түрина атаманом шайки.

Имеющиеся версии этой части рассказа сходятся в том, что Түрин, став атаманом шайки разбойников, увел их от домов лесовиков в лес к югу от Тэйглина, и что Белег пришел туда сразу после того, как они ушли; но маршрут и хронология движения разбойников неясны и противоречивы. Видимо, в интересах последовательности хода повествования следует предположить, что они остались в Долине Сириона и что в действительности во время набега орков на дома лесовиков они были

недалеко от своих бывших обиталищ. В одном из черновиков они двинулись на юг и пришли в землю <<над Аэлин-Уйялом и Сирионскими Топями>>; но разбойники, зароптавшие в этой <<бесприютной земле>>, убедили Түрина вернуться в леса к югу от Тэйглина, в те места, где он впервые встретился с ними. Это предположение удовлетворило бы требованиям повествования.

В «Сильмариллионе» повесть продолжает (стр. 218) прощание Белега и Тўрина, странное предвидение Тўрина о том, что судьба приведет его на Амон Рўд, возвращение Белега в Менегрот, где он получает меч Англахель {Anglachel} от Тингола и *лембас* от Мелиан, и его уходна войну с орками в Димбаре. Другие тексты ничего не добавляют к этому рассказу, и здесь это место опущено.

Ту́рин бежал из Дориата летом; осень и зиму он провел с разбойниками, а убил Форвега и стал их атаманом весной следующего года. События, описанные здесь, происходят следующим летом.

iiiЗдесь и далее —
исключительно из стилистических
соображений — локтем переводится
фут: примерно 30.3 м.

Аэглос, «снежный терновник»; говорится, что он был похож на дрок {furze (gorse)}, но крупнее и с белыми цветами. *Аэглос* было также имя копья Гил-Галада {Gil-galad}. *Серегон*, «кровь камня» — это растение, называемое по-английски {stonecrop}; у него темно-красные цветы.

Также кустарник с желтыми цветами, встреченный Фродо, Сэмом и Горлумом {Gollum} в Итилиене {Ithilien}, был <<колючим и тонким снизу, но раскидистым сверху, и они могли проходить прямо подним по длинным сухим проходам>>, и на нем цвели цветы, которые <<мерцали в темноте и распространяли слабый сладковатый запах>>. («Две Твердыни» IV 7iv)

ivНо не ищите там этих слов в Г&Г («Кирпиче») — их там нет. Я не знаю, почему. Там есть просто упоминание о каком-то кустарнике.

В других местах гномы-карлики {Petty-Dwarves} именуются на синдарине *Ноэгит* {Noegyth} *Нибин* (так в «Сильмариллионе», стр. 222) и *Нибин-Ногрим*. <<Заболоченные предгорья между Долиной Сириона и Нарогом>> к северо-востоку от Нарготронда (стр. 99) неоднократно упоминаются как Болота Нибин-Ноэга (или с другими вариантами имени этого народа).

Высокий выступ, на который Мûм провел разбойников через расселину в скале, названную им <<воротами на двор>>, был, по всей видимости, северным склоном горы; утесы на восточной и западной сторонах были гораздо более обрывисты.

Проклятие Андрóга записано также в форме: <<Да не окажется у него подрукой лука в смертный его час>>. Мûм, как известно, встретил смерть от меча Хúрина передДверями Нарготронда («Сильмариллион», стр. 255).

Тайна содержимого мешка Мûма нигде не объясняется. Единственное сведение о нем содержится в черновой заметке, предполагающей, что там были золотые самородки, замаскированные подкорешки, а также упоминающей о том, что Мûм <<искал старые сокровища гномьих жилищ возле «гладких камней»>>. Без сомнения, это относится к <<большим камням, стоящим и поваленным>> (стр. 96), на том месте, где был схвачен Мûм. Но нигде нет ни одного указания на то, какую роль это сокровище сыграло в

истории Бара-эн-Данвед.

На стр. 69 говорится, что проходпо отрогу Амона Дартир был единственным проходом <<от Сереха на востоке и далеко к западу до тех мест, где Дор-Лóмин переходил в Нэвраст>>.

В истории, рассказываемой в «*Сильмариллионе*» (стр. 238), предчувствие недоброго нашло на Брандира после того, как он услышал <<вести, принесенные Дорласом>>, а значит, очевидно после того, как он узнал, что человек на носилках был Черный Меч Нарготрондский, о котором ходили слухи, что он — сын Хурина Дор-Лóминского.

См. стр. 153, где есть упоминание о том, что Ородрет <<тайными путями>> обменивался посланиями с *Тинголом*.

В «Сильмариллионе», стр. 121, Верховой Фарот или Таур-эн-Фарот — это <<обширные лесистые нагорья>>. То, что здесь они описаны как <<бурые и голые>>, возможно, указывает на то, что в начале весны они стояли без листвы.

vНе знаю, в чем дело — вроде бы Нарог обтекал Нарготронд как раз с востока. Либо я чего-то не понял, либо профессор ошибся. Либо Дракон повернулся вовсе не к Маблунгу, а просто — на Запад.

Логично было бы предположить, что необычную дрожь Ниэнор вспомнили, поняли ее причину и переименовали Димрост в Нен Гирит уже после того, как вся история закончилась, и Турамбара и Ниэнор не было уже в живых; однако, в легенде на всем протяжении истории используется название Нен Гирит.

Если бы Глаурунг действительно собирался вернуться в Ангбанд, можно было бы подумать, что он выбрал старую дорогу к Переправам Тейглина, шедшую в направлении, не очень расходящемся с тем, которое привело его к Кабед-эн-Арасу. Возможно, было решено, что он возвращается в Ангбанд тем же путем, каким пришел на юг в Нарготронд — поднявшись по Нарогу до Иврина. См. также слова Маблунга (стр. 143): <<Я видел, как вышел Глаурунг, и думал, что он... возвращается к своему Хозяину. Но

он повернул на Бретиль...>>>

Когда Турамбар говорит о надежде, что Глаурунг будет идти прямо и не свернет, он имеет в виду, что если Дракон пойдет вверх по Тейглину к Переправам, он сможет проникнуть в Бретиль, не переправляясь через теснину, в которой он будет уязвим: см. его слова к людям у Нена Гирит (стр. 130).

viПрофессор использует слово, которое выражает подчиненность Дорласа Брандиру как предводителю поселения. Мне пока не удалось, однако, найти слово, наиболее точно отражающее характер этой подчиненности.

viiЕсли считать лигу за морскую (5.56 км) или даже за сухопутную (4.83 км), мы все равно получаем расстояние приблизительно в 25 км, каковое человек и со здоровыми ногами не проделает так просто за ночь. Если даже опереться на Приложение к «Несчастью на Ирисных Низинах», в коем сказано, что нуменорская лига насчитывает 5277 ярдов, 2 фута и 4 дюйма, мы получим лигу длиной в 4826 м, то есть, всего на 35 метров короче. Я не знаю, в чем тут дело. Либо мы имеем дело с досадной неувязкой, которых

вообще не так уж много у JRRT, либо Профессор просто мало представлял себе среднюю скорость пешехода; либо в старину хаживали не то, что нынче, и эта цифра должна заставить нас еще больше зауважать героев сказания. Заинтересовавшихся отсылаю к Приложению о Нүменóрских мерах длины, где рассказывается, *как* хаживали в старину дүнаданы. Что до меня, то еще в три лиги я бы поверил, хотя уже и с трудом. А может быть, кто-то просто сделал описку, перепутав лигу с милей?

Слова <<бросилась прочь оттуда>> и <<шагнула прочь от него>> предполагают, что между местом, где лежал Түрин рядом с трупом Глаурунга, и обрывом было какое-то расстояние. Может быть, предсмертная судорога немного протащила Дракона по берегу.

Позже, на стр. 145, Тўрин сам передсмертью называет это место Кабедом Наэрамарт, и можно предположить, что традиция производит это название из его последних слов.

Очевидное противоречие между словами (и здесь, и в «Сильмариллионе») о том, что Брандир последним заглядывал в Кабед-эн-Арас, и тем, что к нему потом выходит Тўрин, а также эльфы и все те, кто возводил курган надним, можно, вероятно, объяснить, трактуя слова «Нарна» о Брандире в узком

смысле: он был тем человеком, который именно <<последним взглянул во мрак его>>. У отца действительно была мысль изменить ход рассказа так, чтобы Түрин убил себя не на Кабед-эн-Арасе, а на кургане Финдуилас у Переправ Тейглина; но в письменном виде этот вариант никогда не появлялся.

Из этого можно сделать вывод, что «Прыжок Лани» было первоначальное название того места, и что именно так переводится «Кабед-эн-Арас».

Естественно, скорее всего, это опечатка; но я не стал относиться к ней легкомысленно, поскольку допускаю, что сделать ее мог как наборщик, так и сэр Кристофер, и сам Профессор; а значит, это вполне может быть не случайная опечатка. Точность для меня — прежде всего.

Это описание маллорна очень
схоже с тем, которое дает Леголас
своим спутникам при подходе к
Лотлóriэну {Lothlórien}
(«Хранители» II 6).

<<Королевский меч был меч Аранру́т {Aranrúth}, меч Элу Тингола {Thingol} Дориатского {Doriath} из Белерианда, перешедший к Элросу от матери его Эльвинг. Другими наследственными реликвиями были Кольцо Барахира, большой Топор Туора, отца Эарендила, и Лук Брегора из Дома Беора. Только Кольцо Барахира, отца Берена Однорукого, уцелело в Низвержении; Тар-Элендил передал его своей дочери Сильмариэни, и оно хранилось в Доме Правителей в Андúниэ. Последним из Правителей

был Элендил Верный, спасшийся с
гибнущего Ну́менора в
Средиземье.>> (Прим. автора.) —
История Кольца Барахира изложена в
«Сильмариллионе», гл. XIX, а
дальнейшая его история — в
Приложении А (I, iii и v) к
«Властелину Колец». О <<большом
Топоре Туора>> в «Сильмариллионе»
упоминаний нет, но он упомянут и
описан в оригинале «Падения
Гондолина» (1916-17), где говорится,
что в Гондолине Туор носил топор
чаще, чем меч, и называл тот топор на
языке народа Гондолина *Драмборлег*.
В Списке имен, сопровождавшем
сказание, *Драмборлег* переводится
как <<стукач-острый>>: <<топор

Туора, который был тяжел, как палица, и остер, как меч.>>

il элл = 1.14 м.

В «Описании Ну́менора» (стр. 167) он назван Тар-Менельдуром Элентирмо (Звездоглядом). См. также о нем в «Ветви Элроса» (стр. 219).

Участие Соронто в описанных событиях можно проследить лишь приблизительно; см. стр. 211.

Как сказано в «Описании Нүменора» (стр. 171), первым плавание в Средиземье предпринял Веантур в год 600 Второй Эпохи (родился он в год 451). В Повести Лет в Приложении Б к «Властелину Колец» запись под годом 600 гласит: <<Первые корабли нүменорцев отходят от берегов>>.

В позднем филологическом эссе есть описание первой встречи нүменорцев с людьми Эриадора в то время: <<Прошло шестьсот лет с ухода уцелевших из Атани (Эдайна) за море в Нүменор, прежде чем

впервые с запада в Средиземье пришел корабль и вошел в залив Л'ûн {Lhûn}. Гил-Галад приветствовал его капитана и моряков; и так началась дружба и союз Нýменóра с Эльдаром Линдона. Новости расходятся быстро, и люди в Эриадоре переполнились изумлением. Хотя в Первую Эпоху они жили на Востоке, слухи об ужасной войне «за Западными Горами» [т. е., Эредом Луин] дошли и до них; но ясных сведений о ней у них не было, и они считали, что все люди, что жили за горами, погибли или утонули в извержениях огня и наводнениях. Поскольку же среди них говорилось, что те люди были в незапамятные

времена их сородичами, они отправили Гил-Галаду послания с просьбой встретиться с корабельщиками, «восставшими от гибели в пучинах Моря». Так и вышло, что они встретились на Башенных горах; и на эту встречу с нүменóрцами от Эриадора пришло всего лишь двенадцать человек, людей высокого духа и храбрости, ибо большая часть их народа боялась, что пришельцы окажутся страшными духами мертвых. Но когда они увидели корабельщиков, страх оставил их, хотя некоторое время они стояли с безмолвным трепетом; ибо хотя они и сами были могучими воинами в своем племени,

корабельщики по виду своему и манерам больше походили на эльфийских владык, чем на смертных людей. Однако же древнее сродство их было несомненно; также и корабельщики смотрели на людей Средиземья с радостным удивлением, ибо в Нúменóre считали, что оставшиеся люди происходят от злых племен, которые Моргот призвал с Востока в последние дни войны с ним. Теперь же они видели лица, свободные от тени, и людей, которые и в Нúменóre не показались бы чужаками, если бы не их одежда и оружие. И вот одновременно и нúменóрцы, и жители Эриадора произнесли первые

слова приветствия на своих языках, как если бы они здоровались с друзьями и родичами после долгого расставания. Сперва они смутились, ибо никто не понял друг друга; но когда они сдружились теснее, то обнаружили, что у них много общих слов, легко узнаваемых, и таких, которые можно было понять, слушая со вниманием, и они могли с запинкой говорить о несложных вещах.>> В другом месте этого эссе поясняется, что эти люди жили у Полусветного озера {Evendim lake}, в Северном Пригорье {North Downs} и на Заветерных горах {Weather Hills}, а также между ними до самого Брендивайна {Brandywine}, на запад

от которого они часто заходили, хотя и не селились там. Они относились к эльфам дружелюбно, хотя и с робостью; и боялись Моря, никогда не видев его. Очевидно, что по происхождению они принадлежали к людям той же расы, что и народы Беора и Хадора, но не перешедшим в Первую Эпоху Синие Горы и не пришедшим в Белерианд.

Сын Королевского Наследника
— Алдарион сын Менельдура. Тар-
Элендил передал скипетр
Менельдуру только по прошествии
еще пятнадцати лет.

Эруханталэ: «Благодарение
Эру», осеннее празднество в
Нүменоре; см. «Описание
Нүменора», стр. 166.

(Cûr) Ангрэн — эльфийское название реки Изен {Isen}. Рас Мортиль — название, нигде больше не найденное — по-видимому, большой мыс на северной оконечности залива Белфалас, называвшийся также Андраст (Долгий Мыс).

Упоминание о <<стране Амрота, где еще живут сейчас эльфы-нандоры>> показывает, что сказание об Алдарионе и Эрендис было записано в Гондоре до того, как последний корабль отплыл из гавани Лесных эльфов под Дол-Амротом

около 1981 года Третьей Эпохи; см.
стр. 240.

Об Уйнэн, супруге Оссэ {Ossë}
(Майарах Моря) см.
«Сильмариллион», стр. 18. Там
говорится, что <<нúменóрцы долго
жили под ее защитой и почитали ее
наравне с Валарами.>>

Указывается, что Цех Гильдии Морских Купцов <<был арестован Королями и перенесен в западную гавань Андúниэ; все его записи пропали>> [в Низвержении], включая и все точные карты Нúменóра. Но когда состоялась эта конфискация «Эамбара», не говорится.

іТак в оригинале: <<by Kings>>.

Река эта впоследствии
называлась Гватло́ или Сизрека
{Greyflood}, а гавань — Лонд Даэр,
см. стр. 261.

Ср. «Сильмариллион», стр. 152:
<<Люди этого Дома>> [Беора]
<<были темноволосы и сероглазы.>>
Согласно генеалогической таблице
Дома Беора, Эрендис происходила от
Берет {Bereth}, сестры Барагунда и
Белегунда, тетки Морвен, матери
Тúрина Турамбара, и Рúан, матери
Туора.

О разной продолжительности жизни у нүменóрцев см. прим. 1 к «Ветви Элроса», стр. 244.

О дереве *ойолайрэ* см.

«Описание Ну́менора», стр. 167ii.

iiТолько там оно названо почему-то *orollairë*, а не *oiolairë*, как в этом тексте. Видимо, опечатка?

Это надо толковать как
предзнаменование.

Ср. *Акаллабѣт*
(«*Сильмариллион*», стр. 307), где
сказано, что во дни Ар-Фаразôна
{Ar-Pharazôn} <<то и дело большой
корабль нúменóрцев уходил и не
возвращался в гавань, хотя такого
несчастья не случалось с ними со
времени восхождения Звезды.>>

Валандил был двоюродным братом Алдариона, ибо он был сыном Сильмариэни, дочери Тар-Элендила и сестры Тар-Менельдура. Валандил, первый Правитель Андúниэ, стал предком Элендила Высокого, отца Исилдура и Анáриона.

Эрукьермэ: «Моление Эру»,
весеннее празднество в Ну́менóre;
см. «Описание Ну́менóра», стр. 166.

В *Акаллабёте* («Сильмариллион», стр. 289) говорится, что <<иногда, когда воздух был чист и солнце на востоке, взглядевшись, они различали далеко на западе сияющий город на дальнем берегу, просторную бухту и башню. Ибо в те дни нúменóрцы были дальнóзорки; но и из них лишь самые остроглазые могли узреть это видение с Менельтармы или с высокой мачты корабля, отошедшего от западного берега. <...> Но мудрые меж них знали, что этот дальний берег — не Благословенная Земля Валинор, а лишь Аваллóнэ, гавань

эльдаров на Эрессэа {Eressëa},
самой восточной из Неувядаемых
Земель.>>

<<Так, говорят, произошел
обычай Королей и Королев носить на
челе, как звезду, белый драгоценный
камень; а корон у них не было.>>
(Прим. Автора.)

<<В Западных Землях в Андúниэ на эльфийском языке (синдарине) говорили и знать, и простой люд. Это был язык детства для Эрендис; Алдарион же говорил на нúменóрском языке, хотя, как и все знатные люди Нúменóра, знал он также и язык Белерианда.>> (Прим. Автора.) — Говорится, что широкое распространение синдарина на северо-западе Острова объясняется тем, что в этих местах селились семьи «беорийских» корней; а Народ Беора в Белерианде издавна сменил свой язык на синдарин. (Об этом не

упоминается в «Сильмариллионе»: хотя там сказано (стр. 151), что в Дор-Лóмине во дни Финголфина народ Хадора не забыл свой язык, <<и из него потом вышел просторечный язык Нúменóра>>). В других областях Нúменóра адúнайский был родным языком людей, хотя синдарин более-менее знали практически все; а в королевском доме и в большинстве домов знатных и ученых людей синдарин обычно был родным языком — до дней Тар-Атанамира. (Ниже в этой повести (стр. 194) говорится, что Алдарион предпочитал нúменóрский язык; возможно, в этом он был

исключением.) Дальше в том примечании утверждается, что, хотя синдарин, которым так долго пользовались смертные люди, постепенно отдалялся от исходного языка и становился диалектом, в Ну́менóre по крайней мере знатные и ученые люди сверяли его, общаясь с эльдарами Эрессэа и Линдона. Квенья {Quenya} не был в Ну́менóre разговорным языком. Его знали лишь ученые и семьи очень знатного происхождения, где его учили в самом раннем возрасте. Квенья использовался в документах, которые были предназначены для долгого хранения, в Законах, например, а также в Свитках и Анналах Королей

(ср. *Акаллабѣт*, стр. 296: <<в Свиток Королей было вписано имя Херуну́мен на языке Высоких эльфов>>), и часто — в ученых книгах. Широко использовался квенья также в наименованиях: официальные названия всех частей, областей и мест в Ну́менóre были квенийскими (хотя часто у них были также и местные названия, как правило обозначавшие то же самое, но на синдарине или адúнайскомiii). Имена личные, особенно официальные и публичные, всех членов королевского дома и Ветви Элроса обычно также давались на квенья.

В упоминании об этом вопросе

во «*Властелине Колец*», Приложение Е, I (раздел «О Людях»), дается несколько другое представление о месте синдарина среди языков, бытовавших в Ну́менóre: <<Ду́наданы одни из всех племен людей знали эльфийский язык и говорили на нем; ибо их праотцы выучили синдарский язык и передавали его своим детям, как наследие предков, немного меняя его с течением лет.>>

iiiПочему-то здесь (и больше нигде) это слово написано именно так: Adúnaic.

Эланор — маленький звездчатый золотой цветок; такие росли также на кургане Керин {Cerin} Амрот в Лотлóриэне («Хранители» II 6). Сэм Скрамби {Gamgee} по предложению Фродо назвал его именем свою дочь («Возвращение Короля» VI 9).

См. выше прим. 10 о происхождении Эрендис от Берет, сестры Барагунда, отца Морвен.

Говорится, что нýменóрцы, как и эльдары, избегали иметь детей, если предвидели размолвку между мужем и женой после рождения ребенка и прежде достижения им возраста хотя бы нескольких лет. Алдарион оставался дома после рождения его дочери некоторое время согласно нýменóрскому представлению о долге и нравственности.

В примечании о <<Совете Скипетра>> в этот период истории Нүменора говорится, что этот Совет не имел власти над Королем, помимо совещательной; и что другой власти они вовсе не желали и не думали, что она когда-либо потребуется. Совет состоял из представителей всех частей Нүменора; Королевский Наследник, будучи провозглашен, также становился его членом, дабы он мог обучаться управлению страной; также и Король мог призвать или просить об избрании в Совет других людей, если они

обладали особыми знаниями в
обсуждаемых Советом вопросах. В то
время в Совете, кроме Алдариона,
было всего два члена Ветви Элроса:
Валандил Андúниэский от
Андустара и Халлатан
Хьярасторнийский от Митталмара;
но своим постом они были обязаны
не своему происхождению и не
богатству, а тому уважению и любви,
которыми они пользовались в своих
землях. (В *Акаллабêте* (стр. 296)
говорится, что <<Правители Андúниэ
всегда были среди главных
советников Скипетра>>.)

Записано, что Эрейниону было дано имя Гил-Галад, «Сияющая звезда», <<потому что его шлем, латы и щит, покрытые серебром и украшенные белыми звездами, сверкали издали под солнцем или под луной, словно звезда, и когда он стоял на возвышении, то был виден эльфийским глазам на огромном расстоянии>>.

См стр. 265.

Законный наследник, с другой стороны, отказаться не мог; но поскольку Король всегда мог отречься от Скипетра, наследник мог фактически сразу же отречься в пользу уже своего законного наследника. Тогда считалось, что Король также правил по меньшей мере один год; и так случилось (единственный раз за всю историю) с Вардамиром, сыном Элроса, который не вошел на трон, но передал Скипетр своему сыну Амандилу.

В другом месте говорится, что это правило «королевского брака» никогда не было законом, а стало впоследствии предметом гордости: <<признак роста Тени, ибо тогда, когда разница между Ветвью Элроса и другими семьями в продолжительности жизни, силе и одаренности уменьшилась или вовсе исчезла, это правило вовсе утратило смысл.>>

Это странно, потому что при жизни Анкалимэ наследником ее был Ана́рион. В «Ветви Элроса» (стр. 220) сказано лишь, что его дочери <<отказались от скипетра>>.

Существуют многократные упоминания о большей продолжительности жизни у потомков Элроса, чем даже у прочих нúменóрцев, помимо тех, что имеются в повести об Алдарионе и Эрендис. Так, в «Акаллабéте» {*Akallabêth*} («Сильмариллион» стр. 288) сказано, что весь род Элроса <<имел более долгую жизнь даже по меркам нúменóрцев>>; а в отдельной заметке различие в продолжительности жизни оценено точно: для потомков Элроса до того, как их дни начали сокращаться,

«упадок сил» наставлял около четырехсотого года жизни, тогда как для других родов он приходил к двухсотому году или чуть позднее. Можно заметить, что почти все Короли от Вардамира до Тар-Анкалимона прожили немногим больше или чуть меньше четырехсот лет, а трое скончались год-два спустя после этого срока.

Но в позднейших записях по этому поводу (появившихся примерно в то же время, что и последние работы по повести об Алдарионе и Эрендис) это различие в долгожительстве сильно уменьшено. Всему нүменóрскому народу приписывается срок жизни в

пять жизней других людей (хотя это и противоречит утверждению, содержащемуся в Приложении А (I, i) к «Властелину Колец» и повторенному в предисловии к этому тексту, о том, что нúменóрцам была дарована жизнь <<поначалу в три жизни иных людей>>); а отличие Ветви Элроса от других в этом — не столько отчетливая мера и признак, сколько просто фамильная черта. Хотя упоминается случай Эрендис и несколько более краткий жизненный срок «Беоридов» {Bëorians} Запада, здесь, как и в повести об Алдарионе и Эрендис, нигде нет указаний на то, что разница в их предполагаемых сроках жизни была слишком велика

или же играла заметную роль в их судьбах; и это не читается в тексте.

Согласно этому источнику, лишь Элросу было дано необычайное долголетие, и здесь говорится, что он и его брат Элронд были наделены равным природным жизненным потенциалом, но поскольку Элрос выбрал остаться с людьми, он сохранил главное отличие людей от Квенди {Quendi}: «искание ухода {seeking elsewhither}», как называли это эльдары, «изнашивание» или желание покинуть мир. Далее разъясняется, что увеличение срока жизни нúменóрцев было следствием близости их образа жизни к жизни эльдаров; хотя они были ясно

предупреждены, что не стали эльдарами, но остались смертными людьми, и лишь могут сохранять силу ума и тела в течение более долгого срока. Таким образом, (как и эльдары) нúменóрцы росли почти так же быстро, как и другие люди, но, достигнув «полного расцвета», они затем старились или «изнашивались» гораздо медленнее. Первые проявления «усталости от мира {world-weariness}» были для них признаком того, что время их сил на исходе. Когда же это время уходило, то, если нúменóрец продолжал жить, начиналось увядание, ибо рост был уже окончен, и оно длилось немногим медленнее,

чем у других людей. Ну́менорец быстро, где-то за десять лет, терял здоровье и силу рассудка, становясь дряхлым стариком. В ранних поколениях ну́менорцы не «цеплялись за жизнь», а уходили из нее добровольно. «Цепляние за жизнь» и, вследствие него, смерть не добровольная и нежеланная, стали одним из изменений, навлеченных Тенью и мятежом ну́менорцев; оно сопровождалось также уменьшением продолжительности их жизни.

iИмеется в виду снятие с себя королевской власти, так сказать, уход на пенсию по возрасту и собственному желанию. В человеческих языках мне такой термин неизвестен, да и прецедентов маловато. Alas!

См. стр. 217, прим. 26.

148, а не 147 — это годы фактического правления Тар-Амандила, не включающие в себя год номинального правления Вардамира.

Несомненно, Сильмариэнь была старшим ребенком Тар-Элендила; и датой ее рождения неоднократно указывается год 521 Второй Эпохи, тогда как годом рождения ее брата Тар-Менельдура установлен г. 543. В Повести Лет (Приложение Б к «Властелину Колец»), однако, рождение Сильмариэни записано под годом 548; эта дата восходит к первоначальным наброскам текста. Я считаю вполне вероятным, что это должно было быть пересмотрено, но ускользнуло от внимания.

Это не согласуется с первоначальным и более поздним законами наследования, приведенным на стр. 208-9, согласно которым Соронто стал бы наследником Анкалимэ (если она умерла бездетной) только по новому закону, ибо сам он был потомком по женской линии. — <<Его старшей сестры>>, несомненно, означает <<старшей из двух его сестер>>.

См. стр. 211.

См. стр. 212 и прим. 28 на стр.
217.

Любопытно, что скипетр перешел к Тар-Телпериэни, хотя у Тар-Сүриона был сын, Исилмо. Вполне возможно, что здесь наследование произошло по формуле нового закона, приведенной во «*Властелине Колец*», т. е. просто по первородству, независимо от пола (см. стр. 208), а не по наследованию дочери, если у Правителя не было сына.

Дата 1731, указанная здесь как дата окончания правления Тар-Телпериэни и восшествия на престол Тар-Минастира, странным образом расходится с увязанной многими ссылками датой первой войны с Сауроном; ибо большой нүменóрский флот, высланный Тар-Минастиром, пришел в Средиземье в году 1700. Я никак не могу согласовать это расхождение.

В Повести Лет (Приложение Б к «Властелину Колец») сказано: <<2251 — Тар-Атанамир принимает скипетр. Начинается мятеж и разделение нúменóрцев.>> Это также не согласуется с приведенным здесь текстом, согласно которому Тар-Атанамир скончался в г. 2221. Эта дата 2221 является, скорее всего, опiskой: его кончина везде датируется годом 2251. Один и тот же год указывается в разных текстах и как дата его воцарения, и как дата его смерти; вся хронология свидетельствует о том, что первое,

скорее всего, неверно. Более того, в «Акаллабêте» («Сильмариллион», стр. 293) сказано, что народ Нúменóра разделился при сыне Атанамира Анкалимоне. Поэтому я почти не сомневаюсь, что запись в Повести Лет должна была быть такая: <<2251 — Кончина Тар-Атанамира. Начинается мятеж и разделение нúменóрцев.>> Если так, то остается непонятным только, почему в «Ветви Элроса» дата смерти Атанамира другая, если в Повести Лет она исправлена.

В перечне Королей и Королев Нўменора в Приложении А (I, i) к «*Властелину Колец*» после Тар-Калмакила, восемнадцатого, идет Ар-Адўнахър, девятнадцатый. В Повести Лет в Приложении Б сказано, что Ар-Адўнахър принял скипетр в год 2899; и на основании этого мистер Роберт Фостер в своем «Полном путеводителе по Средиземью» датой смерти Тар-Калмакила указывает г. 2899. С другой стороны, в более позднем перечне правителей Нўменора в Приложении А Ар-Адўнахър

называется двадцатым королем; и в 1964 году отец ответил респонденту, спросившему его об этом, следующее: <<По генеалогии он должен быть назван шестнадцатым королем и девятнадцатым правителем. Девятнадцать следует считать за двадцать; возможно, что чье-то имя было пропущено.>> Отец пояснил, что не может быть уверен, так как во время написания этого письма не располагал записками по этому вопросу.

Редактируя «Акаллабêт», я изменил написанное там <<и двадцатый король принял скипетр отцов и вошел на престол под именем Адûнахôr>> на <<и

девятнадцатый король...>> («Сильмариллион», стр. 295) и, аналогично, <<двадцать и четыре>> на <<двадцать и три>> (там же, стр. 298). В то время я не вспомнил, что в «Ветви Элроса» правителем после Тар-Калмакила был не Ар-Адûнахôr, а Тар-Ардамин; теперь же совершенно ясно, что он был ошибочно пропущен в перечне из «Властелина Колец», хотя бы из того факта, что датой смерти Тар-Ардамина указывается год 2899.

С другой стороны, по традиции (основывающейся на Приложении А, «Акаллабêте» и «Ветви Элроса») Ар-Адûнахôr был первым Королем, принявшим скипетр под адûнайским

именем. Если считать, что Тар-Ардамин пропущен в перечне Приложения А лишь по ошибке, то удивляет то, что перемену в королевских именах приходится приписывать первому правителю после Тар-Калмакила. Возможно, за этим моментом стоят обстоятельства более сложные, нежели простая описка или пропуск.

В двух генеалогических таблицах ее отцом указывается Гимилзагар, второй сын Тар-Калмакила, рожденный в г. 2630, но это очевидно невозможно: Инзилбêт должна была быть более дальней родственницей Тар-Калмакила.

Существует весьма стилизованный флористический рисунок отца, похожий на тот, что имеется в «Рисунках Дж. Р.Р.Толкиена» (1979) за No. 45 справа внизу, который подписан <<Инзиладу́н>>, а под ним феанорскими письменами написано и переведено <<Ну́мелло́тэ>> («Цветок Запада»).

Согласно «Акаллабêту»
(«Сильмариллион», стр. 298),
Гимильхâд <<умер за два года до
своего двухсотлетия, что считалось
ранней смертью для потомка ветви
Элроса даже во время ее увядания>>.

Как замечено в Приложении А к «*Властелину Колец*», Мíриэль должна была стать четвертой Правящей Королевой.

Решительное несогласие между «Ветвью Элроса» и Повестью Лет возникает в датах жизни Тар-Палантира. В «*Акаллабêте*» сказано (стр. 297), что <<когда Инзиладûн принял скипетр, он снова, как встарь, взял себе имя на эльфийском языке, назвав себя Тар-Палантир>>; а в Повести Лет имеется запись: <<3175 — Покаяние Тар-Палантира. Междоусобная война в Нýменóре.>>

Из этих указаний почти определенно следует, что годом его восшествия на престол был год 3175; и это подтверждается тем, что в «Ветви Элроса» дата кончины его отца Ар-Гимилзôра изначально была дана г. 3175 и лишь позднее переправлена на г. 3177. Как и с датой смерти Тар-Атанамира (см прим. 10 выше), трудно понять, почему, в противоречие Повести Лет, было сделано это малозначительное изменение.

Утверждение, что автором "Акаллабêта" был Элендил, делается только здесь. В другом месте сказано также, что история Алдариона и Эрендис, <<одно из немногих подробных преданий, сохранившихся от Нуменóра>>, дошла лишь потому, что была интересна лично Элендилу.

См. Приложение Д, стр. 266.

Понятно, что «Единое» по отношению к Кольцу означает более «единственное, одно», чем «общее». В оригинале — {The One}, в противопоставлении к {The Three, The Seven} и {The Nine}. То же касается и именованя Эру Единым {The One}.

В заметке из неопубликованных материалов об эльфах Харлиндона или Линдона к югу от Луна говорится, что они были в основном синдарской крови, и их земля была леном Келеборна. Естественно связать это со сказанным в Приложении Б; но это упоминание может относиться к более позднему периоду, поскольку путешествия и места жительства Келеборна и Галадриэли после падения Эрегиона в 1697 году в высшей степени туманны.

Ср. «Хранители» I 2: <<Древний Тракт с Востока на Запад проходил через Шир к Серым Гаваням, и гномы часто ходили по нему в свои копи в Синих Горах.>>

В Приложении А (III) к «*Властелину Колец*» говорится, что древние города Ногрод и Белегост были разрушены при взятии Тангородрима {Thangorodrim}; но в Повести Лет в Приложении Б: <<ок. 40: Многие гномы покинули свои древние города в Эреде Луин и отправились в Морию, значительно увеличив ее население.>>

iiКак, возможно, уже догадался
проницательный читатель, этот
топоним — тоже кистямуризм.

В примечании к тексту объясняется, что *Лóринанд* — нандорское название этой местности, впоследствии называвшейся *Лóриэн* и *Лотлóриэн*, и в нем есть эльфийский корень, обозначающий «золотой свет»: «золотая долина». Квенийская форма будет «*Лауренандэ*» {*Laurenandë*}, синдаринская — «*Глорнан*» или «*Нан Лаур*». Как здесь, так и в других местах значение этого названия толкуется как указание на золотые деревья — маллорны *Лотлóриэна*; но они появились

вместе с Галадриэлью (историю их появления см. стр. 167-8), а в другом, более позднем рассуждении об этом названии *Лóринанд* объясняется как измененное после появления маллорнов старое название страны «*Лóринанд*», «Долина Страны Певцов». Поскольку эльфы той страны по происхождению относились к Тэлери, в названии ее, несомненно, присутствует имя, которым тэлеры называли себя — *Линдар*, Певцы. Из многих других обсуждений названий Лотлóриэна, различающихся до определенной степени, становится ясно, что все поздние имена, скорее всего, были связаны с Галадриэлью, объединяя

корни: *лаурэ* {*laurë*} — «золотой», *нан(ð)* — «долина», *(н)дор* — «страна, земля», *лин(ð)-* — «петь»; и в названии *Лаурелиндóринан*, «Долина Поющего Золота», которое, как сказал хоббитам Древобород {*Treebeard*}, было самым ранним, невольным эхом отзывается им Золотого Древа, что росло в Валинóре, <<тоска Галадриэли по которому год за годом становилась неутолимой печалью>>.

Лóриэном по-квенийски первоначально называлась местность в Валинóре, и Лóриэном также звали Валу Ирмо, которому она принадлежала: <<место отдохновения, тенистых деревьев и

источников, прибежище от забот и тревог>>. Дальнейшим переименованием в «*Лóриэн*» *Лóринанд*, «Долина Золота», <<вероятно, обязан самой Галадриэли>>, ибо <<такое сходство не может быть случайным. Она стремилась сделать Лóриэн прибежищем и островом покоя и красоты, воспоминанием о былых днях, но была полна печали и грусти, зная, что золотой сон скоро сменится серым пробуждением. Стоит отметить, что Древобород переводил *Лотлóриэн* как «Цветок Сна». iii>>

Во всем «По поводу Галадриэли и Келеборна» я сохранил название *Лóринанд*, хотя в период его

написания «Лóринанд» еще считалось первоначальным и древним нандорским названием этой местности, а история насаждения Галадриэлью маллорнов еще не была сочинена.

iiiА Муравьев с Кистяковским — как «Не желающий цвести». При всей моей любви к этому переводу я, ей-богу, иногда не в силах даже понять ход мысли его авторов, не говоря уже о том, чтобы его одобрить.

Это более позднее исправление; первоначальный текст утверждал, что Лóринандом правили местные князья.

Отдельная и не датирующаяся заметка гласит, что хотя имя Саурана появляется раньше в Повести Лет, намекая на то, что это был все тот же великий военачальник Моргота из «Сильмариллиона», оно не было известно примерно до года 1600 Второй Эпохи, когда было выковано Единое Кольцо. Тайнственную силу, враждебную эльфам и Эдайну, обнаружили вскоре после года 500, и из нúменóрцев первый — Алдарион в конце восьмого века (примерно в то время, когда он основал гавань Виньялондэ, стр. 176). Но источник

ее был неизвестен. Саурон всегда старался разделять две своих ипостаси: *Врага* и *Искусителя*. Появившись среди нолдоров, он укрылся под благородной личиной (в насмешку над пришедшими после Истарами) и взял себе благовидное имя: *Артано*, «высокий кузнец», или *Аулендил*, «преданный делу Валы Ауле». (В «*О Кольцах Власти*», стр. 317, говорится, что Саурон взял себе имя *Аннатар*, «Владыка Даров»; но это имя не упоминается здесь.) В заметке далее говорится, что Галадриэль не обманулась, сказав, что этого *Аулендила* не было среди учеников Ауле в Валинóре; <<но это не может служить доказательством,

потому что Ауле был до «Построения Арды», и могло быть так, что Саурон действительно был одним из Майаров Ауле, совращенным Мелькором «до начала Арды»>>. С этим сравним первые строки «*О Кольцах Власти*»: <<Издревле был Майа Саурон... В начале Арды Мелькор переманил его в свое подданство.>>

В письме, написанном в сентябре 1954 года, отец писал: <<В начале Второй Эпохи он>> [Саурон] <<был еще хорош собой или мог еще принимать красивый облик — и не был полностью предан злу, как все «реформаторы», носящиеся с «перестройкой» и «реорганизацией», не преданы полностью злу, покуда гордыня и жажда своеволия не поглощает их целиком. Та ветвь Высоких эльфов, о которой идет речь, Нолдор, или Ученые, всегда была уязвима со стороны «науки и технологии», как это назвали бы мы;

им нужно было знание, которое изначально было у Саурана, и нолдоры Эрегиона не вняли предостережениям Гил-Галада и Элронда. Особую «страсть» эрегионских эльфов — «аллегория», если хотите, любви к механике — символизирует их дружба с гномами Мории.>>

Галадриэль не могла пользоваться силами Неньи до много более позднего времени, пока не потерялось Главное Кольцо; но надо признать, что текст вовсе не предполагает этого (хотя выше говорится, что она сама посоветовала Келебримбору, чтобы Эльфийскими Кольцами никогда не пользовались).

ivВ ходе дискуссий в толкинистических кругах было выяснено, что честнее, конечно, произносить это имя как «Дурин»; но я не чувствую себя способным пойти на это.

vКак, возможно, уже догадался
проницательный читатель, этот
топоним — тоже кистямуризм

viЯ пока не смог найти русских переводов названия этой реки, ни кистямурского, ни Г&Г-ского; почему и счел себя вправе изобрести свой вариант.

Текст был переправлен на <<первый Белый Совет>>. В Повести Лет учреждение Белого Совета датируется годом 2463 Третьей Эпохи; но может быть так, что название Совета Третьей Эпохи невольно напоминало о том Совете, что был созван много раньше, тем более, что некоторые главные члены этого Совета были членами того.

Ранее в этом повествовании (стр. 237) говорится, что Гил-Галад передал Кíрдану Нарью, Красное Кольцо, сразу же, как только получил его от Келебримбора, и это согласуется с тем, что сказано в Приложении Б к *«Властелину Колец»* и в *«О Кольцах Власти»*: что Кíрдан хранил его с самого начала. То из сказанного здесь, что расходится с тем, что говорится в других местах, добавлено на полях.

О Лесных эльфах и их языке см.
Приложение А, стр. 256.

См. Приложение В, стр. 260, о
границах Лóриэна.

Происхождение названия *Дор-эн-Эрнил* не объясняется нигде; единственный раз оно встречается еще раз на большой карте Рохана, Гондора и Мордора в «*Властелине Колец*». На этой карте он расположен по ту сторону гор от Дол-Амрота, но присутствие его в этом контексте предполагает, что *эрнилом* был Князь Дол-Амротский, что можно предполагать в любом случае.

См. Приложение Б, стр. 257, о синдарских князьях Лесных эльфов.

vii Слово *делонь* я предпочел Кистямурскому «дэлонь», дабы подчеркнуть его полную правомерность и происхождение из нормального русского языка. Оно, происходящее от того же корня, что и «длань», «ладонь», совершенно эквивалентно употребляемому Профессором слову *flet*, каковое на древнем английском изначально также означало плоскость, ровное место. Созвучие *делони* с лесно-эльфийским словом *talan* следует считать, очевидно, нечаянным — на тех же основаниях, что и в случае со

словом «Incánus» или со словом «Orthanc».

Объяснение предполагает, что первая часть в имени Амрот та же, что и в квенийском *амба*, «верх», а также в синдаринском *амон*, «гора или холм с крутыми склонами»; тогда как вторая часть — производное от основы *pat-* {*rath-*}, означающей «лезть, залезать» (откуда также существительное *pat* {*rath*}, в н́уменóрском синдарине, на котором говорили и называли местности и людей в Гондоре, означавшее дороги и улицы Минаса Тирит {*Tirith*}, которые почти все шли под уклон: отсюда *Rat* {*Rath*} Д́у́нен, Улица

Молчания, что вела из Цитадели к
Могилам Королей.)

В «Кратком Пересказе» легенды об Амроте и Нимродэли говорится, что Амрот жил на деревьях Керина Амрот по причине <<любви к Нимродэли>> (стр. 240).

Место эльфийской гавани в Белфаласе обозначено надписью Эдельлонд {*Edhellond*} («Эльфийская гавань», см. Приложение к «Сильмариллиону», статьи «Эдель» {*Edhel*} и «Лонд») на расписанной карте Средиземья Полин Бэйнс {*Pauline Baynes*}; но больше я нигде не встречал этого названия. См. Приложение Г, стр. 261. Ср. «Приключения Тома Бомбадила» (1962), р. 8: <<На Долгом Взморье {*Langstrand*} и в Дол-Амроте много рассказывают о древних эльфийских поселениях и о гавани в устье

Мортонда, из которой «корабли на запад» отплывали еще во времена падения Эрегиона во Вторую Эпоху.>>

Это место перекликается с отрывком из «Хранителей» II 8, где Галадриэль, вручая Арагорну зеленый камень, говорит: <<«В сей час прими имя, что было предсказано тебе, Элессар, Эльфийский Камень из дома Элендила!» viii>>

viiiiКстати, любопытно было бы узнать причину, побудившую Кистямура изменить Элессар на «Элеал».

В тексте здесь и сразу же ниже стояло имя *Финрод*, которое я переправил на *Финарфин*, во избежание путаницы. Перед выходом пересмотренного издания «*Властелина Колец*» в 1966 году отец переименовал Финрода на Финарфина, тогда как его сын Фелагунд, ранее звавшийся Инглором Фелагундом, стал Финродом Фелагундом. Два отрывка в Приложениях Б и Е к «*Властелину Колец*» были в пересмотренном издании соответственно изменены. — Примечательно, что здесь

Галадриэль не называет Ородрета {Orodreth}, Короля Нарготронда после Финрода Фелагунда, в числе своих братьев. По причине, мне неизвестной, отец сместил второго Короля Нарготронда и сделал его членом этой же семьи, но в следующем поколении; и ни это, ни связанные с этим генеалогические изменения не были включены в повествования «Сильмариллиона».

Сравним с описанием Эльфийского Камня в «Хранителях» II 8: <<Тогда>> [Галадриэль] <<подняла с колен большой прозрачный зеленый камень, оправленный в серебряную брошь — орел с распростертыми крыльями; и когда она подняла его, изумруд засверкал, словно солнце сквозь весеннюю листву.>>

Однако, в «Возвращении Короля» VI 9, где описывается Синее Кольцо на пальце Элронда, оно называется <<Вилья, самое могущественное из Трех>>.

іЕсли кого-нибудь интересует мое скромное мнение, то я скажу, что мне представляется, что Амд́ур есть прозвище Малгалада. Прежде всего, его имя созвучно имени Амрота, как это характерно особенно для родовых имен или имен членов особых социальных общностей, наподобие ирландского феркутредайга; такое созвучие было принято в «отцовских именах» эльфов, см. «Об именах Галадриэли и Келеборна», стр. 266. Мы знаем также, что «Амрот» — прозвище, а настоящее имя было утрачено. Из

этого мы делаем по аналогии вывод, что «Амдúр» — не имя, а прозвище короля по имени Малгалад. «Амдúр» означает, скорее всего, «смотрящий, наблюдающий с высоты», что может указывать на наблюдательный пост на высокой делони. Не исключено, что прозвище Амдúру досталось как бы уже задним числом, после того, как его сын Амрот получил свое. В настоящем, «паспортном» имени Амрота также могли присутствовать корни «мал-», «золотой», или «галад», дерево, но, видимо, это имя не отражало особенностей личности Амрота, почему эльфийский народ и запомнил его под его прозвищем. Впрочем, как вы понимаете, доказать

все это практически невозможно.

На конкретный же вопрос Кристофера Толкиена, какое имя предпочесть, я, так же, как и он, ответил бы «Амдúр». Аргументирую я это отрывком из своего [«Начального курса квенья»](#):

«Порядок слов определяется особым правилом: Правилom Последнего Склоняемого (UT17): В подчиненных словосочетаниях склоняется по падежу только последнее слово: Эльве_ Серому Плащу = Elwë_Sinda Collon, то есть «Эльве» — без изменений, «Синда» — без изменений, а вот «Колло» — с падежным окончанием — n.

Из того, что прозвище в

словосочетании «имя-прозвище» стоит на месте последнем, самом подчиненном, оттягивая на себя все падежное отношение, следует еще одно правило, которое я, правда, вывожу сам, не цитируя никого: В словосочетаниях, обозначающих имя и прозвище, прозвище считается основным, а имя — второстепенным членом. Не как у нас: Боря кто (какой, который)? — Браин; Эльве который? — тот, Серый Плащ который; а: Браин кто? — Боря; Серый Плащ какой именно? — да тот, который Эльве».

Вышесказанное имело своей целью показать, что предпочесть следует прозвище имени.

і В переводе Г&Г она названа Светлимой, у Кистямуров — Белогривкой. Я снова предпочел бы кистямуровский вариант как безусловно более благозвучный и вообще красивый, но он в то же время и куда более сомнителен по части передачи смысла. К тому же несколько ниже (стр. 318) по поводу названия этой реки рассказывается целая история, и я, немало поломав себе голову, решил просто не переводить его. Половина его — эльфийская, половина — из языка людей. «Светлима» — достаточно

неплохой вариант, только очень уж нерусский. К тому же, для перевода неплохо бы знать, что означает эта эльфийская половина. Нет уж, пусть пробует кто-нибудь другой.

Я пока не смог найти русских переводов названия этой реки, ни кистямурского, ни Г&Г-ского. Беспардонно даю свой собственный вариант.

Кажется, Буйная или Ревущая (кистямурск). Интересно, что в Г&Г она же именуется Седонной. Видимо, по слуховой ассоциации с каким-то транквилизатором — седонал, седуксен?.. Ну да довольно шуток. Далее эта река здесь будет называться Ревущей — впредь до разъяснения мне правильного названия.

Гландуин («Граничная Река») сбегал с Мглистых Гор к югу от Мории и впадал в Митэйтель выше Тарбада. На оригинале карты к «Властелину Колец» это название обозначено не было (оно встречается в книге лишь однажды, в Приложении А (I, iii)). Вероятно, отец в 1969 г. сообщил мисс Полин Бэйнс некоторые дополнительные названия для включения в ее расписанную карту Средиземья: «Эдельлонд» (о котором я уже упоминал выше, стр. 255, прим. 18), «Андраст», «Дрúвайт {Drúwaith}

Иаур («Старая Страна Пүкелей»), «Лонд Даэр (руины)», «Эрин Ворн», «р. Адорн», «Лебяжья» {Swanfleet}ii и «р. Гландуин». Последние три из этих названий были затем нанесены на оригинальную карту, сопровождающую книгу, но я не смог открыть причину, почему это было сделано; и если «р. Адорн» помещено верно, то «Лебяжья» и «река Гландуин» [*sic*] помещены по небрежности в место верхнего течения Изена. О правильной интерпретации отношений между названиями «Гландуин» и Лебяжья» см. стр. 264-5.

iiНи на каких картах я не нашел ничего лебяжьего. Ссылки на

упоминания этого названия в книгах («*Возвращение Короля*» VI 6; «*Хранители*» II 8) не помогают, поскольку в наших переводах указанные места просто отсутствуют. В полной беспомощности и растерянности я перевел название сам.

iii Кажется, в Кистямуре эта река называется Бесноватой или Буйной, а в Г&Г — Гремячей. Кажется — потому что у меня нет точной карты с английскими названиями, о которой неоднократно упоминает Кристофер; и к тому же я не вполне уверен в точности карт в переводных изданиях. Эта река, Бруинен или Loudwater, в дальнейшем будет называться Буйной — точно так же, впредь до разъяснения истины.

<<В ранние дни королевств самым быстрым путем из одного в другое для всех, кроме больших воинских отрядов, был путь морем до древнего порта в самом устье *Гватло* и далее в речной порт *Тарбад*, а оттуда — по Тракту. Древний морской порт и его большая гавань были полуразрушены, но упорными трудами в *Тарбаде* был выстроен порт, принимавший морские суда, и укрепления на больших насыпных холмах по обоим берегам реки для защиты некогда знаменитого *Тарбадского Моста*. Древний порт

этот был одним из первых нуменорских портов, строительство его начал еще знаменитый король-моряк Тар-Алдарион, и позже этот порт был расширен и укреплен. Его называли Лонд Даэр Энед, Великая Срединная Гавань (между Линдоном на Севере и Пеларгиром на Андуине).>> (Прим. Авт.)

Синдаринское альф {*alph*}, «лебедь», мн.ч. эйльф {*eilph*}; квенийск. — альква {*alqua*}, как в Альквалондэ {*Alqualondë*}. Тэлеринская ветвь эльдарины изменила первоначальный звук *кв* {*kw*} на *п*, тогда как изначальный звук *п* не изменился. Сильно отличающийся синдарин Средиземья после *л* и *р* превратил смычные в щелевые. Так альква превратилось в альпа {*alpa*} в тэлерине и в альф {*alf*} (произносилось альф {*alph*}) в синдарине.

іСм. «Начальный Курс Квенья» С.Печкина, где со ссылкой на «Basic Quenya, Quenya Language Lessons» Н.Мартч говорится буквально, что «ty — переднебный дорсальный взрывной звук, средний между «т» и «ч», похожий на то, как произносят некоторые тусовщики слово tune. Однако это все же не тот совсем уже американский звук, что в слове chew. Таким он становится только в вестронском выговоре».

iiЗдесь *dh* обозначает звук [ð], как в слове «the»; знакомый с английским поймет.

Об Элендилмире сказано в сноске к Приложению А (I, iii) к «Властелину Колец»: Короли Арнора носили на голове не корону, а один белый камень — Элендилмир, Звезду Элендила — на серебряном обруче. В этой заметке указываются и другие упоминания Звезды Элендила в повествовании. На самом деле было два камня с таким названием, а не один; см. стр. 277.

<<Это соотносится с тем, что сказано в Повести о Кирионе и Эорле, основанной на старинных историях, ныне по большей части утерянных, о событиях, приведших к Клятве Эорла и союзу Гондора с Рохирримом.>> (Прим. Авт.) — См. стр. 308.

Младшим сыном Исилдура был Валандил, третий Король Арнора: см. «*О Кольцах Власти*» в «*Сильмариллионе*», стр. 327. В Приложении А (I, ii) к «Властелину Колец» утверждается, что он родился в Имладрисе.

Этот перевал назван по-эльфийски только здесь. Многие годы спустя в Раздоле {Rivendell} Гимли Гном говорит о нем, как о «Верховом Перевале»: <<Если бы не Беорнинги, дорога из Дэйла в Раздол давно уже была бы непроходима. Они храбрые люди, и только благодаря им открыты Верховой Перевал и Каррокский {Carrock} Брод.>> («Хранители» II 1) Именно на этом перевале Торина Дубощита и его спутников захватили орки («Хоббит» гл. 4). «Андрат», несомненно, означает «долгий подъем»: см. стр.

255, прим. 16.

Ср. «*О Кольцах Власти*» в «*Сильмариллионе*», стр. 327: [Исилдур] <<двинулся на север из Гондора тем путем, которым пришел туда Элендил.>>

<<Триста лиг с лишним>>
 [протяженностью был путь,
 выбранный Исилдуром] <<и большей
 частью по бездорожью; в те дни
 единственными нúменóрскими
 дорогами были путь, соединявший
 Гондор и Арнор — через Каленардон
 {Calenardhon}, потом на север через
 Гватлó {Gwathló} у Тарбада
 {Tharbad} и дальше на Форност, — а
 также Тракт с Востока на Запад из
 Серых Гаваней в Имладрис. Эти
 дороги сходились>> [в Брее] <<к
 западу от Амона Сýл (Заветери
 {Weathertop}), по нúменóрским

мерам в трехстах девяноста двух
лигах от *Осгилиата*, и оттуда до
Имладриса было сто шестнадцать
лиг: всего — пятьсот восемь лиг.>>
(Прим. Авт.) — См. Приложение о
Нúменóрских Мерах Длины, стр. 285.

<<В своей стране у нúменóрцев были кони, которых они очень ценили.>> [см. «Описание Нúменóра», стр. 169] <<Но в войне их не использовали, ибо все свои войны нúменóрцы вели за морем. К тому же нúменóрцы были людьми рослыми и сильными, и их воины были привычны к тяжелому доспеху и оружию. В своих поселениях на берегах Средиземья они приручали и разводили местных лошадей, но не многих из них использовали для верховой езды, разве что для соревнований и забав. На войне кони

были только у гонцов и у подразделений легковооруженных лучников (часто набираемых из окрестных народов). В Войне Союза пало множество коней, и в *Осгилиате* их оставалось совсем мало.>> (Прим. Авт.)

<<В ненаселенной местности им нужна была поклажа и провизия; ибо они не рассчитывали встретить никакого эльфийского или людского жилья до владений Трандуила, то есть, почти до самого конца путешествия. В походе каждый нес с собой свой личный запас пропитания на два дня, не считая «неприкосновенного запаса», упомянутого в тексте;>> [стр. 276]

<<все остальное везли небольшие крепкие лошадки той породы, которая, как говорят, обитала когда-то в диком виде на просторных

равнинах к югу и к востоку от Зеленолесья. Эти лошади были приручены; но, хотя они и несли тяжелый груз — трусцой, садиться на себя они никому не позволяли. Таких лошадей было у них всего десять.>> (Прим. Авт.)

<<Пятого яванниэ {Yavannië} по нýменóрскому «Счету Короля», который с небольшими изменениями соответствует Ширскому Календарю. *Яванниэ* (*иваннет*), таким образом, соответствует *халимату* {Halimath}, нашему сентябрю; а *нарбелет* — нашему октябрю. Сорока дней (до 15-го *нарбелета*) было бы вполне достаточно, если бы все складывалось удачно. Ходу было по меньшей мере около трехсот восьми лиг; но воины Дýнэдайна, рослые, сильные и выносливые люди, были привычны к дневным переходам в

полном доспехе по восемь лиг «с передышкой» — когда они шли, делая семь раз короткую остановку (*л'ар*, синдаринск. *даур* — буквально «остановка, перерыв») после каждой лиги и часовой привал около полудня. Так совершался дневной переход, длившийся около десяти с половиной часов, из которых восемь часов отводилось на марш. Так они могли идти долгое время, если позволяли припасы. Торопясь, дунаданы могли двигаться и гораздо быстрее, проделывая около двенадцати лиг в день, а при большой надобности — и больше, но не так долго. В дни, когда случилось это несчастье, на широте Имладриса,

к которой приближался отряд, на открытом месте световой день длился по меньшей мере одиннадцать часов; в середине же зимы — меньше восьми. Во всяком случае, на Севере в мирное время не пускались в долгие путешествия между началом хитуи {*Hithui*} (х'исимэ {*Hísimě*}, ноябрь) и концом н'инуи (н'енимэ {*Nénimě*}, февраль).>> (Прим. Авт.) — Подробное описание календарей, использовавшихся в Средиземье, дано в Приложении Г к «Властелину Колец».

іХочется напомнить, что одна лига здесь — это 4.826 километра: см. прим. Перев. 4 к *ut3-1app*; соответственно, 12 лиг составляет

57.912 км. Хочется и, скорее всего, можно верить, что Профессор представлял себе, о чем он пишет. Впрочем, я слышал и в наше время о людях, которые способны на такие переходы.

<<Менельдил был племянником Исилдура, сыном его младшего брата Анáриона, павшего при осаде Барад-дûра. Он был человеком учтивым, но прозорливым, и не высказывал во всеуслышание своих мыслей. На деле же он был рад отъезду Исилдура и его сыновей и надеялся, что дела продержат их на Севере подольше.>> (Прим. Авт.) — В неопубликованных анналах о наследниках Элендила говорится, что Менельдил — четвертый сын Анáриона, родившийся в год 3318 Второй Эпохи, и сказано, что он был

последним человеком, родившимся в
Нúменóре. Процитированное выше
замечание — единственное,
говорящее о его характере.

<<Все трое сражались в Войне Союза, но Аратан и Кирьон не участвовали во вторжении в Мордор и осаде Барад-дûра, ибо Исилдур отослал их принять командование крепостью Минас Итиль {Ithil}, чтобы не дать Саурону уйти от Гил-Галада {Gil-galad} и Элендила и, попытавшись прорваться через Кирит Дúат {Dúath} (позднее — Кирит Унгол), отомстить Дúнэдайну перед поражением. Элендур, наследник, более других был дорог Исилдуру, он был рядом со своим отцом всю войну (кроме последней

схватки на Ородруине), и у Исилдура не было от него никаких секретов.>> (Прим. Авт.) — В упомянутых выше анналах говорится, что старший сын Исилдура родился в Ну́менóre в 3299 году Второй Эпохи (сам Исилдур родился в 3209).

<<Амон Ланк, «Голая Гора», была самой высокой точкой нагорья в северо-западной части Зеленолесья и звалась так потому, что на вершине ее не росли деревья. Позднее там поднялся Дол-Гулдур {Dol Guldur}, первый оплот Саурана после его пробуждения.>> (Прим. Авт.)

<<Ирисные Низины (Лоэг Нинглорон). В Былые Дни {Elder Days}, когда Лесные эльфы только поселились там, это было озеро, образовавшееся в глубокой долине, куда с севера вливался Андуин в самой быстрой части своего течения на долгом спуске длиной примерно в семьдесят миль, встречаясь с водами Ирисной Реки (Сър Нинглор), что сбегала с Гор. Озеро было протяженнее к западу от Андуина, потому что восточный склон долины был круче; но и к востоку оно тянулось до самого подножия долгих

склонов под Лесом (тогда еще эти склоны были лесисты), а его берега, поросшие тростниками, под самой тропой, которой прошел Исилдур, окружал более пологий склон. Озеро заболотилось, воды реки стали блуждать протоками в лабиринте островков, широких тростниковых и камышовых заводей и небывалого множества желтых ирисов высотой в рост человека, которые и дали название всей местности и реке с Гор, в чьем нижнем течении они росли особенно обильно. На востоке болото отступило, и от подножья нижних склонов теперь простирались широкие ровные луга, поросшие травой и влаголюбивыми

растениями; по этим лугам мог
пройти человек.>> (Прим. Авт.)

<<Задолго до Войны Союза Орофер {Oropher}, Король Лесных эльфов к востоку от Андуина, встревоженный слухами о растущей силе Саурона, покинул свои древние владения возле Амона Ланк, через реку от своих сородичей в Лóриэне. Трижды он переселялся к северу, и на исходе Второй Эпохи он стал жить в западных долинах Эмина {Emyn} Дуйр, а его многочисленный народ селился и процветал в лесах и долинах к западу до Андуина и к северу до древнего Гномьего Тракта (*Мен-и-Наугрим*). Орофер

присоединился к Союзу, но погиб в битве у Врат Мордора. Сын его Трандуил вернулся с остатками войска Лесных эльфов за год до похода Исилдура.

Эмин Дуйр (Темные Горы) — массив высоких гор на северо-востоке Леса, названный так из-за густых ельников на склонах; название это тогда еще говорило не о зле. Позже, когда тень Саурана легла на Зеленолесье Великое, сменив его название с Эрина Гален на Таур-ну-Фуин (что переводится как «Лихолесье»), Эмин Дуйр стал прибежищем многих самых злобных Сауроновых тварей и был назван Эмин-ну-Фуин, Лихогорьем.>>

(Прим. Авт.) — Об Орофере см. Приложение Б к «Истории Галадриэли и Келеборна {Celeborn}»; где его отступление на север Зеленолесья объясняется нежеланием соседствовать с гномами Хазад-Дûма {Khazad-dûm} и с Келеборном и Галадриэлью в Лóриэне.

Эльфийские названия Лихолесских Гор больше не встречаются нигде. В Приложении Е (II) к «*Властелину Колец*» Лихолесье по-эльфийски названо Таур-э-Ндаэдэлос, «лес великого страха»; название, приведенное здесь, Таур-ну-Фуин, «лес под сенью ночи», было раньше названием Дортониона

{Dorthonion}, лесистого взгорья на северной границе Белерианда в Былые Дни. То, что одно и то же название применяется к Лихолесью и к Дортониону, становится ясным в свете близкого сходства рисунков отца: см. «Рисунки Дж. Р.Р.Толкиена», прим. к рисунку N 37. — После окончания Войны Кольца Трандуил и Келеборн снова переименовали Лихолесье, назвав его Эрин {Erin} Ласгален, Зеленолистье (Приложение Б к «Властелину Колец»).

Мен-и-Наугрим, Гномский Тракт — это Старый Лесной Тракт, описанный в «Хоббите» гл. 7. В раннем наброске этого фрагмента

есть замечание, говорящее о <<старинном Лесном Тракте, который шел от Имладрисского Перевала, пересекал Андуин по мосту (расширенному и укрепленному для прохождения войск Союза) и вел через восточную долину дальше в Зеленолесье. Нигде ниже по течению пересечь Андуин было нельзя; ибо несколькими милями ниже Лесного Тракта уклон резко возрастал и река текла очень бурно, пока не вливалась в огромный водоем Ирисных Низин. За Низинами она снова убыстрялась и становилась мощным потоком, куда впадали многие реки, названия которых позабыты, за исключением

самых широких рек — Ирисной (Cûr Нинглор), Серебрянки {Silverlode} (Келебранта {Celebrant}) и Лимлайта {Limlight} (Лимлайта {Limlaith}).>>

В «Хоббите» Лесной Тракт пересекал великую реку через Старый Брод, и не говорится о том, что на этой переправе когда-то был мост.

По-другому описывается это событие в коротком рассказе, приведенном в «*О Кольцах Власти*» («*Сильмариллион*», стр. 327): <<Исилдура одолело орочье войско, ждавшее в засаде в Мглистых Горах; они застигли его врасплох между Зеленолесьем и Великой Рекой близ *Лоэга Нинглорон*, Ирисных Низин, напав на его стоянку, ибо Исилдур беспечно не выставил охраны, считая, что все его враги побеждены.>>

<<Тангайл, «изгородь щитов» — название этого строя на синдарине, повседневном разговорном языке народа Элендила; «официальным» названием его на квенья было *сандастан*, «забор щитов», от древнего *танда- {thanda-}*, «щит», и *стама-*, «загораживать, огораживать». В синдаринском слове второй корень был другой: *кайл {cail}*, «ограда или изгородь из жердей и заостренных кольев». Это слово (в изначальном виде — *кегле-*) происходит от корня *кег-*, «препятствие, преграда», от которого

также древнеэльфийское слово *кегья- {kegya-}*, «изгородь», в синдарине давшее *каи {cai}* (ср. *Моргаи* в Мордоре).

Дирнайт, квенийск. *нернехта*, «человек — наконечник копья» — это строй в виде клина, устремляющегося по открытой местности на близкое расстояние против врага кучного, но еще не построившегося в боевой порядок. Квенийск. *нехте*, синдаринск. *найт {naith}*, применялось к любому предмету или части предмета, заостряющимся к концу: наконечник копья, клин, узкий мыс (корень *нек-*, «узкий»); ср. Найт Лóриэна — выступ между Келебрантом и

Андуином, который в месте слияния этих рек был куда уже и острее, чем это можно изобразить на крупномасштабной карте.>> (Прим. Авт.)

<<Охтар — единственное именование, упоминающееся в легендах; но возможно, что это — лишь воинское обращение, которым воспользовался Исилдур в тот трагический момент, скрыв свои чувства воинской субординацией. *Охтар*, «воин, солдат» — звание того, кто, будучи полностью обучен и подготовлен, не возведен еще в звание *роквена* {*roquen*}, «рыцаряii». Охтар же был дорог Исилдуру лично и приходился ему родичем.>> (Прим. Авт.)

iiБуквально — «всадника», от

корня *roch-*, «конь».

В раннем наброске Исилдур приказал Охтару взять с собой двух спутников. В «*О Кольцах Власти*» («*Сильмариллион*», стр. 327) и в «*Хранителях*» II 2 говорится, что <<лишь трое вернулись из-за гор>>. В тексте, приведенном здесь, подразумевается, что третьим был Эстельмо, оруженосец Элендура, уцелевший в битве (см. стр. 275-6).

<<Они миновали глубокую
впадину Ирисных Низин, за которой
почва на восточном берегу Андуина
была тверже и суше, так как
местность там менялась. На север к
Лесному Тракту и стране Трандуила
земля поднималась, достигая там
уровня опушки Зеленолесья. Исилдур
хорошо знал это.>> (Прим. Авт.)

<<Нет никакого сомнения в том, что Саурон, прекрасно осведомленный о планах Союза, выслал столько орочьих отрядов Багрового Ока, сколько смог высвободить, с целью попытаться задержать войска, которые могли попробовать сократить себе путь, перевалив через Горы. Вышло же так, что Гил-Галад и Исилдур перебросили основные силы и часть людей из Арнора через Перевалы Имладриса и Карадраса {Caradhras}, и орки разбрелись и затаились. Однако эти орки оставались начеку и

нападали на все отряды эльфов и людей, которые не превосходили их числом. Они пропустили Трандуила, ибо даже остатки его войска были слишком сильны для них; но остались выжидать, большей частью спрятавшись в Лесу, пока остальные рыскали вдоль берегов реки. Навряд ли известия о падении Саурана достигли их, ибо он в Мордоре был полностью оцеплен, и все его силы были уничтожены. Если кто-то и бежал оттуда, то далеко на Восток, вместе с Призраками Кольца. Небольшое подразделение, оставленное на Севере, было забыто. Возможно, орки решили, что Саурон победил и поредевшее войско

Трандуила отступает, чтобы укрыться в своей лесной крепости. Это могло придать им смелости, и они, должно быть, захотели тоже заслужить награду у своего хозяина, хотя им и не выпало участвовать в главных битвах. Но не награду получили они от него, если кто-то из них и дожил до его возвращения. Никакие пытки не могли укротить его ярость, обрушившуюся на глупцов и ротозеев, проворонивших величайшую ценность в Средиземье; даром что они не могли ничего знать о Едином Кольце, о котором кроме Саурана знали только Девять Призраков Кольца, его рабов. Многие также считали, что свирепая

решительность нападения орков на Исилдура была частично вызвана самим Кольцом. Еще не прошло двух лет с того времени, как Кольцо покинуло руку своего хозяина и, хотя оно быстро остывало, еще тяготело его злой волей и искало все пути, чтобы вернуться к нему, как и после, когда Саурон оправился от поражения и воплотился заново. Быть может, это переполнило орочьих военачальников яростным, не осознаваемым, возможно, ими самими стремлением перебить дунаданов и захватить их предводителя во что бы то ни стало. Однако, несмотря ни на что, со временем вышло так, что вся Война

Кольца была проиграна в Ирисных
Низинах.>> (Прим. Авт.)

О луках нýменóрцев см.
«Описание Нýменóра», стр. 170.

<<Не более двадцати, как говорят; ибо никто не ожидал, что в них возникнет необходимость.>>
(Прим. Авт.)

Ср. слова свитка, который Исилдур написал о Кольце, собираясь отправиться из Гондора в свое последнее путешествие, и о котором Гэндальф {Gandalf} докладывал Совету Элронда в Раздоле: <<Оно было горячим, когда я впервые коснулся его, накаленным, словно уголья; я ожег свою руку так, что не чаял когда-либо избавиться от этой боли. Но уже сейчас, когда я пишу эти строки, оно остыло и словно бы умалилось...>> (*«Хранители»* II 2)

Гордыню, побудившую Исилдура оставить Кольцо себе вопреки совету Элронда и Кúрдана {Círdan} уничтожить его в пламени Ородруина («Хранители» II 2, а также «О Кольцах Власти» в «Сильмариллионе», стр. 326).

Смысл этого весьма примечательного отрывка, вероятно, в том, что свет Элендилмира пересиливал невидимость, которую давало Кольцо, если этот свет был бы виден, когда Кольцо не было надето; когда же Исилдур накрыл голову капюшоном, свет Элендилмира погас.

<<Говорится, что в дальнейшем те, кто (как, например, Элронд) помнили Исилдура, были поражены тем, насколько же схож с ним лицом и статью Король Элессар, победитель в Войне Кольца, которая покончила с Кольцом и с Сауроном навеки. Элессар, согласно хроникам Дúnэдайна, был в тридцать восьмом колене потомком Валандила, брата Элендура. Вот лишь когда Исилдур был отмщен.>> (Прим. Авт.)

<<Семь или больше лиг от места битвы. Пока он бежал, сгустилась ночь; Андуина он достиг к полуночи или около того.>> (Прим. Авт.)

<<Это был меч той разновидности, что называлась *экет*: короткий колющий меч с широким лезвием, заточенный и обоюдоострый, от фута до полутора в длинуiii.>> (Прим. Авт.)

iiiсоответственно, от тридцати до сорока пяти сантиметров.

<<Место последнего привала было в миле с лишним от их северного края, но, может быть, в темноте уклон земли завел его несколько к югу.>> (Прим. Авт.)

Флягу *мирувора,*

«имладрисского здравура», вручил Гэндальфу Элронд, когда Отряд выходил из Раздола («Хранители» II 3); см. также «Дорога вдаль и вдаль ведет», стр. 61.

<<Ибо этот металл был найден в Нүменóre>> (Прим. Авт.) — В «Ветви Элроса» (стр. 221) говорится, что Тар-Телеммайтэ {Tar-Telemmaitë}, пятнадцатый правитель Нүменóra, был прозван так («среброрукий») за тягу к серебру, <<и велел своим слугам повсюду искать *митрил*>>. Гэндальф же говорил, что *митрил* был найден только в Мории, <<и больше нигде во всем мире>> («Хранители» II 4).

В «Алдарионе и Эрендис» (стр. 184) говорится, что Эрендис оправила привезенный ей Алдарионом из Средиземья алмаз <<в серебро; по ее воле Алдарион увенчал ее этой диадемой>>. Поэтому она стала известна как Тар-Элестирне {Tar-Elestirnë}, Госпожа со Звездой на Челе; <<так, говорят, произошел обычай Королей и Королев носить на челе, как звезду, белый драгоценный камень; а корон у них не было>> (стр. 215, прим. 18). Это предание не может не быть связано с историей Элендилмира,

драгоценного камня в форме звезды, который носили как знак своей власти правители Арнора; но, судя по тому, что он принадлежал Сильмариэни, настоящий Элендилмир, каково бы ни было его происхождение, уже был в Ну́менóre до того, как Алдарион привез из Средиземья камень Эрендис, и это не мог быть тот же самый камень.

На самом деле их было тридцать восемь, поскольку второй Элендилмир был сделан для Валандила (ср. прим. 26 выше). — В Повести лет в Приложении Б к «Властелину Колец» запись под годом 16 Четвертой Эпохи (по Счислению Ши́ра 1436) гласит, что когда Король Элессар прибыл к Брендивайнскому {Brandywine} Мосту поприветствовать своих друзей, он вручил Звезду Ду́нэдайна Мастеру Сэммиуму {Samwise}, когда его дочь Эланор стала придворной дамой Королевы Арвен. На

основании этой записи мистер Роберт Фостер в «*Полном Путеводителе по Средиземью*» пишет, что «Звезду [Элендила] носили на челе Короли Северного Королевства, пока Элессар не вручил ее Сэму Гэмджи в 16 году Четвертой Эпохи». Из этого отрывка ясно следует, что Король Элессар владел, скорее всего, тем Элендилмиром, который был сделан для Валандила; и мне кажется, что в любом случае не может быть и речи о том, чтобы он по какому-либо поводу сделал бы такой подарок Мэру Шира, как бы ни ценил того. Элендилмир называется несколькими именами: Звезда Элендила, Звезда Севера, Звезда

Северного Королевства; а Звезду Дунэдайна (которая встречается только в этой записи в Повести Лет) считает совсем другим камнем и «Путеводитель..». Роберта Фостера, и «Гид по Толкиену» Дж. Е.А.Тайлера. Я не нашел других упоминаний о Звезде Дунэдайна; но мне представляется почти определенным, что это не так и что Мастер Сэммиум получил другой (и более подходящий ему) знак отличия.

186

$= 91.4 \text{ cm.}$

187

= 96.5 cm.

= 4 км. 828 м. 3 см. 2 мм.

189

= 4 км. 826 м.

190

= 193 см. 4 мм.

191

= от 91 см 4 мм до 121 см 9 мм.

Названия первых двух даются в моем переводе, так как меня не удовлетворил ни один из существующих вариантов. Струсы позаимствованы из Кистямура.

Работы с таким названием не существует, но повествование, приводящееся в третьей части («Кирион и Эорл», стр. 300), несомненно, представляет собой ее часть.

<<Таких, как, например, Книга Королей.>> (Прим. Авт.) — Об этой работе во вступлении к Приложению А к «*Властелину Колец*» говорится, что она вместе с «*Книгой Наместников*» и «*Акаллабêтом*» {*Akallabêth*} была в числе тех летописей Гондора, которые Король Элессар открыл Фродо и Перегрину; но из пересмотренного издания упоминание о ней было убрано.

Восточный Уступ {East Bight}, не называемый более нигде, был местом, в котором степь сильно вдавалась в восточную опушку Лихолесья, что изображено на карте к «*Властелину Колец*».

<<Северянеі, по-видимому, ближе всего к третьему и самому большому из народов — Друзей Эльфов, тому, возглавлял который Дом Хадора.>> (Прим. Авт.)

іСовпадение названия народа «Северяне» со славянским племенем северян, живших в IX–X вв. «на восточном берегу среднего Днепра, по Десне с ее притоками» (С.Г.Пушкарев, «Обзор русской истории», стр. 14) следует считать случайным. В оригинале — {Northmen}.

<<То, что армия Гондора не была полностью уничтожена, произошло отчасти и благодаря храбрости и верности северян-конников под предводительством Мархари, потомка Видугавии «Короля Р'ованионского», которые стояли в арьергарде. Но и силы Гондора нанесли кибитникам такие потери, что у тех не было сил продолжать нашествие, пока не прибыло подкрепление с Востока, и на время им пришлось удовлетвориться завершением завоевания Р'ованиона.>> (Прим.

Авт.) — В Приложении А (I, iv) к «*Властелину Колец*» сказано, что Видугавия, называвший себя Королем Р'ованионским, был самым могучим из князей северян; ему благоволил Король Гондора Рóмендакил II, скончавшийся в 1366 году, которому тот помог в войне с истерлингами, а женитьба сына Рóмендакила Валакара {Valacar} на дочери Видугавии Видумави привела в XV веке к разрушительной Междоусобице в Гондоре.

Примечательный факт, не упоминаемый, по-моему, ни в одной из отцовских работ: имена древних королей и князей северян и Эотёода по форме готские, а не древне-английские (англо-саксонские), как имена Лёода, Эорла и позднейших рохирримов. «Видугавия» — это латинизированное произношение готского «Видугауя {*Widugauja*}\», «житель леса», готского имени, встречающегося в летописях, и точно так же «Видумави {*Vidumavi*}\» — готское «Видумави {*Widumawi*}\», «лесная дева». «Мархвини» и

«Мархари» содержат готский корень «марх», «конь», соответствующий древне-английскому «меарх», мн.ч. «меарас» ii, слово, которым во «Властелине Колец» называются кони Рохана; «вини {wini}», «друг», соответствующее древне-английскому «вине {winē}» iii, встречается в именах нескольких Королей Марки. Поскольку, как объясняется в Приложении Е (II) к «Властелину Колец», языку Рохана было <<придано подобие древнего английского языка>>, предкам рохирримов имена были даны в формах самого древнего из письменных германских языков.

ii Строго говоря, méaras: мн.ч.

Им. и В. П. от *tearh*, старо-англ. «конь, лошадь» (ср. совр. англ. *mare* (от *mýre*, *mere*), нем. *Mähre*, готск. *meriha*, древневерхненем. *marah* (такое имя тоже встречается у JRRT), старо-норв. *marr*.

iii Это слово более принадлежит поэтической речи. Ср. древневерхненем. *wini*, старо-норв. *vinr*.

<<Так его называли потом.>>

(Прим. Авт.) — Др. англ. «конные люди»; см. прим. 36.

Нижеследующий рассказ не противоречит написанному в Приложении А (I, iv и II) к «*Властелину Колец*», хотя и намного короче его. Здесь ничего не говорится о войне с истерлингами в XIII веке Миналькара {Minalcar}, взявшего себе имя Рóмендакил II, приеме этим королем множества северян в войска Гондора, о женитьбе его сына Валакара на северянской княжне и о Междоусобице, к которой это привело; но в нем есть кое-что, о чем не упомянуто в «*Властелине Колец*»: что закат северян Р'ованиона был

вызван Великим Мором; что битва 1856 года, в которой пал Король Нармакил II и которая, как сказано в Приложении А, произошла <<за Андуином>>, состоялась на равнинах к югу от Лихолесья и была известна как Битва на Равнинах; и что огромное войско Нармакила спасла от уничтожения кибитниками оборона арьергарда Мархари, потомка Видугавии. Здесь также более очевидно, что именно после Битвы на Равнинах Эотэод, остатки северян, стал отдельным народом, жившим в Андуинских Долинах между Карроком и Ирисными Низинами.

<<Дед его Телумехтар завоевал Умбар и разгромил оплот корсаров, а народы Харада в то время были заняты войнами и стычками между собой.>> (Прим. Авт.) — Завоевание Умбара Телумехтаром Умбардакилом {Umbardacil} произошло в году 1810.

На большой западной излучине Андуина восточнее Леса Фангорн; см. первую цитату в Приложении В к «Истории Галадриэли и Келеборна {Celeborn}», стр. 260.

О слове «Э́ред» см. прим. 36.

Этот рассказ намного полнее, чем подытоженное в Приложении А (I, iv) к «*Властелину Колец*»: <<Калимехтар, сын Нармакила II, с помощью повстанцев в Р'ованионе отомстил за своего отца, одержав в году 1899 великую победу над истерлингами на Дагорладе, и на некоторое время угроза отступила.>>

Проужины Леса, должно быть
— узкий «перешеек» Лихолесья на
юге, образованный Восточным
Уступом (см. прим. 3)

<<Совершенно справедливо.

Ибо нападение со стороны Ближнего Харада — если только его не поддержал бы Умбар, чего в то время быть не могло — остановить и отвратить было бы гораздо легче. Пересечь Андуин с той стороны было нельзя, не поднявшись дальше на север, а там пришлось бы пройти через узкий перешеек между рекой и горами.>> (Прим. Авт.)

Отдельная заметка, связанная с этим текстом, отмечает, что в то время Мораннон был еще под контролем Гондора и две Дозорные Башни к востоку и к западу от него (Клык-Башни) еще были действующими. Дорога через Итилиэн еще была в полном порядке до самого Мораннона, а там она пересекалась с дорогой на север до Дагорлада и другой — на восток вдоль хребта Эред Литуи. [Ни одна из этих дорог не отмечена на картах к *«Властелину Колец»*.] Восточная дорога немного не доходила с севера

до Барад-дûра; она так никогда и не была достроена, а за той частью, что уже была проложена, не было никакого ухода. И все же первые ее пятьдесят миль, которые были некогда выстроены полностью, сильно ускорили наступление кибитников.

<<Историки предполагали, что на этой самой горе разбил свой лагерь Король Элессар в последней битве с Сауроном, битве, которой окончилась Третья Эпоха. Но, если и так, то тогда это был лишь небольшой холм, мало препятствовавший конникам, и лишь потом орки сделали его выше.>> (Прим. Авт.) — Здесь упоминается место в *«Возвращении Короля»* (V 10), где сказано, что <<Арагорн выстроил войско в наилучшем из возможных порядке и поднял его на две огромных горы из щебня и земли,

которые орки насыпали за долгие годы труда>> и что Арагорн с Гэндальфом {Gandalf} стояли на одной горе, а знамена Рохана и Дол-Амрота были подняты над другой.

Об Адрахиле Дол-Амротском
см. прим. 39.

В местах, где они жили раньше — в Андуинских Долинах между Карроком и Ирисными Низинами, см. стр. 289.

Причина переселения Эотэода на север приводится в Приложении А (II) к «*Властелину Колец*»: [праотцы Эорла] <<более всего любили равнины, лошадей и коневодство, но в те дни в средних долинах Андуина было слишком много людей, да и тень Дол-Гулдура все росла; поэтому когда они услышали о падении Короля-Чародея>> [в году 1975]<<, они стали искать себе место на Севере и загнали остатки ангмарцев на восточные склоны Гор. Во дни же Лэода, отца Эорла, его люди уже были многочисленным народом, и им

снова стало тесно в их родной стране.>> Вождя переселения Ёотёода звали Фрумгар; и в Повести Лет переселение датируется 1977 годом.

Эти реки, без названий, помечены на карте к «*Властелину Колец*». Там показано, что у Сизручья есть два притока.

Бдительный мир продлился с 2063 года до 2460, пока Саурана не было в Дол-Гулдуре.

О крепостях вдоль Андуина см.
стр. 292, а об Отмелях стр. 260.

Из приведенного выше отрывка в этом тексте (стр. 290) складывается впечатление, что после победы Калимехтара над кибитниками на Дагорладе в году 1899 северян в землях к востоку от Лихолесья больше не осталось.

<<Так звали этот народ в Гондоре: этим словом, первая часть которого — от вестронского *балк* {*balc*}, «страшный», а вторая — от синдаринского *хот* {*hoth*}, «орда», в просторечьи называли орков.>> (Прим. Авт.) — См. статью «хот» в Приложении к «Сильмариллиону».

<<Буквы — (Р-НД-Р),
увенчанные тремя звездами,
означали *арандур*, «слуга короля» —
наместник.>> (Прим. Авт.)

<<Он не высказал еще одну свою мысль: что Эотэод, как он узнал — народ беспокойный и что их северные земли слишком малы и неплодородны, чтобы прокормить все растущее его число.>> (Прим. Авт.)

<<Имя его — Борондир Удалраф {Udalraph}, Борондир Бесстремянный — долго упоминалось в песне «Рохон Метэстель {Rochon Methestel}», «Всадник Последней Надежды», ибо он ехал обратно с Эохером по правую руку от Эорла, первым переправился через Лимлайт и прорубился на помощь к Кириону. Защищая своего господина, Борондир пал на Поле Келебранта, к великому горю Гондора и Эотэода, и был похоронен в Усыпальницах Минаса Тирит.>> (Прим. Авт.)

Конь Эорла. В Приложении А (II) к «*Властелину Колец*» сказано, что отца Эорла, Лéoда, который был объездчиком диких коней, Феларóф сбросил с себя, когда тот попытался оседлать его, и так Лéoд встретил свою смерть. Вирой за это Эорл назначил коню подчиняться ему до конца жизни; и Феларóф смирился, хотя никому другому, кроме Эорла, он не позволял садиться на себя. Он понимал все слова людей, и жизнь его была такой же долгой, как у человека, и таковы же были его потомки, *меарас*, <<не носившие

никого, кроме Королей Марки или их сыновей, все до самого Сполоха>>. Феларóф — слово из англосаксонского поэтического словаря, хотя в письменной форме оно не зафиксировано: «доблестнейший, сильнейший».

<<Между устьем Лимлайта и Отмелями.>> (Прим. Авт.) — Это явно противоречит первой цитате, приведенной в Приложении В к «Истории Галадриэли и Келеборна», стр. 260, где <<Северная и Южная Отмели>> — <<два изгиба>> Андуина <<к западу>>, в северный из которых впадал Лимлайт.

<<В девять дней они покрыли больше пятисот миль по прямой, а их пути, вероятно, было все шестьсот. Хотя больших естественных препятствий на восточном берегу Андуина не было, земли эти большей частью были пустынные, а дороги и конные тропы, что вели на юг, были теперь заброшены или мало хожены; скакать со всей скоростью удавалось лишь иногда, кроме того, им нужно было беречь свои силы и силы коней, потому что впереди, у самых Отмелей, они ожидали большую битву.>> (Прим. Авт.)

Халифириэн дважды упоминается в «*Властелине Колец*». В «*Возвращении Короля*» I 1, где Пиппин, едущий с Гэндальфом на Сполохе в Минас Тирит, восклицает, что видит огни, Гэндальф отвечает ему: <<«Зажжены маяки Гондора, Гондор просит подмоги. Разгорелась война. Смотри, вон огонь на Амоне Дûн, и пламя на Эйленахе; а оттуда знак передается на запад: через Нардол, Эрелас, Мин-Риммон, Каленхад {Calenhad} к Халифириэну на границе Рохана».>> В I 3 Всадники Рохана по пути в Минас

Тири^т проезжают через Фенмарх {Fenmarch}, <<где справа от них обширные дубравы поднимались по склонам холмов под сенью мрачного Халифириэна на границе Гондора>>. См. подробную карту Гондора и Рохана во «*Властелине Колец*».

Это был большой нүменóрский Тракт, соединявший Два Королевства, который пересекал Изен у Изенских Бродов и Сизреку у Тарбада {Tharbad}, а потом шел на север к Форносту; в других местах он называется Трактом с Севера на Юг. См. стр. 264.

<<Это современное произношение англо-саксонского *Хáлиг-Фирген*; точно так же Фириен-Дол {Firien-dale} — это *Фирген-Дэл* {*Firgen-dæl*}, и Фириенский Лес — это *Фирген-вуду* {*Firgen-wudu*}.>> (Прим. Авт.) — «Г» в англо-саксонском слове *фирген*, «гора», позже превратилось в звук, произносящийся как современное «й» {«у»}.

Минас Итиль, Минас Анор и
Ортанк.

В другом месте, в заметке о названиях маяков, говорится, что <<полностью цепь маяков, действовавшая еще во время Войны Кольца, возникла не раньше поселения рохирримов в Каленардоне около пятисот лет тому назад; ее основным назначением было посылать известие о том, что Гондор в опасности, Рохирриму, и наоборот — что бывало реже.>>

Согласно заметке об устройении Рохиррима, *эored* <<не имел постоянной численности, но в Рохане этим словом называли только отряд Всадников, полностью подготовленный к войне, людей, служивших временно, а в некоторых случаях — постоянно, в Войске Короля. Любое значительное число таких воинов, объединившихся в отряд для упражнений или несения службы, называлось *эоредом*. Но после восстановления Рохиррима и перестройки его армии в дни Короля Фолквайна {Folcwine}, за сто лет до

Войны Кольца, «полным *э́оредом*» в боевом порядке стал называться отряд, насчитывающий не менее 120 человек со Старшиной и являющийся одной сотой частью Полного Призыва Всадников Марки, не включавшего в себя Королевскую Дружину.>> [*Э́оред*, с которым Э́омер преследовал орков в «*Двух Твердынях*» III 2, насчитывал 120 Всадников: Леголас издалека насчитал 105, а Э́омер сказал, что пятнадцать человек пали в бою с орками.] <<Такое войско, разумеется, не выезжало на войну за пределы Марки целиком; но заявление Те́одена о том, что в такой великой опасности он может возглавить в

походе десять тысяч Всадников («*Возвращение Короля*» V 3), наверняка было обоснованным. Рохиррим со времен Фолквайна вырос в числе, а до нападения Сарумана Полный Призыв, вероятно, состоял из более, чем двенадцати тысяч Всадников, чтобы Рохан ни в каком случае не остался полностью без обученных защитников. На самом деле, из-за потерь в войне на западе, невыдержанности воинов Призыва и угрозы с Севера и с Востока Теоден вывел войско лишь в шесть тысяч копий, хотя и это был самый значительный из записанных в истории походов Рохиррима со времен прихода Эорла.>>

Полный призыв кавалерии назывался *эохером* (см. прим. 49). Эти слова, так же как и *Эотэод*, разумеется, англо-саксонские по форме, поскольку так везде переводится исконный язык Рохана (см. выше прим. 6): в них первой частью служит корень *эох*, «конь». *Эоред*, *эород* — это зафиксированное в источниках англо-саксонское слово, вторая часть которого происходит от *ра́д*, «скачка, езда верхом»; в слове «*эохер*» вторая часть — *хере* {*herē*}, «войско, воинский отряд». В слове «*Эотэод*» «*тэод*» {*théod*} означает «народ» или «страна», и слово это обозначает как самих Всадников, так и их страну. (Англо-саксонское

«эорл» в имени Эорла Юного не имеет никакого отношения к этому корнюiv.)

ivПоскольку этот «эорл» происходит от другого корня: eorl >erl, *earl*: старо-англ. «благородный, предводитель, князь», в поэтической речи также «муж» и «храбрец». Ср. в старо-шведском erl; старо-норв. arl (скандинавск. рунич. erilaz) «благородный, князь».

<<Так в дни Наместников всегда говорилось во всех торжественных речах, хотя во время Кириона, двенадцатого Правящего Наместника, это выражение уже стало формулой, в которую верили очень немногие.>> (Прим. Авт.)

Альфирин: *симбельмине*

{*simbelminë*} с курганов Королей под Эдорасом и уйлосы, которые Туор видел в долине Гондолина в Былые Дни {*Elder Days*}; см. стр. 55, прим. 27. В песне, которую Леголас пел в Минасе Тирит («*Возвращение Короля*» V 9), название *альфирин*, скорее всего, означает другой цветок: <<И золотыми колокольчиками маллос и альфирин / В лебенинских лугах.>>

<<Такой титул носил Князь Дол-Амротский. Его предки получили этот титул от Элендила, с которым они были в родстве. Они были из семьи Верных, которые уплыли из Нүменора перед Низвержением и поселились в земле Белфалас между устьями Рингло и Гилрайна, поставив крепость на высоком мысу Дол-Амрот, названном так в честь последнего Короля Лориэна.>> (Прим. Авт.) — В другом месте (стр. 248) говорится, что, согласно традиции этого дома, первым Властителем Дол-Амрота был

Галадор (ок. 2004–2129 Третьей Эпохи), сын Имразôра Нýменóрца, жившего в Белфаласе, и эльфийской госпожи Митреллас {Mithrellas}, одной из спутниц Нимродэли. Процитированный выше отрывок, видимо, предполагает, что эта семья Верных обосновалась в Белфаласе, построив крепость в Дол-Амроте перед Низвержением Нýменóра; если это так, то эти два утверждения можно согласовать, предположив, что ветвь Князей и само их поселение насчитывают более двух тысяч лет до времен Галадора и что Галадор называется первым Властителем Дол-Амрота потому, что именно в его время — после

того, как в 1981 году утонул Амрот — Дол-Амрот получил свое название. Другая трудность заключается в том, что Адрахиль Дол-Амротский, явно предок Адрахия отца Имрахия, Властителя Дол-Амрота во время Войны Кольца, был военачальником Гондора в битве с кибитниками в году 1944 (стр. 293-4); но можно предположить, что этот первый Адрахиль в то время не звался «Дол-Амротским».

Эти объяснения, в общем вполне вероятные, предпринятые, чтобы сохранить целостность, кажутся мне менее правдоподобными, чем то, что существовали две различные и

независимые «легенды» о
происхождении Властителей Дол-
Амрота.

<<Это были буквы 'ламбе',
'андо', 'ламбе' (Л-НД-Л),
составлявшие без огласовок имя
Элендила, которые были его знаком
и вырезались на его печатях.>>
(Прим. Авт.)

<<Амон Анвар действительно был самой высокой точкой, близкой к середине линии, проведенной от устья Лимлайта к южной оконечности мыса Тол Фалас; и расстояние от нее до Изенских Бродов было равным расстоянию до Минаса Тирит.>> (Прим. Авт.)

<<Хотя и не совсем так; потому что он говорил старинными словами, в стихах и с принятыми у рохирримов торжественными оборотами, в которых Эорл был весьма искусен.>> (Прим. Авт.) — Другой версии Клятвы Эорла, помимо той, что приведена в этом тексте на всеобщем языке, по-видимому, не существует.

<<Ванда: «клятва, обет, торжественное обещание». Термарува: тер «через, сквозь; про-», мар- «стоять, быть установленным, покоиться» {abide}; буд. вр. Эленна-Норео: Р.П., определяемое — алькар, «кого? чего?» — «Эленна-Норе», «земли/страны, названной “Обращенная к Звездам (или Звезде)”». Алькар: «слава». Эньялиэн: эн- «снова, вновь, опять; воз-», ял- «зов, призыв», в неопр. (или герундиальной) ф.; эн-ялиэ {en-yalië}, здесь в Д.П. «вос-поминанию, в-зыванию», но управляет прямым

дополнением *алькар*: поэтому — «дабы воззвать или «утвердить в памяти» славу». *Ворондо*: Р.П. от *воронда*, «стойкий в верности союзу, держащий слово или клятву, верный»; прилагательные, использующиеся как «титулы» или часто употребляемые в качестве атрибута имени, помещаются после имени, и, как правило, в квенья в случае склонения имени с приложением склоняется только последнее.>> [Другой вариант приводит прилагательное *вóримо*, Р.П. от *вóрима*, с тем же значением, что и *воронда*.] <<*Воронвэ*: «стойкость, верность, преданность», дополнение к *эньялиэн*.

Наи: «будь так, что; пусть будет так, что»; *наи тирувантес*: «пусть будет так, что (они) увидят/присмотрят/сохранят это», т. е. «да сохранят ее» (-*нте* — флексия III л. мн.ч., где действующее лицо не обозначено прежде). *И хáрар*: «те, что восседают». *Махалмассен*: мн.ч. эссива от *махалма*, «престол, трон». *Ми*: предлог местонахождения, «в». *Ну́мен*: «Запад». *И Эру И*: «Единый (Один), Который». *Эä*: «есть». *Теннойо*: *тенна* «до тех пор, пока», *ойо* «бесконечно»; *теннойо* «навсегда». >> (Прим. Авт.)

<<И не слышали, пока не вернулся Король Элессар и не возобновил на том же месте договор с Королем Рохиррима Эомером, потомком Эорла в восемнадцатом колене. Только Королю Нүменóра разрешалось призывать в свидетели Эру, и только в самых важных и торжественных случаях. Ветвь Королей оборвалась на Ар-Фаразôне {Ar-Pharazôn}, который погиб в Низвержении; но Элендил Воронда происходил от Тар-Элендила, четвертого Короля, и считался по праву предводителем Верных,

которые не участвовали в отпадении Королей и были сохранены от гибели. Кирион был Наместником Королей, происходивших от Элендила, и во всех делах Гондора имел как регент всю полноту их власти — пока не вернулся бы Король. И все же клятва Кириона поразила тех, кто слышал ее, и наполнила их священным трепетом; и только такая клятва, произнесенная над священным курганом, подобала святости места, на котором она была принесена.>> (Прим. Авт.) — Прозвание Элендила «Воронда», «Верный», имеющееся также в Клятве Кириона, в этом примечании первоначально было

написано как «Воронвэ», каковое слово в Клятве является существительным, означающим «верность, преданность». Но в Приложении А (I, ii) к «*Властелину Колец*» Мардил, первый Правящий Наместник Гондора, назван <<Мардил Воронвэ «Верный»>>, и эльфа, который в Первую Эпоху провел Туора из Виньямара, звали Воронвэ {Voronwë}, что в Словаре к «*Сильмариллиону*» я перевел также как «Верный».

См. первый отрывок в
Приложении В к «Истории
Галадриэли и Келеборна», стр. 260.

<<Эти названия даны на синдарине, как они употреблялись в Гондоре; но многие новые названия были даны Ёотёодом, который изменял старые названия так, чтобы они подходили к их языку, или давал свои. В повествовании «*Властелина Колец*» используются большей частью названия на рохирримском языке. Так, Ангрен = Изенв; Ангреност = Изенгард {Isengard}; Фангорн (название, которое также встречается) = Энтский Лес; Онодлó = Энтова Купель {Entwash}; Гланхúр = Межевой Ручей {Mering Stream}

(оба названия означают «пограничная река».)>> (Прим. Авт.) — Название реки Лимлайт имеет свои сложности. Существуют две версии текста и заметка, связанная с ним; по одной версии синдаринское название этой реки было *Лимлих* {*Limlich*}, и в роханском языке оно превратилось в *Лимлихт* {*Limliht*} («осовремененный вид» — *Лимлайт* {*Limlight*}). Во второй, более поздней версии *Лимлих* по загадочным причинам переделано в *Лимлихт*, и это становится его синдаринской формой. В другом месте (стр. 281) синдаринское название этой реки — *Лимлайт* {*Limlaith*}. Принимая во

внимание эту неопределенность, в тексте я дал название *Лимлайт* {*Limlight*}. Каким бы ни было первоначальное синдаринское название, ясно по крайней мере то, что роханская его форма была переделкой, а не переводом и что значение его было неизвестно — хотя в заметке, написанной много раньше, чем все вышеприведенное, говорится, что название *Лимлайт* {*Limlight*} было частичным переводом эльфийского *Лимлинт*, «быстро-светлая». Синдаринские названия Энтовой Купели и Межевого Ручья встречаются только здесь; с Онодлó ср. *Онодрим*, энид {*enyud*}, «энты» («Властелин Колец»,

Приложение Е, «О других народах»).

vÍren, Ísen, Ísern >íren (yzen) =
совр. англ. *iron*, «железный». Именно
поэтому Изенгард повсюду
произносится через «з», хотя
пишется через «s». Ср. нем. Eisen
(«айзен»), «железо».

Атрад Ангрен: см. стр. 264, где синдаринским названием Изенских Бродов дается *Этрайд* {Ethraid} Энгрин. Представляется, что существовали одновременно формы названия Брода (Бродов) и в единственном, и во множественном числах. vi

vi Очевидно, только на синдарине. В вестроне (современном английском) фигурирует только форма множественного числа.

В других местах этот лес повсюду называется Фириэнским Лесом (сокращение от «Халифириэнский Лес»). «Фириэнхольт» — слово, встречающееся в англо-саксонской поэзии (*фиргенхольт*) — обозначает то же самое: «горный лес». См. прим. 33.

<<Настоящей формой их было «Роханд {*Rochand*}\» и «Рох́ир-рим {*Rochír-rim*}\», а в гондорских летописях они писались как «Роханд {*Rochand*}\», или «Рохан {*Rochan*}\», и «Рохиррим {*Rochirrim*}\». В этих словах содержится синдаринский корень *рох* {*roch*}, «конь», перевод корня *эо*- в слове *Эотэод* и многих именах рохирримов>> [см. прим. 3] <<. В слове «Роханд» добавлено синдаринское окончание — *нд* (-*анд*, — *енд*, — *онд*); оно обычно использовалось в названиях местностей или стран, но в

разговорной речи — д обычно опускалось, особенно в длинных названиях, как, например, *Календардон*, *Итилиэн*, *Ламедон* и др. Слово «*Рохиррим*» — это калька с «*эо-хере*», слова, которым в *Эотэоде* назывался полный призыв кавалерии во время войны; оно образовано от *рох* + *хûр*, синдаринск. «повелитель, начальник» (что никак не связано с>> [англо-саксонским словом] <<*хере*). В названиях народов синдаринское *рим*, «множество людей» (квенийск. *римбэ* {*rimbë*}), обычно использовалось для образования коллективного множественного числа, как в словах *Эледрим*

{Eledhrim} (Эдельрим *{Edhelrim}*),
«все эльфы, эльфство», Онодрим,
«народ энтов», Ноготрим
{Nogothrim}, «все гномы, гномство».
В языке рохирримов был звук,
представленный здесь как «х {ch}»
(задний щелевой, как *ch* в
валлийском), и хотя он нечасто
встречался в середине слов между
гласными, его произношение не
представляло для них труда. Но во
всеобщем языке такого звука не было,
и, говоря на синдарине, в котором он
встречался очень часто, жители
Гондора, за исключением ученых, в
середине слов произносили его как
«х {h}», а в конце слов, где
правильный синдарин требовал

особого нажима — как «к {*k*}». Так появились названия *Рохан* {*Rohan*} и *Рохиррим* {*Rohirrim*} в том виде, в каком они употребляются во «Властелине Колец».>> (Прим. Авт.)

Эорла, похоже, не убедил знак доброй воли Белой Хозяйки; см. стр. 299.

viiСовпадение названия народа «Северяне» со славянским племенем северян, живших в IX–X вв. «на восточном берегу среднего Днепра, по Десне с ее притоками» (С.Г.Пушкарев, «Обзор русской истории», стр. 14) следует считать случайным. В оригинале — {Northmen}.

<<Эйленаэр — это название донúменóрского происхождения, очевидно, связанное с названием *Эйленах*.>> (Прим. Авт.) — Согласно заметке о маяках, «Эйленах» было <<возможно, иноязычным названием, не синдаринским, не нúменóрским и не на всеобщем языке. <...> И Эйленах, и Эйленаэр были примечательны. Эйленах был самой высокой точкой Дрúаданского Леса. Он был виден далеко с запада, и его назначением в дни маяков было передавать предупреждение с Амона Дûн; но он не годился для большого

сигнального огня, поскольку на его крутой вершине для этого было недостаточно места. Поэтому следующий маяк к западу был назван Нардол, «огонь-вершина»; он находился на высоком обрыве, который изначально был частью Дрúаданского Леса, но позже рабочие каменоломен, находившихся в Камневозной Долине, обезлесили его. Нардол охраняла стража, которая защищала также и каменоломни; этот маяк всегда был снабжен топливом, и при необходимости на нем можно было разжечь огонь, который в ясную ночь был виден до самого последнего маяка, Халифириэна, в ста двадцати милях к

западу.>>

В той же заметке говорится, что <<Амон Дûн, «молчаливая гора», вероятно, самый старый маяк из всех, первоначально — укрепленный форпост Минаса Тирит, откуда был виден его огонь, форпост, охранявший проход в Северный Итилиэн с Дагорлада и пресекавший все попытки врагов переправиться через Андуин у Каира Андрос или вблизи от него. Почему его так называли, нигде не записано. Возможно, потому, что это была одиноко стоящая голая и скалистая гора, выдающаяся и обособленная от поросших дремучими лесами гор Друаданского Леса (Тавар-ин-

Дру́эдайн {Tawar-in-Drúedain}), на которую редко забирались люди, звери или птицы.>>

Согласно Приложению А (I, iv) к «*Властелину Колец*», в дни Остохера, четвертого короля после Менельдила, на Гондор впервые напали дикари с Востока; <<но Таростар, его сын, разгромил их и отогнал, взяв себе имя Рóмендакил, «Восточный победитель»>>.

<<Рóмендакил I также учредил Наместничество (*арандур*, «слуга короля»), но тогда Наместник выбирался Королем из самых верных и мудрых, обычно преклонного возраста, потому что Наместнику не позволялось отправляться на войну и покидать страну. Наместником никогда не был член Правящего Дома.>> (Прим. Авт.)

Мардил был первым из Правящих Наместников Гондора. Он был Наместником Эарнура {Eärnur}, последнего Короля, который пропал в Минасе Моргул в году 2050. <<В Гондоре считали, что вероломный враг заманил Короля в ловушку, и что он умер в муках в Минасе Моргул; но свидетелей его смерти не было, и потому Мардил Добрый Наместник правил Гондором от его имени многие годы.>> «*Властелин Колец*», Приложение А (I, iv)).

Как уже говорилось, честнее было бы переводить это имя как «Дурин», как, собственно, оно и должно произноситься по правилам произношения имен, не принадлежащих английскому языку; но у меня, как и у почти всех прочих переводчиков, не поднимается на это рука; из всех же эвфемизмов типа «Дарин», «Дьюрин» и прочих, какие только могут быть изобретены, мне наиболее симпатичен именно первый. Мне известно, что я старый кистямурист и не лечусь; я не вижу повода исправляться и впредь.

Встреча Гэндальфа и Торины упомянута также в Приложении А (III) к «*Властелину Колец*», и там приводится дата: 15 марта 2941 года. Между этими двумя описаниями есть небольшое различие в том, что, согласно Приложению А, встреча произошла в Брее на постоянном дворе, а не на дороге. Гэндальф последний раз был в Шире двадцать лет назад, то есть, в 2921 году, когда Бильбо шел тридцать второй год: ниже Гэндальф говорит, что когда он видел Бильбо в последний раз, тот еще не вступил в совершеннолетие

(тридцать три года).

iiЗдесь и далее перевод хоббитских имен, кроме совершенно прозрачных по значению, а также тех, которые уже переведены, на мой взгляд, вполне удачно, Кистяковским и Муравьевым, я на себя не беру, оставляя его читателю.

Садовник Холман: Холман
Зеленорук {Greenhand}, у которого
учился Старик, Хамфаст Гэмджи
{Gamgee}, отец Сэма: «Хранители» I
1 и Приложение В к «Властелину
Кольца».

Эльфийский солнечный год (лоа) начинался днем, называвшимся *Йестарэ* {*Yestarë*}, который шел перед первым днем *туйле* {*Tuilë*} (весны); и в Календаре Имладриса *Йестарэ* <<более или менее соответствовал 6 апреля в Шире>> («Властелин Колец», Приложение Г).

Тра́ин Второй: Тра́ин Первый, дальний предок Торуна, бежал из Мории в 1981 году и стал первым Королем под Горой («*Властелин Колец*», Приложение А (III)).

Да́ин II Железноногий родился в году 2767; в битве при Азанулбизаре (в Нандухирионе) перед Восточными вратами Мории в 2799 году он сразил великого орка Азога и так отомстил за Трóра, деда Торуна. Он пал в Битве при Доле в году 3019 (Приложения А (III) и Б к «Властелину Колец»). Фродо узнает в Раздоле от Глóина, что <<Да́ин все еще правит под Горой, и стал теперь стар, миновав двести пятьдесят лет, досточтим и баснословно богат>>. («Хранители» II 1).

Гимли должен был хотя бы однажды проходить через Шир: по пути из своего дома в Синих Горах (см. стр. 336).

О Долгой Зиме 2758-9 гг. и о том, как она поразила Рохан, написано в Приложении А (II) к «*Властелину Колец*»; и запись в Повести Лет упоминает о том, что <<Гэндальф приходит на помощь жителям Шира.>>

В этом месте текста в рукописи А имеется предложение, которое (возможно, случайно) было опущено в машинописном тексте — по поводу нижеследующего замечания Гэндальфа о том, что Смауг, должно быть, не знаком с запахом хоббита: <<А также запах, которого никто не сможет разобрать — по крайней мере, Смауг, враг гномов.>>

і Надо ли напоминать читателю, что означает в переводе с английского фамилия *Baggins*? В случае необходимости справьтесь в словаре Мюллера в статье *bag*.

Согласно записи в Повести Лет под годом 2851, Саурон послал отбить Дол-Гулдур не двух Назгûлов, а трех. Эти два утверждения можно свести, предположив, что один из Дол-Гулдурских Призраков Кольца впоследствии вернулся в Минас Моргул, но, по-моему, более вероятно, что сказанное в данном тексте было изменено, когда писалась Повесть Лет; и можно заметить, что по отброшенной версии данного отрывка в Дол-Гулдуре был только один Назгûл — не названный Хамûлом, но

упомянутый как <<Второй Вождь (Черный Истерлинг)>> — а один оставался при Сауроне главным гонцом. — Из записей, подробно восстанавливающих передвижения Черных Всадников по Ширу, становится ясно, что именно Хамûл появился в Хоббитоне и разговаривал со Стариком Гэмджи {Gamgee}, следовал за хоббитами по дороге до Крепи {Stock}i и едва не нагнал их у Зайгородского Парома (см. стр. 344). Всадник, который был с ним, которого он подзывал криками с обрыва над Задорами {Woodhall}i и с которым заходил к Бирюку {Maggot}, был <<его товарищ из Дол-Гулдура>>. О Хамûле там говорится,

что он после Черного Полководца
чуял Кольцо лучше всех Назгûлов, но
именно у него сила и чутье наиболее
пропадали при свете дня.

іЯ не в состоянии объяснить,
почему перевод Г&Г дает именно
такие варианты этих топонимов и
имен. Равно я оказался не в
состоянии и предложить свой
собственный вариант, который
казался бы мне лучше.

<<Из страха перед Назгûлами он даже осмелился укрыться в Мории.>> (Прим. Автора.)

iiЗдесь и далее farthing
переводится «Удел».

<<У Бруиненского Брода только Король-Чародей и двое других решились войти в воду, хотя Кольцо было прямо перед ними и тянуло их к себе; остальных в реку загнали Глорфиндел и Арагорн.>> (Прим. Автора.)

Как сообщил Гэндальф Совету Элронда, он допрашивал Горлума, когда тот находился в плену у эльфов Трандуила.

Гэндальф рассказал Совету Элронда, что после того, как он покинул Минас Тирит {Tirith}, <<до меня из Лóриэна дошли известия, что Арагорн прошел там, и что он нашел существо по имени Горлум>>.

iii1614 миль составляет 1448 км.
В среднем получается около 29 км в
день. Прочувствовали, да?

<<Гэндальф прибыл двумя днями позже и ушел рано утром 29 марта. После Каррока у него был конь, но еще предстояло перебраться через Горы высотным перевалом. В Раздоле Гэндальф взял свежего коня и самым быстрым ходом добрался до Хоббитона вечером 12 апреля, проделав до того около восьмисот миль.>> (Прим. Автора.)

И здесь, и в Повести Лет нападение на *Осгилиат* датируется 20 июня.

Это утверждение, несомненно, относится к рассказу Боромира о битве при Осгилиате, с которым он пришел на Совет Элронда: <<Там была сила, которой мы не знали прежде. Иные говорят, что видели ее, словно огромного черного всадника, черной тенью в лунном свете.>>

В письме, написанном в 1959 году, отец говорит: <<Между 2463-им>> [когда Дéагорл {Déagol} Струс нашел Единое Кольцо, согласно Повести Лет] <<и началом особого расследования Гэндальфа о Кольце — спустя около 500 лет — они>> [струсы] <<и в самом деле могли вымереть полностью, за исключением, разумеется, Смéагорла {Sméagol}; или же бежать от тени Дол-Гулдура.>>

Согласно авторскому примечанию (см. прим. 2), Горлум бежал в Морию, боясь Назгûлов; ср. также на стр. 339 предположение о том, что одной из целей скачки на север у Владыки Моргула была надежда отыскать Горлума.

<<На самом деле их, очевидно, было не так уж много; но достаточно, чтобы отогнать любых непрошенных гостей, если только те не были вооружены и подготовлены лучше, чем войско Балина, и если их было не очень много.>> (Прим. Автора.)

<<По словам гномов, обычно для этого требовались двое; только очень сильный гном мог раскрыть их в одиночку. До того, как Мория опустела, за Западными воротами стояли привратники, и по крайней мере один из них всегда находился там. Таким образом никто — и ни один враг или беглец — не мог выйти наружу без разрешения.>>
(Прим. Автора.)

В «А» Саруман отрицает, что знает, где скрывается Кольцо; в «В» он <<сказал, что ничего не знает о стране, которую они ищут>>. Но это, очевидно, то же самое, сказанное другими словами.

Ранее в этой версии говорится, что Саурон в это время посредством *Паланти́ров* {*Palantíri*} начал запугивать Сарумана, и, во всяком случае, часто мог читать его мысли, даже когда тот пытался утаить какие-либо сведения. Поэтому Саурон знал, что Саруман догадывается о том, где находится Кольцо; Саруман же сам открыл, что у него в плену Гэндальф, которому известно об этом больше всех.

Запись о 18 сентября 3018 года в Повести Лет гласит: <<Ранним утром Гэндальф бежит из Ортанка. Черные Всадники переходят Изенские Броды.>> Эта запись крайне лаконична и не намекает на то, что Всадники были в Изенгарде; очевидно, что она основывается на версии «С» этой истории.

Ни в одном из этих текстов не рассказывается о том, что произошло между Сауроном и Саруманом, когда последний был разоблачен.

Любелия {Lobelia} Толстобрюхл
 вышла замуж за Ото {Otho}
 Лякошель-Бэггинса; их сыном был
 Лото {Lotho}, который во время
 Войны Кольца захватил в Шире
 власть и был тогда известен как
 «Начальник {The Chief}». Селянин
 Недоселок {Farmer Cotton}iv в
 разговоре с Фродо упоминает о
 принадлежащих Лото плантациях
 листа в Южном Уделе
 («Возвращение Короля» VI, 8).

ivЯ не в состоянии объяснить,
 почему перевод Г&Г дает именно
 такие варианты этих топонимов и

имен. Равно я оказался не в состоянии и предложить свой собственный вариант, который казался бы мне лучше.

<<Обычный путь проходил через
Тарбадскую Переправу в Дунланд —
а не прямо в Изенгард — откуда
товары еще более тайно
переправлялись к Саруману.>>
(Прим. Автора.)

Ср. Приложение А к «Властелину Колец» (I, III, «Северное Королевство и Дúnэдайн»): <<Именно в это время>> [во время Великого Мора, постигшего Гондор в 1636 году,] <<пришел конец Дúnэдайну Кардолана, и злые духи из Ангмара и Р'удаура {Rhudaur} вошли в опустевшие холмы и поселились в курганах.>>

Черный Полководец знал так много, что кажется несколько странным, что он так слабо представлял себе, где лежит Шир, страна полуросликов; согласно Повести Лет, хоббиты уже селились в Брее в начале четырнадцатого века Третьей Эпохи, когда Король-Чародей пришел на север в Ангмар.

См. «Хранители» I 9. Когда Бродяжник с хоббитами вышли из Брея (там же, I 11), Фродо мельком увидел дунлендинга (<<желтоватая физиономия с нехорошими, косыми глазами>>) в доме Билла Хвощёвника {Ferny} и подумал: <<Вылитый гоблин, ни дать, ни взять.>>

Ср. слова Гэндальфа на Совете
Элронда: <<Их Предводитель
затаился к югу от Брея.>>

здесь и далее Толкиен употребляют слово *weed*. В современном им английском языке это слово обозначает также и марихуану. Отдавая себе отчет в том юмористическом эффекте, который неминуемо вызовет рассмотрение всего этого эпизода в таком ключе, я все же буду стараться сохранить эту двусмысленность термина — исключительно потому, что она наличествует в оригинале, а моя цель — точность, точность и еще раз точность. Далее, однако, я все-таки перевожу «*pipe-weed*» не как

«трубочная трава», а как «трубочное зелье», но замечание это прошу все равно иметь в виду. Более подробно см. наш [«Доклад на выездном семинаре Толкиеновского Общества в Каннельярви»](#).

Как показывает последнее предложение этого отрывка, смысл был в следующем: Гэндальф еще не думал, что полурослики в будущем окажутся как-то связаны с Кольцами. Собрание Белого Совета 2851 года произошло за девяносто лет до того, как Бильбо нашел Кольцо.

Эомер был сыном сестры
 Теодена Теодвин {Théodwyn} и
 Эомунда Остфолдского {Eastfold},
 главного Маршала Марки. Эомунд
 был убит орками в 3002-ом году, а
 Теодвин умерла вскоре после того; их
 дети Эомер и Эовин {Éowyn} были
 взяты в дом Короля Теодена и жили
 вместе с Теодредом, единственным
 ребенком Короля (Приложение А к
 «Властелину Колец» (III)).

<<Энты здесь снова не были приняты в расчет, как не принимал их в расчет никто, за исключением Гэндальфа. Но поскольку Гэндальф не мог поднять восстание энтов несколькими днями раньше — это, как явствует из повествования, было невозможно — оно не спасло бы Рохан. Энты могли бы разрушить Изенгард и даже захватить Сарумана — если бы только он после победы самолично не отправился вместе со своей армией. Энты и хуорны с помощью тех Всадников Восточной марки, которые еще не вступали в

войну, могли бы уничтожить войска Сарумана в Рохане, но Марка была бы обезглавлена и лежала бы в руинах. Если бы даже кто-нибудь принял Красную Стрелу, зов Гондора не был бы услышан — или, самое большее, несколько отрядов усталых воинов добрались бы до Минаса Тирит {Tirith}, и так поздно, что успели бы только погибнуть вместе с ним.>> (Прим. Авт.) — О Красной Стреле см. «*Возвращение Короля*» I 3, где гонец из Гондора доставил ее Те́одену в знак того, что Минас Тирит просит помощи.

Первая битва на Изенских Бродах, в которой пал Тёодред, состоялась 25 февраля; Гэндальф добрался до Эдораса, спустя семь дней, 2 марта (Приложение Б к «Властелину Колец», 3019 год). См. прим. 7.

<<Земля за Проймой между Изеном и Адорном числилась частью Рохана; но хотя Фольквайн {Folcwine} и отвоевал ее, прогнав дунлендингов, которые ее заняли, оставшийся там народ был большей частью смешанных кровей, и их верность Эдорасу была слаба: они еще помнили, что Король Хельм казнил их правителя Фреку {Fresa}. В то время они больше склонялись к Саруману, и многие из их воинов вступили в его войско. В любом случае, с запада в их страну мог попасть только очень смелый

пловец.>> (Прим. Авт.) — Клятвой Кириона {Cirion} и Эорла местность между Изеном и Адорном была провозглашена частью владений Эорла: см. стр. 305.

В 2754 году Хельм Молоторукий, Король Марки, убил ударом кулака своего неверного вассала Фреку, правившего землями по обоим берегам Адорна; см. Приложение А (II) к «*Властелину Колец*».

Недостаточно хорошо представляя себе военную организацию рохирримов, а равно и войск Сарумана, я перевожу слово *сотрану*, буквально означающее «рота», словом «отряд», а иногда — «подразделение». Если говорится о чьей-то личной или собственной *сотрану*, я перевожу это слово как «дружина». Слово *battalion*, применяющееся исключительно к урукам, я перевел как «батальон», не найдя ничего лучшего и не видя к тому никаких препятствий.

<<Они были очень быстры и обучены уклоняться от воинского строя в ближнем бою; использовались они большей частью для уничтожения отдельных отрядов или преследования бегущих; но при необходимости они могли с неукротимой яростью пробиваться через любые бреши в конном строе, разя коней под брюхо.>> (Прим. Авт.)

Недостаточно хорошо представляя себе военную организацию рохирримов, а равно и войск Сарумана, я перевожу слово *сотрану*, буквально означающее «рота», словом «отряд», а иногда — «подразделение». Если говорится о чьей-то личной или собственной *сотрану*, я перевожу это слово как «дружина». Слово *battalion*, применяющееся исключительно к урукам, я перевел как «батальон», не найдя ничего лучшего и не видя к тому никаких препятствий.

ii Употреблена явно архаическая, англо-саксонская форма множественного числа от *Eorling*, «Эорлинг, потомок Эорла». Мой перевод, возможно, несколько неуклюж, но вполне адекватен.

Падья {The Deering}: так там написано, и, очевидно, написано верно, потому что это слово встречается ниже еще раз. Отец замечал в одном месте, что Падьева Лощина {Deering-coomb} (и Падьев Ручей {Deering-stream}) должны писаться именно так, <<потому что окончание здесь указывает на отношение: лощина, глубокое ущелье *Пади* {*Deer*} (*Хельмовой Пади* {*Helm's Deer*}), к которой оно вело>> («Заметки об Именах Собственных» в помощь переводчику, опубликованные в «Толкиеновском

компасе», изданном Джаредом
Лодбеллом, 1975, р. 181).

iiiПодчеркивается

происхождение этого названия от слова *horn*, «рог», от которого и русское «горн». Как мы помним, рог некогда сыграл важную роль в истории этой крепости. Поэтому — «Горнбург», а не «Хорнбург».

<<Послания достигли Эдораса не раньше, чем к полудню 27 февраля. Гэндалф прибыл туда рано утром 2 марта (в феврале было 30 дней!): вот почему, как говорит Гр́има, не прошло и пяти дней, как известие о гибели Тéодреда достигло Короля.>> (Прим. Авт.) — См. «*Две Твердыни*» III 6.

<<Говорят, что вокруг островка он расставил на пиках головы топорников, перебитых на нем, а на спешно насыпанном кургане Теодреда посреди островка укрепил свое знамя. «Этой защиты будет достаточно!» — сказал он.>> (Прим. Авт.)

<<Это, как говорят, было решение Гримболда. Эльфхельм не покинул бы Гримболда, но если бы он был начальником, то оставил бы под покровом ночи Броды и отступил к югу, чтобы соединиться с Эркенбрандом и увеличить силы, оставшиеся для защиты Падьевой Лощины и Горнбурга.>> (Прим. Авт.)

Это было то великое войско, которое видел Мериадок {Meriadoc}, покидая Изенгард, о чем он после рассказывал Арагорну, Леголасу и Гимли («*Две Твердыни*» III 9): <<Я видел, как выходили враги: бесконечные колонны марширующих орков; отряды орков верхом на огромных волках. Там были и полки людей. У многих были факелы, и в свете факелов я разглядел их лица. <...> Целый час они только выходили из ворот. Одни отправились по дороге к Бродам, а другие повернули и пошли на восток. Там, примерно за

миллю, где река протекает очень
глубоким руслом, был выстроен
мост.>>

<<У них не было доспехов, лишь некоторые имели латы, украденные или захваченные в набегах. Преимущество рохирримов было в том, что их снабжали гондорские кузнецы и оружейники. В Изенгарде же орки сами изготавливали для себя неуклюжие и тяжелые доспехи.>>
(Прим. Авт.)

<<Похоже, что доблестная оборона Гримболда не была совершенно бесполезной. Ее не ожидали, и полководец Сарумана замешкался; он медлил несколько часов, тогда как должен был прорваться через Броды, смести слабую оборону и, не отвлекаясь на преследование, пройти дальше на юг, чтобы присоединиться к войскам, атакующим Падью. Теперь же он был в замешательстве. Быть может, он ждал какого-нибудь сигнала от другой армии, которая была отправлена по восточному берегу

Изена.>> (Прим. Авт.)

<<Доблестный старшина,
племянник Эркиенбранда. Благодаря
своей храбрости и боевому искусству,
он уцелел в разгроме при Бродах, но
пал в Битве на Пеленноре, к
великому горю всего Вестфолда.>>
(Прим. Авт.) — Дунхер был
Правителем Боронь-Дола
(«Возвращение Короля» V 3).

Это предложение не вполне ясно, но, принимая во внимание нижеследующее, представляется, что оно говорит о той части огромного войска Изенгарда, которая шла по восточному берегу Изена.

Эти известия принес Всадник по имени Кеорл, встретившийся по возвращении от Бродов с Гэндальфом, Тёоденом и Эомером, которые спешили на запад с подкреплением от Эдораса: «*Две Твердыни*» III 7).

<<Как предполагает повествование, Гэндальф к этому времени уже переговорил с Древобородом и знал, что терпение энтов на исходе; он также понял смысл слов Леголаса («*Две Твердыни*» III 7): Изенгард окружен непроницаемой завесой, энты уже обступили его.>> (Прим. Авт.)

Когда Гэндалф, Теоден и Эомер прибыли к Изенским Бродам после Битвы при Горнбурге, Гэндалф объяснил им: <<Одних я отправил с Гримболдом Вестфолдским к Эркенбранду. Другим я велел устроить эту могилу. Сейчас они последовали за твоим маршалом, Эльфхельм. Я послал их со многими другими Всадниками в Эдорас>> («Две Твердыни» III 8). Данный текст обрывается посреди предложения.

Возможно, небезынтересно будет узнать, что слово *marshal* «маршал», несколько несправедливо переведенное Г&Г как «сенешаль», происходит от поздне-латинского *mariscalcus*, которое, в свою очередь, производится от древневерхненем. *merah scalc*, «конный слуга, конюх» — от *marah* «конь» (в древне-англ. *meah*) и *scalc* «слуга» (древне-англ. *scealc* [шеалх]). Так что «сенешаль», возможно, и красивее, и соответствует каким-нибудь историческим концепциям, которых придерживались переводчики; но вот

эта грань мысли профессора в таком переводе безнадежно теряется.

<<Эти названия применялись только в военном устройстве. Граница Марок пролежала по Снежице {Snowbourn} до ее впадения в Энтову Купель {Entwash}, а оттуда к северу вдоль Энтовой Купели.>> (Прим. Авт.)

<<Там был дом Эорла; после того, как Брего сын Эорла перебрался в Эдорас, дом этот перешел к Эофору, третьему сыну Брего, к которому возводил свой род Эомунд, отец Эомера. Фолд был частью Королевских Земель, но Альдбург оставался самым удобным оплотом для Призыва Восточной Марки.>>
(Прим. Авт.)

Т.е., когда Эомер преследовал орков, захвативших Мериадока {Meriadoc} и Перегрину, что проникли в Рохан с Эмина {Etnun} Муйл. Эомер тогда сказал Арагорну: <<Я вел свой *эоред*, людей моего двора>> («*Две Твердыни*» III 2).

<<Те, кто не знал о событиях при дворе, естественным образом решили, что подкрепления, посланные на запад, находятся под командованием Эомера, единственного оставшегося Маршала Марки.>> (Прим. Авт.) — Здесь ссылка на слова Кеорла, Всадника, который встретился с подкреплениями, шедшими из Эдораса, и рассказал о Второй Битве на Изенских Бродах («*Две Твердыни*» III 7).

<<Тео́ден созвал «маршалов и военачальников» сразу же, до трапезы; но совет этот не описан, потому что Мериадока на нем не было («интересно, о чем это они там говорят?»).>> (Прим. Авт.) — Ссылка на «*Возвращение Короля*» V 3.

<<Гримболд был младшим маршалом Всадников Западной марки под командованием Теодреда и получил этот пост за доблесть в обеих битвах при Бродах, потому что Эркенбранд был уже стар, а Королю был нужен уважаемый и властный человек, чтобы оставить под его командованием те силы, которые можно было отвлечь от защиты Рохана.>> (Прим. Авт.) — Гримболд не упоминается в повествовании «*Властелина Колец*» до последнего построения рохирримов перед Миной Тирит («*Возвращение*

Короля» V 5).

Утверждение, что Энедвайт в дни Королей был частью владений Гондора, явно противоречит сказанному непосредственно выше: <<западной границей Южного Королевства был Изен>>. В другом месте (см. стр. 264) говорится, что Энедвайт <<не принадлежал ни к одному из королевств>>.

Ср. стр. 262, где сказано, что <<весьма многочисленный, но дикий народ рыбаков обитал между устьями Гватлó {Gwathló} и Ангрена (Изена)>>. Здесь не упоминается о каких-либо связях между этим народом и дру́аданами, хотя говорится, что последние жили — и дожили до Третьей Эпохи — на мысе Андраст, к югу от устьев Изена (стр. 384 и прим. 13).

Ср. Приложение Е (*О Людях*) к «*Властелину Колец*»: <<Дунлендинги были потомками народов, что жили в былые века в долинах Белых Гор. Мертвый Народ Дун-Борони был их сородичами. Но в Темные Годы некоторые из этих народов переселились в южные предгорья Мглистых Гор, а оттуда иные проследовали в незанятые земли на север до самых Могильников. От них пошли люди Брея {Bree}; но те давным-давно стали подданными Северного Королевства Арнор и говорили на вестроне. Только в

Дунленде люди этой народности держались своего старого языка и обычаев: то был скрытный народ, недружественный к Дунэдайну и ненавидевший Рохиррим.>>

<<Которые называли ее *Глэмирафу*, крепость же — *Сýтбург* {*Súthburg*}, а после дня Короля Хельма — *Горнбург*.>> (Прим. Авт.) — *Глэмирафу* {*Glǣmscrafi*, sc=[ш]} — англо-саксонское «пещеры сияния», то же, что и «Агларонд».

<<На гарнизон на западном берегу нападения совершались часто, но не опасные: на деле они лишь отвлекали внимание рохирримов от севера.>> (Прим. Авт.)

Рассказ об этих вторжениях в Гондор и Рохан приводится в Приложении А (I, iv и II) к «*Властелину Колец*».

Сейчас я мало сомневаюсь в том, что водное пространство, отмеченное на моей изначальной карте как «Ледяной Залив Форохела», на деле являлось лишь небольшой частью залива (о котором в Приложении А (I iii) к «*Властелину Колец*» говорится, что он был <<огромен>>), простиравшегося далеко на северо-восток: северный и западный его берега образовывали гигантский Мыс Форохел, край которого, без названия, имеется на моей изначальной карте. На одной из карт-набросков отца северное

побережье Средиземья изображено огромной дугой на восток-северо-восток от Мыса, самая северная оконечность которого находится примерно в 700 милях от Карна Дûм.

Фородвайт упоминается в «*Властелине Колец*» лишь в одном месте (Приложение А (I III)), и название это относится к древним жителям Северного Края, остатками которых были Снежные Люди *Форохела*; синдаринское слово *(г)вайт* употреблялось применительно как к странам, так и к народам, их населявшим (ср. *Энедвайт* {*Enedwaith*}). На одной из карт-набросков отца *Фородвайт* явно приравнивается к «Северной Пустоши», а на другой переводится как «Северный Край».

<<Не благодаря своему особому положению в Белерианде, и скорее это была причина их малочисленности, чем следствие. Они множились много медленнее, чем другие Атани, ненамного быстрее, чем было нужно, чтобы возмещать потери от войн: и многие их женщины, которых у них было меньше, чем мужчин, вовсе оставались незамужними.>> (Прим. Авт.)

В «Сильмариллионе» Беор {Vëor} описывает Фелагунду Халадин, далее называемый Людьми или Народом Халет, как <<народ, от которых мы отличаемся речью>> (стр. 144). Говорится также, что <<они остались обособленным народом>> (стр. 149) и что они были ниже ростом, чем люди Дома Беора; <<они были немногословны и не любили больших собраний; многим из них по нраву было одиночество, и они вольно бродили по зеленым лесам, пока чудеса земель Эльдара были им в новинку>> (стр. 152). В

«Сильмариллионе» ничего не говорится об амазонках среди них, разве лишь то, что Госпожа Халет была воительницей и предводительницей их народа; а также об их приверженности в Белерианде своему языку.

<<Они говорили на том же языке, но по-своему. Сохраняли они и свои собственные слова.>> (Прим. Авт.)

<<Так же, как в Третью Эпоху в Брее вместе жили люди и хоббиты; хотя между народом другов и хоббитами нет никакого родства.>>
(Прим. Авт.)

і4 фута = 1 м 30 см; примерно со
среднего хоббита.

<<Недругам, которые, не зная их хорошо, заявляли, что из них-то, должно быть, Моргот и вывел орков, эльдары отвечали: «Несомненно, Моргот, который не может создать ничего живого, вывел орков из различных родов людей, но Дрúэдайн, должно быть, избежал его тени; ибо смех их и смех орков различаются так же, как свет Амана и тьма Ангбанда». Но многие все же думали, что между дрúаданами и орками есть дальнейшее сродство, которым и объясняется их особо свирепая ненависть друг к другу.

Орки и дру́ги считали друг друга выро́дками.>> (Прим. Авт.) — В «Сильмариллионе» сказано, что Мелькор вывел орков из пленных эльфов в начале дней (стр. 39, ср. также стр. 89); но это лишь одна из догадок о происхождении орков. Можно заметить, что в «Возвращении Короля» V 5, смех hân-бури-hâна описан так: <<На это старый hân издал забавный булькающий звук, и показалось, что он смеется.>> Сказано, что у hân-бури-hâна была редкая борода, <<висевшая на круглом подбородке, словно мох на пне>>, и что его темные глаза не выражали никакого чувства.

В отдельных заметках говорится, что самоназвание их было *Друһу* {*Drughu*} (где «*h* {*gh*»}, как и повсюду здесь — звонкий щелевой «Г», как в украинском языке). Это название в Белерианде на синдарине превратилось в *Дру̇*, мн.ч. *Дру̇ин* и *Дру̇атиі*; когда же эльдары обнаружили, что люди народа *Дру̇* — ярые враги Моргота и в особенности орков, к их названию был прибавлен «титул» *Адан*, и их стали называть *Дру̇аданами*, мн.ч. *Дру̇эдайн*, в знак их человеческой природы и дружественности к Эльдару, а также

отличия их рода от Трех Домов Эдайна. *Дру* теперь стало использоваться только в сложных словах, таких как *Друнос*, «клан народа *Дру*», *Друвайт*, «Пустошь народа *Дру*». В квенья *Друну* превратилось в *Ру*, откуда *Руатан*, мн.ч. *Руатани*. О других их названиях в дальнейшем (Дикие Люди, Лешаки {Woses}, пúкели) см. стр. 384 и прим. 14.

ii Здесь, в некоторой связи с прим. 14, для создания более полной и глубокой языковой и подсознательной картины, а также держа в памяти глубокое, но несколько неполное замечание на эту тему в комментарии K&K, мне

представляется уместным привести обширную выдержку из переводившейся мною книги Айдана Михана «Древо Жизни» (серия «Кельтское прикладное искусство»):

«Корни наших слов *truth* (истина, верность), *trust* (доверие) и *tree* (дерево) можно проследить на глубину четырех тысяч лет до древнего протоиндоевропейского слова, обозначающего дуб. [В русском языке можно вспомнить слова «древний», «деревня» и «дерево», не аналогичные, но отражающие понятия того же уровня значимости — С.М.П.] В этом языке он назывался **DORW**, что означало также «твердый», «мощный»,

«долговечный», — говорит Джеймс Пауэлл в «Дао Символов». Пауэлл продолжает далее: «Санскритское слово «дерево» — «дару», родственное древнему названию дуба. Родственно ему и санскритское название Полярной звезды — *dhruva*, «постоянная, твердая, закреплённая». <...> **DORW** означало больше, чем просто породу дерева — скорее, его качества.

<...> Эти же качества дуба сохранились в некоторых английских словах с **D-R**, таких, как *durable* (постоянный, неизменный); *endure* (долговечный); *duress* (стойкость) и *duration* (протяженность во времени). Все они восходят к

латинскому *durare* «длиться» и *durus* «крепкий». Оба этих слова четко относятся к тем же свойствам дуба, которые мы встречаем в протоиндоевропейском **DORW**.

Этот звук **D-R** сохраняется и в других индоевропейских словах, связанных с дубом в смысле его постоянства в пространстве и времени. В греческом это *drus* «дуб»; *drimus* «крепкий»; *diorthono* «постоянный». Ощущение времени сквозит также в греческом *duarkes* «стойкий, неизменный»; *diarkeia* «длительность»; *diarreo* «проходить, тянуться (о времени)». Гэльское название дуба — *dair* — и *doire*, «дубрава», породило такие

ирландские топонимы, как Дерри, Дерроу и Килдэр. «Крепость» превратилась в *daoire*, а «Постоянство» присутствует в *deireanach* «последний» и *deireadh* «конец (какого-то периода времени)».

«Друид» также родственно **DORW**. Галльское *druida* и ирландское *draoi* «друид», как говорят, происходит от *druwids*, «мудрец из дубравы», откуда также *draodoir*, «волшебник»«.

Неизвестно, хотел ли Толкиен, чтобы все эти ассоциации возникали у читателя при звучании слов *Drughu*, *drû*, *drúin*; но возможность такая не исключена.

<<В хрониках Нүменора говорится, что этим оставшимся было разрешено отправиться за море с Атанами, и на новой земле, в мире, снова расти и множиться и не принимать больше участия в войне, потому что друаданы боялись Моря. Что случилось с ними потом, записано только в одной из немногих легенд, сохранившихся после Низвержения, истории первых плаваний нүменорцев обратно в Средиземье, известной под названием «Жена моряка». В копии ее, переписанной и хранившейся в Гондоре, есть

примечание писца к отрывку, в котором упоминаются дру́аданы при дворе Короля Алдариона Моряка: в нем сообщается, что дру́аданы, необычайная способность которых к предвидению отмечалась всегда, встревожились, узнав о его плаваниях, предсказывали, что от этого произойдет недоброе, и молили Алдариона больше не уплывать. Но в этом они не преуспели, потому что даже его отец и жена не могли заставить Алдариона изменить свои решения, и дру́аданы отбыли в беспокойстве. С того времени дру́аданы Ну́менора впали в тревогу и, несмотря на свою боязнь Моря, по двое и по трое стали

проситься на большие корабли, уходившие к северо-западным берегам Средиземья. На вопросы, зачем они уплывают и куда, они отвечали: «Великий Остров больше не тверд под нашими ногами, и мы хотим вернуться на земли, с которых пришли». Поэтому их число снова стало уменьшаться с годами, и к тому времени, когда Элендил бежал от Низвержения, их не оставалось в Ну́менóre вовсе: последние бежали из страны, когда туда был доставлен Саурон.>> (Прим. Авт.) — Ни в материалах, относящихся к истории Алдариона и Эрендис, ни в других местах нет следов присутствия дру́аданов в Ну́менóre, за

исключением вышеприведенного, кроме одной записи, гласящей, что <<среди аданов, которые по окончании Войны Камней уплыли за Море в Ну́менор, были и немногие оставшиеся из Народа Халет, а совсем немногие дру́аданы, сопровождавшие их, вымерли задолго до Низвержения>>.

<<Некоторое их число жило при дворе Хурина из Дома Хадора, потому что он жил в молодости в Народе Халет и был в родстве с его предводителем.>> (Прим. Авт.) — О родстве Хурина с Народом Халет см. «Сильмариллион», стр. 164. — Отец соби́рался полностью превратить Садора, старого слугу в доме Хурина в Дор-Лóмине {Dor-lómin}, в дру́га.

<<У них был закон, запрещавший пользоваться любыми ядами против живых существ, даже тех, что наносили им урон — кроме лишь орков, от чьих отравленных дротиков они пострадали больше, чем остальные.>> (Прим. Авт.) — Эльфхельм рассказывает Мериадоку Брендизайку, что у Диких Людей есть отравленные стрелы («Возвращение Короля» V 5), и так же думали жители Энедвайтта во Вторую Эпоху (стр. 383). Далее в этом очерке рассказывается о жилищах Дрúаданов кое-что, что

было бы уместно процитировать
здесь. Живя среди Людей Халет,
жителей лесов, <<они
довольствовались жизнью в шатрах
или шалашах, выстроенных наскоро
вокруг стволов больших деревьев,
потому что они были неприхотливым
народом. В былых местах своего
расселения, по их сказкам, они
пользовались горными пещерами, но
в основном использовали их как
лабазы, а жили и спали в них только
в суровую погоду. Такие же укрытия
были у них и в Белерианде, и во
время бурь или холодных зим в них
забирались все, кроме самых
стойких; но эти места охранялись, и
даже самых близких друзей из Людей

Халет они туда не пускали.>>

<<Переняв, согласно их
собственной легенде, у гномов.>>
(Прим. Авт.)

Об этой истории отец замечал: <<Сказки, такие как «*Верный камень*», рассказывающие о перенесении дру́аданами части своих сил в творения своих рук, напоминают в миниатюре перенесение Сауроном части своей силы в основание Барад-дûра и в Главное Кольцо.>>

iiiПонятно, что первая буква имени — заглавная; но тогда было бы не показать, что это за буква. Можно еще, наверно, было воспользоваться греческой гаммой или буквами из кириллических алфавитов народов бывшего СССР; но мне показалось, что это будет уже чересчур.

<<На каждом повороте дороги стояли огромные камни, из которых были вырезаны подобия людей, крупных и нескладных, сидевших, скрестив ноги и сложив короткие ручки на животах. Иные из них за долгие годы утратили все черты лица, кроме черных дыр на месте глаз, которые печально глядели на прохожего.>>

Название *Дру́вайт Иаур* (*Старая Страна Пүкелей*) имеется на расписанной карте Средиземья мисс Полин Бэйнс {Pauline Baynes} (см. стр. 261), и находится изрядно к северу от гор мыса Андраст. Отец, однако, утверждал, что название это вставил он сам и поместил правильно. — Заметка на полях гласит, что после Битвы на Изенских Бродах обнаружилось, что множество дру́аданов действительно уцелело в Дру́вайте Иаур, потому что они вышли из пещер, в которых жили, и обрушились на остатки

войск Сарумана, загнанные на юг. —
В отрывке, процитированном на стр.
370, есть упоминание о племенах
«Диких Людей», рыбаков и
птицеловов, на побережье
Энедвайтта, по языку и
происхождению родственных
Дру́эдайну Анóриэна.

В «Возвращении Короля» название «лешак» встречается в одном месте, где Эльфхельм говорит Мериадоку Брендизайку: <<Ты слышишь лешаков, Диких Лесных Людей.>> Лешак {Wose} — это современная форма (в данном случае — форма, которую имело бы слово, если бы оно сохранилось в языке) англо-саксонского слова *wása* {*wása*}, которое в действительности встречается только в форме словосочетания *вуду-wása* {*wudu-wása*}, «лесной дикарь». (Саэрос, дориатский эльф, называет Түрина

«лешим» {woodwose}, стр. 80-1. Словосочетание это долго сохранялось в английском языке и постепенно превратилось в «вуд-хауз {wood-house}», «лесной дом».) На самом деле рохиррим произнес слово, переводом которого является «лешак», согласно методу, применяемому повсеместно, — уже упомянутое однажды: *рóг*, мн.ч. *рóгин*.

Представляется, что словом «пúкель» (снова перевод: оно представляет англо-саксонское слово *пúшель* {*rícel*}, «гоблин, бес», однокоренное со словом *пúка* {*ríca*}, от которого происходит имя *Пак* {*Rick*}, означающее бесенка-эльфа-

трикстера, в Рохане назывались
только статуи в Дун-Борони.

В «Двух Твердынях» III 8 говорится, что Сарумана <<многие считали главой Волшебников>>, и на Совете Элронда («Хранители» II 2) Гэндальф прямо говорит об этом так: <<Саруман Белый — величайший в моем ордене.>>

В «*О Кольцах Власти*» («*Сильмариллион*», стр. 338) можно найти другую версию слов Гэндальфу в Серых Гаванях при вручении ему Кольца Огня, и к ним близки слова Кúрдана в Приложении Б к «*Властелину Колец*» (примечание к Повести Лет Третьей Эпохи).

В письме, написанном в 1958 году, отец говорит, что ничего не знает точно о <<двух других>>, поскольку они не сыграли роли в истории Северо-Запада Средиземья. <<Я думаю,>> пишет он, <<что они отправились посланниками в дальние страны Востока и Юга, далеко за нúменóрские пределы: посланниками в земли, занятые врагом, как это было тогда. Преуспели ли они, мне не известно, но боюсь, что не преуспели, как и Саруман, хотя и совсем по другим причинам; подозреваю, что именно

они стали основателями и
зачинателями тайных культов и
«магических» традиций, которые
пережили падение Саурана.>>

В очень поздней заметке об именах Истаров говорится, что Радагаст — имя, данное ему людьми Андуинских Долин, <<ныне точно не переводимое>>ⁱ. Р'осгобель {Rhosgobel}, называемый <<старым домом Радагаста>> в «Хранителях» II 3, стоял, как сказано, <<на опушке леса между Карроком {Carrock} и Старым Лесным Трактом>>.

ⁱМне очень мало что известно о славянском мифологическом персонаже по имени Радегаст, и поэтому я пока никак не стану развивать эту тему.

Из упоминания Олóрина в «Валаквенте» («Сильмариллион», стр. 18-9) действительно следует, что Истари были Майарами; ибо Гэндальф был Олóрином.

Курумо дается как квенийское имя Сарумана, не записанное больше нигде; *Куруни́р* — его синдаринская форма. *Саруман*, его имя среди Северян, содержит англо-саксонский корень *сеару*, *сару* «искусность, хитрость, хитроумие» ii. *Айвендил* означает «любящий птиц»; ср. *Линаэвен*, «Птичье Озеро» в Нэврасте (см. Приложение к «Сильмариллиону», статья «Лин (I)'). О значении имени *Радагаст* см. стр. 390 и прим. 4. *Палландо*, несмотря на свое написание, вероятно, содержит корень *палан* «даль», как

слова *Палантір* {*Palantír*} и «*Паларран*», «Дальний Странник», название корабля Алдариона.

iiSearu|o — «хитрость; хитрый замысел; доспех; уловка, подвох; ловкость, искусность». Ср. древневерхненем. *saro*, готск. **sarw* — (*sarwa* «доспехи»).

В письме, написанном в 1956 году, отец пишет, что <<во «Властелине Колец» навряд ли говорится что-либо о вещах, реально *не существующих* в своем собственном плане — плане вторичной или внутренней реальности>>, и добавляет в сноске к этим словам: <<Кошки Королевы Берúтиэли {Berúthiel} и имена двух других волшебников (пять минус Саруман, Гэндальф и Радагаст) — это все, что я вспоминаю {all that I recollect}.>> (В Мории Арагорн говорит о Гэндальфе, что <<он

найдет путь в крошечной тьме
вернее, чем кошки Королевы
Берутиэли>> («Хранители» II 4).)

Однако даже история Королевы
Берутиэли существует, хотя и в очень
«черновом» наброске, который в
одном месте нечитаем. Это была
сварливая, нелюдимая и нелюбимая
жена Тараннона, двенадцатого
Короля Гондора (гг. 830–913 Третьей
Эпохи), первого из «Корабельных
Королей», что принял корону под
именем Фаластур, «Повелитель
Побережий», и был первым королем,
не имевшим детей (Приложение А, I,
ii и iv к «Властелину Колец»).
Берутиэль жила в Королевском
дворце в Оспиате {Osgiliath},

ненавидя шум и запахи моря и дворец, который Тараннон выстроил под Пеларгиром <<на арках, подножия которых уходили глубоко в широкие воды Этира {Ethir} Андуин>>; она не любила все цвета, изящные украшения и богатые убранства, носила только черное и серебряное, а в садах осгилиатского дворца наставила под кипарисы и туи изувеченные обломки статуй. У нее было девять черных кошек и одна белая, ее рабыни, с которыми она разговаривала и читала их мысли; она посылала их разведывать все темные тайны Гондора, чтобы знать <<все то, что люди больше всего старались скрыть>>, отправляя

белую кошку следить за черными, и мучила их. Никто в Гондоре не смел тронуть этих кошек; все их боялись и проклинали при встрече. Дальше единственную рукопись разобрать не удастся, за исключением самого конца, где говорится, что имя ее было вычеркнуто из Книги Королей — <<но не вся память людей заперта в книги, и кошки Королевы Берúтиэли так и не были забыты людской речью>> — и что Король Тараннон посадил ее вместе с ее кошками одну на корабль и отправил в море при северном ветре. Видели лишь при свете ущербной луны, как корабль пролетел мимо Умбара, и одна кошка сидела на клотике, а другая — на

бушприте,
украшение.

словно

носовое

Есть упоминание о «Втором Пророчестве Мандоса», которого нет в «Сильмариллионе»; его невозможно привести здесь, поскольку для этого потребовалось бы слишком многое рассказывать об истории этой мифологии по отношению к опубликованной версии.

iiiA именно: <<'construction of the mind' not actually (pre)existing in Eä apart from the construction, but by the Eldar capable of being by Art (*karmë*) made visible and sensible.>>

Гэндальф еще раз говорит <<Олóрином был я на Западе, что забытív>>, когда разговаривает с хоббитами и Гимли в Минасе Тирит {Tirith} после коронации Короля Элессара: см. «Эреборский Поход», стр. 330.

iv<<Olórin I was in my youth in the West that is forgotten>>: можно понять это двояко и даже трояко: «на Западе, что ныне забыт», или «Олóriном был я... что ныне забыто». Возможен также вариант «в юности..., которая забыта», но этот вариант менее важен с точки зрения смысла фразы.

<<«Другие звезды» явно относятся только к Хараду, и должны означать то, что Арагорн заходил в своих странствиях на значительное расстояние от экватора в южное полушарие.>> (Прим. Авт.)

Значок над последней буквой в слове Inkã-nûš может означать, что последняя согласная читается как «и».

Одна из поэм в собрании древнейшей норвежской поэзии, известном как «Поэтическая Эдда» или «Старшая Эдда».

<<Без сомнения, они применялись в совещаниях между Арнором и Гондором в 1944 году по поводу наследования Короны. «Послания», принятые в Гондоре в 1973 году, говорившие о беде в Северном Королевстве, были, вероятно, последним случаем использования Камней до наступления Войны Кольца.>>
(Прим. Авт.)

Вместе с Арвэдуи пропали Камни Анн́уминаса и Амона Сûл (Заветери). Третим Палант́у́ром Севера был тот, что стоял в башне Элостирион на Эмине {Emyn} Берайд, имевший свои особенности (см. прим. 16).

Осгилиатский Камень пропал в водах Андуина в 1437 году во время гражданской Междоусобной войны.

О разрушимости Палантúров см. стр. 409. В записи под годом 2002 в Повести Лет, а также в Приложении А (I, iv) к «*Властелину Колец*» утверждается, как факт, что при падении Минаса Итиль был захвачен Палантúр; но отец отмечал, что эти хроники были составлены после Войны Кольца, и что это утверждение, каким бы уверенным оно ни было, является лишь логическим выводом. Итильский Камень так никогда и не был найден, и, вероятно, погиб при разрушении Барад-дúра; см. стр. 409.

<<Сами по себе Камни могли только *видеть*: картины или людей из дальних мест или из прошлого. Объяснения этим видениям не было; и, по крайней мере, людям былых времен было трудно указывать, какие видения должны быть явлены по воле или желанию наблюдателя. Но когда другой Камень управлялся согласованным умом, можно было «передавать» мысли, воспринимаемые, как «речь»; и видения в уме наблюдателя одного из Камней мог увидеть другой наблюдатель.>> [см. далее стр. 410-1

и прим. 21.] <<Этой возможностью пользовались в основном для совещаний, с целью передать известия, важные для правительства, совет или мнение; реже — просто в знак дружбы и для удовольствия, в поздравление или утешение. Только Саурон пользовался Камнем для передачи своей повелевающей воли, подчиняя более слабого наблюдателя и заставляя его выявить свои тайные мысли и исполнять его приказание.>> (Прим. Авт.)

Ср. замечание Гэндальфа на Совете Элронда по поводу долгого изучения Саруманом свитков и книг Минаса Тирит.

<<Для любой «глобальной» политики силы и военного нажима Изенгард имел превосходное положение, будучи ключом к Роханской Пройме. Это было слабое место в обороне Запада, особенно со времени упадка Гондора. Через него могли тайно проходить вражеские лазутчики и посланники или, как в прошлую Эпоху, войска. Совет, похоже, не знал о том, что происходит за стенами Изенгардского Кольца, потому что долгие годы Изенгард пристально охранялся. Использование, а

возможно, и выведение орков хранилось в тайне, и никак не могло начаться раньше 2990 года. Орочьи войска по-видимому никогда не применялись за пределами Изенгарда до нападения на Рохан. Если бы Совет узнал об этом, он, конечно же, сразу же понял бы, что Саруман обратился ко злу.>> (Прим. Авт.)

<<Денетор явно знал о догадках и подозрениях Гэндальфа, и это и разгневало его, и немало позабавило. Вспомните его слова Гэндальфу при их встрече в Минасе Тирит («Возвращение Короля» V 1): «Я и так уже достаточно знаю об этих делах, чтобы самому решить, что делать с угрозой с Востока», и особенно его дальнейшие насмешливые слова: «О, да; ибо хотя Камни, как говорят, утеряны, у правителей Гондора зрение острее, чем у иных людей, и многие вести доходят до них». И помимо

Палантúра Денетор был человеком огромной силы ума и свободно читал мысли по лицам и словам; но он вполне мог также и наблюдать картины событий в Рохане и Изенгарде в Анорском Камне.>> (Прим. Авт.) См. далее стр. 411.

<<Вспомните то место в «*Двух Твердынях*» IV 5, где Фарамир, родившийся в 2983 году, вспоминает, что встречал Гэндальфа в Минасе Тирит в детстве и два или три раза после того; и говорит, что того приводил в Минас Тирит интерес к летописям. Последний раз был, должно быть, в 3017 году, когда Гэндальф нашел свиток Исилдура.>>
(Прим. Авт.)

Это ссылка на слова Гэндальфа Перегрину («*Две Твердыни*» III 11):
<<Кто знает, где погребены ныне утерянные Камни Арнора и Гондора, в земле или на дне моря?>>

Это ссылка на слова Гэндальфа после смерти Денетора в «Возвращении Короля» V 7, конец главы. Отцовское исправление <<Денетор не решался воспользоваться им>> на <<Денетор не решился бы воспользоваться им>>, вытекающее из этого рассуждения, не вошло в пересмотренное издание, видимо, исключительно по недосмотру. См. Введение, стр. 13.

Торонгил, «Орел Звезды» — имя, данное Арагорну, когда он инкогнито служил Эктелиону II Гондорскому; см. «Властелин Колец», Приложение А (I, iv, «Наместники»).

<<Пользование Палантúрами было сопряжено с умственным напряжением, особенно для людей поздних времен, не приученных к этому делу; и несомненно, что, в дополнение к прочим заботам, это напряжение стало причиной «мрачности» Денетора. Вероятно, его жена почувствовала это прежде всех остальных, и это добавилось к ее несчастьям и приблизило ее смерть.>> (Прим. Авт.)

Отдельно стоящая заметка на полях говорит, что целостность Сарумана <<была подорвана его эгоистической гордыней и жаждой подчинения всех своей воле. Вызвано это было изучением Колец, потому что гордыня убедила Сарумана, что он сможет пользоваться ими или Им, вопреки чьей бы то ни было воле. Потеряв всякое уважение ко всему и вся, он оказался открытым для более сильной воли, ее угрозам и ее проявлениям власти.>> Кроме того, у него не было *права* на Ортанкский Камень.

1998 был годом смерти
Пелендура, Наместника Гондорского.
<<После дней Пелендура
Наместничество стало
наследоваться, как королевский трон,
от отца к сыну или ближайшему
родственнику,>> *«Властелин Колец»*,
Приложение А, I, iv, *«Наместники»*.

<<В Арноре дело обстояло по другому. По закону Камни принадлежали Королю (который обычно пользовался Аннүминасским Камнем); но Королевство разделилось, и трон верховного короля стал предметом спора. Короли Артэдайна {Arthedain}, чье право явно было законным, учредили особую стражу на Амоне Сûл, Камень которого считался главным Палантíром Севера, будучи самым большим и мощным, а также потому, что это был тот Камень, посредством которого осуществлялась связь с

Гондором. После того, как ангмарцы разрушили Амон Сûл в 1409 году, оба Камня были помещены в Форност, где жили Короли Артэдайна. Эти камни погибли в кораблекрушении вместе с Арвэдуи, а заместитель с прямым или наследственным правом пользоваться Камнями назначен не был. Лишь один из Палантúров остался на Севере, Камень Элендила на Эмине Берайд, но это был особый Камень, и он не годился для связи. Наследное право пользоваться им принадлежало, безусловно, «наследникам Исилдура», признанным вождям Дúнэдайна и потомкам Арвэдуи. Но неизвестно, заглядывал ли кто-либо из них,

включая и Арагорна, в этот Камень, желая увидеть потерянный Запад. Этот Камень и его башня были поставлены и находились под охраной Кúрдана {Círdan} и эльфов Линдона.>> — (Прим. Авт.) — В Приложении А (I, iii) к «*Властелину Колец*» сказано, что Палантúр Эмина Берайд <<был не таков, как остальные, и не был согласован с ними; он смотрел только в Море. Элендил установил там этот Камень так, что тот мог смотреть «прямо» и видеть Эрессэа {Eressëa} на исчезнувшем Западе; но изогнутые моря скрыли под собой Нúменор вовеки веков.>> О том, что Элендил видел Эрессэа в Палантúре Эмина

Берайд, говорится также и в «*О Кольцах Власти*» («*Сильмариллион*», стр. 323); <<люди верят, что в Палантúре он иногда видел вдали даже Башню Аваллóнэ {Avallónë} на Эрессэа, где пребывал Главный Камень и пребывает поныне>>. Примечательно, что в этом рассказе не упоминается о Главном Камне.

368

i30 cm 48 mm.

Более позднее подробное примечание отрицает то, что Палантúры имели полюса или ориентацию, но больше ничего не поясняет.

Более позднее замечание, упомянутое в прим. 17, говорит об этих особенностях Палантíров несколько по-другому; в частности, по-другому выражена мысль о «затенении». Это замечание, очень черновое и несколько туманное, в частности, гласит: <<Они сохраняли принимаемые образы, так что в каждом из них содержалось великое множество образов и картин, некоторые из которых принадлежали далекому прошлому. Они не могли «видеть» в темноте; то есть, предметы, находившиеся в темноте,

не запоминались ими. Сами они могли находиться в темноте, и обычно хранились именно так, потому что в темноте было гораздо удобнее рассматривать картины, показываемые ими, а также для того, чтобы избежать их «переполнения» с течением веков. Каким образом Палантíры можно было «затенить», держалось в тайне, и потому теперь неизвестно. Телесные препятствия, такие, как стена, гора или лес, не мешали их видению, пока далекие предметы сами находились на свету. Поздние комментаторы считали и писали, что Камни стояли на своих изначальных постаментах в круглых чехлах, которые закрывались, чтобы

Паланті́ром не воспользовался тот, кому это не было позволено; и что эти чехлы также служили для затенения и обездвижения их. Чехлы, следовательно, должны были быть сделаны из какого-то металла или другого материала, ныне неизвестного.>> Пометки на полях, связанные с этим примечанием, частично нечитаемы, но, насколько можно понять, чем отдаленнее было прошлое, тем яснее его картина, в то время как для дальнего наблюдения существовало «оптимальная дальность», зависевшая от Камня, на которой далекие предметы становились яснее. Большие Паланті́ры могли видеть гораздо

дальше, чем малые; у малых «оптимальная дальность» была порядка пятисот миль, как между Ортанкским и Анорским Камнями. <<Итильский находился слишком близко, но использовался больше для>> [неразборчивое слово] <<, а не для прямой связи с Миной Анор.>>

<<Ориентация, конечно же, не делилась строго на «квадранты», а была непрерывной; так что *прямая* линия зрения наблюдателя, сидевшего к юго-востоку от Камня, уходила на северо-запад, и т. д.>>
(Прим. Авт.)

372

ii1 cm 27 mm.

См. «Две Твердыни» III 7.

В прилагающемся примечании эта особенность объясняется подробнее: <<Двое, пользующиеся Камнями «согласованно» друг с другом, могли общаться, но не посредством звуков, которые Камни не передавали. Глядя один на другого, они обменивались «мыслями» — не всеми и не истинными своими мыслями, но «молчаливой речью», мыслями, которые они хотели передать, уже превращенными в уме в слова или на самом деле произнесенными вслух, мыслями которые отвечающий

воспринимал и, разумеется, тотчас же переводил в «речь»; это именно так и называлось.>>

Явная ошибка. Андрог никогда не был вожаком этой шайки. Вожаком ее до Түрина был Форвег, потом — Түрин, а потом Андрог был убит.

В переводе — более-менее современным русским; хотя современность английского и русского языка — это совершенно разные вещи.

Явная опечатка: of Rivendell
вместо to Rivendell.

Здесь так (?).

378

1 ярд = 91 см 44 мм.

Здесь так (?).

Здесь так (?).